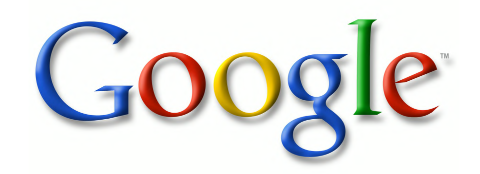
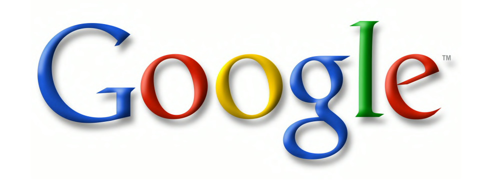
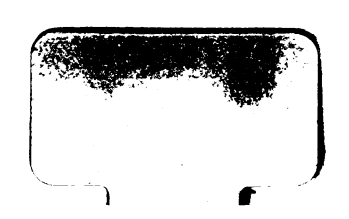






321

214

МОЯ ПОВѢСТЬ

О САМОМЪ СЕБѢ И О ТОМЪ

«ЧЕМУ СВИДѢТЕЛЬ ВЪ ЖИЗНИ БЫЛЪ»

«Описывай, не мудрствуя лукаво».
А. Пушкинъ.

МОЯ ПОВѢСТЬ

О САМОМЪ СЕБѢ И О ТОМЪ

„ЧЕМУ СВИДѢТЕЛЬ ВЪ ЖИЗНИ БЫЛЪ“

ЗАПИСКИ
И
ДНЕВНИКЪ

(1826—1877)

А. В. НИКИТЕНКО

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ТОМЪ ТРЕТІЙ

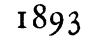




С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13





1893

ЗАПИСКИ

И

ДНЕВНИКЪ

(1826—1877)

А. В. НИКИТЕНКО

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ТОМЪ ТРЕТІЙ



ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Дневникъ.

1865—1877.

(Портретъ приложенъ къ первому тому).

ДНЕВНИКЪ

1865—1877 гг.

1865 годъ.

Январь.—1. **Пятница.** Вотъ и 1865-й годъ! Всѣ эти іереміады и сентиментальныя сѣтованія на неблагопріятныя обстоятельства, на неблагосклонность къ намъ судьбы и проч.—больше, чѣмъ малодушіе: они—глупость. Посреди неудачъ жизни одно изъ двухъ: ихъ или надо съ мужествомъ и благоразуміемъ превозмогать и искать путей къ лучшему, или, если это невозможно. сносить ихъ съ терпѣніемъ и мужествомъ, какъ подобаетъ существу, не лишенному права и воли.

Самая трудная борьба, которую я велъ въ прошедшемъ году и которую, безъ сомнѣнія, предстоитъ вести и въ этомъ—это борьба съ моимъ ничтожествомъ и при томъ съ ничтожествомъ всяческимъ, общественнымъ, нравственнымъ, матеріальнымъ и физическимъ...

Но къ чему все это пишу я въ моемъ Дневникѣ? А вотъ почему. Меня одолѣвалъ ужасный пароксизмъ унынія, но съ той минуты, какъ я началъ набрасывать эти строки, я значительно успокоился и почти развеселился, несмотря на то, что о веселомъ мало приходится говорить. И такъ часто со мной случается. Дневникъ, играя роль моего повѣреннаго, почти всегда возстановляетъ во мнѣ нравственное равновѣсіе. Толкуйте это какъ хотите, психологи: это фактъ.

— 2. **Суббота.** Вчера вечеромъ на балѣ во дворцѣ. Пріѣхалъ въ 9 часовъ. Гостей было уже довольно много. Государь вышелъ въ польскомъ лишь часъ спустя, и за нимъ потянулся рядъ паръ все почти изъ ветхихъ старушекъ и старичковъ. Красивыхъ женщинъ вообще здѣсь мало. Звѣздой первой величины сіяла наша родственница, бывшая Ш., нынѣ графиня Г., да еще гос-

пожа Дубельтъ, дочь А. С. Пушкина [1]). Государь ходилъ вездѣ и привѣтливо раскланивался. Улыбка этого человѣка полна неизмѣримой кротости и доброты. Мнѣ стало грустно отъ нея... И этотъ человѣкъ имѣетъ враговъ, и сколько еще, и какихъ— все почти „передовые“ люди!

За ужиномъ мнѣ пришлось сидѣть противъ красавицы Дубельтъ, за которой увивался ***, и возлѣ генерала Монтрезора, который мнѣ разсказалъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ изъ эпохи двѣнадцатаго года. Онъ былъ адъютантомъ Кутузова... Встрѣтилъ тутъ много знакомыхъ. Уѣхалъ послѣ часу. На этотъ разъ долго ждалъ кареты.

— 3. Воскресенье. Вчера празднованіе дня открытія „Общества сельскихъ хозяевъ“. Обѣдъ съ музыкою. Вечеромъ за жженкою князь Щербатовъ сказалъ спичъ, гдѣ выразилъ мысль, что общество должно вести себя умѣренно и сдержанно. Подъ этимъ только условіемъ оно можетъ окрѣпнуть и пріобрѣсти вліяніе, и пр. Меня очень занималъ Ш. Красный, какъ піонъ, онъ пилъ и ѣлъ за столомъ отлично, а вечеромъ вливалъ въ себя также отличную ужасную жженку. И ничего ему. А лѣтъ ему за семьдесятъ и кондрашка уже разъ къ нему стучался.

— 4. Понедѣльникъ. Фаустъ Гете выше Байронова Манфреда настолько, насколько человѣчество выше отдѣльной личности человѣка.

Законы не могутъ ни всего предвидѣть, ни всего установить. Что остается за вычетомъ этого, то устанавливается и хранится нравами.

— 7. Четвергъ. Поутру у Тройницкаго и у Норова. Норовъ просилъ меня сдѣлать замѣчаніе на проектъ о печати, внесенный въ Государственный совѣтъ. Онъ далъ мнѣ всѣ матерьялы для этого. М. А. Корфъ, видимо склоняется въ пользу бóльшей свободы печати, хотя и признаетъ необходимыми нѣкоторыя ограниченія, напримѣръ, въ видѣ предохранительной мѣры—предварительную цензуру, но съ выборомъ редакторовъ журналовъ. Залоги онъ совершенно отвергаетъ. Онъ въ пользу ка-

---

[1]) Наталья Александровна, нынѣ графиня Меренбергъ, по второму замужеству, морганатическая супруга брата бывшаго владѣтеля герцога Нассаускаго.

рательныхъ законовъ. Требуетъ ограниченія власти министра и предоставленія большей самостоятельности совѣту. Онъ мыслитъ и пишетъ какъ государственный человѣкъ. Панинъ также соглашается съ мнѣніемъ объ ограниченіи власти министра. Самое слабое мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. Онъ возражаетъ противъ всѣхъ, но возраженія его такъ плохи и такъ смутно и тяжело изложены, что никого не могутъ убѣдить. Только и читаешь безпрестанно: „остаюсь при моемъ мнѣніи“. Онъ не выходитъ изъ тѣсной рамки бюрократизма.

Среди всѣхъ этихъ толковъ не доберешься до смысла и правды. Каткова призывали сюда. Ему было объявлено, что если онъ не укротится, то газета будетъ отъ него взята и передана въ другія руки. Московскій университетъ объявилъ, что онъ не желаетъ перемѣнить редакторовъ (газета—его) и принимаетъ самъ на себя цензуру ея. Это совершенно неожиданная новость. Москва вообще сильно волнуется по поводу „Московскихъ Вѣдомостей“.

— 8. Пятница. Вечеромъ, между прочимъ, былъ у меня И. А. Марковъ, бывшій нѣкогда очень близкимъ лицомъ къ Я. И. Ростовцеву и съ которымъ я у него познакомился чуть-ли еще не въ 1828 году. Онъ читалъ мнѣ отрывки изъ своей комедіи: „Прогрессистъ самозванецъ“, которую театральная цензура не дозволила играть въ театрѣ.

— 11. Понедѣльникъ. Онъ (?) думалъ управлять ими не какъ разумными существами, а какъ стадомъ барановъ—и въ этомъ состояла его главная ошибка, потому что хотя въ человѣкѣ и есть много скотскаго, но это скотство всетаки особеннаго свойства, и, какъ нельзя рыбу заставить пѣть, а птицу вѣчно молчать, такъ человѣка нельзя заставить, напримѣръ, не мыслить.

— 14. Четвергъ. Московское дворянство составило адресъ, въ которомъ проситъ созванія земской думы. Маркъ читалъ копію съ него, которая ходитъ здѣсь по рукамъ. Адресъ еще однако не подписанъ и не поданъ, но рѣшеніе о немъ въ Москвѣ состоялось: триста два члена согласились на него, тридцать съ чѣмъ-то отвергли.

Графъ Евдокимовъ—весьма замѣчательная личность между нашими современными знаменитостями. Изъ писарей онъ дослужился до полнаго генеральства и графства, пріобрѣтя на то и

другое неотъемлемое право окончательнымъ довершеніемъ покоренія Кавказа. На дняхъ онъ пріѣхалъ съ визитомъ къ князю Суворову, который, нося громкое имя, присоединяетъ къ нему имя добраго, но ограниченнаго человѣка и неспособнаго генералъ-губернатора. Онъ очень помнитъ, чей онъ потомокъ и считаетъ себя чистокровнымъ аристократомъ. Ему захотѣлось порисоваться передъ Евдокимовымъ. Говоря съ нимъ съ какимъ-то покровительственнымъ видомъ, онъ давалъ ему разными намеками чувствовать свою свѣтлость и темноту его просхожденія. То были намеки хотя и чувствительные, но не очень ясные. Евдокимовъ сказалъ ему:

— Ваша свѣтлость, кажется, затрудняетесь въ точныхъ свѣдѣніяхъ о моей родословной. Я помогу вамъ. Отецъ мой былъ крѣпостной крестьянинъ, мать—крѣпостная крестьянка, а я началъ службу мою простымъ солдатомъ и писаремъ. Теперь я имѣю честь носить такіе же аксельбанты (генералъ-адъютантскіе), какіе вижу на вашей груди. Само собою разумѣется, что мнѣ не могли доставить ихъ ни мой отецъ, ни моя мать.

Московскій университетъ просилъ, чтобы ему, по примѣру прошлаго времени, предоставлена была цензура „Московскихъ Вѣдомостей“. Просьба эта разсматривалась въ Комитетѣ министровъ, который положилъ по ней слѣдующую резолюцію: „Прежнія „Вѣдомости“ не заключали въ себѣ политики, и онъ, комитетъ, вообще не считаетъ возможнымъ дѣлать изъятія изъ законовъ для одного изданія“.

Вотъ, наконецъ, сегодня въ совѣтѣ по дѣламъ печати рѣшился вопросъ о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по поводу записки Пржецлавскаго..... Сущность рѣшенія состояла въ томъ, что если „Московскія Вѣдомости“ и погрѣшали, то это было слѣдствіемъ ихъ увлеченія, „моральнаго настроенія“, а вовсе не политическихъ, преступныхъ намѣреній; что впрочемъ онѣ уже и подверглись взысканію и что вообще, какъ заслуги ихъ превосходятъ проступки, то совѣтъ не считаетъ справедливымъ подвергнуть ихъ еще болѣе строгому взысканію, какъ того требуетъ записка г-на Пржецлавскаго.

— 15. Пятница. Прискорбныя вѣсти о Наслѣдникѣ цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ. Говорятъ, онъ боленъ и такою болѣзнью, которая заставляетъ опасаться за его жизнь.

Мысль о созваніи земской думы недурна. Жаль только, что это инициатива не отъ правительства, а только отъ мѣстнаго дворянства. Я остаюсь твердо убѣжденнымъ, что долженъ сохраняться неприкосновеннымъ принципъ правительства, дабы не впасть въ хаосъ, горшій настоящаго (1865 г.). Мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ правительству всего разумнѣе было-бы объявить московскому дворянству, что сужденіе объ общихъ государственныхъ нуждахъ принадлежитъ ему, правительству, какъ представителю цѣлой страны, а не одному какому-нибудь мѣстному дворянству; что оно, правительство, вовсе не намѣрено въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится государство, отвергать пользы и надобности земской думы, такъ какъ та и въ прежнія времена не отвергалась самодержавною властью въ Россіи; но что оно предоставляетъ себѣ, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшить время и способъ своихъ совѣщаній съ выборными, нравственное содѣйствіе которыхъ, въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, оно не считаетъ лишнимъ.

— 16. Суббота. Засѣданіе комиссіи, которую Академія назначила для выработки проекта празднованія столѣтняго юбилея Ломоносова со дня его смерти. Комиссія на этотъ разъ дѣйствовала вяло. Тутъ были члены все русскіе, кромѣ А. А. Куника. Я предложилъ начать праздникъ обѣднею, такъ какъ это будетъ на Святой недѣлѣ—потомъ церковнымъ поминовеніемъ и закончить актомъ въ Академіи. Всѣ приняли это очень холодно. Особенно противъ былъ Веселовскій. Я сказалъ:

— Если я предлагаю присоединить къ нашему ученому торжеству религіозный элементъ, то, мнѣ кажется, я имѣю на это основательную причину. Мы празднуемъ память Ломоносова не просто какъ члена Академіи, но какъ знаменитаго дѣятеля, которому обязана вся Россія, и имя котораго повторяется изъ конца въ конецъ ея. Это настоящее національное, а не только академическое торжество. Поэтому, я полагаю, было-бы не лишнимъ сообщить ему печать народности, что и было-бы достигнуто тѣмъ, что я предложилъ. Или мы боимся, чтобы насъ не упрекнули въ клерикальномъ направленіи? Кажется, этого нечего опасаться. Ломоносовъ былъ настоящимъ русскимъ, и по русски слѣдовало бы и почтить его память.

Срезневскій, который въ отдѣленіи сильно поддерживалъ

эту мысль, теперь молчалъ, какъ рыба. Потомъ перешли къ вопросу, какія рѣчи должны быть произнесены. На мою долю пришлось приготовить рѣчь о Ломоносовѣ, какъ о дѣятелѣ въ изящной словесности.

— 19. Вторникъ. Въ № 4 газеты „Вѣсть“, издаваемой Скарятинымъ, напечатанъ адресъ московскаго дворянства съ высокопарными примѣчаніями редактора, съ описаніемъ засѣданія 9-го января и съ рѣчью графа Орлова-Давыдова.

И адресъ, и рѣчь какъ бы обнаруживаютъ желаніе московскаго дворянства создать въ Россіи олигархію. Замѣчанія Скарятина даже дерзки. Я сегодня встрѣтилъ его на Невскомъ проспектѣ и, между прочимъ, замѣтилъ ему:

— Зачѣмъ вы это напечатали? Это большая ошибка.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что послѣдствія всего были предвидѣны, что это дѣлалось обдуманно.

Я поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ на свободѣ: слухи носились, что онъ арестованъ.

— Я лучшаго мнѣнія о правительствѣ, отвѣчалъ онъ съ ироніей,—оно поступило со мною легально. Теперь производится только слѣдствіе.

Между тѣмъ, говорятъ, что № 4 газеты „Вѣсть“ отпечатанъ въ пяти тысячахъ экземпляровъ и хотя они отбираются, однако, говорятъ, что извѣстной партіей приняты мѣры, для распространенія ея въ Россіи и за границей.

По всему видно, что адресъ московскаго дворянства не простая демонстрація, а обдуманный шагъ. Скарятинъ же, вѣроятно, купленъ. Дѣла его газеты шли очень дурно. Ему обѣщаны и даны деньги: ему было все равно—пасть-ли отъ нищеты или отъ запрещенія газеты. Въ послѣднемъ случаѣ онъ еще будетъ въ выигрышѣ, пріобрѣтетъ извѣстную популярность.

Нѣтъ сомнѣнія, что проектъ московскаго дворянства встрѣтитъ сочувствіе въ нѣкоторыхъ дворянахъ и въ другихъ губерніяхъ. Извѣстная часть дворянъ восчувствовала нерасположеніе къ правительству послѣ отмѣны крѣпостнаго права.

„Вѣсть“ прекращена на восемь мѣсяцевъ.

Нѣкоторые открыто говорятъ, что ничего этого не случилось-бы, если бы * * * не былъ назначенъ . . . Но я думаю, что дворянство и безъ того, такъ или иначе, выразило бы свое неудо-

вольствіе......, особенно послѣ земскихъ учрежденій, въ которыхъ народу даны права, равныя съ дворянствомъ.

Обѣдалъ въ клубѣ. Тамъ разсуждали очень тихо о дѣлахъ.

— 21. Четвергъ. У Норова по поводу проекта законовъ о печати. Онъ собирается отстаивать двѣ вещи: исключительно карательную систему и коллегіальность управленія. Валуеву очень хочется достигнуть полной власти. Норовъ всячески старается стать со мною въ прежнія дружескія отношенія. Пусть себѣ! Я не противлюсь. Онъ далъ мнѣ свою записку для исправленія и дополненія.

— 23. Суббота. Отнесъ записку Норову. Большія благодарности.

Когда я похвалилъ М. А. Корфа Марку Любощинскому за его записку по дѣламъ печати, онъ мнѣ сказалъ:

— Записка можетъ быть хорошею, но думаете-ли вы, что Корфъ будетъ поддерживать въ совѣтѣ свои мысли? Повѣрьте, онъ отъ всего отречется, если ему представится малѣйшая возможность кому-либо угодить.

Такъ и случилось. Когда Норовъ, человѣкъ по крайней мѣрѣ безспорно честный, началъ упрекать Корфа, что тотъ отступается отъ собственныхъ своихъ мнѣній, Корфъ отвѣчалъ:

— Да изъ-за чего вы, Авраамъ Сергѣевичъ, горячитесь? Вѣдь все это пустяки.

Однако, есть признаки, что баронъ Корфъ не считаетъ этого такими пустяками, потому что добивается совершенной отдѣльности по дѣламъ печати и себя прочитъ въ начальники этого управленія. Все беззаконія, мерзости человѣческія!

— 26. Вторникъ. Вечеромъ у Норова. Читалъ съ нимъ корректуру его мнѣнія для Государственнаго совѣта о проектѣ по дѣлатъ печати. Туда вошли и мои прибавки и измѣненія.

— 27. Среда. Теперь, когда я пишу о Ломоносовѣ—о художественномъ характерѣ его твореній, у меня вдругъ ожило воспоминаніе о томъ, какимъ уваженіемъ пользовался онъ во времена моего дѣтства даже среди массы простаго народа. Имя Ломоносова, какъ поэта, было извѣстно, по крайней мѣрѣ между малороссіянами, всѣмъ сколько-нибудь грамотнымъ людямъ. Мнѣ было лѣтъ десять или одиннадцать, когда однажды зашли къ намъ въ хату два бродячіе слѣпые пѣвца и просили у моего отца

позволенія пропѣть гимнъ. Отецъ, конечно, согласился. Какъ теперь вижу ихъ: одинъ—высокій, плотный мужчина, въ синей свиткѣ, съ мужественнымъ и отчасти суровымъ выраженіемъ лица; другой—пониже ростомъ, рябоватый, съ очень подвижною физіономіею. Оба держали въ рукахъ по длинному посоху, за который ихъ и велъ небольшой мальчикъ. Я сидѣлъ въ углу комнаты, и меня очень занимала игра ихъ лицъ, особенно высокаго слѣпца, когда онъ сильнымъ, густымъ басомъ выводилъ ноты, стараясь придать своему пѣнію выраженіе, которое, очевидно, выходило у него прямо изъ сердца. Съ того времени и до сихъ поръ затвердились у меня въ памяти слѣдующіе стихи Ломоносова, которые слѣпые бродяги пѣли къ великому удовольствію моего отца и всѣхъ домашнихъ:

„Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать;
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу дышать.

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣ-жъ родили человѣки
И нѣтъ спасенія отъ нихъ!“

Сначала, какъ я сказалъ, меня занимала только игра ихъ лицъ, но потомъ, не знаю, какое-то особенное, невыразимое чувство овладѣло моимъ маленькимъ сердцемъ, и вотъ теперь я съ умиленіемъ вспоминаю о томъ. Отецъ сказалъ мнѣ тогда, что это стихи Ломоносова, и съ тѣхъ поръ имя его мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ.

— 28. Четвергъ. Совѣтъ по дѣламъ печати. Проектъ законовъ о печати, наконецъ, разсмотрѣнъ въ Государственномъ совѣтѣ, въ департаментѣ законовъ. Совѣтъ началъ и продолжалъ стремленіемъ ограничить неограниченную власть министра внутреннихъ дѣлъ и исправить многіе недостатки его проекта, а кончилъ полнымъ на него согласіемъ. Первый Корфъ протестовалъ противъ собственныхъ своихъ мнѣній, изложенныхъ въ запискѣ, которая написана такъ умно и искусно—но написана, говорятъ не имъ, а С**, состоявшимъ при немъ чиновникомъ, когда онъ управлялъ II-мъ отдѣленіемъ Собственной его вели-

чества канцеляріи. Хотя Норовъ и представилъ въ нашей съ нимъ запискѣ мнѣніе противъ Корфа, однако это, какъ и слѣдовало ожидать, было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

— Неужели, спросилъ я у статсъ-секретаря С. И. Зарудкаго,—у васъ всѣ дѣла такъ дѣлаются? (1865).

— А то какъ-же иначе: разумѣется такъ, отвѣчалъ онъ...

Но выходитъ, что я преувеличивалъ мое недовѣріе къ подобнымъ толкамъ... Валуевъ торжествуетъ, а здравый смыслъ и общая польза плачутъ.

— 30. Суббота. Великолѣпнѣйшій рескриптъ Государя на имя министра внутреннихъ дѣлъ, подписанный 29-го января и напечатанный въ № 24 „Сѣверной Почты“, по поводу адреса московскаго дворянства. Весьма замѣчательна слѣдующая фраза: „Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго“.

— 31. Воскресенье. Вотъ что, между прочимъ, сказалъ остзейскій губернаторъ графъ П. А. Шуваловъ въ рѣчи своей въ Дерптѣ, обращенной къ представителямъ тамошняго университета, дворянства и прочее: „Хотя я не уроженецъ этихъ провинцій, но знаю по опыту, что по многимъ отраслямъ дѣятельности на всемъ пространствѣ нашего обширнаго государства нѣтъ лучшей рекомендаціи, какъ образованіе, полученное въ Дерптѣ“.

Нечего сказать, очень лестно для Россіи и для русскихъ университетовъ. Неужели графъ, дѣйствительно, хотѣлъ сказать то, что сказалъ? Я думаю, онъ имѣлъ въ виду простой комплиментъ, но который, неожиданно для него самого, превратился въ эпиграмму на Россію. Выходитъ такъ, что за все лучшее, что мы имѣемъ въ нашей интеллигенціи, за все это мы обязаны однимъ нашимъ нѣмцамъ. Теперь, при сепаратистскихъ стремленіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ, это особенно кстати. Рѣчь напечатана въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ“, см. № 26.

Былъ у А. А. Куника, просилъ у него нѣкоторыхъ свѣдѣній о Ломоносовѣ. Онъ очень обязательно далъ мнѣ все, что имѣлъ.

Февраль.—2. Вторникъ. Обѣдалъ у Владимірскаго. Къ чему такая роскошь обѣда? А всѣ жалуются на безденежье. Тутъ были Н. М. Благовѣщенскій, Н. Ѳ. Щербина, А. В. Лохвицкій. Что за несимпатичная личность послѣдній! Щербина вмѣстѣ со

мною возвращался домой и дорогою прочиталъ мнѣ нѣсколько своихъ эпиграммъ на А. В. Головнина и П. Л. Лаврова. Нѣкоторые изъ нихъ остроумны.

Сегодня происходило также годичное собраніе „Литературнаго фонда". Какое-же маленькое собраніе! Всего было человѣкъ тридцать. Вообще въ настоящую минуту этотъ фондъ въ упадкѣ. Жертвовать никто вновь не хочетъ, а прежнихъ пожертвованій не много. Предсѣдателемъ избранъ опять Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Мнѣ, вмѣстѣ съ Галаховымъ, пришлось считать голоса.

— 4. Четвергъ. Страданія необходимы, чтобы осмыслить жизнь. Только они даютъ ей серьезный характеръ. Былъ ли бы я или не былъ, или вмѣсто меня родилась бы какая-нибудь малороссійская скотина—не совершенно-ли это равно? Жизнь гадка не по страданіямъ, на которое обречено всякое живое существо—напротивъ, это только одно придаетъ ей значеніе,—но жизнь гадка по ничтожеству всего, что ее составляетъ, что ее движетъ и къ чему она движется. Она есть глубочайшее ничтожество, ничтожнѣе самого ничтожества. И всего страшнѣе, всего страннѣе, что такъ необходимо и должно быть. Все живущее увлечено рокомъ—и единственное правосудіе рока въ томъ, что всѣ равно погибаютъ.

Слишкомъ большая воспріимчивость и впечатлительность—два злѣйшіе мои врага. Воображеніе мое всегда слишкомъ забѣгаетъ у меня впередъ. Съ этимъ я постоянно борюсь и, разумѣется, какъ во всякой продолжительной борьбѣ, бываю то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ. Хорошо уже и то, впрочемъ, что я знаю моихъ враговъ и могу не принимать ихъ за друзей.

— 5. Пятница. Вотъ уже съ недѣлю какъ двадцати-градусные морозы смѣнились самою мягкою погодою. Въ Петербургѣ сильно свирѣпствуетъ тифозная горячка, особенно въ бѣдномъ классѣ. Всѣ больницы переполнены. Подъ больныхъ отведены измайловскія казармы. Это родъ эпидеміи.

Литке начинаетъ обнаруживать свой нѣмчизмъ. Онъ рѣшительно отворачивается отъ русскихъ и, при своей сухости и холодности, дѣлаетъ это даже не совсѣмъ прилично. Такъ, напримѣръ, у него бываютъ собранія по понедѣльникамъ. Нѣмецкіе академики имѣютъ право на нихъ являться каждую недѣлю; нѣкоторымъ изъ русскихъ, еще не совсѣмъ ненавистнымъ или

еще не успѣвшимъ опротивѣть, предоставлено посѣщать салонъ президента разъ въ двѣ недѣли; остальные вовсе не приглашены. Къ послѣднимъ принадлежу и я. Онъ, говорятъ, не можетъ мнѣ простить моей рѣчи, моей защиты русской національности и мнѣнія о томъ, что пора перестать выбирать членовъ изъ иностранцевъ.

— 8. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ совѣтѣ по дѣламъ печати на этой недѣлѣ съ четверга перенесено на понедѣльникъ. Я докладывалъ о статьѣ, которую московскій комитетъ не пропускаетъ для газеты „День“. Статья говоритъ о томъ, что въ западныхъ губерніяхъ русскіе помѣщики терпятъ всевозможныя притѣсненія наравнѣ съ поляками-повстанцами, особенно въ сношеніяхъ съ крестьянами, на которыхъ ни суда, ни управы нѣтъ. Я стоялъ за то, чтобы пропустить эту статью. Совѣтъ на это согласился, за исключеніемъ, однако, одного значительнаго мѣста.

— 9. Вторникъ. Въ театрѣ, въ русской оперѣ, вмѣстѣ съ Гончаровымъ. Давали „Марту“. Я до сихъ поръ ни разу не былъ въ русской оперѣ и прошу у ней прощенія за это невниманіе. Она очень недурна. У Платоновой пріятный голосъ и играетъ она хорошо. Шредеръ пѣла тоже очень недурно. У Комиссаржевскаго голосъ слабый, но тоже очень пріятный. Наконецъ, старикъ ветеранъ О. А. Петровъ и пѣлъ и игралъ превосходно.

— 10. Среда. Разумъ человѣческій такъ много надумалъ всякихъ нелѣпостей, что потерялъ вѣру въ себя и сталъ вѣрить однимъ фактамъ. Но это лишь новая крайность, а слѣдовательно, и новая несообразность.

— 14. Воскресенье. Новыя идеи, потребности, реформы нахлынули такъ быстро и внезапно, что самому дѣятельному и даровитому уму трудно услѣдить за ними и поставить себя на такую точку зрѣнія, съ которой-бы онъ могъ правильно судить о нихъ. Тутъ мало одного желанія быть безпристрастнымъ; тутъ нужно еще знаніе, для того, чтобы одно принять съ убѣжденіемъ, другое отвергнуть по основательнымъ причинамъ. Не должно разражаться шумомъ и дерзостью, съ какими новое хочетъ опрокинуть и вытѣснить старое. Надо смотрѣть не на то, какъ новое идетъ, а на то, что̀ новое въ себѣ несетъ. Идетъ оно, большею частью, нелѣпо—да оно и не идетъ, а бѣжитъ или мчится

сломя и очертя голову, какъ-бы опасаясь, что не успѣетъ занять себѣ мѣста. Но въ томъ, что оно несетъ съ собою есть много необходимаго, вѣрнаго и справедливаго. Сопротивляться новому въ извѣстной мѣрѣ должно; иначе, распространяясь по безпредѣльному полю, оно само безплодно разсѣется. Нужна сила противодѣйствующая, чтобы заставить его сосредоточиваться въ вѣрной идеѣ и дать ему возможность группировать около себя лучшія силы. Но только съ такими цѣлями и должно противодѣйствовать новому, а не съ озлобленіемъ и яростью, потому только, что оно новое. Заблужденія новаго не хуже заблужденій стараго, и закоснѣлость, неподвижность грубаго и односторонняго консерватизма стоитъ бѣшенныхъ и безтолковыхъ скачковъ такъ называемаго прогресса.

— 19. Пятница. Люди простые, занимающіеся производительнымъ и механическимъ трудомъ, можетъ быть, и будутъ когда-нибудь въ состояніи составить изъ себя такую безмятежную, самое себя поддерживающую и благоустроенную общину, о какой мечтаютъ утописты и соціалисты. Но что вы будете дѣлать со всѣми этими прогрессистами, людьми, такъ называемыми развитыми—мудрецами всякаго рода, литераторами, учеными, разными талантами, мыслителями, и пр., и пр.? Вѣдь въ этихъ-то и сидитъ и вѣчно работаетъ бѣсъ всяческихъ страстей, честолюбія, зависти, властолюбія — словомъ, всего, что разъединяетъ людей, поселяетъ между ними раздоръ, устремляетъ ихъ другъ на друга. Или вы думаете, что ничего этого впередъ не будетъ, что они сдѣлаются такими разумными эгоистами, такими безстрастными существами, что въ состояніи будутъ, любя только самихъ себя, одновременно уважать и самолюбіе другихъ, обуздывать себя настолько, чтобы, желая расширенія своей дѣятельности, въ то же время оставаться каждому на своемъ мѣстѣ, домогаться увеличенія своихъ благъ и не трогать ничего чужаго, когда оно имъ нравится? Вотъ это ужъ чистая утопія!

Всѣ эти дни я одержимъ былъ тѣмъ внутреннимъ безпокойствомъ, которое такъ часто меня посѣщаетъ и которое представляетъ мнѣ въ такомъ мрачномъ видѣ міръ, людей, самого себя.

— 20. Суббота. Прочь малодушничанье! Уваженіе къ самому

себѣ—все прочее не стоитъ тѣни дыма, если тебѣ удалось избѣгнуть болѣзни и нищеты. А чтобы избѣгнуть ихъ, нужны трудъ и забота.

— 22. Понедѣльникъ. Проектъ законовъ о печати прогуливается въ Государственномъ совѣтѣ. Изъ департаментовъ законовъ и экономіи онъ поступилъ сегодня въ общее собраніе, но отсюда его опять обратили въ департаментъ законовъ.

Вечеромъ заходилъ къ Норову еще поговорить о проектѣ. Но туда нашло такъ много какихъ-то господъ и госпожъ, что я поспѣшилъ обратиться въ бѣгство.

— 27. Суббота. Главы краснокожихъ либераловъ: Лавровъ, А**, Е. для торжества своихъ идей опять хотѣли было прибѣгнуть къ недостойной уловкѣ. Они уже давно собирались составить общество подъ какимъ-нибудь дозволеннымъ благовиднымъ предлогомъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы сѣять свои сѣмена. Была подана мысль объ учрежденіи „Общества женскаго труда". Этимъ господамъ, конечно, не дозволили-бы составить никакого общества. Но за дѣло взялись люди солидные, дѣйствительно имѣвшіе ту цѣль, которая была объявлена, и правительство утвердило представленный ему проектъ „Общества женскаго труда". Однако, не успѣло оно еще организоваться, какъ по городу начали ходить билеты отъ имени временно-составленной коммиссіи общества, съ приглашеніемъ разнымъ лицамъ—разумѣется, преимущественно извѣстнаго закала—явиться для выбора членовъ правленія и проч. Комиссію эту, безъ всякаго участія учредителей, составили сами собою оные Лавровъ, А**, Е. Наглость эта, однако, была слишкомъ крупнаго и грубаго сорта. Никто не поддался на нее, и настоящіе учредители напечатали въ газетахъ, что они пригласятъ въ собраніе лицъ, только имъ извѣстныхъ, и сами откроютъ общество.

Мартъ.—1. Понедѣльникъ. Сказать, что нынѣшнее поколѣніе ничтожно, что оно не въ состояніи сдѣлать ничего важнаго, значитъ сказать истину. Весь смыслъ его въ томъ, что оно есть, оно фактъ. А какъ всякій фактъ имѣетъ свою причину и причину внѣ себя, то и оно имѣетъ такую причину: оно не само себя создало. Оно есть логическій продуктъ предъидущаго состоянія вещей—и въ этомъ его историческое значе-

ніе, а вовсе не въ томъ, чтобы оно полагало прочныя и незыблемыя основы будущаго.

— 5. Пятница. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Пренія. II-е отдѣленіе, поддерживаемое нѣкоторыми академиками, сдѣлало представленіе о выбитіи медали въ честь Ломоносова, по случаю празднованія столѣтія со дня его кончины. Воспротивился этому Литке. Очевидно, ему этого крѣпко не хотѣлось и онъ поспѣшилъ представить, по возможности, благовидныя причины своего нехотѣнія. Главная состояла въ томъ, что Академіи неприлично приглашать къ складчинѣ стороннихъ лицъ, а она должна выбить медаль сама отъ себя, но для этого у ней нѣтъ денегъ, а государственное казначейство не дастъ. И денегъ-то потребуется бездѣлица, всего рублей шестьсотъ. Возражали Литке—Гротъ, Срезневскій и я. Кончили всетаки тѣмъ, что положено ходатайствовать о медали отъ имени Академіи. Странно, право, что Академіи такъ мало дѣла до Ломоносова. Положимъ, онъ не великій человѣкъ науки въ общемъ смыслѣ, но для насъ онъ очень важенъ, какъ первый проложившій у насъ путь наукѣ и образователь нашего ученаго и литературнаго языка.

— 6. Суббота. Философъ Лавровъ предлагалъ „Литературному фонду" просить правительсто о помилованіи Чернышевскаго или о смягченіи его участи. Фондъ отказался ходатайствовать.

— 7. Воскресенье. Мнѣ уже попадались отрывки изъ сочиненія Наполеона III о Цезарѣ, и, когда я ихъ читалъ, у меня мелькала мысль: не повредилъ-бы онъ себѣ этимъ сочиненіемъ. И вотъ теперь мое опасеніе подтверждается, какъ я читаю въ корреспонденціи графини Саліасъ (Евгенія Туръ) изъ Парижа, напечатанной въ „Голосѣ". Во Франціи книга принята дурно (т. е. 1-я часть), особенно предисловіе. Друзья Наполеона считаютъ эту книгу или, лучше сказать, обнародованіе ея большою ошибкою.

Главный тезисъ книги—что великіе люди все на свѣтѣ и что они безупречны въ своихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ, конечно, невѣренъ. Но, судя по отрывкамъ, книга эта всетаки замѣчательное литературное произведеніе, что-бы ни говорили противъ нея враги Наполеона.

Въ газетахъ пишутъ, что и въ другихъ мѣстахъ Россіи по-

является такъ называемая возвратная горячка, которая въ Петербургѣ уже больше мѣсяца жестоко свирѣпствуетъ. Всѣ больницы переполнены. Открываются новыя, но и въ тѣхъ не хватаетъ мѣста. Болѣзнь, притомъ, часто переходитъ въ тифъ и заразительна.

Для чего изслѣдуются, изучаются, объясняются факты? Конечно, не для того, чтобы поиграть въ нихъ, а для того, чтобы посредствомъ всего этого достигнуть правильнаго о нихъ понятія и пріобрѣсти опытъ. Итакъ выводъ составляетъ здѣсь цѣль. Опредѣлить смыслъ факта — вотъ задача его изученія. Иначе само изученіе не имѣло-бы смысла.

— 11. Четвергъ. „Общество женскаго труда“ не устроилось, то есть учрежденіе его отложено на неопредѣленное время и внесшіе деньги приглашаются взять ихъ обратно. Учредители не хотѣли допустить въ него такихъ господъ, какъ Лавровъ, А** и пр. У нихъ были жаркія пренія, вслѣдствіе которыхъ учредители и положили пріостановить открытіе, и сдѣлали хорошо.

— 13. Суббота. Вотъ и Амплій Очкинъ умеръ. Былъ честный человѣкъ, хорошо зналъ французскій языкъ, съ котораго перевелъ много книжекъ и статей, женился на женщинѣ, которая дала ему протекцію и кучу дѣтей, былъ однимъ изъ директоровъ Царскосельской желѣзной дороги—вотъ и все. Но, право, это лучше многаго, изъ чего иногда составляютъ цѣлыя страницы біографій съ бездною пошлыхъ сожалѣній, то есть фальшивыхъ фразъ.

Большая суматоха по случаю приготовленія къ празднованію столѣтія послѣ смерти Ломоносова. Въ Академіи сегодня опять собиралась комиссія и разсуждала о выбитіи въ честь его медали. Академія, хотя неохотно, но рѣшилась выбить ее отъ себя. Въ городѣ приготовляются тоже оваціи, въ чемъ дѣятельно участвуетъ Л. Ему, главное, хочется этимъ насолить нѣмцамъ, которыхъ онъ смертельно ненавидитъ, и я начинаю бояться, что изъ оваціи Ломоносову выйдетъ демонстрація противъ нѣмцевъ. Надняхъ былъ у меня Л. и много толковалъ о Ломоносовѣ, о славянахъ и нѣмцахъ. Изъ различныхъ городовъ, говорятъ, поступило уже болѣе двадцати просьбъ о дозволеніи и у нихъ празднествъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ тоже хотятъ выбить медаль. Что

касается до меня, то я радуюсь этому проявленію національнаго чувства, которое всетаки доказываетъ, что мы—народъ. Рѣчь моя подвигается къ концу.

— 14. Воскресенье. Поутру у В. М. Княжевича. Тамъ познакомился съ А. М. Раевскою, состоящею въ родствѣ съ Ломоносовымъ. Она просила моего совѣта—какъ ей поступить, чтобы ознаменовать пожертвованіемъ день 4-го апрѣля. Она опредѣляетъ для этого 2,000 рублей, чтобы изъ нихъ были учреждены стипендіи для образованія въ университетѣ четырехъ молодыхъ людей изъ крестьянъ Архангельской губерніи, преимущественно Куроостровской волости. Мы съ Княжевичемъ присовѣтовали ей обратиться съ своимъ проектомъ къ президенту Академіи наукъ. Я взялся написать ей объ этомъ бумагу.

Былъ у меня А. Н. Майковъ и читалъ мнѣ свои стихи, написанные для прочтенія на обѣдѣ въ честь Ломоносова. Стихи хороши, только сильно направлены противъ нѣмцевъ. Тутъ видно вліяніе Л. Я замѣтилъ Майкову:—Вы бросаете перчатку нѣмцамъ.

Безъ демонстрацій противъ нѣмцевъ Ломоносовскій праздникъ, кажется, не обойдется.

— 15. Понедѣльникъ. Глубокое презрѣніе къ людямъ и къ ихъ судьбѣ—вотъ, наконецъ, все, что выносишь изъ долговременнаго опыта жизни. Стоило-ли для этого жить!

Ужасно трудно вырабатывать себѣ характеръ. Приходится отбрасывать много негоднаго матеріала, а хорошаго недостаетъ. Бываютъ природныя расположенія и нерасположенія, изъ которыхъ одни такъ и тянутъ чортъ знаетъ къ чему, а другія оттягиваютъ отъ того, чему-бы слѣдовало быть—и это несмотря на глубокое убѣжденіе въ негодности одного и въ превосходствѣ другого. А всетаки надо работать. Что-нибудь да сдѣлаешь и отъ чего-нибудь да отстанешь съ помощью безпрестанно повторяемыхъ усилій. Лучше всетаки хоть что-нибудь, чѣмъ ничего.

Былъ у Раевской, читалъ ей проектъ письма къ Литке о стипендіи въ памятъ Ломоносова. Проектъ письма она одобрила,

— 16. Вторникъ. Умеръ Штакельбергъ, мой товарищъ по университету, годомъ, впрочемъ, моложе меня. Это былъ истинно честный и умный, особенно честный человѣкъ. Самъ нѣмецъ, онъ питалъ непримиримую вражду къ нѣмцамъ, то есть не ко

всѣмъ нѣмцамъ, а къ нѣмцамъ остзейскимъ, которыхъ очень хорошо изучилъ во время своей продолжительной службы, при бывшемъ тамошнемъ генералъ-губернаторѣ Суворовѣ.

— 17. Среда. Не тотъ властвуетъ надъ людьми, кто лучшаго о нихъ мнѣнія, а тотъ, кто худшаго.

Наука, говорятъ, должна освободить человѣчество отъ иллюзій: хороша услуга. Я не знаю, въ состояніи-ли чистая, голая истина довести человѣчество до чего нибудь другого, кромѣ отчаянія? Къ счастью, она невозможна.

— 18. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Сегодня сильно поссорились Билярскій и Срезневскій. Послѣдній, впрочемъ, велъ себя сдержаннѣе и умѣреннѣе, но Билярскій вышелъ изъ себя, какъ это очень часто съ нимъ случается. Причина ссоры самая пустая. Билярскій, по порученію Академіи, составилъ сборникъ бумагъ, относящихся до Ломоносова и хранящихся въ академическомъ архивѣ. Этотъ сборникъ напечатанъ, но еще не пущенъ въ продажу, хотя по экземпляру и роздано уже нѣкоторымъ изъ членовъ. Срезневскій свой экземпляръ далъ кому-то на прочтеніе, кажется Л. Вотъ и все. Билярскій сталъ доказывать, что Срезневскій не имѣлъ права этого сдѣлать, тотъ возражалъ, что имѣлъ,—ну и пошло.

Засѣданіе въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ничего особенно важнаго. Я читалъ мое мнѣніе о возможности пропустить статью „Самозарожденіе“, которую Спб. цензурный комитетъ запретилъ. Совѣтъ согласился со мной.

— 19. Пятница. Хорошо—не кричать противу иноземцевъ, нѣмцевъ и пр., а противопоставлять ихъ труду—свой трудъ, ихъ честности—свою честность, ихъ знанію—свое знаніе.

— 20. Суббота. По приглашенію Литке, вмѣстѣ съ нимъ и съ прочими членами комиссіи занимался устройствомъ академической залы для предстоящаго торжества въ честь Ломоносова. День для празднованія назначенъ вторникъ на Святой недѣлѣ, вмѣсто пятницы, потому что въ пятницу назначенъ парадъ.

Обѣдалъ у А. М. Раевской, которая окончательно опредѣлила для постоянной стипендіи 4,850 руб. Я уже составилъ проектъ письма къ Литке по этому поводу. Она совершенно одобрила его. Стипендія будетъ называться: „Ломоносовская стипендія

Раевскаго" и назначается для одного студента въ Московскомъ университетѣ. У Анны Михайловны я познакомился еще съ другимъ потомкомъ Ломоносова, Николаемъ Михайловичемъ Орловымъ. Кромѣ того, хозяйка показывала мнѣ свой маленькій музей палеонтологическихъ вещей, собранныхъ ею во время путешествія за границею. Есть любопытныя вещи: разныя орудія, ножи, долота и проч. каменнаго и бронзоваго періодовъ, много вещей, добытыхъ изъ Швейцарскихъ озеръ, кусочки тканей, нитки, ленъ, зерна, яблоки, орѣхи и проч. Любопытная кость каменнаго оленя изъ бронзоваго періода съ нарубками ножомъ или топоромъ. Подлинность каждой вещи засвидѣтельствована французскими и швейцарскими учеными. Нашъ академикъ Бэръ признаетъ это собраніе драгоцѣннымъ.

— 26. Пятница. А. М. Раевская присылала мнѣ прочитать письмо къ ней А. В. Головнина, съ извѣщеніемъ, что Государь утвердилъ ея стипендію въ память Ломоносова точно такъ, какъ она желала. Стипендія будетъ названа, какъ я предложилъ, „Ломоносовская стипендія Раевскаго".

Слухи, что Муравьевъ увольняется.

— 29. Понедѣльникъ. Вечеромъ собраніе изъ нѣсколькихъ членовъ Академія у президента для предварительнаго прочтенія рѣчей, предназначаемыхъ для Ломоносовскаго юбилея. Гротъ прочелъ свой біографическій очеркъ. Моя рѣчь: „Значеніе Ломоносова въ отношеніи къ изящной русской словесности", кажется, нѣкоторымъ не понравилась. Я въ ней, между прочимъ, касаюсь буквоѣдства въ наукѣ. Срезневскій объявилъ, что насчетъ языка Ломоносовскаго онъ во многомъ со мною согласенъ, а въ другомъ несогласенъ, а потому его рѣчь не совсѣмъ сходилась-бы съ моею. Я отвѣчалъ, что тѣмъ лучше, чѣмъ многостороннѣе разсматривается предметъ. Однако, Срезневскій отмѣнилъ свое намѣреніе читать рѣчь и сказалъ, что напишетъ ее для напечатанія въ нашихъ актахъ. Рѣшено, что засѣданіе откроетъ секретарь оффиціальнымъ заявленіемъ о поводѣ торжества и, кромѣ того, упомянетъ о стипендіи, учреждаемой Раевскою, и о высочайше назначенной тысячѣ рублей для ежегодной преміи за сочиненіе на академическую задачу. Потомъ Гротъ прочтетъ свой біографическій очеркъ Ломоносова, а затѣмъ я мою рѣчь— тѣмъ все и кончится. Рѣчь Грота за сокращеніями, которыя про-

сили его сдѣлать, будетъ продолжаться больше часу, моя немножко меньше того. Меня не просили сократить.

— 30. Вторникъ. Совсѣмъ неожиданно встрѣтился съ Ѳ. И. Тютчевымъ, который третьяго дня возвратился изъ Ниццы. Мы съ нимъ прошлись по Невскому проспекту и долго бесѣдовали о современныхъ дѣлахъ, которыя, по связи его со дворомъ, съ княземъ А. М. Горчаковымъ и съ М. Н. Муравьевымъ ему хорошо извѣстны. Я спрашивалъ его о томъ, что дѣлается въ Ниццѣ. Наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу хотя лучше, однако, здоровье его вообще не изъ лучшихъ.

Государыня не совсѣмъ оправилась.

Муравьевъ дѣйствительно сильно колеблется и едва-ли останется въ Вильно. Враги его воспользовались его же тактикою. Онъ обыкновенно во время пріѣзда въ Петербургъ жалуется на свое нездоровье и какъ-бы заставляетъ просить себя о продолженіи службы. Это обыкновенно и оканчивалось такъ, какъ онъ желалъ. На этотъ разъ ему однако дали замѣтить, что если онъ чувствуетъ себя такъ нездоровымъ и обремененнымъ, то, конечно, его удерживать не станутъ.

„Московскія Вѣдомости“ свирѣпо ссорятся съ „Днемъ“. Однѣ стоятъ за дворянство, другой за земство. Тютчевъ очень недоволенъ „Московскими Вѣдомостями“. Я ему замѣтилъ, что мнѣ кажется, тутъ виноватъ не столько Катковъ, сколько Леонтьевъ. Вообще утѣшительнаго мало, особенно о польскихъ дѣлахъ. Толкуютъ о примиреніи. Тютчевъ полагаетъ, что подобные толки въ настоящую минуту или тупоуміе, или измѣна.

Апрѣль.—1. Четвергъ. Сегодня получилъ отъ Литке весьма любезную записку, съ изъявленіями опасеній, что у меня не хватитъ голосу для прочтенія въ день Ломоносовскаго юбилея моей „прекрасной“ рѣчи. Что это такое? Вѣроятно, ему или кому-нибудь моя рѣчь не понравилась. Я рѣшился объясниться съ Литке и поѣхалъ къ нему вечеромъ. Онъ принялъ меня очень ласково, сказалъ, что у него и въ помыслахъ не было критиковать мою опять „прекрасную“ рѣчь и что единственная причина его письма была та, которая въ немъ изложена. Признаюсь, мнѣ это не совсѣмъ ясно. Я успокоилъ Литке обѣщаніемъ читать погромче. Но успокоилъ-ли?

— 7. Среда. Легкія облачка, уже съ нѣкоторыхъ поръ тума-

нившія въ моихъ глазахъ перспективу Ломоносовскаго праздника, въ самый день его сгустились настолько, что доставили мнѣ довольно крупную непріятность. Надъ моею рѣчью къ этому дню я работалъ усердно, довольно осмотрительно и съ охотою: меня интересовало и лицо, и торжество въ честь его. Окончивъ рѣчь, я, по обыкновенію, не былъ доволенъ своимъ произведеніемъ, чувствовалъ, что многое должно было-бы сказать лучше, но въ то-же время сознавалъ, что въ общемъ рѣчь годится, что въ ней есть кое-что, что могло затронуть мысль и чувство слушателей. Во всякомъ случаѣ, эта рѣчь, я полагалъ была не хуже моихъ другихъ рѣчей. Но вотъ, когда я прочелъ ее на актѣ, она была встрѣчена холодно. По прочтеніи ея, была сдѣлана попытка къ рукоплесканію, но съ нѣкоторыхъ стульевъ раздались шиканья—тѣмъ все и кончилось. Очевидно, у меня были недоброжелатели въ публикѣ, да и въ самой нашей корпораціи, на что, должно быть, и намекала недавняя записка президента, съ опасеніемъ, что у меня не хватитъ голоса для чтенія на актѣ.

Неудача, въ какомъ-бы то ни было дѣлѣ или случаѣ, разумѣется, не можетъ не огорчать—и я былъ огорченъ, очень огорченъ, что у меня есть враги, которымъ почему-то надо со всѣхъ сторонъ рвать въ клочки мою репутацію. Но мой Дневникъ—то есть бесѣда по совѣсти съ самимъ собою—меня, по обыкновенію, успокоилъ. Все жесткое въ сердцѣ улеглось, и я не доставлю моимъ недоброжелателямъ удовольствія — не стану на нихъ гнѣваться и въ этомъ, какъ и въ другихъ болѣе крупныхъ случаяхъ.

Вчера получены самыя прискорбныя вѣсти о Наслѣдникѣ: онъ умираетъ. Государь вчера собирался ѣхать къ нему. Народъ будетъ глубоко огорченъ этой великой скорбью отца и Царя-Освободителя.

Сегодня долженъ былъ быть обѣдъ въ честь Ломоносова. Я взялъ билетъ, но не пойду и по причинѣ недуга и по нерасположенію идти. Разъ надорванныя силы уже постоянно даютъ чувствовать свою надорванность.

Бѣда, какъ извѣстно, никогда не приходитъ одна, а всегда съ толпою своихъ сослуживицъ и всѣ онѣ атакуютъ васъ сообща. Какъ собаки, то та, то другая оскалитъ зубы и рветъ васъ за

полы, за ногу, а иная, порьянѣе, норовитъ цапнуть за самую морду.

— 10. Суббота. Академія должна была напечатать наши рѣчи о Ломоносовѣ отдѣльною книжкою, какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Но какъ къ этому не дѣлалось никакихъ распоряженій, то я отнесся къ секретарю съ просьбою увѣдомить меня, могу-ли я самъ отдѣльно напечатать мою рѣчь. Онъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно. Между тѣмъ, во вчерашнемъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей" появилась рѣчь Я. К. Грота: значитъ, онъ самъ отъ себя сообщилъ ее Коршу? Мнѣ многіе изъявили желаніе видѣть мою рѣчь въ печати, и, какъ я самъ считаю это по обстоятельствамъ необходимымъ, то я и рѣшился напечатать ее особою брошюрою и отдалъ ее для этого въ типографію Головина, находящуюся въ томъ-же домѣ, гдѣ квартирую я. Нужно только, чтобы это было сдѣлано скорѣе. Головинъ обѣщался во вторникъ доставить мнѣ корректуру.

— 12. Понедѣльникъ. Зайдя въ книжную лавку Базунова, впервые услышалъ я прискорбную вѣсть о смерти Наслѣдника цесаревича Николая Александровича. Потомъ появился и бюллетень, въ которомъ сказано, что кончина воспослѣдовала съ 11-го на 12-е апрѣля, въ 12 часовъ 50 минутъ ночи. Грустно, очень грустно...

Въ публикѣ страшное негодованіе противъ графа С. Г. Строгонова. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлалъ онъ эти три года, которые провелъ при Наслѣдникѣ? Почему скрылъ онъ его болѣзненное состояніе, если о немъ зналъ, и почему не зналъ, если не зналъ?

Государь съѣхался въ Дижонѣ съ принцессою Дагмарою, которая, въ сопровожденіи матери своей, тоже ѣхала въ Ниццу. Они всѣ вмѣстѣ туда и отправились.

Наполеонъ отложилъ балъ при дворѣ въ тотъ день, когда больному сдѣлалось особенно худо.

У насъ начали хлопотать о траурѣ. Траурныя матеріи сильно вздорожали. А графъ Г. А. Строгоновъ сильно хлопочетъ о похоронной колесницѣ...

— 13. Вторникъ. Безчисленные толки объ общемъ горѣ и, какъ обыкновенно во всѣхъ такихъ толкахъ, много нелѣпаго. Такъ, напримѣръ, одинъ генералъ, съ весьма важнымъ видомъ, высказалъ мнѣ мнѣніе, что (въ тяжкомъ горѣ) Россіи сильно

повиненъ Наполеонъ.—Какимъ-же это образомъ? спросилъ я. Говорившій не умѣлъ мнѣ этого объяснить, но остался при своемъ мнѣніи. Невольно вспомнишь Гоголя, въ „Ревизорѣ“ котораго одно изъ дѣйствующихъ лицъ, говоря о затрудненіяхъ, въ какія повергнуты чиновники присылкою къ нимъ ревизора, глубокомысленно замѣчаетъ, что это французъ все гадитъ.

Заходилъ къ Гончарову. Ничего! Онъ благоденствуетъ, а я думалъ, что онъ боленъ. Вмѣстѣ посѣтовали и побранили гр. С. Г. Строгонова.

— 14. Среда. Принялся за біографію Галича.

Вышли новые законы о печати. Ихъ можно по справедливости назвать Валуевскими. Тутъ все подчинено произволу министра. Совѣтъ обреченъ играть жалкую роль. Сказано, что кругъ его дѣйствій и права тѣ-же, какъ и у прочихъ совѣтовъ министерствъ, т. е. онъ составляетъ полное ничтожество. Но Валуевъ хочетъ придать ему значеніе другимъ шарлатанскимъ образомъ. Онъ объявилъ, что совѣтъ долженъ состоять изъ юристовъ. Почему тутъ нужны юристы, а не люди, основательно знакомые съ наукою и литературою,—этого ни самъ онъ, вѣроятно, да и никто другой не знаетъ.

— 17. Суббота. Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Линкольнъ убитъ. Этимъ, вѣроятно, сепаратисты хотѣли отомстить ему за свои пораженія. Когда убійца направляетъ свой ударъ на человѣка великихъ государственныхъ способностей, съ судьбою котораго соединена судьба многихъ, судьба милліоновъ, то это все равно, какъ еслибы онъ выжегъ, ограбилъ цѣлую страну и перерѣзалъ цѣлую массу народа.

Муравьевъ уволенъ и на мѣсто его опредѣленъ Кауфманъ.

Мы ничего не дѣлаемъ послѣдовательно и съ сознаніемъ опредѣленной цѣли. Во всемъ скачки, попытки, шатанье вправо, влѣво, ожиданія, что скажутъ...

Былъ у Ѳ. И. Тютчева. Разговоръ о покойномъ Наслѣдникѣ цесаревичѣ.

— 18. Воскресенье. Ѳ. И. Тютчевъ послѣ извѣстнаго адреса московскаго дворянства о созваніи земской думы написалъ подъ названіемъ „Москвичамъ“ слѣдующіе четверостишіе и послалъ его въ Москву:

„Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россіею разладъ!
И гдѣ вамъ въ члены англійскихъ палатъ?
Вы просто члены англійскаго клуба“.

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ москвичей:

„Вы ошибаетеся грубо,
И въ вашей Ниццѣ дорогой
Сложили, видно, вмѣстѣ съ шубой
Вы память о землѣ родной.
Въ раю терпѣніе умѣстно,
Политикѣ тамъ мѣста нѣтъ;
Тамъ все умно, согласно, честно,
Тамъ нѣтъ зимы, тамъ вѣчный свѣтъ.
Но какъ-же быть въ странѣ унылой,
Гдѣ . . . .
И гдѣ слились въ одно свѣтило
Валуевъ, Рейтернъ, Головнинъ?
Нѣтъ, намъ парламента не нужно,
Но почему-жъ насъ проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караулъ кричать?“

Говорятъ, что скоро послѣ пріѣзда сюда Муравьева было уже, по желанію партіи, рѣшено отозвать его изъ Вильны, но вдругъ оттуда получается донесеніе, что едва достигла туда вѣсть объ отзывѣ Муравьева, какъ польскій элементъ снова поднялся: появились конфедератки, траурныя одежды, русскія вывѣски на магазинахъ опять замѣнились польскими и проч. Вслѣдствіе этого рескриптъ на имя Муравьева съ пожалованіемъ его, при увольненіи, графомъ и уже посланный для напечатанія въ „Сѣверной Почты“ былъ задержанъ. Дѣла опять заколебались.

— 19. Понедѣльникъ. Вездѣ почти единогласно слышишь укоризны гр. С. Г. Строгонову. Достается также и доктору Шестову, который, дѣйствительно, говорятъ не такъ опытенъ и ученъ, чтобы могъ наблюдать за физическимъ состояніемъ и лечить... Доктора этого рекомендовалъ Енохинъ, которому онъ доводится племянникомъ.

Не знаю, говорилъ-ли какой генералъ или нѣтъ, но все равно, что говорилъ слѣдующія слова: „стóитъ только передъ сраже-

ніемъ подумать, что вотъ я буду разбитъ—и навѣрное будешь разбитъ".

— 23. Пятница. Законъ о присоединеніи къ православію дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ въ остзейскихъ провинціяхъ (т. е. нетребованіе подписокъ при вступленіи въ бракъ, что дѣти будутъ православныя) находитъ и защитниковъ и порицателей. Но нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что это не понравится народу.

— 24. Суббота. Читаю „Юлія Цезаря" Наполеона III. Что бы ни говорили враги августѣйшаго автора, а сочиненія его нельзя не признать замѣчательнымъ. Положимъ, онъ не дѣлаетъ открытій въ этой части исторіи наравнѣ со спеціалистами науки, особенно у нѣмцевъ. Но обнять въ такой обширности все сдѣланное другими, такъ самостоятельно и глубоко изучить всѣ предшествующіе источники и изслѣдованія—это уже не малое достоинство. Потомъ въ авторѣ нельзя не признать художника. Какъ мастерски группируетъ онъ подробности, какъ изящно и пластично управляется съ такими сухими вещами, какъ напримѣръ географическое описаніе мѣстностей въ началѣ первой части—и какое хорошее перо! И живо, и рельефно, и сжато. Словомъ, еслибы Наполеонъ не былъ правителемъ, онъ могъ-бы быть очень хорошимъ писателемъ. Но съ его философіей исторіи однако нельзя согласиться. Тутъ видна натяжка въ свою пользу. Чтобы великія событія всегда происходили отъ великихъ причинъ, это рѣшительно невѣрно. Этому противорѣчитъ и его собственное сравненіе, что искра не производитъ пожара, если для него не приготовлены горючіе матеріалы. А потому несправедлива также и мысль, что великіе люди поражаютъ великія судьбы. Они ихъ рѣшаютъ—это такъ, но часто рѣшаютъ даже вопреки своимъ планамъ и ожиданіямъ, а часто и не сознаютъ, что рѣшаютъ. Всѣ событія, называемыя великими, суть слѣдствія многихъ предшествующихъ причинъ, между которыми воля и геній одного лица есть только одна изъ сильныхъ пружинъ въ механизмѣ цѣлой системы, или цѣлаго порядка и хода вещей.

— 25. Воскресенье. Поутру у Стасюлевича. Онъ три года былъ преподавателемъ исторіи у покойнаго Наслѣдника.—Наслѣдникъ, говоритъ онъ, учился очень хорошо и вообще былъ пре-

красный человѣкъ. Стасюлевичъ не можетъ вспоминать о немъ безъ глубокой скорби и умиленія. Онъ показывалъ мнѣ тетради, въ которыхъ царственный юноша записывалъ свои уроки изъ исторіи. Видна особенная тщательность въ занятіяхъ. Графа Строгонова покойный Наслѣдникъ не любилъ, да и трудно любить этого холоднаго и сухого человѣка...

Вотъ образчикъ того, какъ въ народѣ смотрятъ на кончину Цесаревича Николая Александровича. Во время Ломоносовскаго обѣда въ залѣ Дворянскаго собранія возлѣ Стасюлевича сидѣлъ какой-то купецъ. Когда былъ провозглашенъ тостъ за Наслѣдника— тогда было извѣстно еще только, что онъ опасно боленъ—зала огласилась восторженными криками въ честь его и пожеланіями ему выздоровленія. Крики не умолкали въ теченіе пяти минутъ. Стасюлевича это такъ тронуло, что у него показались слезы на глазахъ. Его сосѣдъ купецъ это замѣтилъ и спросилъ:

— Видно, вы очень любите Наслѣдника?

— Да, отвѣчалъ Стасюлевичъ,—потому что знаю его хорошо: я былъ его учителемъ.

— Учителемъ? повторилъ купецъ.—Ну, хорошо, что вы были его учителемъ, а не дядькою, а то васъ стоило бы разорвать въ клочки.

— 26. Понедѣльникъ. Уже напечатанъ рескриптъ о пожалованіи графомъ Муравьева и объ его увольненіи и также приказъ о назначеніи Кауфмана. Что-то скажутъ патріоты московскіе, да и другіе? Нѣмецъ въ Польшѣ для устройства русскихъ дѣлъ! Впрочемъ, онъ, говорятъ, православный. Да фамилія-то, возражаютъ, нѣмецкая, какой русскому человѣку и не выговорить.

У насъ все какъ-то странно дѣлается. Очень много, напримѣръ, шумѣли и нашумѣли о Ломоносовскомъ юбилеѣ. Онъ пришелъ—пообѣдали, покричали и, кажется, опять забыли человѣка на цѣлое столѣтіе.

— 27. Вторникъ. Въ газетахъ напечатано письмо убійцы Линкольна—Буса. Письмо заключаетъ въ себѣ политическую исповѣдь убійцы и причины, объясняющія его преступное дѣло. Какая неисповѣдимая наглость и высокомѣріе этихъ непрошенныхъ и самозванныхъ благодѣтелей человѣчества и народовъ! Если вѣрить словамъ настоящаго убійцы, то онъ великій человѣкъ, предпринявшій великое дѣло во имя свободы и прогресса.

Вотъ глубокая и пагубная болѣзнь нашего вѣка! Всякій мечтатель, фанатикъ или честолюбецъ, жаждущій всемірной популярности, считаетъ себя въ правѣ предпринимать дѣла, на которыя его никто не уполномочивалъ.

— 28. Среда. Въ Петербургѣ сильно распространяется спиритизмъ. Пусть его! Это реакція противъ матеріализма. Пусть одно безуміе уничтожается другимъ: клинъ выбивается клиномъ.

Май.—1. Суббота. Вечеръ у Ржевскаго. Меня очень занимали разсказы Мельникова (Печерскаго). Это настоящій типъ русскаго плутоватаго бывалаго человѣка. Но его пріятно слушать, хотя надобно слушать осторожно, потому что онъ не затрудняется прилгать и прихвастнуть.

— 3. Понедѣльникъ. Газета „Русская Лѣтопись" запрещена до сентября. По полученіи оффиціальнаго извѣстія о смерти Наслѣдника, всѣ газеты вышли съ траурною каймою, „Лѣтопись"—безъ нея. Но когда получена была депеша о смерти Линкольна, газета эта облеклась въ трауръ. Это ближайшая причина запрещенія. Но главная причина та, что около этой газеты сгруппировались послѣдователи Чернышевскаго—А. Е., кажется, и Лавровъ и проч. Третье отдѣленіе, тотчасъ по основаніи газеты, обратило на нее вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ. А вотъ теперь при случаѣ она и прямо высказалась.

Сегодня вся Нева запружена льдомъ, но день былъ хорошій: 10 град. тепла. Я долго гулялъ въ Лѣтнемъ саду, гдѣ теперь въ извѣстные часы собирается на прогулку наше, такъ называемое, лучшее общество.

— 4. Вторникъ. Между сенаторами есть . . . . . . престранные. Панинъ было нѣсколько притворилъ двери для входа въ сію храмину правосудія всякому . . . . , если онъ только военный генералъ или тайный совѣтникъ—но мудрый нынѣшній министръ юстиціи Замятнинъ опять широко распахнулъ оныя двери, и вотъ туда потянулись ряды . . . . что, какъ говорится, уму непостижимо...

— 6. Четвергъ. Н. С. Тихонравовъ отказался отъ предложеннаго ему II отдѣленіемъ Академіи званія члена. Я предложилъ взамѣнъ его Галахова, но не встрѣтилъ сочувствія. Сильнѣе всѣхъ воспротивился Пекарскій.

— 8. Суббота. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана статья, извлеченная изъ отношенія нашего консула въ министерство финансовъ о нестерпимомъ мошенничествѣ нашихъ купцовъ, которые поставляютъ на заграничные рынки ленъ низшаго разряда, выдавая его за первый сортъ и беря за него деньги, какъ за первый. И подобное мелкое гнусное надувательство встрѣчается уже не въ первый разъ, такъ что иностранцы отказываются имѣть дѣло съ русскимъ купцомъ. Консулъ говоритъ, что это угрожаетъ закрытіемъ иностранныхъ рынковъ для нашей торговли.

Муравьевъ получаетъ изъ многихъ мѣстъ Россіи поздравленія съ графскимъ достоинствомъ и благодарственные адресы за его управленіе западными губерніями.

— 15. Суббота. Изъ всѣхъ живыхъ созданій нѣтъ такихъ, которыя-бы были такъ способны наносить вредъ себѣ и другимъ, какъ люди. Нѣтъ ничего лживѣе и несчастнѣе человѣческой породы. Тѣ, которые стараются истребить религіозное чувство въ человѣкѣ—величайшіе враги послѣдняго: вѣдь это его единственная опора. И какъ не дурно было-бы пробудить и укрѣпить религіозное чувство въ людяхъ, особенно въ юношествѣ, если-бы ему было меньше толковано о догматахъ и обрядности, а больше о благости и премудрости Высочайшаго Существа! И гдѣ можно найти больше для того матеріаловъ, какъ не въ христіанствѣ!

Исключительная вѣра въ такъ называемый историческій прогрессъ есть не иное что, какъ ловля тѣни, которая безпрестанно убѣгаетъ. Это одно изъ яркихъ и пагубныхъ заблужденій вѣка.

— 16. Воскресенье. Литературу нашу, кажется ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли. Онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Сколько я могу судить по нѣкоторымъ убѣдительнымъ даннымъ, онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія „нехорошія поползновенія“ и сдѣлать ее „вполнѣ благонамѣренною“, т. е. сдѣлать то, чего не въ состояніи были, да едва-ли и хотѣли сдѣлать раньше (до 1855 года). (Тогда люди власти) презирали литературу, но едва-ли считали возможнымъ сформулировать ее какъ-нибудь

на свой ладъ. Валуевъ, повидимому, считаетъ это возможнымъ. Онъ должно быть такъ-же точно презираетъ всякое умственное движеніе, какъ презирали его въ предшествовавшее (время), и думаетъ, что административныя мѣры выше и сильнѣе всякой мысли. Уставъ о печати, который долженъ быть введенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отдаетъ ему въ полное распоряженіе всякое печатное проявленіе мысли. Изданіе журналовъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ предварительной цензуры, становится дѣломъ крайне затруднительнымъ. Прежде журналы зависѣли отъ произвола цензора, который всетаки не могъ вполнѣ пренебрегать тѣмъ, что о немъ „скажутъ въ обществѣ". Оттого онъ былъ до нѣкоторой степени принужденъ дѣйствовать умѣренно и снисходительно. Издатели въ извѣстной мѣрѣ освобождались отъ отвѣтственности подъ его щитомъ. Теперь не то. Цензора нѣтъ. Но взамѣнъ его надъ головами писателей и редакторовъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ, въ видѣ двухъ предостереженій, и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановка изданія. Мечъ этотъ находится въ рукѣ Валуева: онъ опускаетъ его, когда ему заблагоразсудится и даже не обязанъ мотивировать свой поступокъ.... Понятно, что вся пишущая братія сильно переполошилась. Журналисты, по крайней мѣрѣ петербургскіе, какъ слышно, условились подчиняться попрежнему правительственной цензурѣ и это въ ихъ положеніи, можетъ быть, было бы самое разумное. Но вотъ что мнѣ сегодня говорилъ Ф. [1]), наперсникъ и эхо Валуева: „Министру извѣстно на что намѣрены рѣшиться журналисты, но они жестоко ошибутся. Если они захотятъ остаться подъ цензурою, то и получатъ ее, но такую, которая будетъ несравненно сильнѣе (до-реформенной). Волею или неволею они должны будутъ эмансипироваться". Какая удивительная эмансипація!—а тогда уже дѣло пойдетъ новымъ порядкомъ. Какимъ?—Валуевскимъ?

Разумѣется, этотъ великолѣпный планъ точно также разлетится, дымомъ, какъ и всѣ великіе планы нашихъ великихъ государственныхъ и не государственныхъ людей. Россія тѣмъ отличается, что въ ней ни зло, ни добро не выдерживаются систематически и послѣдовательно. У насъ систематичны и послѣ-

---

[1]) Нынѣ покойный. *Ред.*

довательны одинъ безпорядокъ, хаосъ (1865 г.). Но въ частности надѣлается много непріятностей, а тамъ дѣло повернетъ туда, куда направитъ его какая-нибудь случайность, какой-нибудь вѣтеръ, и всетаки не туда, куда думали Валуевы и Ф.

— 20. Четвергъ.... Всѣхъ умнѣе, кажется велъ, себя докторъ Здекауеръ. Онъ еще въ январѣ объяснялъ Государю и графу С. Г. Строгонову, какъ сомнительно положеніе Наслѣдника и какой осторожности и вниманія оно требуетъ. Н. Ѳ. Здекауеръ, между прочимъ, никакъ не совѣтовалъ ему купаться въ морѣ.

Вчера было настоящее наводненіе въ низменныхъ частяхъ города, въ Коломнѣ, на островахъ. Около Кокушкина моста даже по улицѣ плавали на лодкѣ. Одинъ господинъ на Каменномъ островѣ ѣхалъ въ каретѣ по водѣ, которая проникала сквозь дверцы.

— 22. Суббота. Сегодня думали, что будетъ привезено тѣло Наслѣдника и церемоніально препровождено въ царственное жилище вѣчнаго покоя. Но это отложено до будущаго вторника Между тѣмъ, дѣлаются приготовленія: дома на Англійской набережной и Большой Милліоной убираются трауромъ. На Сенатской площади воздвигается амфитеатръ для зрителей.

Въ пятницу былъ у князя Вяземскаго, надняхъ пріѣхавшаго изъ Ниццы. Онъ показался мнѣ удивительно свѣжимъ и бодрымъ Онъ остановился въ домѣ своего зятя, министра внутреннихъ дѣлъ, котораго я и встрѣтилъ тутъ. Я выразилъ Валуеву крайнее удивленіе, что въ похоронной процессіи не допущены депутаціи отъ корпорацій, напримѣръ, отъ Академіи наукъ и проч. Онъ отвѣчалъ, что это зависѣло отъ заявленій начальствъ различныхъ учрежденій и что, напримѣръ, московскій университетъ прислалъ своихъ депутатовъ.

Въ Академіи Срезневскій говорилъ мнѣ, что и здѣшній университетъ назначилъ своихъ депутатовъ. Значитъ, одна Академія наукъ не сдѣлала этого. Удивительно.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" напечатаны въ переводѣ очень хорошіе стихи на смерть Наслѣдника одного финляндскаго поэта.

— 23. Воскресенье. Ни одно свободное движеніе не бываетъ безъ уклоненій то вправо, то влѣво: на то оно и свободное. По прямой неуклонной идутъ только силы механическія, вслѣд-

ствіе сообщеннаго имъ внѣшняго толчка. Итакъ, при свободномъ движеніи всегда надо ожидать отступленій отъ извѣстныхъ принятыхъ или установившихся началъ—ожидать нѣкотораго замѣшательства. Зло не въ этомъ, а въ томъ, когда прорывающіяся къ свободному движенію или дѣйствующія силы не встрѣчаютъ уравновѣшивающихъ ихъ другихъ силъ—когда свободное движеніе, свидѣтельствующее о жизненности, обиліи и энергіи силъ, превращается въ дикое, необузданное своеволіе и не организуется, не ограничивается другими силами, которыя воздерживали-бы ихъ и не допускали безплодно разсѣеваться въ безпредѣльности и поглощать самихъ себя. Свободное движеніе всегда есть нѣчто могучее, но слѣпое, нуждающееся въ руководствѣ разума. Это—творчество, рождающее вещи, которыя требуютъ направленія, обработки, воспитанія. Оно столько-же способно разрушать, какъ и созидать, но оно неспособно останавливаться, чтобы сознательно уяснять себѣ для чего и что̀ оно разрѣшаетъ или созидаетъ.

Вечеромъ навѣстилъ меня князь П. А. Вяземскій. Разговоръ о кончинѣ Наслѣдника.

— 25. **Вторникъ**. Печальный и торжественный день! Привезено тѣло Наслѣдника въ Петербургъ и препровождено въ церемоніальномъ шествіи къ мѣсту вѣчнаго успокоенія въ крѣпость. Погода соотвѣтствовала характеру событія. Небо обложилось тучами, каждую минуту угрожалъ дождь—но дождя не было и было тепло. Въ двѣнадцатомъ часу я вышелъ изъ дому. Невскій проспектъ былъ залитъ толпами народа, который спѣшилъ къ Исаакіевской площади. Процессія должна была слѣдовать отъ Николаевскаго моста мимо Исаакія по площади и набережной на Троицкій мостъ. Немного спустя раздался пушечный выстрѣлъ. На улицахъ уже не было ни души. Все, весь Петербургъ столпился у площади, и я съ Морской поворотилъ туда-же. Тутъ услужливый спекулянтъ предложилъ мнѣ мѣсто на скамейкѣ за полтинникъ. Я съ трудомъ взгромоздился на нее и очень порядочно могъ видѣть церемоніальное шествіе. Мрачная и величественная картина. Войска съ обѣихъ сторонъ окаймляли площадь. Сперва потянулись разные придворные чины, ордена на подушкахъ, безконечный рядъ духовенства въ черномъ облаченіи, отрядъ войскъ и потомъ колесница съ останками юноши, кото-

раго оплакивала Россія. За нею Государь верхомъ на лошади. Народъ стоялъ безмолвно, снявъ шапки, и съ появленіемъ колесницы крестился. Не было ни малѣйшаго шуму, ни толкотни, ни безпорядка. Вокругъ царствовало полное безмолвіе, нарушаемое только колокольнымъ звономъ съ церквей и зловѣщими пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Всѣ магазины, лавки, кабаки были заперты. На всемъ Петербургѣ лежала какая-то печать унынія и скорби, а надъ нимъ, какъ черное покрывало, висѣло сумрачное небо.

— 26. Среда. Въ два часа отправился я поклониться праху Наслѣдника въ Петропавловскій соборъ. У воротъ крѣпости съ добрыхъ полчаса надо было ждать, пока разъѣхались экипажи возвращавшихся съ панихиды. Народу видимо-невидимо: кажется, опять весь Петербургъ собрался сюда. И вдругъ все это повалило въ крѣпость и стѣснило у входа въ церковь до такой степени, что нечего было и думать попасть туда, по крайней мѣрѣ скоро. Впускали только по нѣсколько человѣкъ разомъ и затѣмъ запирали двери. Многіе на это ворчали, но мнѣ кажется это было и необходимо и благоразумно. Иначе церковь была-бы вдругъ переполнена и могъ-бы произойти страшный безпорядокъ. Къ выходу тоже пускали постепенно. И надо отдать справедливость полиціи: она распоряжалась и ловко и учтиво. Я встрѣтилъ тутъ Чевилева, который отчаялся попасть въ церковь и уѣхалъ домой. Я тоже было поколебался, но потомъ рѣшился подождать сколько возможно. Такъ-же поступилъ и Андрей Степановичъ Вороновъ, съ которымъ я тоже тутъ столкнулся. Наконецъ, пришла и моя очередь. Большая мрачная церковь лишь немногихъ вмѣщала въ себѣ. Посѣтители входили въ однѣ двери, по очереди въ одиночку допускались къ гробу, поклонялись ему и направлялись къ другому выходу. По обѣимъ сторонамъ катафалка стояли дежурные камергеры и генералы. Передъ гробомъ разложены были на золотыхъ подушкахъ ордена покойнаго, атаманская булава и водружены были казацкіе бунчуки. Въ церкви господствовало мрачное величіе смерти. Тишина прерывалась только монотоннымъ унылымъ чтеніемъ Евангелія. Съ глубокою грустью и я взошелъ на ступени катафалка, поцѣловалъ холодную руку, предназначавшуюся для скипетра одного изъ величайшихъ въ мірѣ царствъ и теперь обреченную тлѣнію, взглянулъ на блѣдное лицо, скво-

зившее сквозь покрывавшій его флеръ, на цвѣты, которыми усыпанъ былъ трупъ—и слезы невольно подступили къ глазамъ, и я вышелъ съ глубокою скорбію. Вся эта драма жизни и смерти, которую мы называемъ великою, конечно, ничто въ безконечномъ теченіи вещей; но если гдѣ есть мѣсто возбудиться человѣческому чувству, то, конечно, здѣсь, гдѣ нанесена такая глубокая скорбь сердцу одного изъ самыхъ благородныхъ государей и одного изъ самыхъ добрыхъ людей...

— 27. Четвергъ. Рескриптъ на имя генералъ-губернатора съ изъявленіемъ благодарности Государя жителямъ Петербурга за ихъ сочувствіе къ его великой скорби.

Графъ С. Г. Строгоновъ, говорятъ, игралъ самую жалкую роль во время всей похоронной церемоніи. Къ нему никто не подходилъ, никто не заводилъ съ нимъ рѣчи.

— 28. Пятница. Бываютъ нравственныя уродливости, какъ и физическія. Иному недостаетъ отъ природы религіознаго, эстетическаго чувства или эти органы душевной жизни были у него какъ-нибудь окалѣчены въ дѣтствѣ. Но гордиться тутъ, право, не чѣмъ. Не слѣдуетъ этого выставлять на всемірное зрѣлище, а еще менѣе слѣдуетъ провозглашать, что это красота, и желать, даже домогаться, чтобы другіе были въ этомъ отношеніи на насъ похожи.

Ужасно трудно у насъ добывать историческіе матеріалы. Вотъ уже несчетное число разъ являюсь я въ университетъ, чтобы получить дѣло объ отрѣшеніи отъ должности профессора Галича— и все напрасно. Наконецъ, ректоръ обѣщался.

Рѣчь моя о Ломоносовѣ, однако, несмотря на свой провалъ на академическомъ актѣ, всетаки имѣетъ свою долю успѣха. До меня съ разныхъ сторонъ доходятъ благопріятные о ней слухи. Я получилъ лестные о ней отзывы и благодарственныя за нее письма изъ Архангельска, Кіева, Москвы, Харькова. Макарій, архіепископъ Харьковскій, написалъ мнѣ очень милое письмецо. Здѣсь раскуплено въ книжной лавкѣ до ста экземпляровъ. Журналы хранятъ глубокое молчаніе, кромѣ „Сѣверной Почты“, которая отозвалась о моей „щеголеватости“, да „Русскаго Инвалида“, сдѣлавшаго изъ рѣчи выписки. Къ отзывамъ журнальнымъ всякимъ, похвальнымъ и ругательнымъ, я питаю глубокое равнодушіе и всегда питалъ его. Меня не разъ хвалили и разъ только,

давно какъ-то, выбранила „Сѣверная Пчела“, сначала похваливъ непомѣрно. Тогда я принужденъ былъ отвѣчать на ругательства, потому что оно пахло доносомъ, и мнѣ, по обстоятельствамъ времени, необходимо было дать отпоръ. Но послѣ того я уже больше не обращалъ вниманія на то, что обо мнѣ писалось. Это совсѣмъ не изъ гордости или желанія прослыть неуязвимымъ: напротивъ, я вовсе не чуждъ удовольствія слышать себѣ одобреніе. Но дѣло въ томъ, что у насъ ни похвала, ни брань не вызываются обыкновенно никакими основательными литературными причинами, а всегда однимъ побужденіемъ лично насолить человѣку или лично задобрить его. Тутъ большею частью все рѣшаютъ личныя отношенія, и какъ я всегда шелъ самъ своею особою дорогою, то у меня естественно было больше непріятелей, чѣмъ благопріятелей. Въ послѣднее-же время я окончательно, даже въ личныхъ моихъ отношеніяхъ, отдалился отъ такъ называемыхъ литературныхъ кружковъ, да и не скрывалъ и не скрываю, и устно, и печатно, моего отвращенія отъ этой ультра-либеральной пустоты и умственной распущенности, въ которой тонутъ иные изъ нашихъ, такъ называемыхъ, передовыхъ журналовъ. Но это не потому, чтобъ я не признавалъ въ нынѣшнемъ направленіи его историческаго происхожденія и значенія, а потому, что, по моему мнѣнію, никакое направленіе не должно сдѣлаться исключительнымъ и господствующимъ.

Половина перваго. Сейчасъ раздался печальный звонъ колокола, возвѣщающій о погребеніи Наслѣдника. Я живу противъ самой Владимірской церкви и ясно слышу его грозный скорбный напѣвъ.

Онъ былъ человѣкъ—отецъ его Освободитель милліоновъ людей. Россія должна плакать, если у ней есть народное чувство, если она нація, а не случайное скопище — и въ настоящее время всеотрицающихъ разнородныхъ элементовъ.

— 30. Воскресенье. О, какъ не разработанъ еще русскій міръ! И какъ трудно разработать его одною силою мысли или знанія. Тутъ необходима еще другая сила, которая служила-бы проводникомъ первой. Россіи нуженъ новый Петръ. Тотъ Петръ началъ, другому слѣдовало-бы довершить. Народъ прежде нуждался въ возбужденіи, теперь онъ нуждается въ руководствѣ.

Вчера переѣхали на дачу въ Павловскъ, по примѣру прошлаго года—на дачу Мердера, по дорогѣ въ Царскую Славянку.

— 31. Понедѣльникъ. Охотники нивелировать человѣчество готовы превратить его въ одну грубую безразличную и безобразную массу, изъ которой уже не должно выростать ни одно дарованіе, ни одна умственная или нравственная заслуга.

Іюнь.—3. Четвергъ. Отвага, говорятъ, свидѣтельствуетъ о силѣ, но она свидѣтельствуетъ также о безуміи.

— 8. Вторникъ. Въ городѣ. Экзаменъ въ Римско-Католической академіи. Большія любезности. Впрочемъ, я всегда былъ доволенъ студентами: они всегда внимательны къ моимъ лекціямъ и вообще всегда выказывали мнѣ даже преданность.

— 11. Пятница. По небу бродятъ какія-то грязно-сѣраго цвѣта тучи и ежеминутно угрожаютъ уже не дождемъ, а снѣгомъ. Вообще природа готовитъ намъ что-то скверное, въ родѣ польскаго возстанія или въ дополненіе къ нему. Отовсюду только и читаешь вѣсти о пожарахъ и о зловѣщихъ признакахъ всеобщаго неурожая. Прошлаго года былъ только мѣстный голодъ, напримѣръ, въ Самарѣ, а теперь вотъ угрожаетъ голодъ повсемѣстный. Дороговизна на всѣ предметы первой потребности увеличилась до того, что бѣдные люди лишь съ трудомъ могутъ жить. Что-жъ будетъ дальше?

— 13. Воскресенье. Осуждены мы навсегда дѣлать глупости или онѣ составляютъ только одну изъ переходныхъ ступеней нашего развитія? Вѣдь вотъ до сихъ поръ случалось такъ, что даже изъ всего, что мы возьмемъ у другихъ, мы непремѣнно выберемъ самое худшее и спѣшимъ его усвоить себѣ такъ, какъ будто оно составляетъ единственную важнѣйшую сторону вещей. Встрѣтимся мы съ разными улучшеніями и благами внѣшняго быта—мы непремѣнно позаимствуемъ отъ нихъ всякія излишества, блестки, чрезмѣрную роскошь, и начнемъ съ неимовѣрною быстротою проматывать достояніе наше и отцовъ нашихъ. Научимся мы иностраннымъ языкамъ,—мы прежде всего прочтемъ на нихъ самыя пустыя или забористыя статьи и начнемъ болтать на нихъ всякій вздоръ, забывая свой родной языкъ. Поѣдемъ-ли за границу—вмѣсто того, чтобы лицомъ къ лицу ознакомляться съ плодами и успѣхами чужой образованности, мы постараемся побывать тамъ прежде всего во всѣхъ притонахъ

иноземнаго разврата, проиграться до послѣдней нитки въ какомъ-нибудь Баденѣ или Висбаденѣ, да провезти контрабандою нѣсколько запрещенныхъ книгъ или вещей, чтобы потомъ съ гордостью сказать дома своему пріятелю: „Ну, братъ, продулся я въ Парижѣ“ или тамъ-то и тамъ-то. Поѣдутъ наши юноши заграницу съ благою цѣлью учиться—они начнутъ съ того, что окритикуютъ и обругаютъ тамошнихъ профессоровъ, а кончатъ тѣмъ, что, возвратясь домой, станутъ съ видомъ всемірныхъ геніевъ и знатоковъ повторять поверхностно схваченное и вовсе не переваренное знаніе, заимствованное у этихъ-же профессоровъ,—и на томъ застынутъ. Начнемъ мы заниматься публицистикою, политикою—мы тотчасъ дѣлаемся соціалистами, коммунистами и съ необычайнымъ шумомъ и трескомъ словъ, требуемъ всевозможныхъ реформъ, не заботясь о томъ, является-ли это требованіе плодомъ и выраженіемъ народной жизни и народныхъ нуждъ, или только игрою нашей праздной фантазіи. Займемся-ли мы философіей—то немедленно съ головой такъ и окунемся въ атеизмъ и матеріализмъ и ослѣпнемъ и оглохнемъ для всего другого. Хотѣлось-бы думать, что это только одинъ изъ фазисовъ нашего развитія, а не то, что намъ суждено дѣлать.

— 16. Среда. Опять былъ у меня Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. Я стараюсь забыть, что онъ нѣкогда былъ министромъ народнаго просвѣщенія, и когда мнѣ это удается, я опять вполнѣ готовъ дружески отвѣчать на его дружескія попытки. Вчера онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ объ А. С. Пушкинѣ. Норовъ встрѣтился съ нимъ за годъ или за полтора до его женитьбы. Пушкинъ очень любезно съ нимъ поздоровался и обнялъ его. При этомъ былъ пріятель Пушкина Туманскій. Онъ обратился къ поэту и сказалъ ему:

— Знаешь-ли, Александръ Сергѣевичъ, кого ты обнимаешь? Вѣдь это твой противникъ. Въ бытность свою въ Одессѣ, онъ при мнѣ сжегъ твою рукописную поэму.

Дѣло въ томъ, что Туманскій далъ Норову прочесть въ рукописи извѣстную непристойную поэму Пушкина. Въ комнатѣ тогда топился каминъ и Норовъ, по прочтеніи пьесы, тутъ-же бросилъ ее въ огонь.

— Нѣтъ, сказалъ Пушкинъ,—я этого не зналъ, а узнавъ теперь, вижу, что Авраамъ Сергѣевичъ не противникъ мнѣ, а другъ,

а вотъ ты, восхищавшійся такою гадостью, какъ моя неизданная поэма, настоящій мой врагъ.

— 17. Четвергъ. Самое скверное положеніе, когда человѣку не достаетъ ни мудрости, ни силы терпѣть, ни мужества дѣйствовать.

Неудовлетворительность положенія производитъ какое-то всеобщее раздраженіе, которое обнаруживается во всемъ—въ малыхъ и большихъ дѣлахъ. Каждый дѣйствуетъ подъ вліяніемъ негодованія и досады, поводы къ которымъ носятся въ воздухѣ. Поводовъ этихъ онъ и назвать не въ состояніи, но онъ чувствуетъ ихъ и ими одними одушевляется.

Говорятъ, что судебная реформа откладывается въ длинный ящикъ. А между тѣмъ ею возбуждена томительная жажда: всякій чувствуетъ, что безъ нея невозможна никакая безопасность и всякій ожидаетъ ее, какъ манны небесной. Но административная или бюрократическая сила не хочетъ выпустить власти изъ своихъ рукъ.

Что если ко всему прочему сбудется еще угроза повсемѣстнаго голода! При совершенно непонятной инерціи власти, дѣйствительно, не настанетъ-ли время всеобщей сумятицы, грабежа, и не сдѣлается-ли это въ самомъ дѣлѣ началомъ насильственнаго переворота, о которомъ мечтаютъ поляки, заграничные наши враги и домашніе революціонеры.

А пожары идутъ своимъ чередомъ. Выгораютъ цѣлые или почти цѣлые города и селенія. И объ этомъ говорятъ уже, какъ о самой обыкновенной вещи. Поджоги дѣлаются даже съ нѣкоторымъ юморомъ. Въ какомъ-то уѣздномъ городѣ Владимірской губерніи арестанты выпустили изъ острога голубя, привязавъ къ нему зажженныя горючія вещества, и вотъ по домамъ и дворамъ пошелъ гулять уже не обычный красный пѣтухъ, а кроткій голубь, превращенный въ страшный бичъ. Видно, тутъ подшутилъ какой-нибудь грамотѣй, знавшій исторію княгини Ольги.

— 18. Пятница. Прекрасный лѣтній день, съ великолѣпнымъ теплымъ дождемъ. На музыкѣ бесѣда съ Егоромъ Ѳедоровичемъ Тимковскимъ. Ему семьдесятъ два года и въ службѣ онъ пятьдесятъ лѣтъ безъ малаго. Провелъ годъ въ Пекинѣ при тамошней миссіи. Разсказывалъ много любопытнаго объ отцѣ Іоакинѳѣ

Бичуринѣ, съ которымъ я былъ довольно хорошо знакомъ. Тимковскій выручилъ его изъ Валаамскаго заточенія, гдѣ онъ пребывалъ послѣ разжалованія его изъ архимандритовъ въ монахи за его великія пекинскія проказы. Графъ Нессельроде, по просьбѣ Тимковскаго, исходатайствовалъ ему освобожденіе, съ причисленіемъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ по китайскимъ дѣламъ, такъ какъ онъ превосходно зналъ китайскій языкъ, проведя въ Китаѣ четырнадцать лѣтъ, хорошо изучилъ и самую страну.

— Такъ какъ вамъ хорошо извѣстно все, касающееся отца Іоакинѳа, сказалъ я Тимковскому,—и вы съ нимъ были такъ близко знакомы, то скажите мнѣ, точно-ли онъ велъ себя въ Китаѣ такъ дурно, какъ о немъ разсказываютъ? Вѣдь про него разсказываютъ ужасы—что онъ никогда не служилъ въ церкви, что онъ даже распродалъ церковную утварь, что онъ пилъ и напропалую гулялъ съ китаянками въ неподобныхъ мѣстахъ, и проч. и проч.

— Да, отвѣчалъ Тимковскій,—все это большею частью справедливо. Онъ былъ очень даровитый, умный и даже добрый человѣкъ, но страшный эпикуреецъ и гуляка. Духовное званіе было ему противно, да онъ и попалъ въ него случайно. Онъ былъ побочный сынъ (нѣкоего) Амвросія, который доставилъ ему званіе архимандрита въ Иркутскѣ, когда ему было всего двадцать два года. Когда по интригамъ графа Головкина, назначеннаго посланникомъ въ Пекинъ, ахримандритъ Аполлосъ былъ уволенъ изъ китайской миссіи, то на его мѣсто, по ходатайству того же Амвросія, былъ опредѣленъ Іоакинѳъ—и отсюда-то начинаются пекинскіе подвиги послѣдняго. На Валаамѣ онъ спалъ, гулялъ и попивалъ. Когда бывало поутру зайдетъ къ нему въ келью игуменъ и станетъ звать его къ заутрени, онъ обыкновенно отвѣчаетъ ему:—„Отецъ игуменъ, идите ужъ лучше одни въ церковь, я вотъ болѣе семи лѣтъ не имѣлъ на себѣ этого грѣха.“ Потомъ его часто видѣли прогуливающимся у Симеонія въ монашескомъ подрясникѣ, но въ круглой шляпѣ съ двумя нимфами подъ руку. Такой былъ грѣховодникъ этотъ почтенный отецъ Іоакинѳъ! Когда я жилъ на дачѣ за Лѣснымъ корпусомъ, онъ довольно часто и у меня бывалъ. Тамъ за стаканомъ пунша онъ любилъ разсказывать про разные скандалы пекин-

скіе, не скрывая и своего участія въ нихъ. Однажды онъ сильно разсердился на меня, когда я выразилъ ему мое сомнѣніе на счетъ красоты китайскихъ женщинъ.—„Вы судите о нихъ, отвѣчалъ онъ,—по картинкамъ на чайныхъ ящикахъ. Это такія красавицы и такого пріятнаго обхожденія, что подобныхъ имъ не найти въ Европѣ“.

Вообще онъ питалъ какую-то страсть къ Китаю и ко всему китайскому и свое собственное лицо и бородку какъ-то ухитрился поддѣлать подъ китайскій ладъ. Во время войны англичанъ съ китайцами онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что первые побѣдили вторыхъ и постоянно утверждалъ, что англичане надуваютъ Европу ложными извѣстіями на манеръ наполеоновскихъ бюллетеней.

— 25. Пятница. Въ Виленской губерніи, кажется въ Завилейскомъ уѣздѣ, произошелъ пожаръ въ одномъ селеніи. При самомъ началѣ его, схватили мальчика, лѣтъ шестнадцати, почти на самомъ мѣстѣ преступленія, то есть поджога. Онъ тотчасъ и признался. На немъ были найдены и зажигательные матеріалы: спички и проч. При дальнѣйшемъ допросѣ открылось, что помѣщикъ Бекаревичъ и нѣсколько другихъ помѣщиковъ, имена которыхъ я забылъ, подговорили мальчика за сорокъ четыре рубля поджечь селеніе. Въ задатокъ онъ получилъ одинъ рубль, а остальные ему обѣщаны. Одновременно произошли пожары и въ двухъ другихъ селеніяхъ того-же округа. Та же исторія: тѣже помѣщики подговорили къ поджогу другихъ. По изслѣдованіи оказалось, что нѣсколько помѣщиковъ образовали здѣсь комплотъ поджигателей. Они заманивали въ свою шайку молодыхъ людей, которымъ говорили: „Россію ожидаютъ всеобщій неурожай и голодъ—надо ее жечь, отмстить ей за нашихъ повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь“. О всемъ этомъ получили оффиціальныя донесенія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Объ этомъ вчера въ совѣтѣ разсказывалъ намъ товарищъ министра.

Въ Рязанской губерніи, по словамъ того-же товарища министра, также схвачены поджигатели изъ поляковъ. Между тѣмъ во вчерашнемъ засѣданіи совѣта Пржецлавскій заявилъ, что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Юзефовичъ въ своей статьѣ употребилъ слова: „Поляки жгутъ Россію“—и что за это, по словамъ его, Пржецлавскаго, слѣдовало-бы сдѣлать замѣчаніе редакціи.

И Валуевъ терпитъ такого господина, какъ Пржецлавскій, въ совѣтѣ по дѣламъ печати!

Отослалъ письмо къ Д* съ просьбою выдать мнѣ университетское дѣло о Галичѣ, Германѣ, Арсеньевѣ, поднятое нѣкогда Руничемъ. Дѣло это мнѣ нужно для біографіи Галича. Вотъ уже два мѣсяца или больше какъ я хлопочу, чтобы получить его—и не могу.

— 30. Среда. Сегодня ночью разразилась ужаснѣйшая буря въ Павловскѣ и Петербургѣ. Въ Павловскѣ поломало много деревъ, а сучьями усѣяло аллеи. Въ Петербургѣ снесло и попортило деревянные мосты и нѣсколько деревянныхъ крышъ; на Невѣ разбило въ дребезги много барокъ съ дровами и другимъ грузомъ; въ Лѣтнемъ саду повырвало деревья съ корнями. Говорятъ, нѣсколько человѣкъ погибло. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, только и было толковъ, что объ ураганѣ.

Іюль.—5. Понедѣльникъ. Отрицаніе не есть мысль, потому что мысль заключаетъ въ себѣ какое-нибудь содержаніе—то, что есть; отрицаніе-же отвергаетъ содержаніе и вмѣсто чего-нибудь даетъ ничего. Оттого отрицаніе не есть прочная и серьезная дѣятельность ума, а родъ гимнастической игры, фокусничества.

— 13. Вторникъ. Слышно, что въ Петербургѣ появилась холера. Во Франціи и Италіи уже были случаи ея, въ Константинополѣ тоже. Конечно, нѣтъ причины, почему-бы ей не быть и у насъ. Какъ-то будетъ она сильна! Немудрено, что при нынѣшнихъ сильныхъ жарахъ будутъ пить холодную воду со льдомъ и простуживать желудокъ; а простой народъ тотъ во всякое время воспаляетъ его своею дешевкою. Въ Александріи и Египтѣ холера уже порядочно поработала.

— 14. Среда. Умъ при всякомъ серьезномъ дѣлѣ столько-же воздвигаетъ затрудненій, какъ и находитъ средство противъ нихъ. Все зависитъ отъ силы характера.

Въ западныхъ губерніяхъ открытъ обширный заговоръ, имѣющій цѣлью жечь Россію. Замѣчательно, что открытіе это сдѣлано не полиціей, которой у насъ, кажется, ни до чего нѣтъ дѣла, а частными лицами. Чего-же смотритъ Валуевъ, генералъ-губернаторъ, вообще высшія власти? Едва-ли въ какомъ-нибудь благоустроенномъ государствѣ инерція правительства доходила когда-

нибудь до такой степени, какъ у насъ (1865)! И въ какихъ же обстоятельствахъ? Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ.

— 20. Вторникъ. Ѣздилъ въ Царское Село къ А. М. Раевской и былъ принятъ, какъ всегда, очень любезно. Она приготовила мнѣ прекрасный фотографическій портретъ Ломоносова.

Вечеромъ на музыкѣ. Оркестръ три раза повторилъ „Боже, Царя храни“, въ честь празднованія совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича.

— 29. Четвергъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Жанъ Жакъ Руссо написалъ и издалъ свои записки или свою исповѣдь, всякому умному человѣку должна опротивѣть мысль писать и издавать свои записки. Руссо опошлилъ это дѣло. Онъ выразилъ въ нихъ столько высокомѣрія и самолюбія, наговорилъ столько пустяковъ и вздору, что становится стыдно и за него и за тѣхъ, которые, подобно ему, захотѣли-бы исповѣдываться передъ современниками и потомствомъ. Въ нихъ поучительно одно: вы видите сколько въ умномъ и даже геніальномъ человѣкѣ можетъ заключаться того, что вовсе не геніально и не умно. Не въ томъ дѣло, что онъ выставляетъ напоказъ всякую мелочь, извлекаемую изъ своего сердца или изъ своей жизни, а въ томъ, что онъ эти мелочи выдаетъ за нѣчто весьма важное. Въ этомъ сходенъ съ нимъ и Шатобріанъ.

— 31. Суббота. Я много видѣлъ ничтожныхъ вещей на свѣтѣ, но ничтожнѣе человѣческихъ добродѣтелей ничего не видѣлъ.

Неумѣнье показать, какъ товаръ лицомъ, свой умъ, свой характеръ, свое достоинство, многими считается за ихъ отсутствіе.

Ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ видѣлся съ Д*. Я хотѣлъ поблагодарить его за учтивое письмо о доставленіи мнѣ дѣла изъ его канцеляріи, котораго однако тамъ не оказалось. Теперь онъ мнѣ сказалъ, что дѣла этого нѣтъ и у Е. М. Ѳеоктистова и что онъ напишетъ объ этомъ министру. Я засталъ Д* какъ-то усталымъ. Было говорено о современныхъ событіяхъ—пожарахъ, повальномъ пьянствѣ и проч. Валуевъ недавно объявилъ въ комитетѣ министровъ, что въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Россіи было болѣе 400 пожаровъ. Но, повидимому, все это не особенно его заботитъ.

Августъ.—1. Воскресенье. Былъ на водоосвященіи, кото-

рое здѣсь, въ Павловскѣ, совершается очень торжественно и живописно. Зашелъ къ Норову и неожиданно встрѣтилъ тамъ Бази ли, котораго не видалъ больше пятнадцати лѣтъ. Онъ облобызалъ меня, какъ стараго близкаго знакомаго, и представилъ мнѣ своего сына, молодаго человѣка лѣтъ двадцати. Самъ онъ теперь въ отставкѣ, живетъ достаточнымъ помѣщикомъ въ Бессарабіи. Сей прехитрый грекъ умѣлъ очень хорошо провести свой корабликъ въ тихую пристань.

— 4. Среда. Любопытное зрѣлище въ саду вокзала. Укротитель звѣрей показывалъ публикѣ шесть львовъ, входилъ къ нимъ въ клѣтку, дразнилъ ихъ, билъ, ложился съ ними и на нихъ, клалъ свою голову въ разверзтую пасть одного изъ нихъ. Львы прыгали, метались изъ стороны въ сторону, рычали, особенно одинъ изъ нихъ, самый большой, и повидимому очень недовольный обращеніемъ съ ними хозяина. Онъ ярился и заставлялъ трепетать зрителей страшными взрывами своего рева. Зрителей была толпа. Представленіе продолжалось не болѣе четверти часа. Какъ объяснить эту непонятную власть, которую человѣкъ пріобрѣтаетъ надъ самымъ могучимъ и лютымъ изъ звѣрей? Разумѣется, онъ долженъ былъ взять этихъ львовъ маленькими и дрессировать ихъ долго и постепенно. Нельзя-ли объяснить этого тѣмъ, что въ продолженіе конечно длиннаго періода мало по малу можно—не измѣнить инстинктовъ животнаго—но направить его способности, его психологическіе элементы такъ, что они, разъ погнувшись на одинъ бокъ, уже всегда будутъ склоняться на одну сторону и не будутъ уже въ состояніи, такъ сказать, выпрямиться и стать въ свое естественное положеніе—въ положеніе своего природнаго инстинкта?

Надняхъ прочиталъ я въ одномъ изъ журналовъ статью о куреніи табаку, гдѣ, между прочимъ, говорится, что излишнее куреніе ослабляетъ зрѣніе. А какъ у меня дѣйствительно съ нѣкоторыхъ поръ глаза становятся не такъ хороши, какъ были, то я и рѣшился умѣрить куреніе сигаръ, которому предавался таки довольно неумѣренно.

Въ сегодняшнемъ № 171-мъ „Русскаго Инвалида“ напечатана очень любопытная статья о поджогахъ. Теперь раскрыто и уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что существуетъ цѣлая обширная система поджоговъ, созданная и весьма настойчиво

примѣняемая польскою партіею, здѣшнею и заграничною. Но кромѣ того существуетъ еще партія и русскихъ заграничныхъ ренегатовъ, которые дѣйствуютъ съ нею заодно.

— 8. Воскресенье. Былъ П. П. Пекарскій, недавно вернувшійся изъ Ревеля, а потомъ заходилъ и мой вѣрный и неизмѣнный Орестъ Өедоровичъ Миллеръ.

— 11. Среда. Къ чему-же все это, если ничего нѣтъ постояннаго, кромѣ вѣчнаго измѣненія?

Если твой хорошій знакомый или пріятель начинаетъ оказывать тебѣ особенную пріязнь — берегись! Это значитъ онъ непремѣнно собирается тебѣ нагадить.

— 17. Вторникъ. Человѣкъ совершенно какъ слѣпой бродитъ отъ самой колыбели. Опытъ и несчастіе потомъ его постепенно вразумляютъ въ главныхъ истинахъ жизни, и подъ конецъ онъ прозрѣваетъ для того, чтобы увидѣть свою могилу и лечь въ нее.

— 18. Среда. Одни страданія составляютъ существенную сторону жизни. Все прочее—мечта, сонъ, тѣнь. „На что это?"— вотъ вопросъ, который невольно возникаетъ при всякомъ явленіи, исчезающемъ безъ слѣда послѣ минутнаго пребыванія.

— 19. Четвергъ. Все вертится въ головѣ мрачный, роковой вопросъ: „На что это?"

По поводу напечатанія проекта новаго устава Академіи возникла сильная полемика. На проектъ напалъ московскій университетъ съ яростью, которая сильно вредитъ его даже справедливымъ замѣчаніямъ. Онъ оскорбленъ тѣмъ, что Академія называетъ себя первенствующимъ ученымъ сословіемъ въ имперіи. Въ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду" напечатана статья, также неблагопріятная для проекта Академіи и для самой Академіи. Ее приписываютъ Шульгину. Изо всѣхъ этихъ недоброжелательныхъ и свирѣпыхъ толковъ начинаетъ казаться, что вопросъ просто на просто долженъ быть поставленъ такъ: нужна-ли и возможна-ли въ Россіи Академія? Ужь не лучше ли прежде подумать о школахъ, чѣмъ объ ученыхъ обществахъ? И впрямь, намъ, пожалуй, еще рано засѣдать въ Академіяхъ. Намъ прежде надо выучиться уважать науку.

— 22. Воскресенье. На прогулкѣ въ паркѣ познакомился съ Лисицынымъ, который принимаетъ такое участіе въ дочери

Павскаго, оставшейся почти нищею. Онъ разсказалъ мнѣ удивительныя вещи про Б., который своимъ нынѣшнимъ мѣстомъ обязанъ Павскому, а теперь отказался употребить свою силу и вліяніе, чтобы помочь бѣдной его дочери. Невѣроятно, но справедливо, что ей назначено пенсіону 118 р. въ годъ—ей, дочери законоучителя и духовника . . . .

. . . . и какого духовника—Павскаго, одного изъ благороднѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ и ученѣйшихъ людей русской земли... „О какъ ничтоженъ, малъ и суетенъ дѣяній ходъ на свѣтѣ!"—118 рублей пенсіону дочери Павскаго, томящейся въ бѣдности!

Говорилъ съ нѣкоторыми лицами объ Академіи. Да, дѣйствительно, вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: нужна-ли Россіи Академія? Очевидно, не Академія не соотвѣтствуетъ государству, но государство не дозрѣло до Академіи. Общество въ ней не нуждается, да и ученыхъ въ ней оказывается недостатокъ: недаромъ же мы все стремимся выписывать ихъ изъ-заграницы, какъ заморскія вина или плоды.

Если-бы поляки только отстаивали свою національность въ Царствѣ и не заявляли притязаній на западныя губерніи, вообще, не ставили бы вопроса такъ: не Россія, а Польша, а поставили бы его: Россія и Польша,—конечно, они расположили-бъ въ свою пользу и многихъ разсудительныхъ и мыслящихъ людей въ самой Россіи, чему и удивляться нечего было-бы. А то вотъ ко всему безумію еще такія гнусныя средства, какъ поджоги и угрозы ядомъ! Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ положеніи дѣлъ для чего же разсудительный и мыслящій человѣкъ предпочелъ-бы Польшу Россіи? Если Россія не много привлекательнаго въ себѣ заключаетъ, то Польша развѣ больше представляетъ? Боже, сохрани попасть подъ управленіе польское и подъ власть польской интеллигенціи! Ужъ лучше оставаться такъ, какъ есть, да питать кое-какія надежды на будущее, чѣмъ идти прямо на всѣ мерзости польскаго и католическаго угнетенія и безправія.

— 23. Понедѣльникъ. Нигилисты изливаютъ цѣлые мутные потоки ругательствъ на всѣхъ нашихъ писателей до Чернышевскаго и Добролюбова, которые одни у нихъ великіе люди. Писаревъ обругалъ Пушкина. Я одобряю такія рѣшительныя дѣйствія: гораздо лучше, когда пьяница напьется такъ, что сва-

лится съ ногъ, и перестанетъ задирать добрыхъ людей, чѣмъ когда онъ пишетъ мыслети и толкаетъ прохожихъ.

— 24. Вторникъ. Изъ призыва изъ-за границы академиковъ ну, право-же, прямой выводъ, что Академіи у насъ рано быть.

— 28. Суббота. Пріѣхавъ сегодня въ городъ, нашелъ у себя письмо отъ Турунова съ надписью: весьма нужное, отъ 25-го числа, съ приглашеніемъ явиться къ министру. Мнѣ было досадно, что эту повѣстку послали ко мнѣ не въ Павловскъ, а на городскую квартиру, гдѣ я, завѣдомо, не часто бываю. Я тотчасъ поѣхалъ на Аптекарскій островъ. Въ пріемной министра было много ожидавшихъ аудіенціи. Меня перваго позвали въ кабинетъ, что я счелъ недобрымъ предзнаменованіемъ, потому что Валуевъ всегда, когда хочетъ уязвить кого-нибудь, то прежде помажетъ его масломъ. Такъ было и тутъ. Онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и прежде всего началъ извиняться въ томъ, что приглашеніе мнѣ было отправлено не въ Павловскъ, отчего и произошло замедленіе, лишившее его возможности со мной посовѣтоваться о дѣлѣ, о которомъ теперь намѣренъ сообщить мнѣ. Его величество уѣзжаетъ въ Москву и откладывать нельзя. Дѣло касается меня. Съ перваго сентября вводятся новые порядки въ управленіи по дѣламъ печати, вслѣдствіе чего долженъ измѣниться и составъ управленія. Поэтому онъ, министръ, хотѣлъ узнать „не угодно-ли“ мнѣ будетъ лучше удалиться изъ совѣта? При этомъ Государю Императору угодно произвести меня въ тайные совѣтники, а онъ, Валуевъ, будетъ хлопотать объ увеличеніи мнѣ пенсіона. Далѣе министръ говорилъ, что при новомъ устройствѣ цензуры легко можетъ случиться—этого даже необходимо ожидать, особенно въ началѣ—что лица, принадлежащія къ этому управленію, не разъ будутъ поставлены въ положеніе не слишкомъ для нихъ пріятное, будутъ предметомъ взысканій и пр.

— А этого ни по вашему имени, ни по вашимъ заслугамъ съ вами нельзя будетъ допустить. Новая система требуетъ новыхъ дѣятелей—новое вино вливается въ новые мѣхи. Я говорилъ о васъ Государю, выставилъ ему васъ съ наилучшей стороны. Впрочемъ, онъ васъ лично знаетъ и хорошо къ вамъ расположенъ.

Послѣ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ фразъ я, разумѣется, счелъ себя „угоднымъ“ принять любезное предложеніе Валуева.

Понятно, что ему хочется отъ меня избавиться. Я все время открыто высказывался противъ его проекта, напиралъ на необходимость расширенія правъ совѣта и ограниченія произвола его, Валуева. Теперь, когда его проектъ восторжествовалъ, и онъ является полновластнымъ хозяиномъ въ совѣтѣ, мое присутствіе тамъ мозолило бы ему глаза. Да и что въ самомъ дѣлѣ дѣлалъ бы я теперь тамъ? Дѣло печати проиграно и я, дѣйствительно, былъ бы лишенъ возможности ему честно и независимо служить, какъ это дѣлалъ до сихъ поръ.

— 30. Понедѣльникъ. Прибавку къ моему пенсіону я, по совѣсти, считаю себя въ правѣ принять и надѣюсь, что Валуевъ въ данномъ случаѣ сдержитъ свое обѣщаніе. Въ противномъ случаѣ, положеніе мое будетъ очень затруднительное, особенно съ чиномъ тайнаго совѣтника, который мнѣ ни на что иное не нуженъ, какъ развѣ только на то, чтобы прибавить мнѣ новое бремя. Можетъ быть, мнѣ слѣдовало-бы съ большей энергіей говорить Валуеву о своихъ правахъ. Но, во-первыхъ, мнѣ это всегда бываетъ какъ-то противно, а во-вторыхъ, какъ-то странно и смѣшно распространяться и настаивать на какомъ-нибудь правѣ или справедливости тамъ, гдѣ не вѣрятъ ни въ какое право, ни въ какую справедливость.

Сентябрь.—1. Среда. Получилъ увѣдомленіе, что я произведенъ въ тайные совѣтники.

— 3. Пятница. Три засѣданія въ Академіи: общее, въ отдѣленіи и въ комиссіи по Уваровской преміи за драматическія сочиненія.

Я не оберусь поздравленій по случаю пожалованія меня въ тайные совѣтники. Право, кажется, всѣ хотятъ и мнѣ самому вбить въ голову, что это такъ важно. Между тѣмъ, теперь у меня главная забота хоть сколько-нибудь обезпечить существованіе моей семьи и мое собственное, ибо тайное совѣтничество грозитъ превратиться въ явную несостоятельность.

— 5. Воскресенье. Вы хотите дѣлать многое посредствомъ литературы: постарайтесь-же сдѣлать ее уважаемою.

— 8. Среда. Итакъ, теперь окончательно выяснилось, что Валуеву нужны не люди, служащіе дѣлу, а лица, раболѣпно исполняющія его волю.

— 9. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Срезневскій

привезъ изъ Москвы много любопытныхъ рисунковъ нашихъ древностей, одеждъ и пр., снятыхъ имъ въ тамошнемъ музеѣ, патріаршей ризницѣ и пр. Это хотя не филологическое дѣло, но всетаки дѣло, и для науки годится.

— 10. Пятница. Напрасно наши ультра-руссофилы такъ возстаютъ противъ запада. Народы запада много страдали, и страдали потому, что дѣйствовали. Мы страдали пассивно, за то ничего и не сдѣлали. Народъ погруженъ въ глубокое варварство, интеллигенція развращена и испорчена...

— 12 Воскресенье. Сегодня разсказали мнѣ случай, происшедшій нѣсколько недѣль тому назадъ, но о которомъ я, живя на дачѣ, до сихъ поръ не слышалъ. Курочкинъ съ двумя ассистентами забрался въ квартиру къ редактору „Русскаго Слова“ Благосвѣтлову и надавалъ ему пощечинъ за какія-то печатныя ругательства.

— 14. Вторникъ, Валуевъ, дѣйствительно, постарался какъ можно выгоднѣе для меня обставить мое увольненіе. Онъ хотѣлъ назначить мнѣ въ прибавку къ моему пенсіону (1,700 руб.) двѣ тысячи пятьсотъ рублей, что, разумѣется, могло-бы меня весьма успокоить. Но К. К. Г. этому воспротивился и назначилъ всего пенсіона три тысячи. Во всякомъ случаѣ, спасибо Валуеву. Сытъ съ этимъ, разумѣется, будешь, но придется испытывать немалыя лишенія. Такъ постепенно я подвигаюсь къ послѣднему скорбному лишенію—лишенію жизни.

— 16. Четвергъ. Встрѣтилъ молодаго парня съ очевидными признаками серьезной болѣзни. Онъ едва передвигалъ ноги. Онъ спросилъ у меня, далеко-ли до Николаевскаго моста, куда онъ брелъ, чтобы найти тамъ на баркѣ своего земляка, который помогъ-бы ему отправиться на родину. Его два раза лѣчили въ Маріинской больницѣ и оба раза выпроваживали едва начинающаго выздоравливать. Когда онъ надняхъ опять явился туда совсѣмъ больной, докторъ ему сказалъ:—Убирайся прочь! Заморю—тотчасъ помрешь. Я далъ этому бѣдняку немного денегъ. Онъ—рабочій на баркахъ.

— 21. Вторникъ. Первая въ нынѣшнемъ году лекція въ Римско-Католической академіи. Студенты, по обыкновенію, встрѣтили меня очень привѣтливо и радушно и, по обыкновенію-же, поднесли мнѣ великолѣпный букетъ цвѣтовъ.

Въ № 246-мъ „Спб. Вѣдомостей“ напечатано первое предостереженіе министра этой газетѣ за статью о банкѣ Френкеля. Я читалъ статью. Она вызвана полемикой „Сѣверной Почты“ и потому уже не должна-бы служить поводомъ къ такой крутой мѣрѣ. Притомъ она написана очень мягко. Мнѣ кажется это ошибкою и потому уже, что такія крутыя мѣры не совмѣстимы съ властью, которая не внушаетъ ни страха, ни уваженія, ни довѣрія къ себѣ. Вѣдь это неболѣе, какъ вспышки, симптомы произвола, которому эта власть не въ состояніи предаваться послѣдовательно и систематически и который, такимъ образомъ, ведетъ лишь къ раздраженію умовъ—и ничего болѣе. Но Валуевъ, кажется, рѣшился идти на проломъ. Посмотримъ, долго-ли и какъ это будетъ продолжаться. Какъ, однако, я долженъ быть ему благодаренъ за то, что онъ отставилъ меня. Конечно, я не могъ-бы раздѣлять подобныхъ взглядовъ и мѣръ и немедленно самъ подалъ-бы въ отставку, отчего очутился-бы въ очень плохомъ положеніи. Да, я долженъ сознаться—Валуевъ поступилъ со мною, что называется, благонамѣренно.

— 22. Среда. Всякій чиновникъ есть рабъ своего начальника, и, право, нѣтъ рабства болѣе жестокаго, чѣмъ это рабство. Чиновникъ еще счастливъ, если онъ глупъ: онъ тогда, пожалуй, даже можетъ гордиться своимъ рабствомъ. Но если онъ уменъ, положеніе его ужасно. Онъ долженъ насиловать передъ своимъ господиномъ свою волю, свое чувство, свои убѣжденія, и, какъ вообще начальникъ не любитъ въ подчиненномъ ума, то этотъ подчиненный каждую минуту долженъ трепетать или за свою честь, или за свой жребій. Положеніе его нѣсколько смягчается, когда начальникъ самъ настолько уменъ и просвѣщенъ, чтобы не слишкомъ бояться ума въ другихъ, и чувствуетъ потребность въ умныхъ подчиненныхъ, умѣя извлекать изъ нихъ пользу. Но и въ такомъ случаѣ бѣдный чиновникъ только терпимъ. Внутренно его боятся и ему не довѣряютъ. Понимая это, онъ поставленъ въ необходимость льстить, дѣлать видъ, что онъ раздѣляетъ взгляды и убѣжденія своего начальника, когда онъ вовсе ихъ не раздѣляетъ и когда его собственныя мнѣнія діаметрально противоположны мнѣніямъ, которыя онъ, однако, долженъ чтить какъ законъ. Кто въ состояніи эмансипировать этихъ рабовъ въ такомъ бюрократическомъ государствѣ, какъ

Россія, гдѣ, кромѣ того, произволъ начальника не находитъ нигдѣ обузданія: и общественное мнѣніе и печать ему ни почемъ (1865 г.).

— 23. Четвергъ. Римско-Католическая академія хлопочетъ объ увеличеніи мнѣ жалованья на сумму, урѣзанную отъ моего пенсіона.

— 24. Пятница. Получены изъ Москвы извѣстія, что Николай Романовичъ Ребиндеръ умеръ. Такъ все рѣже и рѣже становится вокругъ, все темнѣе и темнѣе, пока самому придется погрузиться въ вѣчный мракъ.

— 25. Суббота. Засѣданіе въ Академіи для присужденія Уваровскихъ премій. За драму — никому не присудили. Было представлено три—оказались одна изъ рукъ вонъ плоха, а двѣ посредственныя. Полная премія (1,500 р.) присуждена нѣкоему Носовичу за словарь западно-русскаго нарѣчія и кому-то другому за статистико-историческое сочиненіе объ юго-западномъ краѣ.

— 27. Понедѣльникъ. Ѣздилъ въ Царское Село къ князю П. А. Вяземскому, который нездоровъ. Онъ отдалъ мнѣ стихи свои подъ названіемъ „Подмосковное“, прося отдать ихъ въ типографію для напечатанія. Ему хочется поднести эти стихи Императрицѣ въ память ея пребыванія въ Ильинскомъ.

— 28. Вторникъ. Получилъ премилое письмо изъ Дублина отъ Печерина.

Въ томъ-то и дѣло, что одного знанія недостаточно и что человѣкъ долженъ пополнять себя изъ другихъ источниковъ.

Вотъ откуда вышло предостереженіе „Спб. Вѣдомостямъ“. Товарищъ министра Государственныхъ имуществъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ и директоромъ Френкелевскаго банка. Когда въ Государственномъ совѣтѣ была принята въ уставѣ банка фраза, что и казна можетъ закладывать въ немъ свои имущества, обезпечивая ихъ всѣмъ государственнымъ достояніемъ, то тотчасъ дали о томъ знать Френкелю, который, въ свою очередь поспѣшилъ разгласить объ этомъ по всей Европѣ. Это страшно взволновало нашихъ капиталистовъ. Поднялись...... толки и появилась статья въ „Спб. Вѣдомостяхъ“.... Значитъ, тутъ главную роль играли личные интересы.... Впрочемъ, всѣ эти вещи такъ не новы, что никого и удивлять не могутъ.

Гончаровъ говорилъ мнѣ сегодня, что у нихъ въ совѣтѣ хаосъ; предсѣдатель М. П. Щербининъ—полное ничтожество; во всемъ силится господствовать Ф. Тамъ вспоминали меня, говоря, что я одинъ могъ-бы противодѣйствовать.

Бывъ у князя Вяземскаго, я откровенно высказалъ ему, какую огромную ошибку сдѣлалъ Валуевъ, принявъ на свою личную отвѣтственность дѣла печати и такъ обезличивъ совѣтъ. Онъ поплатится за это. Какъ ни странно и ни глупо можетъ казаться въ глазахъ нѣкоторыхъ, а вѣдь и у насъ дурныя вещи вызываютъ дурныя послѣдствія. Въ публикѣ всеобщее негодованіе противъ Валуева.

Хотѣли сдѣлать предостереженіе „Дню" за его статью о духовной цензурѣ, да и не съумѣли сформулировать этого. А Щербининъ хвалился въ Сенатѣ, что они отдадутъ подъ судъ Ивана Сергѣевича Аксакова!

Октябрь.—1. Пятница. Видѣлся съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Разговоръ о послѣднихъ происшествіяхъ по дѣламъ печати. Тютчевъ говорилъ мнѣ о Катковѣ, съ которымъ онъ часто видѣлся въ Москвѣ, откуда пріѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ. Я не ошибся, полагая, что Катковъ не выноситъ своего успѣха и величія. Имъ овладѣло невыносимое, непомѣрное высокомѣріе и онъ страшно нетерпимъ къ мнѣніямъ другихъ. Какъ не жалѣть объ этомъ? При неотъемлемыхъ его заслугахъ—такія ребяческія замашки!

— **3. Воскресенье.** Меня приглашала г-жа Ладыженская съ которою я недавно познакомился: она желала со мною посовѣтываться о воспитаніи своихъ дѣтей—двухъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Какъ всѣ родители настоящаго времени, не исключая и меня самого, она не знаетъ, что̀ съ ними дѣлать—какъ, гдѣ и съ чьею помощью ихъ учить. Въ такомъ хаосѣ находятся наши школы по милости мудраго и попечительнаго управленія послѣднихъ министровъ народнаго просвѣщенія (1865 г.). Въ гимназіяхъ, напримѣръ, набиваютъ головы дѣтей безчисленнымъ множествомъ предметовъ, то есть именъ и цифръ, безъ всякаго смысла и сознанія цѣли—куда это и къ чему поведетъ? Да и теперь еще не рѣшенъ знаменитый споръ: быть-ли гимназіямъ классическими или реальными? А педагогія наша съ новыми теоріями, взглядами и проч. пришла, наконецъ, въ такое состо-

яніе, что рѣшительно всѣхъ запутываетъ—какъ и чему должно теперь учить. Во всемъ этомъ—классическаго одинъ хаосъ. А между тѣмъ матеріалистическое и нигилистическое направленіе растетъ въ юношествѣ и грозитъ приготовлять изъ него дурныхъ людей и дурныхъ гражданъ. Но какое кому до этого дѣло! Только бѣдные отцы и матери трепещутъ за будущность своихъ дѣтей. Вотъ это такъ несомнѣнный фактъ.

— 5. Вторникъ. „Колоколъ" дребезжитъ, какъ разбитый кусокъ желѣза. Герценъ потерялъ голову отъ неудачи. Онъ думалъ, что подниметъ всю Россію идти съ нимъ или, вѣрнѣе, за нимъ къ пересозданію или, лучше сказать, къ разрушенію самой себя—но не успѣлъ въ этомъ и теперь ругается самымъ непристойнымъ образомъ, „разводя ядъ своихъ чернилъ слюнами бѣшеной собаки". Письмо его къ Государю, по случаю кончины Наслѣдника—верхъ непристойности. Оно даже не умно. Тутъ Герцену не помогаетъ даже остроуміе памфлетиста, талантомъ котораго онъ, безспорно, одаренъ. Кого хочетъ онъ убѣждать грубыми выходками? А между тѣмъ, какъ могъ-бы онъ быть полезенъ даже теперь — говоря только дѣло безъ яростной злобы, критикуя смѣло, энергически, но безъ оскорбительныхъ выходокъ, не давая воли своимъ личнымъ антипатіямъ и не растворяя словъ своихъ горечью обманутаго или оскорбленнаго самолюбія. Теперь только и видишь, что онъ бѣсится, но бѣшенство не есть доказательство: имъ никого не убѣдишь. А для критики правдивой и умной у насъ такъ много матеріаловъ, и мы не только не оскудѣваемъ въ нихъ, а напротивъ, каждый день прибавляемъ новые. Нужны-ли ему типы? И въ нихъ недостатка нѣтъ......

— 8. Пятница. Общее засѣданіе въ Академіи наукъ, и весьма интересное. Президентъ предложилъ вопросъ, слѣдуетъ-ли Академіи отвѣчать на замѣчанія, сдѣланныя московскимъ университетомъ на проектъ новаго устава Академіи и напечатанныя въ изданіи „Московскаго общества исторіи и древностей?" Самыя замѣчанія были прочитаны секретаремъ. Они такого свойства, что, по моему мнѣнію, на нихъ отвѣчать не слѣдуетъ. Главное, въ чемъ московскій университетъ обвиняетъ Академію, то, что, состоя большею частью изъ иностранцевъ, не знающихъ русскаго языка, она не распространяетъ въ народѣ знаній и не приноситъ никакой пользы государству... Отвѣчать на это, зна-

чило-бы изъ вопроса ученаго или корпоративнаго сдѣлать вопросъ національный и поднять страшную бурю, что въ настоящее время особенно неудобно. И потому, когда дѣло дошло до собиранія голосовъ, я объявилъ себя противъ отвѣта и выразилъ ту мысль, что было-бы крайнимъ неприличіемъ, если-бы двѣ главныя просвѣтительныя силы въ государствѣ вышли на публичный бой. Московскія замѣчанія не иное что, какъ ругательства. Академія уронила-бы себя, еслибы стала отражать такіе недостойные удары. Собрали голоса, и значительное большинство оказалось одного со мною мнѣнія, хотя секретарь сильно настаивалъ на противномъ: большая часть замѣчаніи падаетъ на объяснительную записку, которую составлялъ онъ.

Вечеромъ былъ у меня А. Г. Тройницкій, третьяго дня возвратившійся изъ-за границы. Разговоръ о дѣлахъ печати. Тройницкій, какъ умный человѣкъ, тоже видитъ большую ошибку въ томъ, что надѣлано Валуевымъ, да и вообще въ томъ, что онъ взялъ на себя роль единственнаго судьи и направителя литературы.

— 11. Понедѣльникъ. А. С. Вороновъ надняхъ разсказывалъ мнѣ о новостяхъ по министерству народнаго просвѣщенія: Штендеръ, уволенный отъ должности попечителя въ Казани и живущій теперь за границею, получилъ чинъ тайнаго совѣтника и аренду. Пироговъ, тоже находящійся за границею, кромѣ 4,000 руб. содержанія, получилъ аренду. Директоръ департамента Петерсъ въ теченіе года получилъ тайнаго совѣтника, ленту и аренду и проч. и проч. Конечно, Пироговъ выдѣляется изо всѣхъ по уму и способностямъ и, кромѣ того, онъ достойный человѣкъ...

— 15. Среда. Читалъ Сидонскому предисловіе къ біографіи Галича.

— 15. Пятница. Получилъ отъ Рождественскаго нѣкоторые матеріалы, т. е. отрывки лекцій, для біографіи Галича. Изъ нихъ для меня важны: его трактатъ о философіи въ видѣ „Письма къ Агатону“ и отрывокъ изъ исторіи человѣчества.

— 16. Суббота. Холера уже, говорятъ, въ Копенгагенѣ. Значитъ она приближается къ намъ. Вальцъ совѣтовалъ нѣкоторыя предосторожности относительно чистоты и пищи, а затѣмъ не думать о ней и заниматься своимъ дѣломъ.

Нѣтъ опаснѣе животнаго, какъ литераторъ или ученый, когда раздражатъ его самолюбіе.

Засѣданіе въ Академіи наукъ. Толки, кого избрать въ члены нашего отдѣленія. На избраніе въ члены Академіи Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова всѣ согласились единогласно.

Мы ужасно далеко идемъ въ нашей прилѣпленности къ фактамъ, т. е. мы стараемся только добыть фактъ и вовсе не заботимся о томъ, чтобы пріобрѣсти о немъ ясное и точное понятіе. Да на какой-же чортъ намъ данъ умъ, какъ не на то, чтобы судить о фактѣ, добиваться его значенія и отношенія къ другимъ фактамъ! „Искра“ удачно назвала московскаго Лонгинова „гробокопателемъ“.

— 17. Воскресенье. Странныя противорѣчія могутъ уживаться въ одномъ и томъ-же человѣкѣ. Вотъ, напримѣръ, я такъ мало довѣряю всему человѣческому—добродѣтелямъ, уму, благу, жребію людей, а между тѣмъ у меня такое сильное влеченіе ко всему великому и прекрасному, постигать которое и видѣть можно только въ человѣчествѣ-же. Я также сильно сомнѣваюсь въ конечныхъ цѣляхъ творенія, а между тѣмъ вѣрую и горячо вѣрую въ высочайшій творческій и всевидящій царственный разумъ, во Власть и Силу выше природы и вселенной—словомъ вѣрую въ Бога въ духѣ христіанскихъ понятій. Я не уважаю людей, а готовъ служить имъ вѣрою и правдою, хотя увѣренъ, что они на каждомъ шагу меня обманутъ и готовы сдѣлать мнѣ всякое зло.

— 20. Среда. Видѣлся въ Царскомъ Селѣ съ княземъ Вяземскимъ. Разсказъ князя объ усиливающемся спиритизмѣ. Чудеса со столами, приводящія въ недоумѣніе даже людей разсудительныхъ—все по словамъ князя.

— 21. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Странно, какъ люди, желая показаться важными, толкуютъ горячо о пустякахъ со всѣми признаками глубины и серьезности. Вышелъ бурный споръ. Въ прошедшее засѣданіе было рѣшено выбрать въ члены Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова. Но захотѣли непремѣнно сказать въ протоколѣ, что А. Ѳ. Бычковъ избранъ для составленія словаря. Было предложено выбрать еще члена для изданія сочиненій Ломоносова. Первый воспротивился этому я. Мнѣ казалось неудобнымъ выбирать кого-либо въ члены Ака-

деміи для исполненія такого-то порученія, а не для отдѣла или категоріи науки, по которой вообще можетъ быть полезна спеціальная дѣятельность избираемаго. Въ проектѣ новаго устава сказано, что мы должны имѣть шесть членовъ: двухъ для славянской и древне-русской литературы, двухъ для средней и двухъ для послѣ-Петровской. Такъ и слѣдуетъ поступать. Къ моему мнѣнію присоединился Срезневскій, который прибавилъ, что втораго члена онъ требуетъ для славянской литературы, такъ какъ самъ онъ занимается ею въ связи съ древне-русскою. Это мнѣніе мнѣ показалось основательнымъ и согласнымъ съ проектомъ новаго устава. Что касается до словаря, то этому дѣлу должны содѣйствовать всѣ.

Пекарскій съ обычнымъ своимъ педантизмомъ, между прочимъ, сказалъ:—Въ наукѣ не нужно никакихъ убѣжденій.

— Какъ же! возразилъ я,—вы науку считаете чѣмъ-то чужимъ для человѣка, а человѣка машиною, выдѣлывающею ученыя игрушки?

Тогда онъ поправился и отвѣчалъ, что разумѣетъ это въ отношеніи лицъ увлекающихся. Однако, онъ и тутъ самъ себѣ противорѣчилъ. Въ занятіяхъ своихъ онъ тоже увлекается любовью къ выпискамъ и къ копленію матеріаловъ. Ну и Богъ съ нимъ! Пусть онъ это дѣлаетъ: это тоже вещь полезная. Но зачѣмъ-же думать, что это и есть единственная полезная вещь въ наукѣ, а все прочее вздоръ.

— 23. Суббота. Разговоръ съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Отъ него услышалъ я, между прочимъ, что И. С. Аксаковъ женится на его дочери фрейлинѣ, и что „День“ прекращается, потому что Аксаковъ каждый годъ получалъ отъ него тысячъ до трехъ убытку.

— 24. Воскресенье. Разсказываютъ ужасы про симбирскіе пожары, слѣдствіе о которыхъ теперь только кончено. Разсказываютъ, будто Симбирскъ сожгли вовсе не поляки, а батальонъ русскихъ солдатъ, начальникъ котораго, какой-то полковникъ былъ первымъ виновникомъ и подстрекателемъ этого безпримѣрнаго злодѣйства. Побудительною причиною будто-бы былъ грабежъ. Правительство, говорятъ, даже не рѣшается обнародовать о томъ стыда ради, падающаго на всю націю, особенно

послѣ всего того, что было говорено и писано объ участіи въ поджогахъ поляковъ. Правда это или нѣтъ? [1])

Вообще злодѣйства всякаго рода—кражи, грабежи, убійства за послѣднее время усилились у насъ до неслыханной степени. Безпрестанно читаешь о нихъ въ газетахъ, а сколько еще такихъ, о которыхъ и въ газетахъ не пишутъ. Всѣ приписываютъ это безнаказанности. Воры и грабители безпрестанно выпускаются на поруки или оставляются только въ сильномъ подозрѣніи. Въ полицейской газетѣ очень часто читаемъ, что иные преступники попадаются въ третій, четвертый и даже пятый разъ, и всякій разъ опять выпускаются на волю. Ссылаемые въ Сибирь находятъ возможность бѣжать, и это тоже служитъ немалымъ поощреніемъ къ новымъ преступленіямъ.

— 25. Понедѣльникъ. Вчера были похороны дочери Н. Р. Ребиндера, по мужу Саломки. Она умерла, не зная о смерти отца. Между тѣмъ, вотъ странный случай. Въ тотъ самый день, какъ мужъ ея получилъ изъ Москвы телеграмму о смерти Николая Романовича, она немного заснула и вдругъ, проснувшись, сказала своей теткѣ:—„Боже мой, какой страшный сонъ я видѣла. Я видѣла отца въ гробу“. Разумѣется, впечатлѣніе, возбужденное этимъ сномъ, старались ослабить, такъ какъ докторъ рѣшительно запретилъ передавать ей печальную вѣсть. Бѣдная оставила двухъ крошечныхъ дѣтей безъ всякаго состоянія.

— 27. Среда. Былъ у Ивана Александровича Гончарова, съ которымъ давно не видался. Онъ сильно жалуется на безпорядокъ и великія неудобства нынѣшняго совѣта по дѣламъ печати. Предсѣдательствующій—человѣкъ ничтожный, силится всѣмъ заправлять, а дѣйствительный заправитель всего Ф......

— 26. Четвергъ. Пріятные разсказы о скандалахъ. Въ Александринскомъ театрѣ, по окончаніи представленія, два офицера, ради удальства, такъ толкнули одну даму въ креслахъ, что она только креслами была спасена отъ паденія. Съ нею былъ какой-то мужчина. Онъ вступился за нее и началъ крупное объясненіе съ офицерами, которые однако его-же осмѣяли. Но главное тутъ въ томъ, что наша публика, обыкновенно столь кроткая и вообще

---

[1]) Полная неправда, что и было доказано новымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ сенаторомъ В. И. Деномъ. *Ред.*

терпѣливая, на этотъ разъ всполошилась. Она окружила буяновъ и потребовала полицію. Явился полиціймейстеръ или частный приставъ, который, по требованію публики, и долженъ былъ составить актъ. Человѣкъ сто свидѣтелей подписали этотъ актъ и виновные были арестованы. Дальнѣйшій ходъ дѣла еще неизвѣстенъ.

— 29. Пятница. Обѣдалъ у князя П. А. Вяземскаго въ Царскомъ Селѣ. Мы отправились туда вмѣстѣ съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Тамъ видѣлъ я и дочь его, невѣсту Аксакова, Анну Ѳедоровну. Она немолода, но, говорятъ, очень умна. Вечеромъ пришла вторая дочь Ѳедора Ивановича, съ которою я познакомился на пароходѣ, кажется въ 1860 году, когда ѣхалъ въ Штетинъ. Это миловидная и очень пріятная особа, съ которою, я помню, мы хорошо пробесѣдовали нѣсколько часовъ плаванія, пока она не подверглась морской болѣзни. Сегодня разговоръ у князя вертѣлся на современныхъ происшествіяхъ: какъ офицеры чуть не побили одну даму въ театрѣ, какъ на театрѣ у насъ представляютъ чортъ знаетъ какія безобразія, какъ какого-то Бибикова отдали подъ судъ за книгу, въ которой онъ доказываетъ превосходство полигаміи надъ единобрачіемъ—все матеріи важныя и привлекательныя. Да и о чемъ-же говорить въ наше время? Послѣ обѣда Тютчевъ отправился къ своимъ дочерямъ, а я еще посидѣлъ немного и побрелъ на желѣзную дорогу. Но я дурно разсчиталъ время и мнѣ пришлось битыхъ три часа провести въ ресторанѣ желѣзнодорожной станціи въ пріятномъ обществѣ двухъ маркеровъ, которые забавлялись, катая шары на бильярдѣ. Впрочемъ, въ залѣ было чисто, и мнѣ подали стаканъ очень порядочнаго чаю. Около одиннадцати подъѣхалъ Тютчевъ, и мы вмѣстѣ отправились обратно въ Петербургъ, гдѣ я еще засталъ у себя А. С. Воронова, О. Ѳ. Миллера и другихъ.

— 30. Суббота. Вчера у князя П. А. Вяземскаго мнѣ сказали, что въ Царскомъ Селѣ одинъ человѣкъ умеръ отъ холеры.

Весь день работалъ надъ программою академическихъ занятій, которую намѣренъ представить въ отдѣленіе.

— 31. Воскресенье. Былъ на праздновании столѣтія „Вольно-Экономическаго Общества“. Праздникъ происходилъ въ залѣ Дворянскаго собранія. Зала была убрана просто, но хорошо. Собраніе многочисленное. Нѣсколько депутацій принесли свои позд-

равленія отъ разныхъ учрежденій. Рѣчей ихъ не было слышно. Все обошлось очень прилично.

Ноябрь.—1. Понедѣльникъ. Письмо и фотографическая карточка отъ Печерина изъ Дублина. Сколько воспоминаній соединяется съ этимъ милымъ лицомъ, которое, судя по портрету, мало измѣнилось! Та же мягкость въ чертахъ, то же добродушіе, то же умное, оригинальное выраженіе во всемъ складѣ лица. А въ письмѣ его сколько наблюдательности, ума и знанія, пріобрѣтеннаго наукою и опытомъ! О Россіи онъ говоритъ съ любовью, хотя невидно, чтобы онъ желалъ возвратиться въ нее. Да и... но объ этомъ не хочется говорить даже съ самимъ собою.

— 5. Пятница. Общее собраніе въ Академіи. Президентъ предложилъ уничтожить Готторпскій глобусъ, пріобрѣтенный Петромъ I-мъ въ 1713 году, такъ какъ этотъ глобусъ въ пожарѣ— 1748, кажется, года—такъ обгорѣлъ, что отъ него остался одинъ остовъ, и онъ занимаетъ только напрасно большое мѣсто. Это тотъ самый, внутри котораго могутъ помѣститься двѣнадцать человѣкъ. Я замѣтилъ, что не лучше-ли было бы его сохранить, какъ почтенную историческую развалину? Каковъ бы ни былъ теперь этотъ глобусъ, а вѣдь съ нимъ всетаки связано имя Петра, и потому хорошо-ли будетъ предать его уничтоженію. Другіе были того же мнѣнія. Положено нарядить комиссію для обслѣдованія этого дѣла. При этомъ Гельмерсенъ полагалъ, что глобусъ можно бы поправить и употребить для географическихъ цѣлей.

Потомъ Рупрехтъ представилъ свой отвѣтъ на замѣчанія московскаго университета будто бы отъ себя, но съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ Академическихъ запискахъ. Я сильно противъ этого протестовалъ. Это было бы противорѣчіемъ принятому уже Академіей намѣренію не отвѣчать на московскіе и ни на какіе нападки. Противорѣчіе это выразится въ томъ, если мы напечатаемъ этотъ отвѣтъ въ нашихъ запискахъ. Пусть Рупрехтъ печатаетъ свою статью гдѣ захочетъ, только не въ запискахъ Академіи и не въ академической газетѣ. Президентъ и секретарь защищали статью и печатаніе ея въ запискахъ, но слабо. Огромное большинство рѣшило не принимать ея, поэтому она не была и читана.

— 6. Суббота. Вечеромъ у Тройницкаго. Разговоръ о судь-

бахъ печати. Тройницкій подтвердилъ, что Валуевъ очень ко мнѣ не благоволитъ—во-первыхъ, какъ онъ полагаетъ, за мои съ нимъ столкновенія во время моего редакторства, особенно за мой протестъ по поводу принудительной подписки на газету,—подписки, которую задумалъ было министръ и которую я считалъ чрезвычайно неблаговидною и вредною. Во-вторыхъ, ему не нравилось мое поведеніе въ совѣтѣ по дѣламъ печати и то, что я все время стоялъ за расширеніе правъ этого совѣта и за ограниченіе власти Валуева. Тройницкій еще думаетъ, что мнѣ сильно и болѣе всѣхъ гадилъ Ф.—гадилъ же онъ мнѣ изъ мщенія за то, что я не хотѣлъ печатать въ газетѣ статей его и его пріятелей и не позволялъ ему распоряжаться этимъ помимо меня.

— 8. Понедѣльникъ. Очевидное дѣло, что Валуевъ надѣется съ помощью Ф. подавить все „вредное" въ нашей печати. Въ добрый часъ! Только мнѣ кажется, что Валуевъ взялся за дѣло, превосходящее его силы и способности, да и вообще силы и способности одного чиновника. Съ газетами, напримѣръ, такими, какъ „Спб. Вѣдомости" и „Голосъ", онъ можетъ еще кое-какъ управиться. Но какъ справится онъ съ „Московскими Вѣдомостями" и съ „Днемъ", если тѣ захотятъ умно дѣйствовать, то-есть сколько-нибудь осторожно. Тутъ придется, какъ уже и приходилось, спускать однимъ то, за что съ другихъ будутъ взыскивать—а это на какую стать? Тутъ необходимы двѣ вещи. Во-первыхъ, если правительство признало нашу печать уже настолько созрѣвшею, что ее можно было освободить изъ-подъ опеки предварительной цензуры, то необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является и то, чтобы действительно предоставить ей бо́льшую свободу. Во-вторыхъ, слѣдовало бы образовать такой совѣтъ въ министерствѣ, который пользовался бы и уваженіемъ въ обществѣ, а не такой, какъ нынѣ (1865 г.)—и предоставить ему извѣстную долю самостоятельности и возложить на него часть отвѣтственности, хоть такъ, напримѣръ, какъ совѣтовалъ въ своей запискѣ баронъ М. А. Корфъ. Это была бы сила, опирающаяся на общественное мнѣніе и изъятая отъ упрека въ бюрократическомъ произволѣ. Но у насъ хотѣли вполнѣ послѣдовать примѣру французскихъ законовъ о печати. Тамъ, однако, другое дѣло. Тамъ вообще въ управленіи существуетъ

опредѣленная система и ея держатся послѣдовательно. Она не колеблется безпрестанно, какъ у насъ, и самые чиновники, завѣдующіе этимъ, далеко превосходятъ нашихъ умомъ и тактомъ. Притомъ, какъ ни жалуется французская печать на деспотизмъ администраціи, а всетаки ей предоставлено больше свободы, чѣмъ нашей. Тамъ администрація больше всего имѣетъ въ виду безопасность и утвержденіе династическаго начала—въ чемъ намъ нѣтъ надобности—и все, что ни касается этого начала и не угрожаетъ императорскому правительству Наполеона, то и не преслѣдуется. У насъ же все возбуждаетъ опасенія. Въ такомъ случаѣ ужъ право лучше бы еще на время оставить предупредительную цензуру. Но если уже сочли ее отжившею—что и справедливо—то надо было какъ можно больше позаботиться о томъ, чтобы дѣло печати находилось въ рукахъ болѣе надежныхъ, чѣмъ эти чиновники, у которыхъ ни на что нѣтъ другой точки зрѣнія, кромѣ канцелярской. Главное, Совѣтъ и Совѣтъ!

— 10. Среда. Не размышлять, не задумываться надъ нынѣшнимъ (1865 г.) состояніемъ Россіи можетъ только одно непростительное легкомысліе. Это положеніе вещей не можетъ остаться безъ важныхъ послѣдствій, хотя сущности этихъ послѣдствій никто предвидѣть не можетъ.

— 11. Четвергъ. На дняхъ случилось мнѣ бесѣдовать съ полиціймейстеромъ нашей части города Банашомъ. Онъ разсказываетъ удивительныя вещи про воровъ, мошенниковъ, грабителей, которыми „кишмя кишитъ (1865 г.) столица". Они безбоязненно и открыто совершаютъ свои подвиги, увѣренные въ своей безнаказанности. Генералъ-губернаторъ и оберъ-полиціймейстеръ отличаются гуманностью, какой не найдешь ни въ одномъ цивилизованномъ обществѣ. Вездѣ принято за правило охранять честныхъ гражданъ отъ насилія и мошенничества негодяевъ, а тутъ первые беззащитны, а послѣдніе безнаказанны (1865 г.) Низшая полиція ничего не въ состояніи сдѣлать, когда высшая полиція явно потакаетъ беззаконію. Да отчего-же? По слабости или по какой-нибудь системѣ? Между прочимъ, мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ одну характеристическую черту времени. Онъ своими ушами слышалъ, какъ нѣсколько уличныхъ грабителей, разговаривая между собою, восхваляли власть, которая отмѣнила плети.—„Теперь-то и житье намъ", говорилъ одинъ.—Проклятыя

плети маленько страшноваты были, а нонече что? сошлютъ въ Сибирь? Экъ, велика бѣда! Развѣ тамъ не живутъ люди? Да подчасъ и бѣжать можно". Банашъ увѣряетъ, что таковъ общій взглядъ нынѣшнихъ воровъ и разбойниковъ.

— 12. Пятница. Около „Русскаго Слова" группируются отчаянные радикалы, нигилисты, отвергающіе всѣ законы нравственные, эстетическіе и религіозные во имя прогресса и соціальнаго благоденствія человѣческаго рода. И всего-то нелѣпѣе, что это не иное что, какъ подражаніе французскимъ революціонерамъ 1790 года. Извѣстно, что коноводы французской революціи,—если не ошибаюсь, Дантонъ—требовали декретомъ пріостановить дѣйствіе нравственныхъ законовъ и законовъ права. Въ то-же время, однако, Робеспьеръ ставилъ себѣ въ заслугу свое безкорыстіе и отсутствіе въ себѣ всякихъ развратныхъ поползновеній, и другіе тоже хвалились патріотическими чувствами, обрекая на смерть цѣлыя тысячи. Самъ Маратъ выставлялъ себя другомъ угнетенныхъ и страждущихъ меньшихъ братій. У нихъ, значитъ, были-же свои хоть какіе-нибудь нравственные законы, хотя, конечно, можно усомниться въ томъ, чтобы законы, обрекающіе на гибель цѣлыя тысячи невинныхъ людей во имя блага другихъ сотенъ, были хорошіе законы.

Въ № 245-мъ „Сѣверной Почты" напечатано первое предостереженіе „Современнику" за „косвенное порицаніе началъ собственности" (въ августовской книжкѣ, стр. 308—321) и за прямое порицаніе тѣхъ-же началъ (въ сентябрьской книжкѣ, стр. 93—96), за возбужденіе противъ высшихъ и имущественныхъ классовъ, за оскорбленіе началъ брачнаго союза. Хотя я и открыто порицаю нынѣшнее положеніе закона о печати, тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ я не могу не подумать: подѣломъ вору мука! Если такіе журналы, какъ „Современникъ" и Русское Слово", нарвутся и на третье предостереженіе съ его послѣдствіями, то и тогда врядъ-ли имъ можно будетъ сочувствовать. Я просматривалъ страницы, на которыя указываетъ „Сѣверная Почта": тутъ дѣйствительно содержатся вещи непозволительныя, если не допустить у насъ безусловной свободы печати.

— 13. Суббота. Кто внимательно наблюдалъ за ходомъ дѣлъ человѣческихъ, тотъ знаетъ, что въ жизни обществъ бываютъ

эпохи, когда дѣла такъ усложняются и запутываются, что распутать ихъ обыкновеннымъ образомъ нѣтъ никакой возможности а приходится разсѣкать ихъ ударомъ меча. Мы, кажется, находимся въ такомъ положеніи. Грибоѣдовъ сказалъ въ своей комедіи умную вещь устами пустого человѣка; „желудокъ больше не варитъ“ и „радикальныя потребны тутъ лекарства“. Неизбѣжность грознаго переворота чувствуется въ воздухѣ: убѣжденіе въ этомъ становится сильнѣе и повсемѣстнѣе. Мы стоимъ въ преддверіи анархіи—да она уже и началась и не та тайная анархія, которая въ Россіи давно скрывалась въ произволѣ чиновничества подъ личиною внѣшняго порядка, а въ явномъ пренебреженіи къ закону, порядку и уже къ самому правительству, котораго не боятся и не уважаютъ (1865 г.)—во всеобщей распущенности нравовъ, въ отсутствіи безопасности лицъ и собственности, словомъ во всемъ этомъ броженіи умственномъ, нравственномъ и административномъ, въ этомъ очевидномъ хаосѣ, охватывающемъ всѣ отправленія нашей гражданственности.

Изъ всѣхъ господствъ самое страшное — господство черни. Господство личнаго деспотизма связываетъ людей и не даетъ имъ свободно дышать; господство аристократіи погружаетъ ихъ въ тупую апатію; господство черни безъ церемоніи грабитъ и рѣжетъ ихъ.

Бѣда, если это демократизирующее начало, которое такъ пылко проповѣдуется у насъ мальчиками-писунами, успѣетъ разнуздать народъ еще полудикій, пьяный, лишенный нравственнаго и религіознаго образованія. Какихъ бѣдъ не въ состояніи онъ надѣлать!

Бѣда, когда какая-нибудь идея попадаетъ въ тупыя или неискусныя руки. Эти руки съ добрымъ намѣреніемъ постараются своими крайностями уничтожить въ ней все хорошее, а дурное такъ раздуть, что оно и у хорошаго отниметъ всю его силу и вліяніе и представитъ его чудовищнымъ.

— 15. Понедѣльникъ. Извѣстно, что никто столько не вредитъ успѣху истины и добра, какъ неразумные и ярые ихъ друзья и поборники. Своими крайностями они убиваютъ въ умахъ всякое къ нимъ довѣріе, а злу придаютъ характеръ законной охранительной силы.

Вечеръ у Литке. Тамъ среди множества генеральскихъ эпо-

летъ и звѣздоносныхъ фраковъ встрѣтилъ Тройницкаго, Княжевича, Перевозчикова и Семенова, оберъ-прокурора Сената, съ которыми и проговорилъ весь вечеръ.

Страшное и гнусное злодѣйство. Студентъ Медицинской академіи женился на молодой и милой дѣвушкѣ, но вскорѣ началъ ее ревновать и даже задумалъ ее убить, поразивъ ее толстою булавкою во время сна. Но это ему не удалось: она проснулась въ ту минуту, когда онъ готовился вонзить ей булавку въ шею. Произошла страшная сцена, и молодая женщина ушла къ отцу. Спустя нѣкоторое время, студентъ прикинулся раскаявающимся. Онъ явился къ отцу и матери своей жены и началъ умолять послѣднюю о прощеніи. Послѣдняя послѣ нѣкотораго сопротивленія, наконецъ, уступила и, когда въ знакъ примиренія согласилась его поцѣловать, онъ откусилъ ей носъ. Несчастная молодая женщина теперь въ клиникѣ, и неизвѣстно, что съ нею будетъ. Каковы у насъ нравы!

— 17. Среда. Надняхъ знакомый мнѣ медикъ, докторъ Каталинскій, отравился изъ любви къ одной красавицѣ, актрисѣ французскаго театра, имя которой, кажется, Стелла-Коласъ. Она обѣщала ему выйти за него замужъ, а потомъ измѣнила.

Вечеръ въ театрѣ. Шла опера „Сафо". Тутъ превосходна Барбо. Особенно игра ея въ высшей степени художественна.

— 18. Четвергъ. Говорятъ, что Каталинскій не отравился, а умеръ съ радости, получивъ отъ своей возлюбленной согласіе на бракъ съ нимъ. Вотъ какъ удобно изучать современныя событія! Одно и то-же происшествіе разсказывается на пять, на десять совершенно различныхъ ладовъ. Вотъ, напримѣръ, и объ офицерахъ, оскорбившихъ даму въ театрѣ—иные говорятъ, что публика энергически и честно вступилась за обиженную и потребовала отъ полицейскаго чиновника, чтобы тутъ-же былъ составленъ актъ; другіе разсказываютъ, что публика, напротивъ, вела себя очень тихо, никакого составленія акта не было и что все ограничилось однимъ скромнымъ заявленіемъ, а когда потребовалось идти въ полицію, чтобы подкрѣпить заявленіе свидѣтельствомъ, то всѣ разбрелись, исключая двухъ студентовъ, которые и составили всю публику.

— 22. Понедѣльникъ. Въ нашемъ обществѣ издерживается ужасное множество словъ. Говорятъ много и безтолково, или го-

ворятъ остроумно, но нисколько не углубляясь въ дѣло: это наша страсть и наше бѣдствіе. Оттого всякое дѣло у насъ начинается словами и испаряется въ словахъ. Оно и остается только при своемъ началѣ, а чаще всего при одномъ проектѣ. Точныхъ свѣдѣній мы ни о чемъ не имѣемъ, да и не очень заботимся имѣть ихъ. Между тѣмъ приговоры о людяхъ и вещахъ произносятся самые рѣшительные и безаппеляціонные.

Вечеромъ былъ Чижовъ, на нѣсколько дней пріѣхавшій изъ Москвы. Мы обнялись, какъ старые друзья, каковые и есть на самомъ дѣлѣ. Онъ сильно посѣдѣлъ. Разсказъ о Ребиндерѣ, который передъ смертью совсѣмъ разорился необдуманными спекуляціями. По словамъ Чижова, его, бѣднаго, терзало также честолюбіе. Ему вообразилось, что онъ непремѣнно долженъ быть министромъ, и вѣрилъ, что Провидѣніе предназначило ему играть важную политическую роль. Въ то-же время онъ хотѣлъ жениться и двѣ невѣсты его отвергли.

Вечеромъ былъ также И. К. Гебгардтъ. Онъ, бѣдный, совсѣмъ превратился въ старую бабу-сплетницу. Онъ только и знаетъ, что разсказываетъ разные слухи и на все и на всѣхъ брюзжитъ.

— 24. Среда. Бибиковъ былъ судимъ въ уголовной палатѣ за свою книгу: „Критическіе этюды" и приговоренъ къ шестидневному тюремному заключенію. Большинство судей, однако, находило, что его нельзя осудить за тѣ вины, которыя формулированы министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и только по настоянію прокурора и состоялся приговоръ.

— 26. Пятница. Газеты извѣщаютъ, что генералъ-адъютантъ Анненковъ, бывшій кіевскій генералъ-губернаторъ, умеръ.

Надняхъ докторъ Вальцъ говорилъ, что холерныхъ случаевъ и притомъ смертныхъ уже было пять.

— 27. Суббота. Демократизмъ долженъ состоять не въ томъ, чтобы каждаго человѣка сдѣлать подобнымъ другому — такого смѣшенія и однообразія не допускаетъ природа—а въ томъ, чтобы каждому предоставить возможность быть или самостоятельнымъ или повиноваться, какъ это ему лучше или удобнѣе. Изъ того, что нѣкоторымъ не хочется повиноваться, еще не слѣдуетъ, что они и не должны повиноваться.

— 30. Вторникъ. Видѣлся съ Чижовымъ и Полѣновымъ. Полѣновъ такой-же добрякъ, какимъ былъ всегда. Чижовъ попреж-

нему считаетъ себя способнымъ обмануть цѣлый свѣтъ. Между тѣмъ, онъ истинно честный человѣкъ и на дѣлѣ никого не обманетъ и неспособенъ обмануть.

Декабрь. — 1. Среда. Вечеръ у **. Мнѣ какъ-то тяжело бываетъ въ большомъ сборищѣ людей. Слышишь то-же безконечное разногласіе мнѣній, тѣ-же нелѣпые толки, тѣ-же вѣсти о происшествіяхъ, которыя никогда не случались или случились вовсе не такъ, и проч. Тутъ надо или молчать, или впадать самому въ мутный потокъ тѣхъ-же пустыхъ рѣчей, а наблюдать всѣхъ этихъ передовыхъ личностей, право, не стоитъ труда. Да я и знаю ихъ уже очень хорошо: всѣ непобѣдимыя самолюбія, претендующія на исключительное первенство. Одно лицо однако тутъ было любопытное — старый мой знакомый Стороженко, служившій два года при Муравьевѣ и исполнявшій его разныя порученія. Онъ закрывалъ монастыри, производилъ слѣдствія и пр. Это плутоватый малороссіянинъ первой руки. Онъ разсказывалъ много интересныхъ вещей, которыя были-бы еще интереснѣе, еслибы ему можно было вѣрить во всемъ. Но онъ разсказываетъ умно и замысловато съ малороссійскимъ юморомъ.

— 2. Четвергъ. Опять на большомъ сборищѣ—на обѣдѣ у вице-президента Медицинской академіи Глѣбова. Онъ праздновалъ день рожденія своего четырехлѣтняго сына, котораго и онъ и жена его любятъ до безумія. Тутъ были всѣ медицинскія знаменитости и профессора: Дубовицкій, Якубовичъ, Цыцуринъ, Боткинъ и т. д. Все это общество очень ласково приняло меня. Съ Якубовичемъ я говорилъ по малороссійски. Это въ обращеніи, что называется, добрый малый, немножко съ забубенными замашками.

— 3. Пятница. Вечеромъ происходило у меня чтеніе. Гончаровъ читалъ драму графа Толстаго: „Смерть Іоанна Грознаго“, о которой много говорили въ публикѣ. Пьеса дѣйствительно замѣчательная по вѣрности характеровъ Грознаго и Бориса Годунова и вообще по искусной обработкѣ. Слушать собралось довольно много гостей, особенно дамъ. Между послѣдними сіяла А. С. С., которую я прозвалъ королевой Анной за ея величественный ростъ и эффектную красоту. Приглашалъ я и моихъ академическихъ товарищей, въ томъ числѣ и Пекарскаго. Что касается послѣдняго, то я, впрочемъ, былъ почти увѣренъ, что

онъ не пріѣдетъ. Онъ не признаетъ поэзіи, считая ее слишкомъ ничтожною для своего академическаго ума.

— 4. Суббота. Въ № 263-мъ „Сѣверной Почты" напечатано первое предостереженіе „Голосу"—вѣроятно за его анти-національныя выходки. Такъ, напримѣръ, онъ отзывался съ какимъ-то глумленіемъ о дѣлахъ нашихъ въ Средней Азіи по случаю занятія Ташкента, что особенно теперь некстати по причинѣ всяческихъ слуховъ, распространяемыхъ въ англійскихъ газетахъ на счетъ нашихъ завоевательныхъ видовъ и проч. У „Голоса", кажется, одна забота—во всемъ противорѣчить „Московскимъ Вѣдомостямъ", съ которыми онъ въ страшной враждѣ, и чтобы насолить этой газетѣ, чуть-ли не готовъ доказывать всякія нелѣпости даже въ подрывъ нашимъ интересамъ. Этимъ онъ думаетъ дать себѣ особенный цвѣтъ и физіономію.

Замѣчательны рѣчи предсѣдателя Царскосельскаго земскаго собранія—Платонова и члена—графа Шувалова, произнесенныя въ земскомъ собраніи и напечатанныя въ 319-мъ № „Спб. Вѣдомостей". Дѣло идетъ о томъ, чтобы просить правительство объ установленіи общей земской управы для разсмотрѣнія общихъ государственныхъ экономическихъ дѣлъ.

Вечеръ у Ржевскаго. Тутъ собираются обыкновенно все приверженцы дворянскихъ интересовъ. Между такими приверженцами замѣтнѣе всѣхъ Скарятинъ, издатель „Вѣсти", дворянской газеты. Во всякомъ случаѣ, онъ весьма неглупый и даже даровитый человѣкъ. Онъ хорошо говоритъ и готовитъ себя въ ораторы будущей земской думы—если таковая будетъ. Тутъ былъ также и извѣстный П. И. Мельниковъ, плутоватое личико котораго выглядывало изъ-за густыхъ рыжеватыхъ бакенбардъ. Онъ выбрасывалъ изъ своего рта множество разныхъ анекдотовъ и фразъ бойкаго, но не совсѣмъ правдиваго свойства. Шиль, отставной профессоръ Гельсингфорскаго университета, откуда вытѣснили его шведы—политико-экономъ, неглупый, но, кажется, высокодумающій о своихъ умственныхъ и ученыхъ достоинствахъ. Послѣ явился и малютка Ф., обратившійся ко мнѣ съ самымъ дружескимъ пожатіемъ руки. Съ нимъ обращаются не безъ нѣкоторой осторожности, такъ какъ считаютъ его . . . . у Валуева. Онъ теперь держитъ себя съ извѣстнымъ величіемъ, какъ подобаетъ члену министерскаго совѣта. Кабинетъ Ржевскаго слишкомъ на-

полнился, и мнѣ стало неловко въ этомъ сборищѣ людей, которые всѣ претендуютъ на важное значеніе въ обществѣ, чрезвычайно остроумно судятъ о всѣхъ современныхъ вопросахъ, не щадя никого и ничего, и стараются выказать столько ума и знанія, что мнѣ, маленькому и темненькому человѣчку, тутъ уже вовсе нечего было дѣлать, и я поспѣшилъ себя вынести изъ этой для меня слишкомъ блестящей среды.

Поутру заѣзжалъ къ Варварѣ Дмитріевнѣ Ладыженской. Тутъ познакомился съ ея двоюроднымъ братомъ флигель-адъютантомъ Воейковымъ, который почему-то знаетъ, что я былъ нѣкогда знакомъ съ его дѣдомъ П. С. Молчановымъ, состоявшимъ статсъ-секретаремъ при Александрѣ I-мъ. Дѣйствительно, когда я былъ студентомъ и жилъ у г-жи Штеричъ, Молчановъ часто бывалъ у нея, иногда сажалъ меня возлѣ себя и подолго со мной говорилъ о Малороссіи, которую очень любилъ. Онъ умеръ во время холеры 1831-го года одною изъ первыхъ жертвъ ея. Во время моего знакомства съ нимъ онъ былъ уже слѣпъ.

— 5. Воскресенье. Въ сегодняшнемъ № 266-мъ „Сѣверной Почты“ напечатано второе предостереженіе „Современнику“.

— 7. Вторникъ. Обѣдалъ въ клубѣ. Возобновилъ знакомство съ барономъ А. И. Дельвигомъ, съ которымъ лѣтъ тридцать тому назадъ познакомился у Плетнева, а также знакомство съ Боткинымъ, братомъ литератора Боткина, что въ Москвѣ.

— 11. Суббота. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Срезневскій сегодня читалъ намъ свою статью о платьѣ Всеволода-Гавріила, князя Новгородскаго въ XIII вѣкѣ и причисленнаго къ лику святыхъ. Онъ отыскалъ въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ истертый, полинявшій и попорченный рисунокъ, на которомъ будто-бы изображенъ этотъ князь. Главный вопросъ состоялъ въ томъ, точно-ли рисунокъ изображаетъ этого, а не другого князя. Видно, что онъ перебралъ нѣсколько лѣтописей и много трудился. Никакихъ соображеній онъ болѣе не дѣлаетъ, и что изъ этого слѣдуетъ—не говоритъ.

— 14. Вторникъ. „Московскія Вѣдомости“ принадлежатъ университету, и Катковъ съ Леонтьевымъ содержатъ ихъ на арендѣ вмѣстѣ съ типографіей за 73 тысячи рублей. „Спб. Вѣдомости“ Академія наукъ также отдаетъ въ аренду Коршу за 15 тысячъ. Чтобы оттиснуть Каткова отъ редакціи „Московскихъ Вѣдомо-

стей“, Головнинъ предлагаетъ министру внутреннихъ дѣлъ взять эту газету отъ университета, а для большей благовидности также и „Спб. Вѣдомости“ отъ Академіи и передать ихъ въ вѣдомство Главнаго управленія по дѣламъ печати, съ тѣмъ, чтобы оно отъ себя отдавало ихъ въ аренду „благонадежнымъ людямъ“. Поводъ къ этому (распоряженію) онъ находитъ въ томъ, что арендныя деньги поступаютъ въ государственное казначейство и оттуда идутъ на содержаніе упомянутыхъ заведеній. Но арендныя деньги могутъ уменьшиться, а то и совсѣмъ прекратиться, если правительство наложитъ свою руку на эти газеты. Съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшатся и средства обезпеченія этихъ заведеній, ибо государственному казначейству не изъ чего будетъ выплачивать недостающихъ денегъ. Заведенія эти, такимъ образомъ, говоритъ Головнинъ, будутъ потрясены въ самомъ основаніи. Для предупрежденія этого-то зла и спасенія московскаго университета и Академіи наукъ, онъ и предлагаетъ упомянутую мѣру, полагая, что арендныя деньги въ вѣдѣніи Главнаго управленія по дѣламъ печати постоянно будутъ въ той-же цифрѣ, какъ нынѣ. При этомъ онъ совѣтуетъ Валуеву „Спб. Вѣдомости“ слить съ „Сѣверной Почтой“, что, по его мнѣнію, должно увеличить доходъ послѣдней. Кромѣ того, онъ думаетъ, что Главное управленіе, получивъ въ свое завѣдываніе обѣ газеты, будетъ дѣйствовать вообще на прессу. Все это Головнинъ предлагалъ Валуеву еще годъ тому назадъ, въ декабрѣ 1864 года, но почему-то послѣдній оставилъ тогда бумагу безъ движенія. Теперь Головнинъ отнесся къ Валуеву вторично, а этотъ спрашиваетъ мнѣнія у президента Академіи. Ненадежность арендного дохода, получаемаго университетомъ и Академіей, Головнинъ основываетъ на возможности пріостановки или запрещенія арендуемыхъ газетъ по новымъ законамъ о печати. Годъ тому назадъ законы эти еще не прошли, но Головнинъ зналъ, что они будутъ установлены.

Сегодня я читалъ бумаги Головнина въ комитетѣ Академіи, куда онѣ поступили отъ президента. Очень жаль, что президентъ самъ хочетъ на нихъ отвѣчать безъ совѣщанія съ членами Академіи, и отвѣтъ его, безъ сомнѣнія, будетъ уклончивый. Это я вижу уже изъ словъ секретаря. Головнинъ забылъ однако одно, что, съ поступленіемъ газетъ въ вѣдомство и подъ дирекцію Главнаго управленія по дѣламъ печати, число ихъ подписчиковъ

должно непремѣнно уменьшиться, ихъ значеніе отъ казеннаго вліянія потеряется, слѣдовательно и арендная плата понизится, и казна потерпитъ убытокъ.

— 15. Среда. Сильно нужно бороться съ внутренними тревогами, возбуждаемыми то тягостями и безтолковщиною времени, то неурядицею собственнаго духа и матеріальными недостатками. Однако надобно бороться, надобно быть человѣкомъ и мужемъ. Главное, не должно разсыпаться въ мелочахъ, опасеніяхъ, умозрѣніяхъ и т. п., а держаться крѣпче центральныхъ убѣжденій и началъ.

— 18. Суббота. Прочиталъ записки адмирала Шишкова о времени управленія имъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Три задачи почти исключительно составляли заботы Шишкова въ это время: a) нападеніе на книгу Госнера, напечатанную въ Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ и переведенную Брискорномъ: „Geist des Lebens und der Lehre Jesus Christi in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament. Erster Band. Matheus und Marcus"; b) принятіе строгихъ цензурныхъ мѣръ противъ безбожныхъ и злонамѣренныхъ книгъ; c) закрытіе библейскихъ обществъ, и d) осужденіе Попова за поправки русскаго перевода Госнеровой книги. Госнеръ былъ высланъ изъ Россіи, а книга его сожжена по рѣшенію комитета министровъ. По этимъ вопросамъ Шишковъ безпрестанно атакуетъ государя Александва I. Доклады его полны самыхъ страшныхъ обвиненій, мыслей о необходимости принятія суровѣйшихъ репрессивныхъ мѣръ, нападокъ на современное движеніе, зловѣщихъ предсказаній и смѣшныхъ толкованій на самыя невинныя вещи въ печати. Онъ безпрестанно вопіетъ о разрушеніи троновъ и алтарей. Замѣчательно, что Александръ терпѣливо выслушивалъ всѣ напыщенные доклады своего министра, не возражалъ ему, какъ-бы соглашаясь съ нимъ—и пряталъ ихъ подъ сукно. „Старикъ съ лицомъ печальнымъ" приходилъ въ отчаяніе, видя, что государь не принимаетъ никакихъ мѣръ къ спасенію троновъ и алтарей и къ преслѣдованію книгъ и книженокъ, на которыя обращались громы его мрачныхъ докладовъ. Вотъ черта характера Александра. Шишковъ сильно настаивалъ на осужденіи Попова, исправлявшаго переводъ книги Госнера. Дѣло разсматривалось въ Сенатѣ. Тамъ явился сильный защитникъ Попова,

сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ. Шишковъ, по обыкновенію, донесъ объ этомъ государю, и, какъ всегда, государь выслушалъ его благосклонно, а между тѣмъ тайкомъ позвалъ къ себѣ Муравьева и благодарилъ его за защиту Попова.

Изъ записокъ Шишкова видно вообще, что этотъ государственный мужъ былъ сердца честнаго, но ума весьма ограниченнаго, и немудрено, что Александръ, стоявшій неизмѣримо выше его по уму, пропускалъ мимо ушей его іереміады о погибели троновъ и алтарей. Онъ лучше его понималъ, что репрессивными мѣрами нельзя остановить движенія времени. Шишковъ считался стилистомъ въ государственной литературѣ своего времени. Между тѣмъ, всѣ его бумаги отличаются только надутымъ высокопарнымъ витійствомъ и похожи на хріяобразныя сочиненія студентовъ класса риторики.

Интересны разсказы о нѣкоемъ Есаулѣ и Фотіи. Послѣдній, по словамъ Шишкова, былъ однимъ изъ главныхъ, если не самымъ главнымъ, виновникомъ удаленія князя Голицына отъ министерства народнаго просвѣщенія. Фотій проклялъ князя за его, будто-бы, покровительство развращенію умовъ (въ домѣ княгини Орловой) и донесъ о томъ государю, который потребовалъ его къ себѣ. Послѣ этой тайной бесѣды государя и монаха Голицынъ палъ.

— 19. Воскресенье. Сначала, въ молодости, жизнь наша намъ кажется чрезвычайно важною для другихъ, потомъ она кажется важною исключительно для насъ самихъ, а въ заключеніе мы убѣждаемся, что она не имѣетъ рѣшительно никакой важности ни по отношенію къ самой себѣ, ни по отношенію къ другимъ, ни къ намъ самимъ.

Тютчевъ, Ѳ. И., разсказывалъ мнѣ о своемъ разговорѣ съ Валуевымъ о дѣлахъ печати. Онъ откровенно объяснялъ министру, что репрессивная система, принятая имъ, ни къ чему хорошему не приведетъ. Тютчевъ съ негодованіемъ разсказывалъ мнѣ также о совѣтѣ, отъ участія въ дѣлахъ котораго онъ рѣшительно отказался. То-же подтверждаетъ и Гончаровъ. Все это нисколько неудивительно. Министръ самъ смотритъ на дѣло какъ чиновникъ, а не какъ государственный человѣкъ и, кажется, не имѣетъ понятія о значеніи мысли, которую думаетъ подавить канцелярскою рутиною и канцелярскими мѣрами. Надняхъ былъ

напечатанъ въ „Сѣверной Почтѣ" циркуляръ къ остзейскимъ цензорамъ, замѣчательный по необыкновенной своей безграмотности и такой путаницѣ понятій, что напрасно вы думали-бы узнать, чего хочетъ Главное управленіе печати.

Отъ Тютчева также слышалъ, что надняхъ происходила сильная борьба между защитниками Польши и лицами, поддерживающими интересы Россіи. Дѣло шло о томъ: дозволить или не дозволить католикамъ и полякамъ пріобрѣтать недвижимыя имущества въ западныхъ губерніяхъ?—вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ кому первенствовать въ этихъ губерніяхъ: намъ или полякамъ? Валуевъ усердно старался, чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу польско-католическаго элемента. И странное дѣло, большинство въ совѣтѣ, собранномъ нарочно для обсужденія этого вопроса, было въ пользу того-же элемента. Но Государь утвердилъ мнѣніе меньшинства, объявивъ, что онъ твердо будетъ стоять на сторонѣ русскихъ, а не польскихъ интересовъ.

Годичное засѣданіе въ „Литературномъ фондѣ". Насъ сошлось всего человѣкъ десять, считая въ томъ числѣ и членовъ комитета. Общество, очевидно, таетъ. Публика стала къ нему совершенно равнодушною...

Обѣдалъ у дяди Марка. Безконечные толки о дѣлахъ печати и о Польшѣ.

— 23. Четвергъ. Вечеръ просидѣлъ у меня Гончаровъ. Онъ съ крайнимъ огорченіемъ говорилъ о своемъ невыносимомъ положеніи въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Министръ смотритъ на вопросы мысли и печати какъ полицейскій чиновникъ; предсѣдатель совѣта есть ничтожнѣйшее существо, готовое подчиниться всякому чужому вліянію, кромѣ честнаго и умнаго, а всему даетъ направленіе Ф. Онъ доноситъ Валуеву о словахъ и мнѣніяхъ членовъ и предрасполагаетъ его къ извѣстнымъ рѣшеніямъ, настраивая его въ то-же время противъ лицъ, которыя ему почему-нибудь неугодны. Выходитъ, что дѣлá цензуры, пожалуй, никогда еще не были въ такихъ дурныхъ, т. е. невѣжественныхъ и враждебныхъ мысли рукахъ.

— 24. Пятница. Надняхъ напечатано было въ „Сѣверной Почтѣ" рѣшеніе Синода о проектѣ С—скаго насчетъ превращенія въ университетахъ каѳедры богословія въ апологетику

противъ разныхъ анти-религіозныхъ мнѣній. Синодъ отклонилъ это предложеніе подъ предлогомъ, что въ университетахъ не открыты еще каѳедры ни каноническаго права, ни церковной исторіи, и преподаваніе богословія не установилось въ размѣрахъ, предполагаемыхъ новымъ университетскимъ уставомъ, а потому теперь нельзя и вводить въ него ничего новаго. Синодъ поступилъ очень благоразумно, не согласясь съ проектомъ С—скаго.

Надняхъ въ университетѣ произошла исторія. Студенты съ шумомъ и гамомъ потребовали отъ профессора физики Л., сына покойнаго Л., чтобы онъ оставилъ свою каѳедру, потому что онъ вовсе неспособенъ къ преподаванію, а когда инспекторъ явился ихъ укрощать, то они его прогнали. Дѣйствительно, говорятъ, Л. плохой преподаватель, а что касается до инспектора О., который еще при мнѣ былъ опредѣленъ, то это плохой инспекторъ.

Изъ старыхъ моихъ университетскихъ товарищей Ивану Карловичу Гебгардту, приключился родъ удара, а Чевилевъ сломалъ ногу. Я сегодня навѣщалъ обоихъ. Чевилевъ еще въ постели. Но дворъ окружилъ его такимъ уходомъ и попеченіями, что не выздоровѣть его ногѣ нѣтъ возможности. Что-же касается дѣдушки Ивана, то ему это третье предостереженіе. Я нашелъ его, впрочемъ, внѣ опасности и довольно спокойнымъ, какъ и подобаетъ человѣку, на которомъ не лежитъ никакихъ особенныхъ обязанностей.

— 25. Суббота. Человѣкъ не бываетъ положительно ни золъ, ни добръ. Тѣмъ и другимъ онъ бываетъ попеременно отъ вліянія окружающей его среды и большей или меньшей силы влеченій къ чувственнымъ наслажденіямъ. Часто ему кажется, что онъ образовалъ себѣ извѣстный характеръ въ томъ или другомъ направленіи, тогда какъ все въ немъ есть дѣло случайностей, склоняющихъ его то въ ту, то въ другую сторону. И большею частью бываетъ такъ, что онъ не заслуживаетъ ни рѣшительнаго одобренія за свои добродѣтели, ни рѣшительнаго порицанія за свои пороки.

— 26. Воскресенье. Встрѣтился сегодня у Гончарова съ Ф. Весьма дружеское пожатіе руки. Онъ принесъ съ собою Гончарову книгу, которую управленіе по дѣламъ печати подвергло

секвестру. Это переводъ сочиненія о конституціи въ примѣненіи къ Россіи. Перевели ее и издали Кавелинъ и Б. И. Утинъ. Книга, какъ говоритъ Ф., могла-бы еще пройти, но предисловіе переводчиковъ, направленное прямо къ Россіи, оказалось невозможнымъ. Такъ какъ книгу велѣно отобрать, то она будетъ библіографическою рѣдкостью и ее нельзя будетъ прочесть. Ф. обѣщалъ мнѣ ее доставить.

— 29. Среда. Современная наука отвергаетъ всѣ вѣрованія, считая ихъ иллюзіями. Но она ставитъ на мѣсто ихъ другое вѣрованіе—идею прогресса. Но развѣ это тоже не иллюзія?

Обѣдалъ у Анны Михайловны Раевской вмѣстѣ съ В. М. Княжевичемъ и Казначеевымъ. До обѣда разбиралъ съ хозяйкой черновыя бумаги Ломоносова, которыя хранятся у одного изъ потомковъ его — Орлова. Много бумагъ написаны собственною рукою Ломоносова: почти всѣ онѣ касаются академическихъ дѣлъ. Ими пользовался уже Билярскій для составленія своего сборника матеріаловъ для біографіи Ломоносова.

— 31. Пятница. Умеръ *** въ Парижѣ. Я сейчасъ услышалъ объ этомъ отъ Грота, съ которымъ встрѣтился на Невскомъ проспектѣ. Около тридцати-пяти лѣтъ былъ я знакомъ съ *** Часто знакомство наше, особенно въ началѣ, переходило въ тѣсную, повидимому, дружбу. Потомъ дружба эта охладѣвала и опять возстановлялась, но въ послѣдніе годы она окончательно остановилась на точкѣ замерзанія. Причиною этой измѣнчивости отношеній были подозрѣнія, возбуждаемыя во мнѣ поступками *** , не совсѣмъ согласовавшимися съ моимъ прямымъ и открытымъ поведеніемъ. Въ нихъ видѣлъ я что-то неискренное, и два раза онъ, дѣйствительно, нанесъ мнѣ большой вредъ. Въ первый разъ ему удалось меня съ нимъ примирить, и я опять сталъ ему вѣрить, но послѣ второго раза я уже сдѣлался осторожнѣе. Впрочемъ, вообще это былъ человѣкъ, не отличавшійся особенно яркими ни хорошими, ни дурными качествами. Его натура въ общемъ, пожалуй, была даже хорошая, но онъ неспособенъ былъ ни къ какой усиленной дѣятельности, ни къ какому движенію, которое могло-бы нарушить его спокойствіе и интересы. Онъ всегда принималъ на себя наружность самую благодушную, являлся всегда чистенькимъ, гладенькимъ, вымытымъ, приличнымъ и сочувствующимъ всему прекрасному и высокому. Но все это

какъ-то отзывалось общими мѣстами. Всему этому недоставало той сердечности, силы и правдивости, которыя дѣлаютъ иногда человѣка какъ-бы шероховатымъ, неровнымъ, а между тѣмъ поселяютъ довѣріе къ его добротѣ, потому что въ ней видишь что-то живое, дѣйствительное, а не выисканное и насильственно въ себѣ сдѣланное. *** былъ всегда сдержанъ, но сдержанность эта происходила не отъ силы характера, а была слѣдствіемъ опасеній, какъ-бы не сдѣлать и не сказать чего-нибудь для себя предосудительнаго—слѣдствіемъ неспособности почувствовать что-нибудь глубоко и проявить свои чувства реально и рельефно.

Самое важное въ человѣческой жизни это—умѣнье что-нибудь сдѣлать. Это не умъ, не доблесть, не геній, но это выше и ума, и доблести, и генія. Это то, чѣмъ люди бываютъ полезны и себѣ и другимъ. Безъ сомнѣнія, умѣнье это развивается съ дѣтства и совершенствуется постояннымъ упражненіемъ, навыкомъ. Но первоначальная причина его лежитъ въ той общей животной смышлености, которою всякое живое существо надѣлено для собственнаго самоохраненія. Но я, по какой-то странной игрѣ немилости или капризу природы, вовсе лишенъ этого драгоцѣннаго качества. Я ничего не умѣлъ и не умѣю сдѣлать. Меня очень рано, еще въ дѣтствѣ, начала соблазнять мечта какой-то высокой будощности, славныхъ и великихъ подвиговъ и я, такимъ образомъ, началъ тогда уже испаряться въ обширныхъ замыслахъ въ безконечномъ пространствѣ и ничему не выучился, т. е. ничего дѣльнаго не выучился дѣлать... Такъ точно я не выучился и житейскому искусству, напримѣръ, искусству поддерживать отношенія съ людьми такъ, чтобы располагать ихъ въ пользу и въ выгоду себѣ и другимъ.

Конецъ 1865 года.

1866 годъ.

Январь.—2. Воскресенье. Обѣдъ въ клубѣ сельскихъ хозяевъ. Обѣдало человѣкъ сто тридцать. Обѣдъ былъ хорошъ, но вялъ и не оживленъ.

— 3. Понедѣльникъ. Какъ медленно искореняется зло, но еще медленнѣе возрастаетъ добро.

Разбои и грабежи совершаются не въ одномъ Петербургѣ, но въ цѣлой Россіи. Администрація утѣшается или утѣшаетъ другихъ тѣмъ, что это и прежде всегда бывало, да только не печаталось. Впрочемъ, положеніе, принятое властями въ этихъ обстоятельствахъ, совершенная загадка. Почему полицейскія власти смотрятъ на все это съ полнымъ равнодушіемъ и не принимаютъ никакихъ мѣръ, какъ будто интересы общества имъ совершенно чужды. Во всякомъ сколько-нибудь устроенномъ государствѣ полицейскія власти, даже самыя слабыя, всегда по крайней мѣрѣ показывали видъ, что онѣ дѣйствуютъ. А тутъ даже можно было-бы усомниться, что онѣ существуютъ, если-бы отъ времени до времени онѣ не давали о себѣ знать какими-нибудь дѣяніями, въ родѣ казенныхъ кражъ, какой-нибудь вопіющей несправедливости, какой-нибудь странной мѣры, полезной для воровъ и безполезной для мирныхъ гражданъ.

— 5. Среда. На панихидѣ по ⁂, которая совершена была въ университетской церкви. Священникъ Палисадовъ сказалъ маленькую рѣчь о заслугахъ покойнаго. Присутствующихъ было немного. Изъ академиковъ, кромѣ меня, только Гротъ и Веселовскій. Профессоровъ человѣкъ пять, да нѣсколько старыхъ знакомыхъ ⁂. Тутъ, между прочимъ, встрѣтилъ я князя Вяземскаго, Любимова и Д*.

Надняхъ по Екатерингофскому проспекту, часу въ одиннадцатомъ вечера, проходила молодая, весьма приличнаго вида, дама. Вдругъ на нее нападаютъ восемь переодѣтыхъ молодыхъ людей, произносятъ ей въ лицо скверныя слова, оскорбляютъ ее и тѣснятъ къ забору вдоль тротуара. На крикъ ея, къ счастью, подоспѣли два прохожіе; негодяи разсыпались въ разныя стороны; одного изъ нихъ, однако, успѣли схватить. Бѣдная женщина, почти безъ чувствъ, была доставлена въ часть. Потребовался докторъ, и она только съ его помощью пришла въ себя. Однако, домой ее доставили совсѣмъ больною.

Земскія учрежденія наши важны не потому, что они есть, а потому, что они могутъ проложить путь тому, что должно быть.

Замѣчательная телеграмма Государя къ Кауфману, посланная въ отвѣтъ на его поздравленія съ новымъ годомъ. Въ ней изъявлена благодарность за твердую дѣятельность генералъ-губернатора въ западныхъ губерніяхъ.

Пока государства нужны, пока они составляютъ необходимую форму общественности, надо, чтобы Россія существовала, развивалась и зрѣла, какъ государство, а это невозможно, если поляки снова будутъ господствовать въ западномъ краѣ. Я сердечно, искренно сочувствую ихъ бѣдствіямъ. Но, во-первыхъ, кто ошибся, тотъ долженъ нести и послѣдствія своей ошибки: такова логика человѣческой судьбы. А во-вторыхъ, чѣмъ засвидѣтельствовали поляки, что они лучше устроятъ и поведутъ государство, чѣмъ мы?

— 9. Воскресенье. Возникла полемика между земскими учрежденіями и администраціею, т. е. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Статьи послѣдняго напечатаны въ „Сѣверной Почтѣ". Нѣкоторыя земскія собранія, особенно петербургское, выразили свое неудовольствіе на стѣсненія, коимъ они подвергнуты постановленіями со стороны административныхъ властей, и положили просить о расширеніи своихъ правъ, а больше всего—о невмѣшательствѣ этихъ властей въ свои распоряженія. Можетъ быть, эти домогательства земскихъ собраній и не во всемъ справедливы, можетъ быть они и преждевременны, какъ замѣчаетъ „Сѣверная Почта". Но дѣло въ томъ, что наша администрація не пользуется довѣріемъ, что ея произволъ и злоупотребленія (1866 г.) всѣмъ страшно надоѣли, а потому неудивительно, что общество старается всячески ее ослабить и по возможности имѣть съ нею меньше дѣла въ устройствѣ и огражденіи своихъ интересовъ.

Замѣчанія и возраженія, напечатанныя въ „Сѣверной Почтѣ", изложены въ очень умѣренномъ тонѣ и по нѣкоторымъ признакамъ и оборотамъ рѣчи можно догадываться, не писалъ-ли ихъ самъ Валуевъ.

— 10. Понедѣльникъ. Второе предостереженіе „Русскому Слову" преимущественно за статью Писарева объ ученіи Конта („Сѣверная Почта" № 6). Это уже придирка. Мы, значитъ, поворачиваемъ назадъ къ прежнему архи-цензурному времени. Я далеко не сочувствую всему, что проповѣдуется въ „Русскомъ Словѣ". Но одно изъ двухъ: или надо при расширеніи свободы печати допустить разныя воззрѣнія и толки о такихъ предметахъ, о которыхъ прежде толковалось не иначе, какъ офиціальнымъ образомъ, и предоставить другимъ воззрѣніямъ и толкамъ

опровергать и парализировать первые—или остаться при прежнемъ ходѣ подцензурной литературы и при прежнихъ стѣсненіяхъ печати.

— 11. Вторникъ. Сегодня въ засѣданіи академическаго правленія совершенно неожиданно получилъ 300 рублей, которые президентъ опредѣлилъ выдать каждому изъ членовъ II-го отдѣленія. Это служитъ мнѣ большимъ подспорьемъ.

— 14. Пятница. Общее собраніе въ Академіи наукъ. Выбрали въ экстраординарные академики по II-му отдѣленію Бычкова, а въ почетные члены Постельса, за пожертвованную имъ Академіи значительную коллекцію рисунковъ по части зоологіи и ботаники, собранную имъ во время кругосвѣтнаго путешествія съ Литке.

Рѣчь графа Строгонова въ одесской думѣ дѣлаетъ много шуму. Она напечатана въ № 4-мъ „Вѣсти“.

— 15. Суббота. Первое предостереженіе „Вѣсти“ за статью въ № 3-мъ по поводу мысли объ общемъ земскомъ собраніи. Но вѣдь объ этомъ было говорено и печатано уже не разъ во время земскихъ собраній въ Петербургѣ. Вообще министерство очень щедро на предостереженія. Имъ, кажется, вполнѣ овладѣла мысль уничтожить тѣ пріобрѣтенія, какія сдѣлала печать въ послѣднее десятилѣтіе — пріобрѣтенія, изъ которыхъ многія утверждены и гарантированы высочайшею волею. Разумѣется, все это имѣетъ видъ пресѣченія злоупотребленій въ печати. Но въ томъ-то и дѣло, что то, что кажется министру внутреннихъ дѣлъ злоупотребленіемъ, то составляетъ только естественное послѣдствіе совершившагося факта и настоятельную потребность общества, допущенную самимъ правительствомъ. Такой образъ дѣйствій ничего не въ состояніи произвести, кромѣ общаго (неудовольствія) и стѣсненія нашей бѣдной мысли и образованности.

14-го числа происходилъ судъ надъ Краевскимъ, о чемъ объявлено въ № 15 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Приговоръ еще не постановленъ.

— 16. Воскресенье. Задача наблюденія за печатью одна изъ труднѣйшихъ правительственныхъ задачъ. Трудность еще увеличивается, когда правительство не установило для себя твердыхъ началъ, которымъ оно намѣрено слѣдовать, и не сдѣлало

ихъ общеизвѣстными—когда оно колеблется между допущеніемъ большей свободы и страхомъ, что слишкомъ много дозволило. Тогда, писатели, самые благоразумные и благонамѣренные, не знаютъ чего имъ держаться. То имъ кажется, что они могутъ высказать нѣчто болѣе, кромѣ общихъ мѣстъ, то, чувствуя надъ собою Дамокловъ мечъ, смущаются, и перо, обмокнутое въ чернила, замираетъ въ ихъ рукѣ изъ опасенія подвергнуться тяжелымъ и незаслуженнымъ взысканіямъ. Таково точно теперь положеніе нашей печати. Правительству слѣдовало: или пріостановить еще на нѣсколько времени изданіе новаго закона о печати, имѣющаго либеральный видъ, и остаться при цензурѣ предупредительной, устроивъ ее по возможности разумнѣе—или, издавъ новый законъ, допустить и неизбѣжныя его послѣдствія. Законъ безъ примѣненія, законъ только для виду—явленіе ненормальное. Говорятъ, что правительство не можетъ-же дозволить того-то, того и того. Но чего именно? Вотъ въ этомъ-то и задача. Вѣдь всякій гражданинъ очень хорошо понимаетъ, что не должно возставать противъ Бога и христіанства, противъ Государя и существующей формы правленія, противъ чести и безопасности другихъ гражданъ—но что именно считать посягательствомъ въ мысли и печати на эти священные предметы, если оно не высказывается и не прокламируется явно? Это ужъ будетъ зависѣть отъ толкованій. И вотъ гдѣ обширное поле для всякаго рода недоумѣній, недоразумѣній, произвола и личностей. А между тѣмъ, изъ этого можетъ вырости страшная кара и гнетъ, который грозитъ остановить всякое движеніе мысли. Вотъ, напримѣръ, Краевскій отданъ подъ судъ, который угрожаетъ ему ни болѣе, ни менѣе какъ каторгою, а между тѣмъ, когда онъ говорилъ о притѣсненіи администраціею раскольниковъ, онъ основывался на высочайшей волѣ, выраженной Государемъ во время польскаго возстанія и не оставлявшей никакого сомнѣнія въ томъ, что раскольниковъ отнынѣ у насъ ужъ больше не будутъ преслѣдовать за ихъ вѣрованія. Все, за что можно упрекнуть редакцію, это два-три рѣзкія слова, которыя лучше было-бы смягчить, но каторга за это—страшное дѣло! А вѣдь министръ внутреннихъ дѣлъ, мотивируя свое рѣшеніе о преданіи редактора суду, ссылается именно на этотъ законъ. Въ статьѣ у Краевскаго самыя сильныя выраженія слѣдующія: „давно-ли у насъ объявлена сво-

бода вѣроисповѣданія для старообрядцевъ" и такимъ образомъ, т. е. волею царскою дарованная „льгота". Министръ толкуетъ эти выраженія такъ, какъ будто авторъ возстаетъ противъ правительства и осмѣливается объявлять высочайшую волю. Но развѣ эта воля не была объявлена самимъ Государемъ въ словахъ, обращенныхъ къ раскольникамъ, и ссылку на эти слова развѣ можно считать объявленіемъ высочайшей воли, какъ на то уполномочиваются министры, генералъ-адъютанты и проч.? Во второмъ предостереженіи „Русскому Слову" приведена причина: косвенное намѣреніе дать практическое приложеніе коммунизму. Это одно слово: косвенное въ состояніи привести въ отчаяніе всякаго пишущаго, ибо чего нельзя представить въ видѣ косвеннаго нападенія на Бога, царя и т. д.

На вечерѣ у Тройницкаго. Продолжительный разговоръ съ сенаторомъ *, который нѣкогда былъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Онъ совершенно одного мнѣнія со мною насчетъ дѣлъ о печати. Онъ, между прочимъ, тоже думаетъ, что уже лучше было-бы на нѣкоторое время оставить предупредительную цензуру, чѣмъ вести дѣло такъ неловко. Насчетъ поспѣшности и неловкости, съ какой введена была эта цензурная реформа, я еще мѣсяца полтора тому назадъ говорилъ графу Адлербергу въ Царскомъ Селѣ.

У Тройницкаго было много гостей. Отовсюду слышалось сильное неодобреніе примѣненію наказанія къ Краевскому каторжной работы. Находятъ, что законъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ факту. Предостереженіе „Вѣсти" тоже никѣмъ не одобряется. Всѣ говорятъ, что управленіе по дѣламъ печати находится въ очень дурныхъ рукахъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, что сдѣлаетъ судъ по дѣлу Краевскаго. Самъ товарищъ министра видитъ большой промахъ въ этомъ дѣлѣ со стороны министерства. Онъ съ жаромъ выговорилъ это **, который былъ тутъ-же и отвѣчалъ, что что-же ему было дѣлать? У него ни горла, ни егкихъ не хватило кричать противъ рѣшенія совѣта, да и приэмъ, какъ тутъ поступать, когда дѣлается внушеніе свыше, т. . со стороны Валуева. Тройницкій сильно напалъ на это послѣдее выраженіе. Мнѣ даже жаль стало бѣднаго **.

— 18. Вторникъ. У насъ съ папой серьезная размолвка. .ейндорфъ имѣлъ съ нимъ крупный разговоръ. Въ первый

день новаго года нашъ посланникъ пріѣхалъ съ поздравленіями къ святому отцу. Послѣдній началъ упрекать русское правительство за обращеніе съ католиками въ Польшѣ и, возвысивъ голосъ, прибавилъ, что оно, русское правительство, кажется, рѣшилось совсѣмъ уничтожить тамъ католическую вѣру. Мейндорфъ на это возразилъ, что его святѣйшеству доставляютъ невѣрныя свѣдѣнія, что русское правительство никогда не помышляло и не помышляетъ объ искорененіи какой-бы то ни было вѣры, но что оно не могло не принимать мѣръ противъ духовенства, которое стало во главѣ бунта и возбуждало политическія страсти.

— Это ложь! воскликнулъ съ жаромъ и негодованіетъ папа.

Тогда посланникъ съ серьезнымъ видомъ отвѣчалъ, что его правительство не лжетъ и что онъ, какъ представитель своего Государя, не можетъ оставить этого обвиненія безъ отвѣта.

— Вы забываете съ кѣмъ вы говорите, замѣтилъ папа.

— Ваше Святѣйшество, я вполнѣ понимаю съ кѣмъ имѣю честь бесѣдовать, но не могу не исполнить моего долга въ отношеніи къ моему Государю.

Тогда папа страшно разгнѣвался и указавъ посланнику на дверь, крикнулъ:—Уйдите!

Мейндорфъ сообщилъ объ этой сценѣ Антонелли, который взялся было уладить дѣло, но потомъ объявилъ, что святой отецъ ничего слышать не хочетъ и увѣряетъ, будто онъ никогда не обвинялъ русскаго правительства во лжи, но что посланникъ передъ нимъ забылся.

Разумѣется, дворъ нашъ поставленъ этимъ въ большое затрудненіе. Наполеонъ старается всячески раздуть искру, представляя изъ себя защитника папы въ глазахъ всего католическаго міра и легко можетъ принять этотъ случай за предлогъ къ непріязненнымъ отношеніямъ съ нами. Дѣла его въ Мексикѣ идутъ очень дурно, и ему, для поправленія своего кредита въ глазахъ французовъ, необходимо выкинуть новый фокусъ. Къ тому-же, ему надо чѣмъ-нибудь отвлечь вниманіе подданныхъ и отъ внутреннихъ дѣлъ и опять словить ихъ на приманкѣ новой военной славы. Недаромъ вступилъ онъ въ тѣсный союзъ съ Австріею.

— 21. Пятница. Вечеромъ между прочимъ былъ у меня

Б—въ, въ первый разъ ко мнѣ пріѣхавшій и съ которымъ я теперь только познакомился. Онъ кажется пріятнымъ, умнымъ и свѣдущимъ человѣкомъ. Онъ техникъ и преимущественно механикъ, ѣздилъ во Францію и Англію съ порученіями по части желѣзнаго производства, а во время польскаго возстанія управлялъ частью Варшавской желѣзной дороги. Онъ разсказывалъ много любопытнаго изъ исторіи возстанія и о Муравьевѣ. По словамъ его, Муравьевъ вовсе не былъ недоступенъ къ чувству милосердія, но онъ неумолимо преслѣдовалъ главную цѣль—подавленіе возстанія, и на этомъ пути сокрушалъ всѣ преграды. О полякахъ говорилъ Б—въ, что у нихъ, при сильномъ патріотическомъ чувствѣ, во всемъ проглядывала большая безалаберность. Онъ былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ военныхъ дѣйствій и получилъ высокое понятіе о нашемъ солдатѣ, о его несокрушимой храбрости, чуждой всякой хвастливости, и о его добродушіи. Казаковъ Б—въ не хвалитъ. По его словамъ—они воры.

— 22. Суббота. Говорятъ, мнѣнія въ судѣ о Краевскомъ раздѣлились. Одна часть судей не находитъ рѣшительно никакихъ поводовъ къ его обвиненію, а другая полагаетъ приговорить его къ 25 рублямъ штрафу. Во всякомъ случаѣ выходитъ, что Валуевъ потерпѣлъ жестокое пораженіе. Общій голосъ въ публикѣ и судѣ противъ него и противъ его чиновниковъ. Не постигаютъ, какъ можно было поднять всю эту бурю и написать такое нелѣпое обвиненіе съ подведеніемъ законовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу.

Заходилъ навѣстить поутру все еще больнаго Чевилева. Тамъ познакомился съ графомъ Перовскимъ, состоящимъ при Наслѣдникѣ. Онъ показался мнѣ добрымъ человѣкомъ. Тутъ узналъ я о проектѣ образовать общество ученыхъ для разработки государственнаго архива и изданія его актовъ, чему весьма покровительствуетъ князь А. М. Горчаковъ. Я замѣтилъ, что мѣра эта очень полезна для отечественной исторіи и должна также много содѣйствовать успѣху ея, какъ и знаменитая археографическая комиссія.

— 23. Воскресенье. На балѣ у Тройницкаго. Множество гостей всякихъ—и звѣздоносныхъ и простыхъ смертныхъ. Гончаровъ свелъ меня съ Щербининымъ, который изъявилъ мнѣ свое глубокое сожалѣніе, что меня нѣтъ въ совѣтѣ. Я отвѣчалъ

на это, что уже довольно послужилъ дѣлу печати и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Онъ показался мнѣ жалкимъ старикомъ, которому очень тяжко подъ бременемъ его предсѣдательства. Онъ жаловался на то, что судъ ихъ не поддерживаетъ. Потомъ я говорилъ съ барономъ Корфомъ, который обѣщался доставить мнѣ нѣкоторые мктеріалы для біографіи Галича.

— 28. Пятница. Собраніе у А. С. Норова изъ нѣсколькихъ членовъ Академіи наукъ для совѣщаній о проектѣ новаго устава. На меня возложено составить по этому предмету записку.

Февраль.—2. Среда. Всякая пошлость, всякая бездарность прячется нынѣ за факты, за положительность. Собравъ горсточку фактовъ и фактиковъ, бездарность громко восклицаетъ: вотъ трудъ науки! и съ гордымъ презрѣніемъ смотритъ на всякое движеніе ума, который требуетъ въ фактахъ смысла и цѣли—съ презрѣніемъ слушаетъ всякое живое или изящное слово.

Годичное собраніе „Общества для пособія литераторамъ". Я обыкновенно стараюсь на немъ присутствовать, какъ один изъ основателей Общества. Оно въ упадкѣ. Никто ничего не жертвуегъ, да и члены не платятъ годичныхъ взносовъ. Однако у Общества всетаки стараго капитала тысячъ до тридцатипяти. Въ нынѣшнемъ засѣданіи Курочкинъ, издатель „Искры", предложилъ странную мысль дать пособіе рисовальщику каррикатуръ, тогда какъ Общество учреждено исключительно для пособія литераторамъ. Нѣкоторые согласились съ этимъ; согласился и самъ предсѣдатель, Егоръ Перовичъ Ковалевскій, по обычной своей слабости. Я первый формально этому воспротивился, сказавъ, что такимъ образомъ произвольно расширять предѣлы пособій значитъ совершенно противорѣчить принципу и основному закону Общества. Собрали голоса. Значительное большинство оказалось противъ предложенія Курочкина.

— 3. Четвергъ. Въ одномъ изъ балагановъ на Исакіевской площади учинился разгромъ. Содержатель балагана пригласилъ къ себѣ конькобѣжца, и это привлекало къ нему много публики. А чтобы побольше раздавать билетовъ, онъ заставлялъ конькобѣжца забавлять публику только по пяти минутъ, а въ заключеніе конькобѣжецъ, почему-то, и совсѣмъ покинулъ свою ледяную арену. Публика разсвирѣпѣла, и, по знаку какого-то мо-

лодца, кликнувшаго „ура“, бросилась ломать скамьи, стулья, перегородки. Тогда содержатель балагана началъ уже честно давать свои представленія.

— 6. Воскресенье. Какъ часто приходится колебаться между сожалѣніемъ о человѣкѣ и презрѣніемъ къ его судьбѣ.

— 8. Вторникъ. Студенческій обѣдъ. Обѣдало человѣкъ сто у Демута. Сытно, пьяно, дымно, шумно и тѣсно!

Я воротился домой съ обѣда около семи часовъ и нашелъ у себя записку князя П. А. Вяземскаго, съ приглашеніемъ на вечеръ для слушанія чтенія „Смерть Іоанна Грознаго“. Я поѣхалъ. Тутъ было нѣсколько княгинь, графинь и проч. Изъ знакомыхъ князь Оболенскій, князь Урусовъ и Карамзинъ Владиміръ. Читалъ Маркевичъ и читалъ прекрасно. У него особый даръ чтенія.

— 9. Среда. Вчера отдалъ Аврааму Сергѣевичу перебѣленные и выправленные листы моихъ замѣчаній къ проекту академическаго устава, которыя онъ намѣренъ защищать въ Государственномъ совѣтѣ.

Если разсудить основательно, то жалобы и сѣтованія на безнравственность, разные безпорядки и пороки людскіе окажутся весьма неосновательными. Жаловаться и сѣтовать можно только на ненормальное положеніе вещей, а такое состояніе нравовъ, какое существуетъ нынѣ, да и всегда было, не есть-ли настоящее нормальное состояніе человѣческаго быта? Всѣ отношенія человѣческія основаны на двухъ началахъ: нападенія и обороны. Сила грубая нападаетъ на ваши карманы, на вашу жизнь; болѣе утонченная, цивилизированая нападаетъ на ваше имя, на ваше сердце, ваши убѣжденія и т. п. Если вы не хотите нападать, то берегитесь и обороняйтесь—и вотъ, кажется, все, чего можно требовать отъ человѣческой природы и добродѣтели.

— 12. Суббота. Вчера засѣданіе въ общемъ собраніи Академіи и въ комиссіи объ Уваровской преміи. С—ій выбрасывалъ изъ своихъ устъ престранныя мнѣнія о поэзіи и драмѣ. Другіе молчали. Противъ драмы Толстаго „Смерть Грознаго“ составляется, кажется, сильная коалиція. И подѣломъ ему, т. е. графу А. К. Толстому! Зачѣмъ онъ не принадлежитъ ни къ какому литературному кружку, да еще и аристократъ, по крайней мѣрѣ,

по имени и по положенію при дворѣ. А что это человѣкъ съ большимъ талантомъ и написалъ очень хорошую вещь—какое до этого дѣло гробокопателямъ или самозваннымъ вождямъ юнаго поколѣнія!

— 13. Воскресенье. Какъ грубо обращаются они съ душою человѣческою, эти господа естествоиспытатели, считая ее такимъ же кускомъ мяса, какъ и все остальное въ человѣкѣ. Они безъ церемоніи пялятъ на нее глаза въ свой микроскопъ, запускаютъ въ нее свой ножъ и чего не допытываются ни микроскопомъ, ни ножомъ, того и знать не хотятъ. Оно, конечно, хорошо вѣрить только своимъ чувствамъ; но все познаваемое познается ли только ими одними? Нѣтъ ли, другъ Гораціо, чего-нибудь такого въ природѣ, что не можетъ и сниться нашимъ мудрецамъ, что сокрыто въ такой глубинѣ, или заключаетъ въ себѣ такіе элементы, до которыхъ не досягнуть намъ никакими чувствами, никакими орудіями, а въ такомъ случаѣ, какъ-же по совѣсти, могу я сдѣлаться матеріалистомъ? Почему-же матеріализмъ имѣетъ болѣе права на довѣріе въ томъ, что касается существеннѣйшей части человѣка, нежели идеализмъ? Оба они ничего здѣсь не знаютъ. Но съ послѣднимъ, по крайней мѣрѣ, уживаются наши нравственные интересы, безъ которыхъ человѣкъ—и звѣрь, и подлецъ, и самое жалкое существо.

— 25. Пятница. Если хочешь, чтобы для тебя не пропалъ нынѣшній день, не думай о завтрашнемъ.

Наука подготовляетъ почву для убѣжденій, но сама не даетъ ихъ.

Мартъ.—2. Среда. Умъ спеціалиста тупѣетъ по мѣрѣ того, какъ онъ все глубже и глубже уходитъ въ свой предметъ. Имъ овладѣваетъ духъ исключительности, и онъ, по выраженію одного умнаго грека, отъ великой учености становится дуракомъ. Примѣры на лицо. Вотъ Либихъ, который химіею хотѣлъ объяснить всю исторію человѣчества. Если ему вѣрить, все зло и добро на землѣ происходитъ отъ умѣнья, или неумѣнья обращаться съ почвою. Или другой примѣръ—знаменитый, боготворимый нашими нигилистами Бокль, который все изъяснялъ вліяніемъ естественныхъ причинъ, и характеръ испанцевъ, и исторію ихъ выводилъ изъ будто-бы часто случавшихся въ Испаніи землетрясеній. Рису и кукурузѣ въ Индіи онъ также давалъ великое зна-

ченіе и приписывалъ имъ вліяніе на весь экономическій и политическій бытъ Индіи.

— 5. Суббота. Здѣшнее дворянство проектировало адресъ, по случаю отказа князя Щербатова принять на себя званіе предводителя.

У Валуева—благодарилъ за содѣйствіе въ устройствѣ моихъ дѣлъ. Петръ Александровичъ не могъ-таки обойтись безъ нѣкотораго выкрутаса.

— Вы пожаловали, сказалъ онъ, увидѣвъ меня,—изъявить мнѣ ваше благоволеніе!

— Не благоволеніе, ваше высокопревосходительство, а мою искреннюю благодарность.

— Очень радъ и т. д.

Затѣмъ мы еще немного поговорили, на томъ и разстались. Онъ очень перемѣнился—похудѣлъ и постарѣлъ. Въ послѣднее время положеніе его сдѣлалось очень труднымъ. Его сильно тѣснили и тѣснятъ земскія дѣла, польскія и дѣла по печати. Три порядочныя тяжести. Тяжела ты шапка Мономаха! Вѣроятно, это послѣднее мое свиданіе съ нимъ. Едва-ли мнѣ приведется еще съ нимъ встрѣтиться. Не зачѣмъ и не для чего.

Статистическія цифры способны отуманить самую свѣтлую голову, если она расположена объяснять механически всѣ общественныя и человѣческія явленія. Такъ, Бокль увѣряетъ, опираясь на нѣкоторыя цифровыя данныя, что въ извѣстные періоды времени, непремѣнно должно совершиться извѣстное число преступленій, или что въ англійскомъ почтамтѣ такъ же періодически накопляется извѣстное число писемъ съ неозначенными адресами. Вотъ вамъ и положительныя данныя, на которыхъ позитивисты строютъ исторію человѣчества и общественный порядокъ.

— 6. Воскресенье. Вечеръ у Тройницкаго. Разговоры о бывшемъ дворянскомъ собраніи, объ адресѣ для исходатайствованія дворянству новыхъ правъ, особенно о дозволеніи посылать въ Петербургъ депутатовъ для представленія правительству о своихъ нуждахъ. На адресъ уже послѣдовалъ отвѣтъ: „оставить безъ послѣдствій“.

— 8. Вторникъ. Поутру былъ у начальника сѣверо-западнаго края К. П. Кауфмана по моему личному дѣлу... Затѣмъ онъ

началъ бесѣдовать о польскихъ дѣлахъ. Онъ жаловался, что его дѣйствія сильно парализуются партіею, покровительствующей полякамъ.

— Мнѣ гораздо легче, говорилъ онъ,—справляться съ тамошними противниками, чѣмъ съ здѣшними. Поляки, продолжалъ онъ,—пропитаны къ намъ враждою. Никакого довѣрія нельзя имѣть къ наружной преданности ихъ, и теперешнее успокоеніе края есть чисто внѣшнее.

Я пробылъ у него съ полчаса и нашелъ въ немъ человѣка обходительнаго и готоваго дѣйствовать неутомимо.

— 9. Среда. Предводителемъ здѣшняго дворянства утвержденъ графъ Орловъ-Давыдовъ. Это очень хорошо со стороны Государя, который такимъ образомъ не помянулъ грѣховъ его.

— 10. Четвергъ. Читалъ въ Академіи мою рецензію на драму Писемскаго: „Екатерининскіе орлы". Въ ней я вообще порицаю слѣпую прилѣпленность къ фактамъ въ наукѣ и въ искусствѣ, которою заражены и наши писатели-реалисты и наши академики. Рецензія была выслушана, повидимому, со вниманіемъ и похвалена, хотя, само собою разумѣется, не всѣми одинаково искренно.

Въ № 68-мъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" напечатано описаніе обѣда, даннаго здѣшнимъ дворянствомъ князю Щербатову. Тутъ было выпито и провозглашено обѣдавшими безчисленное множество тостовъ въ честь князя и другъ за друга. Взаимнымъ восхваленіямъ и прославленіямъ не было конца. Все это похоже на какое-то дѣтство, такъ что становится и жалко и смѣшно. Какъ дѣти, обрадовавшіяся, что имъ можно пошумѣть и поскакать на волѣ и безъ гувернеровъ, почтенные дворяне кричали, пили, шалили, играя въ либерализмъ въ полномъ веселіи и самодовольствіи. Вотъ что называется пробужденіемъ духа свободы и самостоятельности! Положимъ, что это такъ, но нѣкоторая сдержанность, разсудительность и спокойствіе былибы здѣсь гораздо больше у мѣста, чѣмъ вся эта буря пустыхъ восклицаній и восторговъ. Такъ-ли понимаются и устраиваются серьезныя вещи? Князь Щербатовъ поставленъ на такую высоту, какъ будто онъ спасъ отечество, между тѣмъ, онъ только проектировалъ адресъ о допущеніи депутатовъ отъ дворянства въ Государственный совѣтъ съ правомъ голоса. Что̀ такое

право голоса въ данномъ случаѣ, въ сущности, я не знаю. Но вѣдь московскіе дворяне писали адресъ о земской думѣ. И эта идея гораздо основательнѣе: по крайней мѣрѣ, она находитъ себѣ опору въ нашей исторіи. Еще князь Щербатовъ восхвалялся за свое гражданское мужество. Правду сказать, нетрудно мужествовать съ сто двадцатью тысячами годоваго дохода и когда знаешь, что въ нынѣшнее царствованіе тебя за то ни въ крѣпость не посадятъ, ни въ Сибирь не сошлютъ... Если мы возрождаемся и преобразуемся, то, правду сказать, начинаемъ это при довольно неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. При нашей незрѣлости и безалаберности мы готовимъ себѣ еще худшій разладъ и еще много разочарованій.

— 11. Пятница. Вчера также былъ у Модеста Андреевича Корфа. Онъ подарилъ мнѣ нѣсколько своихъ брошюръ, а главное—обѣщался отыскать въ своихъ бумагахъ и сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности о Галичѣ.

Меня выбрали въ члены „Общества для пособія бѣднымъ женщинамъ". Посмотримъ, что это за общество. Я вообще мало довѣряю нашимъ обществамъ. Тутъ участвуетъ много женщинъ: можетъ быть, отъ этого будетъ лучше.

Самый опасный врагъ человѣка въ немъ самомъ—врагъ тѣмъ опаснѣйшій, что человѣкъ не долженъ съ нимъ бороться, такъ какъ если-бы ему удалось его побѣдить, то это было бы его самымъ позорнымъ и самымъ скввернымъ дѣломъ. Врагъ этотъ—стремленіе къ лучшему.

— 13. Воскресенье. Всѣ либералы ужасно любятъ лакомиться властью.

Засѣданіе въ общемъ собраніи „Общества пособія бѣднымъ женщинамъ. Множество княгинь и графинь. Встрѣтилъ знакомую сотрудницу по „Обществу посѣщенія бѣдныхъ" графиню Екатерину Ѳедоровну Тизенгаузенъ, которая нѣкогда усердно занималась его дѣлами. „Общество пособія бѣднымъ женщинамъ" еще очень молодо: оно какъ-то ощупью ступаетъ, хотя и съ большими претензіями. Программу оно начертало себѣ такую обширную, что для исполненія ея нужны огромныя средства, а у него и капиталу всего не хватаетъ даже до тысячи рублей. Общество похоже на тѣ зачинающіеся города Сѣверной Америки, которые раскидываются по обширному плану. Тутъ

множество улицъ, площадей, публичныхъ зданій—на бумагѣ, а на дѣлѣ торчатъ нѣсколько плохенькихъ домовъ. Но извѣстно, что тамъ эти пустыя пространства и застраиваются очень быстро. Хорошо, если-бы и съ нашимъ Обществомъ случилось тоже[1]).

— 14. Воскресенье. Если это правда, то этимъ не слѣдуетъ оскорбляться, потому что это правда. Если это ложь, то этимъ не слѣдуетъ оскорбляться, потому что это ложь.

— 15. Понедѣльникъ. Вечеръ у князя П. А. Вяземскаго. Графъ Соллогубъ читалъ свою статью о русской литературѣ вообще, и о характерѣ стихотвореній князя Вяземскаго въ особенности. Собраніе было большое. Много дамъ. Между ними встрѣтилъ я графиню Блудову, передъ которой извинился, что до сихъ поръ у ней не былъ. Надняхъ только кончился у меня карантинъ—у меня въ домѣ была больна скарлатиною племянница; а во дворецъ въ такихъ случаяхъ являться нельзя. Послѣ князь Вяземскій читалъ отрывки изъ „Нигилиста" графа Соллогуба. Умно, остроумно и легкіе живые стихи, какими Соллогубъ обыкновенно не пишетъ. Бесѣдовалъ также съ В. П. Титовымъ, котораго не видалъ очень давно, съ Карамзинымъ и проч.

— 17. Среда. Видѣлся съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, который на нѣсколько дней пріѣхалъ сюда. Лѣтъ восемь, какъ я не видалъ его. Онъ мало измѣнился наружностью, а душою нисколько. Онъ такой-же умный, склонный къ умозрѣніямъ человѣкъ, такой-же благородный, честный, такой-же хлопотунъ, какъ и прежде, съ моложавымъ лицомъ. Только ноги отказываются ему служить, говоритъ онъ.

— 27. Воскресенье. Есть люди мысли безъ науки: это обыкновенно мечтатели и фантазеры. Есть и люди науки безъ мысли: это тупые гробокопатели, собиратели фактовъ, непонимающіе ихъ—каменьщики, не дающіе себѣ отчета въ томъ, надъ какимъ зданіемъ они трудятся.

---

[1]) Это „Общество" было основано, подъ предсѣдательствомъ княгини Юліи Ѳедоровны Куракиной (нынѣ покойной)—Н. А. Ермаковымъ, Г. Д. Корибутъ, граф. Е. Ѳ. Тизенгаузенъ, Е. П. Карновичемъ М. И. Семевскимъ и другими лицами въ С.-Петербургѣ. Оно существуетъ до сихъ поръ и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи восемь воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ С.-Петербургѣ. *Ред.*

— 28. Понедѣльникъ. Утромъ былъ у Греча. Ему уже 80 лѣтъ, но онъ еще довольно бодръ духомъ, съ замашками на прежнее остроуміе. Жалуется на слабость ногъ. Его теперь содержитъ жена, Евгенія Ивановна, урожденная Шведковская, которая сдѣлана инспектрисою института глухонѣмыхъ, куда первоначально помѣстилъ ее я черезъ графа М. Ю. Віельгорскаго, съ которымъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Сперва она пробыла тамъ шестнадцать лѣтъ въ должности классной дамы или, лучше сказать, начальницы, хотя и не называлась ею. Она пріобрѣла себѣ тутъ отличную репутацію, несмотря на кокетство, котораго не была чужда всю жизнь. Потомъ вышла замужъ за Греча и оставила институтъ, а теперь вотъ опять приняла его въ свое вѣдѣніе. Гречъ очень обрадовался мнѣ и припомнилъ наше первое знакомство въ 1825 году, когда принялъ съ большимъ одобреніемъ и напечаталъ у себя въ „Сынѣ Отечества“ мое первое сочиненіе. Я былъ тогда студентомъ и, разумѣется, это много для меня значило. Припомнилъ онъ и письмо къ нему обо мнѣ по этому случаю Ѳ. Н. Глинки, сосланнаго въ Петрозаводскъ послѣ 14-го декабря, который писалъ ему, что моя статья произвела на него глубокое впечатлѣніе и послужила ему утѣшеніемъ.

Апрѣль.—1. Пятница. Первое предостереженіе „Московскимъ Вѣдомостямъ“. Каково-бы ни было правительство, но рядомъ съ нимъ не можетъ быть терпима сила, стремящаяся заодно съ нимъ управлять государствомъ. „Московскія Вѣдомости“, поощренныя успѣхомъ, въ послѣднее время именно приняли такой характеръ. Приверженцы ихъ даже распускали слухи, что правительство не осмѣлится поступить съ „Московскими Вѣдомостями“, такъ какъ оно поступаетъ съ другими газетами, и были увѣрены, что если это случится, то въ Москвѣ произойдетъ нѣчто въ родѣ бунта. Противники-же ихъ, напротивъ, находятъ, что пора вылить ведро холодной воды на головы опьянѣвшихъ отъ успѣха издателей.

Предостереженіе сдѣлано за статью, помѣщенную въ № 61. Но, кажется, это былъ только предлогъ.

— 2. Суббота. Вотъ какія слова напечатаны въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ статьѣ о лекціяхъ Якубовича:

„Всестороннее развитіе нервной системы идетъ въ разрѣзъ съ живот-

нымъ эгоизмомъ и животною неразвитостью. Оно совершенствуетъ понятіе о цѣли и даетъ средства къ ея достиженію. Если развитіе человѣка не соотвѣтствуетъ этому назначенію, если оно направляется въ одну сторону и ведетъ не къ сознанію его роли въ ряду другихъ существъ, не къ пониманію окружающей его обстановки, а къ поддержанію старыхъ предразсудковъ и ложно-развитыхъ чувствъ предъидущаго поколѣнія—то такое воспитаніе является ужасающимъ зломъ человѣческой природы. Къ несчастью, это зло почти повсемѣстно". Слушайте, слушайте!

А вотъ Петръ Лавровичъ Лавровъ кричитъ: намъ нужно крови, крови! И его слушаютъ три-четыре медицинскихъ студента, да двѣ-три дѣвочки, имъ-же обращенныя въ нигилистокъ, и всѣ они громко апплодируютъ Лавровичу.

— 3. Воскресенье. Вы жестоко ошибаетесь, принимая за умныхъ людей тѣхъ, которые бойко и яростно говорятъ о цивилизаціи, о прогрессѣ, о новѣйшихъ открытіяхъ въ естественныхъ наукахъ и прочихъ матеріяхъ важныхъ. Это люди съ претензіями на умъ. Они загораются, какъ сѣрныя спички, отъ прикосновенія съ другими умами, горятъ минутку и тухнутъ съ чадомъ, не оставляя по себѣ ничего, даже щепотки золы.

Умъ есть нѣчто господствующее, направляющее и управляющее, такъ что человѣкъ съ умомъ знаетъ куда, зачѣмъ и почему онъ идетъ. Онъ разсуждаетъ, взвѣшиваетъ и рѣшаетъ на основаніи многихъ разнообразныхъ и даже противоположныхъ мнѣній и причинъ, а не стремится только, какъ животное, движимое грубымъ инстинктомъ, или какъ слѣпая сила, приходящая въ движеніе отъ перваго внѣшняго толчка.

— 4. Понедѣльникъ. Иное дѣло изучать механизмъ человѣческихъ психическихъ отправленій и иное дѣло изучать то, что движетъ и направляетъ этотъ механизмъ.

Обругать-то они въ состояніи, но разобрать и оцѣнить не въ состояніи.

Девять часовъ вечера. Сію минуту услышалъ ужасающую вѣсть — о покушеніи на жизнь Государя во время прогулки его въ Лѣтнемъ саду около трехъ часовъ. Подробности, разумѣется, пока еще неизвѣстны. Завтра узнаемъ.

Вотъ, наконецъ, до чего дошла Россія. Поляки это? Или наши нигилисты?

„Московскія Вѣдомости" не приняли предостереженія и рѣшаются платить штрафъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Онѣ отвѣ-

чали на предостереженіе большою статьею, сущность которой слѣдующая: вѣдь я гораздо сильнѣе нападалъ на васъ и не разъ, и вы молчали. Любопытно, что-то сдѣлаетъ Валуевъ. Говорятъ однако, что предостереженіе дано по высочайшему повелѣнію, чего Катковъ не могъ не знать. Мнѣ кажется, Катковъ играетъ нехорошую роль. Онъ ищетъ всячески затруднять правительство, хотя не можетъ не знать, какъ это вредно въ настоящее время. Успѣхъ совсѣмъ отуманилъ его и сдѣлалъ высокомѣрнымъ до потери всякаго добраго чувства.

— 5. Вторникъ. Подробностей о вчерашнемъ прискорбномъ событіи я еще не слышалъ. Газеты только сообщаютъ, что на жизнь Государя было сдѣлано покушеніе, когда онъ, послѣ прогулки въ Лѣтнемъ саду, садился въ коляску. Спасъ его отъ очевидной смерти мастеровой Комисаровъ, который ударилъ подъ локоть злодѣя въ то самое время, когда тотъ наводилъ пистолетъ на Государя. Но кто этотъ злодѣй и что его побудило на такое гнусное дѣло—еще неизвѣстно. Сегодня я ѣздилъ въ Римско-Католическую академію черезъ Николаевскій мостъ и видѣлъ, что вся Дворцовая площадь была залита народомъ. Въ академіи я объявилъ, что читать лекціи сегодня не въ состояніи. Молодые люди, повидимому, искренно раздѣляли и мою скорбь, а вслѣдъ затѣмъ—и мою радость, что зло не совершилось. Одни говорятъ, что это недоучившійся гимназистъ изъ нигилистовъ, другіе, что это студентъ Медико-хирургической академіи. Разумѣется, все это только слухи.

Ничего еще не добились: злодѣй путается въ своихъ показаніяхъ.

Былъ у Тютчева, гдѣ встрѣтился съ Д*. Разговоръ, само собою разумѣется, все о покушеніи. Потомъ перешли и къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, которымъ готовится второе предостереженіе. Даже Тютчевъ, который до сихъ поръ всегда держалъ ихъ сторону, теперь недоволенъ ими.

Былъ въ клубѣ. Тѣ-же толки, о томъ-же. Поздно вечеромъ получилъ отъ секретаря Академіи наукъ извѣщеніе, что мнѣ поручено написать адресъ Государю вмѣстѣ съ Г. Какъ писать адресъ вмѣстѣ?

— 9. Среда. Государь, конечно, утѣшенъ выраженіемъ безпредѣльной къ нему преданности всѣхъ классовъ народа, но

цвѣтъ сердца его увялъ: чувство безопасности среди своего народа должно въ немъ исчезнуть. Вѣдь поневолѣ такіе горькіе опыты подрываютъ довѣріе и уваженіе къ человѣку. Говорятъ, одинъ случай ничего не доказываетъ, но вѣдь возможность гнуснаго дѣла зарождается и выростаетъ среди многихъ и самыхъ разнообразныхъ мерзостей—самолюбія однихъ, слабодушія другихъ, гордости третьихъ, черной неблагодарности тѣхъ-то и тѣхъ и такъ до безконечности.

Сегодня въ девять часовъ утра я былъ уже у Веселовскаго съ моимъ проектомъ адреса...

Вечеромъ мнѣ доставленъ былъ уже переписанный адресъ и подписанный всѣми членами. Я также подписалъ его. Завтра онъ будетъ у Государя.

— 7. Четвергъ. Много добра, конечно, происходитъ отъ тѣсныхъ связей и сношеній между собой государствъ въ Европѣ; но отсюда возникаетъ также и великое зло. Связи эти и отношенія до того усложняются и запутываются, что дипломатія часто находится въ невозможности ихъ распутывать и является, наконецъ, необходимость разрубать ихъ мечемъ.

Обѣдалъ у Марка Любощинскаго. Тамъ были сенаторы: Гизетти, Зарудный и Гагемейстеръ. Разговоръ, конечно, о современномъ важномъ, печальномъ и радостномъ событіи. Ничего новаго не открыто. Преступникъ все путается и путаетъ въ показаніяхъ. Но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ только орудіе замысловъ какой-то шайки, нити которыхъ надо искать, можетъ быть, даже за границей. Одинъ изъ собесѣдниковъ такъ далеко простеръ свои догадки, что даже обвинялъ Наполеона.

— 9. Суббота. М. Н. Муравьевъ назначенъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи по дѣлу о покушеніи на жизнь Государя Императора. Въ обществѣ этимъ довольны. Прежняя комиссія, говорятъ, дѣйствовала слабо и врядъ-ли бы что открыла.

Князь В. А. Долгорукій, шефъ жандармовъ, уволенъ отъ должности. На мѣсто его назначенъ графъ Шуваловъ, генералъ-губернаторъ остзейскихъ провинцій. Толкуютъ объ учрежденіи министерства полиціи. Говорятъ также о близкомъ увольненіи Валуева и Головнина.

Оваціи и демонстраціи по случаю спасенія Государя превосходятъ все, что до сихъ поръ казалось доступнымъ русскому

воображенію и патріотизму. И въ Петербургѣ и въ Москвѣ одинакій восторгъ.

Комисарова чуть не въ буквальномъ смыслѣ носятъ на рукахъ. Ему говорятъ данъ флигель-адъютантъ для наученія его дворянскимъ пріемамъ обращенія.

Безпрестанные вопросы: кто онъ, преступникъ—полякъ или русскій? Общее желаніе, чтобы это не былъ русскій. Но въ хаосѣ толковъ, предположеній и догадокъ ничего не разберешь. Никогда еще, кажется, въ Россіи умы не были такъ возбуждены. Я все продолжаю думать, что это орудіе нашего нигилизма въ связи съ заграничнымъ революціоннымъ движеніемъ. Тутъ очевидна цѣль произвести въ Россіи сумятицу, а тамъ, дескать, пусть будетъ что будетъ.

— 10. Воскресенье. Втораго предостереженія „Московскимъ Вѣдомостямъ“ не сдѣлано, хотя совѣтъ его уже заготовилъ. Министръ не согласился. Приверженцы „Московскихъ Вѣдомостей“ торжествуютъ побѣду.

Злодѣяніе, которое чуть было не облекло въ трауръ всю Россію, заставляетъ призадуматься философа-наблюдателя нашего современнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія. Тутъ видно какъ глубоко проникъ умственный развратъ въ среду нашего общества. Чудовищное покушеніе на жизнь Государя несомнѣнно зародилось и созрѣло въ гнѣздѣ нигилизма—въ средѣ людей, которые, заразившись разрушительнымъ ученіемъ исключительнаго матеріализма, попрали въ себѣ всѣ нравственныя начала и, смотря на человѣчество, какъ на стадо животныхъ, выбросили изъ души своей всѣ вѣрованія, всѣ возвышенныя воззрѣнія.

Какая ужасающая, чудовищная дерзость дѣлать себя опекунами человѣчества и распоряжаться судьбами его безъ всякаго иного призванія, кромѣ самолюбія своего.

— 11. Понедѣльникъ. Былъ на томъ мѣстѣ у воротъ Лѣтняго сада, гдѣ произошло страшное покушеніе на жизнь Государя. Тамъ теперь стоитъ маленькая деревянная часовенка, которая должна уступить мѣсто другой болѣе великолѣпной. Я подошелъ къ ней. Толпы народа приходили и уходили, набожно крестясь на образа часовенки. Нѣкоторые изъ посѣтителей клали деньги въ кружку, и я положилъ туда мою убогую лепту.

Чѣмъ больше я вдумываюсь въ это происшествіе, тѣмъ мрачнѣе оно становится въ моихъ глазахъ. Не есть-ли оно роковое начало тѣхъ смятеній, какія должна вытерпѣть Россія, пока она не упрочитъ и не опредѣлитъ своего нравственнаго и политическаго существованія? Но неужели ей необходимо пройти этотъ путь? Неужели необходимо, чтобъ двигатели ея будущности возникли изъ гнѣздилища всякаго рода безобразныхъ умствованій, утопій, изъ воспаленія незрѣлыхъ головъ?

Говорятъ, арестовано много студентовъ Медико-хирургической академіи.

Муравьевъ на обѣдѣ дворянства сказалъ:—Я старъ, но или лягу костьми моими, или дойду до корня зла.

Говорятъ, первая мысль о назначеніи Муравьева пришла въ голову Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой.

— 12. Вторникъ. Въ сегодняшнемъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей“ напечатана жестокая статья противъ полиціи и, вообще, противъ администраціи. Въ ней сказано, что одно земство предано Государю, а что администрація думаетъ только о расширеніи своей власти и объ утвержденіи своего произвола. Колюбакина, замѣнившаго Корша на время отсутствія послѣдняго, призывали для нотаціи въ III-е отдѣленіе.

Толки о томъ, кто преступникъ, продолжаютъ распространяться въ несмѣтномъ количествѣ и, разумѣется, противорѣчатъ одни другимъ. Теперь говорятъ, что это какой-то помѣщикъ. Это съ руки демократизирующей партіи, которая, вѣроятно, и распускаетъ это.

— 13. Среда. Князь Долгорукій поступилъ честно. Онъ просилъ Государя уволить его отъ должности жандармскаго шефа не по просьбѣ его, но какъ человѣка неспособнаго, неумѣвшаго принять мѣръ къ охраненію особы Государя. Хорошо-бы, еслибъ такъ-же поступили и другіе, особенно генералъ-губернаторъ кн. А. А. Суворовъ.

Посягнувшій на жизнь Государя, уроженецъ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, сынъ помѣщика, Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ. Это татарская фамилія, означающая черный глазъ. Онъ былъ вольнослушателемъ московскаго университета. Объ этомъ напечатано въ № 93 „Русскаго Инвалида“.

— 15. Пятница. Министръ народнаго просвѣщенія не хотѣлъ, чтобы адресы Государю, шедшіе чрезъ его руки, печатались.—Къ чему печатать, сказалъ онъ: вѣдь это все риторика. Итакъ, онъ не вѣритъ искренности чувствъ, выраженныхъ въ этихъ адресахъ.

Комисаровъ не пьетъ никакого, даже самаго легкаго, вина. Во время обѣдовъ, на которые его приглашаютъ, ему въ бокалъ для тостовъ обыкновенно наливаютъ меду. Его посѣтили земляки и начали уговаривать выпить съ ними рюмочку.—Нѣтъ, братцы, отвѣчалъ онъ имъ,—пить я не буду. Я долженъ горѣть чисто, какъ свѣча предъ образомъ.

А. В. Головнинъ уволенъ отъ должности министра народнаго просвѣщенія и на мѣсто его опредѣленъ министромъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, съ оставленіемъ его вмѣстѣ и оберъ-прокуроромъ св. Синода.

Съ графомъ Толстымъ я лѣтъ восемнадцать очень хорошо знакомъ. Живя на дачѣ за Лѣснымъ корпусомъ, мы часто бывали другъ у друга и дѣлились дружески мыслями нашими и даже мечтами. Мы тогда были помоложе.

— 16. Суббота. Головнинъ, кажется, вовсе не ожидалъ такого скораго увольненія. Во вторникъ Государь позвалъ его къ себѣ и съ обычной своей ласковой манерой сказалъ ему:

— Благодарю васъ за вашу службу. Но теперешнее время требуетъ другой системы управленія министерствомъ, другихъ началъ и большей энергіи. Я назначилъ на ваше мѣсто графа Толстаго. Вы не огорчайтесь этимъ. Вотъ и другъ мой, князь Долгорукій, самъ просилъ меня уволить его прямо, даже безъ просьбы его. Впрочемъ, я оставлю васъ членомъ Государственнаго Совѣта и статсъ-секретаремъ.

Головнинъ уволенъ не по прошенію, хотя и не просилъ этого, какъ князь Долгорукій.

Увольненіе Головнина всѣ приписываютъ вліянію Муравьева. Ему также сильно подгадила исторія московскихъ студентовъ. Открыто, что между послѣдними существуетъ общество съ цѣлью распространять въ народныхъ массахъ демократическія и соціалистическія идеи. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ привезено сюда въ слѣдственную комиссію.

Вотъ, говорятъ, и Петръ Лавровичъ Лавровъ взятъ, а также и

Благосвѣтловъ, редакторъ „Русскаго Слова“. Что касается перваго, то я этого и ожидалъ. Это слишкомъ ярый коноводъ нигилистовъ и пропагандистъ всякихъ эмансипацій. Мнѣ казался онъ всегда ...., умъ котораго не въ состояніи былъ переварить ни одного изъ нахватанныхъ имъ отрывковъ всѣхъ новѣйшихъ ученій, но непомѣрное самолюбіе котораго требовало непремѣнно пьедестала, гдѣ онъ могъ-бы стоять и рисоваться передъ изумленною толпою. Хотя такихъ .... у насъ и безъ него не мало, но онъ очевиднѣйшій изъ нихъ.

— 17. Воскресенье. Великолѣпнѣйшая иллюминація. Я дошелъ до Думы. Дальше непроницаемая толпа заградила дорогу. Отъ угла Невскаго проспекта и Литейной до Думы было расположено четыре оркестра музыки, которые играли неумолкая, и чаще всего повторяли: „Боже, Царя храни“. Ночь была лунная, съ небольшимъ вѣтеркомъ, но вообще благопріятная для торжества. Мы проходили до половины одиннадцатаго, все поджидая проѣзда Государя. Однако, онъ не показался на иллюминаціи.

— 18. Понедѣльникъ. На балѣ во дворцѣ. Этотъ разъ было огромное стеченіе гостей. Я встрѣтился со многими знакомыми и говорилъ съ ними, какъ-то: съ Пинскимъ, сенаторомъ, Милютинымъ Н. А., Войцеховичемъ, Княжевичами и проч. Изъ академиковъ были: Беръ, Буняковскій, Гельмерсенъ и камергеръ Вельяминовъ-Зерновъ. Но любопытнѣе всего для меня была встрѣча съ графомъ Толстымъ, нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Меня интересовало, какъ онъ обойдется со мной: по-прежнему-ли, какъ добрый пріятель, или какъ министръ. На этотъ разъ вышло первое. Онъ какъ-будто даже мнѣ обрадовался и оказался совершенно такимъ, какимъ уже былъ лѣтъ семнадцать въ отношеніи ко мнѣ. Съ прежнимъ своимъ добродушіемъ онъ спросилъ у меня, нахожу-ли я, что онъ въ состояніи поднять новое наложенное на него бремя? Я отвѣчалъ на это:—„Я думаю, у васъ на это хватитъ ума, характера и выдержки, но нельзя отрицать, что настоящее положеніе министерства очень серьезное, и выдержатъ-ли ваши физическія силы?“—Графъ никогда не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Онъ просилъ меня передать ему нѣкоторыя мои наблюденія и замѣчанія—если возможно письменно. Я остался ужинать. Замѣча-

тельно, что на этотъ разъ трехъ блюдъ ужина на многихъ не хватило, и эти многіе сильно на это возроптали.

— 26. Вторникъ. Вотъ что передано мнѣ изъ вѣрнаго источника. Муравьевъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ какъ нибудь окончить скандальное дѣло съ „Московскими Вѣдомостями". Къ этому онъ прибавилъ, что прекращеніе этой газеты считаетъ просто невозможнымъ.

Какъ Валуевъ извернется въ этомъ дѣйствительно скандальномъ дѣлѣ? „Московскія Вѣдомости" такъ далеко зашли въ своемъ сопротивленіи министерству, что уступить имъ значитъ сильно скомпрометировать послѣднее.

Наблюденіе, опытъ, собираніе матеріаловъ, фактовъ, само собою разумѣется, необходимыя вещи въ наукѣ и составляютъ ея современное направленіе и заслугу. Но они-же породили и моду между мелочными учеными, которые, на основаніи ея, всякій соръ, всякіе фактическіе пустяки принимаютъ за матеріалъ и съ важностью подбираютъ въ свои сокровищницы какой-нибудь кусокъ мостоваго булыжника, какъ будто онъ былъ произведеніемъ отдаленныхъ геологическихъ переворотовъ, и такъ далѣе.

Какую важность и какое значеніе для науки и жизни могутъ имѣть иныя изъ нашихъ педантскихъ академическихъ занятій— болтовня о варіантахъ какого нибудь пролога XV или XVI в., о большомъ или маломъ юсѣ и другія мельчайшія и исключительныя изысканія о вещахъ, не входившихъ въ національную жизнь, не дѣйствовавшихъ ничѣмъ на національный духъ и не содѣйствовавшихъ нимало умственному успѣху? Это просто куски валяющейся въ вѣкахъ глины или камней, изъ которыхъ ничего не было построено. Иное дѣло, когда-бы это была народная пѣснь, или народное сказаніе, которыми нѣкогда возбуждалось и воодушевлялось народное чувство. Да бѣда въ томъ, что ихъ мало, а что и было, то уже извѣстно. Впрочемъ, я готовъ допустить необходимость и всѣхъ этихъ мелочей въ общей экономіи науки, но мнѣ невыносимо, когда эти мелочи провозглашаются ея главнымъ и единственнымъ достояніемъ и ими стараются задушить смыслъ и идею болѣе крупныхъ явленій.

Вечеромъ, часовъ въ десять, Ѳ. В. Чижовъ далъ знать мнѣ, что онъ боленъ. Я тотчасъ отправился къ нему, но нашелъ его. хотя

въ постели, но вовсе не опасно больнымъ. Онъ какъ-то зашибъ ногу и ему придется нѣсколько дней пролежать.

— 27. Среда. Наши демагоги большею частью космополиты. Они затѣваютъ всякія смуты въ Россіи не для Россіи, а во имя всемірной соціалистической революціи. Конечно, изъ этого надобно исключить „Московскія Вѣдомости", но онѣ въ свою очередь и съ своей стороны грѣшатъ черезчуръ возвышеннымъ діапазономъ, чѣмъ тоже подаютъ поводъ къ неурядицамъ.

— 28. Четвергъ. Въ засѣданіи Академіи. Вотъ что дѣло, такъ дѣло! Срезневскій занимается составленіемъ словаря русско-славянскаго языка по древнимъ памятникамъ и сегодня представилъ отдѣленію начатки своего труда. Это будетъ дѣйствительно полезная вещь. Срезневскій занимается этимъ дѣломъ добросовѣстно и умно уже лѣтъ двадцать, по его словамъ. Познанія его тутъ несомнѣнны и обширны.

— 29. Пятница. П. Л. Лавровъ окончательно арестованъ. Говорятъ, изъ Москвы привезена еще серія нигилистовъ для допроса.

Въ Бисмарка стрѣляли въ Берлинѣ, но не попали; а сегодня между тѣмъ разнесся слухъ, что онъ убитъ. Убійцею называютъ нѣкоего Вульфа. Нынѣ, кажется, вошло въ обычай убивать тѣхъ, чьи мѣры или идеи не нравятся извѣстнымъ партіямъ. Нечего сказать, простое и убѣдительное средство! Надо, чтобы общества были глубоко деморализованы, если каждый считаетъ себя въ правѣ произвольно распоряжаться ихъ судьбами и для того пускать въ ходъ пули, ядъ и ножъ.

Май. — 2. Понедѣльникъ. Слухи о смерти Бисмарка не оправдались.

— 6. Пятница. Вечеромъ, между прочимъ, былъ у меня Соловьевъ, авторъ статей противъ нигилизма въ „Отечественныхъ Запискахъ". Я теперь только узналъ отъ него, что это его братъ — герой отвратительной нигилистической исторіи, случившейся мѣсяцевъ восемь тому назадъ. Онъ хотѣлъ убить свою жену, а когда та отъ него ушла, онъ пришелъ съ ней мириться и откусилъ ей носъ. У бывшаго у меня сегодня Соловьева два брата—оба отчаянные нигилисты, съ которыми онъ поэтому находится въ сильнѣйшей враждѣ.

Чудныя, говорятъ, вещи открываетъ слѣдствіе по дѣлу о по-

кушеніи на жизнь Государя. Въ этомъ ужасномъ дѣлѣ открыты еще три или четыре соучастника. Въ своихъ показаніяхъ они говорятъ, что дѣйствовали въ видахъ правительства. Правительство явно показывало расположеніе къ демократіи и стремленіе подавить, ослабить или даже уничтожить дворянство. Но глупый и необразованный народъ не понималъ того, что для него хотѣли сдѣлать, и тогда положено было убить лицо, которое одно могло сдерживать народъ, который уже не трудно будетъ послѣ того поднять на дворянство или, лучше сказать, на весь образованный классъ. Муравьевъ поэтому требовалъ экстреннаго собранія совѣта министровъ, которое надняхъ и состоялось. Была, говорятъ, какъ-бы сдѣлана ревизія правительственныхъ лицъ, которыя демократизировали народъ или держатся этой системы, вслѣдствіе чего фонды, напримѣръ, Милютина (Николая Алексѣевича), говорятъ, сильно упали. Учрежденъ комитетъ для изслѣдованія положенія Россіи, въ родѣ комитета общественной безопасности. Разумѣется, изъ этого ничего толковаго не выйдетъ, потому что люди, составляющіе комитетъ, не такого свойства и по уму, и по характеру, чтобы дѣлать серьезныя патріотическія дѣла, а не устраивать свои собственныя. Все это государственныя и моральныя ничтожества.

— 7. Суббота. Ничто такъ не вредитъ самостоятельности нашей мысли, какъ сильно распространившаяся у насъ страсть къ чтенію. Чтеніе рѣшительно убиваетъ рѣшимость и силу дѣйствовать своимъ умомъ. Этотъ послѣдній привыкаетъ къ плавному теченію по рѣкѣ чужихъ мыслей, которая несетъ его на себѣ, не позволяя ему или очень мало позволяя употреблять при движеніи свои собственныя силы.

Всѣ въ городѣ очень довольны увольненіемъ князя Суворова отъ званія генералъ-губернатора и смѣною оберъ-полицеймейстера. Оба тѣмъ только и были замѣчательны, что производили страшную инерцію въ полицейскомъ управленіи и отличались гуманнымъ обращеніемъ съ ворами и мошенниками. Никогда въ Петербургѣ не было столько безпорядковъ всякаго рода, какъ въ ихъ управленіе, а мирные граждане не пользовались меньшею безопасностью. Теперь многаго ожидаютъ отъ Трепова.

Пекарскій читалъ въ отдѣленіи выписанную имъ въ академическомъ архивѣ просьбу Тредьяковскаго, объ увольненіи его

отъ службы при Академіи. Просьба очень любопытна, какъ изображеніе бѣдственнаго положенія Тредьяковскаго и гоненій, имъ претерпѣнныхъ отъ своихъ собратій—ученыхъ.

Великое преніе въ засѣданіи II отдѣленія Академіи о томъ: должно-ли принять отдѣленіе участіе въ постройкѣ памятника Востокову, на который оно собрало деньги по подпискѣ—или предоставить это его женѣ? Я утверждалъ, что отдѣленіе должно принять участіе изъ уваженія къ памяти Востокова и изъ уваженія къ публикѣ, у которой оно выпросило деньги. Прочіе желали, чтобы деньги были отданы женѣ—и пусть она дѣлаетъ, какъ знаетъ. Срезневскій колебался между тѣмъ и другимъ мнѣніемъ. Мнѣ, наконецъ, надоѣла эта буря въ стаканѣ воды. Дѣло осталось нерѣшеннымъ.—„Вотъ вамъ, господа, сказалъ я,—образчикъ нашихъ конституціонныхъ будущихъ собраній“ — и ушелъ.

— 8. Воскресенье. Два предостереженія разомъ въ № 98-мъ „Сѣверной Почты“: одно „Московскимъ Вѣдомостямъ“, другое „Голосу“.

„Московскія Вѣдомости“ возбуждаютъ непріязнь и недовѣріе въ обществѣ къ правительственнымъ лицамъ. Это настоящая конституціонная оппозиція. Конечно наши государственные люди не отличаются ни способностями, ни характеромъ, но обвинять ихъ чуть-ли не въ измѣнѣ, какъ то дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости“, это ужъ черезчуръ крѣпко и значитъ взывать къ анархіи. Кѣмъ-же замѣнить ихъ? Земскимъ собраніемъ? Но при всеобщемъ нынѣшнемъ хаосѣ врядъ-ли бы и оно оказалось на высотѣ своего призванія. Другими лицами? Но гдѣ ихъ взять и гдѣ ручательство, что они. поведутъ дѣла лучше? Какъ ни велики ошибки и неспособность нашей администраціи, мы теперь, однако, не столько отъ нихъ страдаемъ, сколько отъ всеобщей разладицы, потрясеній—отъ кризиса, который переживаетъ наше государство.

Побудить правительство къ избранію государственныхъ чиновъ? Въ какой формѣ, съ какими правами и ограниченіями? Кто среди всей этой сумятицы будетъ направлять умы и поддерживать единство?

Вечеромъ заѣзжалъ ко мнѣ Чижовъ и мы пробесѣдовали съ нимъ часа два. Ему не хотятъ дать гарантіи на желѣзную

дорогу отъ Троицкой лавры на Ярославль. Имъ уже построена дорога отъ Москвы до Троицкой лавры и идетъ прекрасно. Завтра онъ долженъ быть у Рейтерна за послѣднимъ словомъ.

Жена нашего доктора Вальца надняхъ уѣхала за границу. Она взяла съ собою 100 рублей нашими ассигнаціями и двѣсти желѣзно-дорожными бумагами, гарантированными правительствомъ. Вчера Вальцъ получилъ отъ нея письмо, гдѣ она проситъ его прислать ей какихъ-нибудь другихъ денегъ, потому что тѣхъ, которыя у нея есть, не принимаютъ. Она была у семи банкировъ, и ни одинъ не согласился обмѣнять ей ея бумаги на звонкую монету. Одинъ изъ нихъ ей сказалъ:—„Какъ можемъ мы дать вамъ на нихъ монету, когда неизвѣстно, что̀ будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ вашей имперіи?“—Они тамъ увѣрены, что у насъ начинается революція.

— 11. Среда. Однажды Гоголь просилъ Жуковскаго выслушать какую-то вновь написанную имъ пьесу и сказать о ней свое мнѣніе. Это, кажется, было за границей, въ Дюссельдорфѣ, гдѣ находился Жуковскій. Чтеніе пришлось какъ разъ послѣ обѣда, а въ это время Жуковскій любилъ немножко подремать. Не въ состояніи бороться съ своею привычкою, онъ и теперь, слушая автора, мало по малу, погрузился въ тихій сонъ. Наконецъ онъ проснулся.

— Вотъ видите, Василій Андреевичъ, сказалъ ему Гоголь,— я просилъ у васъ критики на мое сочиненіе. Вашъ сонъ есть лучшая на него критика. И съ этими словами бросилъ рукопись въ тутъ-же топившійся каминъ.

Этотъ анекдотъ передалъ мнѣ Ѳ. В. Чижовъ со словъ самого Гоголя.

У насъ въ одномъ году два года—одинъ календарный, или академическій, въ которомъ все обстоитъ благополучно: мѣсяцы всѣ, какъ слѣдуетъ, и май, и іюнь и іюль; и настоящій дѣйствительный годъ, который весь состоитъ изъ однихъ октябрей и сентябрей.

За что „Голосу“ дано предостереженіе — непостижимо. Я прочиталъ тѣ два фельетона (№№ 109-й и 114-й), на которые ссылается предостереженіе, но рѣшительно не понимаю законности послѣдняго. Оно понадобилось министерству развѣ только

на то, чтобы показать публикѣ, что оно преслѣдуетъ не однѣ „Московскія Вѣдомости“, а на всѣхъ равно распространяетъ свои дары. Но вѣдь при такихъ предостереженіяхъ становится невозможнымъ издавать газету. Какъ предвидѣть за что она можетъ подвергнуться отвѣтственности и какъ ей отъ нея уберечься?

А „Московскія Вѣдомости“ чуть-ли не окончательно прекращаются. А жаль, что онѣ привели себя къ самоубійству. Если у нихъ была опредѣленная роль и онѣ ясно давали себѣ въ ней отчетъ, имъ надлежало не яриться, не увлекаться личными страстями, а вести свое дѣло умно и съ выдержкою. Успѣхъ ослѣпилъ ихъ, сдѣлалъ высокомѣрными, заносчивыми, капризными. А между тѣмъ, общество лишается съ ними лучшаго и полезнѣйшаго своего органа.

Въ паденіи „Московскихъ Вѣдомостей“ заключается еще одинъ важный смыслъ—тотъ, что бюрократія одерживаетъ побѣду надъ общественнымъ умомъ и сочувствіемъ. И это торжество доставлено ей невоздержаннымъ образомъ дѣйствій Каткова и Леонтьева.

— 12. Четвергъ. № 99 „Сѣверной Почты“ гласитъ: „Московскія Вѣдомости“ пріостановлены на два мѣсяца; суду или судебному преслѣдованію преданы „Спб. Вѣдомости“ за статьи: въ № 106-мъ „Судебные порядки въ Прибалтійскихъ губерніяхъ“. въ № 107-мъ „Трудъ“ и въ № 114-мъ „Наше оправданіе“; а „Современникъ“ за статью въ третьей книжкѣ: „Вопросъ молодого поколѣнія“.

— 14. Суббота. Вчера вечеромъ были Чижовъ, Гончаровъ и Вороновъ.

Разнеслись по городу слухи, что Рейтернъ увольняется, а на мѣсто его министромъ финансовъ назначается Фишеръ. Однако слухи эти не подтверждаются.

Чижовъ разсказывалъ о нѣкоторыхъ банковыхъ продѣлкахъ Штиглица, о которыхъ онъ имѣетъ точныя свѣдѣнія. Выходитъ, что Штиглицъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ разорителей. Какъ у насъ его терпятъ — непостижимо. Впрочемъ, о Штиглицѣ у насъ въ обществѣ уже давно сложилось мнѣніе.

Поутру диспутъ изъ философіи Владиславлева на званіе магистра. Это первый диспутъ по этой наукѣ въ Спб. универ-

ситетѣ съ его основанія. Диссертація „О душѣ“. Оппонентами были Палисадовъ и Сидонскій. Послѣ я тоже возражалъ магистранту, который, правду сказать, защищался хорошо. И, вообще, онъ обѣщаетъ порядочнаго преподавателя философіи. Публики было довольно, въ томъ числѣ и нѣсколько дамъ.

Университетъ давалъ сегодня прощальный обѣдъ бывшему своему попечителю Д*, который сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Я получилъ отъ совѣта весьма любезное приглашеніе, какъ почетный членъ университета. Я не охотникъ до подобныхъ обѣдовъ, сильно у насъ опошлившихся, но на этомъ рѣшился присутствовать. Народу было много, въ томъ числѣ и министръ. Тостовъ и рѣчей безчисленное множество. Послѣднія отличались больше усердіемъ и благонамѣренностью чѣмъ краснорѣчіемъ. И*** хотѣлъ сказать что-то особенное, но такъ запутался въ извилинахъ своихъ мыслей, что почти никто не понялъ общаго содержанія его рѣчи. Ректоръ Воскресенскій говорилъ нѣсколько толковѣе, относясь къ министру, но въ рѣчи его не было ни запаху, ни вкусу. Бѣдный В** проговорилъ нѣсколько фразъ, потомъ началъ сильно путаться, изнемогъ въ борьбѣ съ неподатливымъ словомъ и кончилъ тѣмъ, что не кончилъ своей рѣчи. Всѣ прочія рѣчи состояли рѣшительно изъ однихъ общихъ мѣстъ. Вообще профессора доказали, что они плохіе ораторы, хотя шампанское пилось исправно. Меня тоже удостоили тоста и я, въ свою очередь, предложилъ другой по поводу нынѣшняго диспута въ честь философіи и ея профессора, Сидонскаго, сидѣвшаго рядомъ со мною. Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой былъ, по обыкновенію, очень дружелюбенъ ко мнѣ. Между прочимъ, онъ разсказалъ мнѣ, какъ ему удалось отстоять у Государя „Московскія Вѣдомости“, которыя, однако, теперь будетъ издавать не Катковъ, а Любимовъ. Я и доволенъ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ и недоволенъ. Доволенъ тѣмъ, что онъ тотъ-же, какъ и прежде, благородный, честный, образованный, мыслящій человѣкъ; недоволенъ . . . . . . однако подождемъ, посмотримъ и дадимъ ему осмотрѣться.

Въ № 162-мъ „Сѣверной Почты“ рескриптъ на имя князя П. П. Гагарина.

— 15. Воскресенье. Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ заѣзжалъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома и оставилъ у меня

свою записку о Галичѣ, который былъ въ числѣ его профессоровъ въ лицеѣ.

Рескриптъ произвелъ непріятное впечатлѣніе. Полагаютъ, что онъ еще больше уронитъ нашъ кредитъ за границей, а внутри онъ можетъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ власти. Я думаю, что главное его неудобство — неловкое изложеніе, если ужъ сочтено нужнымъ излагать то, что въ немъ содержится.

— 16. Понедѣльникъ. Люди первобытныхъ временъ смѣшивали въ своихъ понятіяхъ то, что̀ есть и что̀ было, съ тѣмъ, что̀ должно быть—дѣйствительность съ идеаломъ. Оттого въ ихъ сагахъ, сказаніяхъ, въ ихъ эпосѣ исторія смѣшивается съ вымысломъ и миѳами.

— 19. Четвергъ. Вчера у Фребеліуса совѣтовался о глазахъ.

Д* давалъ обѣдъ университету. На немъ присутствовали всѣ тѣ-же лица, что и на университетскомъ обѣдѣ, въ томъ числѣ и министръ. Опять произносились рѣчи, только ихъ было меньше, чѣмъ въ прошлый разъ. Первый произнесъ рѣчь самъ Д*. Онъ призывалъ университетъ къ единодушію и благодарилъ его за его прежнюю дѣятельность. Вообще рѣчь Д* была хороша. Замѣчательно, что онъ привелъ нѣсколько текстовъ изъ Св. Писанія. Пришлось говорить и мнѣ, несмотря на мое отвращеніе къ обѣденнымъ рѣчамъ. Я основался на словѣ единодушіе, которое было такъ горячо провозглашено и на прежнемъ обѣдѣ и теперь, и выразилъ увѣренность, что это единодушіе дѣйствительно состоится между членами, нынѣ на лицо находящимися. Ручательствомъ тому служатъ качества тѣхъ силъ, которыя вступаютъ въ соединеніе. Я сказалъ нѣсколько одобрительныхъ словъ о нынѣшнемъ министрѣ, котораго знаю лѣтъ восемнадцать, о бывшемъ попечителѣ и, наконецъ, объ университетскомъ сословіи. Потомъ заключилъ, что желанное единство и единодушіе находятся подъ покровительствомъ великаго общаго стремленія къ единству и благу Россіи, и предложилъ тостъ за это несокрушимое единство и за благоденствіе Россіи. Все это было принято съ рукоплесканіями—чему и быть подобало. Затѣмъ я ушелъ съ графомъ Толстымъ.

— 20. Пятница. Сколько въ безпорядкахъ и страданіяхъ человѣческихъ, зависящихъ отъ неотразимаго хода вещей и усло-

вій жизни, приходится на долю собственнаго безумія, глупости и страстей самого человѣка!

Война непремѣнно будетъ, потому что для нея нѣтъ основательныхъ разумныхъ причинъ.

— 26. Четвергъ. Сегодня мнѣ предстояло быть на похоронахъ П., тѣло котораго привезено изъ Парижа и поставлено въ Александро-Невской лаврѣ. Но со вчерашняго вечера у меня началъ болѣть глазъ. Въ немъ было какое-то постороннее тѣло; я думалъ поправить дѣло натягиваніемъ вѣка, но сдѣлалъ хуже, такъ что, вмѣсто поѣздки въ Лавру, пришлось ѣхать къ доктору......... Я поручилъ Пинто (лекторъ итальянскаго языка при Спб. университетѣ) сказать въ церкви Г. о причинѣ моего неприбытія на похороны, а то пріятели не замедлятъ приписать мое отсутствіе невниманію къ памяти умершаго. Отправилъ объ этомъ также записку Гроту.

— 29. Воскресенье. Есть страсти и влеченія естественныя, или, по крайней мѣрѣ, имѣющія корень свой въ природѣ человѣка; другія искусственныя, слагающіяся въ обществѣ изъ разныхъ общественныхъ отношеній, условій и проч. Надо различать ихъ для надлежащаго изученія и правильнаго пониманія человѣка.

— 31. Вторникъ. Обычный экзаменъ въ Римско-Католической академіи и обычныя изъявленія мнѣ пріязни, благодарности и проч. Я даже готовъ подумать, что ко мнѣ здѣсь дѣйствительно привязаны.

Іюнь. — 2. Четвергъ. Любовь есть такое великое счастье, котораго надо сдѣлаться достойнымъ и которое надо умѣть заслужить.

— 3. Пятница. Отослалъ графу Толстому, министру народнаго просвѣщенія, мои замѣтки и наблюденія по части народнаго образованія, которыя онъ у меня просилъ. Затѣмъ отправился въ Академію наукъ, гдѣ члены представлялись новому министру въ первый разъ. Графъ благодарилъ меня за доставленныя ему замѣтки и, между прочимъ, сказалъ, что дня черезъ три ѣдетъ въ Казань осматривать университетъ, а затѣмъ къ себѣ въ деревню, гдѣ и займется чтеніемъ моей рукописи.

— 5. Воскресенье. Кто любитъ и старается думать о ве-

щахъ хорошо, тому всегда придется что-либо поправить въ своихъ первоначальныхъ мысляхъ.

Пріятная прогулка въ Славянку, гдѣ, между прочимъ, проживающій тамъ Николай Николаевичъ Тютчевъ показывалъ намъ дворецъ. Съ башни чудесный видъ. Внутри собраніе портретовъ лицъ Екатерининскаго и Елисаветинскаго времени. Здѣсь видѣлъ я и портретъ Ломоносова въ полномъ мундирѣ статскаго совѣтника. Портретъ этотъ мало похожъ на нашъ академическій и на тотъ, который подаренъ мнѣ Раевскою.

Умъ человѣческій, конечно, можетъ многое, но самъ человѣкъ ничто.

— 10. Пятница. Человѣкъ, какъ музыкальный инструментъ, приходитъ въ разстройство отъ продолжительнаго употребленія или отъ разныхъ внѣшнихъ вліяній, перемѣны температуры и проч. Время отъ времени приходится настраивать себя, чтобы снова быть годнымъ для хорошей игры.

Когда охотникъ намѣревается застрѣлить птицу, онъ не идетъ на нее прямо, а подкрадывается и ползетъ: безсильному и удовольствіе недоступно.

Всякій народъ развивается до тѣхъ предѣловъ, до какихъ позволяютъ силы его духа и способностей. Развитіе это и есть его исторія, его образованность.

Народъ нельзя выучивать, какъ выучиваютъ недѣлимое. Какую-бы и какъ бы сильно ни навязывали ему программу образованія, онъ будетъ развиваться не по ней. Тутъ есть судьба, но не внѣшняя, а та внутренняя судьба, которая заключается въ коренныхъ силахъ и стремленіяхъ народнаго генія. Въ кругъ его дѣятельности входятъ разнообразныя явленія, изъ которыхъ иныя могли-бы и не быть, другія бываютъ вслѣдствіе стеченія разныхъ обстоятельствъ; но здѣсь нѣтъ роковой необходимости— необходимость заключается въ степени, до которой достигаетъ его развитіе, и въ формѣ, въ какую отливается вся его дѣятельность.

Намѣренія, проекты, рѣшимость, все это въ нашей власти. Результаты-же слагаются изъ присоединенія къ нимъ тѣхъ причинъ, какія заключаются въ законахъ вещей и въ общемъ ходѣ соприкосновенныхъ съ дѣяніями человѣческими событій. И боль-

шею частью результаты эти бываютъ вовсе не тѣ, какихъ мы хотѣли достигнуть усиліями нашей воли.

— 12. Воскресенье. Стремленіе популяризировать знаніе сдѣлано и дѣлаетъ много зла. По необходимости сообщая только поверхностное знаніе, оно какъ-бы покровительствуетъ полузнанію и возбуждаетъ умственное высокомѣріе, которое, благодаря кое-какимъ свѣдѣніямъ, пріобрѣтеннымъ легко, безъ настойчиваго труда, мечтаетъ, что оно уже обладаетъ глубиною премудрости. Въ этомъ заключается объясненіе и многихъ глупостей, которыя надѣланы и нашимъ молодымъ поколѣніемъ. Только то знаніе прочно, которое добыто трудомъ собственной мысли и которое состоитъ не изъ однихъ результатовъ, но и изъ генетическаго его движенія. Потому оно всегда и будетъ исключительнымъ достояніемъ людей призванныхъ, спеціально посвятившихъ себя умственной дѣятельности. Что дѣлать, если это несогласно съ демократическими тенденціями нашего времени и вынуждаетъ у исторіи своего рода аристократію? Такое популярное знаніе особенно вредно для тѣхъ юношей, которые по положенію своему должны учиться. Прочитавъ нѣсколько легкихъ сочиненій о важнѣйшихъ вопросахъ науки, они уже не хотятъ учиться правильнымъ методическимъ образомъ. Къ чему? Вѣдь они уже знаютъ все, что обѣщаетъ имъ школа. Что новаго скажутъ имъ учителя? Къ чему длинный путь, когда они разомъ, скачкомъ, достигли цѣли? Но вотъ тутъ-то, у этой мнимой цѣли, они не видятъ бездны.

— 14. Вторникъ. Въ воскресенье былъ у меня профессоръ Чебышевъ-Дмитріевъ, съ которымъ я недавно познакомился, и принесъ мнѣ свою книгу о покушеніи. Онъ мнѣ кажется человѣкомъ умнымъ и дѣльнымъ.

Австрійцы уже дерутся съ пруссаками. Какъ-бы ни устроилась Германія, а для насъ это едва-ли будетъ выгодно. Пруссія, безъ сомнѣнія, усилится, и тогда у береговъ Балтійскаго моря, возлѣ нашихъ нѣмецкихъ провинцій и Польши, воздвигнется опасная сила.

Всякій обязанъ развить въ себѣ и выработать силу, годную для борьбы съ самимъ собою и съ окружающимъ порядкомъ вещей.

Въ городѣ, въ засѣданіи академическаго правленія.

Въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ напечатано извѣстіе, что на Васильевскомъ острову появилась холера. Въ одиннадцатой линіи захворалъ одинъ дворникъ и черезъ три часа умеръ,

— 15. Среда. Кто не напоминаетъ о себѣ, тотъ скоро бываетъ забытъ. Гдѣ существуетъ разнообразіе жизни, тамъ существуютъ и ея противоположности; гдѣ есть противоположности, тамъ есть борьба; гдѣ есть борьба, тамъ есть торжество одного и паденіе, гибель другого. Вотъ гдѣ заключается причина зла. Оно само собою вытекаетъ изъ сущности жизни. Бога приплетать сюда не слѣдуетъ. Источникъ жизни, какъ сдѣлалъ-бы Онъ, чтобы жизнь была и не была жизнью, то есть, чтобы она проявлялась и не двигалась; двигалась и не развивалась въ разнообразіи?

— 17. Пятница. Вы желаете успѣха правой сторонѣ? Будьте увѣрены, что, возставъ отъ паденія, она поспѣшитъ сдѣлаться неправою. Въ этомъ вѣчномъ антагонизмѣ человѣческихъ стремленій, интересовъ, страстей, надо желать одного—равновѣсія. Иначе притѣсненный вчера дѣлается притѣснителемъ сегодня.

Куда какъ все это ничтожно: и человѣкъ, и его цивилизація, и прогрессъ, хотѣлъ бы сказать—и литература, еслибы значительная часть ея не состояла изъ поэзіи. Еслибы я не вѣровалъ въ нее, какъ въ единственную земную положительность и въ величайшаго Поэта, Творца всяческихъ, Бога,— право, пришлось-бы мнѣ оставаться съ однимъ глубочайшимъ презрѣніемъ къ людямъ и жизни, а отсюда, кто знаетъ, куда угораздило-бы меня. Но опираясь на эти два принципа, мужество мое, смѣю сказать, непреодолимо—и да будетъ все такъ, какъ иначе быть не можетъ.

— 23. Четвергъ. Въ Петербургѣ холера.

Я не помню давно, чтобы какая-либо мѣра производила такое единодушное и всеобщее недовольство, какъ запрещеніе двухъ журналовъ: „Современника“ и „Русскаго Слова“—послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано помимо правилъ.

— 28. Вторникъ. Сквернѣйшее состояніе духа, отсутствіе всякой энергіи, вялость, полная неспособность къ какому-нибудь движенію, даже физическому. Да и природа начала измѣнять намъ. Дни мрачные и бурные. Холера распространяется въ Петербургѣ. Ходятъ печальные слухи о ея жестокости: умираютъ и скоро, и несмотря на медицинскія пособія.

— 29. Среда. Это совершено въ порядкѣ вещей, но не надо-же толковать про дружбу и прикидываться любящимъ. Что человѣкъ думаетъ больше всего о себѣ, а меньше всего о другихъ, это натурально, а потому и не отвратительно. Но увѣренія въ дружбѣ и самоотверженіи — это уже ложь и лицемѣріе, и потому гадко и ненавистно.

Іюль. — 1. Пятница. Холера усиливается, хотя не въ такихъ размѣрахъ, какъ въ 1830 и 1848 годахъ, однако умираютъ безпощадно и выздоравливаютъ немногіе изъ заболѣвшихъ.

Я принялся опять за мои Записки, прерванныя съ 1854-го года. Дѣло это идетъ успѣшно, благодаря моей хорошей памяти и моему Дневнику [1]). Но я не принимался еще за капитальную работу—за окончаніе біографіи Галича.

Политическій горизонтъ, какъ говорится, все болѣе и болѣе заволакивается тучами. Наполеонъ III совсѣмъ входитъ въ тонъ своего дяди. Вся Европа въ страшномъ напряженіи. Въ Италіи, особенно въ Германіи, бьются напропалую. Австрійцы, сильно побитые, прибѣгли къ удивительному дипломатическому маневру: они подарили Венецію Наполеону. Вообще дѣла до крайности запутаны. Человѣчество терпитъ и гибнетъ вполнѣ прогрессивно. А тутъ еще холера, которая на западѣ свирѣпствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ—во Франціи, въ Германіи, болѣе-же всего въ Берлинѣ. Обойдемся-ли мы безъ войны? Въ Европѣ, по милости нашей пассивной и вялой политики, кажется, укореняется мысль, что съ нами справиться нетрудно.

Менѣе всего можно довѣрять тому, что называется счастіемъ человѣческимъ и добродѣтелью.

— 13. Среда. Холера, говорятъ, немного ослабѣваетъ. Но этому нельзя довѣрять такъ-же, какъ и наполеоновской политикѣ. У первой нѣтъ никакой логики, а у второй—логика, которую самъ чортъ не разгадаетъ.

Много работалъ надъ своими Записками. Хочется довести хоть до прибытія въ Петербургъ, а тамъ примусь за біографію Галича.

---

[1]) А. В. Никитенко говоритъ здѣсь о первыхъ тетрадяхъ своихъ „Записокъ“ подъ названіемъ: „Моя повѣсть о самомъ себѣ“. *Ред.*

Былъ въ Царскомъ Селѣ у князя П. А. Вяземскаго, съ которымъ часто вижусь въ Павловскѣ, куда онъ пріѣзжаетъ на музыку и иногда заглядываетъ и ко мнѣ. Бесѣда съ нимъ очень пріятна. Онъ далъ мнѣ стихи свои на Каткова. Остроумно, но, конечно, не для печати.

— 14. Четвергъ. Получилъ очень милое письмо отъ министра графа Толстаго въ отвѣтъ на мои замѣтки и наблюденія. Онъ очень благодаритъ меня за нихъ и такимъ тономъ, который даже меня убѣдилъ въ небезполезности ихъ.

— 15. Пятница. Дѣло не въ книгѣ, а умѣ, который и книгу производитъ и умѣетъ обойтись безъ нея.

Гимназіи должны удовлетворять тремъ потребностямъ: 1) приготовлять молодыхъ людей для университетовъ; 2) приготовлять ихъ для дальнѣйшаго техническаго образованія, и 3) давать окончательное общее образованіе тѣмъ лицамъ, которыя не имѣютъ никакого спеціальнаго призванія.

Существенная разница между защитниками классическаго образованія и реальнаго состоитъ, кажется, въ томъ, что одни ищутъ самаго основанія, такъ сказать отвлеченной базы для него — другіе-же хотятъ удовлетворять текущей потребности общества. Одни говорятъ: надо позаботиться о томъ, чтобы воздвигнуть начало и опоры умственнаго развитія, съ которыми бы оно могло идти навстрѣчу будущему, не колеблясь, не шатаясь изъ стороны въ сторону. Однимъ словомъ, здѣсь имѣется въ виду дрессировка, общее воспитаніе ума. Другіе проповѣдуютъ, что мы нуждаемся въ самыхъ насущныхъ знаніяхъ, приложеніе которыхъ требуется на каждомъ шагу въ общественномъ и житейскомъ быту и безъ которыхъ мы рѣшительно не въ состояніи слѣдовать за всѣми успѣхами цивилизаціи, истекающими только изъ реальной науки—науки, объемлющей существенные или, лучше, вещественные интересы людей. Кто правъ, кто виноватъ? Правы тѣ и другіе. Но на чьей сторонѣ больше правды? Чуть-ли не на сторонѣ защитниковъ классическаго образованія. Они правы именно въ томъ отношеніи, что требуютъ основы, корня, тогда какъ реалисты хватаются за вѣтви, которыя каждый часъ готовы сломиться или на которыхъ можно повиснуть и болтать ногами въ воздухѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что реальными знаніями должно пренебрегать. Надо согласить оба требова-

нія. Дать обоимъ нужный просторъ: вотъ въ этомъ и задача умнаго правительства.

Но реальное образованіе немыслимо безъ техническихъ школъ.

Гимназія, говорятъ, должна дать общее образованіе. Но это не устраняетъ вопроса: на какомъ—классическомъ или реальномъ основаніи?

— 20. Среда. Завтра въ шесть часовъ утра ѣду къ Марку Любощинскому въ имѣніе его жены, Выру, за Гатчиной.

— 22. Пятница. Въ Вырѣ. Сюда пріѣхали еще Зарудный и Гизетти.

— 23. Суббота. Завтракъ у сенатора Набокова, который живетъ отсюда верстахъ въ двухъ. Весьма комильфотный сенаторъ, комильфотная семья, комильфотный домъ.

Зарудный говорилъ мнѣ, что проектъ Валуева о расширеніи власти губернаторовъ—это уродливое дѣтище—окончательно провалился въ комитетѣ министровъ. Его сильно побивали Гагаринъ, Бахтинъ и Милютинъ (военный министръ). Записку по этому дѣлу составлялъ Гагарину Зарудный. Валуевъ принужденъ былъ взять свой проектъ назадъ.

У насъ до того неразвиты чувства долга и законности, что мы готовы очень снисходительно извинить всякое преступленіе и еще тщеславимся этою снисходительностью, считая ее признакомъ гуманности и великодушія.

Когда кончится изученіе жизни и человѣка—что обыкновенно бываетъ очень поздно, то есть незадолго до смерти—тогда только ты узнаешь, что они этого не заслуживали—ни тѣхъ усилій, ни тѣхъ жертвъ, какихъ оно требовало. Все лучшее въ человѣкѣ, подобно сверканію молніи, лишь на минуту озаряетъ глубокій мракъ нашего ума и сердца.

— 31. Воскресенье. Въ Павловскѣ. Наполеонъ требуетъ Рейнскихъ провинцій, чего и надлежало ожидать.

Надняхъ явилось въ Петербургъ посольство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Имъ оказанъ великолѣпный пріемъ и оваціи.

Августъ.—3. Среда. Въ понедѣльникъ вечеромъ американскій посолъ былъ въ Павловскѣ. Огромное стеченіе публики. Пышная иллюминація. Публика вела себя прилично, а американцы, кажется, остались очень довольны.

— 4. Четвергъ. Въ № 210-мъ „Спб. Вѣдомостей“ напечатаны нѣкоторые результаты, добытые слѣдственной комиссіей о Каракозовѣ. Изъ нихъ видно до какой степени изгажено, перепорчено, изуродовано наше молодое поколѣніе. Это не усилія расширить кругъ своей дѣятельности, внести въ общество новыя начала, хотя-бы ошибочныя, но проникнутыя желаніемъ лучшаго, руководящія къ опредѣленной цѣли, имѣющія характеръ заблужденій высокаго и благороднаго духа,—это грубый и пошлый развратъ ума и сердца, отсутствіе всякихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій, полный разгулъ страстей съ присвоеннымъ себѣ правомъ все ломить и уничтожать, чтобы на просторѣ предаваться всевозможнымъ крайностямъ. Это осадки, подонки вѣка съ его безвкусіемъ и матеріалистическимъ воззрѣніемъ на жизнь и человѣчество—вѣка, носящаго въ себѣ съ пышными и громкими воззваніями къ прогрессу и цивилизаціи, полное отчаяніе во всемъ великомъ и прекрасномъ. Эти подонки и осадки воплотила въ себѣ извѣстная часть нашего молодаго поколѣнія— и что изъ этого выйдетъ, Богу единому извѣстно! Въ напечатанномъ актѣ поражаетъ еще одно обстоятельство: что-же дѣлали наши правители, когда они не знали и не заботились о томъ, что происходило у нихъ подъ носомъ—что они дѣлали, всѣ эти блестящіе истуканы, эти Суворовы, Валуевы? О бѣдное, бѣдное мое отечество! И съ Государемъ, исполненнымъ такой благости, такихъ добрыхъ стремленій!

— 14. Воскресенье. Статью объ „Отрѣзанномъ ломтѣ“ кончилъ, теперь началъ объ „Іоаннѣ Грозномъ“. Вчера и сегодня, однако, худо работается.

Открыть смыслъ въ человѣческихъ дѣлахъ почти такъ-же трудно, какъ открыть квадратуру круга.

— 16. Вторникъ. Общество дѣлаетъ людей такими или иными: но кѣмъ-же дѣлается само общество? Уничтожая въ человѣкѣ всѣ высшія стремленія и вызывая и узаконивая одни животные инстинкты, какими-же силами хотите вы устроить дѣла человѣческія.

„Мы хотимъ“, говорите вы, „дѣйствовать, но хотимъ дѣйствовать ни подъ чьимъ руководствомъ, ни подъ чьимъ началомъ, кромѣ своихъ собственныхъ“.

— Но вѣдь это открываетъ путь къ дѣятельности всякому вору, разбойнику, злоумышленнику.

„Нѣтъ!“ опять говорите вы: „наши цѣли благородны, возвышенны, мы стремимся ко благу всего человѣчества“.

— Но всякій фанатикъ это говоритъ. Люди со слабымъ умомъ всегда смѣшиваютъ теоретическую возможность съ возможностью практическою—то, что должно быть по идеалу, съ тѣмъ, что можетъ быть по закону вещей.

„Мы предтечи грядущаго, мы расчищаемъ путь этому грядущему, мы запечатлѣваемъ мученичествомъ наше рвеніе. Не начни мы, ничего бы не было“.

— Но какъ же вы начинаете? Какія средства вы употребляете?

„Цѣль освящаетъ средства“, говорите вы?

— Ну, въ такомъ случаѣ, разумъ ужъ ничего больше не можетъ вамъ сказать и противъ васъ приходится выдвигать такую-же грубую силу, какъ вы сами.

Но вотъ другая сторона дѣла. Вы говорите: „Мы и не думаемъ ни о правѣ, ни о нравственныхъ принципахъ. Мы просто объявляемъ войну: мы не хотимъ жить съ вами, не хотимъ жить въ настоящемъ, и вы и оно противны намъ. Война, война! Будетъ правъ тотъ, кто побѣдитъ.—Ну, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, есть смыслъ. Такъ не прикрывайтесь же личиною блага человѣчества. Вы такіе же лжецы, мнимо защищающіе интересы человѣчества, какъ и тѣ, которые отстаиваютъ самые закоснѣлые предразсудки и преданія.

— 19. Пятница. Намъ надо заботиться не столько о перемѣнѣ правительства, сколько объ утвержденіи въ умахъ идей законности и правды. Намъ худо не столько оттого, что нами худо управляютъ, сколько оттого, что мы сами не умѣемъ хорошо управлять собою. Нелѣпо все сваливать на правительство, которое къ тому-же плоть и кровь отъ нашей плоти и крови.

Наши мальчуганы начали борьбу, но, какъ свойственно мальчуганамъ—они борются не за дѣло, а за утопическія свои мечты и грезы. Общество нуждается именно въ томъ, что они стараются разрушить—въ твердыхъ нравственныхъ принципахъ.

Дѣло не въ томъ, чтобы кричать: „пусть такого то предразсудка и злоупотребленія не будетъ“, а въ томъ, чтобы развиті-

емъ здравыхъ понятій и знанія сдѣлать невозможнымъ существованіе этого предразсудка и злоупотребленія.

— 28. Воскресенье. Этотъ человѣкъ отличается чрезвычайно живописною наружностью; всѣ его движенія похожи на движенія натурщика, позирующаго передъ художникомъ. Между тѣмъ въ немъ ничего—кромѣ гадостей. Онъ далеко и не такъ уменъ, какъ хочетъ казаться, а благородства и доброты въ немъ и тѣни нѣтъ. Вывѣска васъ прельщаетъ. Но войдите внутрь зданія, и вы очутитесь въ скверной харчевнѣ или мелочной лавочкѣ.

Говорятъ о приговорѣ надъ Каракозовымъ.

— 30. Вторникъ. Кое-кто по обыкновенію у меня обѣдалъ, а другіе посѣтили вечеромъ. Комнаты мои были буквально завалены цвѣтами.

Сентябрь.—1. Четвергъ. Умеръ Муравьевъ съ 28-го на 29-е августа ночью, скоропостижно, въ имѣніи своемъ Сырцы, Лужскаго уѣзда.

31-го объявленъ Каракозову приговоръ верховнаго уголовнаго суда. Онъ осужденъ на смерть черезъ повѣшеніе.

— 2. Пятница. Третье предостереженіе „Спб. Вѣдомостямъ“, при чемъ изданіе ихъ пріостановлено на три мѣсяца. Итакъ, Валуевъ, не одолѣвъ медвѣдя въ лѣсу (Каткова), набросился на бѣднаго беззащитнаго зайца и немилосердно травитъ его съ Щербининымъ и Ф.

— 3. Суббота. Повѣшенъ Каракозовъ на Смоленскомъ полѣ. Говорятъ, стеченіе народа было несмѣтное. Слѣдуетъ ли совершать казни публично?

— 9. Пятница. Засѣданіе въ Академіи наукъ комиссіи для присужденія Уваровскихъ премій за драму. Я прочиталъ мою рецензію трагедіи графа А. К. Толстаго: „Смерть Іоанна Грознаго“. Я требовалъ присужденія автору полной преміи. Насъ было семь членовъ: Веселовскій, какъ предсѣдатель, Устряловъ, Гротъ, Срезневскій, Пекарскій, Куникъ и я. Четыре голоса были въ пользу награды, т. е. голоса Веселовскаго, мой, Устрялова и Грота, остальные противъ. Итакъ, трагедія не увѣнчана. Вышло дѣло постыдное и забавное. Наибольшіе невѣжды въ дѣлѣ изящной литературы помѣшали наградѣ, ибо по уставу требуется двѣ трети голосовъ. Да смѣшнѣе всего, что и они,

наслышавшись отъ другихъ, не отвергаютъ достоинствъ пьесы, но имъ досадно было, что награда присуждалась по моей рецензіи. Они придумали препятствіе: по уставу, Академія приглашаетъ кого-либо изъ стороннихъ литераторовъ тоже давать свое мнѣніе, но она вовсе не обязывается безусловно къ этой мѣрѣ и часто произносила свои приговоры, не дожидаясь постороннихъ рецензій. Относительно „Іоанна Грознаго" обращались за мнѣніемъ къ Н. С. Тихонравову, но онъ не удостоилъ Академію даже никакимъ отвѣтомъ, а между тѣмъ къ 25-му сентября уже долженъ быть представленъ отчетъ о преміяхъ. Предсѣдатель объявилъ, что мы должны произнести свой приговоръ по одной моей рецензіи, но вышеупомянутые три члена уперлись на необходимости мнѣнія сторонняго литератора. Тогда предсѣдатель предложилъ баллотировать вопросъ: нужно-ли это?—такъ какъ законъ не обязываетъ къ этому. Большинство оказалось за: не нужно. Приступлено было ко второй баллотировкѣ: заслуживаетъ-ли трагедія Толстаго награды? И тутъ послѣдовало рѣшеніе, о которомъ я сказалъ выше... Гротъ началъ настаивать, чтобы отложили приговоръ до слѣдующаго года, но предсѣдатель и я съ нимъ воспротивились этому явному нарушенію принципа баллотировки.

— 10. Суббота. Есть въ положеніи человѣка нѣчто, заставляющее его быть несправедливымъ и лжецомъ. Такъ, чтобы быть чѣмъ-нибудь, онъ долженъ непремѣнно стѣснить, ограничить кругъ своихъ понятій, выработать въ себѣ сжатый образъ мыслей—словомъ долженъ сдѣлаться одностороннимъ. И чѣмъ онъ будетъ одностороннѣе, сжатѣе въ своихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе онъ успѣетъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Можно-ли же теперь строго осуждать педантовъ, которые, сидя въ углу своей школки, ничего не видятъ дальше нея и считаютъ за вздоръ все, что происходитъ вдали отъ нихъ. Они конечно смѣшны, да не такова-ли судьба всѣхъ людей?!

— 17. Суббота. Торжественный въѣздъ принцессы Дагмары. День совершенно лѣтній. Процессія шла мимо нашихъ оконъ. Пышное зрѣлище.!

— 18. Воскресенье. 16-го числа въ Павловскѣ умеръ Дудышкинъ, редакторъ „Отечественныхъ Записокъ", человѣкъ далеко не преклонныхъ лѣтъ и по виду чрезвычайно крѣпкаго

сложенія. Это былъ честный и умный литераторъ, хотя и не отличался особеннымъ дарованіемъ.

Вчера была великолѣпная иллюминація въ честь принцессы Дагмары. Всѣ мои ходили смотрѣть ее съ дядею Маркомъ. Послѣдній очень хвалилъ порядокъ и приличіе, какое вездѣ соблюдалось въ толпахъ народа, а толпы были несмѣтныя.

— 19. Понедѣльникъ. Развѣ стыдно быть задавлену превозмогающей силой? Стыдно было-бы уступить ей безъ борьбы, безъ сопротивленія, съ готовымъ чувствомъ рабской покорности.

Сейчасъ проводилъ бѣднаго Дудышкина на Охтенское кладбище. Онъ отличался, повидимому, крѣпкимъ здоровьемъ, только иногда страдалъ одышкою и умеръ внезапно отъ аневризма. Ему было всего сорокъ шесть лѣтъ. Его провожали многіе изъ литераторовъ и нѣсколько стороннихъ лицъ. Я шелъ съ Стасюлевичемъ и Вороновымъ.

— 22. Четвергъ. Дѣлать одолженіе другимъ значитъ увеличивать число неблагодарныхъ.

Замѣчательная несообразность и неловкость со стороны придворнаго начальства. На другой день въѣзда принцессы Дагмары въ столицу, Государь вечеромъ представлялъ невѣсту публикѣ въ театрѣ. Что-же сдѣлало начальство? Оно разложило по ложамъ и по всѣмъ другимъ мѣстамъ въ театрѣ объявленія, чтобы публика воздержалась отъ всякаго изъявленія сочувствія, отъ всякихъ манифестацій. Вслѣдствіе этого, когда Государь подвелъ невѣсту къ барьеру ложи и представилъ ее публикѣ, ихъ встрѣтило глубочайшее безмолвіе. Всѣ встали—и только. Государь, говорятъ, былъ сильно этимъ огорченъ. И, въ самомъ дѣлѣ, вышла огромнѣйшая несообразность. Народъ на площадяхъ, на улицахъ, вездѣ восторженно изъявлялъ царской фамиліи свое участіе въ ея семейномъ торжествѣ. А здѣсь самая образованная и высшая часть общества оказала ничѣмъ не объяснимыя и не оправдываемыя холодность и равнодушіе. Вотъ со стороны придворнаго управленія настоящая медвѣжья услуга. Говорятъ, это министръ двора (гр. Адлербергъ) такъ распорядился.

Октябрь.—1. Суббота. Вчера отослалъ къ цензору мои три критическія статьи, которыя хочу издать отдѣльною брошюрою. Разборъ „Смерти Іоанна Грознаго“, впрочемъ, выйдетъ сперва въ „Академическихъ Вѣдомостяхъ“.

— 3. Понедѣльникъ. У простого гражданина, у лица должностнаго, но служащаго обществу по назначенію самого общества, есть дѣла обоимъ общія, которыя онъ тѣмъ или другимъ образомъ совершаетъ или въ совершеніи коихъ участвуетъ: у него есть отечество. У чиновника нѣтъ интересовъ общественныхъ; у него есть только воля начальника и безпрекословное повиновеніе этой волѣ, все равно—хороша она или дурна, полезна обществу или вредна: у чиновника есть начальство, а нѣтъ отечества.

„Московскія Вѣдомости" сильнѣйшимъ образомъ допекаютъ Валуева за его распоряженія по дѣламъ печати. Но больше всего онѣ налегаютъ на него за его подкапываніе подъ права суда. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ этотъ чиновникъ всячески старается—не силою своей министерской власти, которая не всегда оказывается здѣсь состоятельною—а интригою расположить суды по дѣламъ печати въ свою пользу. Онъ успѣлъ, кажется, склонить на свою сторону Замятина. Такъ, напримѣръ, прокуроръ предъявилъ искъ противъ „Вѣсти", которая невыгодно и предосудительно отозвалась о судахъ. Но Замятинъ, по просьбѣ Валуева, остановилъ этотъ искъ. А надо знать, что статья „Вѣсти" писана по заказу Валуева и даже, какъ говорятъ, поправлена имъ. Еще онъ обратился къ московскому прокурору Ланге съ предложеніемъ начать искъ противъ „Московскихъ Вѣдомостей" за ихъ вредное направленіе, но получилъ отказъ, по причинѣ недостатка поводовъ къ обвиненію. И на это Валуевъ также пожаловался министру юстиціи. Словомъ, уязвляемый печатью, онъ мечется какъ угорѣлый. Право кажется, онъ хотѣлъ-бы задушить всю русскую мысль и литературу, но находитъ препятствія то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ.

— 4. Вторникъ. Сегодня должна была совершиться казнь государственныхъ преступниковъ, изъ которыхъ одинъ подлежалъ повѣшенію. Однако имъ объявлено помилованіе, т. е. смягченіе наказанія. На того, который осужденъ былъ на смерть, уже накинута была веревка — и тутъ объявили, что ему даруется жизнь. Говорятъ, при этомъ опять присутствовали несмѣтныя толпы народа. Не лучше-ли было-бы его избавлять отъ такого зрѣлища? Извозчикъ, который меня сегодня везъ на Васильевскій островъ, малый очень ловкій, толкуя объ этомъ событіи,

между прочимъ, замѣтилъ, что преступники не то заслужили и что ихъ слѣдовало-бы живыхъ закопать въ землю.

Валуевская администрація, кажется, видитъ въ печати личнаго своего врага. Она съ каждымъ днемъ все больше и больше противъ нея озлобляется.

— 6. Четвергъ. Кауфманъ уволенъ отъ управленія сѣверозападнымъ краемъ, и это вызвало сильное неодобреніе со стороны патріотической и русской партіи. Зато польская партія очень довольна. На мѣсто Кауфмана назначенъ Барановъ, тотъ самый, который замѣнилъ Шувалова въ Ригѣ. Видно (нѣкоторые господа) работаютъ съ большимъ успѣхомъ. Настоящую перемѣну приписываютъ графу Шувалову и Валуеву. О Барановѣ говорятъ, какъ о второмъ Назимовѣ.

Когда передъ праздникомъ Пасхи я видѣлся съ Кауфманомъ, онъ и тогда жаловался на всевозможныя препятствія, которыя противъ него выдвигала петербургско-польская партія. Отъ него я тогда слышалъ, что поляки управляемаго имъ края придавлены, но не усмирены и что надо зорко за ними слѣдить. Теперь это признано ненужнымъ.

Дѣло Пыпина и Жуковскаго рѣшено во второй судебной инстанціи. Инстанція эта признала обвиненіе ихъ въ томъ, что статья: „Вопросъ молодаго поколѣнія" оскорбляетъ дворянство, неправильнымъ, но осудила того и другого на трехнедѣльный арестъ на гауптвахтѣ и на взносъ штрафа по сту рублей съ каждаго за бранчивыя выраженія. Итакъ, Валуевъ всетаки не добился полнаго торжества. Онъ настаивалъ именно на оскорбленіи дворянства.

— 7. Пятница. Общее собраніе въ Академіи наукъ. Мнѣ опять приходится писать отчетъ по второму отдѣленію. Я. К. Гротъ отказывается по множеству занятій. Онъ готовитъ рѣчь на празднованіе Карамзинскаго юбилея.

— 8. Суббота. Вечеръ у Гончарова, гдѣ я познакомился съ графомъ Толстымъ, авторомъ „Смерти Іоанна Грознаго". Онъ очень пріятный человѣкъ, съ мягкими аристократическими пріемами, и притомъ умный человѣкъ. Онъ благодарилъ меня за мой голосъ въ пользу его трагедіи по случаю присужденія Уваровской преміи, которой, однако, ему не присудили такіе великіе критики, какъ Пекарскій... Тутъ былъ также Юркевичъ, предсѣ-

датель Театральнаго комитета, и говорили о постановкѣ „Іоанна Грознаго" на сцену. Графъ Толстой прочиталъ набросанныя имъ на бумагу мысли о томъ, какъ должны актеры понимать главныя роли Іоанна и Годунова. Эти мысли доказываютъ, какъ много и глубоко обдумывалъ авторъ свое произведеніе. Мысли его во многомъ схожи съ тѣмъ, что я говорю въ моей рецензіи. Бесѣда продолжалась до двухъ часовъ ночи.

— 9. Воскресенье. Прочиталъ двѣ первыя книжки Гетè противъ Ренана. Жаль, очень жаль, что авторъ, возражая Ренану и во многомъ весьма удачно опровергая его, слишкомъ предается негодованію и часто просто осыпаетъ бранью своего противника.

— 10. Понедѣльникъ. Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" № 250 уже напечатана статейка противъ комиссіи Академіи, не присудившей преміи пьесѣ графа А. К. Толстаго. Ее писалъ, говорятъ, Ѳеофилъ (Матвѣевичъ) Толстой.

— 13. Четвергъ. Появилась въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" первая половина моей статьи о трагедіи графа Толстаго „Смерть Іоанна Грознаго".

Поводомъ къ увольненію Кауфмана послужила, между прочимъ, ужасная распущенность чиновниковъ въ томъ краѣ, въ которомъ онъ управлялъ. По крайней мѣрѣ, Государь такъ мотивировалъ свое рѣшеніе. Это говорилъ мнѣ Ѳ. И. Тютчевъ.

— 14. Пятница. Былъ у меня графъ Толстой, авторъ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго". Онъ горячо благодарилъ меня за мою статью о немъ, которой, впрочемъ, появилось еще только половина во вчерашнемъ № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Онъ пишетъ вторую драму изъ царствованія Ѳеодора, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Годуновъ. Судя по плану, который онъ мнѣ вкратцѣ передалъ, это будетъ тоже прекрасное произведеніе. Теперь онъ хлопочетъ о постановкѣ на сцену Грознаго. Государыня очень этого желаетъ, но сомнѣвается, чтобы у насъ нашлись актеры, которые были-бы въ состояніи хорошо съиграть эту пьесу.

Моя статья принята въ публикѣ съ большимъ одобреніемъ и сочувствіемъ, какъ о томъ доходятъ до меня слухи. И*** просилъ меня, чтобы я и ему далъ оттискъ. Я обѣщалъ всѣмъ, когда статья будетъ напечатана отдѣльно, вмѣстѣ съ двумя другими:

о „Самоуправцахъ“ Писемскаго и объ „Отрѣзанномъ ломтѣ“ Потѣхина.

— 18. Вторникъ. Въ № 286-мъ „Голоса“ появилась статья по поводу моей рецензіи Іоанна Грознаго. Статья обвиняетъ Академію за отказъ этой пьесѣ Уваровской преміи и ссылается на мою рецензію.

Общество въ правѣ требовать отъ отдѣленія русскаго языка и словесности, чтобы оно уважало русскую словесность.

— 23. Воскресенье. Первые шаги графа Дмитрія Андреевича Толстаго на его министерскомъ поприщѣ начинаютъ возбуждать какія-то странныя впечатлѣнія. Что графъ благоговѣлъ передъ „Московскими Вѣдомостями“, это было уже извѣстно. Онъ, не обинуясь, высказываетъ передъ ними родъ сыновней почтительности и готовности во всякомъ случаѣ руководствоваться ихъ авторитетомъ и, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, говоритъ: учитель такъ сказалъ. Онъ сдѣлалъ также юношескую ошибку въ Саратовской рѣчи, въ которой, говоря о дурномъ направленіи учащейся молодежи, выразился такъ: „При мнѣ этого не будетъ“. Но вотъ еще случай. Надняхъ онъ отнесся къ Валуеву офиціальною бумагою, въ которой не безъ юношескаго самодовольства говоритъ, что Государь возложилъ на него наблюдать за чистотою нравовъ юношества и преграждать въ школы путь дурнымъ идеямъ, а такъ какъ журналы „Дѣло“ и „Женскій Вѣстникъ“ издаются лицами, принадлежавшими къ „Русскому Слову“ и „Современнику“ и которые и теперь придерживаются образа мыслей этихъ журналовъ, то онъ, графъ, и проситъ Валуева обратить на это вниманіе, дабы они вновь не заражали молодыхъ умовъ.

Какъ-бы ни было справедливо такое желаніе, но, во-первыхъ, „Дѣло“ и „Женскій Вѣстникъ“ уже взяты подъ цензуру, и совѣтъ по дѣламъ печати доноситъ Валуеву, что въ нихъ не оказывается ничего зловреднаго. Во-вторыхъ, Ѳ. И. Тютчевъ, въ засѣданіи того-же совѣта, справедливо замѣтилъ, что литература существуетъ не для гимназистовъ и школьниковъ и что нельзя-же ей давать дѣтское направленіе. Тогда пришлось-бы ограничиться одними букварями и учебниками. Въ обществѣ и кромѣ литературы говорится и дѣлается много такого, что непригодно для школы и школьниковъ. Но это уже дѣло министерства на

роднаго просвѣщенія и блюстителей школьной нравственности не допускать въ кругъ мальчиковъ и юношей того, что можетъ имѣть на нихъ вредное вліяніе. Вообще, въ графѣ Дмитріи Андреевичѣ видна одна изъ тѣхъ молодостей, которыя если не навсегда, то надолго остаются такими. Дай Богъ ему скорѣй постарѣть.

Эти жалкіе молодые люди, бросившіеся сломя голову въ омутъ революціонныхъ замысловъ и покушеній, сдѣлали огромное зло Россіи: они, по крайней мѣрѣ, на полвѣка отодвинули ее отъ истиннаго просвѣщенія, свободы и разныхъ улучшеній. Если между нашими правительственными лицами есть кто-нибудь, искренно желающій блага Россіи, то это одинъ Государь.

— 26. Среда. Валуевъ и графъ П. А. Шуваловъ быстрыми шагами стремятся къ тому, чтобы вдвоемъ управлять Россіею полицейскимъ образомъ: одинъ посредствомъ общей, другой—посредствомъ тайной полиціи. Главная забота ихъ теперь—подорвать суды, т. е. взять ихъ подъ опеку административной власти. Валуевъ уже подкопался подъ суды со стороны печати. Сегодня Норовъ далъ мнѣ прочитать Валуевскій проектъ изъятій изъ общаго закона о судопроизводствѣ и дополненій по дѣламъ печати, который долженъ разсматриваться въ Государственномъ совѣтѣ. Валуевъ добивается лишить прокурора права дѣлать свои заключенія по поступающимъ въ суды отъ министерства внутреннихъ дѣлъ обвиненіямъ о проступкахъ и преступленіяхъ печатнымъ словомъ. Норовъ просилъ меня написать отъ него записку по этому поводу для Государственнаго совѣта, что я и сдѣлалъ и отдалъ ему сегодня-же. Старикъ, да съ нимъ и я, мы только потѣшимъ себя: будто тутъ его голосъ можетъ что-нибудь значить! Итакъ, вотъ уже первая побѣда бюрократіи надъ судебною властью. Бѣдное русское правосудіе!

— 27. Четвергъ. До сихъ поръ не прекращаются толки о пьесѣ графа Толстаго и о томъ, что Академія отказала ему въ преміи. Моя статья, какъ оказывается, произвела впечатлѣніе въ публикѣ.

Я. К. Гротъ читалъ въ засѣданіи отдѣленія рѣчь, которую онъ пишетъ къ Карамзинскому юбелею. Когда онъ въ своей рѣчи дошелъ до мѣста, гдѣ говоритъ, что Карамзинъ оказалъ огромную услугу языку, содѣйствуя его образованію—даже пре-

образовалъ его, Пекарскій замѣтилъ, что онъ не согласенъ съ этимъ общепринятымъ мнѣніемъ, что Карамзинъ не оказалъ никакой особенной услуги языку нашему и что въ этомъ отношеніи гораздо больше него сдѣлали наши до-карамзинскіе сатирическіе журналы...

Вчера познакомился я у Норова съ смоленскимъ губернаторомъ Бороздною. Онъ сильно жаловался на нигилистическій духъ среди смоленской молодежи. Многія изъ дѣвушекъ не выходятъ замужъ иначе, какъ гражданскимъ бракомъ.

Ноябрь.—1. Вторникъ. Отослалъ въ Прагу черезъ князя Дабижа нѣсколько своихъ брошюръ и „Исторію литературы“ Миллера.

.... Разсудивъ зрѣло, я нахожу, что онъ поступилъ основательно и справедливо. Есть правило житейской мудрости: никому не позволяй слыть умнѣе и даровитѣе тебя, а если такое случится, то старайся всячески уронить его въ глазахъ другихъ.

Дѣло хорошаго писателя состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ формулированіи тѣхъ началъ и тѣхъ идей, которыя потребны всѣмъ и которыя смутно мелькаютъ въ умахъ извѣстнаго времени и извѣстнаго общества.

Поздравленіе президента Академіи наукъ, Литке, съ пожалованіемъ ему графскаго достоинства. Онъ, кажется, очень доволенъ.

— 2. Среда. И въ Москвѣ неблагопріятно отзываются о нашемъ академическомъ дѣлѣ по случаю неувѣнчанія Уваровскою преміею пьесы графа А. К. Толстаго. Въ № 36-мъ „Лѣтописи“ напечатана неодобрительная статья объ этомъ. Безобразовъ, недавно возвратившійся изъ Москвы, тоже говорилъ мнѣ вчера, что тамъ очень дурно отзываются о лицахъ, которыя подали голосъ противъ пьесы.

— 3. Четвергъ. Буря въ отдѣленіи русскаго языка и словесности все по случаю той-же пьесы гр. Толстаго. А. Ѳ. Бычковъ принесъ въ засѣданіе, для прочтенія, статью „Лѣтописи“. Она и была прочтена во всеуслышаніе Срезневскимъ. Противъ всего, что тамъ сказано, нечего было возразить. Я. К. Гротъ замѣтилъ, что мы сдѣлали большую ошибку, отказавъ въ наградѣ произведенію, которое вполнѣ ея заслуживало, но Пекарскій ухватился за слова, сказанныя о немъ въ статьѣ, и объявилъ, что

будетъ на нихъ отвѣчать. Чтὸ и почему онъ будетъ отвѣчать, трудно вообразить себѣ. Потомъ онъ началъ доказывать что Академія не поручала мнѣ разбора пьесы, и ссылался на протоколъ, въ которомъ обыкновенно и не говорится, кто изъ членовъ принялъ на себя разсмотрѣніе такого-то сочиненія. Изъ этого публика должна будетъ заключить, что я напечаталъ мою рецензію, не представивъ ея въ комиссію. Но вѣдь она была мною прочитана въ комиссіи, въ которой, послѣ выслушанія и полнаго одобренія рецензіи четырьмя голосами, и приступлено было къ баллотированію. Вообще Пекарскій ведетъ себя въ этомъ дѣлѣ престранно. Онъ покусился было даже утверждать, что не подавалъ отрицательнаго голоса. Срезневскій высказался честнѣе: онъ прямо объявилъ, что подалъ отрицательное мнѣніе посредствомъ бумажки, на которой ничего не было написано. Я. К. Гротъ хочетъ напечатать, что онъ одобрялъ пьесу; Веселовскій тоже что-то намѣревается написать; я тоже напишу, что моя рецензія была читана въ комиссіи, если Пекарскій что-нибудь напечатаетъ, дающее поводъ думать противное. Вотъ будетъ потѣха для публики!

Надо стараться очистить и нравственно поднять литературу такъ, чтобы она не могла давать поводовъ къ нападкамъ на нее обскурантовъ и реакціонеровъ.

— 4. Пятница. Валуевъ провелъ-таки свою мѣру о предоставленіи большей власти губернаторамъ, отвергнутую Государственнымъ совѣтомъ, кажется, въ іюлѣ или августѣ. Высочайшій указъ о томъ отъ 28-го октября (см. „Голосъ“ № 303).

— 5. Суббота. Свершилось то, чего боялись люди мыслящіе: наступаетъ время поворота назадъ, время реакціи.

Освобожденіе крестьянъ—дѣло, безъ сомнѣнія, великое. Но великость его заключается еще и въ томъ, что оно полагаетъ начало для другихъ неизбѣжныхъ и столь же великихъ реформъ. Безъ этого оно дѣло недовершенное. Оставить освобожденныя массы безъ руководства людей развитыхъ, просвѣщенныхъ и благомыслящихъ—оставить однихъ въ дѣтскомъ невѣжествѣ, а въ другихъ поселить недовѣріе — это великая государственная ошибка.

Нижегородскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе („Голосъ“ № 307), по которому всѣ женщины, носящія круглыя шляпы,

синія очки, башлыки, коротко остриженные волосы и не носящія кринолиновъ, признаются нигилистками, забираются въ полицію, гдѣ имъ приказываютъ скинуть всѣ эти наряды и надѣть кринолины; а если онѣ не послушаются, то высылать ихъ изъ губерніи. Администрація въ своемъ усердіи доходитъ до того предѣла, гдѣ ея странныя распоряженія уже перестаютъ быть странными, а становятся комическими. Распоряженіе, о которомъ здѣсь говорится, сдѣлано Огаревымъ.

— 8. Вторникъ. Вечеромъ у Чебышева-Дмитріева. Тамъ встрѣтилъ двухъ старыхъ знакомыхъ: ректоръ Московскаго университета Баршева и профессора Пахмана.

— 9. Среда. Балъ во дворцѣ. Мнѣ очень хотѣлось видѣть Цесаревну Марію Θеодоровну (Дагмару). Я и видѣлъ ее. Она дѣйствительно, вся сіяніе, юность, грація. На балѣ, по обыкновенію, встрѣтилъ много знакомыхъ. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой, попрежнему, дружески со мной раскланялся. Валуевъ тоже удостоилъ меня поклономъ, весьма впрочемъ холоднымъ и величественнымъ, на что я отвѣчалъ, хотя не такъ величественно и изящно, но тоже холодно. Побесѣдовалъ немного съ генераломъ Лихачевымъ, Княжевичемъ и проч., выпилъ смородиновой воды, едва прикоснулся къ ужину и уѣхалъ. Ужинъ, впрочемъ, былъ обильный и роскошный. Народу великое множество—блескъ отъ свѣчъ, блескъ отъ звѣздъ, но увы! мало блеска отъ женскихъ глазъ. Красивыхъ лицъ почти не было. Блистала одна Базилевская.

— 11. Пятница. Совѣтъ по дѣламъ печати, вопреки отношенію графа Толстаго, сдѣлалъ постановленіе, что литература существуетъ не для гимназистовъ, и что министерству народнаго просвѣщенія собственно принадлежитъ право и властъ охранять гимназіи отъ вторженія въ нихъ такихъ произведеній, которыя несоотвѣтствуютъ дѣтскому возрасту. Валуевъ на докладѣ Совѣта написалъ резолюцію: „Не слѣдуетъ министрамъ давать наставленія“.

— 12. Суббота. Я отдалъ членамъ втораго отдѣленія Академіи наукъ по экземпляру моихъ рецензій, вышедшихъ на дняхъ изъ типографіи. Они оказали мнѣ любезность, прося надписать каждому—и первый Пекарскій. Срезневскій просилъ

нѣсколько экземпляровъ, чтобы послать въ Вѣну славянамъ, съ которыми онъ въ сношеніи.

Отъ графа Дмитрія Андреевича получилъ весьма любезную записку, въ которой онъ говоритъ объ удовольствіи, доставленномъ ему чтеніемъ моей брошюры.

Вечеромъ у Княжевича. Разговоръ съ Бакунинымъ, разумѣется—не съ страшнымъ, а съ другимъ.

Удивительно страненъ нашъ русскій умъ! Онъ съ чрезвычайною легкостью усваиваетъ себѣ летучія идеи времени и часто умѣетъ высказывать ихъ такъ ловко, съ видомъ такого убѣжденія, какъ будто онѣ были его собственными. Эта воспріимчивость, соединенная съ большою живостью его натуры, мѣшаетъ ему углубиться въ то, что онъ сгоряча принимаетъ за непреложную истину—мѣшаетъ ему быть самостоятельнымъ и твердымъ. Въ немъ все какъ-то легко, ненадежно, непрочно; чувствуешь, что то, что онъ сегодня принимаетъ и отстаиваетъ съ жаромъ, скоро перестанетъ занимать его, что оно не пустило въ его сознаніи глубокихъ корней и что онъ такъ-же скоро охладѣетъ къ принятому, какъ скоро привязался къ нему.

— 17. Четвергъ. Что есть жизнь человѣческая, какъ не смѣсь страданій и пороковъ?

Для многихъ-ли доступна та высокая степень умственнаго и нравственнаго развитія или та высшая точка зрѣнія, съ которой человѣкъ можетъ взглянуть примирительнымъ окомъ на все зло, на весь безпорядокъ, царствующіе въ мірѣ? Сколько людей погибаетъ на пути къ этому недосягаемому для нихъ возвышенію, въ тревогахъ сомнѣній, въ чувствѣ великихъ своихъ скорбей и неудовлетворенной жажды лучшаго, въ полной невозможности сказать доброе слово о томъ, что онъ видѣлъ и испыталъ въ краткія мгновенія своей жизни—и надобно считать за великое добро уже ту душевную тупость, которая безсмысленно и покорно протягиваетъ свою голову подъ разящіе ее удары, не спрашивая за что и почему она осуждена на эту казнь.

Сила познается только въ борьбѣ. Что не трудно, то никуда не годится.

Таланту многое и лучшее, конечно, дается даромъ. Но слѣдуетъ-ли изъ того, что онъ не трудится? То, что первоначально далось ему безъ труда, какъ-бы какимъ-то счастливымъ наитіемъ

свыше или, какъ говорится, пришло само собою, то онъ долженъ развить, обработать, устроить — и все это составляетъ работу вовсе не легкую, часто до того упорную, что она занимаетъ всѣ его силы, истощаетъ ихъ и дѣлаетъ его недовольнымъ самимъ собою. И чѣмъ глубже, чѣмъ тоньше онъ понимаетъ требованія своей задачи, тѣмъ труднѣе для него выполненіе ея съ такою точностью и достоинствомъ, какія налагаются на него собственнымъ его идеаломъ. Какъ часто приходится ему пробиться долго надъ однимъ какимъ-нибудь словомъ въ выраженіи своихъ мыслей, не вполнѣ удовлетворяющимъ требованіямъ его собственнаго неумолимаго контроля.

— 18. Пятница. Собирать, копить факты хорошо; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что надо отказаться отъ права и способности разсуждать?

— 21. Понедѣльникъ. Сохраненіе жизни, сохраненіе здоровья, нѣкоторая доля обезпеченія нуждъ и нѣкоторая доля удовольствія ради отдохновенія отъ трудовъ — все это законно и справедливо. Но немножко больше славы и немножко больше богатства—что значитъ все это, по выраженію Бомеля въ письмѣ его къ Вольтеру?

Съ Милютинымъ (Николаемъ) случился ударъ. Онъ безнадеженъ. Его навѣщалъ Государь. Великая княгиня Елена Павловна была у него два раза въ одинъ день. На мѣсто него вызываютъ князя Черкасскаго изъ Варшавы.

— 23. Среда. Когда Государь посѣтилъ Милютина, онъ горячо выразилъ ему свое соболѣзнованіе и вообще обошелся съ нимъ очень благосклонно и ласково.

На мѣсто Милютина былъ назначенъ Степанъ Михайловичъ Жуковскій, о чемъ уже былъ заготовленъ указъ. Но вдругъ все измѣнилось: важный постъ, занимаемый Милютинымъ, ввѣренъ графу П. А. Шувалову.

— 24. Четвергъ. Извнѣ намъ угрожаетъ Европа, внутри, какъ въ вулканѣ, зловѣщій глухой гулъ и клокотаніе потрясающихъ элементовъ. Бѣдное мое отечество!

Въ № 324-мъ „Голоса“ напечатана сильная замѣтка о Н. А. Милютинѣ.

Заѣзжалъ къ Милютину. Ему лучше, но хотя-бы онъ и под-

нялся съ одра смерти, а всетаки это не возвратитъ намъ благороднаго гражданина и полезнаго дѣятеля.

— 25. Пятница. Смотри съ какой стороны больше подлежитъ нападеніямъ твоя свобода, тамъ и усиливай стражу и бдительность. Чрезвычайно опасно поддаваться впечатлѣніямъ, какія возникаютъ для тебя изъ различныхъ отношеній съ людьми. И странное дѣло, хотя ты не очень уважаешь ихъ мнѣніе, зная изъ какого часто нечистаго или мелкаго источника истекаетъ ихъ одобреніе или неодобреніе, ихъ пріязнь и непріязнь, однако, тѣмъ не менѣе все это тревожитъ тебя, нарушаетъ миръ и спокойствіе твоей души. Значитъ, тутъ дѣло не въ томъ, что люди нехороши, а въ томъ что ты нехорошъ. Твое сердце такъ слабо и рыхло, что всякое сѣмя, бросаемое въ него вѣтромъ, свободно и скоро произростаетъ въ немъ—а это произростаніе даетъ тернія и волчецы. Итакъ, врачу: исцѣлися самъ. Подрѣзывай въ самомъ корнѣ эти вредныя и скверныя произростанія или устраняй, елико возможно, вліяніе, причинъ, которыя ихъ питаютъ.

— 26. Суббота. Самая грубая ложь для большей части людей можетъ сдѣлаться убѣжденіемъ, если повторяется часто и не встрѣчаетъ протеста со стороны тѣхъ, которые обязаны блюсти и охранять истину.

Была въ Петербургѣ учреждена комиссія для устройства и преобразованія городской полиціи. Шло, между прочимъ, дѣло о раздѣленіи города на сорокъ участковъ. Но когда Трепову замѣтили въ комиссіи, что раздѣленіе это не имѣетъ основанія и что не лучше-ли въ полицейскомъ отношеніи раздѣлить городъ по числу судебныхъ мировыхъ участковъ, онъ энергически отвергъ это, потому, какъ онъ выразился, что авторитетъ полиціи тутъ какъ бы подчинится авторитету судовъ. Треповъ, говорятъ, ненавидитъ новые суды. Потомъ, однако, онъ согласился уменьшить число участковъ до тридцати четырехъ. Такъ рѣшено было комиссіей. Вдругъ является приказъ оберъ-полиціймейстера, по которому городъ дѣлится, кажется, на двадцать восемь участковъ. Треповъ увеличиваетъ штатную сумму, опредѣленную на содержаніе полиціи, и прямо отъ себя относится къ министру финансовъ объ отпускѣ дополнительныхъ суммъ, чѣмъ приводитъ его въ немалое изумленіе.

Безакъ придумалъ мѣру уничтожить Каменецъ-Подольскую католическую епархію. Говорятъ, мѣра не дурная въ политическомъ отношеніи—пусть такъ, но вышло то, что теперь не знаютъ, какъ съ ней справиться. По католическому каноническому праву ни одинъ епископъ не можетъ принять управленіе ни одною церковью внѣ района своей епархіи. И когда упраздненную епархію надо было подчинить другому ближайшему епископу, тотъ отказался принять ее, потому что это воспрещается кореннымъ закономъ его церкви и проч. и проч. и проч.

— 29. Вторникъ. И коренному петербургскому жителю становится трудно оріентироваться въ немъ, благодаря бывшему оберъ-полиціймейстеру, графу П. А. Шувалову, который въ своей просвѣщенной заботливости о благоустройствѣ и безопасности столицы переименовалъ разныя улицы, и изъ старыхъ, усвоенныхъ этимъ улицамъ исторіей или преданіямъ, названій, надѣлалъ такія, напримѣръ, какъ Ковенскій переулокъ, Могилевская улица и т. д.

Декабрь.—1 Четвергъ. Торжество въ Академіи наукъ въ честь Карамзина по случаю совершившагося столѣтія со дня его рожденія. Публика многочисленная и отборная. Были: Наслѣдникъ Цесаревичъ, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Алексѣй Александровичъ и герцогъ Лейхтенбергскій. Рѣчь М. П. Погодина вызвала неоднократные взрывы рукоплесканій и вообще была принята съ восторгомъ, особенно тѣ мѣста, гдѣ онъ резюмировалъ извѣстное, неизданное сочиненіе Карамзина о „Древней и новой Россіи" и приводилъ нѣкоторыя мысли изъ письма его къ императору Александру Павловичу о Польшѣ. Рѣчь Погодина дѣйствительно была въ высшей степени умѣстна, прилична и благородна. Онъ мастерски воспользовался случаемъ и высказалъ нѣсколько и строгихъ и вѣрныхъ истинъ. Здѣсь Погодинъ былъ уже не ученый, не академикъ, не ораторъ, а гражданинъ. Рѣчь его есть подвигъ, гражданская заслуга. И прочиталъ онъ ее хорошо. Нѣкоторые академики, однако, не нашли въ ней никакого достоинства. Сидѣвшій возлѣ меня сначала даже подсмѣивался надъ ораторомъ, называлъ его фигляромъ, но скоро однако переcталъ и выразилъ даже нѣкоторое одобреніе. Но секретарь, на мои похвалы, прямо

отвѣчалъ, что рѣчь не заслуживаетъ никакого вниманія и что хорошаго въ ней только выписки изъ Карамзина. Великіе князья также апплодировали многимъ мѣстамъ, равно и Наслѣдникъ Цесаревичъ. Воспоминанія князя П. А. Вяземскаго тоже приняты были публикою благосклонно, равно какъ и стихи его, которые на этотъ разъ впрочемъ не отличаются особенною силою. Да и прочиталъ и то и другое Маркевичъ, противъ своего обыкновенія, довольно плохо. Актъ продолжался не больше двухъ съ половиною часовъ.

— 2. Пятница. Замѣчательно, что вчера на актѣ не было никого изъ духовныхъ властей, а Валуевъ исчезъ... Въ ознаменованіе Карамзинскаго юбилея, Государь пожаловалъ сыну Карамзина, Владиміру, орденъ св. Станислава 1-ой степени. Погодину также орденъ и Строеву тысячу рублей пенсіону.

Актъ въ университетѣ. Рѣчь Бестужева Рюмина о Карамзинѣ, какъ историкѣ, прочитанная Миллеромъ, очень хороша. Провозглашеніе военнаго министра Д. А. Милютина докторомъ исторіи было принято съ живымъ участіемъ и сопровождалось громкими рукоплесканіями. И ему самому, кажется, это было пріятно. Онъ два раза вставалъ, чтобы благодарить публику.

— 3. Суббота. Заѣзжалъ къ Погодину и довольно долго побесѣдовалъ съ нимъ. Я высказалъ ему мое удовольствіе по поводу его рѣчи, которая, прибавилъ я, уже была не слово, а событіе. Онъ былъ у N. N., который, между прочимъ, сказалъ ему:— Ваша рѣчь произвела фуроръ.

— 3. Воскресенье. Управленіе по дѣламъ печати идетъ совершенно ложнымъ путемъ. Оно усвоило себѣ только одинъ элементъ силы—элементъ полицейскій, забывъ вовсе, что въ кругу, въ которомъ оно дѣйствуетъ, есть еще очень важный элементъ силы—элементъ нравственный. Кажется, оно рѣшилось совсѣмъ ни въ какомъ случаѣ не признавать значенія силы мыслительной и силы нравственной.

Самое грубое ослѣпленіе, недостойное не только государственнаго человѣка, но даже обыкновеннаго чиновника—думать, что въ наше время можно управлять посредствомъ однихъ полицейскихъ мѣръ, циркуляровъ, запрещеній и тому подобнаго.

Управленіе рѣшилось дѣйствовать совершенно наперекоръ величайшаго изъ властителей земныхъ—духа времени, который

неотразимо требуетъ свободы мысли и слова. Это уступка, которую ему необходимо сдѣлать, если не хочешь допустить опять самаго гибельнаго своеволія и злоупотребленій мысли и слова впослѣдствіи, когда всетаки придется снова ослабить натянутыя возжи. Валуевъ человѣкъ не безъ ума, но съ ногъ до головы бюрократъ, который понимаетъ государственныя дѣла не иначе, какъ канцелярскія отношенія и рапорты, хотя и говоритъ иногда пышно и кудряво. Валуевъ сдѣлаетъ то, чего само общество, можетъ быть, и не сдѣлало-бы: онъ приведетъ его къ полнѣйшей вѣрѣ, что ничему вѣрить нельзя.

Управленіе не понимаетъ различія въ печати между свободою мысли реальною и логическою. Оттого оно подъ одинаковый гнетъ кладетъ и какую нибудь газетную статью и ученую книгу.

Теперь Валуевъ думаетъ, что онъ принялъ важную мѣру, перемѣнивъ Щербинина на Похвиснева, т. е. замѣнивъ чиновника одряхлѣвшаго чиновникомъ помоложе.

— 5. Понедѣльникъ. Обѣдалъ у Бычкова... Тамъ были члены нашего отдѣленія и Погодинъ. Погодинъ прочиталъ послѣ обѣда отрывокъ изъ описанія своего послѣдняго пребыванія за границею, гдѣ разсказываетъ свою встрѣчу въ Монтре съ Герценомъ. Погодинъ совѣтовалъ ему раскаяться и возвратиться въ Россію.

— 6. Вторникъ. Третье предостереженіе „Голосу" и пріостановка его на два мѣсяца за статью въ № 318 о полиціи. См. „Сѣверная почта" № 261.

— 8. Четвергъ. Сегодня въ засѣданіи Академіи наукъ былъ и Погодинъ. Ничего особеннаго. Говорили и судили, какъ обыкновенно, съ большою важностью.

О Милютинѣ (Николаѣ) все дурныя слухи. Ему лучше, но нѣтъ никакой надежды на то, чтобы онъ могъ опять заняться дѣлами.

Графъ Барановъ въ своей рѣчи въ Вильно сказалъ, что напрасно нѣкоторые злонамѣренные люди стараются распространить мысль объ измѣненіи системы въ управленіи польскими дѣлами. Ничего не измѣнится, и всѣ прежнія предначертанія будутъ выполнены. Странное дѣло! Система не перемѣнится, а перемѣнили людей, которые способны были ее выполнять, и

замѣнили ихъ людьми, совершенно на то неспособными, какъ будто системы создаютъ людей, а не люди системы.

Когда разъ допустили извѣстную мѣру свободы мысли и слова, то возвращаться назадъ уже нельзя. Надо допустить и признать эту свободу, какъ новый элементъ, подобно тому, какъ признаютъ и допускаютъ необходимость разныхъ измѣненій общественныхъ и административныхъ. На нѣкоторыя злоупотребленія печатнаго слова надо уже смотрѣть, какъ на необходимое зло. Злоупотребленій этихъ не желаютъ оставлять безъ взысканія— хорошо! Но что считать за злоупотребленія? Въ этомъ должно непремѣнно умѣрить до послѣдней крайности свою щекотливость и притязательность. Вообще не должно показывать, что въ печатномъ словѣ видятъ своего личнаго врага, какъ то дѣлаетъ нынѣшнее управленіе по дѣламъ печати. Вообще, на это дѣло нельзя смотрѣть полицейскими глазами.

— 9. Пятница. Въ общемъ собраніи Академіи наукъ президентъ предложилъ выбрать въ почетные члены министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго, Дмитрія Алексѣевича Милютина, Валуева и министра Зеленаго. Выбраны два первые. У графа Толстаго было только три отрицательныхъ голоса, у Милютина два. Но когда дѣло дошло до Валуева, то оказалось, что ему накидали черныхъ шаровъ, и избраніе не состоялось. Этимъ былъ очень огорченъ президентъ. Но онъ самъ виноватъ. Не слѣдуетъ предлагать нѣкоторыхъ лицъ, не удостовѣрившись прежде въ успѣхѣ и не посовѣтовавшись съ нѣкоторыми знающими людьми. Я предлагалъ было раздѣлить выборъ такъ, чтобы двое были избраны теперь, а другіе двое оставлены хоть до слѣдующаго года. Президентъ не согласился, и потерпѣлъ пораженіе. Зеленаго онъ уже не хотѣлъ баллотировать. Чему, однако, приписать эту неудачу относительно Валуева, когда Академія прежде такъ снисходительно раздавала свои дипломы на званіе почетныхъ членовъ? Я думаю, роли, какую Валуевъ принялъ на себя въ отношеніи къ печати. Академія— естественная покровительница печати въ ея высшемъ значеніи, и она, вѣрно, хотѣла этимъ выразить свое несочувствіе лицу, которое доселѣ выказало себя въ дѣлахъ печати только преслѣдованіями. Вообще, Валуевъ не пользуется сочувствіемъ обще-

ства. Немного друзей пріобрѣлъ ему, между прочимъ, и знаменитый циркуляръ губернаторамъ.

— 30. Суббота. Погодинъ, кажется, на меня гнѣвается. За что?—постигнуть не могу. За то развѣ, что говоря въ статьѣ моей объ „Іоаннѣ Грозномъ“ графа А. К. Толстаго, о нынѣшнихъ русскихъ писателяхъ, наслѣдовавшихъ языкъ Карамзина, т. е. о Гончаровѣ, Тургеневѣ, Майковѣ, я не упомянулъ о немъ? Неужели за то? Да вѣдь это просто было-бы нелѣпо: къ числу достоинствъ Погодина не принадлежитъ-же художественно-обработанный, изящный языкъ. Никто не считаетъ его языкъ образцовымъ. Да притомъ у меня дѣло шло о поэтахъ—какой-же онъ поэтъ? Правда, онъ писалъ повѣсти, трагедіи и т. п., но вѣдь не въ этомъ его спеціальность и заслуга. Онъ обѣщался пріѣхать ко мнѣ въ прошедшее воскресенье, но я напрасно прождалъ его: онъ не пожаловалъ. На обѣдѣ у А. Ѳ. Бычкова Погодинъ былъ со мною вѣжливъ, но сухъ и холоденъ. Что-же дѣлать? Богъ съ нимъ! На наши мелкія самолюбія не напасешься осторожности.

— 11. Воскресенье. Обѣдалъ у графа Толстаго, министра. Тамъ, между прочимъ, находился и московскій *. Онъ смотритъ такимъ великимъ человѣкомъ, что къ нему и подойти страшно. Въ величественномъ видѣ онъ уступаетъ развѣ только швейцару княгини Бѣлосельской, что стоитъ у подъѣзда ея дома и обозрѣваетъ мимо проходящихъ, какъ величественнѣйшій изъ нашихъ сановниковъ. А было время, когда всѣ они расточали мнѣ сладчайшія любезности. Ну, да это было тогда, когда я былъ въ силѣ по нашему министерству. Это и понятно и законно. А всетаки удивительные педанты эти москвичи! Сдѣлавъ что-нибудь полезное, они уже требуютъ чуть не божескаго поклоненія и отвергаютъ малѣйшую возможность чужихъ достоинствъ и заслугъ. Это и мелко, и смѣшно.

По городу уже пошли слухи о неизбраніи Валуева въ почетные члены Академіи наукъ. Всѣ одобряютъ Академію. Говорятъ: хороша была-бы Академія, еслибъ сдѣлала своимъ членомъ врага и притѣснителя печати.

— 13. Вторникъ. Что-же дѣлать, если наши современные романисты и поэты лучше владѣютъ языкомъ, чѣмъ историки?

— 14. Среда. Надъ „Московскими Вѣдомостями“ виситъ

Дамокловъ мечъ. На-дняхъ Валуевъ, по высочайшему повелѣнію, внесъ въ комитетъ министровъ записку о всѣхъ противоправительственныхъ статьяхъ, въ разное время напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Когда члены комитета, выслушавъ записку, спросили, съ какою же цѣлью она внесена въ комитетъ— не для принятія ли какой-нибудь мѣры? Валуевъ отвѣчалъ, что она внесена въ комитетъ согласно высочайшей волѣ, а что касается до мѣры или до мѣръ, то онѣ будутъ приняты администраціей. Непостижимое ослѣпленіе „Московскихъ Вѣдомостей": онѣ, кажется, на что-то положились, чему-то повѣрили, забывъ, что у насъ, кажущееся надежнымъ и вѣрнымъ поутру, можетъ совершенно измѣниться къ вечеру того же дня.

Краевскому оказано снисхожденіе: онъ подверженъ, вмѣсто гауптвахты или съѣзжей, домашнему аресту—всетаки на два мѣсяца.

— 17. Суббота. Слишкомъ хорошихъ вещей желать не должно: съ ними скоро изнѣживаешься и теряешь способность сносить все дурное, чѣмъ такъ обильна жизнь.

— 22. Четвергъ. Калужскій губернаторъ представилъ высшему начальству, что необходимо выслать куда-нибудь изъ Калуги тамошняго не то предсѣдателя, не то члена гражданской палаты за его неблагонадежность, въ случаѣ могущаго послѣдовать въ Калужской губерніи возмущенія. Такъ возбудительно дѣйствуетъ на губернаторовъ знаменитый циркуляръ Валуева.

Кстати о Валуевѣ. Онъ недавно одному моему знакомому утверждалъ, что нѣтъ у печати защитника болѣе ревностнаго, чѣмъ онъ!

— 23. Пятница. По мѣрѣ того, какъ мы изучаемъ природу, какъ углубляемся въ безконечное теченіе вѣковъ и видимъ страшные перевороты, испытываемые землею въ этомъ неизсякаемомъ потокѣ временъ—человѣкъ, его значеніе и судьба кажутся все мельче, ничтожнѣе и безотраднѣе.

— 29. Четвергъ. Годичный актъ въ Академіи наукъ. Читалъ отчетъ по второму отдѣленію. Прочиталъ дурно, мѣстами плохо разбирая свою руку. Разумѣется, это глупо. Послѣ Академіи обѣдъ у Донона за шесть рублей съ человѣка. Тутъ вмѣстѣ съ потоками вина лились изъявленія взаимной дружбы, еди-

нодушія и проч. Беръ говорилъ рѣчь о единодушіи. Превосходный ученый, прекрасный человѣкъ, юный старикъ! Въ немъ есть философія, поэзія, жизнь... Секретарь упрекнулъ меня за то, что въ моемъ отчетѣ я сказалъ, что у насъ въ данный моментъ нѣтъ первоклассныхъ талантовъ ни въ наукѣ, ни въ литературѣ—а вотъ Беръ! Я вовсе не забылъ о Берахъ, но они принадлежатъ прошедшему. Я еще буду имѣть съ Веселовскимъ объясненіе по этому поводу.

— 31. Суббота. Лучше не давать ничего, чѣмъ давши, брать назадъ.

Конецъ 1866 года.

1867 годъ.

Январь.—1. Воскресенье. Заходилъ, между прочимъ, справиться о здоровьѣ Николая Алексѣевича Милютина. Онъ очень плохъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, ему грозитъ размягченіе мозга.

„Голосъ" прощенъ: ему дозволено выходить въ свѣтъ.

— 4. Среда. Вечеръ у президента Академіи наукъ. Многое множество людей всякаго рода, т. е. ученыхъ и чиновниковъ. Я все время пробесѣдовалъ съ оберъ-прокуроромъ Семеновымъ и астрономомъ Смысловымъ.

— 8. Воскресенье. Служеніе наукѣ, конечно, составляетъ и у насъ, какъ вездѣ, одно изъ важнѣйшихъ призваній для людей, одаренныхъ сильною мыслью и талантомъ. Но есть два способа служить наукѣ. Одинъ состоитъ въ накопленіи и въ разработкѣ матеріаловъ: это фактическій способъ; другой—въ группировкѣ этихъ матеріаловъ, въ возведеніи изъ нихъ зданія, въ освѣщеніи ихъ: это способъ, такъ сказать, духовный. Оное надо дѣлать и сего не оставлять. Наукѣ также нуженъ смыслъ, идея, какъ искусству нуженъ идеалъ.

Эстетическій характеръ произведеній искусства состоитъ въ красотѣ образовъ, содержаніе которыхъ соотвѣтствуетъ требованіямъ мысли и чувства. А какъ эти потребности бываютъ различны, смотря по времени, народностямъ и разнымъ періодамъ

человѣческаго развитія, то и содержаніе художественныхъ образовъ бываетъ чрезвычайно различно. Со стороны художника большая ошибка не соразмѣрять содержаніе своего произведенія съ дѣйствительными потребностями даннаго періода и подчинять его требованіямъ поколѣнія отжившаго.

Поутру былъ у Ивана Леонтьевича Янышева, который сдѣланъ ректоромъ Александро-Невской духовной академіи. Онъ принялъ меня съ прежнимъ дружелюбіемъ. Вечеръ у Краевскаго.

— 13. Пятница. Вчера умеръ Н. И. Гречъ. Сегодня я заѣзжалъ къ его женѣ, Евгеніи Ивановнѣ, и, между прочимъ, просилъ ее доставить мнѣ кое-какія біографическія свѣдѣнія о немъ. Мнѣ хотѣлось-бы помянуть его правдивымъ словомъ. Несмотря на нѣкоторыя черты характера и поступки, которые не разъ возстановляли противъ него общественное мнѣніе, Гречъ, всетаки, былъ замѣчательный дѣятель въ литературѣ и человѣкъ съ несомнѣнными способностями и заслугами. Въ послѣднее время онъ былъ у насъ почти забытъ; но это участь многихъ изъ нашихъ знаменитыхъ людей. Имъ надобно умереть, чтобы о нихъ вспомнили и ихъ оцѣнили. Покойному было 80 лѣтъ.

— 14. Суббота. Часто случается слышать о какомъ-нибудь общественномъ или государственномъ лицѣ: „онъ не знаетъ Россіи“. Справедливъ-ли этотъ укоръ? Кто изъ насъ можетъ похвалиться, что знаетъ ее? Правда, многіе изъ нашихъ администраторовъ и писателей не знаютъ даже статистики не только государства, но даже тѣхъ отдѣльныхъ мѣстностей, о которыхъ пишутъ статьи и книги или для которыхъ составляютъ проекты управленія—это, конечно, непростительное невѣжество. Но характеръ народа, его политическое и нравственное значеніе или назначеніе, кому они извѣстны? Опредѣлились-ли они, выразились-ли настолько, чтобы можно было составить о нихъ точное понятіе и судить о нихъ? Русскій духъ, русская интеллигенція, русская народность—что это такое, какъ не слова, не общія мѣста въ нашихъ сужденіяхъ, хотя въ дѣйствительности это великія, многозначительныя сущности? Но потому-то, что онѣ великія, многозначительныя, ихъ и не легко опредѣлить и не слѣдуетъ къ нимъ относиться легкомысленно.

Вечеръ у Ржевскаго. У него, между прочимъ, собираются сторонники такъ называемыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, среди

которыхъ особенно выдается редакторъ „Вѣсти" Скарятинъ. Я по временамъ заглядываю туда, чтобы имѣть понятіе и объ этой сторонѣ нашей общественности. Притомъ, здѣсь узнаешь и многіе любопытные факты и слышишь любопытныя сужденія. Такъ, напримѣръ, сегодня кто-то, предсѣдатель какой-то комиссіи, ѣздившій, по порученію правительства, въ Среднюю Азію, разсказывалъ очень много интересныхъ вещей о тамошнемъ краѣ и народности, а также о генералѣ Черняевѣ, отъ котораго этотъ кто-то въ восхищеніи. Если вѣрить всему, что я слышалъ сегодня, то мы дѣлаемъ въ Азіи огромныя ошибки.

— 15. Воскресенье. На свѣтѣ есть одна серьезная вещь— это смерть.

Вечеръ у Тройницкаго, гдѣ обыкновенно собираются представители высшей бюрократіи — директоры департаментовъ, члены министерскихъ совѣтовъ, сенаторы и проч. Странны наши русскіе люди! Вмѣсто того, чтобы поддерживать новое какое-нибудь зарождающееся общественное учрежденіе, они всѣми силами стараются его опорочить и уронить. Такъ, напримѣръ, дѣлается и съ земскими учрежденіями. Нѣкоторые господа считаютъ долгомъ своего остроумія осмѣивать все, что тамъ говорится и дѣлается. Я вчера и сегодня наслушался много подобныхъ вещей. Впрочемъ, самъ Тройницкій, хотя и товарищъ министра, чуждъ этого стремленія.

Поутру былъ еще у Марка: этотъ всегда стоитъ за всѣ добрыя начинанія.

Совѣтъ по дѣламъ печати недавно давалъ обѣдъ своему бывшему предсѣдателю Щербинину. Какъ опошлились всѣ эти обѣды! Всѣ знаютъ какой предсѣдатель былъ Щербининъ, ... а между тѣмъ въ честь его устраиваютъ праздникъ.

— 16. Понедѣльникъ. На похоронахъ Н. И. Греча. Отпѣвали его въ лютеранской Петропавловской церкви, а похоронили на Волковомъ кладбищѣ. Въ церкви мало-кто былъ, а на кладбищѣ и еще того меньше. Меня удивило присутствіе въ церкви графа Строгонова, Григорія Александровича, который вмѣстѣ со мною несъ гробъ спереди. Изъ сановныхъ людей были братья Княжевичи, да еще два-три звѣздоносца, три-четыре литератора, три-четыре академика—вотъ и вся чиновная и умственная знать. Я отправился на кладбище вмѣстѣ съ Струговщиковымъ.

Земское с.-петербургское собраніе закрыто правительственною властью.

Въ № 17-мъ напечатано уже не только о закрытіи, но и объ уничтоженіи земскаго с.-петербургскаго собранія, т. е. о прекращеніи его дѣйствій на будущее время.

— 17. Вторникъ. Пишутъ изъ Одессы въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (№ 17), что тамъ умеръ Билярскій, нашъ академикъ и профессоръ Одесскаго университета.

Уничтоженіе земскихъ собраній Петербургской губерніи—гибельная мѣра. Не предвѣщаетъ-ли оно впереди ихъ общаго уничтоженія, т. е. подчиненія власти министровъ и губернаторовъ? Валуевъ это, конечно, хорошо понимаетъ. Стать выше закона, дать своему произволу полный просторъ, всегда было его задачею. Стоитъ только преувеличить движеніе въ обществѣ и въ земствѣ, обвинить ихъ въ нигилизмѣ—и съ этимъ можно достигнуть всего, чего угодно. Вѣдь посягаютъ уже и на суды. Говорятъ, на-дняхъ еще былъ внесенъ въ комитетъ министровъ проектъ объ учрежденіи какого-то контроля изъ высшихъ административныхъ лицъ надъ судами и надъ всѣми судебными учрежденіями, не исключая и сената. Вотъ что дѣло, такъ дѣло!! На этотъ разъ проектъ о подчиненіи судовъ административной власти не прошелъ.

— 18. Среда. Въ № 8 газеты „Москва“ напечатана статья по поводу панихиды по убіеннымъ кандіотамъ. На эту панихиду надо было испрашивать разрѣшеніе отъ высшей петербургской администраціи. Редакторъ газеты очень сильно осуждаетъ необходимость испрашивать дозволеніе на проявленіе всякаго общественнаго чувства и еще смѣлѣе касается зависимости церкви отъ свѣтскихъ властей. Главное управленіе по дѣламъ печати хотѣло дать предостереженіе редакціи, но ограничилось внушеніемъ.

— 20. Пятница. Крузе, предсѣдатель с.-петербургской земской управы, сосланъ въ Оренбургъ, графъ Шуваловъ—въ Парижъ, сенатору Любощинскому велѣно подать въ отставку.....

Газетѣ „Москва“ дано первое предостереженіе („Сѣверная Почта“ № 15).

— 21. Суббота. Двадцать пять лѣтъ правилъ нами страхъ. И что-же вышло? Пагубная Крымская война, закончившаяся по-

стыднымъ миромъ, польская революція, страшное разстройство финансовъ и вообще всякое разстройство, деморализація всѣхъ сословій, нигилизмъ съ гнуснымъ посягательствомъ на цареубійство.

Споръ въ засѣданіи Академіи наукъ. Гротъ говорилъ въ своей небольшой статьѣ, что Карамзинъ сдѣлалъ много новаго для письменнаго нашего языка. Другіе это отрицали. Пекарскій, какъ подобаетъ великому демократу, вовсе отрицалъ значеніе геніальныхъ личностей въ дѣлѣ образованія и языка. С—ій вступилъ въ обычныя свои педантическія объясненія, въ которыхъ тоже отвергалъ значеніе таланта.

Былъ у Марка. Онъ очень разстроенъ.

Нѣсколько часовъ спустя получилъ отъ него извѣстіе, что сенаторство ему возвращено.

— 22. Воскресенье. Вчера настала оттепель въ природѣ: если-бы она принесла оттепель и въ нашихъ дѣлахъ, а именно— смягченіе указа объ уничтоженіи с.-петербургскаго земскаго собранія.

Человѣкъ есть сила самообразующаяся. По крайней мѣрѣ, онъ способенъ развиться до степени этой силы.

Сильные и мрачные толки о судьбѣ нашихъ земскихъ учрежденій. Всеобщее неодобреніе мѣры, принятой относительно Петербургской губерніи. Въ № 15 „Московскихъ Вѣдомостей“ цѣликомъ напечатанъ актъ тамбовскаго собранія, въ которомъ оно исчисляетъ крайнія затрудненія, порожденныя закономъ 21 ноября, и проситъ правительство обратить на это вниманіе. Актъ написанъ умно.

— 23. Понедѣльникъ. Какое странное сопоставленіе нигилизма съ земскими учрежденіями! А между тѣмъ, оно сдѣлано, потому что спб. земское собраніе уничтожено, какъ какое-нибудь тайное нигилистическое общество.

— 24. Вторникъ. Замѣчательная статья въ № 18 газеты „Москва“ въ отвѣтъ на сдѣланное ей предостереженіе.

— 27. Пятница. Сѣтованія на уничтоженіе петербургскаго земскаго собранія не прекращаются. Нѣтъ никого, кто не порицалъ-бы Валуева и Шувалова, которыхъ считаютъ виновниками этого дѣла.

Между тѣмъ, говорятъ, и за-границей общественное мнѣніе

все больше и больше настраивается противъ Россіи. Фонды наши вездѣ страшно упали; кредитъ окончательно подорванъ; сдѣлки по желѣзнодорожнымъ дѣламъ приняли самый невыгодный оборотъ. Въ „Таймсѣ“ въ передовой статьѣ прямо говорится по поводу нашихъ земскихъ учрежденій, что въ Россіи все такъ ненадежно и смутно, что съ ней нельзя вступать ни въ какія сдѣлки. Бисмаркъ еще до катострофы съ этими учрежденіями произнесъ въ прусской палатѣ рѣчь о насъ въ весьма обидномъ, насмѣшливомъ тонѣ — и это въ близкой, дружественной намъ державѣ! Положеніе Россіи становится день ото дня мрачнѣе и затруднительнѣе.

— 28. Суббота. Въ № 20 „Народнаго Голоса“ напечатана чрезвычайно рѣзкая статья противъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Издаетъ эту газету какое-то странное, загадочное существо—Литвиновъ-Юрьевичъ. Онъ прямо, безъ всякихъ околичностей, выдаетъ себя за какого-то агента. Ему дано пособіе на изданіе газеты. Въ ней участвуетъ съ нимъ Джунковскій, который перешелъ изъ православія въ католичество, пребывалъ въ немъ двадцать лѣтъ въ качествѣ монаха и занималъ высокія въ духовной іерархіи должности, потомъ снова обратился въ православіе и теперь живетъ въ Петербургѣ. Онъ студентъ нашего университета, и я хорошо его зналъ. Онъ отличался страстью къ писательству и закидывалъ меня сочиненіями о всевозможныхъ предметахъ, которыхъ вовсе не зналъ или зналъ плохо, за что получалъ отъ меня профессорскія нотаціи. Потомъ, едва умѣя читать по-гречески, онъ вздумалъ переводить Одиссею. Впрочемъ, онъ обнаруживалъ способности. Вскорѣ по выходѣ изъ университета онъ участвовалъ въ „Маякѣ“, издававшемся Бурачкомъ, а въ заключеніе уѣхалъ изъ Россіи и обратился въ католичество. Монахомъ онъ вздумалъ жениться, на что, разумѣется, не получилъ разрѣшенія отъ папы. Но онъ все таки женился, бросилъ католичество и возвратился въ Россію, гдѣ началъ писать злыя, обличительныя статьи на папу и католиковъ. Говорятъ, жена его бросила, и онъ теперь здѣсь живетъ одинокимъ.

Вечеръ провелъ у добрѣйшаго и почтеннаго В. М. Княжевича.

— 29. Воскресенье. Вечеръ у Тютчева. Писемскій читалъ

свою трагедію: „Гладкій" изъ временъ Бирона, регентства Анны Леопольдовны и вступленія на престолъ Елизаветы. Пьеса не лишена достоинствъ. Она чище другихъ пьесъ Писемскаго.

— 30. Понедѣльникъ. Я никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи и оттого остаюсь одинокимъ. Хотя это лишаетъ меня извѣстнаго рода популярности, къ чему въ свое время я, конечно, не былъ нечувствителенъ, однако теперь я не ропщу на мое одиночество. Оно избавило меня отъ зависимости и тревогъ, неразлучныхъ съ прилѣпленностью къ извѣстному образу мыслей, который не возникъ изъ тебя самого. Оно дало уму моему силу расширить горизонтъ свой и уберегло его отъ односторонности и мелочности, и если я до сихъ поръ сохранилъ нѣкоторую свободу духа и характера, то этимъ я обязанъ моему одиночеству.

Дѣлать и говорить можно горячо, но ни говорить, ни дѣлать не должно сгоряча.

Февраль.—1. Среда. Вечеръ у **. Множество всякихъ людей — мужчинъ и женщинъ. Хозяинъ познакомилъ меня съ Витте, директоромъ народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ. Мнѣ показался онъ человѣкомъ вполнѣ обыкновеннымъ. Онъ говоритъ очень много, но у него все выходятъ больше слова, чѣмъ мысли. Онъ самъ себѣ придаетъ цѣну за то, что служилъ съ пользою русскому дѣлу въ Польшѣ. Мы что-то мало слышали про русскій патріотизмъ, да и вообще про высшія достоинства Витте, а извѣстно только, что его, какъ говорится, вывелъ въ люди N. N., у котораго онъ былъ домашнимъ человѣкомъ.

— 3. Пятница. Иное дѣло знаніе, и иное дѣло мышленіе. Знаніе невозможно безъ мышленія, но мышленіе, само по себѣ, составляетъ непреодолимую потребность человѣческаго духа. Къ чему-бы оно ни стремилось, какихъ-бы результатовъ ни достигало, оно является основнымъ закономъ нашей природы. Въ немъ и изъ него возникаютъ вопросы о жизни, о сущности всего сущаго, о Богѣ, о судьбѣ и назначеніи человѣка. Ограничить мышленіе областью знанія, осудить его стремленія подъ предлогомъ недостовѣрности его выводовъ и недостижимости его цѣли—все равно, что воспретить дышать.

— 7. Вторникъ. Графъ Шуваловъ вносилъ два проекта въ Государственный совѣтъ. Одинъ по поводу того, что все Povол-

жье исполнено дурного духа, и потому необходимо все это престранство оцѣпить жандармскими агентами, раздѣливъ ихъ на группы. Для этого графъ требовалъ кредита въ восемьдесятъ тысячъ рублей. Другой проектъ его касался усиленія карательныхъ мѣръ противъ тайныхъ обществъ и противъ зловредныхъ покушеній въ земскихъ собраніяхъ. Нашелся одинъ изъ членовъ Государственнаго совѣта, который замѣтилъ, что крайне неприлично смѣшивать тайныя общества съ земствомъ.

Былъ Чижовъ. Обычная съ нимъ дружеская бесѣда.

— 8. Среда. Раутъ у министра народнаго просвѣщенія. Тутъ, между прочимъ, занималъ общество своими разсказами Горбуновъ. Онъ, дѣйствительно, мастерски схватываетъ и передаетъ черты народныхъ типовъ. Министръ былъ очень озабоченъ извѣстнымъ скандальнымъ происшествіемъ въ московскомъ университетѣ. Профессора Дмитріевъ и Чичеринъ со своими приверженцами—всего семь человѣкъ—подняли настоящее возстаніе противъ ректора и совѣта. Университетъ хотѣлъ выбрать на слѣдующее пятилѣтіе профессора Лешкова, а тѣ не хотѣли, и Чичеринъ написалъ и прочиталъ въ совѣтѣ обидную бумагу по этому поводу. Дошло дѣло до министра, который не одобрилъ дѣйствій меньшинства. И вотъ теперь лица, составляющія это меньшинство, Чичеринъ, Дмитріевъ, Соловьевъ, Бабстъ и кто-то еще подаютъ въ отставку.

— 11. Суббота. Вечеръ у графини Блудовой. Тамъ встрѣтилъ мою бывшую ученицу, фрейлину Воейкову. Она мало перемѣнилась.

Правительства считаютъ какими-то богами; думаютъ, что они, какъ само небо, должны стоять выше общества и по умственнымъ качествамъ, и по добродѣтели, и по знанію—и оттого требуютъ отъ нихъ чуть не безошибочныхъ дѣлъ. Но развѣ они не есть продуктъ того-же народа, какимъ управляютъ? Умъ, добродѣтели и пороки послѣдняго дѣйствуютъ въ нихъ безсознательно и бываютъ причиною всего, что дѣлается ими дурнаго или хорошаго. Если правительство шатко, непослѣдовательно, опрометчиво и проч., то это оттого, что весь (народъ) шатокъ, непослѣдователенъ, опрометчивъ и проч.

— 14. Вторникъ. Вечеръ въ театрѣ на представленіи „Іоанна Грознаго“. Играли пьесу плохо. Самойловъ былъ довольно

хорошъ, когда ему приходилось выражать гнѣвъ Іоанна, но ему не доставало царственнаго величія. Нильскій какой то дубовый человѣкъ: ни въ лицѣ его, ни въ движеніяхъ, ни въ дикціи не отражалось и тѣни Годунова. Я зналъ его еще, когда онъ игралъ на школьномъ театрѣ, подъ названіемъ Нилуса. Онъ и тогда уже изумлялъ меня своею деревянностью. Съ тѣхъ поръ онъ ни мало не улучшился. Единственное его достоинство въ томъ, что онъ красивъ собою, но для искусства этого мало. Что-же касается остальныхъ бояръ, то это нѣчто просто безобразное. Это собраніе какихъ-то холоповъ. Положимъ, что въ дѣйствительности это и были царскіе холопы—но, всетаки, царскіе и не до такой степени пошлые. Владимірова — царица, была недурна, но роль ея довольно ничтожна. Обстановка пьесы великолѣпна.

— 18. Суббота. Чего не достаетъ вашему сердцу въ нравственныхъ принципахъ, то вы должны пополнить разсудкомъ. Если, напримѣръ, вы въ себѣ находите мало внутренняго расположенія къ тому, чтобы уважать людей, то вы должны предписать себѣ уважать ихъ на столько, чтобы не дѣлать имъ и себѣ вреда. Что касается дѣланія добра, то вы должны его дѣлать единственно потому, что добро есть вещь сама по себѣ хорошая и что во всякомъ случаѣ хорошо поступать есть обязанность и необходимость для существа разумнаго.

Людей, какъ и вещи, надо оцѣнивать по ихъ качеству и отдѣлкѣ, а не потому, въ какой мѣрѣ они годны или негодны, собственно для вашего употребленія.

Заходилъ освѣдомиться о Тройницкомъ, который опасно боленъ. Сегодня ему хуже. Опасаются за его жизнь.

— 19. Воскресенье. Заходилъ къ Тройницкому: ему немного лучше. Вечеромъ у Норова.

— 20. Понедѣльникъ. Вчера Норовъ показывалъ мнѣ стихи, которые написалъ и подарилъ ему Валуевъ. Сочинены они были еще въ 1848 году. Стихи идиллическаго содержанія о счастьи, котораго желаетъ авторъ—счастья отрѣшиться отъ всѣхъ свѣтскихъ и особенно канцелярскихъ заботъ. Слухи носятся, что Валуевъ оставляетъ министерство: обращеніе къ этимъ стихамъ не есть-ли намекъ на то? Норову авторъ далъ ихъ дня три тому назадъ.

— 21. Вторникъ. Бо́льшая часть нашихъ тревогъ происходитъ оттого, что мелочи мы принимаемъ за важныя вещи, а съ вещами важными обращаемся какъ съ мелочами.

Впрочемъ, что не мелочь въ жизни человѣческой, не исключая самой жизни?

— 22. Среда. Солнечное затменіе сегодня, говорятъ, а между тѣмъ солнце во всю зиму не сіяло такъ блистательно, какъ сегодня.

Земля русская перестраивается, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже строится. Оттого тутъ пропасть наваленнаго въ кучу всякаго матеріала—и все это еще не обдѣлано, не прилажено. Кто архитекторъ? Архитекторовъ пропасть, но настоящіе только Богъ и народный духъ.

Въ № 43 „Сѣверной Почты" напечатано строгое предостереженіе „Москвѣ".

— 23. Четвергъ. Наши (мѣстные администраторы) выдумали забавную новую проказу: ссылать во внутреннія губерніи содержателей гостиницъ въ Москвѣ, а самыя гостиницы немедленно закрывать административнымъ порядкомъ, если они не заявятъ въ полицію и не пропишутъ видъ кого-либо изъ остановившихся у нихъ, хоть на нѣсколько часовъ. Это всегда и дѣлалось гостинницами, но полиція всегда отказывала въ пропискѣ доставляемыхъ ей видовъ. Газета „Москва" напечатала умную и энергическую статью по этому поводу: за это ей и сдѣлано второе предостереженіе. Послѣднее, по обыкновенію, такъ формулировано, что прочитавъ и его, и статью, на которую оно падаетъ, никто не пойметъ, за что дано предостереженіе. (Статья въ № 35 „Москвы").

Въ слѣдующемъ, 36-мъ номерѣ той-же газеты помѣщена очень хорошая рѣчь Полетики, произнесенная на какомъ-то политико-экономическомъ банкетѣ. За рѣчь, пожалуй, послѣдуетъ новое предостереженіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прекращеніе газеты.

— 26. Воскресенье. Вечеромъ былъ у А. С. Норова, который просилъ меня подписать его духовную.

Мартъ.—1. Среда. „Весна вокругъ живитъ природу",—да, календарная весна, такъ какъ сегодня 14 градусовъ мороза, а вчера было 18°: настоящая весенняя погода.

— 4. Суббота. Толки о страшномъ воровствѣ соли и желѣза

въ Нижнемъ-Новгородѣ. Того и другого украдено болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей.

Еще толки о продажѣ московской желѣзной дороги.

Въ № 49 „Сѣверной Почты" напечатано предостереженіе „Спб. Вѣдомостямъ" за двѣ статьи въ защиту земства, написанныя Кошелевымъ.

— 5. Воскресенье. Странное иногда сочетаніе мыслей происходитъ во снѣ. Мнѣ приснился покойный Н. И. Гречъ. Мы были въ какомъ-то обществѣ, и кто-то изъ среды его говорилъ что-то о заслугахъ Греча. На это онъ замѣтилъ:—„Все это ничего, а единственная полезная вещь, которую я сдѣлалъ—это то, что я умеръ".—„Ну,—отвѣчалъ я ему,—мы не будемъ вамъ за это благодарны".

Соли украдено въ Нижнемъ-Новгородѣ полтора милліона пудовъ и отъ ста двадцати до ста семидесяти тысячъ пудовъ желѣза.

— 7. Вторникъ. Въ № 45 „Москвы" помѣщенъ отвѣтъ на второе предостереженіе, сдѣланное этой газетѣ. Презрительнѣе отзываться о цензурѣ нельзя.

— 8. Среда. При осуществленіи какой-нибудь задачи ничто не дается сразу. Притомъ необходимо постоянство усилій. Однѣ и тѣ-же постоянныя работы инфузорій въ теченіе многихъ тысячелѣтій образовали острова, цѣлыя горы и даже пространства материковъ. А мы, бѣдные русскіе, отличаемся недостаткомъ этого качества малѣйшихъ насѣкомыхъ.

— 10. Пятница. Я продолжаю заниматься собираніемъ разнаго запаса свѣдѣній и изощреніемъ моего ума и вообще самоусовершенствованіемъ такъ, какъ будто передо мной лежитъ еще длинная перспектива жизни. Много узнаю такого, что гораздо было-бы полезнѣе знать прежде, и многое во внутренней своей администраціи устраиваю такъ, что если-бы подобныя мѣры принимались въ раннюю эпоху жизни, то я избѣжалъ-бы безчисленнаго множества ошибокъ и хоть нѣсколько ближе походилъ-бы на свой идеалъ. Поздненько—нечего дѣлать, но лучше поздно, чѣмъ никогда. Притомъ, есть какое-то великое утѣшеніе чувствовать еще въ себѣ на закатѣ дней довольно силъ для того, чтобы идти впередъ, а не оставаться назади или стоять все на одномъ мѣстѣ. Итакъ, впередъ, впередъ, пока не споткнемся о

могилу, въ которую лучше стремглавъ свалиться, чѣмъ, какъ червяку, доползти до нея.

Валуевъ совершилъ три незабвенныя, особенно значительныя (нехорошія дѣянія): это знаменитый наказъ объ усиленіи губернаторской власти, его поведеніе съ земствомъ и дѣянія по дѣламъ печати.

Вотъ и послѣдняго находившагося при немъ умнаго человѣка—Тройницкаго, онъ устранилъ отъ себя. Онъ сдѣлалъ его членомъ Государственнаго совѣта.

— 12. Воскресенье. Какой это удивительный миѳъ: человѣкъ похитилъ съ неба огонь—разумъ. Полный сознанія своего великаго могущества, онъ началъ дѣйствовать. Власть его надъ природою оказалась громадною. Знаніе расширило передъ нимъ горизонтъ на безконечное пространство. „Я обойдусь безъ боговъ", сказалъ онъ себѣ, „я самъ богъ". Но за эту дерзость онъ дорого заплатилъ. Сердце его начали терзать приступы скорби; немощь приковала его къ Кавказу—и, хотя онъ не упалъ духомъ, но долженъ страдать глубоко и безвыходно, потому что онъ утратилъ вѣрованія.

Былъ у Тройницкаго. Онъ еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни, которая чуть не уложила его въ могилу. Онъ оставилъ мѣсто товарища министра и сдѣланъ членомъ Государственнаго совѣта, чѣмъ онъ, разумѣется, весьма доволенъ.

Я посидѣлъ у него съ часъ, а потомъ отправился на обѣдъ въ Римско-Католическую академію, гдѣ происходило торжество, по случаю храмоваго праздника. Собралось множество католическихъ священниковъ и епископовъ. Тутъ былъ и директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій графъ Сиверсъ, съ которымъ я и проговорилъ все время обѣда. На другомъ концѣ стола съ нами обѣдали и воспитанники академіи. Когда предложенъ былъ тостъ за Государя, молодые люди прекрасно пропѣли: „Боже, царя храни". Это былъ сюрпризъ. Я никогда не слыхалъ этого гимна въ Римско-Католической академіи. И, говорятъ, молодые люди сдѣлали это сами, безъ напоминанія и возбужденія со стороны академическаго начальства. Я не перестаю еще трогаться подобными выраженіями общественныхъ чувствъ, если они имѣютъ въ виду не одно лицо, но и идею. И въ этотъ разъ я былъ тронутъ. Я былъ единственный русскій

на этомъ обѣдѣ, а то все или нѣмцы, или поляки. Я предложилъ директору тостъ за здоровье воспитанниковъ, который былъ немедленно провозглашенъ.

— 13. Понедѣльникъ. Кто содѣйствуетъ эстетическому образованію людей, тотъ содѣйствуетъ и образованію нравственному, въ важности котораго, кажется, нельзя сомнѣваться.

— 14. Вторникъ. У меня необыкновенная способность отравлять всякое пріятное расположеніе духа въ себѣ, то опасеніями за будущее, то подозрѣніями въ достоинствѣ этого самаго явленія, то, наконецъ, сомнѣніями въ законности его и въ моемъ правѣ на что-нибудь хорошее и пріятное.

— 15. Среда. Итакъ, говорятъ, судьба московской желѣзной дороги рѣшена: ее опредѣлено продать и притомъ иностранцамъ. Всеобщее сожалѣніе и недовольство по этому случаю. Да и дорога эта доведена до такого состоянія, что по ней скоро нельзя было бы ѣздить. Купцы подавали жалобу министру финансовъ, что они лишены возможности безпрепятственнаго передвиженія товаровъ между обѣими столицами. Что же дѣлаетъ министръ путей сообщенія? Дорога находится въ рукахъ какого-то американца, съ которымъ заключили контрактъ, а по контракту тотъ не обязался ремонтировать ни дороги, ни вагоновъ. Говорятъ, взяли съ контръ-агента за эту сдѣлку полмилліона и положили себѣ въ карманъ.

Отстаивайте сами, какъ знаете, лучшую долю. Если у васъ найдется довольно настойчивости, постоянства, то вы одолѣете противниковъ и достигнете того, чего достигаетъ всякій, дѣйствующій твердо и послѣдовательно. Если же у васъ не найдется достаточныхъ для того силъ, то вы останетесь пустыми людьми, способными только на то, чтобы вами вертѣли и васъ вели другіе, какъ имъ угодно и какъ для нихъ полезно. Вы пожнете то, что посѣяли или не пожнете ничего, потому что ничего не сѣяли.

— 20. Понедѣльникъ. Въ три часа былъ на выносѣ тѣла Евграфа Петровича Ковалевскаго, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, умершаго третьяго дня. Стеченіе народа огромное, и все народа, носящаго красныя, синія и даже голубыя ленты, такъ что я, маленькій, темненькій человѣчекъ, утонулъ, какъ капля, въ этомъ океанѣ величія.

Въ тотъ же день хоронили съ подобающими военными почестями Ивана Петровича Миллера—бо онъ былъ генералъ-лейтенантъ.

— 21. Вторникъ. Отношенія съ людьми должно поддерживать ради собственной безопасности, но такъ, чтобы они не опутывали тебя, какъ сѣтью и не мѣшали совершенно свободнымъ движеніямъ твоего духа.

Пусть каждый день что-нибудь прикладываетъ къ суммѣ твоей нравственной независимости.

— 24. Пятница. Большіе толки о рѣшеніи суда по дѣлу чиновника Протопопова, ударившаго въ лицо своего вице-директора. Присяжные его оправдали какъ человѣка, находившагося въ ненормальномъ состояніи духа.

Объ уступкѣ или продажѣ части нашихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній Сѣверо-Американскимъ штатамъ говорятъ нѣкоторые, знающіе дѣло, что это ловкій маневръ нашей дипломатіи, направленный противъ Англіи за ея враждебную намъ политику по такъ называемому восточному вопросу.

Толкуютъ еще объ остзейскомъ архіепископѣ Платонѣ, уволенномъ или переведенномъ въ Черкаскъ за то, что онъ вышелъ на защиту православія, печатно оскорбленнаго однимъ лютеранскимъ пасторомъ.

— 26. Воскресенье. Видѣлся съ Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ, съ которымъ не встрѣчался лѣтъ пятнадцать или болѣе. Мы дружески побесѣдовали о современныхъ дѣлахъ.

— 29. Среда. Газета „Москва“ пріостановлена на три мѣсяца (№ 69 „Сѣверной Почты“) за статью въ № 65 о пасторѣ Дейбнерѣ и „за постоянное стремленіе порицать дѣйствія правительства, особенно выразившіяся въ передовыхъ статьяхъ №№ 57, 62, 63 и 64“. Между тѣмъ, въ № 66 напечатана превосходная статья по поводу циркуляра редакторамъ, чтобы они не печатали укорительныхъ статей о театральномъ управленіи, на что жаловался министру внутреннихъ дѣлъ министръ двора. Этимъ циркуляромъ опять какъ-бы вводится предварительная цензура.

— 31. Пятница. По поводу оправданія Протопопова „Вѣсть“ прямо обвиняетъ судъ въ революціонныхъ стремленіяхъ. Не удивительно, если съ судами послѣдуетъ то-же, что съ зем-

скими учрежденіями. Дѣло о Протопоповѣ переносятъ въ кассаціонный сенатъ. Вотъ будетъ скандалъ, если сенатъ отмѣнитъ рѣшеніе суда и велитъ наказать бѣднаго Протопопова, признаннаго сумасшедшимъ.

Валуевъ любитъ повторять, что онъ не признаетъ общественнаго мнѣнія, что его у насъ нѣтъ. Онъ не разъ повторялъ это мнѣ, Гончарову, Тройницкому.

— Апрѣль.—1. Суббота. Воздерживаться отъ нѣкоторыхъ мыслей также почтенно и честно, какъ и воздерживаться отъ нѣкоторыхъ поступковъ.

По мнѣнію нашихъ государственныхъ бюрократовъ, управлять народомъ можно не опираясь на общественный духъ. Что дѣло, то дѣло! Любопытно только знать, что сдѣлала бы наша бюрократія безъ участія этого духа—ну, хоть-бы въ польское возстаніе?

— 3. Понедѣльникъ. Мы часто ошибаемся, думая, что понимаемъ вещи, тогда какъ мы только называемъ ихъ.

— 4. Вторникъ. Сегодня минулъ годъ, какъ совершено было гнусное покушеніе на жизнь Государя. Открытіе часовни у Лѣтняго сада.

(Иной) чиновникъ, съ одной стороны, есть рабъ—рабъ своего начальника, а съ другой—воръ, и чѣмъ онъ выше въ служебной іерархіи, тѣмъ раболѣпнѣе и тѣмъ вороватѣе. Но, если онъ ни то, ни другое—что̀, конечно, случается—то онъ бѣднякъ, осужденный на страданіе.

Надняхъ къ мировому судьѣ явился какой-то чиновникъ Ивановъ, въ оборванной одеждѣ, съ странною просьбою посадить его въ тюрьму, такъ какъ онъ, за сокращеніемъ штатовъ, былъ уволенъ со службы и умираетъ отъ холоду и голоду, а въ тюрьмѣ его накормятъ и отогрѣютъ. Судья, разумѣется, ему отказалъ въ такой необыкновенной просьбѣ. Тогда Ивановъ вышелъ въ переднюю комнату суда, далъ пощечину стоявшему тамъ городовому, возвратился къ судьѣ и сказалъ:—„Теперь вотъ вы уже не имѣете права отказать мнѣ въ тюрьмѣ, прибилъ городоваго“. Судья отправилъ его въ тюрьму.

— 5. Среда. Валуевъ и нѣкоторые другіе чиновники требуютъ, чтобы Протопоповъ былъ непремѣнно наказанъ, несмотря на то, что послѣдній совершилъ преступленіе въ ненормальномъ

состоянiи. Требуютъ они этого „для примѣра другимъ“. Кому—сумасшедшимъ?

— 6. Четвергъ. Въ человѣческомъ кругу все подозрительно, или презрительно, или сожалительно. Въ природѣ лучше. Тамъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ лжи, лицемѣрiя. Каждая снѣжинка, каждая капля дождя есть то, что она есть; и смотря на нее, наблюдая ее, видишь и въ малости ея вѣчный ходъ вещей и соотношенiя, которыми держится мiръ.

— 12. Среда. Очень мѣтко выраженiе князя Щербатова (Екатерининскаго) о царедворцахъ, которые считаютъ дворъ своимъ отечествомъ. Такимъ-же точно образомъ чиновникъ считаетъ канцелярiю или департаментъ своимъ отечествомъ.

— 14. Пятница. Сегодня мнѣ разсказалъ о К** любопытныя вещи А. С. Вороновъ, которому Тотлебенъ отдалъ его, такъ сказать, на выучку. Вороновъ провозился съ нимъ около года и рѣшительно ничего не могъ вбить ему въ голову. Едва-едва успѣлъ онъ немного улучшить его грамотность или, лучше сказать, безграмотность и научить первымъ правиламъ ариѳметики. Въ обращенiи онъ, вообще, остается мужикомъ, какъ былъ, несмотря на свое дворянство и охоту втираться въ такъ называемое порядочное общество. Но онъ отлично понимаетъ, что сдѣлался важнымъ человѣкомъ, и съ удовольствiемъ принимаетъ всякiя изъявленiя преданности и уваженiя. Онъ начиналъ уже немножко было и попивать, но пока остановился, благодаря крѣпкому надзору Тотлебена. Вообще за нимъ ухаживаютъ и присматриваютъ какъ за несовершеннолѣтнимъ. Ему приписывались нѣкоторыя умныя изреченiя, въ родѣ того, что онъ „долженъ горѣть чисто, какъ свѣча воска яраго“, но это выдумка. Никогда ничего умнаго онъ не говорилъ, да и говорить не въ состоянiи, потому что онъ отъ природы тупъ до крайности. Зато вотъ такiя вещи, напримѣръ, онъ въ состоянiи говорить и говорить. На-дняхъ, къ четвертому апрѣля, ему изъ разныхъ мѣстъ Россiи было прислано до шестидесяти поздравительныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ нѣсколько отъ губернаторовъ. Вороновъ замѣтилъ, что это должно быть ему прiятно К** отвѣчалъ: — „Что за прiятность! Лучше-бы было, если-бъ они мнѣ прислали деньги, которыхъ стоила пересылка телеграммъ“. Хорошо, что его опредѣляютъ или онъ самъ опредѣ-

ляется въ военную службу—гусаромъ въ Павлоградскій полкъ. А то онъ непремѣнно, наконецъ, спился-бы отъ праздности. Жена его тоже совершенно простая русская баба, однако, смышленѣе и благообразнѣе его. Она показываетъ и охоту къ ученію и кое-какъ дошла до того, что разбираетъ грамоту. Но мужъ обращается съ нею грубо, а тещу, которая съ нимъ живетъ и показываетъ склонность къ пьянству, непомѣрно ругаетъ.

— 16. Воскресенье. День Пасхи. У заутрени и обѣдни въ церкви Театральнаго училища.

Я всегда скорѣе готовъ усомниться въ моемъ правѣ, чѣмъ преувеличивать его.

— 18. Вторникъ. Обѣдалъ у католиковъ въ академіи. Ректоръ праздновалъ полученіе звѣзды. Я былъ осыпанъ обычными любезностями и ласками, начиная съ епископа, до послѣдняго клерика. Спасибо!

— 19. Среда. Зашелъ поутру къ Тютчеву, Ѳедору Ивановичу; онъ боленъ уже недѣли двѣ, страдаетъ ногами. Мы побесѣдовали съ нимъ довольно долго. Все одно и то-же—мрачно всюду, глухо всюду! Это не выдумка, какъ я полагалъ, что Государь ѣдетъ въ Парижъ. Онъ рѣшительно этого хочетъ, несмотря на всѣ протесты окружающихъ, особенно князя Горчакова. Тутъ видятъ интригу Наполеона и барона **. Жалѣютъ о Замятинѣ, у котораго отняли портфель министра юстиціи. Съ именемъ Замятина всетаки связано дѣло введенія новыхъ судовъ. Урусовъ, какъ говорятъ, очень неохотно взялся за временное управленіе министерствомъ юстиціи.

— 20. Четвергъ. Наконецъ, мнѣ удалось посодѣйствовать опредѣленію Барановскаго С. И. профессоромъ русской словесности въ Дерптскій университетъ, на мѣсто вышедшаго въ отставку Розберга.

— 23. Воскресенье. На двухъ именинахъ сегодня: обѣдалъ у Богушевича, а вечеръ—у такъ называемыхъ нами старичковъ. то-есть у Тимковскихъ, Егора Ѳедоровича и Юліи Павловны. У перваго встрѣтилъ Макушева, автора вышедшаго недавно въ свѣтъ сочиненія о славянахъ, и Ордина, весьма образованнаго чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, а у вторыхъ—генерала Дарагана.

— 24. Понедѣльникъ. Нѣтъ ничего безобразнѣе русской

бюрократіи. Характеристика ея въ двухъ словахъ: воровство и произволъ.

— 26. Среда. Познакомился съ Троицкимъ, который назначается профессоромъ философіи въ Казанскій университетъ. Онъ былъ у меня, но не засталъ меня дома, а сегодня я встрѣтился съ нимъ у Благовѣщенскаго.

— 27. Четвергъ. Въ 86-мъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" описано прощаніе архіепископа Платона съ паствою. Тутъ-же и прекрасная рѣчь его.

Происшествіе въ Везенбергѣ. Во время публичнаго молебствія 4-го апрѣля, совершеннаго нашимъ православнымъ духовенствомъ, въ присутствіи полка и другихъ русскихъ людей, нѣмцы, тутъ находившіеся, не хотѣли снять шапокъ, а когда имъ замѣтили о неприличіи этого, то они только смѣялись. Мудрено-ли? Они, безъ сомнѣнія, знаютъ, что край ихъ оставляетъ православный архіепископъ за то, что онъ защищалъ наше вѣроисповѣданіе отъ нападеній лютеранскихъ поповъ, которыя они себѣ позволяютъ всенародно и печатно.

Май.—3. Среда. Прочиталъ новый романъ Тургенева „Дымъ". О немъ много шуму въ публикѣ. Многіе недовольны тѣмъ, что Тургеневъ будто-бы обругалъ Россію. Конечно, онъ выказываетъ себя не особенно благосклоннымъ къ ней. Въ романѣ вѣетъ духъ недовольства всѣмъ, что дѣлалось и дѣлается въ ней. Но толки и порицанія вообше преувеличены. Народности нашей романъ почти не касается. Весь онъ сатира, чуть не памфлетъ на нашихъ заграничныхъ шатуновъ обоего пола. Особенно достается аристократамъ и политикамъ: это имъ подѣломъ. Что касается литературнаго достоинства романа, то по моему онъ слабѣе многихъ изъ другихъ произведеній Тургенева. Разсказъ очень оживленъ; очерки нравовъ набросаны смѣло и легко; но въ характерахъ мало творчества: они вообще только набросаны. Впрочемъ, одинъ характеръ рѣзко выдается своею полнотою и законченностью—это характеръ Ирины. Все остальное, какъ я уже сказалъ, состоитъ изъ легкихъ очерковъ.

Какъ быть высокаго мнѣнія объ этой траги-комедіи, которая называется жизнью?

— 5. Пятница. Провелъ у себя вечеръ въ бесѣдѣ съ Троицкимъ, авторомъ книги: „О нѣмецкой философіи въ текущемъ сто-

лѣтіи". Книгу эту онъ представлялъ въ московскій университетъ, какъ диссертацію для полученія докторской степени. Тамъ Юркевичъ возсталъ противъ начала автора, и тотъ принужденъ былъ перенести свою диссертацію въ здѣшній университетъ. Я теперь читаю книгу Троицкаго, и мнѣ становится ясно, почему ея не принялъ московскій университетъ. Дѣло въ томъ, что авторъ держится исключительно такъ называемаго индуктивнаго метода въ изслѣдованіи духа,—метода, принятаго всѣми англійскими философами. Противъ нѣмецкихъ философовъ Троицкій сильно возстаетъ, страшно порицаетъ Канта, а Кондильяка и сенсуалистовъ превозноситъ. Впрочемъ, я отказываюсь отъ окончательнаго приговора, такъ какъ не прочелъ еще всей книги.

— 8. Понедѣльникъ. Вчера шелъ снѣгъ при гнуснѣйшемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Что-жъ? Все это приличная декорація для многаго, что у насъ дѣлается. Смѣшно слышать отовсюду ругательства, которыми осыпаютъ нашъ климатъ и погоду, а между тѣмъ и самъ невольно поддаешься негодованію и досадѣ—обычнымъ спутникамъ слабости и малодушія.

— 10. Среда. Большой вечеръ и концертъ въ честь славянъ у графа Кушелева-Безбородко. Что за роскошь, что за великолѣпіе въ убранствѣ дома и во всемъ, что касалось пиршества! Зимній садъ, напримѣръ, залитый огнями, представлялъ нѣчто волшебное. Славяне, кажется, были очень тронуты всѣмъ, что для нихъ тутъ дѣлалось: весь этотъ блистательный вечеръ былъ созданъ для нихъ рукою, которая не жалѣла денегъ и расположила все съ большимъ тактомъ и приличіемъ. Я познакомился съ Головацкимъ и еще какимъ-то сербомъ. Первый говоритъ порусски хорошо, а второй порядочно. Больше всѣхъ обращали на себя вниманіе Палацкій и Ригеръ. Лицо и обращеніе перваго изобличаютъ умъ и хорошее воспитаніе; физіономія второго очень энергична. Посѣтителей было болѣе семисотъ, и на всѣхъ великолѣпный ужинъ. Больше всѣхъ говорилъ я съ Бажановымъ, Буняковскимъ, Краевскимъ, Пыпинымъ.

Князь Горчаковъ не былъ на вечерѣ. Графъ Кушелевъ показывалъ мнѣ записку, въ которой князь говорилъ, что онъ до послѣдней минуты еще надѣялся быть у него, но теперь оказывается, что не можетъ. Записка получена вечеромъ. Говорятъ,

съ австрійскимъ посольствомъ было объясненіе, вслѣдствіе котораго, ни Горчаковъ не явился на вечеръ, ни Государь не принялъ славянъ у себя, хотя велѣлъ передать имъ самый любезный привѣтъ,

Вчера на представленіи „Жизни за Царя“ въ Маріинскомъ театрѣ произошла демонстрація: публика съ крикомъ и шумомъ встрѣтила польскую мазурку. Въ демонстраціи дѣятельно участвовали славяне, повторяя свое: „слава, слава!“

— 11. Четвергъ. Обѣдъ въ залѣ Дворянскаго собранія въ честь славянъ. Зала буквально была набита гостями, такъ что едва оставалась узенькая тропинка между столами для прохода лакеевъ, разносившихъ блюда. На стѣнахъ красовались флаги и гербы всѣхъ славянскихъ племенъ, надъ которыми простиралъ крылья русскій орелъ. Верхнія галлереи были заняты дамами. На эстрадѣ помѣщались хоры музыкантовъ и пѣвцовъ. Общій характеръ праздника былъ оживленъ и не лишенъ торжественности. Рѣчей за обѣдомъ большинство, конечно, не слышало. Однако, по свидѣтельству тѣхъ, которые ихъ слышали, наши рѣчи вообще были плохи, кромѣ рѣчи графа Толстаго: ее всѣ хвалятъ. Я-же знаю толко то, что всѣ эти рѣчи были чрезвычэйно длинны, особенно рѣчь Ламанскаго. Изъ славянъ лучше прочихъ говорилъ Ригеръ. Вѣроятно, все это будетъ напечатано. Музыка и пѣвчіе исполняли славянскія пѣсни. Изъ нихъ мнѣ особенно понравился народный гимнъ чеховъ. Послѣ обѣда загремѣли Жуковскіе пѣсельники, и пошла русская пляска. Все это было очень недурно и вполнѣ прилично. Я за столомъ сидѣлъ между Глѣбовымъ и молодымъ Тройницкимъ. Каждый изъ насъ, русскихъ, заплатилъ по двѣнадцати рублей за обѣдъ; славяне-же были нашими гостями. Они, кажется, остались всѣмъ очень довольны, да и нельзя не быть довольными. Ихъ угощали не только роскошно, но и искренно, привѣтливо.

До обѣда славяне отслушали обѣдню въ Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ служеніе отправлялъ архіерей, въ честь праздника Кирилла и Меѳодія. Послѣ обѣдни они были въ Академіи наукъ на засѣданіи II отдѣленія. Тутъ дѣйствовалъ Срезневскій, въ качествѣ представителя славянскихъ нарѣчій. Послѣ засѣданія осматривали музей. Я больше всѣхъ говорилъ съ Головацкимъ и Молчановымъ.

Казацкій генералъ съ удивительною рожею. На ней какъ-будто отпечатана такая программа, что, если онъ хоть четвертую часть ея исполнилъ, то его десять разъ стоило повѣсить. А между тѣмъ, странное дѣло—тутъ-же видно и какое-то добродушіе [1]).

— 12. Пятница. Продолжалъ читать Троицкаго. Нашъ философъ въ своей книгѣ о нѣмецкой психологіи бьется изо всѣхъ силъ, доказывая, что только у англичанъ есть настоящая психологія, что ихъ индуктивный методъ есть единый истинный, православный, а всѣ нѣмецкія изслѣдованія о духѣ—тупоумная ересь. Съ нѣмецкими философами онъ вообще не церемонится, но благоговѣетъ до идолопоклонства передъ Бэкономъ, Локкомъ, Миллемъ, Броуномъ, Бэномъ и проч. Даже французъ Кондильякъ у него выше всѣхъ нѣмецкихъ философовъ.

Впрочемъ, въ англійскомъ методѣ есть и свои хорошія стороны, напримѣръ, описательная часть разныхъ душевныхъ явленій.

— 13. Суббота. Въ этой трагикомедіи, которая называется жизнью человѣческою, бываютъ легкія интермедіи въ родѣ обѣдовъ, званыхъ вечеровъ и проч. Вотъ и сегодня обѣдъ у графа Толстаго, министра народнаго просвѣщенія—все для тѣхъ-же славянъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ сказали теплыя и одушевленныя рѣчи. Вообще они восхищены не только пріемомъ нашимъ, но и многимъ, что у насъ видѣли. Одинъ изъ нихъ сказалъ:—„Мы многаго ожидали, а нашли то, что превзошло всякое ожиданіе“. Разумѣется, они не видятъ оборотной стороны медали, особенно нашихъ административныхъ порядковъ. Да и пусть не знаютъ. Все-таки изъ того, что они у насъ видятъ, кое-что есть и дѣйствительно хорошаго. Одинъ изъ славянъ сегодня, напримѣръ, говорилъ мнѣ съ восхищеніемъ о судахъ нашихъ.

— 17. Среда. Человѣкъ достигаетъ житейской мудрости только собственнымъ опытомъ и собственными ошибками, но обыкновенно пріобрѣтаетъ ее тогда, когда уже не въ состояніи вкушать плодовъ ея.

Нѣтъ ничего глупѣе, какъ жаловаться на свои неудачи. Вѣдь, чтò посѣялъ, то и пожнешь.—Но выклюютъ птицы и истребитъ

---

[1]) Это, нынѣ покойный, Яковъ Петровичъ Баклановъ. *Ред.*

жатву непогода?—Такъ что-жъ? Чего ты не могъ отвратить своими силами, то долженъ сносить терпѣливо, такъ какъ не для тебя-же все дѣлается.

Люди ужасно любятъ прикидываться добродѣтельными мучениками въ минуты невзгоды, а больше всего мы бываемъ вовсе не добродѣтельными мучениками своихъ собственныхъ глупостей, страстей и предразсудковъ.

— 21. Воскресенье. Прескверная привычка откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня.

Многіе думаютъ, что они очень добры, потому только, что они не дѣлаютъ зла.

Кассаціонный сенатъ отвергъ прокурорскій протестъ по дѣлу Протопопова и утвердилъ рѣшеніе судебной палаты объ изъятіи его отъ всякаго наказанія. Событіе замѣчательное и отрадное.

Амнистія полякамъ.

— 24, среда и 25, четвергъ. Эти два дня провелъ въ „Пустынькѣ" у графа Алексѣя Константиновича Толстаго, автора „Іоанна Грознаго". Тутъ были еще Маркевичъ, Благовѣщенскій и Костомаровъ. „Пустынька"—нѣчто въ родѣ роскошнаго замка на берегу Тосны, на разстояніи отъ Петербурга въ часъ съ четвертью ѣзды по Московской желѣзной дорогѣ и въ четырехъ или пяти верстахъ отъ станціи Саблино. Жена графа, бывшая Бахметьева, оказалась одною изъ моихъ бывшихъ ученицъ. Мы были приняты и угощены съ самымъ дружескимъ радушіемъ. Тутъ, между прочимъ, встрѣтилъ я премилую шотландку миссъ Брезе, которая говоритъ по-русски, хотя и плохо, но понятно. Графиня женщина очень умная, любезная и хорошо образованная. Все въ этомъ домѣ изящно, удобно и просто. Самая мѣстность усадьбы интересна. Ѣдешь къ ней по гнусному ингерманландскому болоту, и вдругъ, неожиданно, натыкаешься на рѣку Тосну, окаймленную высокими и живописными берегами. На противоположномъ берегу ея домъ, который, такимъ образомъ, представляетъ красивое и поэтическое убѣжище.

— 26. Пятница. Получена телеграмма изъ Парижа о новомъ покушеніи на жизнь Государя. На этотъ разъ это уже полякъ, какой-то Березовскій, уроженецъ Волынской губерніи. Покушеніе совершилось въ Булонскомъ лѣсу, когда Государь ѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Наполеономъ, съ Наслѣдникомъ и великимъ

княземъ Владиміромъ. Негодяй выстрѣлилъ изъ двухствольнаго пистолета, который разорвало въ рукахъ самого злодѣя и повредило ему одну изъ его предательскихъ рукъ. Тутъ уже ничья сторонняя сила, а просто счастливая случайность спасла добраго, благороднаго Государя. А вѣдь всего нѣсколько дней тому назадъ Польшѣ объявлена амнистія!

— 28. Воскресенье. Вчера и третьяго дня сильное движеніе въ городѣ, по случаю злодѣйскаго покушенія на жизнь Государя. Всеобщая радость о новомъ спасеніи.

Нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что покушеніе было единичное, что дѣло это не есть общее польское. Но поляки обнаружили столько единодушія въ нанесеніи вреда Россіи, что всякое частное дѣло въ этомъ родѣ невольно приписываешь всѣмъ, которые, если и не участвовали въ заговорѣ, то непремѣнно сочувствовали ему, а многіе и помогали тайно. Вѣдь раздавались-же въ Парижѣ крики: „Да здравствуетъ Польша"!—во время проѣзда Государя по улицамъ, гдѣ, какъ пишутъ, сами французы встрѣчали его съ подобающимъ почетомъ. Кричали, должно полагать, поляки, а, можетъ быть, и французскіе сотрудники газетъ, ругающихъ насъ наповалъ.

Говорятъ, Государыня глубоко поражена этимъ несчастнымъ событіемъ, но въ то-же время и счастлива, что зло не совершилось. Впрочемъ, есть отчего придти въ ужасъ.

Вечеромъ былъ Р—скій. Его произвели въ тайные совѣтники, а мѣсто губернатора всетаки ему не дали, какъ онъ его ни добивается.

— 30. Вторникъ. Для такъ называемаго счастья чуть-ли не всего нужнѣе извѣстная доля умственнаго ничтожества.

— 31. Среда. Вчера экзаменъ въ Римско-Католической академіи. Какъ всегда—хорошо.

Что-бы вы сказали о человѣкѣ, который, занимая въ вашемъ домѣ нѣсколько времени квартиру, вдругъ пришелъ-бы къ вамъ и сказалъ: „Выбирайтесь вонъ, я хочу жить здѣсь одинъ, это мой домъ". Вы, конечно, сочли-бы этого человѣка за сумасшедшаго, и такъ какъ онъ безпокоилъ-бы васъ своимъ домогательствомъ, то вы употребили-бы все отъ васъ зависящее, дабы избавиться отъ него. Таковы, точь въ точь, поляки нашихъ западныхъ губерній.

Іюнь.—1. **Четвергъ.** Сегодня въ окружномъ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя.

Переѣхали на дачу въ Павловскъ, на ту-же самую, что и въ прошедшіе года, то-есть къ Мёрдеру.

— 2. **Пятница.** Засѣданіе въ Академіи и въ комиссіи для назначенія Уваровскихъ премій. Я припомнилъ происшествіе прошлаго года, когда нѣкоторые члены не хотѣли присудить преміи графу Толстому подъ тѣмъ предлогомъ, что посторонній рецензентъ не доставилъ своего мнѣнія. Я, между прочимъ, сказалъ, что если Академія не считаетъ себя компетентною въ сужденіи о вопросахъ эстетическихъ и нравственныхъ, то лучше пусть прямо откажется отъ этой обязанности: это достойнѣе, чѣмъ быть только передатчицею сочиненій изъ рукъ авторовъ въ руки постороннихъ рецензентовъ. Это принято было съ глубокимъ молчаніемъ. Никто не рѣшился признать Академію неспособною судить объ означенныхъ вопросахъ. Рѣшено—поступившія нынѣ на Уваровскую премію драмы предоставить моей критикѣ.

— 3. **Суббота.** Въ судѣ. Привели какихъ-то трехъ воровъ со взломомъ, но дѣло не разбиралось, потому что полиція, на основаніи прежнихъ порядковъ, занялась перепискою бумагъ и не озаботилась представить въ судъ одного необходимаго свидѣтеля. Поэтому судъ и не могъ начать дѣла и только опредѣлилъ отнестись къ кому слѣдуетъ о взысканіи съ полиціи за это упущеніе. Затѣмъ публика и присяжные разошлись до вторника.

Ночевалъ уже на дачѣ. Вечеромъ былъ на музыкѣ, гдѣ видѣлъ греческого короля. На видъ, онъ болѣе, чѣмъ молодъ.

— 6. **Вторникъ.** Въ судѣ отъ одиннадцати часовъ утра до четверти девятаго вечера безвыходно, такъ что я пообѣдалъ въ Павловскѣ уже въ одиннадцать часовъ. Въ засѣданіи суда разбиралось два дѣла о кражѣ со взломомъ. Въ первое дѣло я не попалъ, по жребію, въ присяжные, но намъ не велѣно было уходить, такъ какъ впереди было еще дѣло. Тутъ и я уже попалъ въ присяжные и, кромѣ того, меня еще выбрали старшиною. Судили двухъ воровъ, укравшихъ деньги изъ питейной лавочки, со взломомъ въ ней дверей. Одинъ былъ мальчуганъ, лѣтъ восемнадцати, съ очень выразительнымъ лицомъ, крестьянинъ, промышлявшій поденною работою. Онъ тотчасъ признался, что деньги укралъ онъ, и онъ одинъ. Другой, глуповатый му-

жикъ, пойманный вмѣстѣ съ первымъ, когда они оба гуляли въ трактирѣ, рѣшительно отказывался отъ соучастія. Замѣчательно, что молодой воръ тоже упорно отвергалъ это участіе, говоря, что не хочетъ никого подвергать отвѣтственности за дѣло, которое совершилъ онъ одинъ. Засѣданіе затянулось, потому что надо было допрашивать много свидѣтелей. Мы, присяжные, толковали не долго, потому что дѣло было очевидно. Вопросъ состоялъ только въ томъ: слѣдуетъ ли просить о снисхожденіи къ молодому вору, въ уваженіе къ его лѣтамъ и признанію? Большинство голосовъ рѣшило просить. Судъ приговорилъ молодого на годъ въ смирительный домъ, а старшаго на годъ и четыре мѣсяца. Адвокаты говорили въ пользу своихъ кліентовъ очень усердно и хорошо, а прокуроръ, еще очень молодой человѣкъ, нѣсколько растянуто и неумѣло. Но вообще я вынесъ изъ суда самое благопріятное впечатлѣніе. Все велось съ большимъ достоинствомъ, добросовѣстно и съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій. Подсудимые видѣли, что ничего не было упущено для облегченія ихъ судьбы и, если они подверглись карѣ, то эту кару наложилъ на нихъ законъ, а не произволъ судей.

— 9. Пятница. Великое зависитъ отъ малаго столько же, если не больше, сколько малое отъ великаго. Непримѣтность и ничтожество малаго служатъ ему лучшею защитою отъ внѣшнихъ нападеній; великое-же, по своей крупности и замѣтности, открыто этимъ нападеніямъ со всѣхъ сторонъ. На эту мысль навели меня два комара, которые сегодня ночью не давали мнѣ спать и которыхъ я, сколько ни старался, никакъ не могъ поймать.

— 10. Суббота. Въ судѣ. Меня опять выбрали старшиною. Судили жалкаго воришку, лѣтъ семнадцати, который укралъ образа у иконописца. Такъ какъ онъ во всемъ признался и, повидимому, раскаялся, то его приговорили къ четырехмѣсячному заключенію въ смирительномъ домѣ.

— 12. Понедѣльникъ. Нѣтъ хуже и отвратительнѣе животнаго, какъ слуга, сдѣлавшійся господиномъ.

Самые опасные внутренніе враги наши не поляки, не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учрежденій и подкапыватели судовъ.

Ничего нѣтъ невозможнаго, если наше земство и суды наши будутъ подорваны этими врагами. Говорятъ, на-дняхъ министръ юстиціи объяснялся съ предсѣдателемъ здѣшняго окружнаго суда и, между прочимъ, замѣтилъ, что присяжные не оправдываютъ ожиданій правительства, которое надѣялось найти въ нихъ консервативный элементъ, а находитъ противное.

— 15. Четвергъ. Сегодня послѣднее мое засѣданіе въ судѣ. По окончаніи, передъ уходомъ, я долго бесѣдовалъ съ прокуроромъ. Онъ съ глубокимъ прискорбіемъ жаловался на то, что администрація всячески старается вредить судамъ. И если, къ сожалѣнію, встрѣтится какая-нибудь ошибка со стороны послѣднихъ, какъ, напримѣръ, незаконный приговоръ, постановленный мировымъ судьею надъ священникомъ Борисоглѣбскимъ, по дѣлу о публичномъ оскорбленіи одной дамы,—то администрація чуть съ ума не сходитъ отъ радости.

Прокуроръ, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что когда ѣздилъ съ ассизами по уѣздамъ, онъ удивленъ былъ здравомысліемъ и безпристрастіемъ присяжныхъ изъ крестьянъ.

— 18. Воскресенье. Лучше не давать ничего, чѣмъ давши, брать назадъ.

У крѣпкаго, здороваго тѣла выросла на носу небольшая бородавка. Вмѣсто того, чтобы прижечь ее ляписомъ или употребить какое-либо другое мѣстное средство, или даже оставить ее такъ, потому что она въ сущности ничему не мѣшала, невѣжда докторъ опредѣлилъ отрѣзать носъ.

— 19. Понедѣльникъ. Въ политической будущности Россіи я не отчаиваюсь, потому что народъ есть всетаки сила, но я отчаиваюсь въ томъ, чтобы въ Россіи установилась когда-нибудь хорошая администрація.

— 22. Четвергъ. Между обыкновеннымъ умомъ и способностями государственнаго человѣка огромная разница. О такомъ-то министрѣ у насъ говорятъ: „онъ человѣкъ умный“, а между тѣмъ, въ дѣлѣ государственномъ, онъ человѣкъ весь посредственный. Онъ способенъ распутывать и завязывать узлы текущихъ бюрократическихъ вещей, но ему не достаетъ высшихъ государственныхъ соображеній и видовъ: здѣсь умъ его оказывается мелкимъ и тѣснымъ. И никогда еще, кажется, мы не были такъ бѣдны высшими государственными умами, какъ

нынѣ. А между тѣмъ, характеръ времени настоятельно требуетъ ихъ.

Къ двумъ вещамъ нельзя имѣть никакого довѣрія — къ порядкамъ русской администраціи и къ петербургскому климату.

— 23. Пятница. Вчера прекратились наши засѣданія въ отдѣленіи Академіи.

Нѣтъ ничего опаснѣе въ бюрократіи, какъ немного больше ума, чѣмъ въ обыкновенномъ человѣкѣ и гораздо меньше способностей, чѣмъ ихъ прилично имѣть государственному человѣку. Онъ тогда имѣетъ всѣ претензіи послѣдняго, но безъ возвышенности, безъ широты его видовъ и безъ стремленія къ великому историческому значенію.

— 26. Понедѣльникъ. То, что мы знаемъ о человѣкѣ, весьма неутѣшительно, а чего мы не знаемъ, наполняетъ душу нашу скорбію и сомнѣніями.

— 27. Вторникъ. Вчера было обрученіе великой княжны, дочери Е. И. В. в. к. Константина Николаевича, съ греческимъ королемъ.

Вокзалъ и городъ Павловскъ иллюминованы. Государь съ итальянскимъ наслѣднымъ принцемъ ненадолго останавливался въ экипажѣ у музыки—народъ крикнулъ „ура„—онъ уѣхахъ.

Іюль. — 2. Воскресенье. Ѣздилъ въ Царское Село проститься съ княземъ П. А. Вяземскимъ, который въ среду отправляется въ Крымъ ко двору императрицы.

— 3. Понедѣльникъ. Пусть современная наука что хочетъ говоритъ, но сердце человѣческое не выноситъ отсутствія Бога во вселенной.

— 6. Четвергъ. „Москва“ начала выходить, и первая передовая статья ея направлена, разумѣется, противъ пріостановки газеты.

— 8. Суббота. Въ 148-мъ номерѣ „Сѣверной Почты“ объявлено предостереженіе „Москвѣ“ за первую ея передовую статью. Очевидно, министерство окончательно рѣшилось не церемониться съ печатью и довести ее до послѣдней, если можно, степени безгласности. Въ предостереженіи не означено даже съ точностью о проступкѣ, по поводу котораго оно дѣлается, а глухо сказано о нарушеніи закона—закона!—и о намѣреніи

правительства твердо поддерживать законъ, т. е. преслѣдовать печать.

Напечатаны новыя правила о земскихъ учрежденіяхъ. Они подчиняются губерискимъ начальствамъ и предводителямъ.

— 10. Понедѣльникъ. Въ газетахъ нашихъ напечатанъ процессъ Березовскаго. Присяжные признали его виновнымъ со смягчающими обстоятельствами. Онъ приговоренъ къ пожизненной каторжной работѣ. Что значатъ эти смягчающія обстоятельства?

Продажа Николаевской желѣзной дороги; уничтоженіе общества для пособія выкупающимъ имѣнія въ западномъ краѣ; парализація, почти уничтоженіе земскихъ учрежденій; предостереженіе газетѣ „Москва"—вотъ букетъ событій за послѣднее время. Утѣшительно!

— 14. Пятница. Рѣчь Араго, въ защиту Березовскаго, образецъ того ребяческаго безобразнаго краснорѣчія, въ которомъ что слово, то ложь, и слова нанизаны одно на другое, какъ погремушки для бряцанія и забавы взрослыхъ дѣтей, какими и дѣйствительно заявляютъ себя французы. На какой-же низкой степени вкуса—не говоря уже ни о чемъ другомъ—должна стоять публика, которую можетъ занимать подобный калейдоскопъ пустословія въ дѣлѣ серьезномъ, въ дѣлѣ жизни и смерти.

— 21. Пятница. Отъ человѣка, который не слушается никого и ничего, кромѣ своей воли, равно какъ и отъ того, который слушается всѣхъ и на все согласенъ, ровно ничего нельзя ожидать.

— 22. Суббота. Величайшая ошибка многихъ, добивающихся значительныхъ мѣстъ, состоитъ въ томъ, что они считаютъ себя людьми способными, тогда какъ они только тщеславны и завистливы.

— 24. Понедѣльникъ. Нѣтъ свободы безъ злоупотребленій, но нѣтъ и никакого блага безъ свободы.

— 29. Суббота. Весь іюль скверенъ: то холодъ, то дождь, мракъ и вѣтеръ. И нечему тутъ удивляться: Ингерманландія Финляндія и Лапландія—одно и то-же.

Августъ. — 4. Пятница. Въ общемъ собраніи Академіи наукъ избранъ въ экстраординарные академики В. П. Безобразовъ.

Врядъ-ли человѣку когда приходится раскаяваться въ томъ,

что онъ не доѣлъ, не допилъ или не договорилъ, но очень часто въ томъ, что переѣлъ, перепилъ и переговорилъ.

— 6. Воскресенье. Обнародованіе въ губернскихъ вѣдомостяхъ свѣдѣній о засѣданіяхъ и преніяхъ земскихъ собраній подчинено цензурѣ губернаторовъ.

— 9. Среда. Сейчасъ получилъ извѣстіе о смерти Александра Николаевича Власова, съ которымъ въ прошедшую пятницу я еще засѣдалъ въ академическомъ правленіи. Это былъ человѣкъ съ рѣдкимъ практическимъ умомъ и честнѣйшимъ сердцемъ. Я лишился въ немъ лучшаго товарища по службѣ, а Академія чуть-ли не единственнаго дѣятеля по распорядительной и хозяйственной части. Онъ былъ отличнымъ совѣтникомъ правленія и еще больше добрымъ человѣкомъ. Сколько бѣдныхъ пользовавшихся его благодѣяніями, теперь будутъ оплакивать его кончину!

— 10. Четвергъ. Слѣдуетъ-ли слишкомъ осуждать людей, усиливающихся искусственно придавать жизни тѣ украшенія, которыхъ она сама по себѣ лишена? Не есть-ли это средство сдѣлать изъ нея что-нибудь сноснѣе и прикрыть ея страшную наготу, отъ которой у нихъ замерло-бы сердце?

— 11. Пятница. На похоронахъ Власова въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Со всѣхъ сторонъ слышалось глубокое сожалѣніе и единодушное свидѣтельство, что это былъ умный, честнѣйшій, добрѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ. Ему было шестьдесятъ лѣтъ, но съ виду онъ былъ гораздо моложе. Кокоревъ, въ качествѣ душеприказчика, распоряжался похоронами и пригласилъ всѣхъ знакомыхъ покойнаго на похоронный пиръ на Литейную, въ домѣ князя Голицына. Я очень не люблю всякаго рода пиршествъ, а тѣмъ болѣе похоронныхъ, и хотѣлъ своевременно удалиться, но былъ уличенъ въ своемъ умыслѣ и долженъ былъ уступить требованіямъ другихъ друзей покойнаго.

— 12. Суббота. О * можно сказать, что этотъ человѣкъ цѣлую жизнь притворяется добрымъ и умнымъ.

— 17. Четвергъ. Въ Петербургѣ появилась холера.

— 19. Суббота. Первое засѣданіе послѣ каникулъ въ отдѣленіи Академіи.

Всѣхъ довольными сдѣлать нельзя, но всѣхъ недовольными, къ сожалѣнію, дѣлать можно, но не слѣдуетъ.

— 23. Среда. Отвратительно холодно. Сѣверо-востокъ такъ и дышетъ всевозможными простудами и мерзостями.

Надняхъ я встрѣтился въ вокзалѣ съ Тютчевымъ, который мнѣ говорилъ, что управленіе по дѣламъ печати не хуже сѣверо-востока дышетъ яростью и злобою на газету „Москву“ за статью въ № 103 противъ распоряженія о томъ, чтобы ничего не печаталось о засѣданіяхъ въ земскихъ учрежденіяхъ безъ разрѣшенія губернаторовъ. Статья въ самомъ дѣлѣ такъ умна, правдива и законна, что должна поднять на себя всю Валуевскую администрацію. Хотятъ сдѣлать второе предостереженіе Аксакову, но не знаютъ, какъ взяться за это.

Илья А....въ былъ ввергнутъ въ тюрьму за 12 тысячъ долгу. Онъ тамъ просидѣлъ мѣсяцевъ шесть. Наконецъ, его выкупили— кто-же? Въ англійскомъ клубѣ (нѣсколько лицъ) сдѣлали складчину, собрали 12 тысячъ и внесли за А. Что за благотворители, спрашивается? Дѣло въ томъ, что Илья А. взялся ругать новые суды, къ которымъ и безъ того очень не благоволитъ, потому что они за клеветы и разныя другія пакости въ его газетѣ не разъ его преслѣдовали, несмотря на покровительство его патрона...., у котораго А., чортъ знаетъ, чѣмъ состоитъ. А. уже и началъ свою миссію. Онъ такъ разругалъ суды въ двухъ номерахъ своей гаденькой газеты, что его опять отдали подъ судъ.

Сентябрь.—4. Понедѣльникъ. Въ 188-мъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ замѣчательная статья о причинахъ ненависти къ намъ Европы.

Изъ всѣхъ душевныхъ страданій, можетъ быть, самыя тяжкія тѣ, которыя заключаются въ сознаніи нашихъ ошибокъ и понесенныхъ нами вслѣдствіе ихъ утратъ. Но не всякое-ли страданіе человѣкъ обязанъ сносить мужественно?

Думать только о разныхъ невзгодахъ и испытаніяхъ въ жизни, находя въ этомъ какое-то нелѣпое удовольствіе, есть признакъ великаго душевнаго малодушія и слабости. Не слѣдуетъ закрывать глаза на темную сторону жизни. Напротивъ, надо прямо заглянуть въ нее, чтобы не быть невѣждою въ существенныхъ вопросахъ, съ которыми сопряжено твое существованіе. Но затѣмъ надо уже думать о мѣрахъ уменьшенія или устраненія зла, а если это невозможно, то стать въ упоръ злу и не позволять ему, по крайней мѣрѣ, идти дальше.

Наилучшій помощникъ въ дѣлахъ своихъ каждый человѣкъ самъ себѣ. Чего сами вы не въ состояніи себѣ сдѣлать, того никто другой для васъ не сдѣлаетъ, если дѣло касается не ремесла или спеціальной услуги, которую вы можете купить или такою-же услугою или деньгами.

— 5. Вторникъ. Вечеръ у Покровскаго. Здѣсь познакомился съ замѣчательнымъ человѣкомъ, Оржевскимъ, бывшимъ директоромъ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Это очень оригинальная личность—угрюмъ, какъ говорится, неотеса, выражается всегда и обо всемъ рѣзко, судитъ безпощадно, но съ какою-то особенной искренностью. Уменъ, получилъ прочное классическое образованіе въ здѣшней духовной академіи. „Сынъ бѣднѣйшаго, ничтожнаго деревенскаго попа,—говоритъ онъ,—до шестнадцати лѣтъ я ходилъ въ лоптяхъ и терпѣлъ большую нужду, которая слѣдовала за мною по пятамъ и въ духовныхъ училищахъ. Въ какомъ-то сараѣ, за дровами, изучалъ я Цицерона и Ѳукидида—и вообще учился старательно“. По выходѣ изъ академіи баккалавромъ, онъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ князю Кочубею, который скоро замѣтилъ его способности и далъ ему ходъ по службѣ. Несмотря на свою угловатость и безцеремонность съ начальствомъ, онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ въ министерствѣ, гдѣ и пріобрѣлъ репутацію отличнаго администратора. Съ подчиненными онъ было взыскателенъ и до крайности грубъ. Можетъ быть это и было причиною, что его огласили взяточникомъ... Онъ говоритъ, что довольно порядочное состояніе, которымъ теперь владѣетъ, онъ взялъ за женою, дочерью богатаго купца Минаева. Какъ-бы то ни было, за исключеніемъ этой темной стороны его репутаціи—онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыми держались у насъ министерства, и которые, не бывъ министрами, за нихъ отправляли дѣла.

— 13. Суббота. Хвольсонъ открылъ сочиненія, переведенныя однимъ мусульманскимъ ученымъ X-го вѣка на арабскій языкъ съ древняго вавилонскаго, доказывающія, что наука существовала въ Вавилоніи за двѣ тысячи четыреста лѣтъ до Рождества Христова. Переводы мусульманскаго ученаго касаются земледѣлія, а одно трактуетъ о ядахъ и объ астрономіи.

— 16. Суббота. Пьесѣ Островскаго „Василій Шуйскій и Димитрій Самозванецъ“ отказано въ Уваровской преміи. Четыре

голоса было за нее и четыре противъ. Я и ожидалъ этого. Нѣкоторые члены прямо объявили, что послѣ отказа въ наградѣ графу Алексѣю Константиновичу Толстому, теперь уже нельзя присудить ее никому другому.

Ужасный случай! Въ запасномъ дворцѣ въ Царскомъ Селѣ произошелъ ночью пожаръ и въ немъ сгорѣлъ Чевилевъ. Двухъ его дочерей едва успѣли спасти. Причины и подробности этого происшествія еще неизвѣстны.

— 18. Понедѣльникъ. Вотъ до чего доходятъ остзейскіе нѣмцы. Имъ до того не понравилось распоряженіе правительства (едва-ли не въ десятый разъ дѣлаемое) о признаніи въ ихъ краю русскаго языка офиціальнымъ, что они угрожаютъ возстаніемъ въ союзѣ съ Германіею. См. газету „Москва" № 129.

Въ трудныя времена (1867) мы живемъ: поляки, нѣмцы—наши враги; враждебно смотритъ на насъ вся Европа; страшный упадокъ финансовъ; возбужденіе разныхъ вопросовъ безъ рѣшеній почти во всѣхъ общественныхъ административныхъ сферахъ; ни одного истинно государственнаго способнаго человѣка, который-бы здравымъ смысломъ своимъ и патріотическимъ чувствомъ помогалъ лучшему изъ Государей нести его тяжелое историческое бремя. Вотъ когда приходится Россіи повторять стихъ Дмитріева въ его одѣ „Освобожденіе Москвы":

„Спасай меня, о геній мой"!

Земство наше не есть представитель простаго народа, но оно—соединеніе всѣхъ сословій: простаго народа, дворянства, мѣщанства, купечества и бѣлаго духовенства. Землевладѣльцы—крестьяне-собственники и помѣщики — составляютъ только фонъ, на которомъ рисуются и движутся всѣ другіе оттѣнки нашей народности. И благо намъ, если мы не породимъ здѣсь сословныхъ антогонизмовъ и розни, о которыхъ такъ хлопочетъ „Вѣсть". Въ какую-бы глубину и даль не уносилась моя мысль, въ какія-бы отвлеченности она не вдавалась насчетъ судьбы и исторіи человѣчества, она всегда, постоянно обращается къ отечеству, къ Россіи. И тутъ, или свѣтлая надежда озаряетъ ее, или она поражается сомнѣніемъ и страхомъ за будущность страны. Призвана-ли Россія участвовать во всеобщемъ развитіи человѣчества въ его нравственномъ и умственномъ созрѣваніи и въ какой формѣ выразится это участіе?

— 19. Вторникъ. Въ Царскомъ Селѣ на похоронахъ Чевилева. Похоронили не трупъ, а нѣсколько обгорѣлыхъ костей. Вотъ, насколько мнѣ извѣстны, подробности о его смерти. Возвратясь вечеромъ съ прогулки изъ Павловска съ обѣими своими дочерьми (жена была въ Петербургѣ), онъ, по обыкновенію, велѣлъ лакею натереть себя спиртомъ и въ двѣнадцать часовъ легъ въ постель. Далѣе идутъ уже предположенія. Онъ не имѣлъ привычки читать въ постели, но на этотъ разъ, когда еще лакей былъ въ комнатѣ, взялъ газету и началъ читать. Вѣроятно, онъ непримѣтно погрузился въ сонъ, газета упала на свѣчу, горѣвшую на столѣ, заваленномъ книгами и бумагами—все это мгновенно запылало, и произошелъ настоящій пожаръ, дымъ отъ котораго и задушилъ его. Кости его нашли въ постели. Онъ не успѣлъ даже вскочить и выбѣжать за дверь своей спальни. Но этого объясненія не довольно для публики. Къ происшествію приплетаютъ страшныя обстоятельства... Объ нихъ я слышалъ въ церкви во время заупокойной обѣдни. Я не могу и не хочу вѣрить разсказамъ, пока не будетъ имъ офиціальнаго подтвержденія.

На похоронахъ изъ другихъ университетскихъ товарищей его былъ я одинъ. Но постороннихъ явилось довольно много. Всѣ жалѣютъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ и благородномъ. Я зналъ его со студенческой скамьи. Онъ не отличался особенною даровитостью, но чистота его нравовъ въ юности и благородство и честность его во всю жизнь были неукоризненны. Кромѣ того, онъ въ высшей степени отличался трудолюбіемъ. Онъ былъ выбранъ нашимъ университетомъ въ Дерптскій профессорскій институтъ и со многими другими молодыми людьми посланъ за границу для приготовленія себя къ профессорской каѳедрѣ. Позже онъ былъ профессоромъ политической экономіи въ Москвѣ и директоромъ одной изъ гимназій, пріобрѣлъ репутацію не блестящаго, но дѣльнаго профессора и хорошаго педагога. Въ Москвѣ онъ сблизился съ графомъ Строгоновымъ, бывшимъ попечителемъ. Впослѣдствіи Чевилевъ оставилъ ученую и учебную карьеру, и былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ Удѣловъ. Графъ Строгоновъ рекомендовалъ его въ наставники къ дѣтямъ Государя—званіе, въ которомъ онъ и кончилъ жизнь. Великій князь Владиміръ Александровичъ при-

сутствовалъ на похоронахъ и проводилъ его тѣло, или вѣрнѣе кости, до конца парка. Я заходилъ посмотрѣть на домъ, гдѣ жилъ бѣдный Чевилевъ: онъ порядочно обгорѣлъ, и именно съ той стороны, гдѣ была его квартира. Я проводилъ моего стараго товарища до самой могилы.

— 20. Среда. Многіе вовсе не знаютъ правила, что когда нѣтъ предметовъ для разговора, то лучше молчать, чѣмъ говорить вздоръ,

— 22. Пятница. Гарибальди, покушавшійся освободить Римъ отъ папы своими средствами, арестованъ итальянскимъ правительствомъ. Въ Италіи два короля: одинъ король народа—Гарибальди, а другой король государства—Викторъ-Эммануилъ.

— 23. Суббота. Сегодня въ Академіи, въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, толковали о поднятомъ мною вопросѣ относительно Уваровскихъ премій за драматическія произведенія. Ничего не вытолковали.

— 26. Вторникъ. Недостатокъ государственныхъ людей въ Россіи таковъ, что о послѣднемъ, сошедшемъ съ своего поприща, министрѣ всегда сожалѣютъ при новомъ, который оказывается обыкновенно хуже своего предшественника, какъ тотъ ни былъ худъ.

— 28. Четвергъ. Три тысячи католиковъ въ одной изъ западныхъ губерній вмѣстѣ со своимъ ксендзомъ перешли въ православіе. Это хорошо, если добровольно.

— 29. Пятница. Слѣдствіе о смерти Чевилева продолжается. Вырывали кости покойнаго изъ могилы и нашли на нихъ знаки насильственной смерти. Значитъ, сперва онъ былъ убитъ, а затѣмъ убійца поджегъ его квартиру. Но точно-ли убійца тотъ, кого подозрѣваютъ? Не хочется вѣрить такому ужасному злодѣйству и желательно, чтобы это объяснилось какъ-нибудь иначе. Видѣлся съ Г—скимъ, которому отдалъ біографію Вронченко для напечатанія въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія". Г—скій былъ въ Варшавѣ и разсказываетъ печальныя вещи о томъ, что поляки, послѣ посѣщенія Государя, опять начинаютъ волноваться, а наши русскіе тамъ упали духомъ. Нехорошо о Бергѣ. Въ юго-западномъ краѣ, который проѣзжалъ Г—скій, дѣла идутъ немного лучше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Вильнѣ. Поляки тамъ смирнѣе, говоритъ онъ,

но прибавляетъ, что на это полагаться нельзя. Къ несчастью, и нѣкоторые изъ русскихъ чиновниковъ тамъ дѣйствуютъ такъ, какъ будто они не русскіе.

Въ Римско-Католической академіи на лекціи. Сегодня воспитанники, какъ всегда осенью, при открытіи классовъ, поднесли мнѣ букетъ цвѣтовъ.

— 30. Суббота. Къ старымъ порокамъ, наслѣдованнымъ нами отъ временъ татарщины, мы присоединяемъ новые, которые прививаетъ людямъ современная цивилизація. И что изъ этого выйдетъ, единому Богу извѣстно. О, если-бы какъ-нибудь намъ удалось добыть хоть немножко добродѣтелей, годныхъ и для домашняго обихода и для дѣлъ внѣшнихъ! Увы! мы страдаемъ не однимъ разстройствомъ финансовъ — мы страдаемъ безнравственностью, что въ милліонъ разъ хуже всякаго безденежья.

Въ № 209 „Московскихъ Вѣдомостей" напечатанъ планъ учебнаго заведенія, которое издатели этой газеты намѣрены открыть въ Москвѣ. Заведеніе это должно быть строго классическимъ и послужить образцомъ для всѣхъ казенныхъ заведеній въ имперіи. Основать такое заведеніе несомнѣнно весьма полезно. Но, къ сожалѣнію, у насъ ни одно полезное дѣло не обходится безъ фразъ. Предпріятіе гг. Каткова и Леонтьева есть не иное что, какъ частный пансіонъ. Къ чему-же тутъ такъ раздувать дѣло и заранѣе требовать и отъ правительства и отъ общества чуть не благоговѣнія. Все это гораздо проще, и такая напыщенная реклама, какую мы читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", не только излишня, но даже неприлична. Дѣло само по себѣ весьма полезное, пусть-же оно и говоритъ само за себя. А какъ оно пойдетъ, оправдаются-ли тѣ виды, въ какихъ учреждается пансіонъ, это покажетъ время.

Октябрь.—6. Пятница. Правительству, которое-бы опиралось на земство и на суды, т. е. на правосудіе—нечего бояться.

— 9. Понедѣльникъ. Высшее и настоящее достоинство человѣка заключается въ характерѣ. Генію мы можемъ удивляться, какъ великой силѣ природы, но въ характерѣ человѣкъ самъ является творцомъ себя. Природа даетъ ему только матеріалы.

— 12. Четвергъ. Говорятъ, что основатели новой школы или пансіона въ Москвѣ — Катковъ и Леонтьевъ — требуютъ,

чтобы руководителями ея былъ комитетъ, гдѣ членами-бы состояли министръ народнаго просвѣщенія и московскій митрополитъ—а предсѣдателемъ кто? Вѣроятно, Леонтьевъ или Катковъ? Комитетъ этотъ, а слѣдовательно и школа должны быть подчинены Правительствующему Сенату. Извините за малость, какъ говорятъ французы!

— 13. Пятница. А. Н. Майковъ читалъ у меня свой переводъ: „Слово о полку Игоря“. Это прекрасный трудъ. Между прочими слушателями былъ и Троицкій, авторъ книги о современной нѣмецкой психологіи.

— 22. Воскресенье. Предостереженіе „Голосу“ за статью въ № 287 („Сѣверная Почта“ № 231), гдѣ сильно порицается Наполеонъ III и его правительство, по поводу вмѣшательства въ дѣла Италіи. Замѣчательно, что недавно еще наша французская С.-Петербургская оффиціозная газета сильно старалась доказать журналу „Débats“, что наши газеты отвѣчаютъ сами за свои политическія мнѣнія, а не правительство, такъ какъ онѣ нынѣ издаются безъ цензуры. Между тѣмъ, французскій посланникъ жаловался нашему канцлеру на „Голосъ“ за вышеупомянутую статью, вслѣдствіе чего послѣдній и получилъ предостереженіе. Мы-же благоговѣйно и смиренно молчимъ, когда французскія газеты взапуски, одна передъ другою, ругаютъ насъ гнуснѣйшимъ образомъ. Недавно еще онѣ изъявляли свои симпатіи злодѣю Березовскому. Право, мы очень смиренны. Почему-бы французскому правительству не предоставить, если оно желаетъ, начать процессъ съ „Голосомъ“, вмѣсто того, чтобы нашей администраціи поступать противозаконно въ угоду французской.

— 26. Четвергъ. Былъ у меня недавно пріѣхавшій изъ заграницы А. Г. Тройницкій. Разговоръ о Катковскомъ проектѣ, который привелъ въ великое удивленіе Государственный Совѣтъ требованіемъ странныхъ привиллегій лицею, задуманному Леонтьевымъ и Катковымъ. Здѣсь играетъ роль министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой.

Ноябрь.—2. Четвергъ. Второе предостереженіе „Голосу“ („Сѣверная Почта“ № 240) за статью противъ остзейскихъ нѣмцевъ въ № 299. Странное дѣло! Правительство само вызвало эту бурю—полемику съ нѣмцами—своею, можетъ быть не совсѣмъ

своевременною мѣрою введенія русскаго языка въ остзейскій край. Нѣмцы подняли крикъ на всю Европу, начали грозить намъ отложеніемъ, вмѣшательствомъ Пруссіи и проч. Наши газеты, разумѣется, начали на это возражать. Загорѣлась печатная война, и вотъ теперь министръ Валуевъ дѣлаетъ одной изъ газетъ предостереженіе за то, что она отражаетъ нѣмецкія нападенія и обвиняетъ ее „въ предосудительномъ направленіи".

— 5. Воскресенье. Въ № 239 „Московскихъ Вѣдомостей" напечатана сильная статья, по поводу перваго предостереженія „Голосу". См. также „Сѣверную Почту" № 241.

— 6. Понедѣльникъ. Наши чиновники консервативны, потому что всякое новое движеніе угрожаетъ имъ паденіемъ, какъ неспособнымъ сочувствовать и содѣйствовать никакому общественному преуспѣянію. Закоснѣлые въ эгоизмѣ, они знаютъ, что ихъ не одобряютъ благомыслящіе люди, и чтобы хоть сколько-нибудь оправдаться въ ихъ глазахъ, они дѣлаютъ видъ, будто слѣдуютъ какой-нибудь доктринѣ, надѣваютъ личину какого-нибудь принципа, признаннаго въ исторіи человѣческихъ обществъ и въ цивилизаціи. Но кого они этимъ обманываютъ?

— 7. Вторникъ. Получилъ изъ типографіи отпечатанную мою біографію Врончeнко.

Темпераментъ не характеръ, а между тѣмъ многіе считаютъ его за характеръ, вѣроятно, на томъ основаніи, что темпераментъ располагаетъ человѣка къ опредѣленнымъ и однообразнымъ поступкамъ. Но, вѣдь, эта опредѣленность и однообразіе не иное что, какъ чисто механическія отправленія нашего организма, установленныя физіологическими законами и безъ всякаго участія воли. А тамъ, гдѣ нѣтъ участія воли, тамъ нѣтъ и характера.

— 11. Суббота. Предсѣдатель московскаго окружнаго суда Арсеньевъ, во время производства процесса одного лица, обвиняемаго въ распространеніи фальшивыхъ ассигнацій, удалилъ изъ присутствія защитника подсудимаго, князя Урусова, одного изъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ въ Москвѣ. Говорятъ, это произошло вслѣдствіе тайнаго повелѣнія, даннаго предсѣдателямъ судовъ, чтобы они удаляли адвокатовъ, которые почему-либо не нравятся администраціи. Надо признаться, что, если это правда, то это удачный, если не геніальный эпизодъ въ ко-

медіи, которая называется: русская образованность и цивилизація.

— 14. Понедѣльникъ. Вечеръ у князя Алексѣя Константиновича Толстаго. Тамъ, между прочимъ, познакомился съ нашимъ композиторомъ Сѣровымъ и съ Кельсіевымъ. Да еще видѣлъ сына поэта Жуковскаго, молодого человѣка, весьма приличной наружности, съ которымъ я и поговорилъ объ его знаменитомъ отцѣ. Сѣровъ весь, съ ногъ до головы, кажется пропитаннымъ музыкальными идеями и чувствами. Это очень живой и, повидимому, энергическій человѣкъ. Говоритъ много и бойко. Кельсіевъ тощій и довольно невзрачный молодой человѣкъ. Я довольно много съ нимъ говорилъ, преимущественно о раскольникахъ, о которыхъ онъ высокаго мнѣнія, какъ о настоящихъ представителяхъ русской народности. Онъ очень сѣтуетъ на то, что ему не позволили напечатать въ „Отечественныхъ Запискахъ" свою исповѣдь—повѣствованіе объ его эмиграціи и возвращеніи въ Россію.

— 14. Вторникъ. Администрація по дѣламъ печати заблуждается, сосредоточивая свое вниманіе на частныхъ, отдѣльныхъ явленіяхъ, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду исключительно охраненіе принциповъ—что даетъ ей характеръ чисто полицейскій. Извѣстные принципы, вытекающіе изъ духа нашего правленія и духа общественнаго и имѣющіе въ виду общественную безопасность, должны быть охраняемы—это главное и единственное, и какъ скоро писатель не касается этихъ принциповъ, въ остальномъ ему нечего ставить преградъ. Мелкая придирчивость, преслѣдующая частные случаи, въ родѣ нападокъ на какую-нибудь отрасль администраціи, критики какой-нибудь спеціальной мѣры и т. д. ни къ чему не ведетъ. Надо принять и твердо его держаться слѣдующее начало: когда предѣлы печати расширены и дано право подвергать разсмотрѣнію и критикѣ государственныя мѣры и текущія событія, то должны быть приняты и неизбѣжныя послѣдствія этого, то есть самое примѣненіе или пользованіе этимъ правомъ.

Нужно умѣть общее отдѣлять отъ частнаго.

Систему предостереженій, пожалуй, было-бы неудобно отмѣнить въ настоящее время. Не столько виновата она сама, сколько ея безтолковое и неосновательное примѣненіе. Изъ всѣхъ

предостереженій, какія за послѣднее время издавалъ Валуевъ, врядъ-ли найдется хоть одно вполнѣ разумное и справедливое. Онъ не умѣлъ даже формулировать ихъ, какъ слѣдуетъ.

Правительство въ вопросѣ о печати впало въ противорѣчіе съ самимъ собою. Оно въ трудныхъ обстоятельствахъ не разъ прибѣгало къ ея помощи и опиралось на нее, но когда проходила въ ней нужда, или ему казалось, что она прошла, оно опять начинало къ ней относиться свысока и обращаться съ нею по-полицейски. Сами министры—Валуевъ, Головнинъ, графъ Толстой—по временамъ заискивали въ печати и тѣмъ, конечно, возвышали ея значеніе и силу. Какъ-же послѣ этого хотѣть, чтобы она не чувствовала своей силы и значенія.

— 15. Среда. Всѣ мѣры и учрежденія должны согласоваться съ состояніемъ и направленіемъ умовъ данной эпохи. Надобно рѣшить: полагается-ли въ нашемъ обществѣ различіе между критикою или разборомъ какихъ-нибудь явленій нашей администраціи и нападеніемъ на основные принципы? Если общество неспособно отличать первое отъ послѣдняго, а напротивъ, смѣшиваетъ и то, и другое, то надо согласиться, что мы рано начали либеральныя реформы. Но я рѣшительно этого не допускаю. Критикуя, напримѣръ, какую-нибудь мѣру по почтовому вѣдомству, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія или внутреннихъ дѣлъ и т. п., никому и въ голову не приходитъ обращать укоризны на Государя, на образъ правленія, на вѣру нашу и проч. Значитъ, принципы остаются нетронутыми—и въ этомъ все.

Первое условіе внутренняго спокойствія и самодовольства—это быть справедливымъ и не имѣть повода обвинять себя не только въ дурномъ поступкѣ, но даже и въ дурномъ чувствѣ въ отношеніи къ другимъ.

— 17. Пятница. Добывая огонь, надо помнить, что вмѣстѣ съ нимъ явится и дымъ. Нужно искусство отвести дымъ, не погашая огня. Плохо поступитъ тотъ, кто, для избѣжанія дыма, захочетъ вылить ведро воды на огонь. Дымъ, пожалуй, вы и устраните, но за то потушите огонь, да къ тому еще произведете невыносимый смрадъ.

— 21. Вторникъ. Правду сказать, трудно, очень трудно мириться съ положеніемъ вещей въ странѣ, во главѣ бюрократіи

которой стоятъ Валуевы, Шуваловы, гдѣ министры до того слабы, что ѣздятъ и посылаютъ въ Москву спрашивать у Каткова и Леонтьева, что̀ и какъ имъ дѣлать?

Покоритель Ташкента, сдѣлавшій имя свое извѣстнымъ въ Европѣ и грознымъ въ Средней Азіи, Черняевъ, принужденъ въ Москвѣ держать экзаменъ на званіе нотаріуса, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Говорятъ, какая-то интрига распорядилась такъ, что этого генерала уволили отъ службы съ пенсіономъ въ четыреста рублей, и какъ онъ очень бѣденъ и съ четырьмя стами рублей нельзя прожить съ семействомъ, то онъ рѣшился искать мѣста нотаріуса. Узаконенный залогъ по этому случаю внесли за него москвичи. Я самъ не знаю Черняева, но съ разныхъ сторонъ слышу похвалы ему и негодованіе противъ военнаго министерства. Вообще, по городу ходитъ много сплетенъ по этому поводу. Но во всякомъ случаѣ странно будетъ видѣть въ нотаріальной конторѣ генерала, украшеннаго Георгіемъ.

— 22. Среда. Я всегда прибѣгаю къ Дневнику моему, какъ къ единственному другу, которому могу повѣрить всѣ мысли и чувства, бесѣда съ которымъ замѣняетъ мнѣ и общество и такъ называемыхъ друзей. Бездѣлица эта тетрадь съ бѣлыми страницами, а между тѣмъ она представляется мнѣ какимъ-то оживленнымъ предметомъ, въ которомъ отражается мое *я* и раздѣляется, какъ свѣтъ въ призмѣ, на нѣсколько лучей. И то, что могло-бы во мнѣ мелькнуть и исчезнуть безслѣдно, удерживается въ моемъ сознаніи, какъ частица моего внутренняго быта.

Внѣшнія вліянія доставляютъ человѣку или бѣдный, или богатый капиталъ; но отъ него зависитъ распорядиться имъ такъ или иначе. И маленькое, но благоустроенное хозяйство лучше большаго, но безтолково употребляемаго богатства.

— 24. Пятница. Стоитъ-ли серьезно думать обо всемъ этомъ? Вѣдь, все это комедія, сонъ, „сказка, которую старуха разсказываетъ, сидя у очага“.

— 25. Суббота. Надняхъ я читалъ Костомарову отрывокъ изъ моихъ записокъ. Я вообще большой неохотникъ читать что-нибудь свое. Такое чтеніе мнѣ всегда кажется назойливымъ напрашиваніемъ на похвалу. Но тутъ было другое обстоятельство: Костомаровъ мой землякъ; онъ очень хорошо знаетъ мѣста, гдѣ я родился и провелъ дѣтство, и людей этого края. Мнѣ хотѣлось

провѣрить себя взглядомъ и чувствами другого лица и притомъ лица, способнаго меня понять и мнѣ сочувствовать. Костомарову, повидимому, понравилось то, что я ему прочиталъ.

Сегодня былъ на вечерѣ у Срезневскаго, гдѣ собраны были цвѣтъ и сливки Академіи и университета. Но толки и разговоры были довольно маленькаго свойства.

— 26. Воскресенье. Жизнь хороша не только тогда, когда она разцвѣтаетъ во всемъ обиліи своихъ даровъ, но и тогда, когда борется съ тѣмъ, что мѣшаетъ ея полному развитію, и она такимъ образомъ спасаетъ хоть что-нибудь изъ богатаго запаса своихъ общихъ сокровищъ. Вотъ я любуюсь стебелькомъ растенія въ горшкѣ, стоящемъ на моемъ окнѣ, которое, несмотря на недостатокъ земли и на холодъ, проникающій сквозь стекло, всетаки, хоть и не роскошно, но живетъ и зеленѣетъ.

Декабрь.—3. Воскресенье. Былъ у меня Поярковъ, племянникъ Печерина. Онъ въ перепискѣ съ Печеринымъ и передалъ мнѣ его сердечный поклонъ. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, со словъ самого Печерина, о причинахъ, возбудившихъ въ немъ ту психологическую тревогу, которая увлекла его изъ Россіи и сдѣлала католикомъ. Въ дѣтствѣ у него былъ гувернеръ швейцарецъ, ярый радикалъ, который пропиталъ его самыми жгучими идеями либерализма. А рядомъ съ этимъ стояло деспотическое обращеніе отца, стараго полковника, который непремѣнно хотѣлъ сдѣлать изъ сына солдата. Поярковъ говорилъ мнѣ, что у него въ рукахъ мемуары Печерина, доведенные до момента отъѣзда его изъ Россіи. Онъ обѣщалъ доставить ихъ мнѣ при первомъ пріѣздѣ изъ Кіева, куда его теперь посылаютъ предсѣдателемъ тамошней гражданской палаты.

Держаться всегда на извѣстной нравственной высотѣ это самый дѣйствительный способъ избѣгать множества тѣхъ огорченій, какія неразлучны въ столкновеніяхъ съ людьми и случайностями жизни.

— 6. Среда. Отчего наши государственные люди дѣлаютъ такъ много ошибокъ? Оттого, что они не мастера своего дѣла, а диллетанты.

„Москва“, получивъ третье предостереженіе съ четырьмя мѣсяцами пріостановки, прекращаетъ вовсе свое существованіе.

Всегда я шелъ одиноко, самъ по себѣ. Оттого мой путь не

былъ ни свѣтлѣе, ни удобнѣе, но это соотвѣтствовало моей внутренней конституціи—такъ тому и быть.

— 11. Понедѣльникъ. Жизнь, проведенная безслѣдно, ничьего уваженія не заслуживаетъ, даже уваженія того самого, кто ее прожилъ.

Всѣ наши кружки—и литературные, и общественные—страдаютъ болѣзнью непониманія предѣловъ, до которыхъ должны простираться ихъ требованія.

Система вводимаго у насъ классическаго образованія, по истеченіи нѣкотораго времени, непремѣнно падетъ, не только отъ чрезмѣрной тягости, которою она обременяетъ учащихся, но и оттого—и это главнымъ образомъ—отчего падаетъ у насъ всякая система: отъ неумѣнья приводить ее въ исполненіе.

Утративъ религіозныя вѣрованія, считая все прекрасное и великое за иллюзію, современное человѣчество, чтобы не провалиться совсѣмъ въ пропасть, прицѣпилось къ идеѣ прогресса, какъ будто эта идея менѣе иллюзія, чѣмъ другія.

Иные народы развратились, когда сдѣлались образованными, мы-же ухитрились погрузиться въ омутъ разврата, находясь почти въ варварскомъ состояніи.

— 17. Воскресенье. Поутру у Тройницкаго. Онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ любопытную вещь, слышанную имъ, во время пребыванія его въ Одессѣ, отъ одной знатной и очень умной дамы, хорошо знакомой съ разными секретами своего времени. Дѣло здѣсь касается причины паденія Сперанскаго. Въ началѣ 1812-го или въ концѣ 1811-го года, когда намѣренія Наполеона насчетъ Россіи дѣлались болѣе и болѣе очевидными, у насъ начали помышлять о средствахъ обороны. Былъ, между прочимъ, представленъ, кажется Барклаемъ-де-Толли, планъ нашихъ будущихъ дѣйствій, который, разумѣется, надлежало хранить въ глубокой тайнѣ. Сперанскій былъ тогда всесиленъ. Государь ничего не предпринималъ безъ его совѣта, и этотъ планъ отдалъ ему на разсмотрѣніе. Сперанскій привезъ его домой, положилъ у себя на столъ въ кабинетѣ, а самъ снова отлучился изъ дома. Въ отсутствіе его пріѣхалъ Магницкій. Ему сказали, что Сперанскій скоро вернется и онъ рѣшился его дождаться въ кабинетѣ, куда имѣлъ всегда свободный доступъ. Онъ увидѣлъ на столѣ тетрадь и, такъ какъ совѣстливость не была въ числѣ

добродѣтелей Магницкаго, онъ прочелъ эту тетрадь и такимъ образомъ узналъ великую государственную тайну. Дня черезъ два Государю сдѣлалось извѣстно, что французскій посланникъ говорилъ о планѣ русскаго правительства, какъ о дѣлѣ, о которомъ зналъ все до мельчайшихъ подробностей. Понятно, какое впечатлѣніе произвело это на Государя. О планѣ никому не было извѣстно, кромѣ него, автора плана и Сперанскаго. Государь естественно могъ счесть Сперанскаго предателемъ, вдвойнѣ измѣнникомъ и отечеству, и дружбѣ, и онъ сильно на него вознегодовалъ. Этимъ объясняются въ письмѣ къ Парроту слова Александра, что Сперанскій достоинъ смертной казни. Одно только непонятно, почему Императоръ ни слова не сказалъ Сперанскому объ открытіи государственной тайны, но, прощаясь съ нимъ еще накáнунѣ его паденія, былъ съ нимъ ласковъ и милостивъ попрежнему. Въ противномъ случаѣ дѣло, безъ сомнѣнія, разъяснилось-бы, поступокъ Магницкаго обнаружился-бы, и Сперанскій оказался-бы виноватымъ только въ неосторожности.

— 24. Воскресенье. Обѣдъ у графа Толстаго—министра. Обѣдали нѣкоторые академики. Струве сдѣлалъ мнѣ упрекъ, что я не отнесся къ нему за справками, когда писалъ біографію Вронченко. У него, Струве, есть важныя свѣдѣнія объ его астрономическихъ трудахъ, когда онъ былъ въ Дерптѣ.

— Отцу моему, сказалъ онъ,—приписываютъ планъ объ астрономическихъ съемкахъ, столь извѣстный въ Европѣ, а этотъ планъ принадлежитъ Вронченко и мнѣ.

Всѣ эти дни жестоко занятъ окончаніемъ рѣчи къ академическому акту 29-го декабря. Надо говорить объ умершихъ: Билярскомъ, Гречѣ и митрополитѣ Филаретѣ. Перечитывая сегодня написанное, я недоволенъ имъ. Да притомъ въ чтеніи на актѣ придется сокращать: написано слишкомъ много, а публику не надо утомлять.

— 29. Пятница. Актъ въ Академіи наукъ. Я читаю извлеченіе изъ отчета втораго отдѣленія. Чтеніе мое произвело эффектъ, особенно о Филаретѣ. Мнѣ пришлось многое сокращать, дабы не осуществить извѣстнаго изреченія, что самая лучшая рѣчь можетъ наскучить, если она длинна. Я читалъ 45 минутъ, и вниманіе слушателей не успѣло ослабѣть. Послѣ акта всѣ академики собрались обѣдать у Донона. Пиръ былъ довольно шум-

ный. Не обошлось безъ нѣкоторыхъ преній о руссизмѣ и нѣмчизмѣ. Не люблю я этихъ пустыхъ препирательствъ и столь-же пустыхъ патріотическихъ выходокъ въ обществѣ, которое должно жить согласно, если оно хочетъ не вредить, а приносить пользу дѣлу науки. Да притомъ, вѣдь, дѣло вовсе не въ томъ, чтобы кричать, что мы, дескать, русскіе, а вы—нѣмцы, а въ томъ, чтобы заставить себя уважать, поступая честно и трудясь разумно, да не гадить другъ другу, какъ мы такъ часто дѣлаемъ въ нашихъ русскихъ ассоціаціяхъ. Былъ, между прочимъ, споръ по слѣдующему обстоятельству: за обѣдомъ рѣшено было послать телеграмму Беру, живущему въ Дерптѣ. Нѣкоторые хотѣли, чтобы телеграмма была послана на русскомъ языкѣ, другіе— чтобы на нѣмецкомъ. Конечно, и я предпочелъ-бы послать на русскомъ языкѣ. Но такъ какъ Беръ едва-ли съумѣлъ-бы прочесть телеграмму по-русски, то и надо было написать ее по нѣмецки.

А. Н. Майковъ экспромтомъ прочемъ слѣдующее стихотвореніе за жженкою:

„Академія кутитъ,
Въ буйствѣ силы не жалѣетъ;
Это ясно говоритъ,
Что она уже русѣетъ“.

Россія странное государство: это страна всевозможныхъ экспериментовъ — общественныхъ, политическихъ и даже нравственныхъ, а между тѣмъ ничто не укореняется въ ней надолго. Залогъ-ли это будущей самобытности, которая не успѣла еще отыскать своей точки опоры, или доказательство неспособности установиться на чемъ-либо опредѣленномъ или твердомъ, и судьба ея вѣчно колебаться и безсознательно переходить отъ одной формы жизни къ другой? Избави Богъ!

— 31. Воскресенье. Конецъ 1867-го года.

1868 годъ.

Январь.—4. Четвергъ. На публичномъ засѣданіи съѣзда естествоиспытателей. Это было послѣднее засѣданіе. Публики множество. Читали рѣчи: Юнге окулистъ, Совѣтовъ агрономъ, Здекауеръ и Симашко. Предсѣдатель Кеслеръ произнесъ за-

ключительную рѣчь. Но всѣхъ лучше была рѣчь Юнге. Она, какъ и рѣчи другихъ ораторовъ, была направлена противъ преобладанія классическаго образованія. Вообще весь съѣздъ принялъ странный характеръ демонстраціи противъ системы министерства народнаго просвѣщенія, на основаніи которой изученіе классическихъ языковъ въ гимназіяхъ дѣлается господствующимъ и почти исключительнымъ по идеямъ Каткова и Леонтьева.

— 6. Суббота. Обѣдалъ у Павла Никитича Меншикова. Раза два въ годъ онъ даетъ своимъ пріятелямъ лукулловскіе обѣды. Для меня это, какъ говорится, кормъ не въ коня, но я не могъ уклониться отъ безгранично ласковаго, радушнаго приглашенія.

— 7. Воскресенье. Былъ у меня профессоръ Медико-хирургической академіи Якубовичъ. Любопытный разговоръ о военномъ министрѣ и о Дубовицкомъ, которые, по словамъ Якубовича, стараются сдѣлать изъ академіи школу. Конечно, это очень жаль, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы она начала было сильно возвышаться и процвѣтать. Онъ разсказывалъ мнѣ невѣроятныя нелѣпости—если только онѣ дѣйствительно случились. Впрочемъ, тоже говорилъ мнѣ и Глѣбовъ.

— 8. Понедѣльникъ. Похороны князя Долгорукова, бывшаго шефа жандармовъ и одного изъ любимцевъ Государя. О немъ, кажется, нечего больше сказать, какъ только „выѣхалъ въ Ростовъ", хотя онъ занималъ важныя должности, былъ военнымъ министромъ и пр. Говорятъ, онъ былъ добрый человѣкъ, но врядъ-ли годился на что другое, какъ только на то, чтобы слыть добрымъ человѣкомъ.

— 9. Вторникъ. На балѣ во дворцѣ. Встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, съ которыми встрѣчаешься только въ такихъ многочисленныхъ собраніяхъ. Увидѣлся между прочимъ, съ ***, который опять призванъ къ государственной дѣятельности.

— 12. Пятница. У насъ съ людьми часто совершаются странныя метаморфозы. Вотъ, кажется, умный, хорошій человѣкъ; поставили его на видное мѣсто, дали ему власть и выходитъ человѣкъ такой посредственный, что только вздохнешь отъ глубины сердца и съ сокрушеніемъ скажешь: какъ бѣдны мы въ

настоящее трудное время дѣятелями серьезными, истинно государственными!

Общее собраніе Академіи. Предложенъ былъ вопросъ, по поводу Крыловскаго юбилея 2-го февраля: праздновать-ли этотъ день одному только второму отдѣленію или всей Академіи? Нѣкоторые были того мнѣнія, что празднество должно ограничиться отдѣленіемъ, такъ какъ Крыловъ былъ не ученый, а литераторъ. Другіе, въ томъ числѣ и я, высказали мысль, что Крыловъ составляетъ часть нашей всенародной славы и что, хотя онъ не былъ ни филологъ, ни лингвистъ, однако оказалъ огромныя услуги отеческому языку своими произведеніями. Президентъ пригласилъ встать тѣхъ, которые въ пользу празднованія не всею Академіею: встали всѣ, и тѣмъ дѣло рѣшилось.

— 13. Суббота. Вчера морозъ доходилъ на Невѣ до 35°, а сегодня, говорятъ, доходитъ до 37°.

Приходится писать рѣчь о Крыловѣ къ юбилею, а времени остается всего двѣ недѣли. Вотъ надпись къ памятнику Крылова, что въ Лѣтнемъ саду, напечатанная, кажется, въ „Искрѣ“:

„Лукавый дѣдушка съ гранитной высоты
Глядитъ, какъ рѣзвятся у ногъ его ребята,
И думаетъ: милѣйшія звѣрята
Какіе выросши, вы будете скоты“.

Почему-бы, кажется, не предоставить каждому человѣку и каждому народу устраивать свои дѣла и жить, какъ онъ знаетъ и хочетъ. Но бѣда въ томъ, что дайте каждому волю это дѣлать, и онъ тотчасъ залѣзетъ въ чужой карманъ, въ чужое право или въ чужую землю.

Если гдѣ-либо нуженъ геній, то это въ поэзіи и въ дѣлахъ финансовыхъ.

Февраль.—13. Вторникъ. Рѣчь моя (о Крыловѣ) появилась въ „С. П. Б. Вѣдомостяхъ“, въ 39 и 42 номерахъ.

— 14. Среда. До меня доходятъ вѣсти, что моя рѣчь принята въ публикѣ очень хорошо.

У насъ не знаешь, чему вѣрить: существуетъ въ Россіи голодъ или нѣтъ? Отвсюду приходили и приходятъ ужасающіе слухи. Въ „Голосѣ“ появилась превосходная статья Розенгейма по этому поводу. Наконецъ, по высочайшему повелѣнію учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника, комитетъ, отъ

имени котораго уже архи-офиціально объявлено о голодѣ и всѣ приглашаются къ пожертвованіямъ. Между тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Валуевъ, печатно увѣрялъ, что голода нѣтъ, а народъ такъ „терпитъ только нужду“. Онъ сваливаетъ всю вину на земство. Но вѣдь всѣ знаютъ, что земство связано по рукамъ и ногамъ новымъ узаконеніемъ, въ силу котораго предсѣдатели управъ и губернаторы получили почти неограниченную власть надъ земствомъ.

— 16. Пятница. Запрещенъ „Москвичъ“. Объ этомъ такъ много говорятъ, что въ шумѣ словъ ничего не разберешь. Тутъ, какъ обыкновенно, больше всѣхъ достается Валуеву.

Для подлости, какъ для геройства, нѣтъ ничего невозможнаго.

Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ объ Аракчеевѣ.—Я, говоритъ Норовъ,—былъ изъ полковниковъ переименованъ въ статскіе совѣтники и оставался нѣкоторое время безъ службы, слѣдовательно безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій. Это мнѣ надоѣло и я сталъ помышлять о какой-нибудь должности. Нѣкоторые мои знакомые и разныя значительныя лица присовѣтовали мнѣ искать мѣста губернатора, а такъ какъ тогда (въ 1820-хъ годахъ) всѣ государственныя и административныя дѣла шли черезъ руки Аракчеева, то предварительно надлежало обратиться къ нему. Но мнѣ это показалось несовмѣстнымъ съ моимъ достоинствомъ: Государь зналъ меня лично, и я рѣшился обратиться прямо къ нему. Прошло нѣсколько дней, и я вдругъ получаю отъ графа Аракчеева приглашеніе явиться къ нему. Аракчеевъ зналъ моего отца и, встрѣчаясь со мною прежде, всегда былъ ко мнѣ довольно ласковъ. Я отправился къ нему, не ожидая ничего худаго.

„Вы просили Государя“, сказалъ онъ мнѣ, съ свойственнымъ ему нахмуреннымъ видомъ, „о мѣстѣ губернатора?“

„Точно такъ, ваше сіятельство“.

„Благодарите же меня“.

„Если ваше сіятельство удостоите сказать мнѣ причину, то я готовъ благодарить васъ отъ всего сердца“.

„Благодарите меня за то, что вы не получите губернаторскаго мѣста. Государь готовъ былъ дать вамъ его, но я отсовѣтовалъ, и его величество вамъ отказываетъ“.

— Я окаменѣлъ отъ такихъ неожиданныхъ рѣчей. Черезъ минуту Аракчеевъ продолжалъ:

„Вы, господинъ Норовъ, храбрый и хорошій офицеръ, я это знаю. Но скажите по совѣсти, въ состояніи-ли вы быть губернаторомъ? Извѣстны-ли вамъ хоть сколько-нибудь законы, административный порядокъ и множество различныхъ трудностей, сопряженныхъ съ этою важною должностью? Вѣдь вы ни мало къ ней не приготовлены. Какой же были бы вы губернаторъ? Вы или надѣлали бы себѣ стыда, или попали бы подъ судъ“.

— Простота этихъ словъ меня поразила. Такъ-ли точно думалъ Аракчеевъ или онъ притворился, что такъ думаетъ, и помѣшалъ мнѣ только потому, что я не обратился предварительно къ нему—но я, дѣйствительно, счелъ себя обязаннымъ поблагодарить его.

— 22. Четвергъ. Вечеръ у Тройницкаго. У него больше никого не было, и я пробесѣдовалъ съ нимъ часа два съ половиною. Онъ, между прочимъ, объяснилъ мнѣ настоящую причину запрещенія „Москвича“. Причина тому статья о Данковскихъ крестьянахъ. Валуевъ, прочитавъ эту статью, послалъ ее къ Государю съ своимъ докладомъ о необходимости остановить эти дерзкіе нападки на администрацію, и просилъ о дозволеніи запретить газету. Государь согласился съ тѣмъ, чтобы дѣло это было внесено въ Комитетъ Министровъ. Послѣдствія извѣстны. Въ опубликованномъ рѣшеніи однако приведена не эта причина, а та, что „Москвичъ“ есть не иное что, какъ замаскированная „Москва“. Мотивированіе это принадлежитъ барону Корфу. Лучше было-бы сказать прямо за что.

— 25. Воскресенье. Вторая книжка „Всемірнаго Труда“ конфискована. Тамъ есть повѣсть Боборыкина „Жертва вечерняя“, въ которой представлены разныя лица, говорятъ, изъ высшаго круга въ очень непристойномъ видѣ и при томъ такъ, что ихъ очень легко узнать. Если это правда, то это выходитъ пасквиль, и въ такомъ случаѣ подобныя произведенія могутъ только вредить дѣлу литературы, а не служить ему.

Обѣдъ въ Римско-Католической академіи по случаю храмоваго праздника академической церкви. Епископъ ко мнѣ очень дружелюбенъ. За столомъ я сидѣлъ возлѣ него, и онъ очень юмо-

ристично подшучивалъ надъ своими собратьями—канониками, ксендзами и проч.

— Вотъ великіе христіанскіе постники, говорилъ онъ,—вотъ гдѣ поучиться-бы постничать и умерщвлять свою плоть. Посмотрите, напримѣръ, вотъ на этого каноника: какой онъ жирный, красный, а все отъ того, что вотъ онъ постится съ такими соусами и пирогами, запивая ихъ хересомъ и шампанскимъ.

Все это онъ говорилъ не только мнѣ, но и самимъ каноникамъ, которые только улыбались. Кромѣ того, онъ говорилъ со мною о папѣ и не очень благосклонно о немъ отзывался. Провозгласили тостъ Государю; прокричали ура; воспитанники пропѣли „Боже, Царя Храни".

Все-ли поняла въ тайнахъ жизни современная наука, чтобы имѣть право отрицать потребность и истину вѣрованій.

Мартъ.—1. Пятница. Вечеръ у Боткина, Василія Петровича. Графъ А. К. Толстой читалъ свою новую драму: „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ". Тутъ были: Гончаровъ, Костомаровъ, Майковъ, Стасюлевичъ, Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ. Трудно судить о сочиненіи въ бѣгломъ чтеніи, да еще не въ своемъ, а чужомъ. Однако, характеры Ѳеодора и Годунова показались мнѣ обработанными очень искусно. Авторъ съумѣлъ создать изъ совершеннаго нравственнаго и политическаго ничтожества, каковъ Ѳеодоръ, замѣчательную психологическую фигуру.

Графиня А. Д. Блудова прислала мнѣ свою книжку „Для немногихъ" о пребываніи своемъ въ Острогѣ на Волыни и объ основаніи тамъ православной церкви и женской школы. Книга написана умно и тепло.

Умъ его похожъ на плющъ, который широко раскидывается и обвивается около тычинъ и деревьевъ по всевозможнымъ направленіямъ, но онъ ни къ чему не прикрѣпляется прочно и не приноситъ плодовъ.

Одно можетъ удовлетворить человѣка на всякой степени умственнаго развитія—общеполезный трудъ и успѣшная дѣятельность.

— 4. Понедѣльникъ. Валуевъ оставилъ министерство или министерство оставило его. Мѣсто его занялъ Тимашевъ.

Объ отставкѣ Валуева, кажется, никто не сѣтуетъ, развѣ кромѣ нѣсколькихъ преданныхъ ему чиновниковъ. Общество

сильно нерасположено къ нему за земство и за его распоряженія по дѣламъ печати. Но рѣшительный ударъ, кажется, нанесенъ ему голодомъ, который, по непонятнымъ причинамъ, онъ скрывалъ и противъ котораго не принялъ никакихъ дѣятельныхъ мѣръ. Будетъ-ли лучше при его преемникѣ? Сколько я зналъ Тимашева лично, онъ казался мнѣ человѣкомъ умнымъ и человѣкомъ съ русскимъ сердцемъ. Но у насъ какъ-то добродѣтели, таланты и умъ недолговѣчны. Посмотримъ.

— 9. Суббота. Общее засѣданіе комиссіи Академіи наукъ для установленія открытыхъ для публики засѣданій. Много было споровъ и толковъ, но ни къ чему рѣшительному не пришли. Впрочемъ, почти всѣ согласились въ надобности этихъ засѣданій.

— 10. Воскресенье. Мы живемъ въ такую эпоху всяческихъ треволненій — умственныхъ, нравственныхъ, политическихъ и общественныхъ, что едва-ли найдется умъ, который не заблуждался-бы въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ и событіяхъ.

Заходилъ сегодня къ старому своему профессору Шнейдеру. Онъ очень обрадовался мнѣ. Бѣдный сидитъ безвыходно въ креслахъ: параличъ отнялъ у него ноги. Но духомъ старикъ еще бодръ. Отъ него услышалъ я о смерти Порошина въ Парижѣ, а я только что собирался писать ему. Порошинъ былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ (онъ читалъ политическую экономію) Уваровскаго времени. Онъ былъ уменъ, даровитъ, свѣдущъ, но очень эксцентриченъ. Ужъ много лѣтъ онъ жилъ въ Парижѣ, не забывая однако Россіи. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій о ней на французскомъ языкѣ, стараясь растолковать французамъ, что Россія, хотя во многомъ отстала отъ Европы или, лучше сказать, еще не успѣла догнать ее, однако вовсе не такая варварская страна, какъ они думаютъ. Онъ старался опровергать клеветы ихъ на насъ, по поводу польскихъ дѣлъ—разумѣется, тщетно, потому что ничто ни устойчиво такъ, какъ преднамѣренная ложь.

— 14. Четвергъ. Сердце ищетъ сердца, но умъ почти всегда непріязненъ уму.

Кто борется, тотъ, если не всегда побѣждаетъ, то всегда сохраняетъ за собою достоинство и честь человѣка мужественнаго.

— 16. Суббота. Валуевъ дурно распорядился своею судьбою: притѣсненіемъ земскихъ учрежденій, неблагоразумными и опрометчивыми дѣйствіями по дѣламъ печати онъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе, а страннымъ индиферентизмомъ къ голоду онъ далъ противъ себя оружіе въ руки враждебной ему партіи.

Надо быть дуракомъ, чтобы быть довольнымъ собою.

— 21. Четвергъ. Обѣдалъ у графини А. Д. Блудовой. Встрѣтилъ тамъ Кояловича, занимающагося нынѣ изданіемъ какого-то историческаго памятника, касающагося сѣверозападнаго края. Были еще какія-то три неизвѣстныя мнѣ лица. Графиня меня смутила, начавъ елико возможно восхвалять мою рѣчь о Крыловѣ, и даже прочла вслухъ нѣкоторыя мѣста изъ нея.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи отдѣленія нашей Академіи возникли компликаціи между Срезневскимъ и Пекарскимъ. Пекарскій сильно обидѣлся за одно замѣчаніе, сдѣланное Срезневскимъ на его весьма незначительную замѣтку, но которую онъ, по своему обыкновенію, цѣнилъ очень высоко. Замѣчаніе не заключало въ себѣ ничего обиднаго, но Пекарскій такъ разсердился, что ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. Такъ-то наши самолюбія не умѣютъ снести ни малѣйшаго противорѣчія.

Люди съ особеннымъ дарованіемъ, призванные дѣйствовать на массы, на общество, достигаютъ славы, какой никогда не достигаютъ спеціалисты-труженники, посвящающіе труды свои разработкѣ какого-нибудь вопроса науки или практическаго дѣла. Но слава первыхъ чрезвычайно непрочна и измѣнчива. Она часто зависитъ отъ прихоти публики, и малѣйшія ошибки, а часто и просто поворота во вкусахъ общества достаточно, чтобы развѣнчать сегодня героя, котораго вчера превозносили до небесъ. Чуть-ли не больше всего подвержены этому кризису писатели, художники.

— 27. Среда. Въ номерѣ 68-мъ „Сѣверной Почты“ напечатано предостереженіе „Петербургскому Листку“ уже отъ новаго министра. Замѣчательное формулированіе и тонъ предостереженія, обнаруживающіе рѣшимость защищать отъ нападокъ печати полицейскія и административныя власти.

Апрѣль.—3. Среда. Провелъ въ бесѣдѣ болѣе двухъ часовъ у моего бывшаго стараго наставника Шнейдера. Параличъ

отнялъ у него ноги, но не коснулся головы, которая совершенно свѣжа. Память его въ полной силѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ разныя интересныя вещи изъ исторіи прошлаго времени. Онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ разными значительными лицами, особенно со Сперанскимъ, и многое знаетъ изъ секретнаго хода событій. Вотъ, между прочимъ, что онъ мнѣ разсказалъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ паденіе Сперанскаго. Извѣстно, что князь А. И. Чернышевъ, впослѣдствіи военный министръ, въ 1811-мъ году былъ посланъ Императоромъ Александромъ I въ Парижъ съ секретнымъ порученіемъ. Чернышевъ былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ и красоты и отличался любезностью и ловкостью въ обращеніи. Въ Парижѣ онъ очень сблизился съ главнымъ директоромъ военнаго министерства Наполеона, а еще больше съ его женою. Однажды, вечеромъ, директоръ былъ позванъ къ императору въ Сенъ-Клу, гдѣ и провелъ всю ночь. Чернышевъ занялъ его мѣсто у жены и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы наполнить свой портфель бумагами изъ директорскаго кабинета. Вѣроятно, это уже было у него подготовлено заранѣе. На другой день, рано утромъ, Чернышевъ уже скакалъ къ границамъ Франціи и, прежде чѣмъ пропажа бумагъ была замѣчена, онъ уже былъ за предѣлами ея. Похищенныя бумаги оказались весьма важными: тутъ были планы похода въ Россію, чертежи, расположеніе войскъ и проч. и въ томъ числѣ также и шифрованныя бумаги. Все это было доставлено Императору Александру. Государь обо всемъ сообщилъ Сперанскому и, такъ какъ ни тотъ ни другой не могли прочесть шифрованныхъ бумагъ, то положено было призвать нѣкоего Бека, славившагося умѣньемъ разбирать всевозможные шифры. Все, что заключалось въ этихъ бумагахъ, разумѣется, составляло государственную тайну, которая была извѣстна только Государю, Сперанскому и Беку. Случилось какъ-то, что Магницкій, состоявшій въ дружбѣ со Сперанскимъ, пріѣхалъ къ нему въ то время, когда тотъ занимался въ своемъ кабинетѣ, съумѣлъ подсмотрѣть содержаніе секретныхъ бумагъ и затѣмъ изъ хвастовства разгласилъ это между членами дипломатическаго корпуса. Это дошло до Государя, который, разумѣется, долженъ былъ подумать, что Сперанскій, выдалъ государственную тайну—и вотъ причина его паденія и объясненіе словъ Госу-

даря, обращенныхъ къ Парроту: „Сперанскій сдѣлалъ то, за что его слѣдовало-бы разстрѣлять“ [1]).

— 4. Четвергъ. Университетъ потребовалъ отъ меня свѣдѣній о моей жизни и учено-литературныхъ трудахъ для составленія біографіи, которая должна войти въ словарь профессоровъ живыхъ и умершихъ,издаваемый ко дню пятидесятилѣтія университета въ слѣдующемъ году. Обо мнѣ поручено написать Оресту Миллеру. Я указалъ на мой послужной списокъ и хотѣлъ этимъ отдѣлаться, но ко мнѣ пристали, чтобы я указалъ всѣ мои сочиненія. Я было рѣшительно этому воспротивился, такъ какъ самъ я мало уважаю собственныя писанія, и еслибы ихъ позабыли и другіе, какъ позабылъ ихъ я самъ, то, право, не огорчился-бы этимъ. Но въ заключеніе мнѣ пришлось сдаться на слѣдующій доводъ: хорошо-ли, дурно-ли я дѣйствовалъ, но дѣятельность моя среди общества выразилась въ такой формѣ, какую оно полагало для себя нужною и для осуществленія которой дало мнѣ и средства—слѣдовательно, оно въ правѣ подвести итогъ всего, что мною сдѣлано, и внести этотъ итогъ куда ему угодно, въ лѣтопись-ли своей науки, въ какой-нибудь словарь и проч. Да притомъ Орестъ Миллеръ замѣтилъ, что, если я не возьму на себя труда сдѣлать перечень моихъ сочиненій, то онъ долженъ будетъ самъ это сдѣлать, а для того ему придется перерыть массу журналовъ, сборниковъ и т. д., что отниметъ у него недѣли три времени и заставитъ опоздать съ представленіемъ своей статьи къ назначенному сроку. Такимъ образомъ, волей-неволей, мнѣ пришлось самому рыться и коекакъ составить требуемый перечень.

Сущность моей дѣятельности на каѳедрѣ слѣдующая: 1) Элементъ изящнаго, неразлучный съ элементомъ идеальнаго, я считалъ важнымъ, необходимымъ дѣятелемъ въ исторіи человѣчества. Я всегда старался и психологически и исторически поддерживать его достоинство, самостоятельную образовательную силу и значеніе; 2) преобладаніе этого элемента я считалъ

---

[1]) Здѣсь въ оригинальномъ текстѣ на поляхъ выноска: „Въ моемъ Дневникѣ записанъ уже другой разсказъ объ этомъ, но Шнейдеръ стоитъ за вѣрность своей версіи, которую слышалъ отъ лицъ, близкихъ къ Сперанскому“. *Ред.*

немыслимымъ безъ тѣсной связи его съ нравственнымъ назначеніемъ человѣка и безъ благотворнаго вліянія на нравственное развитіе послѣдняго. Этими началами я старался освѣтить мою литературную критику и трудился надъ тѣмъ, чтобы внести ихъ въ умъ и въ сердце юношества.

— 7. Воскресенье. Вечеръ у А. С. Норова, который, между прочимъ, разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, слышанный имъ изъ устъ князя А. Н. Голицына. Императрицѣ Екатеринѣ II вздумалось посѣтить Ревель. Тамъ устроили для нея балъ съ масками. Готовясь къ нему, она сидѣла въ уборной за туалетомъ. Вдругъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга курьеръ съ секретнымъ донесеніемъ о заговорѣ Мировича и о катастрофѣ съ Іоанномъ Антоновичемъ въ Шлиссельбургѣ. Вѣсть эта сильно поразила ее. Приходилось немедленно дѣйствовать, и ей было уже не до бала. Но и не показаться въ бальной залѣ было-бы крайне неудобно, особенно при этихъ обстоятельствахъ. Находчивая императрица быстро нашла средство какъ выйти изъ затрудненія. Она позвала къ себѣ графа Строгонова.

— Послушайте, графъ, сказала она ему,—прошу у васъ одолженія: сдѣлаете ли вы его для меня?

Строгоновъ, разумѣется, изъявилъ полную готовность.

— Вотъ о чемъ я попрошу. Сядьте вотъ здѣсь въ кресла передъ зеркаломъ на мое мѣсто.

Графъ немного удивился, однако повиновался. Въ ту-же минуту одна изъ находившихся въ уборной камеръ-фрау накинула на него пеньюаръ, другая начала его пудрить, а третья держала наготовѣ, собираясь на него надѣть женское маскарадное платье. Строгоновъ, уже не удивленный, а взбѣшенный вскакиваетъ съ кресла и говоритъ:

— Государыня, я все готовъ отдать вамъ—и кровь мою, и жизнь, но быть посмѣшищемъ и играть роль шута мнѣ не по силамъ.

Тогда императрица выслала изъ комнаты всѣхъ постороннихъ, сообщила графу о полученномъ извѣстіи и съ обычною своею прелестью прибавила:

— Вы понимаете, какъ это важно. Я должна цѣлую ночь работать за письменнымъ столомъ, мнѣ не до бала, но и балъ нельзя оставить: иначе возбудятся толки, неудовольствія, а я

этого не могу допустить. Вотъ мой планъ. Вы одѣнетесь здѣсь въ мое маскарадное платье: оно какъ разъ вамъ по росту, скроете лицо подъ маскою и отправитесь на балъ вмѣсто меня. Тамъ вы пробудете минутъ двадцать, затѣмъ скажетесь усталою и, какъбы ослабѣвъ, опуститесь въ приготовленное для меня кресло. Затѣмъ подзовите къ себѣ князя Орлова, объявите ему, что чувствуете себя несовсѣмъ здоровою и попросите его сказать присутствующимъ о томъ съ извиненіемъ, что вы не можете дольше остаться на балу. Потомъ возвратитесь сюда обратно.

Все это было исполнено съ точностью. Графъ Строгоновъ разыгралъ роль императрицы, и ревельцы были въ восторгѣ, что государыня, даже несовсѣмъ здоровая, не отказалась удостоить ихъ балъ своимъ присутствіемъ. Должно полагать, что Строгоновъ былъ мастеръ на подобныя штуки, и Екатерина знала, кому ввѣряетъ такое щекотливое дѣло.

— 9. Вторникъ. Съ перваго дня праздника и по сегодня включительно чудесная погода. Ингерманландское солнце не на шутку расщедрилось. Оно льетъ такіе потоки свѣта и тепла, что становится страшно: не скрывается-ли тутъ какой козни относительно будущаго? Что-то слишкомъ хорошо, ненатурально.

— 12. Пятница. У насъ умный человѣкъ, состоя на государственной службѣ, точно стыдится заниматься такими пустяками, какъ общая польза, долгъ и тому подобное. Главная и единственная достойная его задача соблюдать собственные интересы, признавая своимъ долгомъ передъ обществомъ только умѣнье не попасть подъ судъ, такъ какъ это произвело бы скандалъ.

Счастливъ честный человѣкъ, если ему удастся пріобрѣсти настолько самостоятельности, чтобы не преклоняться передъ эгоистами... именами которыхъ наполнена часть нашихъ адресъ-календарей. Что онъ будетъ бѣденъ и забытъ — это само собою разумѣется.

Всѣми замѣчено, что ни въ одно царствованіе не раздавалось у насъ столько наградъ чинами и орденами, какъ въ настоящее. Это настоящій рогъ изобилія. Мнѣ говорилъ одинъ человѣкъ, знакомый со статистикою этого предмета, что обыкновенная пропорція наградъ въ Николаевское время составляла во всей имперіи цифру отъ четырехъ до пяти тысячъ въ годъ, въ нынѣш-

нее-же (1868 г.) время доходитъ до десяти и одиннадцати тысячъ.

Говорятъ и пишутъ въ газетахъ, особенно въ „Голосѣ", что мы въ сѣверо-западномъ краѣ съ Потаповымъ снова мѣняемъ систему нашихъ дѣйствій.

— 15. Понедѣльникъ. Есть у насъ многія юныя и не юныя женщины средняго круга, которыя сильно желаютъ, чтобы имъ дозволено было слушать въ университетѣ лекціи или бы основали для нихъ особый женскій университетъ. Положеніе бѣдной женщины, которая, кромѣ иглы, не имѣетъ другихъ средствъ добывать честный хлѣбъ, дѣйствительно, заслуживаетъ особеннаго вниманія, и стоитъ подумать о томъ, чтобы открыть для нея новые источники труда.

Достигнуть значенія, которое давало-бы возможность оказывать обществу существенныя и серьезныя услуги, иначе нельзя какъ разными эволюціями. Люди, способные и честные, оказываются большею частью къ этому непригодными, и вмѣсто ихъ обыкновенно на сценѣ являются плуты или тѣ мелкіе честолюбцы, которые, за чинъ или ленту, готовы ко всему, кромѣ общественныхъ интересовъ. Эти-то искатели фортуны большею частью и располагаютъ ходомъ дѣлъ. Разумѣется, и они толкуютъ объ общемъ благѣ, о своемъ безкорыстіи и проч. Но для дѣла это ничего не значитъ: оно всетаки сводится на чинъ, на ленту, или аренду.

Первое предостереженіе „Москвѣ" за статьи въ первомъ номерѣ. Этимъ новый министръ даетъ знать, что онъ въ дѣлахъ печати намѣренъ слѣдовать системѣ своего предшественника. Къ сожалѣнію, и Аксаковъ даетъ поводъ къ нему придираться своею неумѣренностью и озлобленіемъ, которое поневолѣ заставляетъ думать правительство, что оно имѣетъ въ немъ врага—ну, а съ врагомъ нечего церемониться. Вообще москвичи страшно самолюбивы. Они хлопочутъ не только о томъ, чтобы сказать истину, но еще и о томъ, чтобы доказать цѣлому свѣту, что всякая истина можетъ быть сказана только ими одними, а потому у нихъ нѣтъ уже спасенія никому и ничему, что не спѣшитъ повергнуться въ прахъ передъ ихъ побѣдоноснымъ перомъ. Вѣдь вотъ Катковъ всѣхъ, кто осмѣливался имѣть другое мнѣніе, чѣмъ онъ, провозглашалъ измѣнниками и предателями отечества.

Право иногда кажется, что его одушевляетъ не чувство своего достоинства—чувство высокое и законное во всякомъ человѣкѣ—а чувство безконечнаго превосходства надъ всякимъ, кто мыслитъ и пишетъ въ Россіи.

— 16. Вторникъ. Неужели такая реформа, какъ реформа Петра Великаго, неужели всѣ жертвы народа, какія для нея потребовались, должны остаться безплодными? А вѣдь тѣ, которые желали стѣснить у насъ науку, и тѣ, которые стараются убить всякое проявленіе у насъ самостоятельной, свободной гражданственности, добиваются не болѣе не менѣе какъ уничтожить всякое развитіе того, чему положено начало реформою Петра.

Надѣливъ человѣка всевозможными бѣдствіями и униженіями съ лицемѣрнымъ видомъ блага и величія, природа довершаетъ свою траги-комическую игру надъ нимъ тѣмъ, что вложило въ него непреодолимую скотскую любовь къ жизни.

— 28. Воскресенье. Утромъ у князя Вяземскаго, у котораго просидѣлъ часа два. Получилъ отъ него „Мессіаду", переведенную нѣкоимъ Писаревымъ.

Аксаковъ опять напрашивается на предостереженіе. Говоря о смертной казни, онъ представляетъ висѣлицу, путешествующую по Россіи для внушенія нравственности. Къ сожалѣнію, честный Аксаковъ, очевидно, смѣшиваетъ твердость характера съ упорствомъ самолюбія, которое не хочетъ уступить подчасъ необходимымъ требованіямъ приличія—будь оно общественное, государственное или какое другое. Но если нельзя показаться въ общество безъ штановъ или въ какой-нибудь странной, нелѣпой одеждѣ, то едва-ли позволительно и говорить даже полезныя вещи такъ, чтобы это было оскорбительно для тѣхъ, кому мы все-таки обязаны нѣкоторымъ уваженіемъ. Защитники печатной невоздержности говорятъ, что, вѣдь, это только такой тонъ и нельзя-же посягать на форму выраженія, употребляемую писателемъ. Мнѣ кажется, что такое правило, какъ и всякое другое, не можетъ быть принято безъ извѣстнаго ограниченія. Тонъ, конечно, есть моя индивидуальность; но развѣ можно безусловно слѣдовать всѣмъ внушеніямъ этой индивидуальности? Вѣдь самъ писатель, безъ сомнѣнія, разсердился-бы, еслибъ ему сказали: „Вы лжете" — вмѣсто того, чтобы сказать: „вы оши-

баетесь“ или „вы говорите то, что несогласно съ дѣйствительностью“ — рѣзкость выраженія можетъ заключать въ себѣ прямую обиду, даже когда мы не имѣли намѣренія нанести ее. Не умѣть воздержать себя отъ искушенія сказать острое словцо или красивую фразу, когда мы разсуждаемъ о вещахъ серьезныхъ и притомъ разсуждаемъ всенародно, обличаетъ легкомысліе, чтобъ не сказать заносчивость и самолюбіе, которое врядъ ли заботится объ одной только истинѣ, а имѣетъ въ виду также эффектъ, производимый нами самими.

Май — 3. Пятница. Съ конца апрѣля еще начались прекрасные весенніе дни, а вотъ эти майскіе еще лучше.

Будущее и неизвѣстное есть вѣчный врагъ настоящаго и извѣстнаго.

Въ № 90-мъ „Сѣверной Почты“ второе предостереженіе „Москвѣ“. Обидно, господа! Направленіе вашихъ идей вѣрно, требованія ваши справедливы, но не слѣдъ поддерживать правое дѣло ругательствами: оно отъ того ни въ чьихъ глазахъ не выиграетъ. Должно дѣйствовать логикою и фактами, честнымъ дѣломъ и дѣльными осужденіями, а не оскорбленіями, которыхъ никто, ни частный человѣкъ, ни общество, ни правительство не обязаны сносить.

Былъ на прощальномъ обѣдѣ, который академики давали своему товарищу Бетлингу, уѣзжающему на три года за границу.

— 9. Четвергъ. Весьма неудобно произносить рѣшительные приговоры о современныхъ лицахъ и событіяхъ, такъ какъ многія данныя о нихъ до поры до времени остаются неизвѣстными. Мнѣ не разъ приходилось смягчать или усиливать краски въ своемъ первоначальномъ мнѣніи о такомъ-то лицѣ или событіи, по мѣрѣ того, какъ разъяснялись обстоятельства, подававшія поводъ къ такому или другому о нихъ заключенію

Надняхъ Н. И. Цыловъ, бывшій предсѣдатель Виленской комиссіи по польскому возстанію, сообщилъ мнѣ въ рукописи весьма любопытныя свѣдѣнія объ этомъ возстаніи, извлеченныя имъ изъ офиціальныхъ документовъ, бывшихъ у него въ рукахъ.

— 12. Воскресенье. Неслыханный май по своему сіянію и теплотѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ. Гимназистъ Тамбовской гимназіи, восемнадцатилѣтній юноша, Горскій убилъ семь человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ дѣтей мальчиковъ. Онъ

дѣйствовалъ какимъ-то желѣзнымъ пестомъ и револьверомъ. Служанку онъ убилъ полѣномъ. Полагаютъ, что цѣль этого неслыханнаго злодѣйства было воровство. Не дѣйствовалъ-ли тутъ религіозный и политическій фанатизмъ? Горскаго велѣно судить военнымъ судомъ, и онъ приговоренъ къ повѣшенію.

— 14. Вторникъ. Славянскій міръ... Что германскіе и особенно турецкіе славяне добиваются самостоятельности, это понятно и естественно. Но непонятны и неестественны крайнія претензіи славянофиловъ на первенствующую роль между европейскими народами. Гдѣ ихъ права на это? Что сдѣлали они до сихъ поръ для всемірной цивилизаціи, науки, искусства? Они все толкуютъ о будущемъ величіи славянъ, о будущей ихъ блистательной роли; но гдѣ пока залоги этой великой будущности? Какія услуги оказали они человѣчеству, чтобы такъ возноситься? Изъ всѣхъ славянъ вотъ выдаются только чехи, сербы и мы. Собственно мы одни, потому-что мы одни успѣли основать сильное государство. Но и мы до сихъ поръ льстимъ себя только надеждами. Не лучше-ли прежде подождать ихъ осуществленія, а потомъ уже кичиться? Пока-же поменьше заносчивости и побольше настоящей работы—не показной, а существенной, внутренней.

— 17. Пятница. Май продолжаетъ быть неслыханно хорошимъ.

Ничто изъ того, что всещедрою природою дается человѣку, не достается ему даромъ. Родится ребенокъ съ страшными страданіями для матери; начнутъ прорѣзываться у него зубы, онъ страдаетъ; начнетъ учиться—страдаетъ; умъ и мудрость житейская достаются ему тысячами страданій и проч. и проч. И все это было-бы ничего, еслибъ имѣло какія-нибудь порядочныя, крупныя послѣдствія, а то все разрѣшается нѣсколькими горстями пыли.

— 28. Вторникъ. Человѣкъ такой-же крѣпостной работникъ природы, какъ и всѣ другія ея созданія. Все, что онъ сдѣлалъ, дѣлаетъ и еще сдѣлаетъ въ постепенномъ своемъ развитіи, все дѣлается въ духѣ цѣлаго и для цѣлаго, и если онъ получаетъ за то какую льготу, то лишь настолько, насколько это входитъ въ намѣренія и планы природы, а вовсе не въ силу его заслугъ.

Еслибъ у меня спросили: какой главный и несомнѣнный признакъ ограниченнаго ума?—я отвѣчалъ-бы: высокое мнѣніе о самомъ себѣ.

Іюнь. — 5. Среда. И о чемъ они состязаются? О деньгахъ — это было-бы понятно. О какомъ-нибудь наслажденіи — и это можно было-бы понять. Нѣтъ! Они хлопочутъ о томъ, чтобы какой-нибудь пустѣйшій человѣкъ сказалъ: „о, онъ не глупъ", или: „онъ умнѣе такого-то".

Наконецъ, по словамъ А. С. Норова, въ Государственномъ совѣтѣ начинаютъ серьезно разсуждать о способахъ ограниченія пьянства въ Россіи и уже пришли къ рѣшенію, что слѣдуетъ ограничить число кабаковъ. Пора! Но почему-же прежде или раньше объ этомъ не подумали? Тогда было-бы предотвращено много бѣдствій и неурядицъ, а можетъ быть и самый голодъ прошедшей зимы. Но громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.

Появилась брошюра объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ, въ которой разсказаны интересныя подробности объ этомъ злодѣйствѣ и о томъ, какъ открыта преступница.

Нѣтъ ничего печальнѣе поблекшаго и увядающаго цвѣтка.

— 10. Понедѣльникъ. Покуда человѣкъ будетъ дѣлать и терпѣть зло, страдать и умирать, до тѣхъ поръ какой-же удовлетворительный результатъ вы получите отъ вашего пресловутаго прогресса?

— 11. Вторникъ. Слава Богу, у насъ есть противоядіе злу, происходящему отъ разныхъ плохихъ мѣръ и проектовъ — это несостоятельность, которая не позволяетъ долго держаться ни одной мѣрѣ.

Онъ и хотѣлъ бы быть тѣмъ, что называется честнымъ человѣкомъ, да не можетъ бѣдняжка. Требованія честности слишкомъ велики, и у него не хватаетъ силенки переломить нѣкоторыя изъ своихъ скверныхъ наклонностей, влекущихъ его обворовывать казну или, ради чина, ленты, аренды, подличать и пресмыкаться передъ сильными.

— 12. Среда. Румянцевскій музей въ Москвѣ хочетъ выставить у себя портреты знаменитыхъ русскихъ людей и поручилъ написать ихъ художнику Крамскому. Въ мастерскую къ послѣднему на дняхъ явился Д. и, увидѣвъ, между прочими, портретъ

Фонвизина, уже списанный съ отличнаго академическаго портрета, сказалъ:

— Какъ! вы думаете, что и Фонвизинъ войдетъ въ наше собраніе? Неужели и онъ знаменитый человѣкъ?

На это Крамской возразилъ, что если писатели, отличающіеся своими дарованіями, составляютъ славу народа, то, конечно, Фонвизинъ имѣетъ полное право на мѣсто въ предполагаемой галлереѣ.

— Ну, это еще вопросъ, отвѣчалъ Д.

Страхъ передъ вѣчностью есть чисто эгоистическое чувство. Слѣдовало-бы помнить, что мнѣ не было худо, пока меня не было, и не будетъ мнѣ хуже, когда меня не станетъ. Но жизнь, потому-что она жизнь, никакъ не можетъ понять своего уничтоженія.

Что такое расколъ? Протестъ противъ извнѣ навязаннаго мнѣнія.

— 20. Четвергъ. Я понимаю систему сдерживанія, но не допускаю системы притѣсненія.

Массы должны быть призываемы къ содѣйствію, когда это надо, но не къ постоянному участію въ управленіи. Къ этому онѣ и неспособны, и имъ некогда. Необходимы выборные люди.

— 28. Пятница. Вотъ подслушанный мною разговоръ между двумя крестьянами у мелочной лавочки и который я здѣсь буквально записываю.

Первый, среднихъ лѣтъ:—Работать радъ-бы всею душою, да работы нѣтъ; воровать боюсь, просить милостыни не велятъ, что-жъ тутъ дѣлать?

Второй, старикъ:—Умереть.

Самое неблагодарное ремесло—дѣлать людей счастливыми.

Почему нужна идея прогресса? Еслибъ прогрессъ не стоялъ цѣлью на всѣхъ стадіяхъ нашего развитія, мы лишились-бы главнаго двигателя самого развитія: ибо въ идеѣ прогресса мы только и почерпаемъ силы выдвигать изъ себя тѣ элементы, которыми развитіе осуществляется. Безъ этой идеи все-бы въ насъ цѣпенѣло и останавливалось. Это духъ жизни, возбуждающій и одушевляющій насъ. Тутъ дѣло въ идеалѣ, безъ котораго ничто великое и благое не совершается.

Іюль. — 9. Вторникъ. Пусть не будетъ аристократіи поли-

тической, но нельзя отрицать аристократіи природы, и она-то составляетъ человѣчество въ благороднѣйшемъ, высшемъ смыслѣ.

— 11. Четвергъ. Весь іюнь, іюль представляютъ рядъ такихъ жаркихъ дней, какихъ я не запомню въ Петербургѣ. И въ теченіе этого времени только два раза шелъ дождь — разъ въ іюнѣ, а другой—третьяго дня. Отъ зноя чувствуешь себя неспособнымъ и къ работѣ. Вечера были-бы прелестны, если-бы не дымъ отъ горящихъ въ окрестностяхъ торфа и лѣсовъ. Выдавались дни, когда приходилось затворять окна отъ дыма. Въ Петербургѣ буквально каждый день пожары, а въ иные дни такъ и по нѣсколько одновременно. Въ провинціи угрожаетъ голодъ— гдѣ отъ засухи, гдѣ отъ необыкновенныхъ, чрезмѣрныхъ дождей. Пьянство и воровство идутъ своимъ чередомъ.

— 13. Суббота. Тише, тише, кони! Тише, пристяжная, къ чему такъ выворачиваешь голову и откидываешь ноги въ сторону? Коренная! не скачи, иди мѣрно, слушайся кучера. Онъ не хочетъ, чтобы вы угораздили сами себя, повозку и его въ яму или надѣлали другой какой-нибудь чепухи. Не надо, не надо этихъ скачковъ и прыжковъ! Рысь ровная, живая, кое-гдѣ усиленная, кое-гдѣ умѣренная до шага—а главное ѣхать по дорогѣ, а не бросаться въ сторону, доѣхать до станціи, а не завалиться въ ровъ или не попасть въ какую-нибудь трущобу— вотъ что свидѣтельствуетъ о хорошо выѣзженныхъ лошадяхъ и о хорошемъ кучерѣ, который умѣетъ ими управлять.

— 18. Четвергъ. Дымъ, дымъ и дымъ, только не тургеневскій, а настоящій дымъ, густой и ѣдкій отъ горящихъ вокругъ Петербурга лѣсовъ и торфа. Я былъ сегодня на дачахъ за Лѣснымъ корпусомъ, между прочимъ у Княжевича: тамъ дымъ гуще, непроницаемѣе и ѣдче, чѣмъ у насъ въ Павловскѣ. Въ Петербургѣ тоже. Когда я ѣхалъ по Литейному мосту, то съ половины уже не видѣлъ противоположнаго берега съ его зданіями. Всего сильнѣе бываетъ дымъ по утрамъ и по вечерамъ. Между тѣмъ жары великія и дождя ни капли. Въ окрестностяхъ Павловска начался падежъ скота, т. е. сибирская язва, которая и людей не щадитъ, если они неосторожно прикоснутся къ зараженнымъ членамъ коровы, лошади и т. д. Смертныхъ случаевъ, однако, говорятъ, съ людьми еще не было.

Если вы либералъ съ добрыми и честными намѣреніями—

дѣйствуйте: мы васъ будемъ уважать, даже, если вы и сдѣлаете что-нибудь ошибочное. Но если за цвѣтами либерализма вы скрываете змѣю, то есть свои какіе-нибудь виды и видишки, хотя-бы то только продуктъ вашего маленькаго и притязательнаго самолюбьица—мы васъ будемъ презирать и обращаться съ вами, какъ съ плутомъ, какъ съ спекулянтомъ, котораго надо всячески остерегаться—съ спекулянтомъ, тѣмъ гнуснѣйшимъ, что онъ спекулируетъ на благородные принципы и благородныя чувства.

Большая половина цѣны, приписываемой нами вещамъ, зависитъ отъ мнѣнія, которое мы сами себѣ о нихъ составляемъ, а такъ какъ мнѣнія наши мѣняются, то и цѣна вещамъ мѣняется. Чтобы умѣрить наши желанія или избавиться отъ страха, внушаемаго намъ многими вещами, стоитъ только очистить ихъ отъ тѣхъ добавленій, какія придаются имъ нашимъ мнѣніемъ.

Августъ.—3. Суббота. Необычайныя жары продолжаются. Вчера на солнцѣ было сорокъ градусовъ, а въ тѣни двадцать пять. Сегодня тоже. Поутру дымъ отъ горящихъ лѣсовъ и торфа былъ такъ силенъ, что только за закрытыми дверями и окнами въ комнатахъ можно было найти нѣкоторое убѣжище. Впрочемъ, нѣсколько дней тому назадъ былъ сильный дождь съ грозою, которая убила въ Царскомъ Селѣ двухъ дѣтей, а въ Славянкѣ одну женщину.

— 6. Вторникъ. Тамъ, гдѣ оканчивается сфера науки, то есть гдѣ наука оканчиваетъ свое дѣло, тамъ начинается область вѣры. Для массъ вѣра формулируется другими; человѣкъ развитой формулируетъ ее для себя самъ въ глубинѣ своего сердца и совѣсти. Въ первомъ случаѣ является церковь и преданіе, во второмъ—разумъ и философія.

Разумъ также вѣруетъ, какъ и церковь, только авторитетъ послѣдней лежитъ внѣ вѣрующаго духа, авторитетъ-же перваго въ немъ самомъ.

Я люблю, чтобы каждая фраза была отчеканена такъ, чтобы выражающаяся въ ней мысль значила не болѣе и не менѣе того, что она есть.

— 8. Четвергъ. На дняхъ явилась гнусная прокламація отъ имени какого-то общества „ожесточенныхъ“, оповѣщающаго жителей, что оно будетъ производить пожары и воровства въ

отмщеніе за „невинно находящихся подъ арестомъ". Эта мерзость въ печати разослана ко многимъ лицамъ и даже послана въ провинцію. Говорятъ, что полиція успѣла захватить экземпляровъ сто. Вотъ одинъ изъ симптомовъ деморализаціи, которою страдаетъ въ настоящее время (1868 г.) наше общество.

Я глубоко убѣжденъ, что крайняя демократія ведетъ къ варварству. Повиноваться должны всѣ, управлять могутъ немногіе, которые, въ свою очередь, должны повиноваться закону.

— 12. Понедѣльникъ. Страшный дымъ продолжается. Въ комнатѣ набралось его столько, что глаза кусаетъ.

— 13. Вторникъ. Дымъ еще небывалый, ужасный. Я сегодня ѣздилъ въ городъ: вдоль всей дороги, отъ Петербурга до Павловска, то-же самое и въ самомъ Петербургѣ. Владимірской церкви нельзя было видѣть съ угла Загороднаго. Впрочемъ, дышать было не тяжело, только глаза терпѣли. Въ половинѣ дня пошелъ небольшой дождикъ и горизонтъ замѣтно очистился.

Никогда человѣкъ не бываетъ столько виноватымъ, какъ тогда, когда самъ себя считаетъ безусловно правымъ.

Они думаютъ опираться единственно на массы, и потому для нихъ не существуетъ привиллегированныхъ состояній, которыя почти во всей Европѣ утратили свою силу и обаяніе; но взамѣнъ ихъ тамъ выступила другая аристократія—аристократія ума, знанія, таланта, словомъ, аристократія народной интеллигенціи. Вотъ съ нею-то труднѣе управиться. Наполеонъ III до сихъ поръ управлялся, и нѣкоторые другіе захотѣли ему подражать, но мыслящая Франція, однако-же, съ каждымъ днемъ заявляетъ свои силы и подымается на ноги. Тутъ въ концѣ концовъ не сдобровать деспотизму, опирающемуся на массы.

Сентябрь.—7. Суббота. Былъ у князя П. А. Вяземскаго. Онъ мнѣ читалъ свои замѣчанія на романъ графа Толстаго „Война и миръ". Умныя замѣчанія. Потомъ гуляли по парку Царскаго Села. Сентябрь изумительно хорошъ.

— 9. Понедѣльникъ. Запрашивай больше—что-нибудь да дадутъ; запрашивай мало—дадутъ меньше малаго.

— 12. Четвергъ. Не та книга умна, которая умна, а та, которая дѣлаетъ меня умнѣе, заставляетъ меня мыслить.

— 19. Четвергъ. Говорятъ, Самаринъ выпустилъ за-грани-

цей „страшную“ книгу противъ остзейскихъ нѣмцевъ. Книга называется: „Русскія окраины“. Я ее еще не читалъ, и потому не знаю, страшная она или нѣтъ.

— 30. Понедѣльникъ. Не одною полиціею и штыками снискивается право господства, но добрыми нравами и умственнымъ развитіемъ. А каковы наши нравы? Воровство, мошенничество, пьянство чуть не повальные у насъ пороки. Общество наше деморализовано; наука наша слаба; мы до сихъ поръ (1868 г.) живемъ чужимъ умомъ. Своего мы мало привили къ наукѣ—развѣ нигилизмъ.

Октябрь.—2. Среда. На спускѣ броненоснаго корабля на заводѣ Семенникова и Полетики. Былъ Государь и, разумѣется, множество морскихъ чиновъ. Моментъ спуска былъ, дѣйствительно, интересенъ. Корабль плавно, спокойно, величаво спустился въ Неву и, проплывъ нѣкоторое разстояніе, остановился. Послѣ—завтракъ. Между множествомъ рѣчей и тостовъ принудили и меня сказать нѣсколько словъ. Я предложилъ тостъ: „за процвѣтаніе въ нашемъ отечествѣ всякой раціональной дѣятельности, руководимой наукою„. Англичанинъ, корабельный мастеръ, сидѣвшій за столомъ противъ меня, одобрилъ этотъ тостъ, но прибавилъ къ нему еще: „за трудъ и терпѣніе“. Послѣ завтрака онъ подошелъ ко мнѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— 8. Вторникъ. Вечеромъ у кн. П. А. Вяземскаго въ Царскомъ Селѣ. Онъ просилъ меня разсмотрѣть его „Поминки“, заключающія въ себѣ стихи Бибикову и воспоминаніе о Бородинской битвѣ. Мысли князя о значеніи исторіи и историческаго романа чрезвычайно вѣрны и глубоки, а воспоминанія его настоящія золотыя блестки. Я пожелалъ ему еще долго мыслить, чувствовать и писать такъ, какъ онъ это дѣлаетъ теперь.

Многіе удивляются тому, что я на спускѣ корабля 1-го октября говорилъ рѣчь. Что-же я могъ сказать по поводу морскаго торжества? Чтобы самому не удивляться этому и не забыть своихъ словъ, записываю здѣсь мою импровизацію.

„Позвольте, мм. гг., и мнѣ сказать не рѣчь, а нѣсколько словъ, внушенныхъ мнѣ прекраснымъ зрѣлищемъ. Вамъ, однако, можетъ показаться, что мнѣ, скромному представителю науки кабинетной, не слѣдъ говорить здѣсь, въ средѣ такой реальной и технической. Но вѣдь зрѣлище, при которомъ мы только-

что присутствовали, не есть дѣло какой-нибудь рутины, навыка, а дѣло науки—ея строгихъ приложеній и выводовъ, результатъ ея огромныхъ успѣховъ. Итакъ, позвольте мнѣ предложить тостъ за процвѣтаніе въ нашемъ отечествѣ всякой раціональной, наукою руководимой, дѣятельности—говорю всякой, будетъ-ли эта дѣятельность относиться къ постройкѣ корабля, желѣзной дороги, къ сельскому хозяйству и дальше за этими вещественными сферами, тамъ, гдѣ выработаны наши земскія учрежденія, наши новые суды—словомъ вездѣ, гдѣ державная рука нашего просвѣщеннаго Государя полагаетъ чертежи и планы для лучшаго строенія земли русской. Я думаю, что при этомъ послѣднемъ условіи и великій корабль нашего отечества успѣшно поплыветъ въ океанѣ исторіи на встрѣчу достойной его будущности, завѣщанной ему геніемъ нашего перваго кораблестроителя—Петра Великаго. И тогда не будутъ намъ страшны никакія бури, воздвигаемыя нашими и внѣшними, и внутренними недоброжелателями".

— 13. Воскресенье. Авраамъ Сергѣевичъ просилъ пересмотрѣть и, гдѣ нужно, поправить его статью, по поводу романа „Война и міръ", о войнѣ двѣнадцатаго года и о Бородинскомъ сраженіи. Статья любопытна, особенно подробности Бородинскаго боя, гдѣ Авраамъ Сергѣевичъ потерялъ ногу. Итакъ, Толстой встрѣтилъ нападеніе съ двухъ сторонъ: съ одной стороны—князь Вяземскій, съ другой—Норовъ, послѣдній какъ очевидецъ. И впрямь, какой-бы великій художникъ вы ни были, какимъ-бы великимъ философомъ вы себя ни мнили, а все-же нельзя безнаказанно презирать свое отечество и лучшія страницы его славы.

— 15. Вторникъ. Что это за гадкая исторія со Скарятинымъ въ Смоленскѣ? Прогнать гостя изъ пиршественной залы за то, что онъ думаетъ иначе, чѣмъ другіе, и когда онъ ничего непристойнаго не сказалъ и не сдѣлалъ! Если это правда, что скандалъ не былъ вызванъ никакимъ другимъ поводомъ, то, вѣдь это варварство, а мы еще толкуемъ о всякихъ конституціяхъ.

Довести механизмъ общества до такого состоянія, чтобы въ немъ господствовали одни законы, а человѣкъ съ его индивидуальностью и его волею былъ-бы только ихъ предметомъ и цѣлью это-ли задача новѣйшей такъ называемой соціологіи?

Вопросъ между Польшею и Россіею, какъ и всѣ вопросы по-

добнаго рода, не есть вопросъ права, а силы. Это борьба за существованіе, изъ которой побѣдителемъ всегда выходитъ только сильнѣйшій. Оба противника равно хотятъ существовать—это законно и справедливо. Но существовать будетъ только тотъ, кто одолѣетъ противниковъ—это тоже законно и справедливо по ходу вещей на землѣ.

— 25. Пятница. Вечеръ у И. П. Корнилова. Познакомился тамъ съ авторомъ книги: „Исторія іезуитовъ въ Россіи", священникомъ Морошкинымъ. Очень живой и умный человѣкъ.

— 29. Вторникъ. Читаю, наконецъ, „Окраины" Юрія Самарина. Эта книга доказываетъ, что и у насъ есть люди, хотя ихъ и немного, съ государственнымъ умомъ и характеромъ. Вещь очень умная и написана прекрасно, то есть безъ аффектаціи, убѣдительно и краснорѣчиво.

А вотъ и отвѣтъ чиновничества на эту книгу: третье предостереженіе „Москвѣ" съ пріостановленіемъ ея на шесть мѣсяцевъ („С.-Пет. Вѣд.", № 292). Самое предостереженіе отъ 21-го октября. Оно совершенно некстати. Извѣстно, что „Москва" единодушна и единомысленна съ авторомъ „Окраинъ". Съ этимъ трудно справиться—такъ бить его друзей.

Ноябрь.—1. Пятница. Если реальное образованіе можетъ имѣть то неудобство, что въ немъ заключаются сѣмена матеріализма, то классическое ведетъ къ абстрактамъ, а отсюда тоже Богъ знаетъ, во что можно угодить. Все хорошо въ мѣру.

— 10. Воскресенье. Прочиталъ книжку Кельсіева „Пережитое и передуманное". Книжка написана съ замѣчательною легкостью и бойкостью—такъ и видишь передъ собою живого Донъ-Кихота. И сколько Донъ-Кихотовъ появилось у насъ въ послѣднее время! Какой-нибудь недоучившійся студентъ вдругъ вообразитъ себѣ, что россійскіе порядки и весь міръ никуда не годятся, и что онъ призванъ спасти этотъ міръ и обновить Россію. И вотъ онъ начинаетъ волноваться, бѣгать, проповѣдывать, писать прокламаціи, дѣлать заговоры. Онъ принимаетъ подъ свое покровительство массы народныя, предлагаетъ имъ себя въ вожди—никто его не слушаетъ, кромѣ агентовъ тайной полиціи, въ руки которой онъ, наконецъ, и попадаетъ. Тутъ уже выходитъ изъ него мученикъ и проч. и проч. Кельсіевъ такой-же Донъ-Кихотъ, только немножко покрупнѣе, т. е. подаровитѣе

другихъ. Но и онъ также несостоятеленъ со своими непрошенными проектами соціальныхъ, политическихъ и всяческихъ реформъ. Но, если ему вѣрить, онъ дѣйствительно многое пережилъ, много перестрадалъ—и изъ-за чего? Чтобы убѣдиться, что онъ ничего сдѣлать не можетъ. Да, вѣдь и Донъ-Кихотъ не мало потрудился и натерпѣлся, и при концѣ своей жизни увидѣлъ, что жизнь его истрачена на пустяки. Во всякомъ случаѣ, однако, Кельсіевъ не изъ дюжинныхъ юныхъ преобразователей и благодѣтелей націи и человѣчества, и если обращеніе его искреннее, то онъ человѣкъ мужественный.

— 16. Суббота. Вечеръ у Кельсіева, къ которому мнѣ хочется еще поближе присмотрѣться. Я получилъ очень милое и умное приглашеніе отъ его красавицы жены, которая въ то-же время отличная музыкантша.

— 17. Воскресенье. Сильные толки о дѣйствіяхъ нашихъ въ западныхъ губерніяхъ. Говорятъ, что Потаповъ пріѣхалъ сюда съ проектами о ломкѣ по крестьянскому дѣлу всего, что было сдѣлано Муравьевымъ и Кауфманомъ.

„Правительственный Вѣстникъ" производитъ также не мало толковъ. Говорятъ, тутъ былъ веденъ подкопъ подъ Милютина, военнаго министра.

— 19. Вторникъ. Отдалъ Георгіевскому для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" мою монографію о Галичѣ. Она писалась довольно долго, съ перерывами, и будетъ напечатана не прежде января будущаго года.

— 24. Воскресенье. Боже мой, что за хаосъ толковъ и мнѣній о современныхъ событіяхъ и лицахъ въ нашемъ обществѣ! Нѣтъ рѣшительно возможности составить себѣ сколько-нибудь правильное понятіе ни объ одномъ изъ нихъ. И всякій спѣшитъ увѣрить, что вотъ то-то и то онъ слышалъ изъ вѣрнаго источника и старается слышанному дать такой цвѣтъ и видъ, какой ему хочется, ни мало не думая о томъ, что онъ искажаетъ вещи и дѣлаетъ изъ правды игрушку.

Никакъ не могу отъ самого себя добиться хоть малой доли довольства самимъ собою и болѣе успокоительнаго взгляда на окружающій меня порядокъ вещей и на свою собственную судьбу. А между тѣмъ я такъ долго работалъ надъ этимъ и продолжаю работать.

Самопознаніе, самообладаніе, самоуправленіе — какія трудныя и какія необходимыя задачи для человѣка, стремящагося къ самоусовершенствованію! Но неужели-же это стремленіе должно оставаться безъ всякаго успѣха? Конечно, нѣтъ. Что нибудь да пріобрѣтается въ этомъ исканіи лучшаго самого себя—но все это такъ мало, такъ ничтожно въ сравненіи съ задачами, о которыхъ я сейчасъ говорилъ.

Стоитъ-ли, право, быть человѣкомъ, если дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы чувствовать, волноваться, колебаться, чтобы быть похожимъ на какое-то начатое и неоконченное зданіе, среди наваленныхъ въ кучу матеріаловъ, инструментовъ, лѣсовъ?

Вѣрить-ли въ неоскудѣвающую производительность человѣческой природы?

— 28. Четвергъ. Вечеръ у И. П. Корнилова. Здѣсь собираются лица, ратующія противъ поляковъ. Сегодня было множество ихъ. Тутъ встрѣтилъ я давно невидѣннаго мною Петра Карловича Щебальскаго, пріѣхавшаго изъ Варшавы, чтобы взять на себя изданіе „Русскаго Инвалида“. Бесѣдовалъ долго съ Головацкимъ, пріѣхавшимъ изъ Вильно, чтобы представиться Государю, и проч. и проч.

Кояловичъ послѣ ужина читалъ свой біографическій очеркъ недавно умершаго митрополита Симашко. Написанъ живо, но, мнѣ кажется, нѣсколько дифирамбически.

Самая затруднительная вещь въ нашемъ обществѣ не разнообразіе мнѣній, чему и быть надлежитъ, но невѣрность, противорѣчія въ данныхъ, на которыхъ основываются эти мнѣнія. Нѣтъ никакой возможности имѣть сколько-нибудь точныя свѣдѣнія о событіяхъ, обстоятельствахъ, лицахъ, о которыхъ, однако, всякій составляетъ себѣ мнѣніе и произноситъ его, какъ оракулъ. Вотъ, напримѣръ, говорятъ, что чиновники въ сѣверо-западномъ краѣ, подвергнутые Потаповымъ остракизму, были невыносимо дурны, слѣдовательно, вполнѣ заслужили свою участь и Потаповъ поступилъ хорошо. Другіе считаютъ ихъ чуть не безгрѣшными и, во всякомъ случаѣ, людьми, наиболѣе способными для дѣятельности въ этомъ краѣ. Какъ тутъ добраться до правды?

Въ настоящее время умъ такъ извѣрился, что никто не хо-

четъ ему вѣрить, когда онъ разсуждаетъ или говоритъ отъ собственнаго имени, и единственный способъ обратить на себя вниманіе заключается въ томъ, чтобы представить фактъ или сообщить какое-нибудь свѣдѣніе.

— 29. Пятница. Вечеромъ посѣтилъ меня Головацкій, Яковъ Өедоровичъ.

Декабрь. — 1. Воскресенье. Только тотъ не считаетъ себя умнѣе всѣхъ, кто мудрѣе всѣхъ.

Такъ-ли виноваты въ неразуміи и своекорыстіи наши государственные люди, какъ обвиняетъ ихъ молва? Правильно-ли это и правдиво-ли сложившееся мнѣніе? Достаточно-ли мы имѣемъ свѣдѣній о ходѣ общественныхъ дѣлъ и ихъ причинахъ, чтобы теперь-же произносить рѣшительные приговоры о лицахъ, въ нихъ участвующихъ? Можетъ быть, и Валуевы, и Потаповы и Шуваловы оказались-бы не совсѣмъ такими мелкими людьми, какъ о нихъ говорятъ, если-бы съ точностью узнать обстоятельства, поводы и проч., на основаніи которыхъ они дѣйствуютъ. Бѣда въ томъ, что всѣ мы судимъ по однимъ слухамъ, по даннымъ, которыя провѣрить мы не имѣемъ никакой возможности. Во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ быть умѣреннѣе и сдержаннѣе въ приговорахъ своихъ.

— 2. Понедѣльникъ. Предостереженіе газетѣ Киркора и Юматова „Наше Время“ за статью, въ которой, въ видѣ какой-то заграничной корреспонденціи, описаны всѣ обстоятельства, давшія бытіе „Правительственному Вѣстнику“ и подкопъ подъ военнаго министра и проч. (№№ 210 и 232 газеты).

Редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника“ взялся быть В. В. Григорьевъ, профессоръ восточныхъ языковъ въ здѣшнемъ университетѣ.

— 20. Пятница. Кто ничего не уважаетъ или не находитъ ничего достойнаго уваженія, тотъ самъ не заслуживаетъ ничьего уваженія.

— 22. Воскресенье. Къ N. N. являлись три дамы въ качествѣ представительницъ отъ общества петербургскихъ дамъ съ просьбою о дозволеніи открыть для нихѣ курсы высшихъ наукъ. Подъ просьбою четыреста подписей. N. N. говорятъ, обошелся съ ними грубо и, между прочимъ, сказалъ: „всѣ эти четыреста

дамъ—четыреста барановъ и половина изъ нихъ записаны въ третьемъ отдѣленіи“.

— 27. Пятница. Можно было-бы съ увѣренностью сказать, что съ двумя своими новыми учрежденіями—земствомъ и гласными судами Россіи нечего страшиться въ будущемъ насчетъ своего внутренняго благосостоянія. Поставивъ эти двѣ ноги на желѣзные рельсы, она можетъ двигаться впередъ бодро и спокойно, если только не будутъ ей мѣшать интриги нѣкоихъ господъ, да нигилистическія выходки. Но я боюсь за Россію въ одномъ отношеніи. Есть на ея тѣлѣ одна смердящая, опасная рана въ родѣ злокачественнаго карбункула—это почти повальная деморализація. Массы лишены понятія о честности и долгѣ. Особенно этого рода нравственный недугъ свирѣпствуетъ между людьми, такъ называемыми бывалыми, въ сословіи промышленниковъ. Есть двѣ точки опоры, на которыхъ держится нравственная дѣятельность народа—идея чести и религія. О первой пока нечего у насъ говорить: она можетъ развиться только современемъ, вмѣстѣ съ другими плодами, которые намъ сулитъ эмансипація. Религія... Народъ нашъ не получаетъ религіознаго образованія (1868 г.). Существуетъ еще третья точка опоры, на которой у насъ и держалось все—страхъ, но эта пружина за послѣднее время сильно заржавѣла и ослабѣла; пора замѣнить ее новою, болѣе цѣлесообразною. Надо подумать и, какъ можно скорѣе, позаботиться о нравственно-религіозномъ образованіи народа. Разумѣется, къ этому должно быть призвано духовенство. Но, увы! Духовенство наше само лишено образованія и того духа дѣятельности, которымъ совершаются хорошія, общественныя дѣла (1868 г.). Оно само требуетъ подъема.

У князя П. А. Вяземскаго на большомъ вечерѣ. Я очутился въ блестящемъ собраніи графовъ и князей, графинь, княгинь и княженъ съ непомѣрно-длинными хвостами. Я, по обыкновенію, обмѣнялся нѣсколькими задушевными мыслями и словами съ милою графинею А. Д. Блудовой. Въ одиннадцать часовъ произошло, между прочимъ, чтеніе. Маркевичъ, отличный чтецъ, прочиталъ стихотвореніе князя Петра Андреевича къ Бибикову и замѣчанія его на „Войну и миръ“ графа Толстаго. И то и другое, дѣйствительно, хорошо, и хотя князь читалъ уже мнѣ ихъ

въ рукописи, я всетаки прослушалъ ихъ съ новымъ удовольствіемъ. Возлѣ меня сидѣлъ Сергѣй Николаевичъ Урусовъ и, по обыкновенію, жестами и словами изъявлялъ свой восторгъ, обращаясь ко мнѣ. Этотъ князь Урусовъ весьма замѣчательная личность между нашими сановными и вельможными господами и заслуживаетъ особой характеристики, которую я и помѣщу со временемъ въ моихъ запискахъ.

— 29. Воскресенье. Отчетъ мой въ Академіи читалъ Я. К. Гротъ. Погодинъ вызвалъ громкія рукоплесканія чтеніемъ своимъ „О нашествіи на Россію монголовъ". Къ концу акта пріѣхалъ черногорскій князь Николай I. Я любовался его прекрасною наружностью. Молодость, благородство, привѣтливость сіяютъ на его привлекательномъ лицѣ.

1869 годъ.

Январь.—1. Среда. Канунъ новаго года дома. Зашелъ И. А. Гончаровъ. Съ нимъ и съ семьей и встрѣтилъ новый годъ. Въ природѣ распутно и мокро.

Думаю много о томъ, что̀ слѣдуетъ въ себѣ исправить: подлежащаго такому исправленію много.

Есть книги, содержаніемъ которыхъ убѣждаешься во время самаго чтенія, а потомъ, такъ сказать, очнувшись и обдумавъ его, разочаровываешься и теряешь къ нему довѣріе. Но есть такія книги или сочиненія, идеи которыхъ сперва принимаешь съ недовѣріемъ, а уже послѣ припоминая ихъ, вдумываясь въ нихъ, углубляясь въ нихъ, все больше и больше проникаешься ихъ достоинствомъ и радуешься, что съ ними познакомился.

Роль старшихъ не останавливать порывы и стремленія младшихъ, а пріостанавливать: во-первыхъ для того, чтобы, необузданно стремясь къ лучшему, они не надѣлали худшаго, а во-вторыхъ, потому, что нельзя-же дать міру наклонится на одинъ бокъ, и послѣ извѣстныхъ кризисовъ или волненій надобно подумать и о равновѣсіи. Если міръ обновляется младшими, то старшими онъ живетъ и поддерживается.

— 6. Понедѣльникъ. Студенты опять начинаютъ дурить:

они предъявили свои требованія о дозволеніи имъ сходокъ и проч.

— 13. Понедѣльникъ. Твердость характера есть признакъ здоровой нравственной организаціи и сильной воли; упрямство-же—признакъ ограниченнаго ума.

— 14. Вторникъ. „Военный Сборникъ" 1869 г. январь—„Записки герцога Евгенія Виртембергскаго, 1855 г.". Между многими умными мыслями о Россіи тутъ есть одно замѣчаніе, поразительное по своей вѣрности:

„Нѣтъ болѣе вѣрнаго средства сдѣлать Россію страшнымъ противниковъ, какъ заставить ее, противъ воли, привести въ движеніе всѣ ея дремлющія силы".

— 15. Среда. А. Г. Тройницкій прислалъ мнѣ двѣ внесенныя въ Государственный совѣтъ записки министра народнаго просвѣщенія. Одна заключаетъ въ себѣ проектъ лицея Каткова и Леонтьева, а другая касается измѣненія параграфа университетскаго устава, чтобы избраніе профессоровъ на пятилѣтіе зависѣло не отъ двухъ третей голосовъ, а отъ абсолютнаго большинства. Онъ просилъ меня сдѣлать мои замѣчанія на эти записки. Проектъ лицея удивительно страненъ. Я отмѣтилъ всѣ его несообразности. Что касается измѣненія вышеупомянутаго параграфа университетскаго устава, то о немъ я намѣренъ еще поговорить.

— 16. Четвергъ. Вечеромъ у Тройницкаго. Отдалъ ему мои замѣчанія и сообщилъ мои соображенія, съ которыми онъ безусловно согласился.

— 23. Четвергъ. Сегодня въ половинѣ четвертаго часа пополудни скончался Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. Это меня глубоко огорчило. За исключеніемъ того времени, или, по крайней мѣрѣ, второй половины его, когда онъ стоялъ во главѣ министерства, Авраамъ Сергѣевичъ былъ мнѣ близкимъ человѣкомъ. Мѣсяца два тому назадъ онъ заболѣлъ легкою простудою. Но болѣзнь, повидимому, скоро прошла, и онъ началъ выѣзжать. Въ это время мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили въ Смольный монастырь на праздникъ обновленія церкви. Потомъ онъ опять слегка заболѣлъ. Можетъ быть, и это недомоганіе скоро прошло-бы, еслибъ онъ не ѣздилъ въ Сергіевскій монастырь на могилу своей жены, гдѣ окончательно простудился, и за обѣдомъ у архимандрита

лишнее съѣлъ. На третій день послѣ этого я засталъ его уже въ постели. Это было мое послѣднее свиданіе съ нимъ. Ему съ каждымъ днемъ становилось хуже. Умеръ онъ почти безъ физическихъ страданій, сохранивъ память часовъ за пять до роковаго часа и полное присутствіе духа. Да, я очень огорченъ. Я не хочу въ немъ помнить слабаго, малодушнаго министра и не могу не помянуть добрымъ словомъ хорошихъ, гуманныхъ свойствъ его сердца и дружескаго отношенія лично ко мнѣ. Вѣдь, ничто не возстановляетъ такъ человѣка противъ человѣка, какъ зло, которое онъ ему сдѣлалъ. Забыть это, протянуть обиженному руку, принять его прощеніе, право, требуетъ не мало доли великодушія. Таковъ, по крайней мѣрѣ, общій ходъ вещей на землѣ.

— 25. Суббота. Выносъ тѣла Авраама Сергѣевича: онъ будетъ преданъ могилѣ въ Сергіевскомъ монастырѣ, возлѣ праха его двухъ дѣтей и жены Варвары Егоровны. На панихидѣ были: Государь, Наслѣдникъ, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Константинъ Николаевичъ, принцъ Ольденбургскій и много другихъ почетныхъ лицъ. Изъ академиковъ были только я, Я. К. Гротъ, А. Ѳ. Бычковъ и Н. И. Кокшаровъ. Мнѣ очень хотѣлось-бы завтра поѣхать къ Сергію на самое погребеніе, но докторъ не пускаетъ изъ-за моего катарра. За меня и за себя поѣдетъ жена отдать этотъ послѣдній долгъ бѣдному Аврааму Сергѣевичу.

Я отправилъ нѣсколько словъ къ Краевскому о Норовѣ для напечатанія въ „Голосѣ“.

— 26. Воскресенье. Избѣжимъ-ли мы войны и на этотъ разъ? Греція отказывается послѣдовать рѣшенію Парижской конференціи. Можемъ-ли мы не поддерживать Грецію въ случаѣ войны ея съ Турціею? Если это случится, то неизбѣжна всеобщая европейская война. Между тѣмъ, мы, говорятъ, къ войнѣ не готовы: у насъ даже нѣтъ ружей новой системы. Чего-же смотрѣло военное министерство? Желѣзныя дороги тоже недостроены. А финансы наши? Вся надежда на народный духъ и на испытанную стойкость нашихъ солдатъ. Впрочемъ, Россія видала и не такія бѣды. Вѣдь и борьба съ Наполеономъ I въ царствованіе Александра I застала насъ не въ лучшемъ положеніи.

Странныя происходятъ во мнѣ психологическія явленія. То

въ чувствѣ высшаго міросозерцанія и сознанія своей нравственной силы, я устанавливаюсь на твердыхъ точкахъ опоры и готовъ смотрѣть въ лицо всякимъ превратностямъ вещей внѣшнихъ и внутреннихъ. То опять, срываясь съ этихъ основъ, упадаю духомъ и дѣлаюсь игралищемъ самыхъ постыдныхъ колебаній, просто становлюсь малодушнымъ и робкимъ. И эти переходы отъ одного состоянія къ другому безпрерывны: подъемъ на гору и низверженіе внизъ, чтобы подняться снова на гору и снова съ нея свалиться.

— 29. Среда. Во вчерашнемъ номерѣ „Голоса" напечатана моя статейка объ А. С. Норовѣ.

— 31. Пятница. Министръ внутреннихъ дѣлъ далъ третье предостереженіе газетѣ „Москва", слѣдствіемъ чего, по закону, должно-бы быть пріостановленіе ея на шесть мѣсяцевъ. Но дѣлая объ этомъ представленіе Сенату, министръ обвинилъ Аксакова въ противозаконномъ и вредномъ направленіи его изданія, послѣ чего Сенату предстояло уже формально осудить редактора, запретивъ ему всякое изданіе на пять лѣтъ или выразить мысль, что такого направленія въ газетѣ онъ не видитъ. Аксаковъ представилъ въ Сенатъ (1-й департаментъ) свое оправданіе. Сенатъ его принялъ, и отсюда начинается уже родъ тяжбы между министромъ и редакторомъ газеты. Это производитъ большой шумъ въ публикѣ. Сегодня мнѣ говорили, что за разногласіемъ въ 1-мъ департаментѣ дѣло переходитъ въ общее собраніе Сената. Часъ отъ часу не легче.

Февраль. — 1. Суббота. Правду сказать, русская исторія представляетъ мало свѣтлыхъ сторонъ, и Карамзинъ, со всѣмъ своимъ талантомъ, могъ сдѣлать всего занимательнѣе въ своемъ родѣ картину времени Іоанна Грознаго. Я теперь занимаюсь чтеніемъ разныхъ монографій временъ послѣ Петровскихъ. Что за ужасная картина деспотическаго произвола, казней, олигархическихъ козней и интригъ, кнутобитія, застѣнковъ и т. п. Отдыхаешь только на эпохѣ Екатерины II.... Вѣкъ Александра I является въ трагической борьбѣ за существованіе съ Наполеономъ и представляетъ нѣсколько утѣшительныхъ страницъ, но и тутъ кончилось Аракчеевщиной и генералъ-губернаторствомъ Балашова. Но кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Мы находимся въ періодѣ очищенія отъ всякія скверны и въ

началѣ шествія нашего къ лучшему будущему. Можно-ли удивляться, однако, разнымъ нашимъ нынѣшнимъ неурядицамъ, деморализаціи и проч. Чудовище прежняго мрака и безобразія, кажется, убито навсегда, но хвостъ его еще тянется. Ужасно трудно поправляются ошибки исторіи.

— 5. Среда. Умъ можетъ умствовать, какъ хочетъ, но сердце человѣческое не можетъ вынести ужасной мысли, чтобы вселенная могла пребывать безъ Высочайшаго Существа, живого и безконечно разумнаго.

— 7. Пятница. Празднованіе пятидесятилѣтія с.-петербургскаго университета. Это еще только первый день. Сегодня панихида по Государямъ Александрѣ I и Николаѣ I и по умершимъ профессорамъ, обѣдня въ университетской церкви и молебенъ, который служилъ митрополитъ кіевскій.

— 8. Суббота. Актъ въ залѣ Дворянскаго собранія. Великолѣпное торжество совершилось въ полномъ порядкѣ. Наканунѣ боялись, мнѣ говорилъ товарищъ министра, что студенты сдѣлаютъ какую-нибудь демонстрацію. Однако, все обошлось какъ нельзя лучше, и всякій разъ, когда съ каѳедры раздавалось имя Государя, зала оглашалась громкими рукоплесканіями и криками ура. По прочтеніи рескрипта загремѣлъ народный гимнъ: два раза потребовали его повторенія. Была объявлена самая важная изъ щедротъ Государя: сто стипендій, по триста рублей каждая. Наградъ на профессоровъ было высыпано многое множество—чиновъ, орденовъ и проч.

Послѣ акта долженъ былъ послѣдовать студенческій обѣдъ. Мнѣ очень не хотѣлось ѣхать. Однако, я пересилилъ себя и уже одѣлся, но вдругъ почувствовалъ себя дурно и остался дома. Видно рѣшимость моя была недолжная. Но отчего такое сильное нежеланіе ѣхать? Право, я и самъ не знаю хорошенько. Главное, мнѣ кажется, что я на этихъ многолюдныхъ и шумныхъ собраніяхъ лишній. Мнѣ говорили, что меня жаждутъ видѣть въ кругу своемъ мои бывшіе университетскіе слушатели. Но въ моемъ сегодняшнемъ настроеніи духа мнѣ это кажется скорѣй любезными словами, чѣмъ настоящимъ добрымъ желаніемъ. Кто изъ нихъ чувствуетъ, кто изъ нихъ понимаетъ какъ я старался, какъ я хотѣлъ быть имъ полезнымъ? Да и точно-ли былъ я полезенъ кому-нибудь?

Мнѣ хотѣлось разослать профессорамъ къ восьмому числу мою книжонку о Галичѣ. Но типографія Головина такъ поздно доставила мнѣ экземпляры, что только немногіе изъ профессоровъ получили книжку во-время.

Ректоръ предлагалъ мнѣ участвовать въ завтрашнемъ обѣдѣ, который даютъ профессора. Я отказался: нездоровъ тѣломъ и духомъ.

Но такъ какъ и на солнцѣ бываютъ пятна, то и въ юбилейномъ университетскомъ торжествѣ были свои темныя стороны. Такъ, напримѣръ, записка о дѣятельности университета заключала въ себѣ такія восхваленія ему, что они и въ устахъ стороннихъ показались-бы грубою лестью, а въ собственныхъ его устахъ оказывались, по меньшей мѣрѣ, нескромными и неумѣстными. И безъ того уже адресы накадили столько ѳиміаму, что становилось душно отъ него: но тутъ, по крайней мѣрѣ, говорили другіе, а не самъ университетъ о себѣ......

Но это не все. Университетъ въ рѣчи, сочиненной В. В. Григорьевымъ и прочитанной Андреевскимъ, восхваляя вышемѣры самого себя, въ то-же время бросилъ камень во всѣ другія спеціальныя учрежденія, представители которыхъ сидѣли тутъ-же и только что поднесли свои поздравительные адресы. Въ рѣчи была выражена та мысль, что спеціальныя учрежденія не имѣютъ никакого важнаго значенія и не приносятъ государству пользы, а приносятъ ее только университеты.

А нѣкоторые находятъ еще непристойность въ томъ, что въ одно и то-же время были провозглашены почетными членами университета: московскій митрополитъ Иннокентій и профессоръ Медицинской академіи Сѣченовъ, представитель религіи и церкви и извѣстный матеріалистъ!

— 15. Суббота. Большой вечеръ у князя П. А. Вяземскаго. Тутъ была читана драма князя Мещерскаго, слабое и скучное произведеніе, всѣмъ надоѣвшее своею длиннотою. Въ ней обвинялись журналы наши во всевозможныхъ гадостяхъ и даже злодѣйствахъ, имъ приписаны даже петербургскіе пожары 1862-го года. Я возвратился домой въ два часа ночи усталый и недовольный.

На вечерѣ я, между прочимъ, познакомился съ адмираломъ **. Надъ нимъ былъ нарядженъ судъ, по случаю крушенія фрегата „Александръ Невскій“, на которомъ плылъ великій

князь Алексѣй Александровичъ. Вчера состоялся приговоръ: ** строгій выговоръ, капитану корабля арестъ на мѣсяцъ.

— 18. Вторникъ. Массамъ принадлежитъ сила производительная, но организующей и устрояющей силы у нихъ нѣтъ. По справедливости, первую изъ этихъ силъ можно назвать брюхомъ, а вторую—головою.

Въ сѣверной Америкѣ всеобщее равенство, всеобщая свобода; но законодательствуютъ, управляютъ и руководятъ всѣмъ лучшіе, т. е. люди, надѣленные высшими способностями и умѣвшіе развить ихъ, поставить на высоту общихъ возвышенныхъ видовъ и задачъ. Дровосѣкъ Линкольнъ, портной Джонсонъ, наборщикъ Франклинъ вышли изъ народа и на этомъ только основаніи принадлежали къ массѣ, по дарованіямъ же своимъ и развитію они стояли неизмѣримо выше ея. Дѣло въ томъ, что тамъ, т. е. въ Америкѣ, всякому открыты пути быть и дѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ.

— 20. Четвергъ. Обѣдъ у Д*. Продолжительный разговоръ съ министромъ. Тутъ были ректоръ нашего университета, попечитель харьковскаго округа, графъ Сиверсъ и проч.

— 21. Пятница. Излишнія любезности и милости похожи на паръ жарко натопленной бани, который уже не грѣетъ, а разслабляетъ.

— 25. Вторникъ. Внизу пьянство и грубое невѣжество, въ срединѣ неурядица и броженіе умовъ, въ верхнемъ слоѣ отсутствіе способностей, патріотизма и характеровъ. Право, иногда готовъ отчаяться въ будущности Россіи — но не отчаеваешься.

Дочь покойнаго Греча, Александра Николаевна, приходила благодарить меня за мое содѣйствіе тому, чтобы ей дарована была пенсія въ 400 рублей, въ уваженіе ученыхъ и литературныхъ заслугъ ея отца. Содѣйствіе мое заключалось въ томъ, что я составилъ о ней записку, которая имѣла успѣхъ,. чему, какъ кажется, помогъ и мой біографическій очеркъ о Гречѣ, напечатанный въ академическомъ отчетѣ. Вотъ и все мое содѣйствіе. Но она благодарила меня такъ, какъ будто я былъ главный виновникъ оказанной ей милости. Вотъ ужъ плата, никоимъ образомъ не соотвѣтствующая цѣнности самой вещи.

Мартъ. — 7. Пятница. Посредствомъ популяризаціи нѣкоторыхъ высшихъ вопросовъ человѣчества жизни и науки, многіе

получаютъ несовершенныя о нихъ понятія. Это-бы еще не бѣда, но бѣда въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ они усваиваютъ себѣ и высокомѣрное мнѣніе, будто они знаютъ вполнѣ то, что знаютъ мало, поверхностно или чуть-чуть знаютъ. Вслѣдствіе этого они и требуютъ себѣ такихъ преимуществъ, какія или вовсе не принадлежатъ человѣку, или принадлежатъ ему только на высшихъ ступеняхъ нравственнаго и умственнаго развитія.

— 16. Воскресенье. Парадный обѣдъ въ Римско-Католической академіи. Обыкновенное изъявленіе чувствъ уваженія, любви и прочихъ принадлежностей католическо-польскаго обихода. Впрочемъ, здѣсь я имѣю слабость вѣрить искренности этихъ изъявленій.

Еще одно происшествіе не успѣло даже объясниться (кронштадтская драка солдатъ), какъ на сцену является другое: Медико-хирургическая академія закрыта. Разумѣется, толкамъ нѣтъ конца, но никто ничего не знаетъ вѣрнаго о причинахъ и обстоятельствахъ этого печальнаго событія.

— 18. Вторникъ. Герцогъ Лейхтенбергскій, Николай Максиміліановичъ, давалъ сегодня обѣдъ академикамъ, по случаю избранія его въ почетные члены ея, съ правомъ голоса въ собраніяхъ. Герцогъ угостилъ насъ на славу: кушанья, вина, сервировка—все было царское. Но всего лучше были привѣтливость, добродушіе и простота самого хозяина. Этикетъ здѣсь вполнѣ отсутствовалъ, и была простая, общечеловѣческая любезность и радушіе. Вечеръ закончился жженкою. Герцогъ съ каждымъ находилъ о чемъ побесѣдовать. Со мною онъ распространился о Малороссіи, говорилъ, что очень ее любитъ за природу и за людей, съ которыми успѣлъ лично и хорошо познакомиться.

— 19. Среда. О происшествіи въ Медицинской академіи все еще ничего достовѣрнаго. Впрочемъ, говорятъ, что здѣсь нѣтъ ничего политическаго. Давай Богъ! Однако, Арановичъ уволенъ, а на мѣсто его опредѣленъ Козловъ.

Мимо окошекъ поутру промчались два отряда жандармовъ, говорятъ, для усмиренія Технологическаго института.

— 20. Четвергъ. Да, въ Технологическомъ институтѣ вчера, дѣйствительно, произошли безпорядки, для усмиренія которыхъ потребовалось содѣйствіе жандармовъ.

Въ „Голосѣ“ напечатано извѣстіе, что и въ Московской Петровской академіи прекращены лекціи.

У самаго безумнаго дѣла, у преступленія, есть своя логика, способная обольстить или увѣрить слабодушныхъ и слабоумныхъ.

Надо различать въ консервативномъ началѣ двѣ силы. Одна изъ нихъ вредная, задерживающая, обращающая ходъ вещей вспять, противящаяся всякому движенію впередъ, всякому успѣху. Другая, воздерживающая или сдерживающая движеніе искусственное, возбуждаемое страстями, стремящееся сломя голову къ какому-то неопредѣленному, мечтательному, утопическому совершенству.

— 21. Пятница. Вотъ и въ университетѣ поднялось наше благовоспитанное юношество. У меня былъ профессоръ Благовѣщенскій и разсказалъ мнѣ печальныя вещи. Студенты грубо приступили къ ректору и къ нѣсколькимъ находившимся въ университетѣ профессорамъ, въ числѣ коихъ былъ и Благовѣщенскій, съ требованіемъ дозволить имъ сходки въ стѣнахъ университета. Никакія увѣщанія и объясненія не помогли. Шумъ, крикъ раздавались въ стѣнахъ мирнаго убѣжища науки. Наконецъ, надо было обратиться къ полиціи. Когда пріѣхалъ Треповъ, шумъ нѣсколько уже поутихъ.

— Что вы, господа, тутъ затѣваете? спросилъ у толпы оберъ-полицеймейстеръ.

— Ничего! Вотъ мы беремъ здѣсь наши шинели, чтобы разойтись.

Происходили, напримѣръ, такія сцены: профессоръ читаетъ лекцію, вдругъ поднимаются нѣсколько студентовъ и требуютъ прекращенія лекціи, потому что имъ теперь некогда слушать ее: они должны отправиться на сходку. Но когда профессоръ не послушался ихъ и продолжалъ свое дѣло, буяны вышли, стали стучаться снаружи въ двери аудиторіи, а потомъ, пріотворивъ ихъ, обратились съ криками къ тѣмъ студентамъ, которые еще оставались въ ней.

Глупѣе всего—это печатныя прокламаціи, которыя студенты разбрасывали по городу и разсылали по нѣкоторымъ редакціямъ газетъ. „Вѣсть“ напечатала такую прокламацію, разумѣется, съ надлежащими коментаріями не въ похвалу сочинителей ея. Сту-

денты обращаются къ обществу, чтобы оно поддержало ихъ требованія, т. е. чтобы имъ дозволены были сходки для совѣщаній, будто-бы, объ „ихъ дѣлахъ“ и чтобы ихъ освободили отъ полицейской опеки, которую они считаютъ для себя позорною.

— 23. Воскресенье. Академики сегодня давали обѣдъ герцогу Лейхтенбергскому въ отелѣ Донона. Обѣдъ оживленный и веселый. Герцогъ былъ въ высшей степени любезенъ. Меня заставили провозгласить тостъ, но я былъ не въ ударѣ и исполнилъ это плохо.

Человѣкъ, поощряемый наукою, особенно химіею, въ бѣшеной погонѣ своей за наслажденіями, такъ называемымъ комфортомъ, не замѣчаетъ, какъ онъ натыкается на множество такихъ невзгодъ и страданій, о какихъ прежде люди не имѣли понятія. Я увѣренъ, что множество новыхъ болѣзней нервныхъ, мозговыхъ и т. д., или усложненія старыхъ произошли отъ разныхъ усовершенствованій матеріальнаго быта.

Апрѣль.—11. Пятница. Либералы враждуютъ противъ абсолютизма властей... Но зачѣмъ-же они ограничиваются ненавистью къ одному только этому абсолютизму, а не распространяютъ ее и на абсолютизмъ собственныхъ мнѣній или той школы, къ которой принадлежатъ они сами?

— 13. Воскресенье. Дѣло Аксакова въ Государственномъ совѣтѣ кончено. Опредѣлено: воспретить ему изданіе „Москвы“. Два члена подали голосъ противъ этого опредѣленія—Владиміръ Павловичъ Титовъ и Александръ Максимовичъ Княжевичъ. Они видятъ въ газетѣ только неловкость, рѣзкость сужденія, но не признаютъ вреднымъ ея направленія—за что газета только и можетъ подлежать запрещенію.

Погодинъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ обоихъ Аксаковыхъ, умершаго и нынѣ живущаго: оба лѣзутъ на ножъ, но одинъ какъ слѣпой, а другой, издатель „Москвы“, съ открытыми глазами бросается на него.

Май.—1. Четвергъ. Вотъ уже шесть дней продолжается небывало прекрасная лѣтняя погода. Три дня уже 20 градусовъ въ тѣни. Нынѣшній день такой-же.

— 3. Суббота. Вечеръ у Кельсіева. Жена его устроила у себя музыкальный вечеръ. Сама она играла на фортепіано, и играла превосходно, да еще два юноши, одинъ на

віолончели, а другой на скрипкѣ, и тоже хорошо. Самъ Кельсіевъ отправляется въ Америку искать хлѣба. Тамъ онъ намѣренъ читать лекціи о Россіи. Положеніе его здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, становится невозможнымъ... Онъ хотѣлъ издавать газету,—ему это не позволили. Тутъ, положимъ, есть основательныя причины. Но были ваканціи по службѣ, которыя онъ могъ-бы занять съ пользою для себя и для дѣла—ему отказано во всѣхъ мѣстахъ.

Майковъ разсказывалъ свой планъ поэмы изъ русской исторіи или, лучше сказать, русской исторіи въ стихахъ, проведенной по значительнѣйшимъ ея эпохамъ. Поэма эта предназначается для народнаго чтенія. Планъ хорошъ.

Таково печальное ничтожество человѣческое, что лишь только начнемъ мы тщеславиться или возноситься умомъ своимъ, такъ тотчасъ и попадемъ въ дураки и начнемъ дѣлать глупости; лишь только возгордимся своимъ благосостояніемъ, богатствомъ, чинами, удачами въ предпріятіяхъ, вообще успѣхами, сейчасъ съ нами приключится что-нибудь отмѣнно дурное.

— 8. Четвергъ. Вчера былъ на международной цвѣточной выставкѣ. Великолѣпное собраніе цвѣтовъ. Но все это невольники, выросшіе въ тепличныхъ тюрьмахъ.

Власть ума есть самая законная изъ всѣхъ властей. Если это деспотизмъ, такъ пусть его будетъ: онъ всетаки лучше дезпотизма массъ или партій.

То, что можетъ произойти хорошаго отъ всѣхъ этихъ теорій, утопій, проповѣдуемыхъ этими строителями и перестроителями человѣческихъ обществъ, очень сомнительно, и во всякомъ случаѣ, принадлежитъ отдаленному будущему, а зло, ими порождаемое, дѣлается теперь-же, каждый день. Мудрено-ли, что такъ называемые консерваторы и разумные либералы относятся ко всему этому критически, осторожно. И какое вы имѣете право жертвовать настоящими поколѣніями въ видахъ сомнительнаго блага будущихъ поколѣній?

— 15. Четвергъ. Переѣздъ на дачу въ Павловскъ. Вотъ уже шестой годъ живемъ мы на одной и той-же дачѣ генерала Мердера. И нынѣ, несмотря на возвышеніе цѣнъ на дачи въ Павловскѣ, я плачу то-же, что и въ прежніе годы. А цѣны возвысились, по причинѣ нашего глупаго пристрастія ко всему

иностранному, потому что музыкою будетъ дирижировать великій Штраусъ! Дирекція желѣзной дороги, говорятъ, заплатила ему за сезонъ страшныя деньги и чуть не на колѣняхъ просила его осчастливить насъ своимъ присутствіемъ.

— 19. Понедѣльникъ. Надъ людьми должны господствовать законъ и страхъ, охраняющій законъ. Всѣ должны, хоть немного, чего-нибудь бояться: правители—революцій, вельможи—немилостей, чиновникъ—своего начальства, богатый—воровъ, бѣдные—богатыхъ, злоумышленники—судовъ и проч. Многіе еще боятся чорта, и, наконецъ, всякій человѣкъ боится Бога и смерти. Только подъ вліяніемъ и прикрытіемъ страха спасается небольшое количество человѣческихъ добродѣтелей, и люди не погружаются совсѣмъ съ головою въ омутъ безнравственности.

Сердце мое преисполнено любви къ людямъ, но мой разсудокъ внушаетъ мнѣ къ нимъ часто презрѣніе, а всегда сожалѣніе.

А отечество? Я люблю его, и какъ горячо люблю, хотя разсудокъ мой изобличаетъ въ немъ, съ одной стороны, глубокое варварство, а съ другой, пожалуй, цивилизацію, но какую шаткую, фальшивую, чисто показную!

На дняхъ судъ оправдалъ какого-то Павленкова по дѣламъ печати и, говорятъ, совершенно согласно съ законами; его выслали изъ С.-Петербурга административнымъ порядкомъ....

Самое трудное, но и самое существенное дѣло въ анализѣ нашихъ духовныхъ явленій это отдѣлить въ нихъ первоначальные естественные элементы отъ наносныхъ, пришлыхъ, встрѣчныхъ, такъ сказать, рождающихся отъ разныхъ вліяній времени и обстоятельствъ.

— 23. Пятница. Всякій вѣкъ разрабатываетъ извѣстную идею, наслѣдованную имъ отъ прежняго или историческаго хода событій. Но всякая такая идея состоитъ изъ двухъ элементовъ: одинъ есть не иное что, какъ сознаваемая или чувствуемая истина жизни, влекущая къ себѣ людей силою существенныхъ потребностей настоящаго; другой—присущее всякой идеѣ начало безконечнаго. Содѣйствовать развитію перваго элемента—долгъ всякаго разумнаго дѣятеля, и въ этомъ заключается настоящій разумный прогрессъ. Второй остается на долю тѣмъ псевдогеніямъ, реформаторамъ и радикаламъ, которые рвутся изъ всѣхъ силъ вести человѣчество къ благамъ и совершенству невѣдомаго

будущаго и тонутъ во всевозможныхъ абстрактахъ и утопіяхъ. Почему не дозволить имъ и этого? Пусть только они не выдаютъ своихъ метафизическихъ грезъ за дѣло и не обольщаютъ ими невѣжественныя головы, не заставляютъ ихъ ловить воздухъ и заниматься игрою въ агитаціи.

Мы вмѣняемъ себѣ въ достоинство и собственное непризнаніе своего достоинства.

Право-жъ, мы должны считать себя счастливыми и благодарить Бога за то, что живемъ въ такое богатое умами время: въ наши дни нѣтъ юноши, который не считалъ-бы себя способнымъ управлять вселенною.

Іюнь.—8. Воскресенье. В. А. Б—вотъ образчикъ женщины, получившей поверхностное образованіе безъ опредѣленнаго назначенія, съ однимъ стремленіемъ къ чему-то высшему, далекому, все и ничего не объемлющей женщины, имя которой легіонъ. Я провелъ съ нею часа полтора. Она утомила меня безконечными жалобами на жизнь. Она въ отчаяніи, что умъ ея не можетъ разрѣшить вопросовъ, которые толпою лѣзутъ ей въ голову; она по ея словамъ, не испытала въ жизни ничего, кромѣ страданія отъ неудовлетворенныхъ желаній. Она спрашивала у меня совѣта, чтò ей дѣлать съ ея страшнымъ душевнымъ недугомъ. Я присовѣтывалъ ей принять нѣкоторую дозу вѣрованій и, въ погонѣ за своими мечтами, не уклоняться отъ исполненія ближайшихъ обязанностей. Кончено, она этому не послѣдуетъ, потому что вѣрованія не растутъ, какъ грибы отъ одного теплаго дождя: они требуютъ продолжительнаго ухода и зрѣлости; а исполненіе обязанностей не можетъ обойтись безъ усилій воли, отъ которыхъ умъ ея, носясь въ безпредѣльныхъ пространствахъ, совершенно отвыкъ.

— 10. Вторникъ. На западѣ люди еще вѣрятъ во что-нибудь, они вѣрятъ въ деньги или капиталъ, въ трудъ, комфортъ, нѣкоторые сильно вѣрятъ въ науку. Мы ни во что не вѣримъ серьезно. У насъ все какъ-то и мыслится и дѣлаетси шутя, съ какимъ-то юморомъ и ироніею.

Во мнѣ происходитъ сильное колебаніе. Появилась у меня мысль съѣздить на свою родину, поклониться могилѣ моей матери, память которой я чту высоко, свидѣться съ послѣдними оставшимися у меня родными, которыхъ не видалъ лѣтъ двад-

цать пять и пошататься по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прошло мое дѣтство и первые годы моей юности. Соблазнъ къ этому великъ: желѣзная дорога до самаго Воронежа, а тамъ всего сто верстъ до Острогожска. Но желаніе это сильно оспаривается экономическими соображеніями. Вѣдь, собственно говоря, къ поѣздкѣ меня ничто не обязываетъ, ни долгъ, ни польза какая-нибудь, хотя Бессеръ (докторъ) сильно напираетъ на послѣднюю; это просто „сентиментальное путешествіе" à la Іорикъ, или, говоря нѣсколько поэтичнѣе, потребность сердца. Но сердце сердцемъ, а не надо упускать изъ виду и другихъ прочихъ соображеній. Все это приводитъ мою голову и сердце въ сильное броженіе.

Я часто поступаю съ собою словно католическій фанатикъ: бичуя себя немилосердно изъ уваженія къ какой-то истинѣ, которая является мнѣ въ туманѣ, въ какомъ-то сѣромъ и непривлекательномъ видѣ. Право, слѣдовало-бы меньше умствовать и больше жить. Вѣдь часто наши умствованія бываютъ похожи на умничанье. Боясь быть обманутымъ иллюзіями, попадаешь въ когти такого скептицизма, въ которомъ ни истины, ни радости.

— 11. Среда. Кому неизвѣстно, что мы лишены духа ассоціаціи, что лишь только сойдется насъ трое или четверо, чтобы предпринять какое-нибудь общее дѣло, общими силами, тотчасъ является духъ раздора, то въ формѣ сребролюбія, то тщеславія и самолюбія, и говорятъ: „вотъ и я среди васъ".

Каждому дню довлѣетъ злоба его: мы какъ нельзя больше придерживаемся этого правила. Одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ нашихъ—именно прилѣпленность къ настоящему. Насладимся, напьемся сегодня, какъ свиньи до упаду, а завтра хоть трава не рости. Дайте мнѣ сегодня сбыть мой гнилой товаръ и получить рубль на рубль барыша, нѣтъ нужды, что завтра во мнѣ увидятъ плута и мошенника и будутъ уже избѣгать моей лавки, да сегодня-то я поживился.

Есть два рода презрѣнія: одно соединено съ негодованіемъ и отвращеніемъ, это такъ сказать, дѣятельное, положительное презрѣніе. Другое соединено съ сожалѣніемъ и болѣе отрицательнаго свойства. Оно скорѣе невниманіе, чѣмъ что-нибудь другое.

Обыкновенно, мы чѣмъ бываемъ сильны, тѣмъ и грѣшимъ.

Сила наклонна къ крайностямъ, а крайности сходятся съ злоупотребленіемъ, или, лучше сказать, онѣ-то и есть злоупотребленіе.

— 12. Четвергъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ характеристика Россіи: массы народныя — это полудикость; интеллигенція—это полуобразованность. Противъ первой надо вооружиться элементарными школами, противъ второй — строгою университетскою наукою.

— 15. Воскресенье. Деньги — вотъ гдѣ, между прочимъ, одно изъ началъ общественнаго разврата, отсутствіе духа чести и проч.

— 18. Среда. Тамъ, гдѣ человѣкъ не заслуживаетъ презрѣнія, онъ возбуждаетъ сожалѣніе.

Въ Варшавѣ открывается университетъ. Многіе этимъ недовольны, боясь, чтобы университетъ въ Польшѣ не сдѣлался очагомъ самыхъ зловредныхъ замысловъ противъ Россіи. Я полагаю, что это преувеличено.

Говорятъ, что преподаватели въ этомъ университетѣ будутъ все русскіе. Да гдѣ ихъ возьмутъ, когда въ нашихъ собственныхъ университетахъ остается столько незанятыхъ каѳедръ по недостатку людей. Опредѣлить-же въ новый университетъ кого попало значило-бы сдѣлать себя всеобщимъ посмѣшищемъ. По мнѣ, пусть открываютъ университетъ, но прежде позаботятся о средствахъ устроить хорошій университетъ. Но мы всегда были богаты заднимъ умомъ.

— 19. Четвергъ. Бывали, конечно, и со мною припадки глупѣйшаго изъ тщеславій: желаніе шума, народной молвы, рукоплесканій, но я старался тотчасъ подавить въ себѣ эти влеченія слабой натуры и теперь совершенно окрѣпъ въ своемъ равнодушіи ко всѣмъ подобнымъ проявленіямъ популярности. Это не то, чтобы я сдѣлался нечувствительнымъ, къ одобренію общественнаго мнѣнія, какъ-бы оно ни было у насъ шатко, но раздаваемые имъ, такъ сказать, знаки отличія меня рѣшительно не прельщаютъ. И это опять не потому, чтобы я въ принципѣ ихъ не цѣнилъ, но потому что раздача эта сдѣлалась у насъ похожею на раздачу орденовъ и чиновъ, которые какъ дождь сыплются на всѣхъ безъ разбора, на достойныхъ и недостойныхъ. Всѣ эти торжественныя манифестаціи и оваціи съ разными спичами, восхва-

леніями, пожеланіями часто подгулявшихъ пріятелей и т. п. до крайности опошлились, и сдѣлаться предметомъ ихъ—вовсе не значитъ быть признаннымъ въ своихъ заслугахъ, а только быть поводомъ къ болѣе или менѣе шумному препровожденію времени, а чаще всего—къ насыщенію тщеславія ихъ изобрѣтателей и участниковъ.

— 24. **Вторникъ.** Отправляюсь въ путь въ два часа съ почтовымъ поѣздомъ въ Москву.

Іюль.—21. **Понедѣльникъ.** Возвратился въ Петербургъ [1]).

---

[1]) По краткости замѣтокъ, занесенныхъ авторомъ въ „Дневникъ" во время его настоящаго путешествія, мы считаемъ лишнимъ ихъ здѣсь приводить. Поѣздка его продолжалась около мѣсяца, но въ теченіе ея онъ такъ мало принадлежалъ самому себѣ, что у него не хватало времени для болѣе обстоятельнаго изложенія фактовъ и впечатлѣній. Упомянемъ только, что посѣщеніе родины, котораго онъ такъ страстно желалъ, на мгновеніе какъ бы спрыснуло его живой водой. Воспоминанія былаго, ласки родныхъ, уваженіе, съ какимъ его встрѣтили мѣстные обыватели — все это въ немъ нѣсколько подняло духъ, сильно угнетенный бременемъ всего пережитаго и физическимъ недомоганіемъ, которое уже нѣсколько лѣтъ его не покидало.

Скоро послѣ того, какъ „Дневникъ" за 1869 г. и вышеприведенное здѣсь наше примѣчаніе о краткости замѣтокъ автора, относящихся ко времени посѣщенія имъ родины, были напечатаны въ „Русской Старинѣ", мы получили письмо отъ проживавшаго тогда въ Воронежѣ Дмитрія Павловича **Яковлева**, съ нѣкоторыми подробностями о пребываніи Александра Васильевича въ этомъ городѣ. Принося благодарность г. Яковлеву за его сочувствіе къ дорогой намъ памяти, мы позволяемъ себѣ сдѣлать небольшую выписку изъ его письма.

„Александръ Васильевичъ пріѣхалъ въ Воронежъ въ іюлѣ 1869 года, по желѣзной дорогѣ, которая незадолго передъ тѣмъ была выстроена. До тѣхъ поръ я лично не зналъ его. Случай познакомиться съ нимъ мнѣ доставилъ Александръ Ѳедоровичъ **Раевъ**, служившій управляющимъ Казенною Палатою въ Воронежѣ. Бывшій студентъ Спб. университета и слушатель Александра Васильевича, г. Раевъ весьма чтилъ его, но, по случаю своего отъѣзда изъ Воронежа, не могъ самъ встрѣтить дорогого гостя и поручилъ мнѣ замѣнить себя. . . . . . .

„Я нашелъ въ Александрѣ Васильевичѣ чудного человѣка: глубокій умъ, какое то дѣтское добродушіе и привѣтливость меня очаровали съ первой встрѣчи и вызвали во мнѣ сыновнюю къ нему преданность. Я старался отстранить отъ него всѣ заботы, связанныя съ пріѣздомъ, хотя и въ родной, но неузнаваемый для него городъ... Отдохнувъ отъ дороги, онъ

Августъ. — 14. Четвергъ. Они хотятъ устроить такъ бытъ человѣческій, чтобы въ немъ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни умныхъ, ни глупыхъ, ни даровитыхъ, ни посредственностей, т. е. они хотятъ уничтожить всѣ различія, которыя даетъ жизнь, всякое движеніе, все то, изъ чего состоитъ исторія. Это выходитъ соціальный нигилизмъ, почище нигилизма нашихъ бѣдныхъ студентовъ.

Впрочемъ, и всѣ эти затѣи что-же такое, какъ не то-же вѣчное движеніе, которымъ живетъ человѣчество? Дѣло не въ томъ, чтобы исполнилось по всѣмъ этимъ ученіямъ, а въ томъ, чтобы эти ученія существовали, какъ одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ вырабатывается истина.

Всякая такъ называемая культура имѣетъ право на вниманіе, если она образовалась исторически.

— 15. Пятница. Вечеромъ, возвратясь съ прогулки, я совершенно неожиданно засталъ у себя Михаила Владиміровича Юзефовича, пріѣхавшаго изъ Кіева. Это одинъ изъ самыхъ раннихъ моихъ друзей—другъ юности, съ которымъ я въ первый разъ встрѣтился въ Ельцѣ, гдѣ я жилъ у дяди его, дивизіоннаго гене-

---

просилъ меня показать ему городъ. Разумѣется, прежде всего мы поѣхали въ Митрофаніевскій монастырь, гдѣ, приложившись къ мощамъ угодника, онъ долго съ большимъ вниманіемъ все осматривалъ и любовался храмомъ. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе осмотрѣть самый городъ, его памятники и сады, но болѣе всего, какъ я замѣтилъ, онъ почему-то стремился видѣть городское народное училище. Онъ любовался памятникомъ Петра Великаго, долго мы гуляли въ тѣнистомъ городскомъ саду, который, какъ замѣтилъ Александръ Васильевичъ, въ его время былъ лишь молодою порослью. Все занимало и интересовало его въ высшей степени. Онъ много разъ повторялъ, какъ все это дорого и близко его сердцу, и прибавилъ, что въ виду его лѣтъ, онъ вѣроятно все это видитъ въ послѣдній разъ. Когда мы подъѣхали къ городскому народному училищу, онъ вышелъ изъ экипажа, какъ будто желая войти въ училище, но остановился и глубоко задумался. То было время каникулъ, и классовъ не было. Но я предложилъ Александру Васильевичу вызвать учителя, отъ котораго онъ могъ-бы узнать, что его интересуетъ, но онъ не отвѣчалъ и долго оставался въ задумчивости. Очевидно, мысль его въ эту минуту была очень далеко, и онъ даже не слышалъ моего предложенія. Наконецъ онъ какъ бы очнулся и сказалъ мнѣ: „Здѣсь моя колыбель, здѣсь я провелъ счастливѣйшіе дни моего дѣтства, однимъ словомъ, здѣсь я началъ учиться“.....

Ред.

рала Юзефовича. Послѣ того, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ. Теперь это одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей и поборниковъ русскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ.

— 16. Суббота. Былъ въ Царскомъ Селѣ, чтобы повидаться съ Юзефовичемъ. Не засталъ его дома, но познакомился съ его женою и дочерью.

Недавно объявлено было въ печати, что одинъ изъ почтальоновъ городской почты пойманъ въ воровствѣ почтовыхъ марокъ. У него нашли восемь тысячъ распечатанныхъ и брошенныхъ писемъ, съ которыхъ онъ снялъ марки. Говорятъ также, что учинено воровство марокъ и съ писемъ, отправленныхъ за границу и въ провинцію. Вообще наше почтовое управленіе представляетъ неслыханный образецъ безобразія (1869 г.). Письма, деньги пропадаютъ на почтѣ; газеты и журналы не доходятъ по своему назначенію въ губерніи. Это сдѣлалось до того обычнымъ, что и жалуются на это только слегка. Между тѣмъ, сколько интересовъ терпятъ отъ этого безпорядка въ одномъ изъ важнѣйшихъ отправленій общественной жизни!

— 18. Понедѣльникъ. Лучшее положеніе, какого съ помощью успѣховъ науки и цивилизаціи, можетъ желать и можетъ достигнуть человѣчество, это то, когда оно сдѣлается довольнымъ тѣмъ, что есть, и перестанетъ думать о томъ, что будетъ. Но что произойдетъ тогда съ пресловутымъ прогрессомъ?

— 20. Среда. Отправилъ письмо къ воронежскому епископу Серафиму и книжку мою о Галичѣ.

Юзефовичъ читалъ мнѣ свою драму „Мазепа“. Она не лишена драматическаго интереса.

— 22. Пятница. Присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля и чего-то въ родѣ воспріемника при обращеніи католика въ православіе Б. А. Павловича, кандидата кіевскаго университета. Обрядъ совершалъ священникъ университетской церкви Солярскій.

— 29. Пятница. Счастливъ тотъ, кто одаренъ богатымъ воображеніемъ и умомъ, властнымъ настолько, чтобы созидать въ себѣ и для себя иллюзіи. Онъ творецъ своего блага. Но пусть онъ умѣетъ отличать эти иллюзіи отъ дѣйствительнаго хода вещей—это необходимо, иначе онъ станетъ въ слишкомъ явное

противорѣчіе съ дѣйствительностью и сдѣлается жертвою ея натиска. Но это умѣнье отличать одно отъ другого не помѣшаетъ ему наслаждаться своимъ творчествомъ и притуплять язвительное жало этой самой дѣйствительности.

— 31. Воскресенье. Вотъ нѣкоторые находятъ панацею противъ всѣхъ золъ—современныхъ умственныхъ шатаній, матеріализма, нигилизма и проч.—въ греческомъ языкѣ. Я вчера сильно оспаривалъ это. Мнѣ доказывали даже, что безъ греческаго языка нельзя правильно мыслить.

Я всегда принадлежалъ къ одной партіи: партія эта—человѣчество и Россія, и ей старался я служить честно.

Сентябрь.—9. Вторникъ. Переѣздъ съ дачи.

Человѣкъ живетъ своимъ творчествомъ, т. е. способностью созидать себѣ иллюзіи.

Массы могутъ быть проводниками свободы, но не могутъ быть хранителями ея. Да и проводниками онѣ бываютъ на подобіе судоходныхъ каналовъ, которые несутъ грузы отъ мѣста къ мѣсту, но не знаютъ, какіе это грузы и изъ чего они состоятъ. Поэтому-то на массы или на демократію могутъ съ равною для себя выгодою опираться самый суровый деспотизмъ и самый крайній либерализмъ.

Едва какое-нибудь ученіе или идея сверкнутъ въ европейской наукѣ или жизни, мы, русскіе, съ жадностью бросаемся на нихъ и чуть не идола дѣлаемъ себѣ изъ нихъ. Но вотъ является новое ученіе, новая идея, и мы, не успѣвъ даже хорошенько заглянуть въ лицо первымъ, бросаемъ ихъ и, сломя голову, мчимся вслѣдъ за новыми съ тѣмъ, чтобы поступить и съ ними такъ, какъ поступлено съ прочими. Вчерашнее у насъ уже отсталое; только сегодняшнее достойно удивленія и хвалы. Но пройдетъ нѣсколько часовъ, сегодняшнее сдѣлается вчерашнимъ и т. д. Не такъ-ли поступаютъ дѣти со своими игрушками.

— 25. Четвергъ. Мы слишкомъ регламентировали и формулировали развитіе наше со времени Петра и теперь приходимъ часто въ недоумѣніе, что все въ Россіи идетъ какъ-то иначе, чѣмъ предписывалось и предполагалось...

Но есть множество такихъ дѣлъ, которыя не стоятъ того, чтобы ихъ дѣлали умные люди.

Но если человѣкъ въ своемъ развитіи не насилуетъ и не извращаетъ природы, онъ всетаки меньше терпитъ.

Октябрь.—8. Среда. Сегодня навѣстилъ меня А. В. Тимоѳеевъ, съ которымъ мы не видались лѣтъ двадцать пять. Онъ когда-то много писалъ, и его читали, а Сенковскій было произвелъ его даже чуть не въ геніи. Впрочемъ, онъ не лишенъ дарованія и уменъ, только не было твердости въ его идеяхъ и обдуманности въ распорядкѣ ихъ. Да онъ и мало имѣлъ познаній. Съ нравственной стороны онъ всегда отличался добротою и благородствомъ. Мы были съ нимъ близки, когда онъ жилъ въ Петербургѣ. Онъ женился на богатой дѣвушкѣ и затѣмъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ и поднесь живетъ въ независимости и спокойствіи.

Оргія идей—нашъ вѣкъ богатъ ими до излишества. Многіе упиваются ими и такъ называемыми доктринами до чертиковъ, когда имъ начинаютъ мечтаться такія чудеса, которымъ и мѣста нѣтъ на земномъ шарѣ, а есть только мѣсто въ мозгу ихъ изобрѣтателей, да развѣ въ домѣ сумасшедшихъ, да еще въ восторгѣ всевозможныхъ равенствъ—равенствъ достояній, умовъ. Вотъ и Викторъ Гюго требуетъ изъ Лозанны всеобщей рѣзни, какъ залога будущихъ неисповѣдимыхъ благъ. Странно, что никто не спроситъ у этого яраго защитника демократіи и бѣдныхъ, почему онъ своихъ полмилліона франковъ, взятыхъ съ книгопродавцевъ за плохой романъ, не раздѣлитъ между собою и страждущею меньшею братіею? Хоть бы половину отдалъ имъ! Но онъ даже пожалѣлъ ста франковъ на памятникъ Ламартину, который, хоть былъ тоже порядочный мечтатель, но былъ честный человѣкъ и не былъ ни такимъ свирѣпымъ кровопроливцемъ, ни такимъ пустозвоннымъ защитникомъ низшихъ братьевъ. Фразы, фразы и фразы!

Министръ внутреннихъ дѣлъ приготовилъ ко внесенію въ Государственный совѣтъ проектъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ законахъ о печати стѣснительнаго свойства. Нѣсколько времени тому назадъ начали появляться по этому поводу статьи въ газетахъ: въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Голосѣ“, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, сильно нападавшія на этотъ проектъ, извѣстный въ публикѣ, впрочемъ, еще только по слухамъ. Теперь министръ остановился съ нимъ и не

далъ ему ходу. Говорятъ, причиною тому былъ ⁂, который даже выразился, что мы, то есть общество и правительство, многимъ обязаны печати и что потому было-бы крайне несправедливо и .неблагоразумно ограничивать ее новыми стѣсненіями.

— 14. Вторникъ. Древо жизни зеленѣетъ и цвѣтетъ подъ вліяніемъ свѣтлыхъ надеждъ и теплыхъ вѣрованій юности, но недолго. Потомъ холодъ опыта и бури общественныхъ превратностей поражаютъ его, листья опадаютъ; обнаженное, ободранное дерево жизни стоитъ одинокимъ и пугаетъ прохожаго своимъ безобразіемъ.

— 25. Суббота. Вечеръ у Ивана Петровича Корнилова. Исполненіе по циркуляру Потапова насчетъ земли крестьянъ сѣверо-западнаго края пріостановлено. Но Потаповъ остается во всемъ своемъ блескѣ и могуществѣ. Батюшковъ и Шестаковъ уволены. Проектъ о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ по дѣламъ печати, говорятъ, опять пойдетъ въ ходъ. Все это производитъ много толковъ и неудовольствій въ извѣстной части публики, то есть интеллигентной и патріотической.

Человѣкъ не былъ бы человѣкомъ, еслибы онъ не дѣлалъ глупостей, не работалъ, не страдалъ, не умиралъ.

. . . .

У Норова, Авраама Сергѣевича, былъ старшій братъ Василій, человѣкъ очень умный, какъ о томъ свидѣтельствуютъ находящіяся у меня письма его къ роднымъ, исторія 1812 и 1813-го годовъ (напечатана, и у меня рукопись ея) и многія его литературныя замѣтки,—также въ рукописи у меня [1])...

Ноябрь. — 1. Суббота. Пишу біографію А. С. Норова къ 29-му декабря. Ужасно трудно добывать свѣдѣнія.

Потаповъ явился въ новомъ блескѣ славы и придворнаго величія...... Виленскій губернаторъ Шестаковъ и Батюшковъ смѣнены....

— 2. Воскресенье. Туча, грозящая печати, все ближе и ближе надвигается.

Князю Урусову поручено составить комиссію для начертанія

---

[1]) По смерти Александра Васильевича, рукописи эти, вмѣстѣ съ другими бумагами Авраама Сергѣевича Норова, были переданы наслѣднику послѣдняго, господину Поливанову. *Ред.*

новыхъ законовъ о печати. Но такъ какъ комиссіи этой заранѣе дана задача составить законы репрессивнаго свойства, то немного находится охотниковъ быть ея членами. Приходится назначать членовъ, не спрося предварительно ихъ согласія. Такъ князь Урусовъ и поступаетъ. Онъ, между прочимъ, назначилъ кассаціоннаго сенатора, моего благороднаго дядю Марка (Любощинскаго). Сегодня онъ заѣзжалъ ко мнѣ повѣдать свое горе. Онъ былъ у министра юстиціи для объясненій, но выходитъ такъ, что ему, кажется, не миновать этой чаши.

— 5. Среда. Указъ князю Урусову о назначеніи его предсѣдателемъ комиссіи для составленія правилъ о печати.

Князю Урусову поручено отыскать философскій камень, т. е. издать такіе законы о печати, которые-бы равно удовлетворяли и правительство, и общество и, ограничивая свободу мысли, въ то-же время не мѣшали-бы ходу науки и образованія.

Надо поставить вопросъ честно и ясно: хотятъ-ли раздѣлить съ обществомъ, т. е. съ интеллигентною частью его, заботы о безопасности и благѣ народа или думаютъ достигнуть этого единственно посредствомъ администраціи?

Есть пороки омерзительно гнусные, есть страшные, пагубные, есть грубые, но глупѣе гордости нѣтъ ни одного.

— 11. Вторникъ. Печать есть символъ времени.

Хотите-ли, чтобы въ обществѣ уважались и исполнялись законы? Уважайте и исполняйте ихъ сами.

Въ высшей степени (не логично) заставлять другихъ исполнять то, чего я самъ не признаю и не уважаю.

Я знаю много глупыхъ вещей на свѣтѣ, но глупѣе гордости нѣтъ ничего.

— 20. Четвергъ. Начинать многое и ничего не кончать—это одно изъ свойствъ нашей русской натуры.

— 22. Суббота. Превосходная статья Градовскаго въ „Судебномъ Вѣстникѣ“, въ которой разбирается вопросъ: совмѣстна-ли свобода печати съ самодержавіемъ? Авторъ рѣшаетъ вопросъ, конечно, утвердительно.

Обычный вечеръ у Ивана Петровича Корнилова. Много посѣтителей. Всѣ умы заняты однимъ, судьбою печати. Самые зловѣщіе слухи ходятъ.....

Газеты становятся видимо блѣднѣе и блѣднѣе. Я говорилъ объ этомъ съ Краевскимъ. „Невозможно", отвѣчалъ онъ.....

— 23. Воскресенье. Скверно внутри. Нельзя быть равнодушнымъ къ общественнымъ дѣламъ, а они изъ рукъ вонъ плохи, хотя, по всегдашнему настроенію моего духа и по воззрѣнію моему на жизнь и на человѣка вообще, я мало путнаго отъ нихъ ожидаю. А всетаки никакъ нельзя освободиться отъ грустныхъ и досадныхъ впечатлѣній, отъ всей этой чепухи, и проч.

Впрочемъ, не все-же пѣть іереміады: или духъ человѣческій живучъ, такъ онъ все это передѣлаетъ (перемелется—будетъ мука), или, выбившись изъ силъ, онъ распустится и исчезнетъ— ну, такъ тогда туда ему и дорога.

Въ четвергъ на этой недѣлѣ былъ собранъ совѣтъ для сужденія о „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и вообще о печати. Отъ каждаго изъ членовъ взято слово, что онъ не передастъ никому того, что будетъ говорено въ этомъ совѣтѣ. Въ обществѣ боятся, что изъ этого выйдетъ что-нибудь нехорошее для печати. Говорили, даже, что „Московскія Вѣдомости" уже запрещены.

Едва-ли не одной несообразительности австрійскаго правительства мы обязаны тѣмъ, что славяне оказываютъ намъ расположеніе: приласкай ихъ только оно, и эти братья не преминутъ отлично напакостить намъ.

Декабрь.—13. Суббота. „Московскія Вѣдомости" на этотъ разъ устояли. На нихъ, говорятъ, была поднята жестокая буря Шуваловымъ. Государь составилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ совѣщательное собраніе изъ разныхъ довѣренныхъ лицъ и велѣлъ ему разсмотрѣть обвинительную записку. По выслушаніи ея, въ защиту печати вообще и „Московскихъ Вѣдомостей" въ особенности, выступилъ князь А. М. Горчаковъ. Онъ, между прочимъ, объявилъ, что, при настоящемъ положеніи международныхъ дѣлъ въ Европѣ, у насъ необходимо существованіе независимой печати. Тѣмъ дѣло и кончилось.

— 15. Понедѣльникъ. Опять какія-то гнусныя прокламаціи, обращенныя къ массѣ народа. Книгопродавецъ Ч** арестованъ. Говорятъ, арестованы и еще нѣсколько человѣкъ. Въ московской Петровской академіи убитъ одинъ студентъ, говорятъ, своими-же товарищами. Преступленіе это, будто-бы, имѣетъ политическую подкладку.

— 28. **Воскресенье.** Второе отдѣленіе Академіи наукъ избрало въ адъюнкты свои извѣстнаго славянофила **Гильфердинга.** Общее собраніе забаллотировало его. И вотъ поднялась страшная буря между славянофилами, которые осыпали Академію ругательствами. „Тутъ нѣмцы всему виною“, т. е. нѣмцы-академики, которые не выбрали Гильфердинга потому, будтобы, что онъ ратуетъ противъ нихъ и отстаиваетъ интересы славянъ. Тутъ видятъ цѣлый заговоръ этихъ нѣмцевъ противъ русскаго патріотизма. Старикъ Тютчевъ разразился стихами, которые напечатаны въ „Голосѣ“.

Ко мнѣ заѣзжалъ (одинъ академикъ) склонить меня, чтобы я не былъ завтра на обѣдѣ, на который обыкновенно собираются академики каждый годъ послѣ акта, т. е. чтобы второе отдѣленіе учинило демонстрацію большинству, не избравшему Гильфердинга. Я отвѣчалъ, что на обѣдѣ собираюсь быть.

— Я очень сѣтую, какъ и вы, сказалъ я,—что нашъ выборъ не прошелъ въ общемъ собраніи. Но вѣдь мы члены не одного отдѣленія, а члены Академіи и не должны быть участниками раздора, который въ ней хотятъ возбудить. Наша демонстрація, особенно теперь, была бы именно такого свойства, что должна была бы быть сочтена за объявленіе войны съ нашей стороны всей Академіи. Прилично-ли, полезно-ли вносить эти дрязги въ ученую корпорацію? Иные видятъ здѣсь какой-то заговоръ антинаціональной партіи, а я вижу обыкновенный случай, одинъ изъ тысячи случающихся въ коллегіяхъ, особенно большихъ, гдѣ большинство не соглашается съ меньшинствомъ и кассируетъ его рѣшенія и выборы. Всякій клалъ свой шаръ по своему разумѣнію и совѣсти, и т. д., и т. д.

Товарищъ уѣхалъ отъ меня недовольный, сказавъ, что онъ самъ на обѣдѣ не будетъ. Черезъ нѣсколько часовъ, однако, онъ прислалъ мнѣ записку, въ которой говоритъ, что, обдумавъ все послѣ разговора со мною, онъ рѣшается быть на обѣдѣ.

— 29. **Понедѣльникъ.** Актъ въ Академіи наукъ. Читали: Веселовскій—общій отчетъ, Гротъ—о присужденіи Далю за словарь Ломоносовской преміи, я—біографическій очеркъ Норова. По программѣ я долженъ былъ читать второй; но вице-президентъ просилъ меня, не соглашусь-ли я читать послѣ Грота, такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ Государственнаго совѣта хо-

тѣли пріѣхать изъ засѣданія послушать мою рѣчь. Мнѣ рѣшительно было все равно когда читать. Чтеніе Грота было очень интересно въ филологическомъ, или, лучше сказать, въ лингвистическомъ отношеніи. Моя рѣчь была принята очень хорошо, и я получилъ многое множество рукопожатій. Правду сказать, эта рѣчь стоила мнѣ большой работы, и я радъ, что она сошла такъ успѣшно.

Послѣ акта обѣдъ у Донона, какъ обыкновенно, простой, семейный, дружескій. Я уѣхалъ домой въ девять часовъ, очень довольный, что дѣло обошлось безъ всякихъ демонстрацій.

Каждый готовъ грызться за свою кость.

— 31. Среда. Конецъ 1869-го года.

1870 годъ.

Январь.—3. Суббота. Дочь почтеннаго семейства бѣжала въ Женеву, чтобы присоединиться тамъ къ революціонной партіи, дѣйствующей противъ Россіи подъ предсѣдательствомъ Бакунина. Извѣстно, что тамъ проживаетъ множество русскихъ мужчинъ и женщинъ революціоннаго закала, которые даже иностранцевъ удивляютъ своими неистовыми радикальными тенденціями.

Что хуже: злоупотребленіе свободы или злоупотребленіе власти?

Распущенность нравственная и отсутствіе дисциплины въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дошли до того, что когда въ симферопольской гимназіи необходимость побудила выключить изъ заведенія трехъ негодяевъ учениковъ, то начальство, при исключеніи ихъ по приговору педагогическаго совѣта, дало имъ хорошія аттестаціи въ поведеніи. Интересно, что въ протоколѣ совѣта всѣ продѣлки этихъ негодяевъ значатся, а поведеніе дѣлателей этихъ продѣлокъ одобрено офиціально.

— 4. Воскресенье. Познакомился сегодня у Павла Ивановича Саввaитова съ Іаковомъ, архимандритомъ московскаго Даниловскаго монастыря, который вызванъ сюда для по-

священія его въ архіереи. Онъ показался мнѣ человѣкомъ и умнымъ, и обширной учености.

Я не боюсь борьбы ни съ нѣмцами, ни съ самими чертями, но надо, чтобы, во-первыхъ, право было на моей сторонѣ, а вовторыхъ, чтобы борьба была необходимостью, а не слѣдствіемъ задора или, какъ то нынѣ въ модѣ, погони за популярностью.

— 9. Пятница. № 5 „Судебнаго Вѣстника“ конфискованъ за статью, въ которой доказывается, что III отдѣленіе не должно существовать.

„Московскія Вѣдомости“ получили предостереженіе, слѣдствіемъ чего, вѣроятно, будетъ ихъ прекращеніе.

— 10. Суббота. Я прочиталъ конфискованную статью „Судебнаго Вѣстника“. Статья умная, хорошо и правдиво написанная. Редакторъ былъ призванъ къ Шувалову. Ему сдѣлано внушеніе.

„Московскимъ Вѣдомостямъ“ сдѣлано предостереженіе: мѣсяцъ тому назадъ онѣ были найдены невинными и полезными. Редакторы, должно полагать, откажутся отъ изданія, и мы лишимся одного изъ лучшихъ нашихъ печатныхъ органовъ и само правительство—одной изъ своихъ силъ. Ретроградная партія работаетъ успѣшно.

Это переходное время, говорятъ. Мнѣ кажется, идея о переходномъ времени въ сущности совсѣмъ неосновательна. Всякое время есть переходное: оно всегда отходитъ отъ прошедшаго и идетъ къ будущему и стоитъ между тѣмъ и другимъ. Хотятъ-ли этимъ сказать, что оно приготовляетъ положеніе вещей въ будущемъ? Да какое-же время не дѣлаетъ этого? Что въ настоящемъ только начинается, то разрѣшается въ будущемъ по законамъ развитія и постепенности. Можно только сказать одно, что въ иное время накопляется больше матеріаловъ для разрѣшенія въ будущемъ; но нельзя-же сказать, что настоящее только этимъ живетъ, что у него нѣтъ своихъ нуждъ и интересовъ, которые должны быть теперь-же удовлетворены. Было-бы странно дѣлать изъ настоящаго только какого-то докладчика будущему.

— 11. Воскресенье. Безконечные толки по поводу „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Судебнаго Вѣстника“.

— 13. Вторникъ. Умеръ Герценъ. Въ сегодняшнемъ номерѣ

„С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о немъ сказано нѣсколько недурныхъ словъ.

Что за путаница такая въ нашихъ современныхъ событіяхъ! Я прочиталъ статью „Московскихъ Вѣдомостей“ во второмъ номерѣ, за которую сдѣлано имъ предостереженіе, и рѣшительно не понимаю, за что это лезвіе Дамоклова меча дотронулось до головы Каткова и Леонтьева. Развѣ за одно мѣсто—о существованіи въ С.-Петербургѣ польскаго ржонда? Но объ этомъ уже столько было писано и говорено, что трудно себѣ представить, чтобы это было единственнымъ поводомъ къ предостереженію. Но еще удивительнѣе отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей“: онъ наполненъ такимъ смиреніемъ, покаяніемъ, извиненіями, которыя совершенно несвойственны всему прошедшему этой газеты и характеру ея редакторовъ. Тутъ, вѣрно, кроется какая-нибудь, какъ говорится, штука. Но какая? Вотъ въ этомъ-то и штука. Не дано-ли знать редакціи подъ рукою отъ высшей власти, чтобы она не смущалась и не устрашалась, и отнюдь не прекращала своихъ дѣйствій, только въ болѣе умѣренномъ тонѣ?

— 18. Воскресенье. Я думаю, что такихъ людей, какъ Бакунинъ, Рошфоръ нельзя терпѣть въ обществѣ, такъ какъ они объявили себя передъ цѣлымъ свѣтомъ врагами общественнаго порядка и, слѣдовательно, врагами всѣхъ людей, живущихъ подъ покровительствомъ и законами этого порядка, чѣмъ сами себя исключили изъ круга этихъ законовъ. Но что съ ними дѣлать?

— 22. Четвергъ. Въ сегодняшнемъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей“ (22-мъ) появилась моя біографія А. С. Норова.

— 25. Воскресенье. Біологія Спенсера переведена на русскій языкъ и напечатана. Управленіе по дѣламъ печати затѣяло процессъ, за то, что въ книгѣ есть мѣста, будто-бы подлежащія духовной цензурѣ, какъ, напримѣръ, мысли о твореніи, въ послѣднее время принятыя геологіею. Спрошена была духовная власть, подлежатъ-ли такія мѣста ея цензурѣ? „Подлежатъ“, отвѣчала она. Издатель, за то, что онъ не отослалъ этихъ мѣстъ въ духовную цензуру, преданъ былъ суду. Судъ оправдалъ его.

Управленіе по дѣламъ печати не умѣетъ (1870 г.) отличать ученыхъ вопросовъ и соображеній отъ пустой болтовни какихъ-нибудь невѣжественныхъ писуновъ.

— 26. Понедѣльникъ . . . Ничто столько не вредитъ ус-

пѣху свободы, какъ нелѣпыя требованія радикальныхъ преобразователей общества. Они дѣлаютъ врагами ея не только правительство, но и благомыслящихъ, разсудительныхъ ея поборниковъ, изъ которыхъ многіе лучше хотятъ оставаться такъ, какъ есть, чѣмъ идти по той опасной дорогѣ, куда влекутъ эти непрошенные благодѣтели человѣчества.

Совершенно фальшиво правило этихъ господъ: „требуй больше, чтобы получить что-нибудь". Ужасъ, который они наводятъ своимъ больше, служитъ предлогомъ къ тому, чтобы стѣснять всякій порывъ даже къ самому меньше.

— 27. Вторникъ. Сильные толки и всеобщее неудовольствіе по поводу проекта объ усиленіи власти губернаторовъ. (Объ этомъ статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" № 19).

Сдержанность въ мысляхъ и съ самимъ собою должна быть если и не такая, какъ въ бесѣдѣ съ другими, то все-же должна быть. И вотъ, за что я часто принужденъ дѣлать укоризны самому себѣ. Вѣдь, право, нелѣпо-же огорчаться и негодовать такъ, хотя-бы по случаю этого пресловутаго проекта. Разсуждать, такъ разсуждать надо спокойно, объективно, какъ принято нынѣ говорить у людей самаго кипучаго и безтолковаго образа мыслей. Мнѣ ненавистна ложь: она повергаетъ насъ въ тотъ-же хаосъ безправія и беззаконія, въ какомъ мы были погружены нѣсколько вѣковъ. Такъ! Но почему-же лжи и не господствовать надъ обществомъ, надъ которымъ она господствовала столько времени, и общество это не только существуетъ, но даже, какъ пишутъ въ исторіяхъ, возвеличивается, крѣпнетъ и благоденствуетъ. Правда, было маленькое разочарованіе: Крымская война, да вѣдь это ужъ прошло! Какъ-бы то ни было, а всетаки надо разсуждать спокойнѣе, объективнѣе.

Февраль.—1. Воскресенье. Обѣдалъ у министра народнаго просвѣщенія графа Толстого. Обѣдъ роскошный, гостей человѣкъ семнадцать или восемнадцать. Я тутъ, между прочимъ, познакомился съ двумя попечителями: одесскимъ, Голубцовымъ, и казанскимъ Шестаковымъ. Министръ много говорилъ о духовенствѣ, и не все въ пользу его. Я замѣтилъ, что надо отличать бѣлое духовенство отъ чернаго: одно совершенно порабощено другому. Всѣмъ извѣстно, какъ деспотически распоряжаются архіереи въ своихъ епархіяхъ. Вотъ, напримѣръ,

они теперь сильно противятся введенію выборнаго начала между священниками и приведенію въ дѣйствіе новаго устава семинарій. Министръ вполнѣ согласился съ этимъ.

— 8. Воскресенье. Актъ въ университетѣ... ** хорошій, добрый человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одаренъ способностью дѣлать самую добродѣтель смѣшною.

— 9. Понедѣльникъ. Нѣтъ хуже состоянія душевнаго, какъ недовольство самимъ собою, а изъ этого состоянія я почти не выхожу. Идеалы, къ которымъ я стремлюсь чуть не съ дѣтства въ самообразованіи и самоуправленіи, строгій контроль, который я постоянно держу надъ каждымъ моимъ не только поступкомъ, но и помышленіемъ, дѣлаютъ то, что я кажусь самому себѣ крайне неудовлетворительнымъ, и презрѣніе, которое меня часто охватываетъ къ человѣку и къ человѣческой судьбѣ, прежде всего, тяжелымъ бременемъ обрушивается на самого меня.

Другая моя бѣда, что я не всегда выдерживаю съ достоинствомъ мою неприкосновенность къ разнымъ дрязгамъ и глупѣйшимъ мелочамъ внѣшней текущей жизни. Тьфу, къ чорту! Да неужели-же такъ трудно настроить себя какъ слѣдуетъ по человѣчески и неужели это стоитъ такой долговременной борьбы? Вотъ ужъ и старость у порога, почти переступаетъ порогъ, по крайней мѣрѣ, страсть физическая, а я все занимаюсь постройкою себя и все не дострою по плану, задуманному издавна. Да можетъ быть планъ дурно составленъ? Вѣроятно. Но какъ-же теперь перемѣнить его, когда уже давно свезены на мѣсто и бревна и кирпичи, да и выведено кое-что, напримѣръ башня, да какая высокая! Какой широкій горизонтъ съ нея открывается! Но жить всетаки негдѣ. Буря, непогода, и я прячусь въ какомъ-то убогомъ шалашѣ, посреди кучи наваленныхъ камней, гранита, даже кое-гдѣ попадающихся кусковъ мрамора. Да, жить негдѣ. Скверно думать быть человѣкомъ, болѣе, чѣмъ самъ человѣкъ.

— 14. Суббота. Пруссія нашъ естественный врагъ уже по одному тому, что мы ее дважды спасали.

Карамзинъ о Павлѣ: „Онъ отнялъ у казни стыдъ, а у награды честь“.

— 15. Воскресенье. Міръ безъ Провидѣнія—какая страшная безконечная пустыня при всемъ разнообразіи и обиліи жиз-

ненныхъ процессовъ, силъ и явленій! Это все равно, что огромный домъ, наполненный слугами и гостями безъ хозяина, или корабль, брошенный въ неизмѣримый океанъ безъ кормчаго, безъ компаса, преданный бурямъ и обреченный погибнуть, не зная пристани и никакой цѣли своего блужданія, или это мастерская, въ которой работаютъ тысячи рукъ, машинъ безъ мастера, который-бы въ работахъ этихъ рукъ и этихъ машинъ видѣлъ исполненіе какого-то предпріятія. Наконецъ, это чудовищное тѣло съ костьми, кровью, дышащее и движущееся, но лишенное души—живой мертвецъ.

— 16. Понедѣльникъ. У насъ есть цѣлые полки чиновниковъ, а нѣтъ ни одного государственнаго человѣка.

Отчего-бы не дозволить у насъ воспитанникамъ реальныхъ гимназій вступать въ университеты въ факультетъ математическихъ и естественныхъ наукъ? Это не мѣшало-бы получать высшее образованіе тѣмъ, которые лишены способности къ изученію древней филологіи, и дало-бы удовлетвореніе общественному мнѣнію. Давать доступъ въ университетъ однимъ только воспитанникамъ классическихъ гимназій, право, невозможно. Для этого пришлось-бы превратить всѣ гимназіи въ классическія, а гдѣ-же тогда получали-бы общее образованіе лица съ техническими и реальными цѣлями въ жизни? Я вовсе не врагъ классическаго образованія, но оно должно имѣть свои границы, а не господствовать исключительно.

Мартъ.—1. Воскресенье. Тотъ ничего не сдѣлалъ для людей, кто не далъ имъ средствъ меньше страдать или легче сносить страданія

Вы шевелите только страсти, вы рисуете только мрачную и дурную сторону вещей, конечно и это хорошо, если правдиво. Но не слѣдуетъ-ли также указывать и на то, какъ исправлять зло и дѣлать, чтобы и вещи, и люди были немножко получше?

— 3. Вторникъ. Сегодня въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ объявлено о появленіи въ Петербургѣ холеры.

— 6. Пятница. Петербургскую публику сильно занимаетъ адресъ остзейскаго дворянства Государю о дарованіи ландтагу ихъ такихъ-же правъ, какія существуютъ въ Финляндіи, т. е. они требуютъ ни болѣе ни менѣе какъ отдѣльнаго отъ Россіи

конституціоннаго управленія. Государь отказалъ и выразилъ свое недовольство.

Въ „Голосѣ“ было нѣсколько статей по поводу этого адреса, статей очень смѣлыхъ. Въ одной изъ нихъ газета, между прочимъ, цитируетъ извѣстную записку Карамзина, поданную императору Александру I, о замышлявшемся этимъ Государемъ образованіи самостоятельнаго польскаго государства съ присоединеніемъ къ нему провинцій, пріобрѣтенныхъ отъ Польши.

Пусть тѣло мое зависитъ отъ земли и ея законовъ, но духъ мой принадлежитъ Богу и мнѣ.

Все, что мы называемъ прекраснымъ, добрымъ и т. п., заключается въ идеалахъ, т. е. въ иллюзіяхъ, и способность къ иллюзіямъ есть собственно наше высочайшее благо. Пока личная твоя натура не потеряла способности снабжать тебя различными иллюзіями нравственными, эстетическими, общественными и проч., до тѣхъ поръ благо тебѣ.

Думать, что ты счастливъ, и быть дѣйствительно счастливымъ, не все-ли это равно? И не больше-ли гораздо благъ въ мечтѣ о счастіи, чѣмъ въ счастіи, какъ понимаютъ его люди при ненасытности ихъ желаній.

— 10. Вторникъ. То, что для высшихъ серьезныхъ умовъ, руководимыхъ наукою, составляетъ въ настоящую эпоху потребность и законъ развитія, то для мелкихъ умовъ только мода. Поверхностному наблюдателю, пожалуй, и можетъ казаться, что тѣ и другіе сходятся въ своихъ стремленіяхъ и убѣжденіяхъ, и послѣдніе часто выигрываютъ тѣмъ, что снаружи кажутся похожими на первыхъ и какъ будто служатъ одному и тому-же дѣлу. Этимъ они часто и самихъ себя обманываютъ и раздуваются до безмѣрнаго величія въ собственныхъ глазахъ. Но въ сущности это пустые люди, похожіе на мошекъ, крутящихся въ сіяніи солнечныхъ лучей. Они всего чаще вредятъ дѣлу и только затрудняютъ его успѣхъ.

Великое искусство требуется, чтобы направлять корабль въ морѣ нашей общественности среди различныхъ и противоположныхъ теченій ея.

Полноте, и вы, и я, кажется настолько знаемъ людей, что не должны удивляться собственнымъ нашимъ глупостямъ.

Человѣкъ мечтаетъ о вѣчности какихъ-то чувствъ, какихъ-то

благъ, а между тѣмъ ничто не соотвѣтствуетъ такъ мало его скоротечной природѣ, какъ постоянство и неизмѣнность чего-бы то ни было. Разнообразіе, новость—вотъ потребность и законъ ея. Вѣдь человѣкъ самъ безпрестанно обновляется, и сегодняшній онъ далеко не тотъ, что былъ вчера. Нечего-же жаловаться на такъ называемую измѣну въ дружбѣ, въ любви: она въ человѣческой натурѣ.

— 17. Вторникъ. Злоупотребленіе свободы ничѣмъ не лучше угнетенія деспотизма.

И что значитъ безграничная свобода, которой вы добиваетесь? Совмѣстима-ли она съ ограниченностью человѣка?

Я думаю, что человѣчество должно пройти еще черезъ одинъ фазисъ варварства, и къ этому фазису приведетъ его всеобщая демократизація.

— 22. Воскресенье. Сегодня неожиданно посѣтилъ меня старый другъ моей юности, Юзефовичъ, пріѣхавшій вчера изъ Кіева. Онъ привезъ мнѣ милое письмо отъ Селина и собраніе юго-западныхъ актовъ, изданныхъ коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ Юзефовича.

Зима печальная. Рѣдкій домъ въ Петербургѣ, гдѣ не переболѣли-бы всѣ. А умершихъ сколько! Газеты переполнены извѣщеніями въ черныхъ рамкахъ. Между тѣмъ, никакой эпидеміи нѣтъ, а такъ, случайныя болѣзни, которыя, такъ сказать мимоходомъ, рѣшаютъ судьбу людей въ нѣсколько дней, часовъ и даже минутъ.

— 23. Понедѣльникъ. Не по двумъ или тремъ ошибкамъ, сдѣланнымъ въ жизни, должно судить о человѣкѣ, а потому, какъ онъ вообще мыслитъ, говоритъ и дѣйствуетъ.

Всѣ люди носятъ въ себѣ физіологическую и психическую возможность быть человѣкомъ, но не всякое недѣлимое достигаетъ роста и образа человѣческаго. Сколько людей являются и исчезаютъ, не успѣвъ проявить въ себѣ ничего человѣческаго.

— 26. Четвергъ. Вечеръ у Ѳ. И. Тютчева. Гостей было довольно. Я познакомился съ одною изящною и умною дамою Новиковою. Тутъ между прочимъ былъ и М. В. Юзефовичъ, который умно и живо разсказывалъ разныя свои воспоминанія о прошломъ: о войнѣ въ Малой Азіи, въ которой онъ участвовалъ, о Пушкинѣ, съ которымъ познакомился на Кавказѣ и былъ

съ нимъ подъ Эрзерумомъ. Онъ говорилъ, что Пушкину очень хотѣлось побывать подъ ядрами непріятельскихъ пушекъ и особенно слышать ихъ свистъ. Желаніе его исполнилось, ядра однако не испугали его, несмотря на то, что одно изъ нихъ упало очень близко.

На вечерѣ были читаны славянофильскія стихотворенія Тютчева („Гуссъ"), Майкова и Полонскаго („Симеонъ Болгарскій"), приготовленныя ими къ живымъ картинамъ на Пасху. Всѣ они недурны, особенно стихотвореніе Тютчева.

— 31. Вторникъ. На чемъ основана идея долга? Почему человѣкъ нравственно обязанъ дѣлать то или не дѣлать этого? Идея долга и обязанности вытекаетъ изъ моей человѣчности, моей человѣческой природы. Я долженъ поступить такъ, а не иначе, или не дѣлать того и другого единственно потому, что я человѣкъ и потому, что, поступая иначе, я измѣнилъ-бы моей человѣческой природѣ. Я существо разумно-свободное, слѣдовательно все, несогласное съ идеею свободной воли и разума, противно моей природѣ и было-бы нарушеніемъ долга.

Апрѣль. — 10. Пятница. Только три вещи опредѣляютъ превосходство одного человѣка надъ другимъ: знаніе, талантъ и характеръ. Три эти вещи рѣдко бываютъ соединены вмѣстѣ, но и каждая порознь имѣетъ право на уваженіе—больше-же всего, безъ сомнѣнія, характеръ.

— 20. Понедѣльникъ. Настоящій глубокій смыслъ движенія нашей интеллигенціи въ настоящее время есть, безъ сомнѣнія, вопіющая необходимость ограниченія произвола и утвержденія законности, какъ въ умахъ, такъ и на дѣлѣ. Безъ этого, конечно, все и самое благодѣтельное будетъ строиться на пескѣ.

— 23. Четвергъ. Есть люди, которые удовлетворяются только однимъ родомъ жизни—сильными ощущеніями и волненіями. Ихъ не можетъ удовлетворить ничто обыкновенное, нормальное, законное. Имъ нужны поразительные эффекты—не движенія, но гимнастическіе напряженные скачки, разнообразныя и новыя позы. Эти люди обыкновенно приводятъ въ замѣшательство и разстраиваютъ всякую среду, гдѣ живутъ. Говорятъ, это нужно, это оживляетъ и мѣшаетъ застою. Да, если это происходитъ не отъ личныхъ эгоистическихъ стремленій, не отъ простой необуз-

данности дикой натуры, иначе это выйдетъ тоже, что „нраву нашему не препятствуй“. Законъ ограничиваетъ своими предписаніями подобные порывы и увлеченія и наказываетъ виновниковъ ихъ. Цѣлое общество можетъ быть въ такомъ-же точно настроеніи.

Стремленіе къ абсолютной свободѣ, не ограниченной никакими законами, ни нравственными, ни гражданскими—вѣдь это анархія, а анархія то-же, что вѣчная кровавая революція, полная сильныхъ ощущеній, но и неизмѣримыхъ бѣдъ. Нѣтъ, говорятъ, тутъ кроются существенные, положительные интересы—свобода труда, правильное развитіе богатства, участіе въ мѣрахъ народнаго благосостоянія и т. д. Да, объ этомъ дѣйствительно думаютъ и серьезно нѣкоторые мыслящіе и благомыслящіе умы, но и тѣ часто погружаются въ такія утопіи, осуществленія которыхъ человѣчество никогда не въ состояніи добиться. Но это только нѣкоторые, большинство-же, прикрывшись пышными фразами, желаетъ только половить рыбу въ мутной водѣ, ищетъ сильныхъ ощущеній, а болѣе хладнокровные заботятся о томъ, чтобы прибрать власть въ свои руки. Это тѣ несчастныя самолюбія, изъ которыхъ каждое хочетъ одного — управлять, властвовать, а не быть управляему, не подчиняться какой-бы то ни было власти, хотя-бы то была власть закона и всеобщаго порядка.

Самое умное, самое злобное и самое несчастное существо на землѣ, безъ сомнѣнія, человѣкъ.

Сила, дерзость и хитрость, право, единственныя ручательства всякаго успѣха и самые могучіе дѣятели міра сего. Всѣ прочія болѣе похвальныя качества составляютъ, кажется, не иное что, какъ только богатый матеріалъ для разговоровъ людей образованныхъ и для трактатовъ людей ученыхъ.

Есть божественныя вещи — идеи, истины, подобно солнцу и звѣздамъ плавающія въ далекой атмосферѣ надъ человѣчествомъ. Изрѣдка онѣ освѣщаютъ землю и служатъ людямъ путеводителями, но чаще онѣ затмеваются тучами, безпрерывно образующимися изъ испареній земли.

Май. — 1. Пятница. Образованность или такъ называемая цивилизація смягчаетъ нравы, т. е. она множествомъ выработанныхъ ею впечатлѣній и понятій, нейтрализирующихъ друг

друга, препятствуетъ одному какому-нибудь изъ нихъ превратиться въ чувство или мысль огромнаго размѣра и тяжести. Душа расширяется, становится доступною многимъ и разнообразнымъ интересамъ, которые мѣшаютъ ей, такъ сказать, окаменѣть или заглохнуть въ одномъ какомъ-нибудь настроеніи. Но по этой-же самой причинѣ люди становятся морально слабѣе, имъ не достаетъ той внутренней сосредоточенности, того единства силъ, намѣреній и дѣйствій, которыя образуютъ характеръ.

— 10. Воскресенье. Видѣть вещи—не значитъ знать ихъ.

— 11. Понедѣльникъ. Вѣдь это грубое и глубокое варварство не уважать искусства, литературы. Истинная наука всегда была въ союзѣ съ искусствомъ и, нерѣдко великіе двигатели ея искали въ немъ опоры для своей дѣятельности. Главный признакъ просвѣщеннаго народа — это то, что онъ ставитъ на одну линію науку и искусство. Это два крыла, на которыхъ человѣчество взлетаетъ на высоту усовершенствованій и тамъ паритъ.

Ученая посредственность есть первый врагъ таланта.

— 21. Четвергъ. Наше время можно назвать эпохою колебаній.

— 23. Суббота. Былъ очень занятъ писаніемъ возраженій на статью *** о безпорядкахъ, происходившихъ въ спб. университетѣ въ 1861 году, гдѣ упомянуто и мое имя, которое *** обставилъ невѣрными данными. Но появившіяся въ „Голосѣ“ рѣзкія и правдивыя замѣчанія на ту-же статью и прямо обличающія автора—меня остановили. Мнѣ показалось уже не великодушнымъ, да и излишнимъ выходить съ моими возраженіями: лежачаго не бьютъ. Да притомъ я питаю глубокое отвращеніе ко всѣмъ этимъ личнымъ спорамъ. Статья *** мнѣ повредить не можетъ, а мои возраженія, въ соединеніи съ замѣчаніями „Голоса“, могли-бы сильно насолить ему, изобличивъ его хотя-бы то въ преднамѣренномъ искаженіи фактовъ. Правда, онъ этого заслуживаетъ, но роль палача мнѣ черезчуръ претитъ.

— 24. Воскресенье. Искусство извлекаетъ всѣ лучшія стихіи или высасываетъ изъ жизни чистѣйшіе соки и образуетъ изъ нихъ новые предметы.

На мануфактурной выставкѣ. Общій видъ величественъ и изященъ. Русская промышленность, кажется, оказала дѣйствительно значительные успѣхи, т. е. она доказала, что мы въ со-

стояніи дѣлать хорошія вещи. Но что изъ этого: составляютъ-ли онѣ предметъ внѣшней торговли и всеобщаго внутренняго потребленія? Вѣдь въ такомъ только случаѣ промышленность имѣла-бы обогащающую и цивилизующую силу.

Странное и нелѣпое положеніе общества: живешь точно въ какомъ-то омутѣ, въ которомъ ни на что опереться нельзя. Ни на одну сдѣлку, ни на одно условіе положиться нельзя: на каждомъ шагу васъ встрѣчаютъ обманъ и мошенничество. Таковы наши нравы. Я уже года два, какъ отказался имѣть въ домѣ слугу мужчину. Можно сказать, что между мужскою прислугою почти повально свирѣпствуютъ пьянство и воровство. Между женщинами, по крайней мѣрѣ, не такъ сильно развито пьянство. Все это сильно усложняетъ и отравляетъ домашній бытъ.

— 28. Четвергъ. Переѣздъ въ Павловскъ, на этотъ разъ уже не на дачу Мердера, а на дачу Брауна, подъ Дубками.

Іюнь. — 5. Пятница. Тамъ, гдѣ они хотятъ дѣлать добро, они ничего не могутъ; тамъ, гдѣ могутъ, они не хотятъ: вотъ вамъ нравственная характеристика людей.

— 7. Воскресенье. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ ропотъ и жалобы на людей, да и вообще всякій ропотъ и жалобы. Это признакъ глубокаго малодушія, которое не умѣетъ ни дѣйствовать тамъ, гдѣ можно и должно, ни терпѣть и сносить того, что неизбѣжно.

Впрочемъ, есть случаи, когда ропотъ и жалобы позволительны. Это когда они произносятся съ намѣреніемъ произвести извѣстное впечатлѣніе въ пользу справедливости и въ осужденіе несправедливости. Но тогда ропотъ становится мнѣніемъ, голосомъ, который всякій членъ общества обязанъ подать въ дѣлахъ общественныхъ.

Худой тотъ хозяинъ, который такъ устроилъ или разстроилъ свой бытъ, что долженъ жить займами; точно также худой тотъ человѣкъ, который въ скорбяхъ и невзгодахъ жизни ищетъ утѣшенія у другихъ вмѣсто того, чтобы находить его въ самомъ себѣ.

— 9. Вторникъ. Мысли должны быть также серьезны и честны, какъ дѣла. Играть ими и съ ними недостойно человѣка мужественнаго.

— 10. Среда. Вчера былъ въ городѣ и узналъ о смерти Устрялова, скончавшагося въ Царскомъ Селѣ.

Умъ удивительно удобное вмѣстилище для вкладыванія въ него всего, чего угодно—всякой лжи и истины.

Съ одинаковымъ стараніемъ надо избѣгать какъ ненависти, такъ и любви людей—одной потому, что она вредна, другой потому, что она обманчива.

Іюнь.—18. Четвергъ. Министръ юстиціи придумалъ было мѣру для подрыва новыхъ судовъ, вздумалъ изъять изъ ихъ круга всѣ слѣдственныя дѣла и подчинить послѣднія безусловно своимъ агентамъ—прокурорамъ. Для обсужденія этого проекта была составлена комиссія, которая, однако, несмотря на всѣ усилія министра, рѣшительно отвергла его. Второй проектъ заключался въ томъ, чтобы въ кассаціонномъ департаментѣ Сената дѣла докладывались не сенаторами, какъ слѣдуетъ по новому закону, а оберъ-секретарями, по старому порядку. Государственный совѣтъ единогласно отвергъ и этотъ проектъ. Больше всѣхъ возставалъ противъ него министръ финансовъ. Интересно по этому поводу замѣчаніе Чевкина. По окончаніи засѣданія онъ сказалъ:

— Теперь, господа, намъ остается поблагодарить господина министра финансовъ за его ревностную и просвѣщенную защиту дѣла отечественнаго правосудія.

Это было сказано въ присутствіи министра юстиціи.

— 29. Понедѣльникъ. Вотъ, кажется, готова вспыхнуть война между Франціею и Пруссіею. Пруссія очень окрѣпла, и Бисмаркъ очень силенъ. Что изъ этого выйдетъ?

Іюль.—3. Пятница. Душа человѣческая похожа на гостиницу, куда, въ видѣ разнородныхъ впечатлѣній, лѣзетъ всякая всячина—и порядочные люди, и пьяницы, и воры. Но хорошій хозяинъ выгоняетъ однихъ или, по крайней мѣрѣ, смиряетъ ихъ, чтобы они не бушевали и не безобразничали; съ другими-же поступаетъ учтиво и предупредительно, чтобы и впредь жаловали.

— 4. Суббота. Сегодняшнія телеграммы извѣщаютъ, что Франція объявила войну Пруссіи.

Когда человѣкъ намѣренъ сдѣлать какую-нибудь глупость, онъ всегда представляетъ ее самому себѣ въ видѣ очень умной и хорошей вещи.

— 10. Пятница. Война, война и война—только и толковъ, что о войнѣ. Но я еще ни отъ кого не слыхалъ, чтобы онъ желалъ нашего вмѣшательства въ нее.

— 12. Воскресенье. Всѣхъ обрадовало обнародованіе рѣшимости нашего правительства соблюдать строгій нейтралитетъ. Въ высшихъ сферахъ, говорятъ, однако обнаруживается симпатія къ пруссакамъ, между тѣмъ, какъ во всемъ обществѣ господствуетъ столь-же сильная къ нимъ непріязнь. Всѣ главныя газеты наши явно склоняются на сторону французовъ.

— 25. Суббота. На похоронахъ академика Рупрехта, умершаго третьяго дня. Онъ оставилъ по себѣ память честнаго дѣятеля науки и глубокую нищету съ большимъ семействомъ.

Печальныя извѣстія: пруссаки разбили французовъ въ сраженіи, гдѣ одна французская дивизія боролась съ тремя нѣмецкими корпусами. Начальникъ дивизіи Дуэ убитъ. Наши пруссоманы ликуютъ, особенно принадлежащіе къ высшимъ сферамъ.

— 28. Вторникъ. Успѣхи Пруссіи, одержавшей уже двѣ побѣды надъ французами—а война вѣдь едва еще началась—могутъ повести къ паденію Наполеона. Тогда Франція, конечно, провозгласитъ у себя республику. Будетъ-ли сосѣдство такой республики полезно и пріятно для quasi-конституціонной, въ сущности-же деспотической державы, какъ Пруссія? Едва-ли. Въ массахъ Германіи соціализмъ и демократизмъ пустили глубокіе корни, и, кто знаетъ, какъ далеко время, когда и этихъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ постигнетъ та-же участь, которая, очевидно, уже виситъ надъ головою Наполеона и его династіи.

Августъ.—3. Понедѣльникъ. Дѣла Франціи идутъ все хуже и хуже, а Пруссія все выше и выше поднимаетъ голову. Франція на краю пропасти. Тутъ доля и нашей вины. Мы дали Пруссіи усилиться и, конечно, дадимъ еще больше усилиться, пока она наконецъ, не дастъ и намъ испытать своего гнета. А въ нашихъ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ продолжаютъ радоваться успѣхамъ пруссаковъ. Тамъ носятъ прусскіе ордена, оттуда летятъ поздравленія пруссакамъ съ побѣдами, уступаются наши пушки, заказанныя въ Пруссіи. Зато въ обществѣ рѣшительная и всеообщая непріязнь къ пруссакамъ и сочувствіе къ Франціи.

Есть, впрочемъ, причины, болѣе глубокія, нашей симпатіи къ

французамъ, чѣмъ ненависть къ пруссакамъ. Это то, что Франція, несмотря на упадокъ въ ней за послѣднее время свободы и на преобладаніе Наполеоновскаго деспотизма, всетаки есть страна умственныхъ и политическихъ успѣховъ—особенно послѣднихъ. Мы отличаемъ и должны отличать французское правительство отъ французскаго народа. Насъ инстинктивно тянетъ къ послѣднему потому, что въ этомъ народѣ впервые началъ вырабатываться новый политическій и общественный строй, заключающій въ себѣ, если не образцы для подражанія, чему не слѣдуетъ и быть, то матеріалы для преобразованія другихъ народовъ.

— 9. Воскресенье. Телеграммы приносятъ чрезвычайно сбивчивыя свѣдѣнія съ театра войны. Но не подлежитъ сомнѣнію, что французы вездѣ проигрываютъ.

Съ Наполеонами, видно, кончено. Два раза приподняли они Францію на своихъ рукахъ для того, чтобы ввергнуть ее въ пропасть. Третьяго опыта въ сынѣ нынѣшняго Наполеона дожидаться нечего—итакъ, Наполеоновской династіи не бывать.

— 11. Вторникъ. Есть люди, которыхъ хватаетъ ровно на одно доброе, разумное или мужественное дѣло, послѣ котораго они вдругъ, точно опомнившись, что взялись не за свое дѣло, становятся въ ряды самыхъ обыкновенныхъ и пошлыхъ людей своей категоріи и своего ремесла.

— 16. Воскресенье. Нѣмцы—не прусскіе—какъ вьючныя животныя возятъ камни и бревна для постройки зданія прусскаго величія и могущества Гогенцоллерновъ и позволяютъ выпускать изъ себя кровь для скрѣпленія этого зданія.

Нѣмецъ глубокомысленъ съ ногъ до головы—мы легкомысленны и болѣе остроумны, чѣмъ глубоки. Нѣмецъ устойчивъ и постояненъ — мы шатки и неспособны къ выдержкѣ. Нѣмецъ рабъ труда, какъ волъ—мы народъ веселый и разгульный, но способны въ одинъ день наработать больше, чѣмъ кто другой въ мѣсяцъ. Оттого, говорятъ, и работа наша не прочна—правда, но мы о томъ не тужимъ и готовы не плакать надъ развалинами своихъ зданій, а скорѣе смѣяться надъ тѣмъ, что долго себя мучили работою. Нѣмецъ эгоистъ до мозга своихъ костей—русскій добродушенъ и доступенъ всякимъ человѣчнымъ впечатлѣніямъ. Отъ нѣмца не ждите великодушія, самоотверженія, забвенія

обидъ—русскій, подравшись со своимъ врагомъ, побратается съ нимъ, дастъ ему и хлѣба и денегъ, словомъ, забудетъ, что у него морда была въ крови отъ кулака его противника.

— 22. Суббота. Изъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ самый смѣшной—высокомѣріе, самый гнусный—лицемѣріе, самый глупый—скупость.

Получено извѣстіе, что Наполеонъ взятъ въ плѣнъ, и армія Макъ-Магона сложила оружіе.

Да, это, конечно, великій прогрессъ, когда штыкъ замѣнился нарѣзными пушками и скорострѣльными ружьями, а надъ Европою диктаторствовать будутъ не Наполеоны и Габсбурги, а Гогенцоллерны.

— 25. Вторникъ. Во Франціи республика.

Знать въ половину или знать мало—судьба людей.

На дружбу отвѣчать дружбою, предполагая, что она возможна, на услугу—услугою, на учтивость—учтивостью вдвое, враждѣ противопоставлять мужественную и благоразумную защиту, но безъ малѣйшаго покушенія мстить, а затѣмъ полнѣйшее хладнокровіе: вотъ чего слѣдуетъ держаться въ своихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми.

Сентябрь.—1. Вторникъ. Нынѣшній годъ богатъ бѣдствіями—тутъ война и холера. Послѣдняя уже появилась въ Петербургѣ. Только голода, кажется можно надѣяться, не будетъ. Въ Россіи урожаи вообще хороши.

Вотъ изъ самыхъ нѣдръ цивилизаціи, въ самомъ сердцѣ Европы, народилось, въ XIX вѣкѣ, чудовище матеріальной грубой силы, не знающее мѣры своимъ притязаніямъ. Прославленная цивилизація дала только усовершенствованныя орудія убійствъ и софистическую діалектику для оправданія варварской политики завоеванія и грабежа. Что-же уважать въ человѣчествѣ?

Пока не нашли средства наложить узду на человѣческій эгоизмъ и на страсти, имъ возбуждаемыя, до тѣхъ поръ будетъ все одно и то-же: люди попеременно будутъ заслуживать то сожалѣнія, то презрѣнія.

— 5. Суббота. Печально заблуждались тѣ, которые думали, что Наполеонъ III нуженъ для Франціи, спасая ее отъ анархіи. Но вотъ грозныя и плачевныя обстоятельства окончательно разоб-

лачили эту роковую личность и показали, что онъ думалъ не о Франціи, а только о владычествѣ своемъ надъ нею и о своихъ династическихъ интересахъ и, заботясь исключительно объ этомъ, довелъ до полнаго упадка громадныя силы благородной націи.

— 9. Среда. Грустно, невыразимо грустно смотрѣть на дѣла человѣческія! Сколько безнравственности, сколько малодушія и лжи! Сколько варварства среди пресловутой цивилизаціи и прогресса! Сколько ничтожества, наконецъ, въ самой наукѣ, которая не въ состояніи искупать зла, наносимаго ея-же открытіями.

Да, наука не дѣлаетъ людей лучшими. Примѣръ передъ глазами. У кого наука оказала столько успѣховъ, какъ у нѣмцевъ? И что-же? Посмотрите, каковы они въ упоеніи своихъ побѣдъ надъ австрійцами и французами! А мы, неужели за то, что Пруссія подаритъ намъ Парижскій трактатъ, гарантируемъ ей Эльзасъ и Лотарингію? Поистинѣ, политика не знаетъ нравственности.

— 5. Вторникъ. Нынѣшняя война Бисмарка съ Франціею вовсе не есть война за границы и за единство Германіи. Франція по справедливости считается центромъ и душою всѣхъ либеральныхъ движеній въ Европѣ. Наполеонъ III, сколько ни старался убить въ ней этотъ духъ, однако, не могъ съ ней справиться. Но вотъ явился на помощь Бисмаркъ. Война съ Франціею имъ начата вовсе не за единство Германіи, которое могло быть достигнуто и уже почти достигнуто безъ нея. Унизить Францію, омрачить престижъ ея идей—вотъ настоящій смыслъ войны и прусскихъ побѣдъ. Бисмаркъ очень хорошо зналъ, что Франція со своимъ Наполеономъ не въ состояніи бороться съ полуторамилліонною прекрасно организованною нѣмецкою арміею. Однако, онъ и самъ не предвидѣлъ такого исхода: судьба ужъ черезчуръ ему подслужилась. Франція провозгласила у себя республику: это конечно, не въ его видахъ. Но Бисмаркъ не унываетъ. Тѣмъ сильнѣе давитъ онъ Францію, чтобы выжать изъ нея весь сокъ и ея душу, и если онъ успѣетъ въ этомъ, тогда диктатура Пруссіи въ Европѣ станетъ на твердую ногу—и бѣда свободѣ. Развѣ только сами нѣмцы опомнятся и поймутъ, что вовсе не лестно возить камни для постройки, по плану Бисмарка, собственной своей тюрьмы.

— 17. Четвергъ. Сегодня или завтра, говорятъ, Тьеръ представляется Государю.

— 18. Пятница. Всякій долженъ сдѣлать на своемъ мѣстѣ и въ своемъ кругу все какъ можно лучше, по крайнему своему разумѣнію—вотъ единственная руководящая мысль для честнаго человѣка.

— 19. Суббота. . . Ну, изъ-за чего горячиться? Родъ человѣческій управляется такъ, какъ онъ того заслуживаетъ. Не будь глупцовъ, негодяевъ и эгоистовъ, не было-бы ни Наполеоновъ III, ни Бисмарковъ. Собственно говоря, на свѣтѣ все обстоитъ благополучно, т. е. дѣла идутъ такъ, какъ должны идти. А что многихъ убиваютъ, другихъ грабятъ и что люди страдаютъ то отъ насилія, то отъ плутовства разныхъ господъ, то вѣдь это такъ—судьба, переходное состояніе, и философія исторіи найдетъ въ этомъ глубокій смыслъ и прогрессъ.

А вотъ я глупости заношу въ мой Дневникъ. Видно, время такое, никто не убережется. Даже люди, старающіеся честно и здраво мыслить, и тѣ впадаютъ въ преувеличеніе и становятся невоздержны.

— 26. Суббота. М. Н. Похвисневъ смѣненъ. Мѣсто его заступилъ Шидловскій, военный генералъ. Говорятъ, онъ сильно отказывался отъ этого назначенія, представляя, что ему вовсе незнакомъ ходъ литературныхъ дѣлъ и печати. Притомъ онъ прибавлялъ, что онъ человѣкъ горячій и привыкъ дѣйствовать энергически, каковый способъ приличенъ въ полицейской сферѣ, но, можетъ быть, окажется неудобнымъ въ кругу науки и мысли.

— 27. Воскресенье. Мысль о „подтянутіи" печати возникла первоначально въ головѣ министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго. Состоя не въ ладахъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ, онъ представилъ записку о крайней распущенности нашей печати, что приписывалъ слабому смотрѣнію за нею начальства, которому она подлежитъ. На это, въ отсутствіе Тимашева, отвѣчалъ товарищъ его, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, что распущенности и зловредности въ печати никакихъ нѣтъ, а если онѣ гдѣ-либо существуютъ, такъ въ головахъ профессоровъ и учителей, за которыми худо смотритъ графъ

Толстой. Сперва записка графа Толстаго, повидимому, не произвела впечатлѣнія.

— 29. Вторникъ. Сегодня новый начальникъ по дѣламъ печати, Шидловскій, принималъ въ первый разъ своихъ чиновниковъ. Вотъ какъ это происходило по свидѣтельству одного изъ нихъ, а именно Нагеля, который съ буквальною точностью передалъ мнѣ все, тотчасъ по возвращеніи отъ генерала Шидловскаго.

Послѣдній вошелъ въ залу въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, сдѣлалъ всѣмъ собравшимся отвѣтный поклонъ и обратился къ каждому чиновнику съ вопросами: „кто онъ, чѣмъ занимается и давно-ли служитъ?“ Переспросивъ такимъ образомъ всѣхъ, онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, принялъ настоящую генеральскую позу и произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Господа, я очень жалѣю, что при самомъ началѣ моего знакомства съ вами, я долженъ сдѣлать вамъ замѣчаніе: во-первыхъ, вы явились ко мнѣ въ вицмундирахъ, а не въ мундирахъ — это противно законамъ службы. Вы должны были одѣться въ мундиры. Во-вторыхъ, я вижу здѣсь нѣкоторыхъ съ бородами—бородъ не надо, я ихъ не потерплю. У нѣкоторыхъ я замѣчаю усы—и ихъ не надо; усы подобаетъ носить военнымъ. Даже и эти округлые бакены, сильно напоминающіе бороды, не должны быть. Я буду строго наблюдать чинопочитаніе. Затѣмъ, прощайте.

Октябрь—2. Пятница. Земскія учрежденія, суды, печать и распространеніе первоначальнаго образованія въ массахъ на первый случай хоть грамотности—вотъ существеннѣйшіе и главные предметы, на которые должно быть обращено вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи.

Конференція Академіи наукъ назначила меня депутатомъ въ высочайше учрежденную комиссію для сліянія всѣхъ казенныхъ типографій въ одну государственную. Я долженъ защищать необходимость для Академіи имѣть свою собственную типографію, которая къ тому же казнѣ ничего не стоитъ.

Одно только: держись крѣпко тѣхъ законовъ, которые для тебя установила твоя совѣсть.

Самый лучшій другъ и самый бо́льшой врагъ человѣка— это онъ самъ.

Борьба между администраціею и интеллигенціею общества нескончаема. Я знаю только одно средство нѣсколько укрѣпить первую: это то, чтобы она старалась быть лучшею.

— 3. Суббота. Впродолженіе моей жизни я видѣлъ много запретительныхъ мѣръ противъ печати, но ни одна не достигла своей цѣли, т. е. не останавливала потока мыслей, а только извращала его и заставляла уходить въ глубь, чтобы затѣмъ снова вырваться изъ-подъ земли уже бурливымъ ключемъ въ какомъ-нибудь темномъ углу.

Но, да не смущается сердце ваше: вѣрьте въ живучесть и производительную силу мысли. Хорошо-ли, дурно-ли, что она живетъ, но только ей дано много живучести, много производительной силы, а если-бы не такъ, то давно-бы ее погасили.

Говорятъ, Шидловскій имѣетъ личные доклады. Итакъ, учредилось новое министерство по дѣламъ печати.

— 5. Понедѣльникъ. Надняхъ, говорятъ, Государю представлялся предводитель дворянства одной изъ остзейскихъ губерній. Государь сказалъ ему нѣсколько словъ по-русски. Предводитель потупилъ голову и молчалъ, а на повторенный Государемъ вопросъ, отвѣчалъ, что не понимаетъ по-русски. Государь на это замѣтилъ, что надо говорить по-русски, и отошелъ въ сторону. Забавнѣе всего, что этотъ господинъ ѣхалъ во дворецъ въ придворной каретѣ вмѣстѣ съ губернаторомъ какой-то губерніи, Клушинымъ, и все время говорилъ съ нимъ по-русски.

Самый хмѣльной напитокъ—это успѣхъ. Отъ него не только пьянѣютъ, но подчасъ и совсѣмъ дурѣютъ даже самыя крѣпкія головы.

— 10. Суббота. Объединеніе національностей, составляющее одну изъ основныхъ задачъ нашего высокопросвѣщеннаго и прогрессивнаго времени, есть источникъ и начало безконечныхъ международныхъ соперничествъ, распрей и войнъ.

— 13. Вторникъ. Англія, кажется, беретъ на себя иниціативу вмѣшательства въ войну и склоненія къ миру воюющихъ сторонъ. Отчего-же не мы?

— 16. Пятница. Мецъ взятъ. Сто пятьдесятъ тысячъ французовъ сдалось пруссакамъ.

— 16. Суббота. Современныя событія имѣютъ глубокое роковое значеніе: они вполнѣ объясняютъ, что значитъ цивилиза-

ція, прогрессъ XIX вѣка. Изъ передовыхъ націй міра одна достигла такой внутренней распущенности, такого хаоса понятій и нравовъ, что въ два мѣсяца очутилась на краю пропасти. Другая нація проявляетъ такія грубыя страсти въ войнѣ, которыя сильно напоминаютъ доброе старое время. Итакъ, не далеко ушло человѣчество по пути такъ называемаго прогресса! Куда дѣвались, напримѣръ, прославленныя, глубокія философскія, гуманныя стремленія въ наукѣ нѣмцевъ? И вообще, много-ли содѣйствовала наука къ истинному, существенному улучшенію человѣка, если онъ попрежнему остается такимъ-же рабомъ своихъ животныхъ влеченій. А что дѣлаетъ остальная цивилизованная Европа? При видѣ такого страшнаго кровопролитія и бѣдствія, она занимается дипломатическими сплетнями, вмѣсто того, чтобы дѣятельнымъ и твердымъ участіемъ положить конецъ этимъ безобразіямъ. Англіи хочется половить рыбы въ мутной водѣ. Россія благодушествуетъ и благоговѣетъ передъ Пруссіею! Все это, видите, политика, дипломатія, политическіе интересы и т. д. Нѣтъ! вся наша настоящая цивилизація, нашъ прогрессъ и наша наука, все это пустыя слова, и человѣчество находится еще на очень низкой степени развитія, несмотря на свои желѣзныя дороги, машины, свои фабрики и политическую экономію.

Я не спорю, что все, что есть—есть такъ, какъ должно быть, что иначе оно и быть не можетъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ кричать о величіи вѣка, о чудныхъ успѣхахъ науки, о прогрессѣ и проч.? Вѣдь все это грубая, пошлая ложь, блескъ снаружи, гниль и смрадъ внутри.

Позоръ Мецской сдачи имѣетъ и свою выгодную сторону для Франціи: она, благодаря ей, выбросила изъ себя послѣдніе гнусные остатки имперіализма.

Только тогда человѣкъ заслуживаетъ уваженія за сдѣланное имъ хорошее дѣло, когда онъ могъ его и не сдѣлать.

Уничтожить въ человѣкѣ разные предразсудки и иллюзіи еще не значитъ сдѣлать его довольнѣе, лучше и просвѣщеннѣе,

— 21. Среда. Обѣдалъ у дяди Марка (Любощинскаго) и видѣлся тамъ съ Пироговымъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, я впервые познакомился съ нимъ у покойнаго Чевилева. Теперь

ему, какъ онъ самъ сказалъ, уже семьдесятъ лѣтъ, но онъ довольно бодръ еще и свѣжъ. Онъ живетъ постоянно въ своемъ имѣніи въ Каменецъ-Подольской губерніи и теперь ѣдетъ туда, на возвратномъ пути изъ за границы, гдѣ былъ, по порученію императрицы Маріи Александровны, для изученія разныхъ средствъ помощи раненымъ. Между прочимъ, онъ говорилъ, что Базенъ сдался съ своею арміею вовсе не отъ голода. Въ лагерѣ его не было соли и было мало мяса, но хлѣба имѣлось вдоволь. Пироговъ узналъ объ этомъ подъ самымъ Мецомъ.

Отъ меня нерѣдко требовали услугъ по дѣламъ печати и народнаго образованія. Худо-ли, хорошо-ли я ихъ исполнялъ, но услуги эти вегда покоились на основѣ строгой честности, т. е. все, что я дѣлалъ и старался дѣлать, то было мною дѣлано не въ угоду какому-нибудь лицу или системѣ, не соотвѣтствовавшей моимъ понятіямъ о пользѣ общественной. Главною моею цѣлью было соглашеніе интересовъ государственныхъ съ общественными. Съ этою цѣлью принялъ я на себя и званіе члена комитета для учрежденія дѣлъ по печати, состоявшаго изъ графа Адлерберга, Муханова и Тимашева. Въ такомъ духѣ объяснялся я лично и съ самимъ Государемъ. Такъ же точно принялъ я на себя основаніе газеты: „Сѣверная Почта". Такъ поступалъ я и во время моего тѣснаго союза съ министерствомъ народнаго просвѣщенія подъ управленіемъ Норова. Успѣхи часто не соотвѣтствовали моимъ, говорю смѣло поднявъ голову, честнымъ и безкорыстнымъ намѣреніямъ. Но тутъ уже была не моя вина, да можетъ быть и ничья, а вотъ развѣ тѣхъ тревожныхъ и быстро смѣнявшихся обстоятельствъ, среди которыхъ вращались люди и вещи. Я никогда не былъ способенъ сдѣлаться ни радикаломъ, ни ультраконсерваторомъ. Глубокое, твердо укоренившееся во мнѣ съ дѣтства чувство справедливости и уваженіе къ правдѣ рѣшительно дѣлали меня неспособнымъ къ какимъ бы то ни было одностороннимъ и преувеличеннымъ требованіямъ. Воздавать кесарю кесарево и Божье Богови—я всегда признавалъ за начало, въ силу котораго и должны устраиваться дѣла человѣческія. Меня часто упрекали въ идеализмѣ. Но я полагаю, что самые недоброжелатели мои не въ состояніи обвинить меня въ своекорыстіи и въ анти-общественныхъ стремленіяхъ и вообще въ страстяхъ, которыя были-бы недостойны человѣка и гражда-

нина. Вотъ что я могу, какъ говорится, положа руку на сердце, сказать съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти [1]).

Что касается моего идеализма, то онъ состоялъ въ томъ, что я питалъ и продолжаю питать непреодолимое отвращеніе ко всякимъ дрязгамъ и мелочности въ жизни, наукѣ и литературѣ. Этого я нимало не вмѣняю себѣ въ достоинство, напротивъ, думаю, что въ житейскомъ и практическомъ смыслѣ это большой недостатокъ. Но, какъ говоритъ Манфредъ Байрона, въ этомъ „я не могъ преодолѣть моей природы".

— 26. Понедѣльникъ. Деспоты думаютъ, что людьми нельзя управлять посредствомъ благости и правосудія. Оставимъ въ сторонѣ благость, которая въ глазахъ многихъ слыветъ за качество, годное для устройства царства Божьяго, а не человѣческаго; но правосудіе это такое условіе, безъ котораго немыслимо человѣческое общество. Правосудіе, огражденное закономъ, есть главное основаніе общественныхъ отношеній.

Надо признаться, что вражда національностей вовсе не гуманное чувство. Это задатокъ будущихъ соперничествъ и войнъ.

Чрезвычайно вѣрны пословицы: „смѣлость города беретъ" и „смѣлымъ Богъ владѣетъ". Въ самомъ дѣлѣ, не тотъ правъ, кто правъ, а кто смѣлъ.

— 27. Вторникъ. Самый лучшій способъ управляться съ нашими раскольниками состоитъ въ томъ, чтобы не преслѣдовать ихъ и не препираться съ ними, а оставить ихъ совершенно независимыми и заботиться только объ ихъ образованіи. Разумѣется, я отсюда исключаю нѣкоторыя вредныя раскольничьи секты.

Ноябрь. — 3. Вторникъ. Важное событіе: отмѣна части Парижскаго трактата. Объ этомъ напечатано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

— 5. Четвергъ. Новое важное событіе: объявлено о введеніи новой системы воинской повинности.

— 6. Пятница. Прочелъ въ общемъ собраніи Академіи наукъ составленный мною проектъ адреса Михайловской Артилле-

---

[1]) NB. Это часть моей чистосердечной исповѣди передъ Богомъ и людьми моего народа и моего времени. (Выноска автора, сдѣланная имъ на поляхъ „Дневника"). *Ред.*

рійской академіи и училищу, по поводу празднованія пятидесятилѣтія ихъ существованія. Проектъ одобренъ. Меня назначили депутатомъ для поднесенія адреса. Ассистентами моими избраны Савичъ и Бутлеровъ.

Безконечные толки въ публикѣ о деклараціи нашей въ отмѣну части Парижскаго трактата, а еще больше о всеобщей воинской повинности. Относительно послѣдней иные опасаются, чтобы распространеніе ея на всѣ сословія безусловно, въ томъ числѣ на ученое и учебное, не остановило-бы и даже не отодвинуло-бы назадъ нашего еще весьма юнаго просвѣщенія. Германскіе порядки, говорятъ, намъ не примѣръ. Образованіе тамъ такъ широко раскинулось и такъ утвердилось, что привлеченіе къ военной повинности ученыхъ и учащихся не можетъ повредить ему.

— 12. Четвергъ. Одинъ изъ первенствующихъ просвѣщенныхъ народовъ истребляетъ другой, подобный-же, съ ожесточеніемъ, достойнымъ варварскихъ временъ. И это прогрессъ, цивилизація! Какъ тутъ уберечься отъ презрѣнія къ человѣку и его судьбѣ! Боюсь, не купили-ли мы Черное море цѣною слишкомъ большаго соучастія съ пруссаками въ убійствѣ Франціи. Это было-бы оскорбительно для чувства русскаго народа, отъ природы великодушнаго.

Неужели это воздаяніе Франціи за Крымскую войну? Но вѣдь мы не злопамятны. Да притомъ за нее мы могли-бы мстить Наполеону, а не цѣлой націи французской.

— 19. Четвергъ. Пруссаки, продолжая терзать Францію, между прочимъ, оказываютъ услугу намъ. Они на вѣчныя времена закрѣпляютъ ненависть къ себѣ французовъ и въ случаѣ ихъ (пруссаковъ) столкновенія съ нами, что надо въ будущемъ считать неизбѣжнымъ — французы будутъ нашими естественными союзниками.

Капельманъ, редакторъ Спб. французской газеты, сошелъ съ ума. Онъ высказывалъ въ своей газетѣ сочувствіе пруссакамъ и особенно защищалъ Базена. Здѣшніе французы его жестоко преслѣдовали и даже, говорятъ, какъ-то и куда-то заманивъ его, побили. Онъ принужденъ былъ уѣхать изъ Петербурга, и вотъ теперь за-границею помѣшался.

— 25. Среда. Пятидесятилѣтній юбилей Михайловской Ар-

тиллерійской академіи, гдѣ я нѣкогда читалъ русскую словесность. Обѣдня, молебенъ и роскошный царскій завтракъ. Государь пріѣхалъ къ молебну, затѣмъ изъ пріемной прошелъ по всѣмъ комнатамъ, гдѣ рядами стояли бывшіе и настоящіе воспитанники академіи и толпились сановники и разные приглашенные. Мы, бывшіе профессора, находились въ особой комнатѣ. Когда дошла до насъ очередь, Государь очень привѣтливо благодарилъ насъ за то, что мы образовали отличныхъ офицеровъ. Ко мнѣ обращались многіе изъ моихъ бывшихъ слушателей съ самыми радушными воспоминаніями: почти всѣ уже генералы, украшенные орденами и сѣдиною. Товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера, Баранцевъ, объявилъ мнѣ, что я избранъ почетнымъ членомъ академіи, и очень любезно прибавилъ, что мы теперь съ нимъ товарищи. Тосты за обѣдомъ предлагалъ великій князь Николай Николаевичъ. Первый тостъ, разумѣется, былъ въ честь Государя и сопровождался оглушительнымъ ура! Второй въ честь великой княгини Елены Павловны, которую Государь велъ подъ руку.

— 27. Пятница. Актъ въ Артиллерійской академіи. Депутаціи отъ двадцати двухъ учрежденій съ поздравительными адресами. Первая депутація отъ Академіи наукъ. Я прочиталъ адресъ хорошо. Ассистентами моими были Савичъ и Бутлеровъ. Все сошло не только прилично, но и торжественно. Въ самомъ началѣ акта прочитаны были грамота Государя и благодарственные рескрипты великихъ князей, избранныхъ въ почетные члены; потомъ списокъ наградъ. Мнѣ золотая съ бриліантами и съ вензелемъ Государя табакерка, которую въ концѣ акта и вручилъ мнѣ великій князь Михаилъ Николаевичъ съ очень ласковымъ привѣтствіемъ.

— 28. Суббота. На панихидѣ по покойномъ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, какъ основателѣ академіи.

— 29. Воскресенье. Обѣдъ въ академіи. Послѣ обѣда расходившееся юношество произвело качаніе—досталось и мнѣ. Но все это было, хотя и шумно, однако, вполнѣ прилично. Меня юноши проводили до кареты и посадили въ нее.

Декабрь. — 1. Вторникъ. Вмѣстѣ съ другими, представлялся Государю для принесенія благодарности за полученную награду. Это было въ часъ по-полудни въ Зимнемъ дворцѣ. Когда

дошла очередь до меня, Государь съ своею ласковою улыбкою очень привѣтливо сказалъ:

— Благодарю васъ за вашу полезную службу; я увѣренъ, что вы съ такою-же пользою будете продолжать ее и впередъ.

Главная ошибка Наполеона III состояла въ томъ, что онъ думалъ играть только на дурныхъ страстяхъ, забывъ, что у людей бываютъ и хорошія.

Всякій долженъ говорить языкомъ своего сердца и своего ума. Тотъ слогъ хорошъ, который дѣлается самъ, а не тотъ, который дѣлаютъ.

— 3. Четвергъ. Три журнала задержаны цензурою: „Вѣстникъ Европы", „Русскій Архивъ" и „Отечественныя Записки".

— 4, Пятница. „Вѣстникъ Европы" вышелъ съ десятью вырѣзанными страницами, въ которыхъ заключалась конституція, во время оно писанная Новосильцевымъ. Статья эта А. Н. Пыпина и составляетъ продолженіе его статей объ Александрѣ I. Стасюлевичъ объяснялся по этому поводу съ министромъ А. Е. Тимашевымъ, который принялъ его очень ласково и, между прочимъ, сказалъ, что статья не была-бы задержана, еслибъ не московскій адресъ.

А что это за адресъ? Москва или московская дума проситъ въ немъ о свободѣ печати, свободѣ совѣсти и церкви. Иные называютъ его безтактнымъ. Я самъ его не читалъ и потому не знаю каковъ онъ.

Энгельгардта, его жену и жившую съ ними дѣвицу Волкову арестовали. Арестованы также пять или шесть студентовъ Земледѣльческаго училища. Въ чемъ ихъ обвиняютъ, я еще не слышалъ. А мы въ сегодняшнемъ засѣданіи Академіи наукъ присудили Энгельгардту Ломоносовскую премію за его трудъ по химіи.

— 11. Пятница. Вопросъ Бисмарка и вопросъ Франціи— это вопросъ деспотизма и свободы.

Подобные Піетри изобрѣтатели заговора были не въ одной Франціи—были и есть.

— 12. Суббота. Благо — это вымыселъ человѣческій; законъ—это необходимость; долгъ—вотъ что существуетъ въ дѣйствительности.

— 17. Четвергъ. Это не пруссаки и французы сражаются:

это бьется прошедшее съ будущимъ. Призракъ феодальнаго средневѣковаго консерватизма всталъ изъ гроба и грозитъ Европѣ.

Не мудрено презирать людей: они, можетъ быть, и заслуживаютъ этого. Но, прежде всего, надо имъ благотворить, потому что они еще больше заслуживаютъ сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія.

— 20. Воскресенье. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкая философія отыщетъ глубокій смыслъ, великій элементъ прогресса въ этой бойнѣ, которая производится теперь нѣмцами во Франціи. Бѣдное человѣчество! Оно даже не имѣетъ утѣшенія сѣтовать о своихъ страданіяхъ, а напротивъ, должно радоваться и, слушая нѣмецкихъ и всяческихъ философовъ, что всѣ эти пожары, грабежи, избіенія—все это къ лучшему. Не цѣлесообразнѣе-ли было-бы этимъ мыслителямъ совѣтовать своимъ гражданамъ меньше проливать крови, грабить и всячески свирѣпствовать въ угожденіе своему Бисмарку, который, чего добраго, ихъ-же самихъ закуетъ въ цѣпи, а разбить ихъ имъ опять помогутъ развѣ тѣ-же французы—если уцѣлѣютъ.

— 25. Пятница. Прекрасны слова Лагарпа: „Обманывать людей можно и съ малымъ умомъ, но просвѣщать ихъ трудно и съ большимъ".

Почему Гогенцоллерны будутъ лучше для человѣчества, чѣмъ Наполеоны? Эти похищали власть и думали поддерживать ее желѣзомъ и кровью, а тѣ развѣ иначе достигаютъ ея? Власть—все власть: одинъ возносится на высоту, другой старается его низвергнуть съ нея, чтобы самому занять его мѣсто, а иные глубокіе мыслители видятъ въ этомъ великія идеи и громадные успѣхи прогресса—въ будущемъ. Сдается, что они употребляютъ умъ на выработку тумана для омраченія здраваго смысла, а будущее само за себя похлопочетъ и сдѣлаетъ все по своему.

— 29. Вторникъ. Актъ въ Академіи наукъ. Я, по обыкновенію, читалъ обозрѣніе дѣйствій втораго отдѣленія за истекающій годъ. Прочиталъ хорошо — громко. Публика была довольна, само собою разумѣется, и тѣмъ, что я читалъ всего тридцать три минуты. Потомъ академики собрались на обычный годовой обѣдъ къ Донону, въ томъ числѣ и герцогъ Николай Максиміліановичъ Лейхтенбергскій. Онъ былъ очень милъ и любезенъ и образовалъ около себя небольшой отдѣльный кружокъ. Тутъ были: Овсянни-

ковъ, Бутлеровъ, Гротъ, Безобразовъ, А. П. Заблоцкій, въ качествѣ нашего почетнаго члена, и я. Вернулся домой около десяти часовъ вечера.

31. Четвергъ. Конецъ 1870-го года.

1871 годъ.

Январь.—1. Пятница. Заѣзжалъ къ графинѣ Блудовой. Встрѣтилъ у ней Каткова, пріѣхавшаго на нѣсколько дней изъ Москвы хлопотать у министра за классицизмъ. Катковъ поздоровался со мною, какъ со старымъ пріятелемъ. Хотя у меня и была причина лично негодовать на него, однако, я давно объ этомъ забылъ изъ уваженія къ его несомнѣннымъ достоинствамъ и услугамъ, которыя онъ, во всякомъ случаѣ, оказалъ своею газетою народному русскому дѣлу. Катковъ скоро ушелъ, сказавъ, что непремѣнно хочетъ побывать у меня. Затѣмъ къ графинѣ вдругъ неожиданно вошелъ Государь Александръ Николаевичъ, въ полной формѣ и лентѣ, поздравить ее съ новымъ годомъ; я, разумѣется, тотчасъ отправился во-свояси, но по пути заѣхалъ еще къ Княжевичамъ.

— 2. Суббота. Ко мнѣ заѣзжалъ Катковъ, но не засталъ меня дома. Безконечные толки о Скарятинѣ, который нечаянно нанесъ себѣ смертельную рану во время царской охоты, вблизи самого Государя. Охота была на медвѣдя. Скарятинъ успѣлъ только сказать Государю: „Ваше Величество, я умираю". Государь, говорятъ, чрезвычайно этимъ огорченъ.

— 3. Воскресенье. Поутру сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, въ томъ числѣ Платову, отъ котораго получилъ великолѣпно переплетенный экземпляръ исторіи Михайловской академіи, по случаю ея пятидесятилѣтняго юбилея и выбитую въ честь тогоже событія бронзовую медаль. Заѣзжалъ къ Каткову, но также не засталъ его дома. Онъ сегодня уже обратно ѣдетъ въ Москву.

Одна только глубокая и праведная скорбь о безчисленныхъ человѣческихъ бѣдствіяхъ можетъ спасать многопытный умъ отъ презрѣнія къ людямъ.

— 7. Четвергъ. Есть люди, которые ни передъ чѣмъ не блѣднѣютъ, да ни отъ чего и не краснѣютъ.

Единственная дѣйствительная мудрость и мораль жизни— та, которой мы научаемся изъ собственныхъ нашихъ ошибокъ и паденія. Къ сожалѣнію, эта мудрость и эта мораль даютъ намъ результаты своихъ уроковъ тогда, когда уже поздно ими пользоваться.

— 10. Воскресенье. Вечеръ у Я. К. Грота. Споръ о Карамзинѣ. Нѣкоторые защищали статью о немъ Страхова, написанную противъ Пыпина. Надняхъ мой Орестъ Миллеръ имѣлъ сильное препирательство съ авторомъ статьи, уничтожая ее въ прахъ, но въ жару спора очень крѣпко отозвался и о Карамзинѣ.

— 11. Понедѣльникъ. Девять академиковъ, должно быть по числу музъ, сегодня обѣдали у Донона. Тутъ былъ и я, одинъ среди естественниковъ, и вступилъ въ преніе съ Чебышевымъ и Веселовскимъ въ защиту идеала.

Вечеромъ въ комиссіи о центральной типографіи. Протестовали противъ слiянія типографіи министерства: военное, морское, путей сообщенія и народнаго просвѣщенія, котораго я представитель. Предсѣдатель, сенаторъ Брунъ, кажется, тянетъ на сторону сліяній всѣхъ типографій въ одну. Впрочемъ, сегодня были только предварительныя пренія.

— 14. Четвергъ. Опять послѣ теплой погоды двадцатиградусные морозы.

Вечеръ у одной изъ моихъ бывшихъ учениць, Елены Карловны Богдановой. До сихъ поръ мнѣ неизвѣстный, поэтъ Апухтинъ читалъ свои стихи „Гадальщица“ и „Севастополь“. Я вообще мало довѣряю стихамъ нынѣшнихъ новыхъ поэтовъ, но настоящіе, къ моему удовольствію оказались прекрасными, особенно „Севастополь“. Собраніе было большое для маленькихъ комнатъ хозяйки. Разговоръ вертѣлся около Ферзена, который, какъ оказывается теперь, убилъ нечаянно Скарятина на царской охотѣ—и около Франціи. И здѣсь, какъ почти во всѣхъ обществахъ, гдѣ мнѣ случается бывать, выражались непріязнь къ побѣдоноснымъ пруссакамъ и сочувствіе къ бѣдствіямъ Франціи. Отъ мала до велика мужчины и женщины люди простые и образованные, всѣ единомышленны въ этомъ отношеніи. Одинъ

артиллерійскій генералъ разсказалъ мнѣ слѣдующее, ручаясь за правдивость своихъ словъ. Нѣкто изъ его знакомыхъ недавно проѣзжалъ черезъ Германію и видѣлся тамъ съ однимъ весьма извѣстнымъ ученымъ нѣмцемъ, съ которымъ онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ. Зашелъ между ними разговоръ о войнѣ.

— Знаете-ли вы, сказалъ русскому путешественнику нѣмецкій ученый,—кто виноватъ во всѣхъ ужасахъ и въ продолжительности этой варварской войны?—вы!

— Какъ мы, воскликнулъ нашъ россіянинъ.

— Да, вы! Еслибъ вы въ самомъ началѣ этой бойни приняли твердое положеніе и стали въ позицію настоящаго, а не притворнаго нейтралитета, думали только объ истинныхъ интересахъ своихъ и Европы, держась здравой политики, то, повѣрьте, этихъ ужасовъ не было-бы. Тутъ не было никакой нужды въ дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ войну со стороны Россіи. Дѣла были такого свойства, что одно разумно и твердо сказанное Россіею слово остановило-бы притязанія военнаго властолюбія и далѣе намѣченной ею черты пруссаки не пошли-бы.

— Вотъ какъ судятъ сами нѣмцы. Заключилъ свой разсказъ артиллерійскій генералъ.

Въ качествѣ противника связанныхъ съ радикальными переворотами кровавыхъ потрясеній, я иногда видѣлъ въ Наполеонѣ III если и зло, то зло необходимое для отвращенія другого бóльшаго зла—кровавыхъ анархическихъ оргій. Каюсь, я жестоко ошибался. Видно, плохо клинъ клиномъ выбивается. Этотъ человѣкъ своимъ грубымъ эгоизмомъ погубилъ Францію. Подобныхъ ему.... немного найдется въ исторіи. А теперь на мѣсто его въ Европѣ распоряжается Бисмаркъ, конечно, одаренный несравненно бóльшимъ умомъ, но такой-же эгоистъ и представитель матеріальной силы. И вотъ кто двигатели исторіи и властелины народныхъ судебъ. На Пруссію хотя и надѣли императорскую корону, но Бисмаркъ ее держитъ и ведетъ куда угодно.

— 18. Понедѣльникъ. Собраніе у Ильи Ильича Ростовцева для разбора и приготовленія къ изданію сочиненій, оставшихся послѣ Щербины. Въ собраніи участвовали, кромѣ хозяина: И. П. Корниловъ, Н. М. Благовѣщенскій, Николаевскій, Т. И. Филипповъ и я.

— 20. Среда. Смотри корреспонденцію изъ Пермской губерніи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Пермская губернія является въ ней сценою такого административнаго произвола, который кажется необыкновеннымъ... А между тѣмъ, наши (дѣятели) стараются, какъ можно больше, увеличить въ губерніяхъ, т. е. сдѣлать тамъ почти неограниченною власть губернаторовъ и полиціи.

— 24. Воскресенье. Вечеромъ у Т. И. Ф**. Толпа народу. Какъ и всегда, въ толпѣ почувствовалъ себя тоскливо и скоро ушелъ.

— 25. Понедѣльникъ. У меня была на разсмотрѣніи для Уваровской преміи комедія Потѣхина: „Рыцари“. Несмотря на кое-какія достоинства, я не нашелъ ее достойною преміи. Недавно она была поставлена на сцену и, говорятъ, превосходно, не безъ успѣха разыграна, но уже подъ другимъ названіемъ: „Мутная вода“. Въ комедіи, между прочимъ, два главныя дѣйствующія лица: баронесса нѣмка и нѣмецъ Кукукъ—оба мошенники, оплетающіе и надувающіе русскихъ. Театральное начальство признало это непозволительнымъ и велѣло нѣмцевъ преобразовать въ русскихъ, изъ чего выходитъ, что русскіе могутъ быть подлецами, а нѣмцы нѣтъ. Такъ поняла это публика и объ этомъ много говорятъ.

— 26. Вторникъ. Любопытно знать, какъ исторія и философское глубокомысліе объяснятъ паденіе Франціи. Нѣмецкіе философы, вѣроятно, скажутъ, что человѣчество должно много отъ этого выиграть и, конечно, порадуется этой смѣнѣ всемірнаго значенія французовъ въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ прусско-германскою грубою матеріальною силою. Францію, скажутъ, развратили идеи, а она развратила міръ. Назначеніе Пруссіи—возвратить его разуму и здравымъ понятіямъ, конечно, не иначе, какъ посредствомъ крови, желѣза и казарменной дисциплины. Подъ сѣнью благодѣтельныхъ прусскихъ штыковъ міръ успокоится, и всѣ вопросы, волнующіе общества, будутъ разрѣшаться въ главномъ прусскомъ штабѣ.

„Я не вижу Европы“, сказалъ Бейстъ, и сказалъ на этотъ разъ очень вѣрно. Дѣйствительно, мудрено видѣть то, чего нѣтъ. Нынѣшняя Европа—это страна мертвыхъ, умирающихъ и только

начинающихъ еще жить, но начинающихъ подъ ферулою тѣхъ, которые захотятъ ими командовать и ихъ учить.

Религія поучаетъ насъ покоряться волѣ Божіей, философія — закону необходимости. Да и что-же, въ самомъ дѣлѣ, остается, какъ не покориться такому ничтожному существу, какъ человѣкъ? Но можно-ли оставаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ человѣческимъ? Можно-ли спокойно смотрѣть на милліоны погибшихъ и гибнущихъ человѣческихъ существъ въ предположеніи, что эта гибель необходима для устраненія лучшаго порядка вещей, для достиженія благой цѣли? Ужели въ чувствѣ глубокаго состраданія къ нимъ не позволено спросить: почему одни должны такъ жестоко страдать, чтобы другіе немного лучше пожили. Да, много надо вѣры, почти больше, чѣмъ можетъ вмѣстить въ себѣ сердце человѣческое, чтобы согласить все это съ идеею безпредѣльнаго милосердія и всемогущества.

— 29. Пятница. Итакъ, Франція гибнетъ, и гибнетъ не потому только, что ее сокрушаетъ матеріальная внѣшняя сила, но потому, что, благодаря Наполеону, въ ней самой недостатокъ великаго духа, способнаго отстаивать свою честь и самостоятельность. Она должна склонить голову передъ позорнымъ условіемъ мира, который ей предписываетъ Бисмаркъ, должна потому, что въ ией нѣтъ единства, нѣтъ моральной силы, которая въ минуту опасности одушевила-бы ея сыновъ. Одинъ Гамбетта, но одинъ въ полѣ не воинъ, да онъ и не воинъ. Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, историческая роль Франціи кончена? Нѣтъ, быть не можетъ. Она воспрянетъ, должна воспрянуть и снова занять передовое мѣсто въ кругу европейской семьи. Но когда, какимъ путемъ, какія жертвы и страданія ожидаютъ ее еще впереди?!

— 30. Суббота. Большая конфузія, по поводу напечатанныхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статей о дѣлахъ чинившихся въ Пермской губерніи администраціею. Разыскивается, кто сообщилъ въ московскую газету свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ, которыя почему-то должны были считаться секретомъ даже тогда, когда о нихъ производилъ разслѣдованіе сенаторъ Клушинъ.

Самое прискорбное явленіе нашей эпохи это то, что принципы, казавшіеся способными одушевлять людей въ дни кризисовъ, т. е. патріотизмъ, свобода, оказываются несостоятель-

ными передъ напоромъ грубой матеріальной силы. Франція — эта классическая страна чести, патріотизма и свободы — склоняется въ прахъ передъ Пруссіею. Сорокамилліонный народъ не можетъ соединиться и настроиться въ одномъ духѣ, чтобы отстоять свое, чѣмъ могъ онъ, по справедливости, гордиться или, чтобы имѣть право сказать вмѣстѣ съ Францискомъ I: „Все погибло, кромѣ чести". Прусскіе плѣнные офицеры въ Ліонѣ ведутъ себя на улицахъ съ непозволительнымъ нахальствомъ, а французскіе граждане тѣшатъ себя остроумными противъ нихъ выходками на словахъ.

— 31. Воскресенье. Напрасно полагаютъ, что съ (оскудѣніемъ) дворянства у насъ образуется настоящая демократія, а съ нею вмѣстѣ и свобода. Забываютъ при этомъ одно, что у насъ не можетъ быть сплошной демократіи, что народъ нашъ всегда раздѣлялся и всегда или еще, по крайней-мѣрѣ, очень долго, будетъ раздѣляться на народъ собственно, и на чиновничество или бюрократію, которая и будетъ стоять во главѣ.

Февраль. — 2. Вторникъ. Въ лицѣ Бисмарка Европа подпадаетъ подъ власть, подобную той, хотя въ другой формѣ, которая тяготѣла надъ нею въ лицѣ Меттерниха. Тамъ былъ священный союзъ властителей противъ ихъ народовъ, прикрытый идеями человѣчности и христіанства. Здѣсь выдвигается впередъ Пруссія въ союзѣ съ грубою матеріальною силою. Но о чемъ они бьются — всѣ эти обскуранты? О томъ, чтобы властвовать безпрепятственно. Но на какой-же конецъ? Они прикрываются желаніемъ содѣйствовать благу народовъ посредствомъ всякаго рода угнетеній и воспрещеній. Но развѣ возможно благо на этомъ основаніи? Бюрократія (въ Германіи) бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы задушить участіе народа въ собственныхъ дѣлахъ при самомъ его рожденіи, обѣщая власти спокойное возлежаніе на его прерогативахъ, а народу—безмятежное пребываніе во снѣ, которые она считаетъ величайшимъ благомъ. Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что судьба, если и смѣется надъ усиліями людей окончательно выбиться изъ-подъ ига грубаго произвола, то, съ другой стороны, она не меньше издѣвается и надъ усиліями этого произвола въ конецъ поработить себѣ духъ человѣческій,

Я имѣю привычку каждый день передъ сномъ пересматривать и контролировать все, что я дѣлалъ, говорилъ и даже ду-

малъ въ теченіе дня. Всегда почти оказывается, что я имѣю причину быть недовольнымъ собою въ одномъ изъ этихъ отношеній, а чаще всего—во всѣхъ трехъ. Хуже всего, что контроль этотъ не мѣшаетъ и въ слѣдующіе дни иногда повторяться тѣмъ-же ошибкамъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ методъ обращаться съ самимъ собою нельзя считать совсѣмъ безплоднымъ. Если наканунѣ произнесенный мною надъ самимъ собою приговоръ не ускользаетъ при обычномъ житейскомъ волненіи изъ моей памяти, то онъ содѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, уменьшенію глупости, готовой повториться, Значитъ, надо особенно налечь на память.

— 4. Четвергъ. Въ 1855—1860-мъ годахъ я былъ плѣненъ прекрасными и благородными начатками, обѣщавшими Россіи лучшій порядокъ вещей, безъ потрясеній и жертвъ. Способнымъ людямъ было тогда стыдно и преступно не помогать правительству въ его благихъ намѣреніяхъ, и такъ какъ меня тоже считали въ числѣ людей способныхъ и вызывали на дѣятельность, то я съ жаромъ устремлялся на подобныя призванія, помимо моей ученой и литературной карьеры. Воодушевленный этими стремленіями, я находился при министрѣ Норовѣ, принималъ участіе въ комитетѣ изъ графа В. Ѳ. Адлерберга, Тимашева и Н. А. Муханова, взялся за основаніе официальной газеты и проч., несмотря на порицанія крайней партіи. Но немного времени прошло, какъ мнѣ пришлось разочароваться. Можетъ быть, и я самъ дѣйствовалъ не съ тѣмъ тонкимъ благоразуміемъ, которое въ борьбѣ различныхъ мнѣній, интересовъ и страстей всетаки успѣваетъ что-нибудь пріобрѣсти въ пользу добра. Но съ другой стороны, что дѣлать, когда цѣлая система на васъ напираетъ и увлекаетъ за собою всѣ высшія силы, располагающія судьбою дѣлъ? Хоть-бы вы и умѣя дѣйствовали, а въ концѣ концовъ всетаки вамъ придется быть устраненнымъ. Такъ было и со мною. Весьма естественно, что въ общемъ ходѣ вещей меня нашли неспособнымъ идти общею дорогою. Я и самъ пришелъ къ подобному-же заключенію, но полагаю, что это не столько по духу сопротивленія и обдуманному плану, сколько по инстинктивнымъ влеченіямъ моей природы, что, конечно, не доказываетъ большой мудрости.

А между тѣмъ, все это такъ просто и естественно... Что изъ всего этого выйдетъ?

— 8. Понедѣльникъ. Нынѣшняя зима приводитъ всѣхъ въ изумленіе своею лютостью и своимъ постоянствомъ. Почти весь январь и февраль по нынѣшній день морозъ держится между двадцатью и двадцатью-пятью градусами, а въ мѣстахъ болѣе открытыхъ доходитъ и до тридцати.

Сколько-бы ты ни пріобрѣлъ друзей, а всетаки при концѣ твоей жизни ты останешься одинъ съ своею совѣстью.

Говорятъ, Бисмаркъ есть только орудіе исторической Немезиды, карающей французовъ за ихъ легкомысліе, тщеславіе, за тревоги, какія они возбуждали въ народахъ своею революціонною пропагандою и проч. Допустимъ, что это такъ, но развѣ завидная доля быть палачемъ?

— 14. Воскресенье. На актѣ въ университетѣ. Рѣчь Хвольсона о семитическихъ народахъ. Онъ полагаетъ, что народы семитическіе стоятъ выше арійскихъ. Впрочемъ о семитическихъ народахъ вообще онъ говорилъ мало. Вся диссертація его посвящена почти исключительно восхваленію высокой образованности и качествамъ евреевъ. Хвольсонъ—самъ еврей. Много натяжекъ, много поверхностнаго въ его рѣчи. Одно мѣсто, однако, вызвало громкія рукоплесканія. Это то мѣсто, гдѣ ораторъ, восхваляя мирныя доблести евреевъ, неблагосклонно выражается о воинственныхъ стремленіяхъ европейцевъ и изъявляетъ желаніе, „чтобы пушки и ружья передѣланы были въ плуги, а казармы—въ школы“. Жаль только, что это было приведено въ рѣчи, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, а только ради эффекта.

— 17. Среда. Актъ православной духовной академіи. Актъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ первый торжественный и публичный актъ въ этой академіи. Ректоръ Янышевъ прочиталъ отчетъ, искусно составленный, въ которомъ не было недостатка въ любезностяхъ..... Потомъ Кояловичъ прочиталъ рѣчь „о безвѣріи въ нашемъ обществѣ въ настоящее время“. Рѣчь вышла довольно слабая. Въ ней вмѣсто безвѣрія нашего времени было говорено о ересяхъ XIV, XV и XVI вѣковъ. Авторъ, кажется, не сообразилъ, что эти ереси были не безвѣріемъ, а разногласіемъ въ вѣрѣ, тогда какъ безвѣріе нашего времени, если ужъ на то пошло, идетъ вообще противъ принципа всякаго вѣрованія, въ чемъ большая разница. Впрочемъ, Кояловичъ вовсе не

коснулся послѣдняго, такъ что рѣчь оказалась не тѣмъ, что обѣщало ея заглавіе. Я, между прочимъ, познакомился здѣсь съ извѣстнымъ протоіереемъ Богословскимъ и съ двумя профессорами академіи Чистовичемъ и Нильскимъ.

Миръ Пруссіи съ Франціею или, вѣрнѣе, перемиріе, потому что Бисмарковскія условія, на которыя Франція въ настоящую минуту принуждена согласиться, таковы, что ни одинъ народъ, не погибшій окончательно, не можетъ считать ихъ для себя навсегда обязательными. Можно только бояться, чтобы французы, по пылкости своего темперамента, не покусились свергнуть съ себя оковы этого невозможнаго мира прежде, чѣмъ они вполнѣ приготовятся къ новой войнѣ.

— 18. Четвергъ. Сегодня похороны Валеріана Алексѣевича Татаринова, бывшаго государственнаго контролера. Это одинъ изъ тѣхъ дѣятелей нашей высшей администраціи, какихъ у насъ немного. На мѣсто его назначенъ А. А. Абаза.

Если есть честный, не фальшивый человѣкъ, не лицемѣръ, не лжецъ, въ нынѣшнемъ политическомъ мірѣ, такъ это Бисмаркъ. Онъ не прячетъ своихъ цѣлей подъ цвѣтами вымышленныхъ добродѣтелей и мнимо-гуманныхъ стремленій. Онъ прямо и смѣло дѣлаетъ то, что хочетъ. У него желѣзная воля и желѣзная рука: онъ прямо простираетъ ее надъ Европою, не заботясь даже одѣть ее въ бархатную перчатку.

— 21. Воскресенье. Храмовой праздникъ въ Римско-Католической академіи и обѣдъ. Превосходная рыба, множество любезностей и улыбокъ, гимнъ „Боже, Царя храни“ и въ заключеніе даже тостъ за меня.

— 22. Понедѣльникъ. У графини Блудовой, гдѣ опять поспорилъ съ нею и съ братомъ ея за французовъ, которыхъ они считаютъ скверными и вполнѣ достойными постигшей ихъ участи. Но нельзя-же смотрѣть на народъ такъ односторонне, только со стороны его недостатковъ и ошибокъ, въ противномъ случаѣ—куда-бы и намъ дѣваться?

Мартъ.—7. Воскресенье. Красные и Наполеонъ III, кажется рѣшились соперничать кто изъ нихъ вѣрнѣе погубитъ Францію.

— 8. Понедѣльникъ. Двѣ враждебныя силы атакуютъ Петербургъ: эпидемическая оспа и эпидемическая холера. Послѣд-

няя какъ-то вдругъ поднялась и выросла. Первою жертвою ея былъ сынъ принца Ольденбургскаго, а тамъ пошла она косить. Да какая свирѣпая—въ три, въ четыре часа кончаетъ дѣло смерти, точно пруссакъ, въ шесть мѣсяцевъ разгромившій Францію. Оспа, хотя не такъ смертоносна, однако, всѣ пустились прививать ее себѣ. Хорошее времячко: люди и природа спорятъ другъ съ другомъ, кто больше истребитъ людей.

А вотъ и во Франціи новая революція.

— 12. Пятница. Умеръ Александръ Григорьевичъ Тройницкій, членъ Государственнаго совѣта. Это потеря и для общества и лично для меня. Онъ былъ честный, благородный человѣкъ и просвѣщенный администраторъ. Мнѣ онъ былъ близкій человѣкъ, понималъ меня и любилъ. Онъ нѣсколько времени тому назадъ, мѣсяца три, былъ очень боленъ, но совсѣмъ оправился. Недѣли за двѣ я былъ у него и мы проговорили съ нимъ часа два, по обыкновенію очень дружески и пріятно. Въ среду онъ почувствовалъ припадки холеры, а въ пять часовъ утра его уже не было на свѣтѣ.

— 13. Суббота. Похороны Тройницкаго. Безчисленное множество звѣздъ и лентъ. Были: Государь, Наслѣдникъ, великіе князья Константинъ и Николай. Я проводилъ моего стараго пріятеля отъ его дома до Владимірской церкви. Его повезли на Волково.

Пихлеръ, обокравшій Публичную библіотеку — говорятъ, онъ укралъ болѣе 4000 томовъ—посаженъ подъ арестъ и преданъ суду.

— 16. Вторникъ. „Московскимъ Вѣдомостямъ" дано предостереженіе—уже второе. Онѣ, по обыкновенію своему, сильно и справедливо говорили о сепаратическихъ стремленіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ, но къ сожалѣнію, по обыкновенію своему, впали въ черезчуръ рѣзкій и заносчивый тонъ. Въ обществѣ нашемъ, вообще, сильно распространено мнѣніе, что у насъ слишкомъ покровительствуютъ нѣмцамъ и пруссакамъ, даже въ подрывъ русскимъ народнымъ интересамъ. Недавно какой-то варшавскій жидъ, какъ говорятъ, въ союзѣ съ берлинскими капиталистами, едва не овладѣлъ всѣмъ волжскимъ судоходствомъ, подъ предлогомъ очистки засорившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русла рѣки. Это грозило страшною монополіею, которая должна

была обратить въ ничто все наше пароходство на Волгѣ. Рейтерну принадлежитъ честь, что онъ разрушилъ этотъ замыселъ, на который было согласились, по ходатайству министра путей сообщенія, графа Б. Но Рейтернъ больной поѣхалъ къ Государю и объяснилъ ему дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Государь былъ этимъ очень огорченъ и сдѣлалъ выговоръ Б., причемъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ очень дурно окруженъ. Б. захворалъ и больше не управляетъ министерствомъ. Говорятъ, что по вѣдомству путей сообщенія открыто много злоупотребленій.

— 18. Четвергъ. Литература наша скачетъ на одной ногѣ, глядитъ однимъ глазомъ.

— 27. Суббота. Страшно за Францію. Она, въ данную минуту, точно перестала быть народу отечествомъ, государствомъ и становится страною, территоріею. Въ ней есть соціалисты, коммунисты, конституціонисты, легитимисты, орлеанисты, имперіалисты, но нѣтъ французовъ. Замѣчательно, что въ разныхъ воззваніяхъ вы рѣдко встрѣтите обращеніе къ французамъ, а почти всегда къ идеямъ партіи, отъ которой идетъ воззваніе. Партіи раздираютъ Францію и каждая тянетъ къ себѣ кусокъ, не заботясь объ остальномъ.

Англія предлагала Пруссіи: не желаетъ-ли она спасти Парижъ и Францію отъ ужасовъ междуусобной войны. Францію могутъ спасти только французы, найдутся-ли они?

Апрѣль.—8. Четвергъ. Всѣ сильно заняты одесскимъ происшествіемъ. Непостижимы дѣйствія или, лучше сказать, бездѣйствія мѣстной администраціи. Она не только не позаботилась предотвратить народнаго волненія противъ евреевъ, чего можно было опасаться по прежнимъ примѣрамъ, но дала разгорѣться настоящему бунту, который свирѣпствовалъ цѣлыхъ три дня и почти повсемѣстно сопровождался грабежемъ. Говорятъ, генералъ-губернаторъ Коцебу игралъ здѣсь жалкую роль. Существуетъ подозрѣніе, что (мѣстная полиція) умышленно бездѣйствовала. Враждуя съ судами, она, будто-бы, притворилась, что они парализовали ея власть и ссылалась на то, что полицейскіе чины потому и не смѣли принять энергическихъ мѣръ. Впрочемъ, мѣстная полиція наконецъ приняла ихъ: спустя три дня, она подвергла наказанію и праваго и виноватаго, кто только подвернулся ей подъ руку. Однимъ словомъ, не обобраться слуховъ.

— 10. Воскресенье. На диспутѣ въ духовной академіи. Профессоръ Чистовичъ искалъ степени доктора. Возраженія ему были довольно полновѣсныя, но докторантъ защищался съ замѣчательною ловкостью и достоинствомъ. Вообще, это человѣкъ съ умомъ, большими свѣдѣніями и съ талантомъ. Предметъ былъ трудный и любопытный: „Историческое изложеніе идеи безсмертія въ древнемъ мірѣ и въ христіанствѣ". Главное положеніе заключалось въ томъ, что идея безсмертія у древнихъ была безличная—христіанство первое установило безсмертіе лица. Вообще диспутъ былъ очень занимателенъ и неутомителенъ, несмотря на свою продолжительность. Тутъ встрѣтилъ я много своихъ знакомыхъ, между прочимъ, Макарія, архіепископа виленскаго, Бажанова, Д* и проч.

Парижская коммуна требуетъ совершенной перестройки или, лучше сказать, замѣны государства конфедераціею общинъ, т. е. полнаго осуществленія соціалистическихъ теорій. Государство, по мнѣнію этихъ великихъ реформаторовъ и учителей, отжило и начинается жизнь общинъ. А что-же вы сдѣлаете изъ государствъ и большихъ нынѣ существующихъ государствъ, которыхъ, всетаки, не мало найдется на бѣломъ свѣтѣ? Какъ, что? Мы ихъ разрушимъ: для этого-то и слѣдуетъ учредить всемірную революцію, а затѣмъ, что будетъ—не наше дѣло. Едва-ли въ исторіи человѣчества было другое подобное безуміе. Бѣдные люди! И все это дѣлается на счетъ ихъ крови. Вѣдь и Пруссія не мало пролила ея во имя германскаго единства.

— 14. Среда. Природа скупо до скаредства отпускаетъ намъ тепло. Ни одного дня не было теплаго во весь мартъ и въ апрѣлѣ по сихъ поръ. Таковъ-то сей парадизъ Петра Великаго!

Вотъ мы пріятели съ N. N. Но стоитъ мнѣ не согласиться въ разговорѣ съ его мнѣніемъ, хотя бы дѣло шло о жителяхъ луны, онъ непремѣнно сдѣлается моимъ врагомъ. Такова терпимость мысли у русскихъ образованныхъ людей.

А вотъ насъ нѣсколько человѣкъ засѣдаетъ въ комиссіи, которой поручено разсмотрѣть такое-то дѣло и дать о немъ свое заключеніе. Господинъ N. N. составилъ себѣ такое-то мнѣніе. Но случись на бѣду, что другой господинъ N. N. на двѣ минуты предупредилъ перваго и высказалъ свое мнѣніе, совершенно сходное съ мнѣніемъ товарища. Что-же дѣлать этому? Со-

гласиться,—какъ можно! Самолюбіе воспрещаетъ. Онъ на скоро выдумываетъ другое мнѣніе или пристаетъ къ мнѣнію третьяго, вполнѣ противоположному его собственному убѣжденію, чтобы только не признать чьего-нибудь первенства. Таковъ духъ ассоціаціи почти во всѣхъ нашихъ общественныхъ собраніяхъ...

— 15. Четвергъ. Умы сильно возбуждены борьбою между классицизмомъ и такъ называемымъ реализмомъ въ дѣлѣ нашего образованія. Дѣло это разсматривается въ Государственномъ совѣтѣ. Графъ Д. А. Толстой, по внушенію Каткова и Леонтьева, отстаиваетъ проектъ въ пользу классицизма, состоящій въ томъ, что университетъ долженъ быть доступенъ только тѣмъ, которые кончили курсъ въ классическихъ гимназіяхъ, т. е. изучали греческій и латинскій языки. Для прочихъ учреждается реальное училище. Была учреждена комиссія, для составленія устава этихъ училищъ, комиссія изъ лицъ, извѣстныхъ по разнымъ отраслямъ науки. Они начертали проектъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, который давалъ бы общее и реальное образованіе безъ древнихъ языковъ. Каткову и Леонтьеву показалось, что училища, основанныя по этому плану, отнимутъ молодыхъ людей у классическихъ гимназій и составили свой проектъ, на основаніи котораго реальныя училища получаютъ характеръ техническо-ремесленныхъ заведеній. Графъ Толстой раздѣляетъ мнѣніе Каткова и Леонтьева, ихъ-то проектъ онъ и внесъ въ Государственный совѣтъ. Тутъ на дняхъ разразилась страшная буря. Противъ министра народнаго просвѣщенія возстали Милютинъ, графъ Панинъ, Грейгъ, Головнинъ, Гротъ, Чевкинъ... Эти лица требовали для реальныхъ училищъ права для поступленія въ университетъ и находили нужнымъ допустить въ нихъ латинскій языкъ. Публика съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждетъ, чѣмъ все это кончится; газеты сильно спорятъ. Противъ исключительнаго и односторонняго классицизма энергически возстаютъ „Голосъ“ и „Спб. Вѣдомости“, особенно послѣднія, которыя убѣдительно и остроумно отстаиваютъ права общаго образованія съ допущеніемъ въ университетъ...

Между тѣмъ, Катковъ почти безвыходно сидитъ у графа Толстого и дѣйствуетъ въ пользу своего проекта, а Маркевичъ

и ** пишутъ задорныя статьи въ „Биржевымъ Вѣдомостяхъ“, которыя почему-то стали на сторону классицизма.

— 23. Пятница. Въ старости большею частью уже не дѣлаютъ новыхъ умственныхъ и нравственныхъ пріобрѣтеній, а живутъ запасомъ или капиталомъ, добытымъ прежде.

Наклонность къ розни едва-ли не лежитъ въ основѣ русскаго духа: на этомъ и покоится незыблимо...

— 29. Четвергъ. Разбирая безпристрастно, безъ всякихъ предубѣжденій, проектъ Каткова и Леонтьева, вотъ къ какому, кажется, результату должно придти. Намѣреніе ихъ, можетъ быть, очень хорошее: они хотятъ положить основаніе прочному и серьезному образованію и думаютъ достигнуть этого посредствомъ классицизма. До сихъ поръ это очень хорошо. Но капитальная ошибка ихъ въ томъ, что, требуя отъ гимназій исключительнаго изученія древнихъ языковъ, и только воспитанникамъ этихъ гимназій открывая двери въ университетъ и затворяя ихъ передъ учениками такъ называемыхъ реальныхъ училищъ, они низводятъ реальное образованіе почти до степени ремесленнаго. Но, разумѣется, это они дѣлаютъ потому, что, съ возвышеніемъ реальныхъ училищъ ихъ классическія гимназіи могутъ подвергнуться опустѣнію, а это убило-бы самую сущность ихъ классическаго проекта. Вотъ это-то невниманіе къ реальнымъ наукамъ, угрожающее имъ рѣшительнымъ упадкомъ, и вооружаетъ противъ Толстого съ Катковымъ и Леонтьевымъ все общественное мнѣніе и всѣхъ естественниковъ.

Въ состояніи-ли классическія гимназіи приготовлять учащихся въ нихъ къ высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ, такъ, какъ онѣ могутъ приготовлять къ высшему ученому образованію въ университетахъ? Конечно, нѣтъ. Но и реальныя училища, въ томъ видѣ, какой хотятъ имъ дать Катковъ и Леонтьевъ, тоже не въ состояніи этого сдѣлать. И такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, мы не будемъ имѣть людей, вполнѣ и основательно образованныхъ для множества реальныхъ цѣлей въ обществѣ, и лишимъ послѣднее способовъ преуспѣвать во всемъ, что составляетъ его силу и богатство. Полезно-ли это?

Крайнія приверженцы классицизма опасаются, что у насъ вовсе не будутъ учиться классическимъ предметамъ, если открыть путь въ университетъ воспитанникамъ реальныхъ учи-

лищъ—разумѣется съ латинскимъ языкомъ. И вотъ находятъ нужнымъ употребить принужденіе—насильно привлекать молодыхъ людей въ классическія гимназіи. Едва-ли это хорошо.

— 30. Пятница. Завтра май и ни малѣйшихъ признаковъ чего-нибудь похожаго на весну. Каждый день то дождь со снѣгомъ, то дождь съ вѣтромъ, не способнымъ внушать никакихъ весеннихъ мыслей. Мосты на Невѣ до сихъ поръ не наведены: ладожскій ледъ тянется по рѣкѣ сплошными массами—его, кажется, станетъ на цѣлое лѣто. Пастухи покусились, было, на Георгіевъ день, по обычаю, вывести коровъ въ поле. Но тамъ не оказалось еще ни стебля травы, и вотъ уже нѣсколько дней, какъ призывная труба, сзывающая стадо на улицѣ, смолкла. Словомъ все, какъ слѣдуетъ тому быть по принципу наивеличайшей гадости.

Когда нѣтъ предметовъ для разговора, лучше молчать, чѣмъ болтать вздоръ.

Май.—1. Суббота. Вотъ и май, въ которомъ и тѣни нѣтъ ничего майскаго въ семъ парадизѣ, какъ Петръ Великій называлъ новостроющійся Петербургъ. Вчера и сегодня Нева покрыта льдомъ, который не перестаетъ тянуться изъ Ладожскаго озера.

Вечеръ у И. П. Корнилова. Встрѣтился съ Катковымъ. Онъ по обыкновенію обнялъ меня, какъ стараго пріятеля, но отъ откровенной бесѣды уклонился, очевидно опасаясь услышать отъ меня мысли, несогласныя съ его крайне классическими убѣжденіями и неодобрительныя для крутости, съ какою хотятъ ломать головы и приноровлять ихъ къ классической мѣркѣ.

— 7. Пятница. Стóитъ поближе всмотрѣться въ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, передовыхъ людей нашего времени, чтобы невольно почувствовать къ нимъ особаго рода сожалѣніе, не лишенное доли презрѣнія. Правда, они много говорятъ, и даже очень громко, о низшихъ классахъ, о пріумноженіи вещественныхъ благъ послѣднихъ, о свободѣ просвѣщенія, о наилучшемъ устройствѣ обществъ и разныхъ отраслей управленія. Они либеральны съ головы до ногъ. Но либерализмъ этотъ, исходя изъ ихъ головы, оканчивается у ихъ собственныхъ ногъ. Крича, что есть мочи, о всемъ вышеупомянутомъ они дѣйствительно съ полнымъ усердіемъ работаютъ надъ пріумноженіемъ своихъ

собственныхъ матеріальныхъ благъ. Какъ высокомѣрны они, какъ напыщенны! Съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ они на все, что не входитъ въ программу ихъ собственныхъ дѣйствій. Эти либералы и провозвѣстники свободы готовы растерзать всякаго, кто осмѣлится предъявить свое мнѣніе, несогласное съ ихъ мнѣніями. Если эти передовые люди таковы, то что-же сказать о тѣхъ, которые стоятъ или идутъ позади ихъ.

Есть потокъ нравовъ, который увлекаетъ малодушныхъ людей и дѣлаетъ изъ нихъ вовсе не то, чѣмъ они могли-бы быть, предоставленные природнымъ своимъ наклонностямъ.

Да проститъ намъ высокодаровитый писатель, но этотъ характеръ (Вѣры въ „Обрывѣ") въ заключеніе является психологической фальшью и клеветою на русскую женщину.

— 13. Четвергъ. Коммуна перестала существовать. Версальцы въ Парижѣ. Но бунтовщики успѣли зажечь его въ разныхъ мѣстахъ, опрокинуть Вандомскую колонну и разрушить домъ Тьера. Самое ужасное послѣдствіе дикихъ злодѣйствъ — это позоръ, который они наложили на всякое стремленіе къ общественному усовершенствованію и обновленію. Такой оргіи самыхъ постыдныхъ и нелѣпыхъ злодѣйствъ — оргіи опьянѣвшаго грубаго своеволія и разнузданныхъ страстей, подъ видомъ любви ко всеобщему благу, свѣтъ еще никогда не видалъ. И если Франція послѣ этого не образумится, не покончитъ навсегда или, по крайней мѣрѣ, на очень долго со своимъ любимымъ времяпровожденіемъ, то придется согласиться, что она обречена на гибель.

Проклятая коммуна совсѣмъ скомпрометтировала дѣло свободы. Не было и не будетъ бо̀льшаго торжества деспотизма, какъ то, которое она ему доставила своими отвратительными оргіями.

— 16. Воскресенье. Вчера было окончательное засѣданіе Государственнаго совѣта по дѣлу объ учебной реформѣ. Къ шести прежнимъ голосамъ въ комиссіи присоединилось двѣнадцать. Всѣхъ присутствующихъ было двадцать семь. Если вычесть 18 голосовъ изъ 27—т. е. 18, оказавшихся противъ классицизма—то на сторонѣ послѣдняго окажется меньшинство въ 9 голосовъ.

Сегодня былъ у меня Г. П. Н. Онъ-то и передалъ мнѣ то.

что происходило вчера въ Государственномъ совѣтѣ. Милютинъ, военный министръ, произнесъ блистательную рѣчь противъ исключительнаго классическаго образованія. Говорили еще графъ Панинъ и Головнинъ—тоже противъ. Съ ними за одно были и князь Горчаковъ и Гагаринъ.

. . . .

Но я боюсь другого, другой опасности. По проекту графа Тостого, реальныя училища должны сообщать самое поверхностное знаніе въ наукахъ, такъ называемыхъ, реальныхъ—лишь настолько, чтобы приготовлять ремесленниковъ и техниковъ. Здѣсь будетъ учиться множество юношей средняго и бѣднаго сословія и получитъ образованіе самое поверхностное. А такое образованіе способно не столько укрѣплять умы, сколько раздражать ихъ и, при дѣйствіи духа времени и при расположеніи умовъ въ обществѣ, оно чуть-ли не является главною закваскою такъ называемаго **нигилизма**, который думаютъ устранить классическими гимназіями.

Высокомѣріе есть порокъ смѣшной и глупый, а извѣстно, что поверхностное знаніе, да еще безъ другихъ хорошихъ качествъ, удивительно располагаетъ къ высокомѣрію.

— 23. **Воскресенье.** Дожди и холода, холода и дожди. Многіе, уже переѣхавшіе на дачу, опять возвращаются въ городъ.

— 24. **Понедѣльникъ.** Человѣкъ исправляется отъ многихъ пороковъ по мѣрѣ того, какъ теряетъ къ нимъ вкусъ и способность.

Есть шайки воровъ и разбойниковъ, которыя такъ и называются, но есть такія, которыя носятъ имена прусскихъ солдатъ, соціалистовъ, коммунистовъ, національныхъ гвардейцевъ (въ Парижѣ во время коммуны) и т. д. Соціалисты, подобно испанцамъ, огнемъ и мечемъ проповѣдывавшимъ въ Америкѣ христіанство, навязываютъ людямъ свою общественную систему. А не хочешь—такъ голову долой!

Чѣмъ лучше этихъ испанцевъ поступали въ Парижѣ тѣ, которые керосиномъ и петролеумомъ крестили людей, съ цѣлью насильственно обращать ихъ въ свою политическую вѣру?

Не великая-ли нелѣпость стремиться превращать отдаленное и сомнительное будущее въ настоящее?

Іюнь.—1. **Вторникъ.** Хорошее въ жизни кажется мнѣ до

того исключительнымъ, что когда оно, въ рѣдкихъ случаяхъ, выпадаетъ на мою долю, мнѣ становится какъ-то неловко и совѣстно передъ самимъ собою и людьми, точно я незаконно урвалъ его у судьбы.

. . . .

Коммуна хочетъ законъ естественнаго развитія, который царитъ надъ всѣмъ міромъ, замѣнить катастрофами и потопить въ крови все содѣянное этимъ закономъ въ прошломъ.

— 11. Пятница. Сегодня Благовѣщенскій привелъ ко мнѣ француза, перешедшаго въ православіе и сдѣлавшагося священникомъ, отца Виктора, который отправляетъ лѣтомъ церковную службу въ здѣшней (въ Павловскѣ) полковой церкви. Его оправославилъ нашъ бывшій русскій священникъ въ Парижѣ Васильевъ. Не знаю, насколько отецъ Викторъ обширно образованъ, но на первый взглядъ онъ мнѣ показался то, что называется добрый малый. По русски онъ говоритъ, какъ настоящій русскій.

Отнынѣ университеты доступны только тѣмъ, которые, учась по-латыни, учатся по-гречески. Такъ слѣдовало ожидать.

— 30. Среда. За человѣчество глупо отчаяваться. Рѣжется-ли оно, истребляетъ-ли оно вѣковые памятники своей исторіи, воруетъ-ли оно и грабитъ, во имя военной славы и разнаго рода объединеній и уравненій и проч. и проч.—оно все равно живетъ и не умираетъ. Вѣдь это главное въ видахъ природы,

Нужно, чтобы было пугало, иначе вороны и всякія хищныя птицы выклюютъ всѣ зерна, посѣянныя трудомъ человѣка. Пугала-же, увы, обыкновенно, дѣлаются изъ чего-нибудь безобразнаго, иначе оно и не было-бы пугаломъ.

Іюль.—4. Воскресенье. Жары чрезвычайныя. Вѣроятно, на долю ихъ, по крайней мѣрѣ отчасти, слѣдуетъ отнести отсутствіе душевной и тѣлесной энергіи, какую я ощущаю.

Вчера въ Павловскѣ военная команда изъ дѣтей, набранныхъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, брала приступомъ крѣпость и ночевала на бивакахъ вокругъ пруда. Гремѣла пушечная пальба, пускались ракеты. Была масса зрителей.

— 5. Понедѣльникъ. Общественное вниманіе сильно возбуждено процессомъ Нечаева. Газеты только о немъ и толкуютъ.

— 14. **Среда.** Нечаевскій процессъ продолжаетъ волновать общество.

— 18. **Воскресенье.** Извлечь изъ данной силы все, что въ ней есть, не злоупотребляя ею—это и есть задача художественной обработки ея.

Возбуждать полудикій народъ къ возстанію, давать ему въ руки топоры—не есть-ли это политическое безуміе? Наше время слагается въ нашей странѣ изъ невѣжества, заносчивости ученыхъ и неученыхъ естествоиспытателей, самонадѣянныхъ поборниковъ классицизма, изъ деморализаціи и безтолковости общества...

— 22. **Четвергъ.** Въ обществѣ самыя противорѣчивыя сужденія о судѣ по Нечаевскому дѣлу. Одни находятъ его торжествомъ новаго судопроизводства, другіе сильно порицаютъ его за слабость и потворство. Послѣдніе особенно недовольны дѣйствіями предсѣдателя **Любимова**[1]). Онъ, говорятъ они, не останавливалъ защитниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ тѣ развивали свои черезчуръ либеральныя тенденціи и касались вопросовъ, не относящихся къ дѣлу. Послѣднее особенно приписывается рѣчи С**, который сдѣлалъ изъ нея лекцію о томъ, такъ происходятъ революціонныя движенія и какъ сила обстоятельствъ невольно увлекаетъ на путь, гдѣ очутились подсудимые. Сверхъ того, предсѣдателя еще не хвалятъ за слова, сказанныя имъ четыремъ оправданнымъ, что ихъ мѣсто отнынѣ между ними, судьями, разумѣя подъ этимъ, конечно, общество.

— 30. **Пятница.** Катковъ въ № 161-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“ очень умно и талантливо говоритъ много дѣльнаго и правдиваго относительно Нечаевскаго дѣла, но онъ всетаки не договорился до всей правды. Что всѣ эти возстанія и агитаціи юношей есть бредъ полуобразованія и т. п.—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но не слѣдуетъ забывать и того, какую грустную и скверную школу они проходятъ съ дѣтства. Что слышатъ и видятъ они безпрестанно вокругъ себя въ обществѣ . . . . полное отсутствіе честности, уваженія къ закону, чувства долга, всякаго рода кутежи и развраты и т. д. ... Да вѣдь нельзя-же этого уничтожить вдругъ, особенно тѣми средствами, къ какимъ

---

[1]) Впослѣдствіи сенаторъ, умеръ. *Ред.*

аемый, нигилизмъ. Конечно. Но говоря
печальныхъ волненій, нельзя не сказать
лько желать, чтобы они не бросались,
что съ одной стороны превосходитъ ихъ
иводитъ этихъ юношей къ преступнымъ и
лямъ.

ббота. Если-бы жизнь цѣнилась исключи-
ъ, которыхъ мы жаждемъ и которыхъ не
гимъ изъ живущихъ не пришлось-бы же-
бавиться. Нѣтъ! Цѣна жизни въ ней са-
лить, чувствовать, дѣйствовать—этого
заставитъ человѣка любить жизнь.

. Любовь пріобрѣтается заслугами. Какое
ючительное чувство привязанности ко
го мнѣ, если я ничего для него не сдѣ-
могли или не хотѣли сдѣлать другіе? Ко-
й любви, которая основана на инстинктѣ,
і къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ или
любовь ... ихъ любвяхъ нечего сказать: сила и сте-
пень ихъ зависитъ отъ разныхъ случайностей, отъ темпера-
мента и пр.

— 12. Четвергъ. Надо всячески избѣгать споровъ, въ нихъ невольно разгорячишься и непремѣнно скажешь или глупость, или рѣзкость, о которой послѣ пожалѣешь,

— 28. Суббота. Много толковъ по поводу неудовольствія на суды за то, во-первыхъ, что предсѣдатель велъ себя слишкомъ гуманно и любовно съ подсудимыми по Нечаевской исторіи и что онъ не останавливалъ адвокатовъ тамъ, гдѣ они слишкомъ распространялись въ общихъ понятіяхъ о сущности и различіи заговора и тайныхъ обществъ. Во-вторыхъ, за то, что судъ оправдываетъ нѣкоторыхъ, а не всѣхъ приговариваетъ къ карѣ.

Происшествіе въ Павловскѣ. Въ девять часовъ вечера кто-то выстрѣлилъ въ темнотѣ изъ револьвера и ранилъ одного изъ двухъ проходившихъ по аллеѣ разносчиковъ-гребенщиковъ. Это случилось у Солдатской слободки, возлѣ пруда, не далеко отъ дачъ, откуда еще не всѣ съѣхали. У гребенщика оказались три раны. Опасаются за его жизнь, такъ какъ одна пуля засѣла гдѣ-то далеко и ее не могутъ найти. Происшествіе навело панику на жи-

телей Павловска, но, кажется, напрасно. Тутъ, какъ оказывается по нѣкоторымъ соображеніямъ, дѣйствовали вовсе не злоумышленники съ цѣлью грабежа. Около самого того мѣста, гдѣ послѣдовалъ выстрѣлъ, живетъ какой-то господинъ, у котораго, говорятъ, два взбалмошныхъ сына. Одинъ изъ нихъ потѣшался съ револьверомъ и хотѣлъ выстрѣлить въ темнотѣ по деревьямъ, а попалъ въ человѣка.

Сентябрь. — 12. Воскресенье. Хлѣбъ приготовляется для того, чтобы его ѣсть; факты приводятся въ извѣстность для того, чтобы давать пищу разсужденіямъ, обобщеніямъ и дѣланію изъ нихъ выводовъ — словомъ они должны служить средствомъ для извѣстныхъ дѣйствій, а не служить конечною цѣлью.

Судьба народа зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ онъ одаренъ способностью сопротивленія. Эта способность, въ силу которой предметъ можно гнуть только до нѣкоторой степени, ибо онъ всегда можетъ снова выпрямиться и принять должное направленіе. Но если этой способности у народа нѣтъ, то, что вы съ нимъ ни дѣлайте, онъ годенъ только на то, чтобы служить орудіемъ въ рукахъ другого.

Лучшее свойство хорошаго ума состоитъ въ томъ, чтобы подъ благовидностью истины угадывать ложь.

— 15. Среда. Всеобщее возбужденіе въ Петербургѣ, по причинѣ непомѣрной дороговизны квартиръ и дровъ. Домовладѣльцы страшно возвышаютъ цѣны на квартиры: кто прежде платилъ, напримѣръ, 700 рублей, съ того требуютъ 1.000 и больше. Дрова съ четырехъ рублей и 4 р. 50 к. дошли до семи рублей за сажень и угрожаютъ дойти до десяти. Цѣны небывалыя въ Петербургѣ. И вообще, всѣ предметы потребленія страшно вздорожали.

— 20. Понедѣльникъ. Провидѣніемъ Петербурга въ данную минуту является Треповъ. Едва оправясь отъ тяжкой болѣзни и вступивъ въ отправленіе своей должности, онъ уже принимаетъ рѣшительныя мѣры къ облегченію бѣднѣйшаго класса жителей, посредствомъ закупки въ большихъ массахъ дровъ и распродажи ихъ по удешевленной цѣнѣ. Говорятъ, что дрова такъ вздорожали отъ стачки мошенниковъ дровяныхъ торговцевъ.

Октябрь. — 2. Суббота. Первый вечеръ послѣ лѣтняго отдыха, у И. П. Корнилова на нейтральной почвѣ, какъ справедливо выразился Благовѣщенскій. Кого тутъ не было и сколько людей тутъ было! И каждый со своими тенденціями политическими, литературными, общественными. Но это, само собой, разумѣется: сколько головъ, столько умовъ. Не въ этомъ и дѣло. Разнообразіе въ Божьемъ мірѣ неисчерпаемо, а разномысліе и разноголосица въ русскомъ мірѣ безконечны. Но вотъ бѣда: самолюбія въ этомъ разногласіи ненасытныя. Вступая въ разговоръ съ другимъ, каждый сначала, какъ будто, готовъ на компромиссъ; онъ любезно приглашаетъ васъ высказать ваше мнѣніе, повидимому для того, чтобы придти съ вами въ соглашеніе или, по крайней мѣрѣ, признать за вами право на ваше собственное мнѣніе. Но попробуйте высказать его откровенно, если оно сколько-нибудь ваше и самостоятельно, вы встрѣтите такой отпоръ, какъ будто нанесли вашему собесѣднику личное и кровное оскорбленіе. И что за хаосъ мнѣній! Какъ легко распространяются самые нелѣпые слухи! Какъ во всемъ господствуютъ пристрастіе и личные виды! Ходишь въ этой толпѣ, какъ въ чаду съ отягченною головою.

— 6. Среда. Поднимается великая буря на Академію наукъ въ кругу интеллигентнаго общества за избраніе въ адъюнкты ея по креслу исторіи Пыпина. Избраніе это, впрочемъ, состоялось еще только въ отдѣленіи и пройдетъ-ли оно въ общемъ собраніи—это еще вопросъ. Говорятъ: „Какъ можно было избрать Пыпина по части исторіи за одну только статью, напечатанную имъ въ „Вѣстникѣ Европы“ объ Александрѣ I и Карамзинѣ?“ И далѣе: „Почему-же не избрали Костомарова, который и есть настоящій дѣятель по русской исторіи?“ Особенно кричатъ и вопятъ тѣ, которые недружелюбно относятся къ „Вѣстнику Европы“. Къ нимъ, разумѣется, примыкаетъ и партія (классиковъ). (Дѣлаютъ) замѣчанія, въ силу которыхъ Пыпинъ, пожалуй, окажется неутвержденнымъ. Такъ думаютъ * и **. Скандалъ большой. Правда, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Не Пыпина, а Костомарова дѣйствительно слѣдовало избрать на кресло исторіи. Заслуги Костомарова и его дарованія въ этой области всѣми признаны, и Пыпинъ, конечно, не можетъ быть не только предпочтенъ ему, но и поставленъ съ нимъ наряду. Ме-

жду тѣмъ, послѣдній могъ-бы быть по всѣмъ правамъ и по всей справедливости избранъ во II отдѣленіе по части исторіи русской словесности — и это, конечно, никого не удивило-бы, не обидило и не озлобило. Теперешнее избраніе приписываютъ интригамъ Пекарскаго и **. Оно можетъ быть и такъ. Посмотримъ, что сдѣлаетъ общее собраніе.

Вотъ уже явилась и статья въ „Голосѣ" противъ избранія Пыпина.

— 7. Четвергъ. Главная причина нравственныхъ безпорядковъ нашего времени въ усилившейся страсти къ наслажденіямъ и въ отсутствіи понятія о долгѣ, которое должно умѣрять и обуздывать эту страсть.

— 15. Пятница. Всѣмъ извѣстно, что между крайностями есть середина, но немногіе видятъ и понимаютъ истину, которая лежитъ въ этой серединѣ.

Была у меня З. А. Кельсіева. Эта бѣдная женщина провела лучшую часть своей жизни въ приключеніяхъ, которыя выпадаютъ большею частію на долю женщины, богато одаренной красотою и блестящими способностями, но лишенной разумнаго воспитанія и руководства. Съ семилѣтняго возраста она жила въ Италіи, гдѣ, между прочимъ, пріобрѣла отличное музыкальное образованіе, но не пріобрѣла благоразумія. Два раза она была замужемъ сомнительнаго свойства и, наконецъ, въ Петербургѣ влюбилась въ Кельсіева, только что возвратившагося изъ эмиграціи, по высочайшему разрѣшенію. Такъ какъ ей по сердцу было все необыкновенное, то, вѣроятно, ее прельстила необыкновенная судьба этого политическаго авантюриста, дѣйствительно не лишеннаго способностей, но въ высшей степени легкомысленнаго и сумасброднаго, какъ многіе изъ нашихъ молодыхъ политическихъ либераловъ съ красною окраскою. Она соединилась съ Кельсіевымъ, думая найти въ немъ чуть не великаго человѣка, а вмѣсто того нашла человѣка, совершенно неспособнаго къ какому-либо производительному дѣлу и къ тому-же человѣка, преданнаго пьянству. Около двухъ лѣтъ возилась она съ нимъ и, наконецъ, какъ она говоритъ, принуждена была оставить его на произволъ его жалкой судьбы. Все это она мнѣ объяснила сегодня. Она, очевидно, желаетъ снова попасть въ тотъ кругъ, гдѣ признаются умъ и талантъ. Она желаетъ заняться литератур-

нымъ трудомъ, и что она къ нему способна, она доказала это своими переводами и разнообразнымъ сотрудничествомъ у Краевскаго, который не нахвалится ея усердіемъ и умѣніемъ. Прежде чѣмъ она, на свое горе, познакомилась съ Кельсіевымъ, она въ теченіе двухъ лѣтъ занималась у Краевскаго, зарабатывая до двухъ тысячъ въ годъ. Кельсіевъ отвлекъ ее отъ этихъ занятій, и теперь она находится въ большомъ затрудненіи.

— 19. Вторникъ. N. N. говоритъ противъ выбора Пыпина въ адъюнкты Академіи. Надняхъ, за обѣдомъ у себя, онъ, въ присутствіи многихъ лицъ, расточалъ ужасные укоры на Академію за этотъ выборъ и съ обыкновенною своею горячностью объявилъ, что Пыпинъ не сядетъ на академическое кресло. За что такая непріязнь къ этому человѣку? Въ данномъ случаѣ виноватъ не онъ, а тѣ любители интригъ, которые поставили его въ неловкое положеніе. Самъ онъ человѣкъ почтенный и почтенный ученый. Онъ участвуетъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы", который находится въ оппозиціи съ гр. Толстымъ и притомъ Пыпинъ не приверженецъ классицизма и Каткова: ужъ не въ этомъ-ли вся вина его въ глазахъ нѣкоторыхъ?

Кстати о Катковѣ. Во время преній о классицизмѣ и реализмѣ, когда NN, защищая классицизмъ, выходилъ изъ себя, и непомѣрно его восхвалялъ, Ч**, по окончаніи чтенія, обратился къ NN и сказалъ:

— Вы не дочитали всего, что Катковъ говоритъ объ этомъ.

Вся жизнь человѣческая состоитъ изъ переходныхъ и безпрерывно измѣняющихся моментовъ, а мы привязываемся къ разнымъ предметамъ и положеніямъ, какъ будто все вокругъ насъ и мы сами были тверды и долговѣчны, какъ гранитъ.

24. Воскресенье. Обѣдъ у министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго. Послѣ обѣда составился около него кружокъ. Онъ много говорилъ о томъ, въ какомъ блестящемъ состояніи нашелъ онъ преподаваніе классическихъ языковъ въ Германіи, во время лѣтней своей поѣздки. Я замѣтилъ сидѣвшему около меня Д*, что у насъ этого ожидать невозможно. Въ Германіи нѣсколько вѣковъ приготовили эти успѣхи и, притомъ, такое изученіе въ духѣ германскаго народа. — Увѣрены-ли вы, прибавилъ я, что ваша система можетъ надолго устоять? Графъ говорилъ хорошо...

— 27. Среда. Если мнѣ что-нибудь скажутъ дурнаго о томъ или другомъ лицѣ, особенно о томъ, что это лицо говорило обо мнѣ, то это немножко почешетъ мое ухо, но я тотчасъ кладу въ него затычку глубочайшаго презрѣнія ко всѣмъ толкамъ и слухамъ и успокоиваюсь.

Ноябрь. — 12. Пятница. Пыпинъ избранъ въ адъюнкты Академіи наукъ по русской исторіи въ сегодняшнемъ общемъ собраніи: онъ получилъ 25-ть шаровъ избирательныхъ и 9-ть отрицательныхъ. Въ пользу его, кажется, много послужили (нападки) „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Голоса“ на Академію, особенно первыхъ. Многіе изъ членовъ, вѣроятно, не хотѣли показать, что они какъ-бы испугались этихъ (нападокъ). Извѣстно также, что гр. Толстой былъ сильно противъ этого избранія.

Въ этомъ-же собраніи объявлено было высочайшее согласіе на постановку портрета Литке въ залѣ академической, о чемъ просили академики или, лучше сказать Буняковскій и В. Каждый пожертвовалъ для этого 16 рубл., нѣкоторые, однако, подписались на этотъ портретъ, по предложенію Буняковскаго, и не совсѣмъ охотно; другіе считаютъ такую овацію непристойною лестью. Слѣдовало-бы тоже подумать о графѣ Блудовѣ. Я говорилъ объ этомъ Буняковскому, но онъ сказалъ, что „тотъ уже умеръ, а этотъ живой“. Буняковскій отъ имени членовъ сказалъ президенту рѣчь, на которую тотъ отвѣчалъ изъявленіями благодарности.

— 20. Суббота. Шидловскій назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ на мѣсто Обухова, который уволенъ. На мѣсто Шидловскаго назначенъ М. Н. Лонгиновъ, орловскій губернаторъ, который въ публикѣ извѣстенъ какъ отъявленный противникъ освобожденія крестьянъ, судебнаго новаго устройства, земскихъ учрежденій и всѣхъ вообще улучшеній, какія начаты въ нынѣшнее царствованіе. Разумѣется, отъ него ожидаютъ самыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ печати.......... Репутація его была всегда репутаціею весельчака, крикуна, человѣка, неспособнаго ни къ какому серьезному дѣлу. Въ литературѣ онъ извѣстенъ какъ собиратель разныхъ историческихъ и литературныхъ мелочей. Особенно-же онъ прославился стихотвореніями самаго...... (страннаго) содержанія. Есть его непечатная поэма „Отецъ***“, въ которой...... доведены до nec plus ultra.

Самъ Барковъ покраснѣлъ-бы отъ стыда, читая эту поэму. Но стихи въ ней замѣчательно хороши.

Я давно знакомъ съ Лонгиновымъ. Мы были вмѣстѣ членами комитета въ обществѣ посѣщенія бѣдныхъ.

— 22. Понедѣльникъ. Вечеръ у Литке. Собрались всѣ академики и кромѣ ихъ А. И. Левшинъ, Г. П. Небольсинъ и нѣкоторые другіе. Разбились, какъ обыкновенно, на кружки. Нѣтъ, нѣтъ, да и наткнешься на разговоръ о Пыпинѣ. Вотъ странная судьба его постигла! Утвердятъ-ли Пыпина или нѣтъ?—вопросъ, всѣхъ занимающій.

Заходилъ днемъ въ Публичную библіотеку порыться тамъ въ бумагахъ Сперанскаго съ тѣмъ, не найду-ли чего-нибудь для моего очерка о немъ, который готовлю къ академическому акту. Мнѣ нужны были его философскія мысли, однако ничего не нашелъ. Много богословскаго. Между прочимъ, черновая рукопись перевода Ѳомы Кемпійскаго, который занималъ его еще въ 1808 году. Картонъ, заключающій въ себѣ его переписку, особенно любопытенъ, но некогда было заняться имъ.

У Литке разговоръ также о назначеніи Лонгинова на мѣсто Шидловскаго.

Есть два рода пороковъ: одни пороки нашего несовершенства, другіе пороки нашей воли.

Декабрь. — 2. Четвергъ. Нездоровится больше обыкновеннаго. Во избѣжаніе прилива къ головѣ, сидя въ креслахъ, откинувшись на спинку, пишу карандашемъ о Сперанскомъ къ академическому акту.

— 3. Пятница. Общее собраніе Академіи. Избраны въ почетные члены находящійся здѣсь прусскій генералъ Мольтке и въ экстраординарные академики Бутлеровъ. Первый получилъ изъ 30 голосовъ 25, а второй 29.

Обѣдалъ у Пинто (лектора итальянскаго языка при петербургскомъ университетѣ). Встрѣтилъ тамъ старыхъ знакомыхъ Н. Н. Тютчева и К. Д. Кавелина. Съ послѣднимъ долго бесѣдовалъ. Онъ все тотъ-же, умный, живой, пылкій, увлекающійся человѣкъ. Несмотря на эти нѣкоторыя его увлеченія, онъ все таки одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ нашихъ людей.

Въ умномъ человѣкѣ всякая глупость замѣтнѣе, чѣмъ у дру-

гихъ менѣе умныхъ людей. Это все равно, что скверная заплата на пышномъ нарядѣ.

— 9. Четвергъ. Усиліе пріобрѣсти расположеніе къ себѣ всѣхъ, съ которыми мы обращаемся, похоже на желаніе, чтобы погода не измѣнялась и каждый день былъ-бы похожъ на другой.

Прекрасная поговорка, замѣченная мною въ одномъ изъ журналовъ, переведенная съ французскаго: „Если нельзя имѣть того, что любишь, то надобно любить то, что имѣешь".

Наряжена комиссія изъ графа Строгонова, графа Толстаго, графа Шувалова, Валуева и графа Литке для изслѣдованія, имѣетъ-ли Пыпинъ право на академическое кресло?

— 12. Воскресенье. Диспутъ въ университетѣ. Скворцовъ защищалъ диссертацію на доктора. Диссертація трактовала о діалогѣ Платона о дикціи. Оппонировали отецъ Сидонскій и профессоръ Владиславлевъ. Докторантъ защищался довольно вяло и вообще для доктора не слишкомъ удовлетворительно. Разумѣется, ему присуждена докторская степень.

— 20. Понедѣльникъ. Дѣло о Пыпинѣ рѣшилось: комиссія не знала какъ сладить съ этимъ дѣломъ и признала за лучшее, чтобы Пыпинъ отказался самъ отъ званія члена Академіи. Это онъ и сдѣлалъ. Итакъ: и сѣно цѣло и козы сыты.

Вотъ какъ объясняютъ Пыпинское дѣло: его устроилъ В. съ Головнинымъ[1]....

— 29. Среда. Актъ въ Академіи наукъ. Я держалъ рѣчь по поводу столѣтняго юбилея Сперанскаго. Надъ рѣчью этою я работалъ очень усердно, справлялся, между прочимъ, въ бумагахъ его въ Публичной библіотекѣ и проч. Эта великая личность меня очень занимала.

Затѣмъ, по обыкновенію, въ пять часовъ собрались академики въ гостиницѣ Донона. Тутъ, между прочимъ, В** выра-

---

[1]) Такъ или иначе, но двадцать одинъ годъ спустя, воздано должное замѣчательно трудолюбивому и почтенному ученому и писателю: Александръ Николаевичъ Пыпинъ избранъ въ члены корреспонденты Императорской Академіи наукъ, о чемъ возвѣщено на годичномъ ея актѣ, 29-го декабря 1891-го года, а 5-го февраля 1892 г. Императорское Русское Географическое общество дало А. Н. Пыпину большую золотую медаль за одинъ изъ его монументальныхъ трудовъ — „Исторію русской этнографіи". *Ред.*

зилъ свое неблаговоленіе ко мнѣ и, правду сказать, очень страннымъ образомъ. Были предложены разные тосты. В** провозгласилъ тостъ въ честь Я. К. Грота и отнесъ на долю послѣдняго то, что слѣдовало отнести ко мнѣ, то есть, что „каждый разъ Я. К. дѣлаетъ честь Академіи, произнося отчеты и рѣчи на актахъ“, то есть, то самое, что каждый годъ дѣлаю я. Я. К. Гротъ почувствовалъ неприличіе этого поступка В** и поспѣшилъ предложить тостъ за меня. Я принялъ его съ подобающею признательностью. Многіе встали со своихъ мѣстъ и подошли ко мнѣ чокаться. Смѣшно было какъ В**, пріискивая слова для своего тоста, до того запутался, что трудно было понять, чтò онъ хотѣлъ сказать. Я. К. Гротъ, вѣроятно, озадаченный такою любезностью В**, тоже запутался.

Но что за причина непріязни ко мнѣ В**? Развѣ Пекарскій передалъ ему мои слова, что я нахожу ошибкою предложеніе Пыпина въ члены на кресло исторіи, такъ какъ послѣдній имѣлъ всѣ права на мѣсто въ нашемъ, а не въ историческомъ отдѣленіи, и что это, должно быть, работа В**. Но вѣдь и самъ Пекарскій говорилъ то-же, а я ни отъ кого не скрывалъ моего мнѣнія насчетъ Пыпина и моихъ сожалѣній по поводу медвѣжьей услуги, ему оказанной. . . . . . .

— 31. Пятница. Конецъ 1871 года.

1872 годъ.

Январь. — 1. Суббота. Общественная моя дѣятельность нынѣ настолько сократилась, что я могу все болѣе и болѣе сосредоточивать мое вниманіе на моихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, т. е. на внутреннемъ моемъ мірѣ. Главнымъ послѣдствіемъ этого самоуглубленія выходитъ сознаніе моихъ ошибокъ въ прошедшемъ. Къ счастью, это не повергаетъ меня въ уныніе и апатію относительно моего будущаго. Работая надъ самимъ собою, я все еще стараюсь расширять кругъ моихъ понятій, пополнять кое-какія мои познанія, а главное—обставлять мой характеръ укрѣпленіями такъ, чтобы въ него не могли проникать и его колебать никакія внѣшнія враждебныя вліянія.

Въ поведеніи—самообладаніе и сдержанность.

Какъ-бы ни были прекрасны, благородны, справедливы твои мысли и убѣжденія, но если ты вносишь ихъ въ среду, имъ непріязненную, то ты не иное что, какъ бѣдный донъ-Кихотъ, рыцарь печальнаго образа, подвизающійся въ честь не существующаго рыцарства.

— 3. Понедѣльникъ. Появилась моя рѣчь о Сперанскомъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" № 3.

Наше поколѣніе хочетъ отличаться бородами. Оно носитъ на себѣ эти признаки мужей, за неимѣніемъ мужественности въ душахъ своихъ.

— 7. Пятница. Въ засѣданіи Отдѣленія Академіи наукъ сегодня предложены были въ члены его Сухомлиновъ и Соловьевъ—историкъ. Относительно послѣдняго я изъявилъ сомнѣніе, подходитъ-ли онъ подъ наше отдѣленіе? Оказалось, что въ правилахъ есть статья, допускающая выборъ въ наше отдѣленіе сочлена и по исторіи. Ну такъ не о чемъ и толковать. Еще пройдетъ-ли выборъ этотъ въ общемъ собраніи? Гротъ увѣренъ, что пройдетъ.

— 10. Понедѣльникъ. Наши интеллигентные люди обыкновенно читаютъ не книги или большія статьи, требующія размышленія, а статейки. Фельетоны и стихи, особенно приправленные скандалами, ихъ радость и пища. Болѣе серьезные люди, впрочемъ, интересуются и книгами, содержащими въ себѣ разные историческіе матеріалы, что было-бы, конечно, очень хорошо, если-бы въ то-же время они не питали отвращенія къ разъясненію ихъ духа, смысла и сколько-нибудь къ систематически извлеченнымъ выводамъ. Факты, голые факты—и болѣе ничего.

— 11. Вторникъ. И Иванъ и Петръ могутъ быть одинаково добрыми людьми, а между тѣмъ, между ними можетъ быть неизмѣримая разница, смотря по тому, какими основаніями, идеалами и побужденіями опредѣляется ихъ доброта.

Вопросъ: есть-ли разница между дѣяніями человѣческими, которыя цѣнны сами по себѣ, и такими, которыя цѣнятся только по отношенію къ пользѣ, выгодамъ нашимъ и т. п.? Отъ разъясненія этого вопроса зависитъ судьба нравственности.

Надобно дѣлать добро, потому что оно хорошо, цѣнно само по себѣ. Вотъ главное основаніе нравственнаго закона.

Но кто оцѣнщикъ дѣянія?—разумъ и чувство.

Главная и первѣйшая добродѣтель, безъ сомнѣнія, справедливость.

Въ здѣшнемъ университетѣ хотѣли праздновать, т. е. сдѣлать актъ въ память Сперанскаго. Министръ подъ рукою далъ знать ректору, что лучше этого не дѣлать. Такъ актъ и не состоялся. Да и въ обществѣ, кажется, не былъ сочувственно принятъ юбилей Сперанскаго. Доказательство этому, между прочимъ, въ томъ, что чрезвычайно туго идетъ подписка на премію, которую законовѣды наши пожелали назначить за лучшее юридическое сочиненіе въ память знаменитаго человѣка.

— 16. Воскресенье. У Д*. Просилъ его о пенсіонѣ женѣ умершаго брата Крамскаго. Онъ обѣщалъ сдѣлать все, что можно лучшаго. Вообще онъ оказалъ мнѣ чрезвычайно много любезностей. Отъ него къ Небольсину. Онъ боленъ. Вечеръ у Крамскаго.

— 17. Понедѣльникъ. Моя брошюра о Сперанскомъ принимается кой-кѣмъ съ большимъ одобреніемъ. Я теперь жалѣю, что напечаталъ ее въ такомъ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Всего 50. Но все это пустяки.

По нашимъ понятіямъ добро или благо то, что соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ, нашимъ стремленіямъ и цѣлямъ. Но не таково добро въ верховномъ божественномъ разумѣ. Въ немъ добро то, что живетъ и производитъ жизнь.

Въ сердцѣ человѣческомъ есть щели, куда, какъ клопы, моль и другія насѣкомыя, залѣзаютъ безпрестанно разные скверные, мелкіе, дрязговые помыслы и поползновенія. Но умный человѣкъ, какъ хорошій хозяинъ, смотритъ зорко за этимъ сбродомъ и не ведя съ нимъ серьезной войны, выводитъ его легко и скоро, такъ что отъ него не происходитъ никакой порчи характеру и основнымъ благороднымъ побужденіямъ и цѣлямъ.

. . . .

Относительно умственной достовѣрности нельзя-ли сказать: „достовѣрно, что я думаю, но то, о чемъ я думаю, можетъ быть и недостовѣрно“.

Февраль.—1. Вторникъ. Вчера заѣзжалъ ко мнѣ Погодинъ, но не засталъ меня дома. Потомъ видѣлся я съ нимъ у Корнилова.

— 3. Четвергъ. Провелъ у Погодина часа четыре. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы поднести Государю свою „Русскую Исторію“,

написанную до монгольскаго ига. Въ книгѣ этой замѣчательно посвятительное письмо Государю, гдѣ въ началѣ Погодинъ говоритъ, что онъ родомъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ и подноситъ свое сочиненіе Освободителю ихъ. Мы вдоволь наговорились о разныхъ современностяхъ.

— 4. Пятница. Общее засѣданіе въ Академіи наукъ. Читаны двѣ записки объ избраніи въ члены Академіи по II Отдѣленію Соловьева историка и Сухомлинова.

Погодинъ напечаталъ въ „Гражданинѣ" статью противъ Костомарова въ опроверженіе его характеристикъ Скопина-Шуйскаго, Минина, Пожарскаго. Авторъ припоминаетъ тутъ-же и статью Костомарова, въ которой послѣдній унижаетъ сильно Дмитрія Донскаго. Статья эта, съ мѣсяцъ тому назадъ, была напечатана въ „Академическомъ Календарѣ". Между прочимъ, Погодинъ говоритъ, что ему извѣстно „какія козни" употреблены были для ея напечатанія къ стыду Академіи. Сегодня В. предложилъ собранію спросить Погодина: „какія это козни?" По его словамъ, слова Погодина заключаютъ въ себѣ оскорбленіе Академіи, которая должна потребовать отъ Погодина, какъ своего сочлена, объясненія. Собраніе согласилось на это требованіе В. Но были и мнѣнія, что не лучше-ли для избѣжанія скандала не начинать этого дѣла. Я тоже полагалъ, что подобное рѣшеніе было-бы лучше. Но если уже пошло на это, то такъ тому и быть. Изъ этого, вѣроятно, ничего хорошаго не выйдетъ. Публика, забывшая непристойность помѣщенія Костомаровской статьи въ „Календарѣ", теперь вспомнитъ о ней.

Требовать отъ насъ, чтобы мы вдругъ сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ героевъ гражданской и всяческой доблести, значитъ требовать, чтобы день былъ ночь, а ночь—день, по выраженію Шекспира. Это особенно относится къ нѣкоторымъ ошибкамъ нашихъ судовъ, которыя съ такимъ (рвеніемъ) стараются оглашать „Московскія Вѣдомости".

— 6. Воскресенье. „Голосу" третье предостереженіе съ пріостановленіемъ на четыре мѣсяца. Итакъ „Голосъ" не существуетъ. „Московскія Вѣдомости" считать нечего.

— 9. Среда. Реакція принимаетъ, повидимому, систематическій характеръ. Самыя крупныя проявленія ея: реформа среднихъ учебныхъ заведеній, съ намѣреніемъ отклонить среднее и

неимущее сословія отъ высшаго образованія, съ предоставленіемъ ему права приготовленія своего юношества къ низшей техникѣ. Потомъ подкапываніе подъ самостоятельность новыхъ судовъ и, наконецъ, стѣснительныя мѣры противъ печати. Вотъ что дѣлается. А что въ обществѣ? Интеллектуальная часть его въ тревогѣ и волненіи; но она безсильна и притомъ въ ней самой разладъ идей, взглядовъ и убѣжденій. Что касается до другихъ классовъ, то они обрѣтаются въ глубокомъ невѣжествѣ, безъ малѣйшаго понятія о политическихъ и общественныхъ интересахъ . . . . Они готовы признать все, что служитъ опорою для удостовѣренія, что Россія вовсе не выросла для какихъ-либо (самостоятельныхъ) учрежденій. Значитъ, мы пойдемъ туда, куда поведетъ насъ реакція. Такимъ образомъ, что остается мыслящему и честному человѣку, который стоитъ совсѣмъ одиноко? Крайній индифферентизмъ нашего общества въ цѣломъ ко всему, что не относится къ личнымъ выгодамъ отдѣльныхъ личностей, крайняя неразвитость умовъ отнимаютъ у перваго возможность, а подчасъ и охоту что-либо дѣлать въ этой странной, мутной средѣ, гдѣ сегодня бываетъ одно, а завтра другое, но все бывающее не подвигаетъ людей ни къ чему опредѣленному и разумному.

Катковъ пріѣхалъ опять сюда, чтобы воодушевлять и начинять аргументами къ предстоящей борьбѣ въ Государственномъ совѣтѣ, по поводу реальныхъ училищъ, которыя, по плану московскаго заправилы, должны быть профессіональными въ низшемъ техническомъ смыслѣ, а не общеобразовательными. Что это такъ и будетъ, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

. . . .

— 12. Суббота. Я всегда былъ врагомъ всякихъ крайностей, исключая тѣхъ минутныхъ увлеченій, когда меня поражала какая-нибудь несправедливость и побуждала къ неумѣреннымъ изліяніямъ моихъ чувствъ. Главное начало, служащее основаніемъ моего міровоззрѣнія, есть законъ уравновѣшенія. Онъ господствуетъ въ природѣ и долженъ господствовать въ отношеніяхъ людей въ общественномъ строѣ, во всемъ, гдѣ человѣку приходится мыслить и дѣйствовать.

Я врагъ всякаго абсолютизма, будь онъ политическій, умственный, абсолютизмъ системы или мнѣнія. Мнѣніе или идея,

старающаяся поглотить всѣ другія и присвоить себѣ господство надъ умами, мнѣ также противна, какъ и власть, которая хочетъ подклонить подъ свое иго всѣхъ людей съ ихъ дѣйствіями и правами.

Кто больше заслуживаетъ осужденія: тотъ-ли, кто отъ своихъ избытковъ ничего никому не даетъ, или тотъ, кто, давъ, отнимаетъ? . . . . .

Единственное прибѣжище мысли—настаивать всячески на законности.

У одного хозяина мыши завелись въ домѣ. Кто-то и присовѣтовалъ ему, для избавленія отъ нихъ, сломать домъ.

Вездѣ, гдѣ человѣкъ ищетъ невѣдомаго или стремится къ нему, даже въ самыхъ грубыхъ формахъ, проявляется духъ и высшая человѣческая натура.

...Въ самомъ дѣлѣ, мой старый пріятель Катковъ дошелъ до послѣдней крайности, противодѣйствуя всему, что въ нынѣшнее царствованіе сдѣлано хорошаго въ Россіи. Онъ какъ бѣшенный кидается на новые суды, на общественное мнѣніе, на всѣхъ, кто не раздѣляетъ его классическихъ проектовъ, во всемъ видитъ преступленіе, измѣну, нигилизмъ. Все это страшно надоѣло всѣмъ и даже прежніе почитатели его рѣшительно отъ него отшатнулись. Я знаю нѣкоторыхъ, которые перестали выписывать или читать „Московскія Вѣдомости". Въ обществѣ рѣшительно господствуетъ мнѣніе, что по его доносу запрещенъ и „Голосъ". Если это правда, то какъ это назвать? Мнѣ Краевскій говорилъ, что ему подлинно извѣстно, что это правда.

Былъ надняхъ у А. С. Воронова и прочиталъ у него мнѣніе А. В. Головнина, представленное предсѣдателю Государственнаго совѣта, великому князю, о новыхъ временныхъ правилахъ цензуры, внесенныхъ въ совѣтъ. Мнѣніе это написано съ замѣчательнымъ умомъ, правдою и твердостью. Оно все проникнуто мыслью въ защиту свободы печати, разумѣется въ извѣстныхъ предѣлахъ, и пагубности репрессивныхъ противъ нея мѣръ.

— 18. Пятница. Вчера въ комиссіи Государственнаго совѣта рѣшилось дѣло о реальныхъ училищахъ. Шесть членовъ были за проектъ министра народнаго просвѣщенія, а девять противъ. Замѣчательно то, что графъ Панинъ, который сильно и даже умно ратовалъ въ прежней комиссіи и въ общемъ собраніи Го-

сударственнаго совѣта въ пользу реальныхъ училищъ, теперь перешелъ на сторону министерскаго проекта. Въ числѣ девяти вообще находятся наиболѣе значительные члены совѣта. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ членовъ: графъ Литке, Чевкинъ, Милютинъ, Головнинъ, Гротъ, Грейгъ, Титовъ, Оболенскій. Въ числѣ шести: графъ Толстой, графъ Строгоновъ, графъ Панинъ, кн. С. Урусовъ, Валуевъ, Путятинъ.

. . . .

— 25. Пятница. Запрещена газета „Дѣятельность", а у газеты „Новое Время" отнято право розничной продажи.

Говорятъ, что въ Земледѣльческомъ училищѣ (помѣщающемся въ бывшемъ Лѣсномъ корпусѣ) произведена студентами какая-то демонстрація. Что за несчастіе Россіи это юношество, пропитанное съ ногъ до головы пошлымъ либерализмомъ, который есть не иное что, какъ полнѣйшее безвѣріе религіозное, нравственное и умственное, полнѣйшее распутство! Какъ вдохнуть лучшій духъ въ это жалкое поколѣніе! Однимъ классицизмомъ этого нельзя. Страхъ наказаній тоже не подѣйствуетъ. O tempora, o mores!

Неудовольствіе въ публикѣ на присяжныхъ за оправданіе Мясниковыхъ. Въ дѣлѣ не оказалось достаточныхъ поводовъ къ ихъ обвиненію, т. е. уликъ, которыя юридически могли-бы быть этимъ поводомъ. Но присяжные, говорятъ, должны были-бы основаться на совѣсти, потому что нравственное убѣжденіе въ виновности Мясниковыхъ общее. Но, можетъ быть, присяжные поэтому самому и не могли вынести обвинительнаго вердикта, опасаясь, по справедливости быть, орудіемъ чужихъ толковъ и слуховъ, давно уже ходившихъ въ городѣ.

Мартъ.—3. Пятница. Второе отдѣленіе Академіи выбрало Соловьева въ свои члены въ званіи ординарнаго академика. Сегодня въ общемъ собраніи происходила баллотировка. Соловьевъ получилъ 27 избирательныхъ шаровъ и 2 неизбирательныхъ.

О земледѣльческой исторіи (въ институтѣ) оказалось, что это пустяки. Была просто глупая шалость одного глупаго воспитанника, и первые, кто возстали противъ него, были его-же товарищи. Кажется, изъ этого хотѣли нѣкоторые раздуть нѣчто важное, но не успѣли.

— 8. Среда. Наша внутренняя жизнь есть не иное что, какъ игра разнаго рода представленій и движеній, совершающихся механически по извѣстнымъ законамъ. Мы тутъ не больше какъ арена, на которой они совершаются. Главные двигатели всего этого наши инстинкты, животные и психологическіе. Однако, человѣку дана правительственная сила, и ей-то принадлежитъ власть распоряжаться тѣмъ, что происходитъ въ насъ, и направляетъ это къ извѣстнымъ цѣлямъ и идеямъ. Худо, если эта сила слаба. Тогда мы впадаемъ въ нравственную анархію и становимся послушными орудіями, добычею инстинктовъ.

Россія страдаетъ совсѣмъ не тѣми недугами, какъ западная Европа, и потому къ намъ вовсе не идутъ тѣ теоріи объ измѣненіи существующаго порядка, какія проповѣдуются тамъ. У насъ двѣ глубокія раны, требующія врачеванія: невѣжество народа и дурная администрація (1872 г.). Исцѣлить послѣднюю гораздо труднѣе, чѣмъ первое. Къ послѣдней примѣняются вполнѣ слова: „врачу—исцѣлися самъ". Но какъ ей лѣчиться отъ главнаго зла—отъ злоупотребленія властью? Вѣдь свойство ея болѣзни и состоитъ въ томъ, что она есть такова, какова есть, и чтобы сдѣлаться лучшею, ей слѣдовало-бы отказаться отъ самой себя.

— 10. Пятница. Вторая половина февраля была и тепла и свѣтла. Но весь мартъ несносно холоденъ, между тѣмъ какъ солнце сіяетъ великолѣпно. Были дни, что морозъ доходилъ до 12 и даже 14° и постоянно то 7, то 8°—сегодня также.

Моя служба обществу разбивается на двѣ половины: на учено-литературную и литературно-административную. Могу сказать одно, что въ первой я всегда старался проводить идеи, возвышающія человѣческое достоинство нашей національности. Во второй я не безъ нѣкотораго мужества старался отражать напоръ неблагопріятныхъ обстоятельствъ противъ нашей мысли и науки. Болѣе я ничего не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать. Пусть по этому и судятъ меня.

— 12. Воскресенье. Обѣдъ въ Римско-Католической академіи. Праздникъ ея церкви. По обыкновенію, я былъ осыпанъ любезностями всѣхъ присутствовавшихъ.

Классики въ восхищеніи, думая, что они спасутъ Россію, основавъ образованіе наше на греческомъ и латинскомъ языкахъ.

Не станемъ спорить, что въ классицизмѣ заключается важная образовательная сила. Но все-же это не есть само **содержаніе** знанія—а вотъ содержаніе-то откуда придетъ, какъ не изъ современной науки, и если правда, что современная наука ведетъ къ разрушительнымъ послѣдствіямъ, то какъ вы убережете отъ нихъ поколѣніе, которое должно-же чѣмъ-нибудь занять свои, образованныя на древнихъ образцахъ, силы? Вѣдь не запрете вы его въ клѣтку, куда-бы не могъ проникнуть ни одинъ лучъ изъ духа вѣка.

— 15. **Среда.** Получилъ отъ общества художниковъ приглашеніе на обѣдъ по подпискѣ, въ честь Островскаго. Не пошелъ, потому что не зналъ, кто тутъ распоряжается. Да притомъ и Островскаго въ Петербургѣ нѣтъ.

. . . .

— 24. **Пятница.** Всякая мысль, кажущаяся опасною, когда она передается, такъ сказать, шепотомъ, отъ одного другому, теряетъ свою опасность, какъ скоро она провозглашается во всеуслышаніе просто и не болѣе, какъ въ видѣ мысли. Въ безконечномъ приливѣ и отливѣ человѣческихъ мыслей, она скоро замѣняется другими и становится не болѣе, какъ обыкновеннымъ продуктомъ мышленія.

— 26. **Воскресенье.** Общественное мнѣніе сильно возстаетъ противъ крайняго классицизма. Въ этомъ, однако, выражается не одно несогласіе общества съ принятымъ планомъ обученія, но вообще оппозиціонный духъ, который, за недостаткомъ другой почвы, проявляется на этой, такъ какъ на ней можно встрѣтить менѣе ограниченія...

Апрѣль. — 3. **Понедѣльникъ.** Вчера былъ у князя П. А. Вяземскаго. Онъ довольно мраченъ, однако бесѣдовалъ со мною какъ всегда, безъ малѣйшихъ признаковъ какого-нибудь внутренняго разстройства, кромѣ грустнаго сознанія, что онъ не такъ здоровъ, какъ-бы желалось, и уже очень старъ. Онъ былъ очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ.

Въ Одессѣ, въ тамошнемъ соборѣ, украдена икона Божіей Матери, осыпанная драгоцѣнными камнями и считавшаяся чудотворною. Полиція выбилась изъ силъ, отыскивая воровъ и украденную (икону) Божіей Матери. Но вотъ пріѣхала въ Одессу императрица, и въ тотъ самый день икона была найдена, заверну-

тая въ салфетку, но уже безъ драгоцѣнныхъ украшеній. Такое неожиданное обрѣтеніе, и притомъ въ моментъ пріѣзда высочайшей особы, конечно, составляетъ уже чудо. Икону принесли въ соборъ, гдѣ торжественно принялъ ее архіерей......

— 7. Пятница. Когда вы стѣсняете свободу въ добромъ или, по крайней мѣрѣ, безвредномъ, она обращается на путь зла и разврата.

Проектъ о реальныхъ училищахъ въ общемъ собраніи Государственнаго совѣта прошелъ. На сторонѣ графа Толстаго 19 голосовъ противъ 29. Графъ Панинъ оказался ренегатомъ: онъ за одно съ графомъ Толстымъ, тогда какъ, во время сужденій о классическихъ гимназіяхъ, онъ не только былъ противникомъ Толстовскаго проекта, но противникомъ весьма сильнымъ, энергическимъ и разумнымъ. Куда-же дѣвались его энергія и разумъ?

— 8. Суббота. Самое великое зло, которымъ страдаетъ наше общество, это почти повальная деморализація.

Классики полагаютъ, что противодѣйствіе этому злу мы найдемъ въ изученіи древнихъ языковъ и литературъ. Это ужасная нелѣпость. Можно-ли въ языческой образованности найти нравственныя основы для міра христіанскаго? Развѣ потребности и стремленія духа у насъ и у античныхъ людей, какъ-бы эти люди ни были развиты, одни и тѣ-же?

Западная соціалистическая мораль для насъ не годится. Да и на Западѣ она можетъ существовать только въ однѣхъ крайне небольшихъ общинахъ.

И вообще, можетъ-ли установиться на землѣ сколько-нибудь прочный, нравственный порядокъ вещей безъ содѣйствія религіозной силы?.....

— 11. Вторникъ. Нѣтъ такого дурака, который не въ состояніи былъ-бы найти что-нибудь смѣшное въ самомъ умномъ и честнѣйшемъ человѣкѣ.

Въ каждомъ человѣкѣ, какъ-бы онъ ни былъ уменъ, всегда бываетъ нѣкоторая доля неблагоразумія, препятствующая успѣхамъ его предпріятій и мѣшающая пользоваться успѣхами, уже достигнутыми.

— 12. Среда. Уже третій день какъ прекрасные теплые дни, настоящіе весенніе, хоть-бы не въ Петербургѣ, несмотря на

то, что вчера ладожскій ледъ шелъ во всю ширину Невы. Сегодня я разоблачился отъ шубы и зимнихъ калошъ и ходилъ гулять въ пальто, разумѣется ваточномъ.

— 20. Четвергъ. Мнѣ кажется, сдѣлана огромная ошибка насильственнымъ установленіемъ такъ называемаго классическаго образованія. Если рѣшено было уже принять эту систему, то надобно было не провозглашать ее съ такимъ азартомъ, какъ это сдѣлалъ графъ Толстой, и не вдругъ поразить ею общество. Однимъ почеркомъ пера нельзя произвести такого крутаго переворота въ понятіяхъ. Можно было-бы учредить нѣсколько классическихъ гимназій, не давая имъ исключительнаго и всеобщаго значенія, и предоставить желающимъ идти другимъ путемъ. Этою постепенностью выиграли-бы и то еще, что имѣли-бы возможность подготовить нужное число хорошихъ наставниковъ классическихъ языковъ, которыхъ теперь нѣтъ и которыхъ принуждены выписывать изъ Чехіи. Министерству народнаго просвѣщенія слѣдовало избѣжать и другой крайности— публичнаго изъявленія недовѣрія къ наукамъ естественнымъ, считая ихъ разсадникомъ нигилизма и матеріализма. Во-первыхъ, это несправедливо, а во-вторыхъ, какъ-же это сдѣлать чтобы эти науки не распространялись въ государствѣ? Наконецъ, разумно-ли лишать среднія учебныя заведенія, каковы-бы они ни были, общеобразовательнаго характера, превративъ ихъ въ заведенія спеціальныя, почти ремесленныя? Мудрено-ли, что въ Государственномъ совѣтѣ нашлось 29-ть голосовъ противъ 19-ти Толстовскаго или, лучше сказать, Катковскаго проекта?

— 22. Суббота. Вечеръ у И. П. Корнилова. Разговоръ, между прочимъ, шелъ объ усиленіи власти губернатора и предоставленіи ему права входить въ учебную часть заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Я возразилъ на мнѣнія нѣкоторыхъ господъ о пользѣ этой мѣры.

— Это значитъ, сказалъ я, между прочимъ,—что губернатору присвоивается способность всевѣдѣнія и даже педагогическія и научныя знанія. Какъ-же будетъ онъ вмѣшиваться въ преподаваніе, имѣющее уже своихъ спеціальныхъ блюстителей.

Шидловскій особенно настаиваетъ на необходимости сдѣлать изъ губернаторовъ педагоговъ.

— Но я берусь, сказалъ я, — прочесть въ его присутствіи

лекцію объ атеизмѣ въ духѣ, вовсе не соотвѣтствующемъ желанію его, и, однако, онъ будетъ благодарить меня за нее.

— 23. Воскресенье. Печальное происшествіе въ Харьковѣ (смотри „Петербургскія Вѣдомости"): волненіе противъ полиціи народа, который излилъ на нее страшную злобу. Поводомъ была глупѣйшая выходка частнаго пристава, который вздумалъ столпившуюся на праздничномъ увеселеніи толпу разгонять водою изъ пожарныхъ трубъ, причемъ трубы эти раздавили нѣсколько человѣкъ. Народная ярость разразилась ураганомъ, противъ котораго оказалась безсильною администрація, вмѣстѣ съ губернаторомъ во главѣ ея. Это было настоящее возстаніе народа противъ полицейскихъ порядковъ. Замѣчательно, между прочимъ, что въ народѣ раздавались крики, требовавшіе суда.

Замѣчательно, что повальное сѣченіе розгами въ Одессѣ вовсе не послужило устрашающимъ примѣромъ для харьковцевъ. Значитъ, нужно нѣчто подѣйствительнѣе палочной расправы безъ суда и изслѣдованій.

— 26. Среда. Отечество, Россія—это одно. Современное русское общество, бюрократія русская—это нѣчто другое.

Въ отдѣльности много у насъ есть людей и умныхъ, и достаточно просвѣщенныхъ, и благородныхъ. Но взгляните на то, какіе интересы преслѣдуются цѣлыми массами людей, какими стремленіями они воодушевляются, на весь порядокъ, на крайнюю безтолковость этихъ массъ, на мелочность, на отсутствіе всякихъ общечеловѣческихъ и общенародныхъ принциповъ и вы увидите, что тутъ вовсе нѣтъ того, что называется духомъ общественнымъ, а господствуетъ крайняя разъединенность видовъ и взглядовъ во всемъ, что касается общихъ цѣлей и интересовъ. Васъ изумитъ несостоятельность, пошлость тѣхъ самыхъ лицъ, которыя въ своей единичности представляются людьми, достойными сочувствія и уваженія. Очевидно, общія задачи, которыя-бы возвышались надъ частными эгоизмами и видами, еще у насъ не выработались. Какъ скоро отдѣльныя личности соприкасаются другъ съ другомъ, ихъ ничто высшее не связываетъ и они бѣгутъ врознь, каждый гонимый своимъ самолюбіемъ или житейскими разсчетами.

. . . .

— 29. Суббота. Почти весь апрѣль щеголяетъ на славу прекрасными днями. Надолго-ли? Невольно закрадывается въ душу сомнѣніе: не отмститъ-ли намъ за это май сторицею холодомъ, съ примѣсью снѣга и морозцевъ? Вѣдь все бываетъ на свѣтѣ такъ. Ни судьба, ни природа, ни администрація не балуютъ насъ продолжительнымъ добромъ. Горе есть нормальное состояніе человѣчества, радости суть исключенія.

— 30. Воскресенье. Вотъ новое распоряженіе министра народнаго просвѣщенія: въ гимназіяхъ воспитанникъ долженъ получить на экзаменѣ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ по $4^{1}/_{2}$ и во всѣхъ прочихъ предметахъ по 4, чтобы имѣть доступъ въ университетъ. Кто хоть въ одномъ предметѣ получилъ 3, ему выдается свидѣтельство, что онъ кончилъ курсъ гимназіи, но безъ всякихъ правъ.

Май. — 7. Воскресенье. На дачу къ Брауну подъ Дубками въ Павловскъ. Давно уже мы такъ рано не переѣзжали на дачу.

— 10. Среда. Умъ становится шире и свѣтлѣе и сердце добрѣе, когда вокругъ себя не видишь ничего, кромѣ зелени деревьевъ и цвѣтовъ, не слышишь ничего, кромѣ щебетанья птицъ, крика кукушки и т. п. Человѣкъ человѣка дѣлаетъ злымъ, природа никогда.

— 14. Воскресенье. Въ одномъ пансіонѣ священникъ объяснялъ то мѣсто изъ евангелія, гдѣ изображены страданія Іисуса Христа, и все, что онъ претерпѣлъ отъ враговъ своихъ. Инспекторъ, тутъ находившійся, спросилъ у дѣвочки: „скажите мнѣ, отъ кого мы больше терпимъ непріятностей? Ученица немного подумала и отвѣчала: „отъ начальства“.

. . . .

Не всѣ-ли мы играемъ комедію, стараясь выполнить свою, какъ будто какую-то серьезную роль, въ сущности-же занимая себя и другихъ нелѣпыми и смѣшными играми.

— 27. Суббота. Одинъ день лучше другого, можно жаловаться только развѣ на жары. Но жары мая все еще не доходятъ до удушливаго зноя. И что за роскошная зелень, что за безконечное пѣніе соловьевъ и другихъ милыхъ гостей у насъ на сѣверѣ! Вѣтрянная кукушка кричитъ, что̀ рѣдко здѣсь бываетъ, такъ, какъ кричала только въ моемъ дѣтствѣ въ благодатныхъ рощахъ около Дона или у береговъ тихой Сосны. Противъ моихъ оконъ

безпрерывно поетъ свою милую пѣснь какая-то птичка, которой, къ сожалѣнію, я назвать не умѣю. Голосокъ ея похожъ на самые нѣжные звуки флажолета, мягкіе, какъ лепетанье ребенка.

У насъ лгутъ и только лгутъ—лгутъ энтузіазмомъ, который есть не иное что, какъ натянутая и искусственная вспышка, которую мы тутъ-же готовы тотчасъ и осмѣять, и лгутъ затѣмъ безпрестанно, обманывая другъ друга, составляя, напримѣръ, общества, гдѣ каждый имѣетъ въ виду, будто-бы, какую-нибудь похвальную цѣль, а потомъ спѣшитъ обворовать это-же самое общество или сдѣлать его орудіемъ какихъ-нибудь другихъ своихъ мерзостей.

— 30. Вторникъ... Умственная аристократія вещь очень хорошая, но она создается сама собою изъ высшихъ образованныхъ умовъ, почерпающихъ свою силу вообще въ знаніи, въ наукѣ, въ искусствѣ и прилагающихъ ее честно и разумно къ многоразличнымъ требованіямъ общества и управленія. Но для этого-то, говорятъ, и нужно серьезное классическое знаніе. Почему-же именно только классическое? Вотъ въ этомъ весь вопросъ. Вѣдь какую-бы образовательную силу не признавали за классицизмомъ, всетаки это не болѣе, какъ сила формальная. Но образованіе классическое, говорятъ, дѣлаетъ человѣка ко всему способнымъ, потому что оно и развиваетъ, и пріучаетъ къ труду, и дисциплинируетъ умы. А другія науки развѣ не развиваютъ, не требуютъ серьезнаго труда и метода, который собственно и составляетъ высшую, настоящую дисциплину ума? И возможное-ли, полезное-ли дѣло обратить умы общества къ одной сторонѣ знанія, а другія стороны оставить въ небреженіи или относиться къ нимъ даже съ нѣкотораго рода презрѣніемъ? Вы хотите создать правителей, руководителей умовъ и общества изъ классиковъ, и это будетъ настоящая соль русской земли, аристократія умственная въ консервативномъ духѣ. Да какъ-же эти правители и руководители будутъ поступать, когда нужда или жизнь общества потребуетъ отъ нихъ соображеній финансовыхъ, политико-экономическихъ, строительныхъ, статистическихъ, знанія природы, знанія людей и народовъ? Дадутъ-ли имъ для этого средства классическія знанія. Но, возражаютъ, классическое образованіе дастъ имъ возможность пріобрѣсти ихъ самымъ лучшимъ образомъ—т. е. послѣ того, какъ они истощатъ запасъ лучшихъ свѣ-

жихъ умственныхъ силъ и запасъ драгоцѣннаго времени на классицизмъ, они еще будутъ въ состояніи посвятить себя трудамъ спеціальнаго знанія? Удивительно!

По мнѣнію господъ, защищающихъ классицизмъ, выходитъ, что нельзя быть ни отличнымъ финансистомъ и политико-экономомъ, ни инженеромъ, ни полководцемъ и проч., не убивъ своей юности на изученіе греческихъ спряженій, склоненій и синтаксиса?

Сегодня въ Петербургѣ празднуется двухсотлѣтіе со дня рожденія Петра Великаго. Это дѣйствительно праздникъ. Безъ Петра Великаго Россія и теперь еще гнила-бы въ своей гнусной апатіи и совсѣмъ исчезла-бы подъ натискомъ такихъ солдатъ, какъ Карлъ XII и Наполеонъ.

Настоящій Петровскій день: по временамъ проглядываетъ солнце, но по небу ходятъ тучи.

Іюнь.—3. Суббота. Экзаменъ въ Римско-Католической академіи. Какъ обыкновенно.

— 4. Воскресенье. Вечеромъ на музыкѣ. Толпа тупыхъ лицъ и больше ничего. Мансфельда оркестръ очень хорошъ.

Мы до того опошлились, гоняясь за изысканною, будто-бы простотою, что, кто хорошо говоритъ, тотъ уже подвергается нареканію. Отсутствіе всякаго оживленнаго выраженія, всякой мысли, принявшей сколько-нибудь изящную форму, считаютъ за достоинство, точно такъ, какъ молчаніе признаютъ нѣкоторые за доказательство ума.

Вмѣстѣ съ холодомъ и дождемъ я началъ какъ-то оживляться и выходить изъ моей апатіи. Не правъ-ли ужъ Пушкинъ, который гадкіе осенніе дни считалъ за лучшее время для поэтическаго творчества и обыкновенно удалялся въ эту часть года въ деревню, откуда привозилъ съ собою лучшія свои произведенія?

Давно уже, и не безъ нѣкотораго успѣха работаю я надъ собою, чтобы не приходить въ волненіе отъ разныхъ человѣческихъ гадостей, но одного не могъ до сихъ поръ никакъ въ себѣ преодолѣть—это негодованіе на всякую несправедливость, въ какой-бы формѣ она ни являлась.

— 5. Понедѣльникъ. Вотъ моя майская вялость и какое-то нелѣпое расположеніе духа разрѣшилось довольно серьезною болѣзнью.

Надобно- бы изъ этой болѣзни извлечь какую-нибудь нравственную и умственную пользу. Пора отъ утомительнаго и плоскаго бездѣйствія обратиться къ усиленному крупному труду, дающему лучшую награду человѣку въ мирномъ успокоеніи отдыха, котораго не бываетъ безъ труда.

— 20. Вторникъ. Между получившими образованіе въ классическихъ школахъ и школахъ реальныхъ непремѣнно возникнетъ антагонизмъ. Одни, напыщенные ученостью, съ педантическимъ высокомѣріемъ будутъ смотрѣть свысока на реалистовъ, а эти, въ свою очередь, сильные практическимъ своимъ значеніемъ и участіемъ во всѣхъ нуждахъ и интересахъ общества, будутъ платить классикамъ презрѣніемъ, и если правительство будетъ послѣднихъ отличать, то и ненавистью. Что изъ этого выйдетъ—неизвѣстно, только не можетъ выйти ничего хорошаго.

....Впрочемъ и то сказать, гдѣ сосредоточиться какому-нибудь возбужденію? Въ чиновничествѣ? Смѣшно и думать объ этомъ. Въ купечествѣ и мѣщанствѣ? Но оно знаетъ только плутовать и посредствомъ плутовства наживаться. Пока было у насъ дворянство, то въ немъ всетаки существовало нѣчто похожее на инициіативу или, по крайней мѣрѣ, на пассивное чувство своего гражданскаго достоинства, но съ уничтоженіемъ его—и это пропало въ обществѣ. Что касается до молодаго поколѣнія, то я немного ожидаю отъ него добра. Сперва оно заявило себя черезчуръ шумными протестами и радикальными требованіями, а теперь оно воспитываетъ въ себѣ матеріализмъ и всяческое безвѣріе.

— 22. Пятница. Борьба съ болѣзнью не прекращается. Долго-ли это продолжится? Умственной дѣятельности почти никакой, и это болѣе всего меня возмущаетъ. Я крѣплюсь, но по временамъ мною овладѣваетъ уныніе.

— 25. Воскресенье. Неподвижность умственная, неподвижность нравственная—безсиліе. Отсюда одинъ шагъ къ презрѣнію самого себя.

Третьяго дня былъ у меня Селинъ, пріѣхавшій изъ Кіева. Двадцать два года мы съ нимъ не видѣлись. Онъ такой-же восторженный какъ прежде или еще болѣе. Восторженность въ немъ, впрочемъ, не есть натяжка, и болѣе привычка, манера,

чѣмъ чувство. Да и чувствовать такъ долго и постоянно нельзя. Несмотря на это, въ немъ много искренняго, онъ прямодушенъ и честенъ.

Да, Россія одно, а общественность наша—иное. Конечно, и дымъ отечества намъ сладокъ, однако не этотъ отвратительный смрадъ отъ повсемѣстной испорченности нравовъ.

Почему правая сторона французскаго національнаго собранія монархію считаетъ панацеею противъ коммунизма, соціализма и проч.? Непостижимо! Если она домогается монархіи абсолютной, диктаторской, то тутъ было-бы еще нѣчто похожее на возможность. Но вѣдь такая монархія невозможна. А конституціонная, на подобіе испанской, развѣ менѣе, чѣмъ республика будетъ поприщемъ всяческихъ партій и страстей? Сверхъ того, монархія откроетъ путь къ новымъ междуусобіямъ. Вѣдь три претендента на престолъ.

— 29. Четвергъ. Открытіе въ Павловскѣ памятника Павлу I. Большое торжество въ присутствіи Государя: войска, музыка, пальба изъ пушекъ.

Іюль.—4. Вторникъ. Новый законъ о цензурѣ. Finis печати. Все рѣшается министромъ внутреннихъ дѣлъ. Какого-бы спеціальнаго содержанія ни была книга, онъ можетъ ее по собственному усмотрѣнію конфисковать. При этомъ законѣ, если онъ будетъ исполняться, рѣшительно становятся невозможными въ Россіи наука и литература. Да, правду сказать, давно-бы слѣдовало покончить съ ними. Къ чему онѣ намъ?

Общество, которое само ничего разумнаго и честнаго не хочетъ дѣлать, не заслуживаетъ, чтобы съ нимъ поступали честно и разумно.

Все это, и жизнь людей, и нравы ихъ, и учрежденія не могутъ не возбуждать къ себѣ презрѣнія.

Вся моя жизнь прошла въ пустякахъ, въ мышленіяхъ, въ стремленіи къ чему-то высшему, вмѣсто того, чтобы позаботиться о существенныхъ нуждахъ. Ошибки дѣлались за ошибками и вышло изъ этого какое-то нелѣпое существованіе—жертва ни себѣ, ни Богу, ни чорту. Но и это чувство надобно превозмочь, иначе будетъ хуже. Исправить прошедшаго нельзя, а малодушіемъ настоящее можно превратить въ такую гадость, которая будетъ хуже всего прошедшаго.

— 7. Пятница. Науки естественныя и математическія находятся нынѣ въ опалѣ или, какъ говаривалъ Петръ Великій, не въ авантажѣ. Надняхъ министръ народнаго просвѣщенія велѣлъ двумъ здѣшнимъ директорамъ гимназій подать въ отставку единственно за то, что они не классики, а ученые по физико-математическому факультету. Оба были отличными директорами много лѣтъ: Бардовскій— 1-ой гимназіи и Бѣляевъ—5-ой. О Бѣляевѣ особенно всѣ глубоко сожалѣютъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ директоровъ во всемъ министерствѣ. Исправляющій должность попечителя Я** прямо сказалъ Д**, что онъ не берется объявить объ отставкѣ этому благородному и превосходному педагогу: „У меня языкъ не повернется сказать ему, что его считаютъ негоднымъ“.

— 8. Суббота. Множество неудобствъ бываетъ слѣдствіемъ всякихъ реформъ общественныхъ, и жаловаться на нихъ было-бы несправедливо и малодушно. Но безчестность, отсутствіе всякихъ понятій о законности и долгѣ, обманы при всякихъ сдѣлкахъ, однимъ словомъ, попираніе общественной честности—вотъ что крайне дурно и невыносимо въ нынѣшнемъ состояніи нашего общества. Это уже не отъ реформъ, а отъ того, что составляетъ нравы наши. Поэтому и реформы служатъ не столько основаніемъ добра, сколько поводомъ ко злу. И такъ какъ подобное состояніе нравовъ есть наслѣдіе вѣковъ, то надобны силы, чтобы перемѣнить ихъ къ лучшему.

Въ лицѣ каждаго человѣка непремѣнно есть черта, которую отдѣливъ отъ другихъ, можно возвести въ карикатуру.

— 11. Вторникъ. Когда приходится прямо лицомъ къ лицу имѣть дѣло съ житейскими тревогами, съ разными несовершенствами нашего общественнаго быта и т. п., то естественно, что наше чувство возмущается, и мы готовы во всемъ этомъ видѣть какое-то исключительное бѣдствіе, которому мы преданы въ жертву злою нашею участью. Но этой-то исключительности вовсе нѣтъ. Мы, какъ капли, повинуемся общему теченію волнъ и терпимъ то, что люди всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣковъ терпѣли и будутъ терпѣть до скончанія міра. Поэтому, чувствуя зло, насъ постигающее, мы не должны его преувеличивать и дѣлать изъ него выводы такого, напримѣръ, свойства, что если-бы тѣ и тѣ хотѣли, то вотъ его и не было-бы. Самое великое бѣд-

ствіе состоитъ въ томъ, что люди, завѣдующіе судьбою общественныхъ дѣлъ, большею частью, или неспособны, или недобросовѣстны, или безпечны, и чѣмъ они выше, тѣмъ, по меньшей мѣрѣ, безпечнѣе, т. е. невнимательнѣе къ чужимъ интересамъ, имѣя въ виду только свои собственные. Но вѣдь это такое-же зло, какъ холера, какъ неурожай, угрожающій голодомъ, какъ смерть.

Глупаго, конечно, нельзя назвать умнымъ, злого—добрымъ, эгоиста—готовымъ служить честью другимъ людямъ, обществу. Мы не можемъ не относиться къ этому критически, не можемъ не желать лучшаго, даже не можемъ не покушаться достигать этого лучшаго, сколько позволяютъ наши силы. А всетаки, въ концѣ концовъ, вы придете къ выводу: „такъ бываетъ, такъ будетъ и такъ должно быть“.

Вечеромъ на музыкѣ услышалъ отъ доктора Барча, что Пекарскій, живущій на дачѣ отъ меня черезъ нѣсколько домовъ, умираетъ или уже умеръ отъ холеры. Докторъ только-что отъ него; онъ нашелъ его при послѣднемъ издыханіи, и ничего уже сдѣлать не могъ. До него его лѣчили еще нѣсколько докторовъ и не успѣли спасти несчастнаго.

А вотъ, говорятъ, что онъ уже и умеръ.

Бѣдный Пекарскій! Я, дня четыре тому назадъ, видѣлся съ нимъ: онъ весело гулялъ въ паркѣ. До того онъ жаловался нѣсколько на разстройство желудка, но онъ не обратилъ на это особеннаго вниманія. Это большая потеря для Академіи и науки. Онъ много и честно трудился для нихъ.

— 13. Четвергъ. По словамъ доктора Фассанова, Пекарскій чувствовалъ уже себя не совсѣмъ здоровымъ за нѣсколько дней до болѣзни. Въ этомъ состояніи онъ еще обѣдалъ въ гостяхъ и, разумѣется, безъ надлежащей осторожности; да обѣдъ еще былъ на открытой галлереѣ, гдѣ, вѣроятно, бѣднаго его и продуло. Въ прошедшую субботу открылась у него сильнѣйшая холера. Были созваны всевозможные медики, но спасти его не могли. Въ послѣдній день, т. е. въ день агоніи, онъ страшно страдалъ. Бѣдный Пекарскій! Смерть застигла его въ лучшую минуту его жизни, когда ему все улыбалось. Труды его шли какъ нельзя успѣшнѣе. Онъ пользовался уваженіемъ и извѣстностью, какъ ученый. Во время юбилея Петровскаго ему дали значитель-

ную денежную награду за прежній его трудъ о состояніи просвѣщенія въ Петровскую эпоху. И вотъ тутъ-то судьба его и подстерегла. Ему было едва-ли сорокъ лѣтъ.

Интеллигенція наша почти разомъ понесла большія потери. Умерли: Гильфердингъ, Утинъ за границею—Борисъ, тотъ, который былъ профессоромъ правъ въ здѣшнемъ университетѣ, и Пекарскій.

— 16. Воскресенье. Въ этомъ страшномъ антагонизмѣ силъ, гдѣ одна стремится поглотить другую, поглощаетъ ее, и сама поглощается третьею—въ этой трагической борьбѣ за существованіе заключается жизнь, и не человѣческая воля даетъ или терпитъ такой характеръ жизни.

— 20. Четвергъ. Что за гнусное существованіе! Мы ущемлены между двухъ золъ, посланныхъ на насъ природою: холерою и оспою. Послѣдняя съ неистовою силою свирѣпствуетъ въ Петербургѣ, первая тоже дѣлаетъ свое отвратительное дѣло очень усердно: она проявилась уже и здѣсь. Вамъ ежеминутно угрожаетъ бѣдствіе: вы ходите, спите, ѣдите, работаете, такъ сказать, передъ глазами смерти. Забурчитъ-ли въ желудкѣ, чувствуете-ли небольшую въ себѣ перемѣну, малѣйшее измѣненіе въ обычномъ теченіи вашихъ дней—вамъ кажется, что гроза готова на васъ обрушиться. Въ нѣсколько часовъ здоровые, крѣпкіе, вы можете провалиться, если не сквозь землю, то въ землю. Такъ случилось, напримѣръ, съ Пекарскимъ. А по селамъ вокругъ васъ чума скота. И этакъ не одинъ день, не два или три, а цѣлые мѣсяцы и притомъ лучшаго, благопріятнѣйшаго лѣта, которое не жарко, но тепло, съ перепадающими отъ времени до времени дождями. Что-же тутъ дѣлать? Благоразуміе предписываетъ не пренебрегать предосторожностями, особенно въ пищѣ, а остальное, не падая духомъ, предоставить судьбѣ.

— 23. Воскресенье. Вы требуете не того равенства, которое основано на законахъ человѣческой природы и требованіяхъ права. Вы хотите равенства между бездѣльникомъ и честнымъ человѣкомъ, между умнымъ и дуракомъ, между невѣждою и человѣкомъ просвѣщеннымъ, даже между воромъ, злодѣемъ и трудолюбивымъ, полезнымъ гражданиномъ.

— 25. Вторникъ. Государственный умъ есть тотъ, который

способенъ управлять государствомъ. Управлять людьми значитъ не притѣснять ихъ и не потворствовать имъ. . . . . .

— 30. Воскресенье. Заходилъ навѣстить Пекарскую. Она уѣхала въ городъ, но меня приняла ея сестра. Пекарскій не страдалъ ни такъ много, ни такъ долго, какъ сначала говорили. Онъ почувствовалъ себя дурно наканунѣ смерти вечеромъ. Началось бурчаньемъ въ желудкѣ, но онъ ходилъ и сначала ни на что больше не жаловался, говорилъ только, что не тифъ-ли у него начинается, потому что онъ чувствовалъ какой-то жаръ въ головѣ. Ночью сдѣлалась у него страшная тоска. Послали за докторомъ, который нашелъ его уже въ опасномъ положеніи. На другой день вдругъ у него ослабѣлъ пульсъ. Къ вечеру ему стало очень худо, и часовъ въ шесть онъ умеръ. Онъ сохранилъ полное сознаніе еще за полчаса до смерти, такъ что могъ благословить дѣтей. Года два тому назадъ, его постигъ ударъ въ голову такъ, что ротъ ему поворотило на сторону. Но, съѣздивъ за границу, онъ совсѣмъ поправился; теперь параличъ особенно сосредоточился у него въ шеѣ или горлѣ. Итакъ, вѣроятно, прежняя болѣзнь помогла нынѣшней.

Августъ.—5. Суббота. Берите истину вездѣ, гдѣ она есть, если только она есть.

Домашняя жизнь отравляется каждый день мерзостями нашей прислуги. Ничѣмъ, ни ласкою, ни жалованьемъ порядочнымъ нельзя ее привлечь къ исполненію того, что она должна дѣлать по условію. И это повсемѣстное у насъ зло. Третьяго дня я принужденъ былъ отправиться къ мировому судьѣ, чтобы спросить у него: нѣтъ-ли какихъ средствъ противъ невыносимаго самоуправства, безчестности и пьянства этихъ людей? Отъ него узналъ я, что законъ не представляетъ совершенно никакого огражденія правъ нанимателя, и потому наемные люди совершенно преданы своему грубому произволу и страстямъ. Онъ сказалъ мнѣ, что практика судейская одну истину сдѣлала для него очевидною, что эти люди недоступны никакимъ внушеніямъ своихъ обязанностей. Никакая кротость, никакое терпѣніе тѣхъ, которые должны къ несчастью имѣть съ ними дѣло, тутъ не помогаетъ. И вотъ съ такими людьми, однако, мы принуждены жить и раздѣлять нашъ хлѣбъ и деньги. Администраціи нѣтъ до этого никакого дѣла. Она не заботится о томъ, чтобъ наемный трудъ

подчинить какимъ-нибудь правиламъ, равно ограждая его и тѣхъ, кто за него платитъ.

— 10. Четвергъ. Торжественное открытіе въ Петербургѣ конгресса статистиковъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ произнесъ рѣчь, которая была-бы недурна, если-бы была не такъ учена. А то выходитъ, какъ будто-бы ему кто-нибудь сочинилъ ее, а не онъ самъ. Развѣ потому только можно признать ее за произведеніе диллетанта, что въ ней довольно-таки перепутаны понятія о самомъ существѣ статистики. Впрочемъ, эта путаница существуетъ и въ ученыхъ головахъ. Вторая половина рѣчи, имѣющая отношеніе къ Россіи и къ настоящему собранію, недурна, и этимъ слѣдовало-бы и ограничиться.

Что такое эти ученые конгрессы? Не иное что, какъ подвижные клубы, въ которыхъ, отъ времени до времени, умные люди собираются, чтобы поиграть не въ карты, а въ идеи съ дополненіемъ пива, а иногда и шампанскаго. Наука собственно тутъ ничего не выигрываетъ. Одно развѣ, что она привлекаетъ къ себѣ умы людей тамъ, гдѣ конгрессъ собирается.

Впрочемъ, для Россіи ученый конгрессъ имѣетъ особенное значеніе. Съ нимъ втекаетъ струя евпропеизма въ мутную рѣку нашей общественности.

— 13. Воскресенье. Приготовляясь къ исторической роли, Россія должна исповѣдью и покаяніемъ очиститься отъ своихъ нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ мерзостей, а потомъ пріобщиться духу высшей цивилизаціи. Вотъ откуда происходитъ необходимость публичнаго изобличенія и гласности.

— 15. Вторникъ. Мудрость человѣческая имѣетъ предѣлы— заблужденія безпредѣльны...

— 21. Понедѣльникъ. Странно, что часто многія пошлѣйшія посредственности бываютъ свободны отъ тѣхъ недостатковъ и заблужденій, какими страждутъ самыя избранныя натуры.

— 25. Пятница. Москва отличилась: она такъ дурно приняла конгрессистовъ, какъ будто они пріѣхали въ калмыцкую землю. Что она не предложила имъ обѣдъ съ миндалемъ откормленными поросятами—это не бѣда. Но бѣда въ томъ, что она высказала къ нимъ непростительное равнодушіе. Теперь иностранцы могутъ вынести о русскихъ слѣдующее общее впечатлѣніе: насъ приняли учтиво и съ уваженіемъ, когда пріемомъ

распоряжалось правительство въ Петербургѣ и во главѣ его великій князь. Но лишь только мы проникли въ глубину народности, въ Москву, такъ и оказалось справедливымъ изреченіемъ Наполеона I, что поскобли немножко русскаго—увидишь татарина.

. . . .

Сентябрь.—1. Пятница. Когда народу предоставлена извѣстная доля свободы, которой онъ прежде вовсе не имѣлъ, то надобно принять и необходимыя послѣдствія этого: нѣкоторое ограниченіе власти и произвола бюрократіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и необходимость того, что многое будетъ дѣлаться, чего прежде не дѣлалось и что не согласуется съ видами власти.

Иной честенъ только потому, что ему не достаетъ рѣшимости сдѣлаться плутомъ.

Подчинить умы дисциплинѣ научныхъ знаній, напримѣръ въ классицизмѣ, значитъ-ли уберечь ихъ отъ поползновеній къ крайнимъ либеральнымъ умозаключеніямъ, о чемъ, повидимому, мечтаетъ наша администрація? На нашъ вѣкъ станетъ, а тамъ хоть трава не рости.

— 11. Понедѣльникъ. Какія-бы понятія ни составлялись о мірѣ и какимъ-бы треволненіямъ не были подвержены человѣческія общества, но дѣло въ томъ, что всякій мыслящій человѣкъ долженъ найти въ себѣ опору для нравственнаго характера и нравственной жизни, если только онъ находитъ какое-нибудь различіе между собою и животнымъ.

Многія изъ новыхъ ученій не иное что, какъ подновленіе старыхъ.

— 12. Вторникъ. Засѣданіе комиссій въ Академіи наукъ о присужденіи премій Уваровскихъ. Я читалъ мои рецензіи на драматическія сочиненія, которыхъ было нынѣ 7. Въ томъ числѣ двѣ пьесы Островскаго: „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“ и „Не все коту масляница, бываетъ и великій постъ“. Обѣ слабы, и я не могъ дать о нихъ одобрительнаго отзыва. „Каширская старина“ Аверкіева также не отличное произведеніе, а четыре пьесы нѣкоего Базилевича просто сущій вздоръ. Итакъ, и нынѣ нельзя было присудить преміи за драму. Комиссія согласилась со мною

— 21. Четвергъ. Чтобы успѣшно можно было сражаться

съ разрушительными стремленіями, возстающими на существующій порядокъ вещей, надобно удовлетворить ихъ законнымъ требованіямъ. Тогда требованія незаконныя или преувеличенныя найдутъ себѣ противниковъ и тамъ, гдѣ они теперь не встрѣчаются.

— 25. Понедѣльникъ. Засѣданіе Академіи по случаю назначенія Уваровскихъ премій. Шести лицамъ опредѣлены половинныя преміи (по 500 р.), въ томъ числѣ и автору исторіи императора Александра I—Богдановичу, которому, мнѣ кажется, слѣдовала-бы полная премія. Но, по баллотировкѣ, въ комиссіи не оказалось требуемаго большинства. Мое мнѣніе о драмахъ было прочитано Гротомъ за болѣзнью Веселовскаго и заслужило общее одобреніе.

— 26. Вторникъ. Сегодня напечатана въ газетахъ слѣдующая странная телеграмма изъ Парижа: „На обѣдѣ у Тьера 21-го сентября (3-го октября) два иностранные представителя выразили мнѣнія, подобныя тѣмъ, которыя были высказаны генераломъ ***. Тотъ-же корреспондентъ газеты Times пишетъ, что одинъ изъ прибывшихъ въ Парижъ представителей Франціи заграницею заявилъ, что одинаковое мнѣніе господствуетъ и въ другихъ государствахъ". Какія это мысли и о чемъ? Но главное тутъ то, что гнилой западъ во всемъ насъ превосходитъ: онъ сдѣлалъ великое открытіе, которое въ Россіи никому и не снилось, т. е., что у *** есть мысли.

Высшій умъ есть нѣчто такое, въ чемъ всегда скрывается больше того, что онъ обнаруживаетъ.

— 27. Среда. Безпристрастно разсуждая, нельзя винить ни общество за его стремленія, ни правительство за то, что оно хочетъ ихъ умѣрить. Первое такъ много терпѣло всяческихъ стѣсненій, что естественно хочетъ большаго простора. Второе также естественно видитъ въ этомъ просторѣ такія стороны, которыхъ допустить не можетъ по своему положенію и по традиціямъ, а главное, оно видитъ въ самомъ обществѣ еще крайнюю незрѣлость.

Странно и нелѣпо сказать, что если-бы въ обществѣ было болѣе разсудительныхъ людей, а въ бюрократіи—людей болѣе способныхъ и добросовѣстныхъ, то этой неурядицы не было-бы Но это если—когда и гдѣ оно было возможно?

Въ сегодняшней газетѣ извѣщаютъ, въ чемъ заключаются мысли генерала ***, сообщенныя имъ Тьеру. Онъ благосклонно увѣдомилъ послѣдняго, что радикальныя движенія, подобныя возбужденнымъ Гамбеттою, производятъ непріятное впечатлѣніе въ другихъ государствахъ. Вотъ какая новость, и Тьеръ, который борется съ радикализмомъ всѣми силами своего высокаго ума, будто ее и не зналъ и только теперь обязанъ за нее генералу ***. Это похоже на то, если-бы кто-нибудь сказалъ другому: когда по сѣнникамъ ходятъ съ огнемъ, то можетъ случиться пожаръ, а пожаръ куда какая нехорошая вещь!

— 29. Пятница. Ивана Николаевича Крамскаго полиція призывала раза три и допрашивала его: гдѣ онъ былъ прошлое и нынѣшнее лѣто? И когда онъ отвѣчалъ гдѣ, возразили ему, что это неправда. Полиція даже извратила какъ-то самую его фамилію. И когда онъ, удивленный и недоумѣвающій и встревоженный, спросилъ: что все это значитъ и для чего его допрашиваютъ, ему отвѣчали, что это по секретному дѣлу. Жена его вчера пріѣзжала къ намъ и просила моего совѣта, что дѣлать при такомъ странномъ и необыкновенномъ нападеніи полиціи. Я посовѣтовалъ Ивану Николаевичу Крамскому немедля ѣхать къ Трепову и просить у него объясненія. Такъ онъ сегодня и сдѣлалъ. Оказалось, что съ 1863 года онъ состоитъ въ спискѣ подозрительныхъ, по поводу объясненія его отъ имени товарищей въ конференціи Академіи художествъ, откуда они тогда задумали выйти. Дѣло тогда тѣмъ и кончилось. Молодые художники вышли изъ Академіи безъ всякаго, впрочемъ, шума и основали, съ разрѣшенія начальства, артель, которая и до сихъ поръ существуетъ, исполняя, и весьма хорошо, разные частные заказы, а Крамской съ тѣхъ поръ составилъ себѣ весьма лестную репутацію, какъ замѣчательный художникъ. И вотъ теперь его вздумали допрашивать, не говоря, впрочемъ, ни слова о причинѣ. Треповъ, однако, велѣлъ вычеркнуть его изъ списка, подозрительныхъ, которыхъ, по его словамъ, записано до 6,000. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Октябрь. — 1. Воскресенье. Необходимъ контроль не только надъ поступками, но и надъ мыслями. Весьма часто приходится мнѣ быть недовольнымъ собою единственно за то, что я даю слишкомъ свободное теченіе своимъ мыслямъ по разнымъ

вопросамъ жизни, и хотя онѣ не переходятъ, да и не могутъ перейти въ поступки, однако многія изъ нихъ заслуживаютъ строгаго осужденія. Человѣкъ долженъ властвовать надъ всѣми движеніями своего ума, воли и чувства. Въ этомъ и состоитъ настоящее самоуправленіе.

Надобно взвѣшивать не только тѣ причины, по которымъ мы кажемся правыми, но и тѣ, по которымъ противники наши думаютъ такъ или иначе.

— 5. Четвергъ. Писемскій читалъ свою новую комедію у Краевскаго. Комедія эта лучшее произведеніе его. Не знаю только, какъ онъ сладитъ съ цензурою. Онъ хочетъ напечатать ее въ „Гражданинѣ“ кн. Мещерскаго. Писемскій превосходно читаетъ, и мнѣ кажется, что кто слышалъ его комедію изъ его устъ, тому не слѣдуетъ идти въ театръ на ея представленіе: она, навѣрное, будетъ сыграна тамъ гораздо хуже, чѣмъ въ чтеніи автора.

— 7. Суббота. Наше молодое поколѣніе никуда не годится. Оно плохо учится, плохо мыслитъ и думаетъ только о всевозможныхъ эмансипаціяхъ, да о матеріальныхъ наслажденіяхъ. Надобно его остепенить, занять трудомъ серьезнымъ. Въ этомъ смыслѣ задуманная учебная реформа имѣетъ важное значеніе. Но во-первыхъ, едва-ли можно достигнуть цѣли помощью усиленнаго классицизма, а во-вторыхъ, слѣдовало-бы новую систему приводить въ дѣйствіе не съ такимъ насиліемъ. Въ этомъ заключается важная ошибка нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія (1872 г.). Эта лихорадочная поспѣшность, это стремленіе сдѣлать вдругъ все, что требовало нѣкоторой постепенности и даже нѣкотораго снисхожденія къ непониманію въ обществѣ сущности предпринятой реформы, вотъ что можетъ вредить ея успѣху, и что произвело такое броженіе въ умахъ. Въ университеты не дозволенъ доступъ тѣмъ, кто не получилъ строгаго классическаго образованія — пусть такъ. Но какъ-же получить его, когда въ самихъ гимназіяхъ не существовало классическаго обученія? Не слѣдовало-ли, напримѣръ, прежде устроить гимназіи классическія, а потомъ уже отъ вновь поступающихъ требовать выполненія тѣхъ условій, которыя теперь считаются необходимыми? Не слѣдовало-ли застигнутымъ врасплохъ реформою дать возможность съ однимъ латинскимъ язы-

комъ войти въ университетъ? И вообще, не слѣдовало-ли нѣсколько, хоть на первый разъ, облегчить требованія относительно греческаго языка? Министерство захотѣло разрубить узелъ, вмѣсто того, чтобы развязать его. Но это не всегда лучшій пріемъ.

— 8. Воскресенье. Познакомился у Тютчева съ Аксаковымъ. Какой онъ ражій! Впрочемъ, въ обращеніи онъ тихъ и скроменъ, такъ что въ немъ нельзя видѣть борзаго журналиста. Поговорили о нынѣшнемъ (1872 г.) состояніи цензуры, которая чуть не свирѣпѣе, чѣмъ въ Николаевское время.

Поутру вчера былъ у меня съ визитомъ Писемскій. Я повторилъ ему выраженіе моего удовольствія за пьесу его, читанную у Краевскаго, и за его мастерское чтеніе.

Мы отъ предковъ нашихъ унаслѣдовали значительную долю рабскаго страха предъ властями. Вѣдь не могли-же безъ послѣдствій пройти по исторіи ни Петръ Великій со своими благими видами, но и со своимъ кнутобійствомъ и застѣнками, ни Биронъ, ни милосердая Елисавета съ рѣзаньемъ языковъ и битьемъ кнутомъ своихъ придворныхъ дамъ, ни Павелъ I, ни верховный визирь Аракчеевъ. Клеймо, наложенное ими на наши нравы и духъ, долго не изгладится.

— 10. Вторникъ. О Валуевѣ: мы ошиблись другъ въ другѣ. Онъ думалъ найти во мнѣ чиновника—и не нашелъ его, а я думалъ найти въ немъ государственнаго человѣка—и нашелъ только чиновника. Впрочемъ я долженъ сказать, что это чиновникъ съ хорошими манерами, усовершенствованный духомъ вѣка, а не какой-нибудь приказный стараго времени.

Въ пензенской гимназіи одинъ ученикъ старшаго класса стрѣлялъ изъ ружья гдѣ-то. За это велѣно исключить его изъ заведенія и ни въ какую гимназію не принимать. Одинъ изъ учителей той-же гимназіи осмѣлился замѣтить, что такъ какъ ученикъ этотъ вообще очень хорошо учился и отличнаго поведенія, то не слишкомъ-ли жестоко не дозволить ему окончить свое образованіе? За это велѣно уволить учителя отъ должности и впредь не принимать его нигдѣ по учебному вѣдомству.

— 20. Пятница. Сегодня были у меня Вороновъ и Благовѣщенскій. Первый разсказалъ мнѣ много крайне прискорбнаго.

Книжка „Бесѣды", гдѣ говорится о нашихъ монастыряхъ, не только конфискована, но сожжена.

Министръ народнаго просвѣщенія приказалъ, чтобы всѣ гимназисты носили въ гимназіи книги свои и тетради не иначе, какъ въ ранцахъ на спинѣ.

Если есть въ тебѣ природное расположеніе и сила, и способность быть человѣкомъ, то никакое притѣсненіе, никакое насиліе не заставитъ тебя сдѣлаться скотомъ.

Чужая опытность никогда не служитъ замѣной собственной.

— 22. Воскресенье. Во всей нынѣшней Франціи одинъ Тьеръ, кажется, ни легитимистъ, ни орлеанистъ, ни бонапартистъ, ни радикалъ, а французъ. Онъ выше партій и властвуетъ надъ ними, противопоставляя одну другой, чтобы спасти Францію.

— 27. Пятница. Былъ у меня Я. К. Гротъ и, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ Миллеръ (Орестъ) съ каѳедры бранитъ наповалъ всѣхъ писателей прошедшаго времени, особенно Карамзина. Онъ просто свирѣпствуетъ противъ него. Молодые люди ему апплодируютъ. Впрочемъ, всѣ новѣйшіе или бо̀льшая часть новѣйшихъ дѣятелей одержимы этимъ бѣснованіемъ противъ всего, что признается другими за достойное уваженіе. Прискорбенъ этотъ духъ разрушенія. Онъ ничего хорошаго не обѣщаетъ Россіи.

Ноябрь.—2. Четвергъ. Что̀ вы говорите о прозѣ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина? Намъ теперь нужна немножко хмѣльная и очень растрепанная и косматая проза, откуда-бы, какъ изъ собачьяго зѣва, лился лай на все нравственно-благородное, на все прекрасное и на всякую логическую правдивую мысль.

— 3. Пятница. Въ общемъ засѣданіи Академіи выбрали въ члены II-го отдѣленія Михаила Ивановича Сухомлинова 26-ю голосами противъ четырехъ.

Исторію моей жизни, какъ и всякую исторію, можно раздѣлить на періоды, означая ихъ такимъ образомъ: періодъ отъ одной ошибки къ другой такихъ-то годовъ. Этихъ періодовъ можно насчитать множество. Конечно, по совѣсти, я не могу сказать чтобы ошибки эти состояли изъ дурныхъ или предосудительныхъ дѣлъ. Но несомнѣнно то, что каждая изъ нихъ чрез-

вычайно много вредила моимъ успѣхамъ въ жизни и по службѣ и часто мѣшала даже дѣйствовать, какъ-бы я могъ, и для общества. Теперь остается мнѣ не сдѣлать еще одной и, можетъ быть, самой вредной ошибки,—не впасть въ уныніе отъ всѣхъ прежнихъ съ ихъ печальными послѣдствіями.

Въ прошедшее воскресенье въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ Незнакомецъ объявилъ, разумѣется, шуточно, что онъ умеръ. Теперь слышно, что онъ дѣйствительно для фельетона умеръ. Цензура такіе сдѣлала на него натиски, что онъ долженъ былъ прекратить свою литературную дѣятельность по этой части. Итакъ, эта почти единственная живая струя въ газетѣ изсякла отъ дуновенія холодной цензурной бури. Дѣло въ томъ, что фельетонъ Незнакомца отличался вообще умомъ и остроуміемъ, и всѣ его читали, и поэтому онъ признанъ вреднымъ.

Всякую мысль въ печати, сколько-нибудь не согласную съ умопредставленіями N. N. объ учебной части, онъ отыскиваетъ съ заботливостью, достойною лучшаго дѣла, и представляетъ ее, куда слѣдуетъ, какъ преступную. Такъ поступилъ онъ, между прочимъ, съ „Бесѣдою“, два номера которой поэтому остановлены и одинъ даже, говорятъ, сожженъ въ Москвѣ.

Въ такихъ прекрасныхъ занятіяхъ ему служитъ главнымъ помощникомъ N., сдѣлавшійся нынѣ великимъ дѣятелемъ.

Слышно о Катковѣ, что онъ дѣйствительно боленъ и едва-ли въ состояніи будетъ продолжать свою газету, которая, впрочемъ, находится нынѣ въ упадкѣ. Число подписчиковъ ея сильно уменьшилось.

. . . .

„Не угашайте духа, не угашайте духа!“ Напрасны эти высокія слова, это выраженіе глубочайшей истины, какъ и другія слова: „не отъ хлѣба единаго человѣкъ живъ бываетъ, но отъ всякаго слова божественнаго“.....

— 5. Воскресенье. Фельетоны „Незнакомца“ опять появились. Значитъ, цензура дозволила его снова, вѣроятно, съ тѣмъ только, чтобы перлы своего остроумія если хочетъ, онъ бросалъ только такъ, для забавы, на воздухъ, ни въ кого не мѣтя и не попадая.

Философія похожа на кость, содержащую въ себѣ мозгъ;

чтобы разгрызть ее и достать изъ нея мозгъ, простому смертному надобно имѣть собачьи зубы.

— 8. Среда. Въ самомъ дѣлѣ, что такое наша общественность? Въ ней совершается броженіе понятій, не установившихся, неясно сознаваемыхъ, пришедшихъ извнѣ, склоняющихся къ радикальнымъ, ультра-прогрессивнымъ принципамъ только потому, что это существуетъ на западѣ. Все это особенно выражается въ нашей литературѣ. А нравственно что̀ такое наша общественность?—полнѣйшая развращенность умовъ и сердецъ, стремленіе къ матеріальнымъ интересамъ. Общество наше не выработало въ себѣ тѣхъ великихъ идей, которыя служатъ опорою лучшаго порядка вещей. Какъ-же можно его уважать?

Однако, и репрессивныя мѣры должны-же имѣть свои предѣлы и надобно дотрогиваться съ нѣкоторою осторожностью къ такимъ явленіямъ и вопросамъ, которые такъ или иначе вошли уже въ оборотъ нашего умственнаго капитала. Какъ-бы нелѣпа ни была наша общественность, но съ нею надобно жить, и она сама есть всетаки нѣчто живое, а не мертвое и обращаться съ нею, какъ съ трупомъ, кажется, не слѣдовало-бы. Если она грѣшна и во многомъ глупа, то далеко не святы и не зѣло разумны и наши государственные мужи.

Репрессія, слишкомъ усиленная, ведетъ къ осуществленію извѣстной истины: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

По распоряженію министра народнаго просвѣщенія, изъ Саратовской семинаріи не велѣно принимать въ студенты университетовъ никого, такъ какъ тамъ когда-то учился Чернышевскій.

. . . .

Такимъ администраторамъ присвоивался прежде титулъ гасителей, теперь ихъ надобно уже назвать сожигателями.

Холера мѣсяца полтора тому назадъ прекратилась или, если дѣйствуетъ, то, такъ сказать, тайкомъ, но зато оспа продолжаетъ свирѣпствовать почти съ такою-же силою, съ какою наши власти свирѣпствуютъ противъ мысли, науки, печати. На этомъ послѣднемъ поприщѣ отличается М. Н. Лонгиновъ, авторъ извѣстной рукописной, разумѣется, гнусной поэмы, которая заставила-бы покраснѣть отъ стыда самого Баркова.

Великій человѣкъ, конечно, воплощаетъ въ себѣ идеи своего вѣка и удовлетворяѣтъ потребностямъ своего народа и общества,

сознавая ихъ яснѣе, чѣмъ всѣ другіе. Въ этомъ смыслѣ и говорятъ нѣкоторые, что великихъ людей собственно и нѣтъ, а есть работники, дѣйствующіе какъ-бы механически, по волѣ или влеченіемъ массъ. Но, положимъ, что задача, которую онъ выполняетъ, ему достается извнѣ: неужели, однако, его личность ничего тутъ не значитъ и всякій другой, поставленный на его мѣсто, могъ-бы ее разрѣшить? Его неотъемлемая собственность— это характеръ.

Онъ похожъ на нѣкоторыя ароматныя вещества, которыя надобно потолочь въ ступѣ, чтобы они издали ароматъ.

— 12. Воскресенье. Обѣдалъ у N. N. Сегодня онъ былъ довольно сдержанъ, хотя все таки не обошлось безъ того, чтобы онъ не назвалъ нѣкоторыхъ лицъ дураками. На обѣдѣ были академики, кромѣ меня, Гротъ, Безобразовъ, Буняковскій, Бычковъ и Стефани и разныя другія лица. Тутъ былъ и N, который велъ себя уже какъ важная особа, съ большимъ достоинствомъ и чувствомъ своей высокости.

Въ администраціи по дѣламъ печати господствуетъ какая-то злоба противъ всего печатнаго. Они не только принимаютъ мѣры противъ непозволительнаго, по ихъ мнѣнію, но принимаютъ ихъ, особенно Лонгиновъ, съ какою-то бѣшеною яростью. Такъ даже одинъ изъ засѣдающихъ въ комитетѣ министровъ находитъ, что воспрещеніе двухъ номеровъ „Бесѣды", сожженіе ихъ, переходитъ уже всякую мѣру благоразумнаго взысканія; что и статьи-то этого журнала, за которыя воздвиглось такое на него гоненіе, довольно невиннаго свойства, и что, наконецъ, во всякомъ случаѣ, достаточно было бы уничтожить эти статьи или велѣть ихъ перепечатать.

А за что пострадалъ и обреченъ сожженію календарь А. С. Суворина? Во-первыхъ, за то, что въ некрологахъ онъ помѣстилъ и некрологъ такого лица, какъ Мадзини; во-вторыхъ, и это, кажется, главное, зачѣмъ онъ высчиталъ, въ статьѣ о расходахъ государственныхъ, и тѣ оклады, какіе получаются высокопоставленными лицами.

Положимъ, наконецъ, что, по принятой нынѣ системѣ, репрессивныя мѣры нужны, но къ чему такое озлобленіе? Говорятъ, что печать наша распространяетъ или распространяла ужасныя вещи, но вѣдь это малая часть ея. За что-же такое гоненіе на то, что

она разбираетъ умѣренно и гласно разные вопросы, о которыхъ и закономъ разрѣшено говорить. Неужели они забыли, какія важныя услуги оказывала государству печать во множествѣ случаевъ, объясняя самымъ почетнымъ для правительства образомъ разныя предпринятыя имъ реформы или во время польскаго возстанія и проч.?

— 18. Суббота. Чтеніе у О. Ѳ. Миллера. А. Н. Майковъ читалъ свое стихотвореніе: „Два міра", приготовленное къ печати въ „Гражданинѣ". Это произведеніе высокаго поэтическаго достоинства, въ которомъ Майковъ сталъ на такую ступень, которой онъ еще не достигалъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ. Язычество въ предсмертныхъ судорогахъ и христіанство на зарѣ своего величія, начинающее эпоху человѣческаго возрожденія. Тутъ все прекрасно: идея, развитіе ея, картины, языкъ. Произведеніе имѣетъ характеръ драматическій не только по формѣ, но и по внутренней силѣ и движенію. Характеры выдержаны и оттѣнены съ необыкновенною правдою и рельефностью. Словомъ, это истинно художественное произведеніе. На чтеніи было довольно дамъ, и въ числѣ слушателей А. Д. Градовскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и другіе. Авторъ заслужилъ всеобщее горячее одобреніе. Когда его осыпали привѣтствіями и похвалами, онъ торжественно провозгласилъ, что онъ всѣмъ хорошимъ, что въ немъ признаютъ, обязанъ мнѣ, моимъ университетскимъ лекціямъ. Я пробудилъ въ немъ, какъ и въ другихъ, чистое и возвышенное стремленіе къ красотѣ и идеалу и далъ направленіе его литературной дѣятельности. Разумѣется, мнѣ пріятно было слушать это заявленіе такого даровитаго человѣка какъ А. Н. Майковъ. Майковъ идетъ по пути, неодобряемому защитниками соціальныхъ тенденцій и натурализма, но даже и Орестъ Миллеръ принужденъ былъ признать высокое не тенденціозное достоинство пьесы. Тутъ-же Градовскій, а съ нимъ Майковъ и другіе напали на Ореста за его нападки на Карамзина и старались ему доказать, что онъ крайне неправъ и не долженъ былъ съ каѳедры относиться о немъ такъ неблагосклонно, какъ онъ это дѣлалъ въ недавнее время. Наканунѣ Миллеръ былъ у меня: я, хотя и мягче, говорилъ ему о томъ-же и то-же.

Надъ А. С. Суворинымъ смиловались. Его календарь не будетъ сожженъ и ему велѣли только перепечатать нехорошія

страницы. Говорятъ, что Суворинъ дѣйствительно согрѣшилъ противъ цензуры и благоразумія, помѣстивъ въ календарѣ своемъ вещи, которыя непремѣнно должны были раздражить нѣкоторыя высокопоставленныя лица.

Надобно правду сказать, наше общество преисполнено бестолковости и хаотическихъ понятій. Многіе возстаютъ противъ крайностей высшей администраціи, сами впадая въ нестерпимыя крайности. И если-бы эта администрація и хотѣла приноровиться къ общественному мнѣнію, то она не нашла-бы его въ этихъ безконечно противорѣчащихъ толкахъ и требованіяхъ.

Коль скоро такъ называемымъ либераламъ удалось разрушить какой-нибудь деспотизмъ, такъ тотчасъ на мѣсто этого они ставятъ свой. Что-же выигрываетъ общество отъ этой перемѣны? Между тѣмъ, ломка одного, чтобы дать мѣсто другому, сама по себѣ есть великое зло.

Декабрь.—1. Пятница. Умеръ В. В. Шнейдеръ, бывшій однимъ изъ лучшихъ профессоровъ въ здѣшнемъ университетѣ. Онъ преподавалъ „Римское право", былъ и моимъ наставникомъ и очень меня любилъ.

— 6. Среда. Былъ у меня Писемскій. Комедіи его не пропускаетъ цензура. Онъ объяснялся съ **, который объявилъ ему, что комедія можетъ пройти, если онъ спуститъ дѣйствующихъ лицъ пониже, т. е. директоровъ и товарищей министровъ оставитъ въ покоѣ. Онъ тоже объяснялся съ Лонгиновымъ, но тщетно. Когда Писемскій спросилъ у него: „какъ-же и о чемъ писать?" Тотъ отвѣчалъ ему: „лучше вовсе не писать" Авторъ обѣщалъ, однако, исправить свою пьесу, т. е. не ставить дѣйствующихъ лицъ въ разрядъ высшихъ чиновниковъ, а просто отдѣлаться общими характерами.

Ноября 30-го дано предостереженіе первое „Голосу" за двѣ статьи: одну изъ Ревеля—„О безобразіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ", а другую изъ Одессы—„О безобразіяхъ евреевъ". Сказано, что „Голосъ" ссоритъ населенія имперіи.

Бранятъ не мѣры, а дурныя мѣры.

....До чего были доведены умы въ 1840-хъ гг. видно изъ того, что насъ побили въ Севастополѣ. Много-ли отъ этого урока выиграла Россія? Говорятъ, что отъ этой встрепки мы прозрѣли.

Правда, на минуту для того, чтобы, зѣвнувъ, потянувшись, снова погрузиться въ сонъ.

— 8. Пятница. М. И. Сухомлиновъ утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ.

— 15. Пятница. Былъ у меня Яковъ Михайловичъ Невѣровъ, попечитель Закавказскаго округа. Онъ пріѣхалъ сюда просить пощады отъ греческаго языка. Дѣло въ томъ, что Закавказскій край лишенъ почти вовсе лѣкарей и ветеринаровъ, отчего и людямъ и скоту приходится очень плохо: болѣзней тѣхъ и другихъ некому лѣчить. Нѣкоторыя мѣстности прямо обратились къ намѣстнику, великому князю, съ просьбою дать имъ лѣкарей. Но гдѣ ихъ взять, когда и во внутреннихъ губерніяхъ ихъ нѣтъ. Надобно приготовлять докторовъ въ университетахъ, куда безъ греческаго языка нѣтъ доступа, а желающихъ учиться по-гречески не имѣется: и великій князь и попечитель готовы-бы помочь горю, да N не хочетъ. Онъ утверждаетъ, что ни за что не сдѣлаетъ изъятія въ пользу желающихъ посвятить себя медицинѣ: пусть, и холера, и оспа, и скотскіе падежи разгуливаютъ по Россіи, лишь-бы греческій языкъ существовалъ. И вотъ Невѣровъ, кажется и уѣдетъ, не добившись того, чтобы на стипендіи Закавказскаго края позволено было вступать молодымъ людямъ въ университеты по медицинскому факультету съ однимъ латинскимъ языкомъ, безъ греческаго.

— 17. Воскресенье. Работаю надъ отчетомъ по II отдѣленію къ акту Академіи. Приходится служить панихиду: мы въ нынѣшнемъ году не досчитываемся четырехъ, такъ называемыхъ, дѣятелей науки: Пекарскаго, Даля, Гильфердинга, Невоструева. Надобно говорить объ ихъ жизни и трудахъ.

— 27. Среда. Неусыпно работалъ надъ біографіями академическихъ покойниковъ, о которыхъ 29-го надобно говорить на актѣ, и не увѣренъ, что написалъ ихъ хорошо. Такъ, впрочемъ, со мною всегда бываетъ.

— 29. Пятница. Актъ въ Академіи. Читалъ мои біографическіе очерки о Пекарскомъ, Далѣ, Гильфердингѣ и Невоструевѣ.

Вечеромъ были у меня А. Н. Майковъ, Я. М. Невѣровъ и Н. М. Благовѣщенскій съ женою. Послѣдній назначенъ ректоромъ въ Варшавскій университетъ на мѣсто Лавровскаго, который

поссорился съ попечителемъ и, какъ говорятъ, велъ себя вообще высокомѣрно.

Общественный духъ нашъ проявляется тогда, когда нужно страдать отъ внѣшняго врага, хотя и тутъ не обходится безъ неурядицы и разныхъ скверныхъ продѣлокъ, вродѣ казнокрадства, хвастовства, ссоръ и пререканій другъ съ другомъ и пр. Но какъ скоро гроза затихнетъ, все опять приходитъ въ прежній порядокъ, т. е. безпорядокъ. Значитъ мы—нація, въ этомъ, нѣтъ сомнѣнія. Но какая? Есть-ли у насъ залоги высокаго историческаго призванія? Это другой вопросъ.

Въ наукѣ, въ литературѣ, въ администраціи, въ судѣ у насъ попадаются личности, и даровитыя, и какъ будто одушевленныя интересами общественными. Но они дѣйствуютъ въ разсыпную, въ одиночку; каждый хочетъ поступать самъ по себѣ, отличиться и лелѣять свои собственныя цѣли. У насъ нѣтъ того, что называется принципами.

Общественное мнѣніе питается слухами и колышется со стороны въ сторону, какъ волна морская. Можетъ быть, этому виною и (обстоятельства), препятствующія полной гласности. Но, во всякомъ случаѣ, мы не въ состояніи выработать ни одной опредѣленной крѣпкой идеи.

.....Кто такіе наши либералы? Недоучившіеся или ничему основательному невыучившіеся мальчуганы, которые, зачерпнувъ нѣсколько глотковъ коммунизма, соціализма, демократизма или какого другаго изма изъ чужеземныхъ книгъ, мечутся какъ пьяные на все, что не согласно съ этими измами, и думаютъ, что они могутъ поворачивать общество куда имъ угодно. Они считаютъ себя и силою и властью. Ихъ берутъ подъ присмотръ полиціи. Вотъ ихъ теперь, какъ стадо барановъ, выгоняютъ на классическую пажить, полагая, что тамъ они наѣдятся хорошихъ идей. Будетъ-ли изъ этого толкъ — увидимъ современемъ, а теперь трудно повѣрить, чтобы изъ этого вышло то, чего хотятъ. Оно, можетъ быть, и вышло-бы, хоть не въ такой мѣрѣ, какъ полагаютъ зачинщики этого дѣла, да за него принялись слишкомъ неразсудительно, круто.

— 31. Воскресенье. Заѣзжалъ къ Я. М. Невѣрову: ему не удалось отстоять у министра народнаго просвѣщенія того, чтобы воспитанники учебнаго Закавказскаго края могли посту-

пать на медицинскіе факультеты университетовъ безъ греческаго языка. Поводомъ къ этому ходатайству было совершенное неимѣніе лѣкарей и ветеринаровъ, отчего люди и скотъ гибнутъ страшно.

Вотъ и 1872-й годъ оканчивается. Чѣмъ-же онъ былъ для меня? Я существовалъ—и только. Внутренній мой міръ былъ полонъ тревогъ и обычнаго самонедовольства, которыя сдѣлались у меня хроническими. Особенно я очень часто занимался пересмотромъ и контролированіемъ моей прошедшей жизни, и выходило всегда одно и то-же, что трудно представить себѣ человѣка, который-бы дѣлалъ болѣе глупостей и ошибокъ, чѣмъ я. Теперь я, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена—на развалинахъ всего, что когда-то мною дѣлалось или имѣлось дѣлаться: впереди ничего, кромѣ окончательнаго уничтоженія. Если еще что-нибудь меня поддерживаетъ, такъ это живущій во мнѣ,—чтобы продолжить сравненіе,—духъ Марія, т. е. духъ, способный превозмочь судьбу и самого себя. Я безсиленъ во всемъ, силенъ только въ одномъ: въ какой-то странной необъяснимой вѣрѣ, что я не паду ни умственно, ни нравственно. И это среди непрерывныхъ колебаній и тревогъ моего внутренняго міра! Не есть-ли-же это нелѣпое противорѣчіе между нѣкотораго рода силою и безсиліемъ, мною сознаваемымъ? Правда, это противорѣчіе. Но тѣмъ не менѣе, это, говоря языкомъ нынѣшней науки, фактъ.

Прощай, 1872-й годъ.

1873 годъ.

Январь.—1. Понедѣльникъ. Никуда. Погода отвратительная: мелкій дождикъ и сырость съ холодомъ проникаютъ до костей.

Только и толковъ, что о погодѣ. Боятся неурожая, если такъ продлится. Иные думаютъ, что во вселенной случился какой то переворотъ, въ которомъ замѣшаны солнце и кометы. Полагаютъ, что природа свихнулась также какъ люди, забывая, что въ природѣ господствуютъ строжайшіе законы, беззаконія же только у людей.

Наша современная общественность не обѣщаетъ ровно ничего, что бы превышало пошлость настоящаго. Эта пошлость такъ въѣлась въ наши нравы, что они не способны возвыситься ни до чего, изъ чего образуется мощь умственная и нравственная. Самая рѣзкая и выдающаяся сторона общественности нашей, отмѣченная особенною жизненностью, это страсть къ прибытку, къ добыванію денегъ, растворенная всякаго рода плутовствамъ и безобразнѣйшими надувательствами другъ друга и казны. Тутъ является даже иногда предпріимчивость, но предпріимчивость безчестности. Если же кое гдѣ мелькнетъ честность, то безъ предпріимчивости. Во всемъ прочемъ господствуютъ или совершенная апатія или вспыхиваютъ такія стремленія, такія тенденціи, отъ которыхъ ничего, кромѣ дыма не остается. И хотя я покритиковалъ въ моемъ „Реализмѣ“ романъ Тургенева „Дымъ“, однако онъ едва ли не оказывается совершенно правымъ. Впрочемъ, я отозвался неблагопріятно о „Дымѣ“ Тургенева единственно потому, что такой взглядъ совпадалъ у меня вообще съ желаніемъ поддержать идеалъ въ нашей литературѣ.

Трудно подняться на какую бы то ни было высоту, когда нѣтъ подъемлющихъ рычаговъ.

Наша общественность не успѣла еще сложиться, а уже разлагается.

Управлять людьми есть самая пустая наука—сказалъ Оксенштіернъ. И это сказалъ очень умный министръ, управлявшій людьми, созрѣвшими до нѣкоторой степени въ чувствѣ своего человѣческаго и гражданскаго достоинства. А какъ же должна быть ничтожна эта наука, когда дѣло идетъ объ управленіи такими людьми, какъ русскіе? Не этимъ ли и объясняется, что наши государственные люди такіе неучи и гордятся даже этимъ? Вѣдь сказалъ же мнѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковъ, при одномъ случаѣ, съ нѣкоторымъ видомъ самодовольства: „Вѣдь я учился на мѣдныя деньги“.

— 7. Воскресенье. Есть истины, которыхъ бремя тяжело ложится на душу. Мудрено ли, что люди ищутъ часто утѣшенія въ мечтѣ, въ иллюзіи. Счастливы тѣ люди и достойны уваженія, у которыхъ эти мечты и иллюзіи не отнимаютъ благородства чувствъ, не превращаютъ ихъ въ пошлыхъ эгоистовъ.

Есть одна великая истина, не подлежащая сомнѣнію—это необходимость быть справедливымъ.

Нашъ Дворъ, слѣдуя примѣру прусскаго, наложилъ трауръ по Наполеонѣ на двѣ недѣли.

Надняхъ случился ударъ съ бѣднымъ Ѳ. И. Тютчевымъ. У него отнялся лѣвый бокъ и языкъ. Но Бессеръ (докторъ) говоритъ, что онъ выкарабкается изъ этой бѣды, хотя не безъ потери силъ. Ему, кажется, 72 года.

— 10. Среда. Великая княгиня Елена Павловна умерла вчера. Она была высокообразованная женщина и принимала живое участіе во всѣхъ разумно свободныхъ явленіяхъ нашего времени. Есть также нѣсколько благотворительныхъ учрежденій, обязанныхъ ей своимъ существованіемъ. Успѣхи музыкальной консерваторіи также ея дѣло.

— 11. Четвергъ. Третій день уже, какъ сильная вьюга и морозъ отъ 8 до 10 градусовъ.

Чаще и чаще стали повторяться закрытія земскихъ губернскихъ собраній за неприбытіемъ законнаго числа членовъ. Какая причина этому? Кажется, неудовольствіе помѣщиковъ, родъ пассивной оппозиціи. А это отчего? Помѣщики наши состоятъ изъ людей двухъ родовъ: одни крѣпостники, и понятно почему они недовольны, другіе не были противъ освобожденія крестьянъ даже съ надѣломъ землею, но они ожидали, что взамѣнъ ихъ пожертвованій имъ предоставлены будутъ какія нибудь новыя права. Ожиданія ихъ не сбылись, и вотъ они недовольны. А тутъ еще подоспѣли разныя стѣсненія самыхъ собраній. Крестьяне же погружены въ невѣжество, и поэтому отъ ихъ выборныхъ немного можно ожидать полезныхъ соображеній въ собраніяхъ. Хотя и помѣщики наши не орлы просвѣщенія, однако, всетаки они гораздо образованнѣе своихъ земскихъ сочленовъ изъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ и могли-бы что нибудь дѣлать, но у нихъ нѣтъ одушевленія.

— 13. Суббота. Вчера Аникита Озерскій прочиталъ мнѣ стишонки, кажется, имъ самимъ написанные, на нѣмцевъ. Смыслъ тотъ, что вотъ, дескать, у насъ нѣмцы всѣмъ распоряжаются, а мы передъ ними во всемъ должны уступать и проч. Часто приходится слышать эти іеремiады противъ нѣмцевъ, вмѣсто того,

іестности и единодушіи. Вѣдь подра-
ъ во многомъ другомъ.
морозъ до 18°.
вѣкъ“ издаваемомъ Бартеневымъ,
ы объ освобожденіи крестьянъ, соста-
ратора Николая Павловича. Нѣсколько
о учреждаемо одинъ за другимъ. Про-
зны — видно только одно общее стре-
ы вдругъ, не надѣлять крестьянъ зем-
опекѣ помѣщиковъ. Такимъ образомъ
лось и запутывалось. Оттого подвигъ
зывается еще блистательнѣе и выше.
діевъ узелъ, который безъ него еще бо-
Полумѣры тутъ не годились.
ончился, о чемъ публиковано въ сего-
все время процесса онъ не признавалъ
имъ судамъ и настаивалъ на томъ, что
политическій преступникъ. По всему
скій фанатикъ. Онъ осужденъ на двад-
цатилѣтнюю каторгу за убійство.....

— 21. Воскресенье. Они исторію хотятъ превратить въ догматику.

Всѣ явленія въ исторіи имѣютъ свои причины; но причины производятъ иногда такое дѣйствіе, иногда другое, а иногда не производятъ никакого дѣйствія и остаются безплодными, какъ бы замираютъ, пока на мѣсто ихъ не явятся другія, отъ которыхъ произойдутъ слѣдствія, какихъ напрасно ожидали отъ прежнихъ и которыя будутъ значить совсѣмъ другое, а не то, что предвидѣлось, и о чемъ мечтали люди иного времени........

— 22. Понедѣльникъ. Французское національное собраніе приготовляетъ новую революцію во Франціи. Своими гнусными продѣлками, вмѣстѣ съ клерикалами, іезуитами, орлеанистами и проч., всякаго рода стѣсненіями законной свободы, она бросаетъ Францію прямо въ руки радикаловъ. Едва-ли старческимъ плечамъ Тьера снести такую ношу судебъ Франціи въ настоящее время. Его ловкость и искусство разбиваются о грубую и сплошную массу эгоистическихъ партій; тутъ уже нужна сила.

Самое лучшее средство держать власть въ своихъ сѣтяхъ, по-

работить ее и сдѣлать послушнымъ орудіемъ своихъ своекорыстныхъ цѣлей—это отнять у общества слово, т. е. парализировать печать такъ, чтобы до общества не доходило никакихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается вокругъ.

М. Н. Лонгиновъ, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ, писатель не для дамъ. Онъ прямой наслѣдникъ Баркова и держится его міровоззрѣнія, отличаясь отъ него только удесятеренной распущенностью . . . .
Впрочемъ это никого въ нашемъ обществѣ не удивляетъ и не оскорбляетъ.....

— 23. Вторникъ. Вечеръ у графини Д. А. Блудовой. Тутъ собралось нѣсколько дамъ, все графини, или княгини и княжны. Была также моя старая пріятельница и ученица (изъ Екатерининскаго института) А. А. Воейкова, умная, бойкая, добрая, хотя и старая дѣвица. Я большую часть вечера проговорилъ съ княгиней Трубецкою, мужъ которой былъ губернаторомъ въ Воронежѣ. Она показалась мнѣ очень умною и пріятною женщиною. Мужъ ея и она были дружны съ Далемъ. Этотъ умный, даровитый Даль въ послѣднее время сильно пристрастился къ спиритизму, вертѣлъ столы и особенно высоко цѣнилъ Сведенборга. Немного побесѣдовалъ съ Посьетомъ и съ барономъ Бюллеромъ, старымъ моимъ сослуживцемъ по Главному управленію цензуры и теперь назначенному на мѣсто умершаго князя М. А. Оболенскаго,—бывшаго въ числѣ друзей моей юности—начальникомъ Московскаго государственнаго архива.

— 24. Среда. Настоящее время у насъ—время колебаній и тревогъ, среди которыхъ чрезвычайно трудно честному человѣку найти для себя точку опоры. Съ одной стороны, стремленія, возбуждаемыя реформами, слишкомъ рьяно рвутся впередъ, захватывая больше, чѣмъ сколько нужно и возможно, по настоящему состоянію вещей и умовъ, наслѣдованному отъ прошедшаго. Съ другой, власть старается удержать въ предѣлахъ эти стремленія и положить преграду пылкимъ желаніямъ и видамъ. И тамъ и здѣсь есть свои значительныя доли справедливости. Тамъ жизнь, здѣсь разсудокъ. Но дѣло въ томъ, что общественность наша, не зрѣлая и шаткая, нуждается въ руководствѣ сильныхъ умовъ, въ характерахъ столько же благородныхъ, сколько и просвѣщенныхъ—а гдѣ ихъ взять? Къ сожалѣнію, въ административныхъ

сферахъ чувствуется въ нихъ такой же недостатокъ, какъ и въ общественныхъ. По крайней мѣрѣ они не настолько себя заявили, чтобы можно было питать къ нимъ довѣріе, которое бы честныхъ людей расположило дѣйствовать съ ними за одно. И вотъ это-то составляетъ бѣду нашего времени.

Нелѣпы и пагубны также демократическія тенденціи нѣкоторыхъ недозрѣлыхъ умовъ, которые готовы взывать къ народному движенію и запутать народъ въ сѣти своихъ утопическихъ идей. Они забываютъ, что народъ нашъ, при своей полудикости, способенъ производить Пугачевыхъ и Разиныхъ, а не гражданъ, которые были бы въ состояніи участвовать въ рѣшеніи высшихъ общественныхъ задачъ. Ему нужны еще воспитаніе и опека— разумѣется и то и другое честно и разумно направленныя.

— 29. Понедѣльникъ. Національное собраніе во Франціи состоитъ изъ посредственностей или людей нечестныхъ. Одни, какъ быки, бодаютъ республику Тьера, другіе лягаютъ ее. Но тѣ и другіе топчутся на одномъ мѣстѣ, не двигаясь по пути, который одинъ можетъ привести Францію къ возрожденію. Вся политика Тьера заключается въ томъ, чтобы разными маневрами загнать ихъ въ такую трущобу или нору, изъ которой, чтобы не задохнуться, они должны выдти и невольно дать ему требуемое большинство.

Февраль.—1. Четвергъ. Только и разговоровъ, что о ссорѣ московскаго городскаго головы Ланина съ тамошнимъ губернаторомъ. Ланинъ сдѣлалъ визитъ губернатору и, не заставъ его дома, оставилъ у него карточку. Потомъ Ланинъ не явился на другой или третій день къ нему вмѣстѣ съ разными служащими лицами, а пріѣхалъ послѣ одинъ и во фракѣ. За это, т. е. за визитную карточку и за фракъ, губернаторъ сдѣлалъ строгое внушеніе городскому головѣ, видя въ немъ не больше, какъ своего подчиненнаго. Вслѣдствіе этого Ланинъ подалъ въ отставку. Общее мнѣніе обвиняетъ губернатора, который забылъ, что Ланинъ представитель цѣлаго города, получившаго недавно новый уставъ и съ нимъ значительную долю автономіи и независимости отъ мѣстныхъ административныхъ властей. Достается и Ланину за то, что онъ не обнаружилъ достаточно самостоятельности и уронилъ своею предупредительностью достоинство городскаго головы. „Московскія Вѣдомости“ подшучиваютъ надъ тѣмъ, что

онъ какъ будто самъ призналъ себя подчиненнымъ губернатору и назвался на оскорбленіе.

А вотъ и другая отставка, уже европейская: испанскій король Амедей отрекся отъ престола.

— 5. Понедѣльникъ. Въ нашей нравственной испорченности надобно отличать два ея вида: одинъ—плодъ простодушнаго, грубаго невѣжества и темное наслѣдство прошедшихъ временъ, другой—сознательный и, такъ сказать, преднамѣренный развратъ ума и сердца, сознательная безнравственность. Это есть не иное что, какъ единственная, возможная оппозиція душъ слабыхъ, умовъ неглубокихъ и полуобразованиыхъ противъ разнаго рода стѣсненій, незаконностей, безправій и т. п.

— 8. Четвергъ. Актъ въ университетѣ. Прекрасная рѣчь Градовскаго о причинахъ, почему науки политическія расходятся съ практикою. Савича рѣчь о Коперникѣ, вѣроятно умно и хорошо написана,—говорю вѣроятно, потому что онъ такъ тихо ее читалъ, что кромѣ него самого, рѣшительно никто его не слыхалъ.

Дѣйствовать въ каждомъ положеніи по силамъ своимъ можно и должно; но считать свои дѣйствія чѣмъ-то важнымъ, содѣйствующимъ будто прогрессу общества, нелѣпо и смѣшно. Впрочемъ это одна изъ тѣхъ иллюзій, безъ которыхъ слабые люди не могутъ обойтись.

— 12. Понедѣльникъ. Вотъ формула того, чѣмъ могли бы удовлетворяться всѣ разсудительные люди нашего времени: съ одной стороны—поддержаніе всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія, съ другой, дѣятельность въ предѣлахъ этихъ реформъ.......

Къ толкамъ о московскомъ губернаторѣ и городскомъ головѣ присоединились толки о процессѣ Квитницкаго. На судѣ, по словамъ самовидцевъ, сочувствіе къ Квитницкому въ публикѣ было всеобщее. Онъ велъ себя превосходно. Его защитительная или, лучше сказать, повѣствовательная рѣчь, простая, благородная, сдержанная, какъ сама истина, произвела глубокое впечатлѣніе. Она напечатана уже въ газетахъ третьяго дня и вчера (смотри „Голосъ“). На судѣ присутствовали между прочимъ Великіе князья Константинъ и Николай Николаевичъ. По всему видно, что главная причина непріязни къ нему его товарищей офицеровъ—внутренняя, та, что, Квитницкій, кончившій курсъ

въ двухъ академіяхъ—Михайловской артиллерійской и военной, былъ несравненно образованнѣе вообще и спеціально по военной части, прочихъ своихъ сослуживцевъ, которые изъ зависти строили ему всяческія козни...... Квитницкій приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь въ не столь отдаленныя мѣста, безъ совершенія публичнаго обряда. Судъ при этомъ положилъ ходатайствовать предъ Государемъ о совершенномъ его помилованіи.

Обманывай, чтобы не быть обманутымъ, говорятъ практическіе люди.

Есть люди, которые очень разумно, либерально и гуманно разсуждаютъ о всѣхъ общественныхъ вопросахъ и въ тоже время не упускаютъ ни одного случая получить теплое мѣстечко, чинъ или орденъ и особенно лишнюю копейку въ свой карманъ. Это-то и есть тѣ люди, которыхъ на обыкновенномъ языкѣ житейскомъ называютъ хорошими, между тѣмъ какъ они только просто благоразумные и смышленые эгоисты,

— 15. Четвергъ. Совѣтовался съ гомеопатомъ докторомъ Гюббенетомъ насчетъ моихъ толчковъ. Онъ прописалъ мнѣ белладонны по двѣ капли въ день утромъ и вечеромъ. Сегодня я успѣлъ принять 2 капли: страшнѣйшій толчокъ изъ всѣхъ когда либо со мною случившихся. Я переселился въ кресла, но не могъ никакъ заснуть. Было уже четыре часа, когда я легъ опять въ постель и спалъ уже порядочно.

— 18. Воскресенье. Говорятъ, что разныя лица жестоко разсердились на военный судъ, на которомъ въ такомъ невыгодномъ свѣтѣ оказались дѣлавшіе такія низкія козни противъ Квитницкаго..... Но чѣмъ же тутъ виноватъ судъ? Вѣдь всѣ эти господа изобличили сами себя своими показаніями: они говорили только то, что они дѣлали, и это дѣланное ими вышло великою мерзостью. Защитники ихъ желали бы, чтобы судъ былъ негласный, безмолвно и во мракѣ, какъ прежде, осуждающій и оправдывающій кого угодно и какъ угодно высшимъ. Вотъ какъ трудно намъ подняться до понятій о справедливости, законности и долгѣ.

Мартъ.—3. Суббота. Странное положеніе вещей. Съ одной стороны издаются новые законы, даруются нѣкоторыя льготы, а съ другой является произволъ, на дѣлѣ совершенно измѣняющій

одни и отмѣняющій другія и какъ бы говорящій: вы этому не вѣрьте, это такъ, ничего.

— 15. Четвергъ. Вечеръ у В. П. Безобразова, на которомъ я читалъ мой разборъ поэмы Майкова „Два міра". Собраніе было блестящее и многолюдное. Тутъ были и генералъ-адъютанты, и сенаторы, и члены Государственнаго совѣта, нѣсколько нашихъ академиковъ, профессоровъ, министръ народнаго просвѣщенія также. Дамъ молоденькихъ, молодыхъ и старыхъ великое множество и между ними бывшая Милютина (сестра министра), а нынѣ Мордвинова, которая, какъ бывшая моя ученица по Екатерининскому институту, осыпала меня привѣтствіями и любезностями. Я долго говорилъ съ нею, потомъ съ Исаковымъ, начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, съ академикомъ Струве, который много разсказывалъ мнѣ о Тьерѣ: онъ бывалъ у него, когда лѣтомъ находился въ Парижѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ въ международной комиссіи объ установленіи мѣръ. Мое чтеніе было, какъ говорится, такъ себѣ. Я, по обыкновенію, спотыкался на нѣкоторыхъ словахъ моей, мною самимъ переписанной рукописи и переписанной, какъ всегда, скверньмъ, нечеткимъ почеркомъ. Впечатлѣніе общее, впрочемъ, было, кажется, недурно. По крайней мѣрѣ я не произвелъ скуки длиннотою чтенія: оно продолжалось всего 55 минутъ.

— 16. Пятница. Надняхъ въ засѣданіи Академіи нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей пришло въ голову говорить о юбилеѣ въ честь моей пятидесятилѣтней дѣятельности въ литературѣ. Разумѣется, я возсталъ противъ этой нелѣпости.

— 17. Суббота. Люди, которые стоятъ за нравственные принципы, защищаютъ дѣло потерянное. Общество, очевидно стремится къ радикальному и всеобщему перевороту. Люди, которые влекутся и другихъ влекутъ въ этотъ переворотъ, знаютъ, что онъ совершается не съ участіемъ нравственныхъ силъ—честность не совмѣстна съ готовностью на все, слѣдуя знаменитому правилу, что цѣль освящаетъ средство. Люди эти правы. Я, и подобные мнѣ, доктринеры, которыхъ очень не много со своими нравственными принципами составляемъ родъ безполезныхъ людей, способныхъ развѣ только умирать мужественно и честно. Но мы напрасно думаемъ отвратить неотвратимое. Это значило бы тоже, что остановить мельничное колесо руками на всемъ его

Наша современная общественность не обѣщаетъ ровно ничего, что бы превышало пошлость настоящаго. Эта пошлость такъ въѣлась въ наши нравы, что они не способны возвыситься ни до чего, изъ чего образуется мощь умственная и нравственная. Самая рѣзкая и выдающаяся сторона общественности нашей, отмѣченная особенною жизненностью, это страсть къ прибытку, къ добыванію денегъ, растворенная всякаго рода плутовствамъ и безобразнѣйшими надувательствами другъ друга и казны. Тутъ является даже иногда предпріимчивость, но предпріимчивость безчестности. Если же кое гдѣ мелькнетъ честность, то безъ предпріимчивости. Во всемъ прочемъ господствуютъ или совершенная апатія или вспыхиваютъ такія стремленія, такія тенденціи, отъ которыхъ ничего, кромѣ дыма не остается. И хотя я покритиковалъ въ моемъ „Реализмѣ“ романъ Тургенева „Дымъ“, однако онъ едва ли не оказывается совершенно правымъ. Впрочемъ, я отозвался неблагопріятно о „Дымѣ“ Тургенева единственно потому, что такой взглядъ совпадалъ у меня вообще съ желаніемъ поддержать идеалъ въ нашей литературѣ.

Трудно подняться на какую бы то ни было высоту, когда нѣтъ подъемлющихъ рычаговъ.

Наша общественность не успѣла еще сложиться, а уже разлагается.

Управлять людьми есть самая пустая наука—сказалъ Оксенштіернъ. И это сказалъ очень умный министръ, управлявшій людьми, созрѣвшими до нѣкоторой степени въ чувствѣ своего человѣческаго и гражданскаго достоинства. А какъ же должна быть ничтожна эта наука, когда дѣло идетъ объ управленіи такими людьми, какъ русскіе? Не этимъ ли и объясняется, что наши государственные люди такіе неучи и гордятся даже этимъ? Вѣдь сказалъ же мнѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковъ, при одномъ случаѣ, съ нѣкоторымъ видомъ самодовольства: „Вѣдь я учился на мѣдныя деньги“.

— 7. Воскресенье. Есть истины, которыхъ бремя тяжело ложится на душу. Мудрено ли, что люди ищутъ часто утѣшенія въ мечтѣ, въ иллюзіи. Счастливы тѣ люди и достойны уваженія, у которыхъ эти мечты и иллюзіи не отнимаютъ благородства чувствъ, не превращаютъ ихъ въ пошлыхъ эгоистовъ.

Россіи не существуетъ повода къ политическому перевороту.

. . . .

— 23. Пятница. Петръ Великій, какъ крѣпкій жерновъ перемололъ въ муку зерна нашей народности и положилъ въ нее закваску европейскаго бѣлаго хлѣба. Съ тѣхъ поръ наша общественность бродитъ и пузырится. Когда она дойдетъ до того, чтобы изъ нея образовалось здоровое тѣсто и спеченъ былъ вкусный русскій хлѣбъ съ европейскою закваскою—Богу единому извѣстно.

Я не могу себя обвинять, что устраняюсь отъ современнаго движенія и интересовъ. Это было бы совершенно несправедливо. Я дотрогиваюсь до каждаго пульса нашей общественности, но вижу, что ее бьетъ лихорадка. Тутъ ничего не сдѣлаешь.

Кто истинно и искренно любитъ человѣчество и свою страну, тотъ не можетъ не чувствовать глубокаго презрѣнія къ людямъ и общественности нашего времени.

— 25. Воскресенье. Дѣлаются большія приготовленія къ пріему Германскаго Императора. Между прочимъ велѣно военнымъ генераламъ перемѣнить красные штаны на какіе-то другіе, такъ какъ красные заимствованы были у французской арміи.

Противъ военнаго министра Милютина ратуетъ сильно партія, осуждающая его управленіе. Наряжена комиссія для изслѣдованія нѣкоторыхъ финансовыхъ вопросовъ по арміи, подъ предсѣдательствомъ князя Барятинскаго........

Милютинъ, говорятъ, подавалъ въ отставку, но не приняли ее.

Вечеромъ у Краевскаго, гдѣ познакомился съ полковникомъ Венюковымъ, отличнымъ знатокомъ нашихъ Кавказскихъ, Средне-Азіатскихъ и Амурскихъ дѣлъ. Онъ разсказывалъ удивительныя вещи о нашихъ тамошнихъ административныхъ порядкахъ, или, лучше сказать, о такихъ безпорядкахъ, какимъ едва ли гдѣ нибудь есть подобные.

Общество безъ нравовъ осуждено на то, чтобы рабствовать или передъ деспотизмомъ, или передъ своими пороками.

Наука, искусство, литература, все это требуетъ нѣкоторой возвышенности духа, безъ которой все превращается въ пустую игру на поверхности вещей, или, что еще хуже, то въ орудіе, то въ прикрытіе всякаго рода мерзостей.

— 27. Вторникъ. Такова экономія судьбы, что за добромъ

всегда слѣдуетъ реакція зла, но за зломъ не всегда слѣдуетъ реакція добра, если не считать добромъ нѣкоторое ослабленіе ударовъ, какіе нанесли вамъ люди и обстоятельства.

— 28. Среда. Природа человѣческая похожа на вулканъ, который въ одно и то же время извергаетъ изъ глубины своей дымъ, камни, золу, пламя и свѣтъ.

— 29. Четвергъ. Къ пріѣзду Германскаго Императора Петербургу стараются придать видъ настоящаго нѣмецкаго города, такъ чтобы великій Императоръ, какъ будто не выѣзжалъ изъ Пруссіи. Перемѣна генеральскихъ штановъ, замѣна головнаго убора солдатъ прусскими касками, прусскіе флаги на домахъ и проч.—все должно содѣйствовать этому.

Какая то эпидемія самоубійства съ нѣкотораго времени свирѣпствуетъ у насъ. Рѣдкій день проходитъ, чтобы въ газетахъ не извѣщали о повѣсившихся, о застрѣлившихся. Револьверъ въ большомъ ходу. Даже женщины научились имъ владѣть. Сегодня извѣщаютъ, что какая то дама Л. пришла къ Е. У., помощнику присяжнаго повѣреннаго, потребовала, чтобы о ней доложили и когда тотъ вышелъ, она пустила ему, какъ пишутъ, изъ револьвера пулю въ упоръ. Пуля, однако, по какому то чуду скользнула надъ его головой, не повредивъ его. Затѣмъ Л. приложила револьверъ къ собственному виску, спустила курокъ и упала мертвою. Въ чемъ завязка этой трагедіи неизвѣстно.

— 31. Суббота. Посягавшая на убійство У. молодая дѣвушка, сестра тоже застрѣлившейся Г. Она хотѣла отмстить У. за то, что онъ, по неосторожности, или легкомыслію, бросилъ тѣнь на отношенія Г. съ Ж., котораго онъ убилъ на дуэли послѣ извѣстнаго процесса о Г.

Апрѣль.—4. Среда. Если дѣйствительная жизнь преисполнена всякихъ золъ и особенно всякихъ человѣческихъ гадостей, то искусство вообще и литература должны хранить въ себѣ идеалы всего лучшаго, разумнаго, и благороднаго въ человѣчествѣ. Но теперь это не такъ. Искусство и литература опошляются елико возможно подъ предлогомъ вѣрности правдѣ и подъ условіемъ реальности. Но что разумѣютъ они подъ правдою? Списываніе съ натуры, группировку разныхъ текущихъ проявленій жизни, всего чѣмъ волнуются люди и общества настоящаго времени? Конечно это правда. Но есть и другая правда—сознаніе,

въ которомъ живутъ вѣчныя идеи разума, добра, истины, красоты. Изображая первую, не слѣдуетъ забывать другой.

Военный министръ, какъ слышно, къ общему удовольствію остается на своемъ посту........

Москва не теряетъ своего оппозиціоннаго духа. Головою своимъ она избрала опять Ланина, получившаго наиболѣе избирательныхъ шаровъ послѣ князей Черкасскаго и Щербатова, отказавшихся отъ главенства. Разумѣется, Ланинъ также отказался. Итакъ Москва остается безъ головы....

— 8. Воскресенье. День Пасхи. Свѣтло, но всетаки холодно. Впрочемъ, теперь только утро, 9-ть часовъ.

Большею частью, когда люди сами себя обработываютъ, по своимъ понятіямъ и вѣрованіямъ, то изъ ихъ обработки выходятъ прескверные продукты. Одно, на что можно положиться, это хорошее сердце и инстинкты, дарованные природою иным неделимымъ. Тутъ только и можно любить и вѣрить въ любовь.

— 10. Вторникъ. Первый день Пасхи былъ холоденъ, но свѣтелъ, а вчера и сегодня снѣгъ съ дождемъ, грязь: все скверно: и погода, и люди, и судьба ихъ.

— 11. Среда. Вечеръ у Благовѣщенскаго, который пріѣхалъ сюда изъ Варшавы на нѣсколько дней. Говорилъ долго съ В. В. Григорьевымъ о Хивинскомъ походѣ. Онъ долго служилъ въ Оренбургскомъ краѣ и знакомъ съ Средней Азіей. По его мнѣнію, походу нашему предстоятъ большія трудности.

— 12. Четвергъ. Конца нѣтъ слухамъ и толкамъ о предстоящей встрѣчѣ Германскаго Императора. Говорятъ, что Дума очень недовольна предложеніемъ Трепова иллюминовать Гостинный дворъ особеннымъ парадным образомъ и вывѣсить прусскіе и германскіе флаги. Происходятъ безпрерывные сборы и репетиціи войскъ; заря будетъ изъ 1500 музыкантовъ. Говорятъ, Императору будетъ поднесена сабля, украшенная бриліантами въ 700 тысячъ рублей и проч. и проч.

Посѣщалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; былъ между прочимъ у Тютчева. Послѣдній все еще лежитъ съ парализованною половиною тѣла. Но голова его свѣжа, какъ у здороваго. Говоритъ онъ тоже почти свободно съ маленькою запинкою. Но на выздоровленіе его нѣтъ надежды.

Очень боленъ также К. К. Фойгтъ. Съ нимъ также былъ ударъ,

который едва-ли не сведетъ его въ могилу. Жаль! Это истинно честный и благородный человѣкъ.

— 15. Воскресенье. Въѣздъ Германскаго Императора. Городъ принялъ такой праздничный видъ, какого не бывало въ самые знаменательнѣйшіе дни народныхъ торжествъ. Всѣ дома разцвѣчены флагами и на многихъ изъ нихъ прусско-германскіе флаги скрываютъ даже русскіе. И все новенькіе, какъ съ иголочки, такъ что улицы превращены въ какіе-то цвѣтники. Вильгельмъ долженъ былъ въѣхать въ городъ въ 2 часа по Вознесенской улицѣ и по Большой Морской. Туда ринулись толпы народа. Я хотѣлъ было совершить обыкновенную мою прогулку по Невскому проспекту, но воротился домой.

. . . .

Два чрезвычайно характеристичныя слова: . . . . , распекать и подтянуть.

Полиція строго слѣдила за тѣмъ, чтобы вездѣ были вывѣшены флаги, особенно германскіе и прусскіе.

— 16. Понедѣльникъ. Вчера былъ день ясный, но довольно холодный. Сегодня пасмурно и теплѣе.

Полиція приказала, чтобы были вывѣшены ковры на домахъ Невскаго проспекта, въ дополненіе къ флагамъ и бюстамъ.

Прошелся по Невскому проспекту. Толпы народа. Безпрестанно мчатся придворные экипажи съ прусскими генералами и офицерами.

— 17. Вторникъ. Четырнадцатаго умеръ Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ.

— 20. Пятница. Сегодня огромный парадъ въ честь Германскаго Императора. Вчера цѣлый день и ночь шелъ сильный дождь со снѣгомъ. Во все это время на Царицыномъ Лугу, гдѣ долженъ происходить парадъ, были разложены горящіе костры съ цѣлью осушить площадь. Насколько это достигнуто неизвѣстно, но всѣмъ эта затѣя показалась забавною. Сегодня для парада на нѣсколько часовъ небо очистилось, и парадъ прошелъ благополучно. Солдаты возвращались въ три часа, выпачканные по колѣна въ грязи. Видно осушка площади не очень удалась.

Два раза, во вторникъ и въ четвергъ, министръ народнаго просвѣщенія потерпѣлъ въ Государственномъ совѣтѣ сильное пораженіе по поводу разсужденій о воинской повинности, въ

которой онъ усиливался увеличить льготы въ пользу своихъ греческихъ гимназій и прогимназій. Въ первый разъ противъ него было 28 голосовъ и за него былъ только одинъ голосъ, графа Шувалова. Во второй разъ онъ успѣлъ собрать, по какимъ то параграфамъ, въ пользу своихъ проектовъ шесть голосовъ, но противъ него было 26. Члены, говорятъ, были сильно вооружены противъ его требованій и безцеремонности, съ какою они были выражены.

Классическое образованіе, кажется, не было пренебрежено во Франціи и однако оно не спасло ее отъ кровавой первой революціи. Напротивъ, оно только содѣйствовало развитію республиканскихъ идей. Возбужденіе умовъ противъ тирановъ было совершенно во вкусѣ греческихъ республиканскихъ тенденцій: воззванія къ Бруту и т. п. Коноводы жирондистовъ были до мозга костей пропитаны классическимъ республиканскимъ духомъ. . . . .

— 25. Среда. Въ сегодняшнемъ 113 № „Голоса“ напечатанъ любопытный процессъ по жалобѣ титулярнаго совѣтника А. на графа А. Сенатъ рѣшилъ въ пользу послѣдняго . . . .

— 26. Четвергъ. Много толковъ о процессѣ А... Но я нахожу, что здѣсь поступлено въ духѣ нынѣшнихъ идей, столь ясно и опредѣлительно провозглашенныхъ Бисмаркомъ: „сила есть право“..........

— 27. Пятница. Ищите прежде всего мира съ самимъ собою, а все прочее къ тому приложится.

Есть люди солидные, серьезные и просвѣщенные, отъ которыхъ часто слышишь весьма рѣзкіе и неблагопріятные отзывы о разныхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ. Однако они вовсе не принадлежатъ къ партіи тѣхъ недовольныхъ, которые заражены новѣйшими теоріями, и они вовсе не думаютъ о какихъ-нибудь измѣненіяхъ, несовмѣстныхъ съ нашимъ порядкомъ вещей. Это люди либеральные, но вовсе не люди такъ называемаго дѣйствія. Они понимаютъ лучшее, но также понимаютъ, что это лучшее можетъ быть только плодомъ времени и прочнаго образованія. Подгонять насильственно исторію нельзя. И притомъ Боже избави насъ отъ тѣхъ благъ, которыя обѣщаетъ намъ исторія и неразумные двигатели, выдающіе себя за вождей движенія......

Иное дѣло наблюдать, изучать вещи и находить недостатки въ нихъ, и иное браться за ихъ исправленіе по извѣстнымъ теоріямъ и тенденціямъ.

Какая бы ни была власть, она лучше анархіи.

— 30. Понедѣльникъ. Третьяго дня В. М. Княжевичъ умеръ. Онъ уже года три, какъ былъ очень слабъ здоровьемъ. Недѣли за три передъ этимъ я былъ у него; онъ былъ уже очень плохъ, хотя еще на ногахъ и даже прошелся по комнатѣ, чтобы достать сигару, которой обыкновенно меня потчивалъ. Съ нимъ я былъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ съ братомъ его, бывшимъ министромъ финансовъ.

Можно ли имѣть низенькую, маленькую душенку, въ соединеніи съ талантомъ—или даетъ ли человѣку талантъ право быть безнравственнымъ негодяемъ?

Май.—3. Четвергъ....... Гадко, дождливо, холодно—и это тотчасъ послѣ нѣсколькихъ прекрасныхъ дней апрѣля.

— 10. Четвергъ. Опять флаги. Сегодня въѣздъ Персидскаго шаха.

Знаменитый принципъ, провозглашенный Бисмаркомъ: сила впереди права—вотъ откуда беретъ свои воззрѣнія и убѣжденія современная пресловутая цивилизація.

Прекрасный день. Прошелся по Невскому проспекту до Полицейскаго моста. Несмѣтныя толпы народа, ожидающаго проѣзда шаха. Въ четверть 2-го наконецъ показалась коляска съ Государемъ и шахомъ, за ней мчались придворные экипажи со свитою шаха. Народъ кричалъ ура.

— 11. Пятница. Отнесли М. Е. Звегинцева на Волково кладбище. Три дня тому назадъ онъ умеръ. Былъ простой, но честный и добрый человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова.

Можетъ ли имѣть какое-нибудь достоинство то общество, гдѣ никто не хочетъ признавать въ другомъ ни ума, ни таланта, присвоивая ихъ исключительно самому себѣ.

Одна изъ характеристическихъ чертъ нашей интеллигентной общественности и литературы есть любовь къ историческимъ извѣстіямъ. Записочки, мысли, анекдотцы, письма и письмеца извѣстныхъ и неизвѣстныхъ особъ и особенно скандалы все это печатается и поглощается съ жадностью. Означаетъ ли это любовь къ исторіи? Исторія требуетъ серьезнаго размышле-

нія, изученія, нѣкоторыхъ умственныхъ усилій, а намъ нужно новое любопытное, занимательное, особенно смѣшное.

— 14. Понедѣльникъ. Тьеръ отказался отъ президентства. Ничто изъ внѣшнихъ политическихъ событій меня не огорчало такъ, какъ это.

— 17. Четвергъ. Стараюсь не думать и не говорить ничего о французскихъ дѣлахъ: такими мнѣ кажутся они прискорбными: тутъ закваска новой революціи. Вотъ что надѣлала правая сторона національнаго собранія, свергшая Тьера. Это собраніе безумцевъ и негодяевъ, придерживающихся такъ называемой консервативной политики, которую они хотятъ превратить въ деспотизмъ, чтобы продлить свое незаконное владычество надъ Франціей.

— 20. Воскресенье. Отправлено имущество на дачу въ Павловскъ къ тому же Брауну „Подъ Дубками". Завтра мои ѣдутъ, а я послѣ.

„Голосу" воспрещена розничная продажа.

Кандидатъ здѣшняго университета, Дьяченко, бывшій уже нѣсколько лѣтъ на службѣ, сперва по судебному вѣдомству, а потомъ по министерству народнаго просвѣщенія, опредѣленъ учителемъ въ Красноярскую гимназію. Теперь онъ пишетъ, что сибирскій генералъ-губернаторъ Синельниковъ велѣлъ посадить его въ домъ сумасшедшихъ и отобралъ все его имущество. За что и почему?—неизвѣстно. Письмо, написанное Дьяченко ко мнѣ и къ Воронову, такъ какъ мы оба хлопотали объ опредѣленіи его учителемъ въ Красноярскъ, не показываетъ ничего похожаго на умственное разстройство. Что-жъ это такое? Каковъ бы ни былъ поводъ, но если этотъ несчастный не сдѣлалъ никакого важнаго уголовнаго преступленія, то можно ли было такъ поступить съ нимъ, да еще угрожать ему розгами, если онъ будетъ жаловаться на то, что съ нимъ сдѣлано, требовать объясненія о причинахъ и т. п.? Фактъ свидѣтельствуетъ что можно.

Дьяченко пишетъ, что въ немъ приняли живое участіе тамошній архіерей, жандармскій полковникъ и другіе достойные люди, но все это ни къ чему не послужило и онъ продолжаетъ сидѣть въ домѣ сумасшедшихъ.

— 22. Вторникъ. Было прежде слово обабиться у насъ обиднымъ для мужчины. Теперь оно должно сдѣлаться почет-

нымъ, должно потому, что наша нынѣшняя женщина оказывается не въ примѣръ лучше мужчины.

— 24. Четвергъ. Засѣданіе въ нашемъ отдѣленіи въ Академіи наукъ, гдѣ мы не порѣшили собираться болѣе и начать каникулы.

Есть люди, которые сіяютъ удивительнымъ блескомъ, пока они занимаютъ такое-то мѣсто. Но лишь они сойдутъ съ него, тотчасъ оказывается, что они такія ничтожества, что удивляешься, какъ могли они занимать эти мѣста.

— 27. Воскресенье. Когда ученый съ предвзятой идеей дѣлаетъ наблюденія и опыты, онъ всегда найдетъ въ вещахъ то, что ему нужно и что служитъ къ подтвержденію его теоріи.

У Краевскаго съ Вороновымъ, который у меня обѣдалъ. Возвращаясь отъ Краевскаго, мы попали подъ проливной дождь съ грозою и почти бѣгомъ добрались домой порядочно измоченные. Я, однако, не промочилъ ногъ, защищенныхъ калошами, а бѣдный Вороновъ потерялъ одну калошу и замочилъ сильно ногу.

У Краевскаго любопытный разсказъ его объ объясненіи съ Лонгиновымъ по поводу запрещенія розничной продажи „Голоса". Бѣда сочинилась за двѣ пустыя фразы въ фельетонѣ.

— 30. Среда. Ѣздилъ въ Царское Село навѣстить бѣднаго больнаго Тютчева. Положеніе его самое плачевное. Половиною тѣла онъ совсѣмъ не владѣетъ, но голова свѣжа и умственныя отправленія всѣ, какъ слѣдуетъ. Въ произношеніи онъ немного и едва замѣтно затрудняется. Онъ совершенно остался одинокимъ: всѣ его близкіе и друзья разъѣхались на лѣто. Изъ домашнихъ я никого не видѣлъ, кромѣ сидѣлки, да лакея, которые за нимъ ухаживаютъ и, кажется, усердно. Онъ чрезвычайно былъ радъ моему посѣщенію. Поговорили о литературѣ, о Франціи и о Тьерѣ. Разумѣется, онъ, какъ всѣ благородные и мыслящіе люди, негодуетъ на правую сторону національнаго собранія, свергнувшую Тьера. Все, повидимому, клонится къ тому, чтобы возстановить Наполеоновскую династію.

Надобно согласиться съ тѣмъ, что для насъ останутся вѣчно неразрѣшенными вопросы о насъ самихъ, о нашей природѣ, судьбѣ, будущности, цѣли мірозданія и проч. Это настоящее непроницаемое для науки terra incognita, а между тѣмъ въ этой-то terra incognita и сосредоточиваются системы, которыхъ до-

искивается современная наука, вѣруя безпрекословно въ индукцію. Несмотря на свое отвращеніе къ метафизикѣ и догматизму, она становится сама метафизическою и догматическою, когда напримѣръ утверждаетъ, что человѣкъ подлежитъ тѣмъ же механическимъ законамъ, какъ и все прочее въ природѣ.

Странное явленіе представляетъ наше современное человѣчество. Никогда не было разбросано столько гуманныхъ идей въ книгахъ, проектахъ, на языкѣ и въ мысляхъ многихъ и притомъ передовыхъ, лучшихъ людей, какъ въ настоящее время. И, между тѣмъ, никогда, кажется эгоизмъ не является подъ разными видами, столь господствующимъ въ поступкахъ и отношеніяхъ людей другъ къ другу.

Іюнь.—9. Суббота. Навѣщалъ больнаго Тютчева. Бѣдный, онъ страдаетъ еще болѣе нравственно, чѣмъ физически....

— 12. Вторникъ. Ѣздилъ въ Петербургъ и заѣзжалъ къ княгинѣ М. А. Т., по ея просьбѣ. У нея милая и умная дочь дѣвушка лѣтъ 19-ти, которая желаетъ серьезно заняться наукою и литературою. Мать проситъ меня руководить ею, на что я охотно согласился, потому что милая княжна, какъ мнѣ кажется, должна выходить изъ круга обыкновенныхъ аристократическихъ дѣвушекъ. Я обѣщалъ пріѣзжать къ нимъ въ Гатчину, гдѣ онѣ намѣреваются провести лѣто.

Итакъ, на моихъ рукахъ теперь два нравственныхъ паціента—старикъ, разбитый параличемъ, и молодая дѣвушка.

— 14. Четвергъ. Экзаменъ въ Римско-Католической академіи. Сошелъ, какъ обыкновенно, и даже больше, чѣмъ обыкновенно—отлично хорошо. Молодые клерики дѣйствительно успѣли много въ русскомъ языкѣ и я долженъ отдать имъ справедливость, что они занимаются съ большимъ усердіемъ. Они очень привержены ко мнѣ, какъ, впрочемъ, всѣ мои бывшіе многочисленные слушатели и слушательницы.

Послѣ экзамена я поѣхалъ на дачу къ другу моему Воронову около Парголова.

— 15. Пятница. Вчерашній день и сегодняшній до семи вечера провелъ пріятно, какъ рѣдко случается, въ семействѣ Воронова, которое очень мило и оказало мнѣ самое теплое и радушное гостепріимство. Вчера былъ день сѣренькій, но теплый и мы погуляли съ Вороновымъ отлично. Проѣхалъ въ Парголово

на пароходѣ по озеру отъ Шуваловской желѣзно-дорожной станціи. Въ Парголовѣ мы зашли въ плохенькую гостиницу. Сегодня прегнусный день: дождикъ, какъ осенью. Однако, мы успѣли побродить по лѣсу, а послѣ обѣда усѣлись на балконѣ и проболтали весело въ сообществѣ милыхъ дочерей Воронова. Въ семь часовъ я отправился по желѣзной дорогѣ въ городъ и прибылъ туда подъ шумомъ проливнаго дождя. Къ счастью, на станціи я нашелъ извозчичью коляску, которая благополучно довезла меня до моей квартиры. Въ половинѣ 11-го я уже былъ въ Павловскѣ.

— 16. Суббота. Ѣздилъ въ Царское Село навѣстить Тютчева. Но я не видѣлъ его: онъ въ безпамятствѣ и очень плохъ. Въ понедѣльникъ я былъ у него. Онъ долго со мной говорилъ и былъ хорошъ.

. . . .

— 18. Понедѣльникъ. Получено извѣстіе изъ Средней Азіи, что Хива взята нашими войсками.

Конечно несправедливо упрекать русскій народъ въ томъ, что онъ ознаменовываетъ нѣкоторую долю предоставленной ему разными пороками—пьянствомъ, воровствомъ, мошенническими замашками и проч. Но это не оттого, что ему дана нѣкоторая свобода, а оттого, что ему не доставало ея.

— 21. Четвергъ. Былъ у Тютчева и не видѣлъ его. Зять его Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, мнѣ сказалъ, что вся почти эта недѣля прошла въ борьбѣ со смертью. Иногда Тютчевъ приходилъ въ себя на нѣкоторое время, потомъ опять впадалъ въ забытье. Самъ какъ то вспомнилъ о священникѣ, но исповѣдаться не могъ—языкъ ему не повиновался. Совершивъ глухую исповѣдь, однако онъ пріобщился и понялъ, когда священникъ просилъ его открыть ротъ. Теперь, очевидно, пораженъ его мозгъ.

— 22. Пятница. Вчера былъ прелестнѣйшій день и вечеръ—20° тепла, а сегодня 10 только; очень холодно и мрачно.

Былъ въ городѣ въ засѣданіи Правленія Академіи наукъ.

Іюль.—2. Понедѣльникъ. Былъ у Тютчева. Къ нему возвратилось сознаніе, но онъ очень слабъ и едва можетъ произнести нѣсколько словъ—такъ языкъ его пораженъ. Жена его, Эрнестина Ѳедоровна, почтенная старушка, которую я въ первый разъ видѣлъ, очень была, повидимому, рада моему пріѣзду. Онъ спрашивалъ вчера обо мнѣ. Меня ввели къ нему. Лице его очень из-

мѣнилось. Онъ протянулъ мнѣ свою исхудалую руку и съ большимъ трудомъ сказалъ нѣсколько фразъ. Я пробылъ у него минуты три, боясь обезпокоить. Онъ и жена его просили меня заѣзжать къ нимъ еще. Аксаковъ съ женою уѣхалъ въ Москву.

— 4. Среда. Ѣздилъ въ Гатчину видѣться съ княгиней Т. Со мною былъ И. П. Верещагинъ, который хотѣлъ побывать у Сомова. Я тоже зашелъ къ благородному и доброму Сомову, который очень былъ мнѣ радъ. Съ радостью тоже приняли меня княгиня и дочь ея. Мы долго бесѣдовали о литературѣ и проч. Мать, между прочимъ, показывала мнѣ огромное собраніе писемъ канцлера нашего Горчакова къ разнымъ его роднымъ, которые были родственники и княгинѣ. Письма эти были писаны съ 11-ти лѣтняго его возраста и заключаютъ въ себѣ много любопытнаго, для біографіи канцлера. Княжна была очень мила. Мать прочитала мнѣ ея небольшія стихотворенія, прехорошенькія, и сама княжна продекламировала мнѣ нѣкоторыя вещи изъ Пушкина и прекрасно. Обѣ просили моихъ совѣтовъ, и я охотно обѣщалъ имъ ихъ. Очень упрашивали меня обѣдать у нихъ, но я предпочелъ свободу радушному ихъ приглашенію и съѣлъ кое чего въ трактирѣ Веревкина, который, сказать мимоходомъ, очень хорошъ. Верещагинъ обѣдалъ у Савича, который и меня сильно звалъ. Съ трехъ часовъ пошелъ дождь и помѣшалъ мнѣ побродить по парку, а паркъ превосходный. Я только успѣлъ заглянуть въ него. Мы пріѣхали не по желѣзной дорогѣ, а въ экипажѣ, взятомъ въ Павловскѣ. Въ 40 м. 8-го мы отправились обратно и въ 10 часовъ были уже дома.

— 7. Суббота. Ѣздилъ въ Царское Село къ Тютчеву и не видѣлъ его. Онъ опять безъ сознанія. Я узналъ, между прочимъ, настоящіе лѣта его: ему 78 лѣтъ.

— 8. Воскресенье. Заходилъ къ Перевозчикову. Бѣдный старикъ слѣпой сидѣлъ одиноко въ своей комнатѣ и очень былъ радъ моему посѣщенію. Я кажется одинъ и навѣщаю его. Еслибы не слѣпота, нельзя было бы и подумать, что ему 84 года—такъ онъ бодръ и свѣжъ умомъ.

— 9. Понедѣльникъ. Въ засѣданіи Славянскаго комитета И. П. Корниловъ прочиталъ любопытное письмо изъ Чехіи отъ тамошней матицы. Ей изъ усердія комитетъ послалъ нѣсколько русскихъ книгъ. Въ отвѣтъ на это матица пишетъ чистымъ рус-

скимъ языкомъ, что книги имъ не нужны, такъ какъ у нихъ никто по русски не знаетъ и взамѣнъ ихъ они просятъ присылать имъ денегъ.

— 11. Среда. Надняхъ послѣдовало второе предостереженіе „Вѣстнику Европы".

— 14. Суббота. . . . .

Испугались реформъ тѣ самые, которые ихъ произвели. Они ожидали, что изъ реформъ возникнетъ самая порядочная, сообразная съ ихъ желаніями жизнь; что нравы тотчасъ измѣнятся къ лучшему, промышленность и земледѣліе процвѣтутъ, богатство потечетъ по всей странѣ рѣкою. Печать только и будетъ дѣлать то, что восхвалять . . . .
Всѣ эти золотые сны не оправдались. То, что вѣками портилось и извращалось, не можетъ измѣниться въ нѣсколько лѣтъ. Главная задача реформъ совсѣмъ не въ томъ состояла, чтобы немедленно насладиться благами, элементы которыхъ въ нихъ заключаются, а въ томъ, чтобы положить имъ основаніе и сдѣлать эти блага возможными. Словомъ, реформы имѣютъ въ виду не настоящее, а будущее. Поэтому не слѣдуетъ ихъ подкапывать, а обезпечивать ихъ прекрасныя послѣдствія, выжидать.

Естественно, что они произвели много такого, чего администраціи не желалось, много ошибокъ, неумѣнье пользоваться дарованными льготами, даже злоупотребленія. Но въ высшей степени странно, что этого не предвидѣли. Слѣдуетъ ли изъ за этого возвращаться къ прошедшему и парализовать сдѣланное, лишая его той силы, которая одна въ состояніи вывести насъ на лучшій путь?

— 16. Понедѣльникъ. Какую цивилизацію мы должны выработать? Или намъ придется пробавляться со дня на день и т. д. въ безконечности? Чтобы отражать внѣшнихъ враговъ у насъ достаточно силъ, и только. Гдѣ у насъ залоги нравственнаго и общественнаго величія? Мы лишены единства общественнаго духа. „Мы ѣдимъ другъ друга и отъ того сыты бываемъ", сказалъ человѣкъ, который тоже ѣлъ другихъ, пока самъ не былъ ими съѣденъ. Нравственность наша скверная: она не поддержана ни сознаніемъ человѣческаго достоинства, ни религіозными высшими истинами.

— 17. Вторникъ. Пріѣхавъ изъ города, я прочиталъ въ

газетахъ о кончинѣ Ѳ. И. Тютчева. Онъ скончался въ воскресенье, а похороны назначены завтра: приглашаютъ на выносъ изъ квартиры въ Новодѣвичій монастырь въ 9 часовъ утра.

— 18. Среда. Глупѣйшимъ образомъ надули меня съ похоронами Ѳ. И. Тютчева. Ровно въ 9 часовъ сегодня я былъ у квартиры покойнаго: тутъ мнѣ сказали, что онъ давно уже увезенъ на желѣзную дорогу, чтобы быть оттуда отправлену въ Новодѣвичій монастырь. Я помчался туда и увидѣлъ только дымъ удаляющагося поѣзда. Со мной пріѣхалъ туда еще какой-то генералъ въ полной формѣ и тоже увидѣлъ одинъ дымъ. Что-же мнѣ было дѣлать? Оставалось возвратиться домой, внутренно побранивъ распорядителей похоронъ. Такъ я и сдѣлалъ. Итакъ, мнѣ не удалось поклониться праху человѣка, котораго я такъ любилъ и который дѣлилъ со мною одним послѣднія убогія крохи своей жизни.

— 21. Суббота. М. И. Семевскій сильно просилъ меня написать въ „Старину“ что нибудь о Тютчевѣ ко вторнику, такъ, чтобы это поспѣло въ книжку, которая должна выдти 1 августа.

— 23. Понедѣльникъ. Приготовилъ статью о Тютчевѣ, которую завтра въ 8 часовъ утра и возьметъ у меня М. И. Семевскій, идя на желѣзную дорогу, чтобы отправиться въ Петербургъ.

— 25. Среда. Какъ то скучно становится бродить по Павловскому парку и видѣть одну и ту же пеструю толпу на музыкѣ, даже слушать послѣднюю.

Только занятъ тѣмъ, что отбиваешься отъ унынія, близкаго къ упадку духа и отстаиваешь въ себѣ идеалъ нравственнаго величія, который все еще манитъ меня къ себѣ.

Какъ бы мнѣ побольше вѣры въ самого себя!

— 30. Понедѣльникъ. Европѣ, кажется, суждено быть постояннымъ очагомъ войнъ. Вотъ въ настоящее время вопросы, заключающіе въ себѣ поводы къ неизбѣжнымъ войнамъ: восточный вопросъ, отторженіе отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, антагонизмъ Россіи и Пруссіи, движеніе славянскихъ племенъ и ожидающее Австрію разложеніе, сила католицизма, волнующая народы, борьба пролетаріата съ существующимъ общественнымъ устройствомъ, наконецъ болѣе или менѣе всеобщее стремленіе къ измѣненію формъ государственнаго строя. Пламя, возго-

рѣвшееся въ одномъ мѣстѣ, легко можетъ распространиться на далекое пространство.

Большая или меньшая степень воспріимчивости открываетъ въ нашу душу и организмъ доступъ вреднымъ вліяніямъ, которыя производятъ разные опасные недуги нравственные и физическіе. А воспріимчивость зависитъ отъ врожденныхъ физіологическихъ причинъ. Въ каждомъ человѣкѣ существуетъ предрасположеніе къ извѣстному образу мыслей и поступковъ. Но образованіе ума и воли, или сила характера могутъ дать этимъ предрасположеніямъ направленіе, уничтожающее ихъ вредныя послѣдствія.

Августъ.—2. Четвергъ. Прочелъ докладъ Валуевской комиссіи о состояніи нашихъ крестьянъ, которое изслѣдовано было комиссіей, учрежденной подъ его предсѣдательствомъ. Это чрезвычайно любопытный актъ. Онъ состоитъ изъ данныхъ, которыя, кажется, не подлежатъ сомнѣнію и составленъ тщательно и умно. Въ этомъ неотъемлемая заслуга Валуева, хотя и видно тутъ . . . .
стремленіе внести въ крестьянскій міръ помѣщичій или чиновничій—и болѣе первый,—регулирующій и направляющій элементъ, такъ какъ самоуправленіе крестьянъ оказывается во многомъ несостоятельнымъ.

Докладъ говоритъ: состояніе крестьянъ вообще улучшается со времени освобожденія ихъ. Однако, бытъ ихъ очень неудовлетворителенъ, по крайней мѣрѣ въ большей части имперіи. Главныя причины: крайнее невѣжество ихъ и деморализація, вслѣдствіе чего обширные размѣры пьянства; потомъ малость поземельныхъ надѣловъ во многихъ губерніяхъ и несоотвѣтственный имъ слишкомъ большой выкупной платежъ; чрезмѣрные налоги; почти повсемѣстные падежи скота, противъ которыхъ до сихъ поръ не принято никакихъ существенныхъ мѣръ; общинное поземельное владѣніе съ круговою порукою; чрезмѣрное дробленіе крестьянскихъ имуществъ отъ раздѣловъ семейныхъ и наконецъ дурные крестьянскіе суды и крестянская администрація.

Средства поправить зло: отмѣна этихъ причинъ, а главнѣйшее—школы; моральное вліяніе церкви и духовенства; введеніе техническихъ знаній въ кругъ сельской промышленности; ослабленіе пьянства посредствомъ внушеній крестьянамъ о его вредѣ

и нѣкоторыя другія мѣры, особенно замѣна кабаковъ корчмами, гдѣ продавалась-бы не одна водка, но и съѣстное, наконецъ, подчиненіе крестьянскаго самоуправленія контролю. Объ этомъ послѣднемъ говорится осторожно и уклончиво.

По прочтеніи этого административнаго акта замѣчаешь вотъ что: исправленіе нѣкоторыхъ недостатковъ требуетъ или законодательныхъ, или такихъ мѣръ, которыя, можетъ быть, было-бы трудно въ настоящее время провести, но есть много такихъ, которыя рѣшительно отстранимы при надлежащемъ добросовѣстномъ содѣйствіи министерства внутреннихъ дѣлъ, и если зло не уничтожилось-бы радикально, то облегчилось-бы настолько, что, при нашей испытанной терпѣливости, его мало-бы и замѣчали . . . .

— 5. Воскресенье. Мнѣ часто случается встрѣчаться съ моими бывшими университетскими слушателями и они какъ-то любовно, сочувственно ко мнѣ всегда относятся. Я никогда не хотѣлъ быть въ университетѣ знаменемъ. Я не старался никогда поддѣлываться подъ тонъ такихъ то или такихъ ученій, любимыхъ другими тенденцій. Я всегда шелъ своимъ путемъ, былъ любимъ, потому что всегда питалъ уваженіе къ человѣческому достоинству другихъ. Но я любимъ былъ, такъ сказать, въ одиночку, не ставилъ себя центромъ партіи. Сегодня, между прочимъ, ко мнѣ подошелъ на музыкѣ одинъ господинъ съ умной и пріятной физіономіей и отрекомендовался мнѣ, какъ бывшій мой слушатель еще сороковыхъ годовъ. Это нѣкто Гейнрихсенъ, нынѣ консулъ нашъ въ Аѳинахъ, пріѣхавшій надняхъ недѣли на двѣ въ Петербургъ. Онъ съ восторгомъ вспоминалъ о моихъ лекціяхъ и напомнилъ мнѣ, между прочимъ, объ оваціи, которую студенты всѣхъ факультетовъ задумали произвести мнѣ послѣ того, какъ я былъ освобожденъ изъ подъ ареста, постигшаго меня за пропускъ одной статьи въ цензурѣ. Овація студентовъ, которыхъ тогда собралось въ аудиторію человѣкъ до 700, дорого было мнѣ обошлась. Ее чуть не приписали намѣренію возбуждать студентовъ. Только при содѣйствіи князя Григорія Волконскаго, исправлявшаго тогда должность попечителя и министра Уварова, дѣло обошлось для меня благополучно. Я побесѣдовалъ очень пріятно съ моимъ любезнымъ бывшимъ студентомъ подъ звуки музыки, которой ни я, ни онъ не слушали.

— 9. Четвергъ. Навѣстилъ вдову Ѳ. И. Тютчева, отдалъ ей три экземпляра моего листка о покойномъ.

— 12. Воскресенье. Замѣчательные дни съ самаго 1-го августа. Тепло, свѣтло, какъ среди самаго лучшаго лѣта.

Вчера въ концертѣ, данномъ въ пользу общества для раненныхъ. Кромѣ музыки, представленіе Монахова и Горбунова. Публика наша очень любитъ заниматься пустяками, лишь-бы они были смѣшны. Но тутъ и смѣшного было мало. Лучшее— разсказы Горбунова. Какая-то Кронебергъ пропѣла романса два или три: маленькій, довольно, впрочемъ, пріятный голосъ. Я ушелъ, не дождавшись третьяго отдѣленія.

Многихъ занимаетъ вопросъ, будетъ-ли посаженъ въ тюрьму С., по обвиненію въ клеветѣ на нѣкоего Г, который намѣренъ, повидимому, жестоко его преслѣдовать? С. задѣлъ его въ своемъ фельетонѣ, а тотъ не на шутку взбѣсился. Г. хочетъ защищать Спасовичъ, а противника его Арсеньевъ.

Я съ семьей и двумя гостьями ходилъ на ферму, гдѣ мы пили чай и кофе. На возвратномъ пути въ паркѣ мы встрѣтили Государыню въ коляскѣ съ дочерью невѣстою. Онѣ недалеко отъ насъ вышли изъ коляски и, кажется, готовились искать грибы. Исканіе грибовъ въ паркѣ родъ моднаго увеселенія для дачницъ. День удивительно хорошъ, и прогулка наша была также хороша, какъ день.

Они грабятъ истину на большихъ дорогахъ чужаго знанія и этимъ превозносятся, вмѣсто того, чтобы каждую истину доставать собственнымъ упорнымъ и честнымъ трудомъ.

— 14. Вторникъ. Жаловаться на зло жизни значитъ жаловаться на самую жизнь.

— 18. Суббота. Что значитъ философія, что значитъ вообще всякая наука сама по себѣ? Одна достойнѣйшая цѣль мыслящаго человѣка, это нравственное самообразованіе и образованіе характера. Къ этому стремился цѣлую мою жизнь, и хотя, конечно, не успѣлъ далеко удовлетворить идеалу того и другого, однако я не могу упрекать себя за эту односторонность и теперь остаюсь при томъ же убѣжденіи и при тѣхъ же усиліяхъ.

Не могу также обвинять себя и за то, что я старался и въ

юношествѣ, и во всѣхъ, на кого могъ имѣть вліяніе, пробудить тѣ-же стремленія.

— 21. Вторникъ. Новое знакомство съ Н. Н. Клокачевымъ и его женой. Оба сегодня они просидѣли у насъ часа два. Это тотъ самый Клокачевъ, который такъ настойчиво и честно ратовалъ противъ всяческихъ злоупотребленій по Маріинской системѣ. Мнѣ онъ показался человѣкомъ весьма энергическимъ.

Надняхъ умеръ бѣдный Галанинъ, честный и благородный человѣкъ. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ помощникомъ моимъ по редакціи „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія". Его внезапно поразилъ ударъ. Онъ не чувствовалъ никакихъ приступовъ болѣзни и былъ веселѣе обыкновеннаго.

Опять холера въ Петербургѣ. Сегодня докторъ Фассановъ мнѣ говорилъ, что заболѣло 102 человѣка и умерло 35. И это въ самомъ началѣ. Одинъ случай былъ и въ Павловскѣ.

— 23. Четвергъ. . . . .

— 30. Четвергъ. Было у меня шумнѣе и многолюднѣе, чѣмъ обыкновенно въ этотъ день. Я получилъ нѣсколько поздравительныхъ записокъ и телеграммъ. День былъ довольно теплый и свѣтлый.

Сентябрь. — 4. Вторникъ. Въ Петербургѣ и Правленіи Академіи наукъ. Въ прошедшій вторникъ засѣданіе по уваровскимъ преміямъ. Теперь была только одна драма: „Суворовъ въ деревнѣ, въ Миланѣ, и между хорошенькими женщинами". Пустая вещь, какъ и слѣдовало ожидать.

Гуляя третьяго дня, встрѣтилъ стараго знакомаго и отчасти сослуживца, бывшаго прокуроромъ, въ Римско-Католической академіи. Онъ обрадовался мнѣ, какъ родному. Ему уже 86-й годъ, и онъ на видъ довольно дряхлъ, но сохранилъ замѣчательную свѣжесть духа.

— Вотъ, сказалъ онъ мнѣ, между прочимъ,—вы видите—я развалина, но никогда я не былъ такъ спокоенъ духомъ и доволенъ, какъ теперь.

Онъ только глухъ и, однако, это нимало не препятствуетъ его спокойствію и довольству. Съ нимъ была дочь, очень миловидная женщина. Другой старецъ, тоже сохранившій хорошее расположеніе духа, академикъ Перевозчиковъ—что еще замѣчательнѣе: онъ совершенно ослѣпъ. Ему 84-й годъ. Я навѣщаю его

здѣсь очень часто, и онъ всегда изъявляетъ мнѣ самую горячую благодарность.

— Удивительное дѣло, говорилъ онъ мнѣ однажды,—что я до сихъ поръ не умираю. Ложусь спать и думаю, ну ужъ теперь не встану. Просыпаюсь на другой день поутру и опять живъ.

Но бѣдный Карлъ Карловичъ Фойгтъ, которому только 66-й годъ, вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ томится предсмертными страданіями.

— 13. Четвергъ. Переѣздъ съ дачи. День теплый и пріятный.

— 14. Пятница. Если бы я былъ надѣленъ отъ судьбы какимъ нибудь особеннымъ благосостояніемъ, это было бы моимъ мученіемъ. Меня безпрестанно преслѣдовала бы мысль, что я не по заслугамъ пользуюсь исключительнымъ благомъ, тогда какъ тысячи или даже милліоны подобныхъ мнѣ существъ страдаютъ подъ игомъ многоразличнѣйшихъ золъ.

Историческое великое значеніе народа опредѣляется не обширностью территоріи и не обиліемъ народонаселенія, а принципами и стойкостью въ ихъ осуществленіи. Россіи пока не достаетъ ни того, ни другого.

— 15. Суббота. Если подвести итогъ моему лѣтнему пребыванію на дачѣ, то окажется, что лѣто это проведено недурно въ физическомъ смыслѣ. Въ умственномъ отношеніи не много сдѣлано, или, лучше сказать, ничего. Я продолжалъ писать мои записки, и только.

— 18. Вторникъ. Замѣчательно, что Замятинъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея своей службы ничего не получилъ. Но судебные чины благородно и прекрасно отпраздновали этотъ юбилей. Москва прислала депутатовъ, и болѣе 30-ти поздравительныхъ телеграммъ получено отъ разныхъ судебныхъ мѣстъ въ имперіи. При этомъ положено: въ память Замятина, какъ бывшаго министра юстиціи и вѣрнаго хранителя Судебныхъ Уставовъ, учредить исправительное заведеніе для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

— 20. Четвергъ. У насъ нѣтъ общественнаго духа. Онъ возникаетъ изъ народа, а у насъ народъ . . . . не достигъ сознанія долга, законности и нравственнаго достоинства. Словъ и учрежденій, заимствованныхъ изъ обще-человѣче-

ской цивилизаціи у насъ найдется довольно, но это слова безъ содержанія и учрежденія, носящія на себѣ только личину европеизма. Тутъ . . . . . . одна внѣшность и ложь.

Нелѣпо и смѣшно возмущаться этимъ, Такой порядокъ вещей есть порядокъ, какъ и всякій другой. Въ немъ также можно жить и умирать, какъ и вездѣ.

— 21. Пятница. Самоубійства сдѣлались у насъ чѣмъ то вродѣ эпидеміи. Не проходитъ дня, чтобы не публиковано было о нѣсколькихъ самоубійствахъ. Вѣшаются, топятся, рѣжутся и отравляются люди всѣхъ состояній, молодые и зрѣлаго возраста, мужчины и женщины, даже мальчики лѣтъ пятнадцати, шестнадцати. Чѣмъ это объяснить, какъ не страшнымъ упадкомъ нравовъ, отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ и вѣрованій, отсутствіемъ характеровъ, идеаловъ? Печальное время!

— 25. Вторникъ. Сила характера преимущественно состоитъ въ томъ, чтобы выдерживать напоръ внѣшнихъ впечатлѣній, отъ чего бы они ни происходили и какого бы рода ни были.

Живому существу невозможно не испытывать на себѣ силы этихъ впечатлѣній, и въ первыя минуты ихъ дѣйствія мы естественно колеблемся, приходимъ въ волненіе и даже готовы слѣдовать ихъ теченію. Но здѣсь то и выступаетъ сила характера.

Наше общество похоже на огромный резервуаръ, наполненный бродящею кислотою. Что ни брось въ него, все тотчасъ разлагается и только усиливаетъ броженіе.

Въ частности конечно движутся и стремятся свободныя силы. Но въ цѣломъ господствуетъ какой то рокъ или неотразимый ходъ вещей, который увлекаетъ за собою все и всѣхъ.

— 30. Воскресенье. Поутру у *. Я, между прочимъ, въ разговорѣ коснулся классицизма и выразилъ ту мысль, что если можно соглашаться съ министерствомъ въ принципѣ, то никакъ нельзя одобрить способъ приведенія въ дѣйствіе новой системы гимназій. Способъ этотъ крайне крутъ. Надобно было постепенно сроднить съ этой системой общественное мнѣніе, а не вооружать его противъ нея.....

Октябрь. — 1. Понедѣльникъ. Въ прошедшую пятницу были похороны одного изъ лучшихъ людей нашего убогаго на

хорошихъ людей общества—сенатора Николая Андреевича Буцковскаго. Онъ былъ сенаторомъ кассаціоннаго уголовнаго департамента и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ составленіи устава новаго судопроизводства. Смерть сразила его быстро, говорятъ, аневризмомъ. Лѣтомъ я часто встрѣчался и бесѣдовалъ съ нимъ въ Павловскѣ, гдѣ онъ, какъ и я, проводилъ лѣто. Онъ былъ, повидимому, здоровъ и крѣпокъ.

— 2. Вторникъ. Въ окружномъ судѣ въ качествѣ присяжнаго. На этотъ разъ не попалъ въ очередь, но такъ какъ разсматривалось два дѣла, то я всетаки долженъ былъ оставаться въ судѣ до втораго, но и тутъ не попалъ въ очередь. Въ первомъ дѣлѣ судился нѣкій воришка, молодой человѣкъ лѣтъ 20-ти, стянувшій часы у какого-то рабочаго, но пойманный на мѣстѣ и однако успѣвшій бросить часы въ сторону. Такъ какъ онъ уже въ третій разъ судился за кражу и былъ разъ уже приговоренъ къ лишенію правъ состоянія и къ шести мѣсяцамъ тюрьмы, то присяжные вынесли обвинительный приговоръ безъ смягчительныхъ обстоятельствъ. Судъ приговорилъ его къ арестантскимъ ротамъ на два года. Присяжные изъ нѣсколькихъ чиновниковъ и мѣщанъ слѣдили очень внимательно за ходомъ дѣла, впрочемъ, весьма несложнаго. Жаль только, что секретарь читалъ очень скоро обвинительный актъ, хотя и толково. Рѣчь предсѣдателя Якоби можно было слышать хорошо, также какъ и рѣчи защитниковъ.

Я познакомился тутъ, между прочимъ, съ профессоромъ Петрушевскимъ, также присяжнымъ.

— 4. Четвергъ. Опять въ судѣ и опять не попалъ въ очередь. Дѣла ничтожныя: судили все мелкихъ воришекъ.

— 5. Пятница. Въ судѣ. Я на этотъ разъ попалъ въ очередь по дѣлу о лжесвидѣтельствѣ и былъ избранъ старшиною. Составъ суда отличный; особенно превосходно дѣйствовалъ и говорилъ предсѣдатель Якоби. Онъ, между прочимъ, разъяснилъ присяжнымъ, что ложное свидѣтельство подъ присягою законъ разсматриваетъ двояко: одно, совершенное обдуманно, другое въ замѣшательствѣ и страхѣ отъ какихъ нибудь угрозъ. Послѣднее карается легче. Вникнувъ въ обстоятельства дѣла, мы пришли къ убѣжденію, что обвиняемый совершилъ преступленіе въ послѣднемъ смыслѣ, и согласно этому вынесли вердиктъ.

Виновный былъ приговоренъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на годъ и къ церковному покаянію.

— 6. Суббота. Вечеромъ у И. П. Корнилова. Наткнулся на засѣданіе Славянскаго комитета, гдѣ принужденъ былъ слушать скучнѣйшій докладъ и разсужденія.

Вчера въ судѣ я обратился къ предсѣдателю Якоби съ вопросомъ, можно ли будетъ мнѣ за нѣсколько дней до срока уволиться отъ обязанности присяжнаго, такъ какъ я назначенъ депутатомъ отъ Академіи для присутствованія на столѣтнемъ юбилеѣ Горнаго Института? Онъ чрезвычайно любезно отвѣчалъ мнѣ, что къ этому нѣтъ никакого препятствія.

— 9. Вторникъ. Меня неожиданно посѣтилъ В. В. Григорьевъ и принесъ мнѣ свою брошюру „Султана Мендали Пиралева девять Хивинскихъ писемъ". Это остроумныя замѣтки по поводу нашего похода въ Хиву, напоминающія манеру и слогъ наставника автора, Сенковскаго.

— 12. Пятница. Засѣданіе въ окружномъ судѣ, продолжавшееся отъ 11-ти часовъ утра до 4-хъ ночи. Судили восемь человѣкъ мужчинъ и женщинъ за сборъ пожертвованій на монастыри и на погорѣлыхъ по фальшивымъ книжкамъ и бумагамъ съ поддѣльными печатями. Ни монастырей этихъ, или, какъ назвали они, пустыней, съ ихъ архимандритами никогда не было на свѣтѣ, не было тоже и пожаровъ. Несмотря на это плуты собирали значительныя пожертвованія, засвидѣтельствованныя подписями жертвователей на книжкахъ и листахъ. Это цѣлое организованное общество мошенниковъ изъ крестьянъ и рабочихъ. Было допрошено до тридцати свидѣтелей. Я, какъ и въ предъидущіе разы, выбранъ старшиною. Предсѣдатель тотъ же Якоби, отличающійся способностями и благородствомъ. Прокуроръ — молодой, даровитый человѣкъ, имя котораго я забылъ, хотя послѣ засѣданія познакомился съ нимъ. Изъ пяти адвокатовъ, очень добросовѣстно дѣлавшихъ свое дѣло, одинъ только надоѣлъ всѣмъ такою запутанностью рѣчи и безпрестаннымъ повтореніемъ одного и того же, что предсѣдатель, всегда сохраняющій невозмутимое спокойствіе, принужденъ былъ замѣтить ему, что говоря такъ долго и много, онъ ничего не сказалъ, видимо не знакомъ съ дѣломъ и просилъ его не искушать болѣе терпѣніе суда и присяжныхъ. Было уже около четырехъ часовъ,

когда мы вынесли вердиктъ довольно снисходительный, потому что не было доказано, чтобы кто нибудь изъ подсудимыхъ самъ поддѣлывалъ печати, что должно было-бы увеличить и кару. Трехъ совсѣмъ оправдали за ихъ чистосердечное признаніе и молодость—двухъ мужчинъ и одну женщину. Они очевидно были жертвами главнаго плута и не сознавали, что дѣлали. Было, разумѣется, нѣсколько перерывовъ засѣданія. Въ четыре часа намъ дали часъ для обѣда, препроводили насъ подъ стражею въ одну изъ залъ суда, куда изъ буфета и былъ принесенъ обѣдъ, довольно сносный, съ платою по 50 коп., кромѣ чая и вина. Къ великому моему удовольствію, я не чувствовалъ ни малѣйшей усталости. Только часовъ около десяти у меня начала побаливать голова, но это скоро прошло послѣ небольшаго перерыва засѣданія, когда намъ позволено было напиться чаю.

Есть у насъ цѣлая клика, состоящая изъ газетныхъ дѣятелей, ремесло которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы красть репутаціи и продавать ихъ на рынкѣ публичныхъ толковъ. Они получаютъ за это отъ редакціи извѣстный гонораръ, чѣмъ и живутъ.

— 16. Вторникъ. Вчера былъ послѣдній день моихъ засѣданій въ окружномъ судѣ, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. Разсматривались четыре небольшихъ дѣла, и я два раза попалъ въ очередь и, какъ и въ прежніе разы, былъ избранъ въ старшины. По окончаніи послѣдняго дѣла, предсѣдатель Якоби обратился ко мнѣ и выразилъ благодарность суда за то, что я раздѣлилъ съ ними труды, хотя могъ бы и не принимать на себя званія присяжнаго. Я отвѣчалъ, что съ такимъ предсѣдателемъ труда было немного и что я считалъ своей обязанностью не уклониться отъ этого важнаго общественнаго долга. Мои товарищи, присяжные, тоже отнеслись ко мнѣ съ теплыми и радушными словами за мое участіе въ ихъ трудахъ, на что я отвѣчалъ, что мнѣ было не тяжело исполнять мои обязанности при содѣйствіи такихъ добросовѣстныхъ и разсудительныхъ товарищей. Итакъ я разстался съ судомъ очень дружески, не исключая самихъ сторожей, хранившихъ мою шинель и калоши, которыхъ я наградилъ монетами.

Недѣли двѣ тому назадъ было въ Петербургѣ наводненіе, нѣсколько напоминавшее наводненіе 7 ноября 1824 года. Вода поднялась почти до 10 футовъ (7 ноября она доходила до 19-ти).

Низменныя части города и теперь довольно пострадали. Вода залила подвалы и выходила на улицы. Буря потопила много барокъ и поломала много деревьевъ. Всѣ предшествовавшіе и послѣдующіе дни дулъ сильный югозападный вѣтеръ.

— 21. Воскресенье. Столѣтній юбилей Горнаго корпуса. Я назначенъ депутатомъ отъ Академіи наукъ для поднесенія поздравительнаго адреса, мною же написаннаго. Сегодня было молебствіе въ церкви института. Публики ленточной и звѣздоносной собралось множество, но среди нея, однако, не было ни одного министра, кромѣ Д*. Службу совершалъ епископъ Леонидъ, который самъ воспитывался нѣкогда въ Горномъ корпусѣ. Священникъ Рудаковъ истомилъ насъ весьма длинной исторіей института. Послѣ молебна посѣтители были угощены завтракомъ въ прекрасно убранной залѣ. Я почти все время за завтракомъ проговорилъ съ адмираломъ Посьетомъ. Видѣлся со многими знаменитостями духовными и свѣтскими.

— 22. Понедѣльникъ. Актъ въ Горномъ институтѣ. Депутацій отъ разныхъ ученыхъ заведеній и обществъ было несмѣтное множество. Сперва принесли свое поздравленіе и прочли рѣчи депутаты отъ Парижской академіи (знаменитый Добре), потомъ бельгійскій депутатъ, сѣверо-американскій и изъ Франкфурта. Я прочиталъ чисто и внятно свой адресъ.

Изъ иностранныхъ депутатовъ самое интересное лицо былъ Добре. Француза сейчасъ можно отличить отъ всякаго другого, а въ этомъ было что-то особенно привлекательное и человѣчное. Другіе господа были какъ-то дубоваты. Особенно отличился бельгіецъ, съ виду похожій на Донъ-Кихота. Онъ не говорилъ, а кричалъ, со смѣшною напыщенностью. Депутатовъ пригласили на обѣдъ, который, какъ всѣ подобные обѣды, былъ очень шуменъ и скученъ, по крайней мѣрѣ для меня.

— 30. Вторникъ. Странно, что въ характерѣ Бисмарка никто не замѣтилъ одной господствующей черты — это глубочайшаго презрѣнія къ людямъ.

Ноябрь.—2. Пятница. Есть одна сторона въ характерѣ русскаго народа, о которую разбиваются всѣ гипотезы, всѣ теоріи о его судьбѣ и назначеніи, всѣ утопіи о его величіи и благосостояніи — сторона эта отсутствіе въ немъ серьезности. Онъ ничего серьезно не думаетъ, не предпринимаетъ, не дѣлаетъ,

ничему серьезно не вѣритъ. Не ищите у него ничего прочнаго, опредѣленнаго. Онъ уменъ, но именно настолько и для того, чтобы постичь тщету всего умнаго на землѣ. По природѣ онъ добродушенъ, иногда готовъ широко размахнуться, какъ будто намѣренъ дѣлать что то очень большое. Большое это, однако, окончится тѣмъ, что онъ запьется, заворуется, забуянитъ даже до разбоя. Въ эти дни онъ становится безобразенъ. Его надобно тогда, какъ говорится, прибрать, связать ему руки и ноги, что и дѣлаетъ обыкновенно власть. Вотъ почему онъ такъ увѣренъ въ необходимости власти: она спасаетъ его отъ самого себя. Это единственная вещь, на которую онъ смотритъ серьезно.

— 5. Понедѣльникъ. Величайшій недостатокъ системы графа Толстаго не въ ней самой, но въ способѣ, какимъ она приводится въ исполненіе. Способъ этотъ—слишкомъ рѣзкій, крутой и исключительный поворотъ на классическое такъ называемое образованіе. Основная мысль системы, что надобно юношество, зараженное глупыми тенденціями и легкомысленнымъ отношеніемъ къ умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ вопросамъ, обратить къ серьезному, строгому умственному труду, мысль эта справедлива, какъ нельзя болѣе. Есть также много справедливаго и въ томъ, что классическая почва можетъ содѣйствовать упрощенію этого труда. Но во-первыхъ, такую важную реформу нельзя было провести однимъ ударомъ пера, не приготовивъ публику къ ней нѣкоторою постепенностью, напримѣръ, учрежденіемъ сперва нѣсколькихъ гимназій съ греческимъ языкомъ. Во-вторыхъ, не воспрещать доступа въ университетъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые кончили успѣшно общее гимназическое образованіе съ латинскимъ языкомъ, по крайней мѣрѣ, въ факультеты медицинскій и физико-математическій. И вообще у администраціи есть и другія средства усилить преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ, не заставляя насильственно учиться имъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣрами не столь крутыми, можно было достигнуть того, что лѣтъ черезъ пять или шесть классическая система утвердилась бы у насъ, безъ натяжекъ и крайностей, не возбуждая всеобщаго ропота и неудовольствія, и принесла-бы хорошіе плоды при твердой и послѣдовательной поддержкѣ администраціи.

— 6. Вторникъ. Не должно искать милости людей, но надобно избѣгать ихъ непріязни.

— 8. Четвергъ. Во Франціи установилась диктатура Макъ-Магона, который ничѣмъ не лучше Базена. Видно придется исторіи сказать, что Тьеръ создалъ республику своимъ патріотизмомъ и погубилъ ее своею нерѣшительностью и бездѣйствіемъ. Дѣло, впрочемъ, не въ Тьерѣ и не въ республикѣ, а въ томъ, что нѣсколько интригановъ могутъ располагать судьбою такого народа, какъ французскій.

Какъ примирить мысль о Провидѣніи съ безчисленнымъ числомъ золъ, удручающихъ человѣчество? Надобно отказаться или отъ вѣры въ благость Провидѣнія, или отъ сочувствія къ страданіямъ нашихъ братій.

Я живъ, я чувствую и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья.

Вѣра, вѣра, но вѣдь и любовь къ людямъ что нибудь значитъ.

— 11. Воскресенье. Вечеръ я еще готовъ провести не дома, но быть на такъ называемомъ званномъ обѣдѣ для меня невыносимое бремя, хотя-бы этотъ обѣдъ состоялъ изъ драгоцѣннѣйшихъ яствъ.

Вечеръ у Владимірскаго. Здѣсь познакомился съ извѣстнымъ скульпторомъ, творцомъ памятника Екатерины — Микѣшинымъ. Это человѣкъ очень красивой наружности, пріятный въ манерахъ, которыми и рисуется подъ покровомъ простоты.

— 21. Среда. Читалъ Майкову мою статью о его „Двухъ мірахъ“. Онъ остался въ полномъ удовольствіи. Онъ привезъ мнѣ и послѣднее изданіе своихъ стихотвореній въ 3-хъ томахъ.

Майковъ хочетъ свой переводъ съ комментаріями „Слова о полку Игоря“ представить въ Академію на Уваровскую премію. Онъ желаетъ моего совѣта и содѣйствія. Разумѣется, и первый данъ ему и второе обѣщано съ полною готовностью.

— 24. Суббота. Войска движутся по всѣмъ улицамъ до зданій Аничкова дворца, Публичной библіотеки и театра, гремятъ пушки: совершается открытіе памятника Екатеринѣ II.

— 26. Понедѣльникъ. Ходилъ посмотрѣть памятникъ. Онъ прекрасенъ и безъ сомнѣнія займетъ мѣсто, лучшими между европейскими памятниками.

Очень занятъ приготовленіемъ отчета II Отдѣленія Академіи къ годичному акту. Это каждый годъ составляетъ мою заботу.

Трудно повторять одно и тоже, но при томъ такъ, чтобы оно не казалось повтореніемъ.

Никакое настоящее не въ правѣ сказать прошедшему: зачѣмъ это было такъ, или это иначе—ни будущему: будь такимъ и такимъ.

Ко многому можно быть совершенно индифферентнымъ по пословицѣ: на всякое чиханье не наздравствуешься. Можно говорить: мнѣ все равно, но когда дѣло идетъ о наукѣ, объ искусствѣ, объ общественныхъ нравахъ, тогда не произносить своего мнѣнія и не подавать голоса—было-бы преступленіемъ.

— 29. Четвергъ. Обѣдалъ у министра. Онъ много разсказывалъ о безпутствѣ въ провинціяхъ........

Декабрь.—1. Суббота. Вечеромъ у И. П. Корнилова. Бесѣда съ двумя священниками—Васильевымъ, бывшимъ при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, и Янышевымъ, ректоромъ Духовной академіи. Оба образованнѣйшіе люди въ нашемъ бѣломъ духовенствѣ и пользуются большимъ значеніемъ.

— 6. Четвергъ. Можетъ-ли безобразное зрѣлище дѣлъ и судебъ человѣческихъ вызвать въ душѣ самого кроткаго и сговорчиваго человѣка, что нибудь кромѣ презрѣнія и недовѣрія къ нравственному порядку вещей, будто-бы хранимому и поддерживаемому высшею разумною силою! Что эта сила есть, въ этомъ можетъ сомнѣваться только идіотъ или такой мудрецъ, который, по словамъ одного умнаго аѳинянина, отъ большой учености сдѣлался дуракомъ. Но эта сила, установивъ разъ законы, по нимъ и дѣйствуетъ неуклонно, и все другое дѣйствуетъ также. Все такъ есть, какъ должно быть, иначе быть не можетъ. Всемогущество само себя въ своемъ творчествѣ опредѣлило, что бы не сказать связало законами, и отступить отъ нихъ, значило бы противорѣчить самому себѣ.

А мораль всего этого? Та, которую я себѣ предписалъ въ видѣ девиза на плохомъ моемъ портретѣ, писанномъ, по желанію моей матери, когда мнѣ было лѣтъ 16, въ Острогожскѣ: „Мудрость есть терпѣніе“.

Меня хотятъ избрать въ члены Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Пожалуй. Мнѣ любопытно знать, куда оно

идетъ. И можетъ-ли тамъ быть соединенъ разумъ со свободою и съ религіей? Членами его многіе умные и почетные люди духовные и свѣтскіе, а предсѣдателемъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Начало моему избранію положили священники Васильевъ и Янышевъ, вмѣстѣ съ И. П. Корниловымъ.

— 13. Четвергъ. Въ засѣданіи II Отдѣленія. Избраны въ члены-корреспонденты графы Левъ Толстой и Алексѣй Толстой.

Страшный Самарскій голодъ. Администрація не принимала никакихъ мѣръ къ его предупрежденію, а только велѣно настоятельно собирать недоимки. Продавали скотъ и все прочее у крестьянъ.

Боязнь погрѣшить противъ истины, часто бываетъ причиною излишнихъ колебаній.

Вожусь съ отчетомъ по II Отдѣленію. Глаза мѣшали работать, а времени остается немного.

. . . .

— 14. Пятница. Самоубійства сдѣлались хроническимъ зломъ въ нашей Богомъ хранимой Россіи. Жаль, что у насъ не собираются статистическія свѣдѣнія о причинахъ этого явленія, а просто извѣщается въ газетахъ: отравилась, застрѣлилась, или отравился, застрѣлился, повѣсился, такая-то или такой-то. Не служатъ-ли отчасти причиною этого, по крайней мѣрѣ, въ сословіи болѣе образованномъ, увеличившіяся, вслѣдствіе новыхъ потребностей, желанія безъ средствъ удовлетворить ихъ или слабость характера, не имѣющая нравственно-религіозной поддержки при извѣстномъ развитіи понятій?

— 17. Понедѣльникъ. Надняхъ только удостовѣрились, что въ Самарской губерніи дѣйствительно свирѣпствуетъ голодъ уже съ самаго начала осени..........

Вотъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ Сидонскій умеръ. Надняхъ его хоронили. Онъ былъ боленъ всего дня два: его сразила жаба. Говорятъ, послѣ него осталось денегъ двугривенный.

Въ недавнее время произошло столько смертей, болѣе или менѣе неожиданныхъ, что мысль о смерти невольно западаетъ въ душу. Люди моихъ лѣтъ очень часто умираютъ—мысль эта стала нерѣдко посѣщать меня. Люди почти никогда не бываютъ готовы къ ней. То того не успѣли они додѣлать, то въ томъ раскаяться, или то, или это исправить, не успѣли и семейства обез-

печить и проч. и проч. Я совершенно нахожусь въ томъ же положеніи. Вотъ и тѣло видимо изнашивается: то тамъ, то здѣсь появляются на немъ прорѣхи, требующія медицинской починки.

— 19. Среда. Собраніе литераторовъ въ квартирѣ В. П. Гаевскаго, по поводу изданія литературнаго сборника въ пользу голодающихъ самарцевъ. Назначенъ между прочимъ издательскій комитетъ, членами котораго были большинствомъ голосовъ избраны: Краевскій, Гончаровъ, Некрасовъ и я. Прежде были еще избраны князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій казначеемъ, а Ефремовъ—секретаремъ. Всѣхъ литераторовъ въ сборѣ было 27 человѣкъ. Поздно уже пришелъ Микѣшинъ для совѣщанія о присоединеніи къ нашему сборнику художественнаго альбома. Сборникъ нашъ названъ „Складчиной".

Иные слишкомъ довѣрчиво принимаютъ извѣстное правило, что всѣ люди, какъ существа несовершенныя, подвержены разнымъ недостаткамъ и слабостямъ, и вслѣдствіе этого слишкомъ легко смотрятъ на собственные свои недостатки и слабости и простираютъ предѣлы ихъ гораздо далѣе неизбѣжнаго.

— 24. Понедѣльникъ. Я не намѣренъ нынѣшній разъ присутствовать на академическомъ актѣ, предоставивъ чтеніе моего отчета Гроту. Сегодня я отослалъ Гроту мое сочиненіе. Въ немъ, кромѣ отчета, три біографическихъ очерка, или, лучше сказать, характеристики умершихъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ: Бенедиктова, Тютчева и Максимовича.

— 25. Вторникъ. Рождество Христово. Среди всяческихъ колебаній и недоумѣній, возбуждаемыхъ въ насъ различными вліяніями со стороны внѣшняго порядка вещей и со стороны собственной нашей мыслительности, мы должны отыскать въ себѣ точку опоры для своихъ дѣйствій—и, какъ эта точка опоры, по свойству разума нашего, не можетъ не находиться въ отношеніи къ всеобщему, то тутъ естественно открывается необходимость въ высшихъ истинахъ или понятіяхъ, составляющихъ одно съ этимъ всеобщимъ.

. . . .

— 31. Понедѣльникъ. Конецъ 1873 года.

1874 годъ.

Январь.—1. Вторникъ. Часа за три до Новаго года я получаю отъ И. Д. Д.* карточку съ слѣдующей надписью. „И. Д. Д.* спѣшитъ поздравить съ орденомъ Бѣлаго Орла". Это меня крайне удивило. Правда, мѣсяца за два передъ этимъ В. Я. Буняковскій объявилъ мнѣ, что меня хотятъ представить къ Бѣлому Орлу. Я счелъ это за простое предположеніе или желаніе добраго Виктора Яковлевича и забылъ про это. Если это награда за какія нибудь особенныя заслуги, то я совершенно ее не заслуживаю; если же это такъ, за простое продолженіе службы, заурядная форма, то чтоже она значитъ? А теперь вотъ я и получаю поздравленіе, какъ за совершившійся фактъ.

У меня для встрѣчи Новаго года была приготовлена, по обыкновенію, бутылка шампанскаго и мы, т. е., я и мои домашніе встрѣчали его съ бокалами довольно живо, если не весело, и просидѣли до половины 2-го часа ночи.

Глаза мои не совсѣмъ оправились, особенно лѣвый глазъ, и докторъ Блессигъ не велѣлъ мнѣ еще выходить на воздухъ до среды, когда онъ обѣщалъ пріѣхать.

Рѣдко власть принадлежитъ умнѣйшимъ, еще рѣже людямъ честнымъ.—Но людямъ того и другого рода вмѣстѣ почти никогда.

— 4. Пятница. Сегодня напечатанъ въ газетахъ манифестъ о военной повинности, а въ „Голосѣ" хвалебная, впрочемъ умная и дѣльная статья объ этомъ законѣ.

— 6. Воскресенье. Безконечные толки о рескриптѣ. Нѣтъ ни одного человѣка, который не былъ бы изумленъ . . . . Публика приписываетъ его Валуеву . . . .

. . . .

— 7. Понедѣльникъ. Въ газетахъ разсказываются странныя вещи о Медицинской академіи. Все это направлено противъ военнаго министра, съ которымъ министръ народнаго просвѣщенія пререкался жестоко по поводу военной повинности. Послѣдній былъ противъ льготъ по образованію; Милютинъ ихъ отстаивалъ и успѣлъ отстоять. Затѣмъ министръ народнаго просвѣщенія употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы Медицинскую академію

взять въ свои руки; вотъ изъ за чего возникла новая борьба . .

. . . .

— 8. Вторникъ. Получилъ приглашеніе на обѣдъ во Дворецъ 11-го числа по случаю бракосочетанія великой княжны. Не поѣду. Да и мундиръ мой плоховатъ для такого торжественнаго дня.

Февраль.—5. Вторникъ. Странная зима—она вся состоитъ изъ скачковъ: оттепель до того, что начиналась ѣзда на дрожкахъ дня три или четыре, потомъ морозъ, доходившій иногда градусовъ до 10-ти тоже дня два или три, потомъ снова оттепель и т. д. Доходило нерѣдко и до дождя.

— 8. Пятница. Въ пользу голодающихъ самарцевъ литераторы предприняли издать сборникъ и назвали его „Складчиной". По этому поводу было собраніе и избрали въ издательскій комитетъ меня, Гончарова, Краевскаго и Некрасова; князя Мещерскаго казначеемъ и Ефремова секретаремъ. По поводу этого возникла буря. „Московскія Вѣдомости", по обыкновенію своему, приписали этому дѣлу какое то зловредное направленіе. Теперь сторонники ихъ кричатъ, зачѣмъ въ комитетъ назначены Некрасовъ и Краевскій... Одинъ изъ таковыхъ напалъ на Гончарова, а сегодня и на меня. Гончаровъ, который тоже былъ у меня, учинилъ сильный отпоръ, а я объявилъ, что мнѣ нѣтъ дѣла ни до Краевскаго, ни до Некрасова, а дѣло въ томъ, что надобно помочь страдающимъ отъ голода, и напримѣръ Краевскій необходимъ, какъ мастеръ издательской механики. Выходитъ, что у насъ ни одно благое начинаніе не можетъ обойтись безъ того, чтобы его не осквернили тѣ же самые люди, которые должны были бы ему содѣйствовать.

Надняхъ посѣтилъ меня Туловъ, изъ Кіева, привезшій, между прочимъ, мнѣ любезный, дружественный поклонъ отъ Юзефовича. Онъ показался мнѣ почтеннымъ и умнымъ старикомъ.

— 9. Суббота. Былъ у меня Алексѣй Яковлевичъ Мейснеръ. Онъ пришелъ просто познакомиться со мною и изъявить мнѣ, какъ онъ говорилъ, свое уваженіе, особенно за статью о Бенедиктовѣ, съ которымъ съ дѣтства онъ былъ очень друженъ.

— 13. Среда. Провелъ до половины 6-го время въ комитетѣ „Складчины", и все было въ наилучшемъ порядкѣ.

— 19. Вторникъ. Былъ у министра народнаго просвѣще-

нія съ изъявленіемъ благодарности по полученіи знаковъ Бѣлаго Орла. Принятъ имъ съ прежнимъ радушіемъ и чрезвычайно любезно. Говорилъ онъ о печальномъ направленіи умовъ молодаго поколѣнія и о единственномъ средствѣ противъ нравственнаго зла, заражающаго эти умы. Средство это—серьезный умственный трудъ и хорошая классическая школа. Да, но жаль только, что за послѣднюю взялись слишкомъ круто. Нѣкоторая постепенность и снисхожденіе къ требованіямъ и даже предразсудкамъ отцовъ и матерей лучше обезпечивали бы успѣхъ.

Нынѣшніе психологи, особенно англійской школы, похожи на гробокопателей, которые, роясь въ могилахъ, отрываютъ кости и цѣлые остовы людей, сортируютъ ихъ, могутъ даже складывать и раскладывать ихъ по возрастамъ, поламъ и пр., но никакъ не въ состояніи возсоздать изъ нихъ человѣческаго образа.

Четыре силы управляютъ міромъ—деньги, умъ, красота и слово. Иные могутъ еще прибавить—мечъ. Но мечъ не управляетъ міромъ, а преобразуетъ его.

— 24. Воскресенье. Обыкновенный годичный обѣдъ въ Римско-Католической академіи по случаю храмоваго праздника въ ихъ церкви. Между прочими тостами былъ предложенъ и мой, съ маленькою рѣчью, директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, графомъ Сиверсомъ. Многія лѣта (по латыни), ура и другія любезности.

Есть грубыя и пошлыя натуры, которыя, подъ предлогомъ стремленій къ прогрессу и либеральнаго образа мыслей, кидаютъ грязью во всякую мысль, которая не имѣетъ счастья имъ нравиться.

— 26. Вторникъ. Въ засѣданіи Общества любителей христіанскаго просвѣщенія, гдѣ я избранъ членомъ. Ф. читалъ свое полемическое сочиненіе противъ Нильскаго, профессора духовной академіи, о снятіи проклятія съ раскольниковъ, наложеннаго на нихъ опредѣленіемъ Московскаго Собора 1667 года моя 13. Чтеніе было очень длинно, продолжалось часа три съ половиною. Ф. истощимъ въ немъ большой запасъ свѣдѣній объ этомъ соборѣ . . . .
Основная мысль его, что пора снять проклятіе съ раскольниковъ-единовѣрцевъ хороша. Было тоже заявлено секретаремъ о сочувствіи, которое питаютъ къ намъ старокатолики, думающіе о

соединеніи ихъ церкви съ нашею. Въ собраніи присутствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, слѣдившій за чтеніемъ съ большимъ вниманіемъ.

Мартъ.—2. Суббота. Похороны академика Якоби. Многочисленная публика собралась въ церкви Св. Екатерины на Васильевскомъ островѣ; многіе пошли за гробомъ на Смоленское кладбище. Я, пройдя нѣкоторое разстояніе, воротился домой. Погода была гнусная. Пронзительный вѣтеръ сквозь шубу пробиралъ до костей.

— 3. Воскресенье. У Г., который самъ пріѣзжалъ просить меня на вечеръ. У него происходило чтеніе „Кассандры“ переведенной Майковымъ изъ Эсхила. Нечего и говорить, что переводъ прекрасный и чтеніе вышло очонь занимательное, тѣмъ болѣе, что не было и длинно. Здѣсь познакомили меня съ Лѣсковымъ, авторомъ извѣстнаго и, какъ говорятъ очень хорошаго романа, „Соборяне“.

А поутру былъ у графини А. Д. Блудовой, передъ которой долженъ былъ, между прочимъ, извиниться, что въ пятницу не явился вечеромъ на ея любезное приглашеніе; она была именинница. У меня сильно разболѣлась голова.

— 10. Воскресенье. Представлялся Государю въ Зимнемъ Дворцѣ. Я сперва выслушалъ обѣдню въ Круглой залѣ, въ которой находилось множество всякаго рода лентъ и звѣздъ. Насъ представлялось пять человѣчъ—два предводителя дворянства: одинъ Саратовскій, пріѣхавшій съ адресомъ по поводу извѣстнаго рескрипта на имя министра народнаго просвѣщенія, другой еще какой-то губерніи, еще одинъ, какой-то камергеръ или камерюнкеръ и я. Государь подошелъ ко мнѣ. Трудно изобразить пріятную улыбку и ласковый тонъ, съ которыми онъ сказалъ: „Благодарю васъ, благодарю Васъ за вашу ревностную и вѣрную службу. Я увѣренъ, что и далѣе вы будете продолжать ее съ тою же пользою. Еще разъ благодарю“.

— 13. Среда. Засѣданіе въ Обществѣ любителей христіанскаго просвѣщенія. Т. И. Ф. продолжалъ свое чтеніе. На этотъ разъ онъ читалъ свои опроверженія на возраженія отца Іосифа Васильева. Рѣчь его сильна аргументаціею, ссылками на всевозможные авторитеты Восточной церкви и даже истинно краснорѣчива. Замѣчательно особенно было то мѣсто, гдѣ онъ

говорилъ о необходимости для нашей церкви слѣдовать болѣе духу вѣры, нежели держаться одной обрядности, и настаивалъ на томъ, чтобы отмѣнены были репрессивныя мѣры противъ нашихъ единовѣрческихъ раскольниковъ за ихъ преданность древнимъ обрядамъ, и сложено было проклятіе собора 1667 года 13 мая посредствомъ сношенія съ восточными патріархами или посредствомъ новаго собора. Онъ говорилъ тоже объ оскудѣніи духа жизни въ нашей церкви—это было смѣло и свободно. Все было бы хорошо; но эпилогъ или конецъ испортилъ. Ораторъ выразилъ жалобу на нападки Нильскаго, который, будто бы, приписывалъ ему какія то заднія и личныя намѣренія и заключилъ тѣмъ, что оставляетъ Общество, не желая подавать въ немъ поводъ къ смутамъ. Затѣмъ Ф. торжественно сошелъ съ каѳедры и вышелъ изъ собранія. . . . .

— 16. Суббота. У И. П. Корнилова. Видѣлся съ Т. И. Ф. и говорилъ съ нимъ о его рѣчи въ среду. Я выразилъ ему мое искреннее одобреніе ея, но замѣтилъ съ сожалѣніемъ, что конецъ ея, заключающій въ себѣ личную полемику противъ Нильскаго, не соотвѣтствовалъ всему прекрасно сказанному ранѣе и особенно непріятно поразило всѣхъ удаленіе его, Ф., изъ Общества и собранія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что къ этому онъ былъ вынужденъ неблагопріятными и грубыми противъ него выходками самого Нильскаго и другихъ антагонистовъ по возбужденному имъ вопросу о единовѣріи. По словамъ Ф., онъ иначе поступить не могъ. Я сказалъ, что во всякомъ случаѣ ему никакъ не слѣдуетъ оставлять Общества: онъ началъ важное дѣло и долженъ его продолжать. . . . .

Я крайне недоволенъ собою за то, что позволилъ себѣ не совсѣмъ благопріятно отзываться о публичныхъ лекціяхъ Миллера, который заслуживаетъ порицанія за свое пристрастное отношеніе къ писателямъ, которыхъ извѣстная литературная клика—а съ нею вмѣстѣ и онъ—или безмѣрно восхваляетъ, или унижаетъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ слѣдовало воздержаться отъ осужденія, не давъ предварительно замѣтить осуждаемому о его ошибкахъ.

— 17. Воскресенье. Три главныя способности, отличающія человѣка отъ животныхъ: способность обобщать представленія,

языкъ и воля—истина давно извѣстная, но въ наше время подвергающаяся сомнѣнію и даже отрицанію.

. . . .

— 23. Суббота. Послѣднее засѣданіе издательскаго комитета „Складчины“, которая совсѣмъ отпечатана и сдана въ цензуру, гдѣ она должна пробыть семь дней. Сборникъ вышелъ огромный, изъ 45-ти листовъ.

Вечеромъ состоялось собраніе литераторовъ, въ которомъ прочитанъ былъ отчетъ нашего издательскаго комитета и избрана комиссія для пріема и разсылки сборника. Избраны: Семевскій, Гербель и Николай Курочкинъ.

Конецъ вечера я провелъ у Богдановой, гдѣ познакомился съ Яхонтовымъ, Александромъ Николаевичемъ, дворянскимъ предводителемъ Псковскаго уѣзда.

— 26. Вторникъ. Не смѣшно ли, что я съ такою точностью заношу всякую мелочь въ мой Дневникъ? Съ незапамятныхъ временъ, съ самаго почти дѣтства моего, главнымъ правиломъ моимъ было—наблюдать за самимъ собою. Много лѣтъ это наблюденіе, вмѣстѣ съ контролемъ, ограничивалось исключительно нравственною и умственною сферою, безъ малѣйшаго отношенія къ моему физическому положенію и здоровью. Я все таращился къ моему нравственному идеалу, къ исполненію моихъ человѣческихъ обязанностей и, разумѣется, дѣлалъ много глупостей. Но съ нѣкотораго времени, когда здоровье мое начало подвергаться разнымъ испытаніямъ, я къ нравственно-умственному самонаблюденію присоединилъ и физическое и можетъ быть только этому обязанъ нѣкоторымъ сохраненіемъ здоровья.

Тѣлесная оболочка видимо изнашивается: глаза слабѣютъ, но болѣе всего меня донимаютъ проклятые головные толчки.

Люди, проповѣдующіе новыя нравственныя и общественныя ученія, считаютъ себя великими мудрецами и на всѣхъ прочихъ смертныхъ смотрятъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Недостаточно ли этого одного для доказательства, что они ошибаются?

— 28. Четвергъ. „Складчина“ вышла въ свѣтъ.

— 30. Суббота. „Складчину“ берутъ на расхватъ. Первая серія, выпущенная изъ типографіи—2000 экземпляровъ, разошлась въ эти дни.

— 31. Воскресенье. Свѣтлое Христово Воскресенье.

Ужасная погода! дождь, холодъ.

Апрѣль.—1. Понедѣльникъ. Обѣдалъ у графини Блудовой, гдѣ познакомился съ княземъ Трубецкимъ, бывшимъ губернаторомъ воронежскимъ, а теперь егермейстеромъ при Дворѣ.

— 3. Среда. Безконечные толки о картинахъ Верещагина, выставленныхъ въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, куда уже недѣли три стекаются несмѣтныя толпы народа. Я покусился было тоже надняхъ посмотрѣть эти, какъ увѣряютъ нѣкоторые, чудеса искусства, но встрѣтивъ несокрушимую стѣну спинъ человѣческихъ, возвратился вспять. Картины эти, говорятъ, изображаютъ разные эпизоды Хивинскаго похода; тутъ все ужасы. . . . .

. . . . . . Говорятъ, были особенно недовольны двумя или тремя картинами, которыя и сняты, и утверждаютъ, что раздраженный художникъ ихъ сжегъ. По этому поводу разсказываются странныя и нелѣпыя вещи. Но извѣстно, какъ достовѣрны всѣ подобные разсказы. Я всегда вычитаю изъ нихъ $99^3/_4$ и остальное иногда оказывается вѣрнымъ.

Вообще невообразимый хаосъ господствуетъ въ мнѣніяхъ и толкахъ нашей публики, и тотъ остался бы въ страшныхъ дуракахъ, кто въ чемъ бы то ни было положился бы на такъ называемое у насъ общественное мнѣніе.

— 8. Понедѣльникъ. Написано и отправлено письмо къ князю П. А. Вяземскому въ Гомбургъ, близъ Франкфурта на Майнѣ.

Человѣкъ, умѣющій дѣлать что нибудь хорошо—писать стихи, картины, строить дома и проч.—освобождается ли отъ другихъ существенныхъ обязанностей хорошаго человѣка?

Вѣрный признакъ ничтожности человѣка, когда онъ съ важностью разсказываетъ о пустякахъ, относящихся къ извѣстнымъ личностямъ, желая дать знать о себѣ, что онъ былъ свой между ними. Таковъ мой старый пріятель А. Н. С. въ своихъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ „Старинѣ“.

—12. Пятница. Наши доморощенные либералы виноваты не тѣмъ, что думаютъ и составляютъ предположенія о различныхъ свободныхъ учрежденіяхъ, о радикальномъ уничтоженіи разныхъ аномалій и злоупотребленій, накопившихся у насъ издавна—а

тѣмъ, что считаютъ возможнымъ немедленное осуществленіе того, что надумалъ ихъ умъ и желаетъ ихъ либерализмъ.

— 17. Среда. Письмо отъ князя П. А. Вяземскаго—милое, умное, теплое письмо.

— 24. Среда. Цѣлый годъ не собиралась Комиссія объ учрежденіи центральной государственной типографіи и сегодня было назначено засѣданіе. Какъ всѣ наши административныя комиссіи и комитеты, и эта ничего не сдѣлала, да и сдѣлать не могла уже потому, что самое дѣло, для котораго ее выдумали, дѣло фальшивое, нужное только одному человѣку—чиновнику, изобрѣтшему ее для своихъ выгодъ. Однако намъ угрожаютъ еще засѣданія два или три, такъ для приличія, чтобы показать, что хотя ничего не сдѣлали, а всетаки дѣлали. Вездѣ обманъ и ложь!

— 25. Четвергъ. Собраніе литераторовъ, составляющихъ издательскій комитетъ, у М. И. Семевскаго, распоряжающагося разсылкою „Складчины". Онъ прочиталъ намъ весьма обстоятельный отчетъ того, что до сихъ поръ сдѣлано. Отослано въ Самару уже болѣе 10,000 рублей и за бумагу заплочено. Остается еще около пяти тысячъ не проданныхъ экземпляровъ книги. Въ числѣ присутствовавшихъ, между прочимъ, были Некрасовъ (какъ членъ комитета) и Салтыковъ.

Май.—1. Среда. Весь апрѣль дышалъ на насъ свирѣпыми сѣверо-восточными вѣтрами, хотя нерѣдко свѣтило солнце, особенно по утрамъ. Вотъ май, цвѣтъ всѣхъ временъ года и радость людей, далеко живущихъ отъ полюса. Но жизненная сила мертва въ нашей флорѣ; даже почки не показываются на деревьяхъ, не только листья. А сегодня въ честь весны гулянье въ Екатерингофѣ. Все здѣсь ложь и въ людяхъ и въ природѣ. Впрочемъ люди же выдумываютъ на природу то, чего въ ней нѣтъ. Полиція предлагаетъ народный праздникъ въ честь мая и весны: надобно вѣрить ей. Я помню, что во время моего цензорства одинъ изъ моихъ товарищей не хотѣлъ пропустить въ фельетонѣ газеты неблагопріятнаго отзыва о петербургской погодѣ, говоря, что это оскорбляетъ отечество.

— 3. Пятница. Я знаю, что немногіе изъ нашихъ литераторовъ смотрятъ безъ непріязни на образъ мыслей, выражаемый мною въ моихъ статьяхъ. Но это ничего не значитъ для меня. Оно не мѣшаетъ и не помѣшаетъ мнѣ быть однимъ изъ

представителей этого образа мыслей. Кто во всю свою жизнь работалъ надъ самимъ собою въ духѣ по возможности лучшихъ доступныхъ ему идей, признанныхъ и наукою, и опытомъ вѣковъ, и собственною своею совѣстью, тотъ, конечно, могъ пріобрѣсти нѣкоторую способность не быть малодушнымъ передъ чужими толками и мнѣніями. Эту свободу я вполнѣ и глубоко уважаю въ другихъ, какъ и въ самомъ себѣ. Да и можетъ ли быть иначе, когда дѣло идетъ о правахъ мысли и истины и когда мы серьезно хотимъ имъ служить? И зачѣмъ этой свободы не допустить и въ литературѣ, которая такъ любитъ и отстаиваетъ свободу? Что она любитъ въ то же время любовь свою проявлять въ извѣстнаго рода вопросахъ—кто по совѣсти станетъ ее упрекать за то? „Въ дому отца обители многи суть". Если кто думаетъ, что ему отведено тамъ мѣсто, то пусть не мѣшаетъ и другимъ идти туда. Да стоитъ ли толковать объ этомъ? Пусть всякій дѣлаетъ, что можетъ, лишь бы дѣлалъ разумно и честно.

— 5. Воскресенье. Все это время погода такъ дурна—холодъ, дождь, по временамъ небольшой снѣгъ—что перестаешь даже считать возможнымъ лѣто на нашемъ ужасномъ сѣверѣ. Ужъ не напрасно-ли нанята дача?

Составлять партіи и тенденціозные союзы и кружки для какихъ нибудь политическихъ цѣлей намъ еще рано. . . . .

Недовольные порядкомъ, или, точнѣе сказать, безпорядкомъ вещей, сѣтуютъ, ропщутъ и втихомолку заявляютъ другъ другу свое неудовольствіе; стоящіе во главѣ этого порядка или безпорядка благоденствуютъ. . . . .

— 8. Среда. Сегодня я эмансипировался отъ шубы, потому что это первый день, похожій на начало весны. Калоши и теплый шлыкъ свой я оставилъ дня два уже прежде.

— 10. Пятница. Сегодня снѣгъ.

Можно досадовать на людей, зачѣмъ они негодяи и беззаконники, а на природу досадовать было бы нелѣпо, потому что за ней ничего подобнаго нѣтъ. Она безгрѣшна, законна и справедлива.

Читая описанія всѣхъ этихъ овацій, какія дѣлаются нѣкоторымъ лицамъ, приходишь къ убѣжденію, что надобно имѣть чрезвычайно крѣпкую натуру, чтобы не одурѣть отъ этого страшнаго количества лжей и лести, которыя приходится имъ глотать.

Однако, это ихъ не убиваетъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ нихъ отъ этого впадаютъ въ неизлѣчимыя болѣзни самообожанія, надутости и проч.

Остерегайтесь слишкомъ горячо провозглашать о вашемъ усердіи къ общему благу, даже если вы совершенно преданы тому, о чемъ говорите. Во-первыхъ, васъ заподозрятъ въ неискренности, а если повѣрятъ, то еще хуже для васъ. Васъ станутъ преслѣдовать какъ пророка, который идетъ наперекоръ всѣмъ и каждому—хорошо, если васъ не побьютъ каменіемъ, а только посмотрятъ какъ на жалкаго юродиваго. Глубокая истина заключается въ словахъ: „не мечите бисера. . . . . ".

— 11. Суббота. Вчера и сегодня снѣгъ и холодъ, 2 и 3° тепла: опять за шубу.

Всякій изъ насъ настолько уменъ, чтобы не допустить другого быть умнѣе себя, и если послѣдній въ глазахъ другихъ окажется такимъ, то надѣлать ему какъ можно болѣе пакостей.

Разительнымъ доказательствомъ нашей умственной недозрѣлости и недостатка серьезнаго образованія служитъ то, что мы измѣряемъ достоинства ума и дарованій только мѣриломъ нашихъ собственныхъ мнѣній и тенденцій. Все несогласное съ ними подвергается безпощадному осужденію. Есть что то ребяческое въ этомъ азартѣ, съ которымъ мы одно возносимъ до небесъ, а другое топчемъ въ грязь. Это, говорятъ, дѣлается по весьма естественной причинѣ—изъ желанія дать перевѣсъ своей мысли или партіи. Но какія у насъ школы, какія партіи? Гдѣ онѣ? Школа предполагаетъ извѣстный способъ разработки истинъ, возникающихъ изъ глубокаго и продолжительнаго изслѣдованія одной какой либо стороны вещей. Это законная форма опредѣленнаго міровоззрѣнія—и потому каждая изъ школъ имѣетъ право существовать, и борьба между ними или антагонизмъ можетъ происходить только или вслѣдствіе недоразумѣній, или вслѣдствіе какихъ либо совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Всѣ онѣ служатъ одному и тому же дѣлу, только въ разныхъ направленіяхъ и въ виду самой возможности служить ему различнымъ образомъ. Школы могутъ существовать только тамъ, гдѣ наука и искусство пустили глубокіе корни и гдѣ они въ состояніи разростаться свободно въ разныя вѣтви. Что касается до партій, ознаменовывающихъ обыкновенно жизнь и движеніе

общества, то онѣ возможны тамъ, гдѣ сказались уже и явственно опредѣлились разные слои общества, разныя его направленія, и гдѣ интересы каждаго изъ этихъ слоевъ и направленій требуютъ соединенія многихъ силъ. Мы до партій еще не доросли. У насъ, напротивъ, индивидуализмъ развитъ до такой степени, что каждое лицо есть партія для самого себя, и какъ скоро нѣсколько лицъ сошлось во имя какой нибудь задачи или идеи, то каждое изъ нихъ думаетъ только о томъ, какъ бы всѣ преклонились передъ нимъ, хотя бы то было во вредъ общей задачѣ или идеѣ. Развѣ это партія?

— 15. Среда. Наше время чрезвычайно богато разнаго рода нравственными искаженіями и особенно въ такъ называемомъ мыслящемъ классѣ. Человѣкъ грубый, необразованный предается какой нибудь мерзости, какъ звѣрь, не будучи въ силахъ обуздать своихъ животныхъ инстинктовъ. Человѣкъ такъ называемаго мыслящаго круга дѣлаетъ то же, но вмѣстѣ съ тѣмъ оправдываетъ свою гнусность теоріей.

Первый теплый день.

— 17. Пятница. Обѣдъ на открытомъ воздухѣ въ Лѣтнемъ саду съ И. А. Новиковымъ. Гуляющихъ было множество. Музыка. Обѣдъ очень хорошій за 1 р. 25 к. День прелестнѣйшій. Деревья начинаютъ распускаться, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя помоложе.

— 18. Суббота. Два ужасныхъ случая. Одинъ воспитанникъ гимназіи застрѣлилъ своего директора, а въ другой гимназіи два такихъ же воспитанника ранили изъ револьвера своего инспектора, который остался живъ.

А самоубійства въ разныхъ видахъ совершаются безпрестанно. Женщины не отстаютъ отъ мужчинъ. Онѣ научились отлично владѣть револьверомъ.

— 19. Воскресенье. Какъ ужасно упала Франція! Столько кровавыхъ жертвъ, чтобы впасть въ какую то тупую апатію и позволять распоряжаться собою такимъ людямъ, какъ генералъ Макъ-Магонъ и шайка негодяевъ, добивающихся денегъ и теплыхъ мѣстъ. И все это ни для кого не тайна. Самыя беззаконныя нарушенія права и всѣхъ общественныхъ и политическихъ приличій совершаются открыто передъ глазами націи, которая какъ то тупо и покорно смотритъ на все это.

Изъ всей безконечной массы прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ людей выработывается небольшое число личностей, которыя и составляютъ собственно настоящее человѣчество, соль земли.

— 22. Среда. Похороны начальницы Смольнаго монастыря Маріи Павловны Леонтьевой. Обѣдня и отпѣваніе происходили въ церкви заведенія. Собраніе было чрезвычайно многолюдное и состояло большею частью изъ дѣвицъ и дамъ всѣхъ выпусковъ, которыми начальствовала покойная. Служилъ митрополитъ Исидоръ съ двумя архіереями и множествомъ священниковъ. Все было величественно и торжественно. Присутствовавшіе, особенно питомицы заведенія, оказали много сочувствія и любви къ усопшей, которая дѣйствительно и заслуживала этого своею добротой и заботливостью о дѣтяхъ. Вообще она была женщина умная и благородныхъ свойствъ, хотя и отличалась нѣкоторою странностью манеръ и можетъ быть излишнимъ пристрастіемъ къ формамъ. Но царедворческаго въ ней ничего не было. Со мною во все время моей службы въ заведеніи она была чрезвычайно дружелюбна, внимательна и ласкова. Она любила литературу и умѣла цѣнить умственныя достоинства. Ей было 85 лѣтъ. Она умерла тихо и спокойно, какъ бы погрузившись незамѣтно въ вѣчный сонъ. За нѣсколько еще часовъ до смерти, она, несмотря на слабость силъ, принимала еще участіе въ дѣлахъ заведенія.

— 26. Воскресенье. Переѣздъ на дачу въ Павловскъ, къ тому же Брауну „Подъ Дубки“.

Съ нѣкотораго времени я нахожусь въ борьбѣ съ моими глазами. Мѣсяца три тому назадъ они заболѣли. Призванъ былъ Блессигъ, прописаны были примочки, мазь и впусканіе капель внутрь глазъ. Съ того времени, хотя положеніе глазъ улучшилось, но всетаки они перестали мнѣ служить, какъ должно. При чтеніи скоро устаютъ, близорукость очевидно усилилась.

— 27. Понедѣльникъ. На дачѣ. Ясно, но холодно.

— 29. Среда. Умеръ баронъ Фредериксъ, добрый хозяинъ, гдѣ я квартирую уже лѣтъ 30 или болѣе.

Отчего частыя самоубійства? Жизнь потеряла всю прелесть отъ чрезмѣрныхъ ли желаній человѣческихъ и невозможности ихъ удовлетворить, или отъ усиленія скорбей, превосходящихъ мѣру человѣческаго терпѣнія? Какъ бы то ни было, а жизнь для

многихъ утратила всю свою прелесть. Дѣйствительность преисполнена страданій, идеалы лишились своего обаянія.

Іюнь.—4. Вторникъ. Весь май прошелъ въ дождяхъ и холодахъ. Іюнь продолжаетъ то же.

— 6. Четвергъ. Обычный экзаменъ въ Римско-Католической академіи. Все въ обычномъ порядкѣ.

— 8. Суббота. Эти люди опошлили возвышенныя стремленія къ свободѣ своимъ ребяческимъ задоромъ, мелкимъ самолюбіемъ--глубокимъ невѣжествомъ во всемъ, что касается человѣческой природы и общественныхъ интересовъ—и непомѣрнымъ словоизверженіемъ, вмѣсто серьезнаго трезваго и строгаго мышленія. Они профанируютъ священное право свободы.

Говорятъ, что нѣкто Благосвѣтловъ обругалъ всѣхъ участвовавшихъ въ „Складчинѣ"...

— 9. Воскресенье. Мы очень хорошо подмѣчаемъ пороки и разныя нравственныя гнусности нашего времени, но создать идеаловъ лучшаго мы не въ состояніи. Тамъ безсиліе однихъ, здѣсь другихъ и все безсиліе.

Только и слышишь однѣ жалобы на среду, какъ будто мы не обязаны въ нее внести ничего своего.

— 10. Понедѣльникъ. Бисмаркъ сдѣлалъ двѣ ошибки: первая—это отнятіе у Франціи двухъ провинцій, что полагаетъ задатокъ новой войнѣ и, можетъ быть, начало ослабленія Пруссіи, слишкомъ вознесшейся, чтобы не впасть естественнымъ путемъ въ реакцію; вторая—это крайнее преслѣдованіе католиковъ.

— 13. Четвергъ. Есть нѣкто литераторъ и журналистъ Благосвѣтловъ. Говорятъ онъ сумасшедшій. Пунктъ помѣшательства его въ томъ, что онъ считаетъ себя величайшимъ мыслителемъ, первымъ писателемъ въ Россіи и человѣкомъ, способнымъ перестроить Россію на новый ладъ не хуже Петра Великаго. Къ сожалѣнію онъ часто впадаетъ въ бѣшенство и изрыгаетъ страшныя ругательства на все и на всѣхъ.

На дняхъ я втрѣтился въ вокзалѣ съ Лонгиновымъ, нынѣшнимъ знаменитымъ начальникомъ печати русской. Онъ никогда не отличался скромностью и умѣренностью въ сужденіяхъ и словахъ и теперь остался такимъ же.

Какія честныя человѣчественныя личности попадаются ме-

жду людьми! И какъ стыдно становится за негодяевъ и мерзавцевъ, повсемѣстное существованіе которыхъ, повидимому уничтожаетъ возможность такихъ личностей!

О современной Франціи не хочется ни думать, ни говорить, ни читать—такъ люди, располагающіе ея судьбою, пошлы, такъ упала политически и морально сама нація.

— 19. Среда. У всякаго изъ такъ называемыхъ образованныхъ людей въ душѣ есть склонность, если не отнимать, принадлежащее другому, то порабощать его умъ и сердце своимъ взглядамъ и идеямъ.

Средній и низшій классъ въ нашей литературѣ, а можетъ быть и во всякой, всегда славился мелочностью страстей и умовъ, старающихся, елико возможно, о томъ, чтобы не допустить другъ друга ни имѣть свое мнѣніе, ни пріобрѣсти какое нибудь значеніе между собратьями.

Я никогда не пропагандировалъ моихъ идей; я только ихъ излагалъ. Пропагандированіе есть не иное что, какъ подстрекательство. Въ дѣлѣ истины это совершенно фальшивый способъ. Подстрекательство дѣйствуетъ только на слабыхъ умомъ и производитъ только прозелитовъ. Ни тѣ, ни другіе не годятся для настоящаго честнаго дѣла. Кто способенъ къ чему нибудь лучшему, для того довольно, чтобы онъ понялъ мысль и разумное слово, переданныя безъ всякаго усилія склонить его въ извѣстную сторону. А кто не способенъ, такъ на что онъ годится, хотя бы онъ заоралъ и замахалъ руками ради идеи, которая, какъ говорится, ему не по плечу? Въ уличной свалкѣ, онъ, пожалуй, могъ бы употребить хоть кулаки, но вѣдь не для этого же мы стараемся просвѣтить умы.

Іюль.—8. Понедѣльникъ. Вчера, т. е. въ воскресенье, мы условились съ А. С. Вороновымъ прогуляться въ Парголово. Но въ пятницу и наканунѣ такой задулъ сѣверо-востокъ съ прегнуснымъ холоднымъ дождемъ, что о прогулкѣ нечего было и думать. Я написалъ Воронову, чтобы онъ меня не ждалъ. Въ воскресенье онъ явился самъ ко мнѣ, и мы опять условились ѣхать во вторникъ послѣ моего комитетскаго засѣданія, въ томъ предположеніи, что вѣдь теперь лѣто и природа надъ нами сжалится къ тому времени, уйметъ шалости погоды. Но во вторникъ вышло еще хуже: тотъ же вѣтеръ, нестерпимый для лѣта холодъ

съ безпрерывно угрожающимъ дождемъ. Пришлось опять отложить исполненіе нашего замысла до перваго удобнаго, т. е. теплаго дня, если онъ какъ нибудь къ намъ навернется.

— 10. Среда. Печатается сенатскій процессъ о девяти лицахъ, затѣявшихъ преобразовать Россію посредствомъ возмутительныхъ прокламацій и распространенія въ народѣ такихъ же брошюръ. Нелѣпо и жалко. Подобные симптомы доказываютъ не нормальное состояніе нынѣшняго поколѣнія. Всѣ дѣйствующія лица этой печальной комедіи молодые люди лѣтъ 22-хъ, 24-хъ; одинъ только успѣлъ дожить до 30-ти. Печатается пока обвинительный актъ.

— 23. Вторникъ. Все нынѣшнее лѣто проходитъ въ ожиданіи лѣта, а оно не приходитъ. Холодъ и дождь, дождь и холодъ, или немного тепла, но непремѣнно дождь.

Августъ.—16. Пятница. Нашъ вѣкъ отличается необыкновеннымъ великодушіемъ. Базенъ, напримѣръ, этотъ предатель, осужденный на смерть, теперь, по милости Макъ Магона, тоже порядочнаго негодяя, разгуливаетъ по Европѣ, а нѣмцы устраиваютъ ему радушныя пріемы и возносятъ его въ печати до небесъ. Можно ли болѣе попирать законы нравственнаго приличія!

— 19. Понедѣльникъ. Августъ продолжаетъ быть довольно снисходительнымъ. Вообще можно жить еще не безъ удовольствія на дачѣ. А какая великолѣпная зелень! Рука осени какъ будто совсѣмъ до нея не коснулась.

— 23. Пятница. „Голосу" воспрещена розничная продажа.

. . . .

— 30. Пятница. Обычное празднованіе моихъ именинъ. Множество поздравленій утромъ, букетовъ, цвѣтовъ также. Особенно изящный букетъ поднесла мнѣ маленькая дочь К. Обѣдало много гостей, которые въ половинѣ 8-го всѣ и разъѣхались, чтобы не опоздать на поѣздъ. Ночью еще были получены двѣ поздравительныя телеграммы изъ Петербурга.

День былъ хорошій, хотя и пасмурный, но довольно теплый.

Сентябрь.—8. Воскресенье. Переѣздъ съ дачи. Безъ дождя; вообще погода порядочная.

Лѣто было нехорошее, холодное и дождливое съ частымъ вѣтромъ. Но я все лѣто былъ здоровъ и мои тоже. Ничего непріятнаго не происходило.

— 10. Вторникъ. Присужденіе Уваровскихъ премій въ Академіи наукъ. У меня на разсмотрѣніи было шесть драматическихъ пьесъ: изъ нихъ двѣ—„Ваалъ“ Писемскаго и „Разоренное гнѣздо“ я нашелъ заслуживающими особеннаго вниманія. Я написалъ подробный ихъ разборъ, отозвавшись объ обѣихъ одобрительно, но не выразилъ окончательнаго приговора, предоставивъ это комиссіи. Впрочемъ я склонялся болѣе въ пользу послѣдней, хотя мнѣ хотѣлось бы, чтобы и Писемскій не остался безъ награды. Онъ представилъ и другую свою пьесу—„Подкопы“, но эта слабѣе. Комиссія выразилась неодобрительно о пьесѣ Писемскаго и предпочла „Разоренное гнѣздо“. Произошли пренія. Настаивали на абсолютномъ совершенствѣ, ссылаясь на положеніе о преміяхъ, гдѣ эта мысль выражена неопредѣленно. Мнѣ удалось это опровергнуть. Всѣ члены подъ конецъ согласились со мною, и сегодня единогласно премія была присуждена „Разоренному гнѣзду“. В. велъ себя очень хорошо и совершенно безпристрастно.

Два скандала одинъ за другимъ, здѣсь и въ Москвѣ... Въ Москвѣ скандалъ гораздо серьезнѣе: братъ Михаила Никифоровича Каткова, Мефодій, и мнѣ хорошо извѣстный, въ Катковскомъ лицеѣ, гдѣ воспитываются два его сына, выстрѣлилъ изъ револьвера два раза въ Леонтьева, но не убилъ его: пуля засѣла въ платье послѣдняго. Потомъ онъ тяжело ранилъ сторожа, который бросился было защищать Леонтьева.

— 17. Вторникъ. Всеобщіе толки о московскомъ происшествіи. „Московскія Вѣдомости“ объявили, что несчастный Мефодій произвелъ свои выстрѣлы въ сумасшествіи, которое давно въ немъ замѣчалось. Но многіе этому не вѣрятъ и подозрѣваютъ какую нибудь другую причину. . . . .

Между тѣмъ въ лицеѣ отслуженъ торжественный молебенъ за спасеніе Леонтьева, и воспитанники заказали какой то образъ въ память сего происшествія.

— 21. Суббота. Сегодняшній день долженъ быть особенно отмѣченъ—это день совершенно лѣтній, вовсе не свойственный Сентябрю; я давно не запомню такого свѣтлаго, теплаго: 16° тепла.

Кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что единствен-

ная причина поступка Меѳодія есть настоящее сумасшествіе и другой причины искать нечего, хотя многимъ хотѣлось ея.

— 22. Воскресенье. Смутить умы не трудно, но это не значитъ ни просвѣтить ихъ, ни сдѣлать болѣе способными къ дѣлу истины, ни болѣе счастливыми.

— 25. Среда. Публичное собраніе въ Академіи по случаю присужденія Уваровскихъ премій. Я читалъ отчетъ о назначеніи этой преміи автору комедіи: „Разоренное гнѣздо".

Октябрь.—2. Среда. Есть родъ близорукихъ умовъ, которые могутъ видѣть ясно только предметы, находящіеся вблизи ихъ. Имъ кажется, что вселенная заключена въ предѣлахъ, гдѣ они живутъ, что Богъ особенно покровительствуетъ имъ и ихъ роднѣ, что знатнѣе ихъ предковъ и умнѣе ихъ самихъ нѣтъ никого на свѣтѣ, которые увѣрены, что близорукость есть хорошее зрѣніе и что настоящими людьми могутъ быть только тѣ, которые судятъ о вещахъ, какъ судятъ они, даже носятъ бороду такой величины и цвѣта, какъ у нихъ, а всѣ прочіе заслуживаютъ, по меньшей мѣрѣ, презрѣнія.

— 7. Понедѣльникъ. Нравы суть продуктъ соединенныхъ силъ народности и историческихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Пока нравы не улучшатся, никакія мѣры и учрежденія не помогутъ.

Происходитъ множество арестовъ. Говорятъ, въ провинціяхъ арестовано болѣе 500 человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ.

Всѣ заняты процессомъ игуменьи Митрофаніи, которая непозволительными средствами, подложными векселями и проч. старалась пріобрѣсти огромныя деньги въ пользу благотворительныхъ учрежденій своего монастыря. Небывалый въ Россіи случай, чтобы судили высшее духовное лице за уголовныя преступленія и притомъ публично и гласно.

— 11. Пятница. Въ исторіи всякаго народа есть славныя и блестящія страницы, но есть и темныя и печальныя.

— 19. Суббота. Для теоріи одинъ масштабъ—для жизни другой. Смѣшивать ихъ нельзя. И теорія законна, и жизнь законна.

Поутру былъ К — нъ. Разговоръ о современныхъ событіяхъ. Все чрезвычайно печально. Множество арестовъ здѣсь и въ губерніяхъ.

Многіе, полагаясь въ дѣлахъ на чистоту своихъ намѣреній, не

принимают предосторожностей, предписываемых благоразуміем и упускают изъ виду разныя внѣшнія условія, необходимыя для успѣха. Это важная ошибка. Не чистота намѣреній вѣнчается успѣхомъ, а разсудокъ, умѣющій соглашать различные интересы и страсти, затрогиваемые дѣломъ. „Будьте чисты яко голуби и мудры, яко зміи".

— 20. Воскресенье. Процессъ игуменьи Митрофаніи кончился. Присяжные вынесли вердиктъ: „виновна, но заслуживаетъ снисхожденія". Процессъ этотъ надѣлалъ у насъ шуму не менѣе, чѣмъ процессъ Арнима въ Европѣ. Нашъ процессъ имѣетъ весьма серьезное значеніе, какъ по сану лица, подвергшагося гласному суду и уголовной карѣ, такъ и по веденію его, дѣлающему честь нашимъ судамъ. Тутъ никакая протекція не была принята въ уваженіе, а на нее то видимо разсчитывала игуменья въ беззаконномъ пріобрѣтеніи денегъ. Вообще этотъ процессъ обнаружилъ во многомъ скверное состояніе нашихъ нравовъ.

Поутру былъ у графа Модеста Андреевича Корфа, недавно пріѣхавшаго изъ Гомбурга. Онъ, между прочимъ, разсказывалъ мнѣ много о князѣ П. А. Вяземскомъ, съ которымъ онъ жилъ тамъ. Князь совершенно здоровъ, страдаетъ только безсонницей, Лишь теперь я узналъ настоящія лѣта его. Незадолго до отъѣзда графа изъ Гомбурга, князь праздновалъ день своего рожденія: ему исполнилось 82 года.

— 23. Среда. Напечатанъ мой отчетъ о присужденіи Уваровской преміи за драматическое сочиненіе: „Разоренное гнѣздо".

. . . .

— 24. Четвергъ. Надняхъ произошелъ скандалъ въ Медико-хирургической академіи: студенты объявили, что они не хотятъ слушать лекцій профессора Ц., занимающаго каѳедру физіологіи и раздѣлились на двѣ партіи: одни свистали, другіе апплодировали. Отчего это именно произошло, говорятъ весьма различно. Вообще въ Петербургѣ невозможно добиться правды ни объ одномъ происшествіи. Всякій разсказываетъ по своему и прибавляетъ часто свои вымыслы, увѣряя торжественно, что онъ знаетъ это изъ вѣрнаго источника. Только и знаешь, что что-то случилось, а отчего и при какихъ обстоятельствахъ — узнается

развѣ въ вѣчности. Оттого я принялъ за правило вычитать изъ всѣхъ разсказовъ девяносто девять три четверти.

— 27. Воскресенье. Основа величія и благосостоянія народа заключается въ его нравахъ. При хорошемъ состояніи нравовъ, всѣ разумныя мѣры даютъ желанные, полезные результаты; всѣ мѣры ошибочныя смягчаются и теряютъ значительную часть своихъ неудобствъ. Можно сказать, что народъ самъ отвѣчаетъ за все, что у него происходитъ и дѣлается. Если не справедливо обвинять его за недостатокъ способностей, въ которыхъ отказала ему природа, то не слѣдуетъ роптать и жаловаться на обстоятельства и на лица, служащія будто-бы источникомъ всѣхъ золъ, претерпѣваемыхъ обществомъ. Слабое и неспособное не можетъ пользоваться выгодами, которыя составляютъ естественное преимущество силы и дарованій.

Ноябрь. — 3. Воскресенье. У насъ существуетъ общее убѣжденіе о безполезности всякихъ мѣръ, даже хорошаго свойства. „Да изъ этого ничего не выйдетъ",—вы услышите каждый разъ въ подобныхъ случаяхъ. Къ счастію, дурныя мѣры тоже не производятъ особенной скорби: „Да вѣдь это перемѣнится скоро, перемелется—будетъ мука", слышится вездѣ.

Случившееся въ Медицинской академіи повторилось въ Горномъ корпусѣ, въ Технологическомъ Институтѣ и въ университетѣ. Въ послѣднемъ въ меньшемъ размѣрѣ. Студенты требовали увольненія Ц., который и уволенъ подъ видомъ отпуска заграницу на годъ. Въ Горный корпусъ и Технологическій Институтъ потребовалось послать жандармовъ. Въ газетахъ обо всемъ этомъ ничего не пишутъ, и оттого ходятъ по городу самые преувеличенные слухи.

. . . .

Главное зло состоитъ въ томъ, что теперь ничему не вѣрятъ... Всѣ недовольны, всѣ страдаютъ и страдаютъ невыносимо именно потому, что нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что будетъ завтра. Право, страшно становится за нашу будущность. Мы въ рукахъ исторіи . . . .

— 10. Воскресенье. Неумолкаемый шумъ въ городѣ по случаю безпорядковъ въ Медицинской академіи, въ Горномъ корпусѣ, Технологическомъ Институтѣ и университетѣ. Въ послѣднемъ была только маленькая демонстрація, требовавшая уволь-

ненія профессора Ц., который и уволенъ въ видѣ долговременнаго отпуска. Уволенъ еще помощникъ инспектора, которымъ давно были недовольны студенты. Пострадалъ болѣе всѣхъ Горный корпусъ. . . . .

Между человѣкомъ и писателемъ бываетъ иногда огромная разница.

— 11. Понедѣльникъ. Слухи о смѣнѣ министра народнаго просвѣщенія болѣе и болѣе распространяются. Уже и назначаютъ на мѣсто графа Толстаго—Исакова, начальника военно-учебныхъ заведеній. Говорятъ о какой-то запискѣ Потапова о всеобщемъ неудовольствіи, возбужденномъ греческою системою . . . .

— 17. Воскресенье. Всѣ слухи о графѣ Толстомъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказались чистымъ вздоромъ. Онъ тверже сидитъ на своемъ мѣстѣ, чѣмъ когда либо.

— 19. Вторникъ. Заѣзжалъ къ Перевозчикову. Бѣдный старикъ совсѣмъ ослѣпъ. Но онъ съ непоколебимымъ мужествомъ несетъ бремя своихъ 84-хъ лѣтъ и своей слѣпоты. Онъ сохраняетъ полную ясность и свѣжесть ума и памяти. Я нашелъ его спокойно сидящимъ въ креслахъ и ему читали газеты. Онъ разспрашивалъ меня о современныхъ событіяхъ, слушалъ съ участіемъ о томъ, что случилось у насъ въ послѣдніе дни и дѣлалъ свои замѣчанія, полныя здравыхъ мыслей и обычнаго, ему свойственнаго, юмора. Иногда только вырывались жалобы, что онъ уже слишкомъ долго живетъ и что такой развалинѣ, какъ онъ, пора-бы совсѣмъ на покой.

Большая часть писателей ищутъ занимать публику, и если они этого въ извѣстной мѣрѣ достигаютъ, то готовы уже счесть себя великими, безсмертными. А между тѣмъ единое нужно на потребу: все должно бы состоять въ результатѣ, который формулируется такъ: насколько они содѣйствовали просвѣщенію общества и облагороженію и возвышенію его нравовъ?

Декабрь.—3. Вторникъ. Въ 8 часовъ вечера поѣхалъ въ засѣданіе комиссіи объ устройствѣ государственной типографіи. Комиссія эта, какъ и большая часть нашихъ комиссій, съиграла комическую роль. Просуществовавъ почти четыре года, она кончила ничѣмъ, т. е. оставила казенныя типографіи въ томъ-же

видѣ, какъ онѣ были доселѣ. Сегодня пришли мы къ главному и ожидаемому результату—къ закрытію комиссіи.

— 4. Среда. Общественность наша представляетъ странное зрѣлище. Когда два человѣка сойдутся для бесѣды, они оказываются, если не настоящими друзьями, то хорошими знакомыми и мирно бесѣдуютъ. Приходитъ третій человѣкъ, и согласіе разстраивается: начинаются осторожности, неискренности и наконецъ даже пререканія. Являются еще три, четыре человѣка— и вы видите передъ собою враговъ, другъ на друга свирѣпо или искоса посматривающихъ, и мало по мало водворяется полный разладъ. Каждый, наконецъ, уходитъ съ мыслью о другихъ, что тотъ подлецъ, а этотъ дуракъ и проч.

Россія похожа на мальчика, который росъ въ сквернѣйшей школѣ исторіи, гдѣ его били не на животъ, а на смерть. Потомъ онъ очутился въ другой, менѣе тяжелой школѣ, гдѣ его начали меньше бить. Вотъ онъ зашалился—теперь къ нему приставляютъ для исправленія гувернеровъ.... Но бѣда въ томъ, что сами гувернеры большею частью люди ненадежные, и толку выходитъ мало....

Величайшая насущная надобность для насъ состоитъ въ нравственности. Но гдѣ ее взять? Въ религіи? Но къ ней чувствуется всеобщее охлажденіе.... Въ литературѣ и наукѣ? Но.... Въ греческомъ языкѣ, въ классицизмѣ? Но къ этому привлекаютъ людей насильно. Будетъ ли изъ этого прокъ?

Гарибальди, какъ гражданинъ, Тьеръ, какъ человѣкъ государственный и патріотъ—вотъ два великіе характера нашего времени.

И однако же ни тотъ, ни другой не управляютъ своимъ отечествомъ, а такіе люди, какъ Макъ-Магонъ, Серано. Одинъ битый генералъ, другой п......

А Бисмаркъ? О, это личность другого рода. Онъ заставляетъ себя бояться и пресмыкаться предъ собою. Онъ высится надъ людьми потому, что питаетъ къ нимъ глубокое презрѣніе. Презрѣніе къ судьбамъ людей—это понятно. Понятно и презрѣніе къ поступкамъ ихъ. Но презрѣніе къ нимъ самимъ, само заслуживаетъ презрѣніе.

— 13. Пятница. Всякій имѣетъ право любить и ненавидѣть по своему. Но выражать это—другое дѣло.

— 23. Вторникъ. Въ „Голосѣ“ опять начали появляться хорошія передовыя статьи. Отчего же было это восхваленіе Бисмарка и пруссаковъ?

Извѣстные люди никогда не прощаютъ тѣхъ, которые имѣли случай увидѣть ихъ ничтожество на дѣлѣ.

1875 годъ.

Январь.—1. Среда. Все ложь, все ложь, все ложь въ любезномъ моемъ отечествѣ. У насъ есть хорошая, восточная православная религія. Но въ массѣ народа господствуетъ грубое суевѣріе; въ высшихъ классахъ или полный индифферентизмъ, или невѣріе подъ маскою новыхъ идей или научнаго высокомѣрія. У насъ есть законы; но кто ихъ исполняетъ изъ тѣхъ, кому выгодно неисполненіе ихъ. . . . .
У насъ есть наука; но кого она серьезно занимаетъ и кого она настолько возвышаетъ нравственно, чтобы онъ не былъ готовъ пожертвовать ею для такъ называемыхъ существенныхъ матеріальныхъ цѣлей? Въ послѣднее время у насъ появились учрежденія съ либеральною закваскою; но имъ предоставлено свободы на столько, на сколько угодно это произволу какого-нибудь чиновника, который готовъ доказать, какъ дважды два четыре, что въ этихъ учрежденіяхъ скрывается великое зло и что нужно ихъ такъ обставить и ограничить, чтобы они сохранили свое имя, но не могли бы дѣлать того, что скрывается подъ этимъ именемъ. У насъ множество разныхъ промышленныхъ обществъ, ассоціацій, которыя обогащаютъ пять или шесть человѣкъ, поставленныхъ въ ихъ главѣ и разоряютъ тысячи людей. Да можно ли перечесть всѣ противорѣчія у насъ наружнаго съ внутреннимъ?

Въ одномъ нѣтъ лжи—что мы составляемъ государство сильное, способное сдѣлать отпоръ какому угодно внѣшнему врагу, который бы дерзнулъ на насъ напасть.

Но есть еще одно, въ чемъ мы не лжемъ: это состояніе нашихъ нравовъ. Тутъ мы не обѣщаемъ ничего, а прямо заявляемъ, что у насъ нѣтъ общественнаго духа ни на іоту, тутъ от-

крыто и нелицемѣрно мы воруемъ, пьянствуемъ, мошенничаемъ взапуски другъ передъ другомъ.

— 12. Воскресенье. Вотъ уже недѣля, какъ у насъ страшные холода—морозы отъ 20 до 22 и 23-хъ градусовъ. Въ комнатахъ 9 и даже 8° тепла, несмотря на усиленную топку.

. . . .

— 15. Среда. Изъ всѣхъ человѣческихъ склонностей самая глупая—это привязанность къ жизни. Всѣ знаютъ, какое она ничтожество—какъ она скоротечна, какъ блага ея невѣрны, а бѣдствія постоянны и неизбѣжны, какъ самая высшая доблесть, возлагаемая на насъ мудростью, состоитъ въ презрѣніи ея—а между тѣмъ, каждая изъ всѣхъ силъ бьется, чтобы продлить эту мимолетную, превратную и невѣрную жизнь и готовъ на всевозможныя страданія, лишь бы сохранить бѣднѣйшій, печальнѣйшій ея остатокъ.

— 17. Пятница. Прибыли сюда члены изъ разныхъ губерній отъ дворянства, земства и городовъ для совѣщаній о законахъ относительно рабочихъ и наемщиковъ—законовъ, конечно, чрезвычайно важныхъ для внутренняго порядка государства. Предсѣдателемъ этой коммиссіи, какъ извѣстно, Валуевъ. Что то она сдѣлаетъ? Навѣрное, можно сказать ничего . . . . . Развѣ въ первый разъ у насъ является призракъ чего то? И всегда этотъ призракъ манилъ къ себѣ легковѣрныхъ, и затѣмъ улеталъ въ безконечныя воздушныя пространства и все оставалось попрежнему. Такъ, безъ сомнѣнія, будетъ и теперь. Подъ вліяніемъ духа времени, можетъ быть, и позволятъ собравшимся людямъ высказаться, какъ они думаютъ, а затѣмъ наложатъ печать храненія на ихъ уста и скажутъ имъ не безъ любезности: „милые люди! уходите туда откуда пришли, а мы вотъ надумаемъ и надѣлаемъ все, что намъ угодно, сами“. Да и что такое наше общество, покланяющееся подобнымъ призракамъ? Развѣ въ немъ существуютъ основы какой нибудь самостоятельности, какого нибудь практическаго осуществленія его нуждъ и стремленій? Иногда выпрыгиваютъ изъ краснорѣчивыхъ устъ слова, указывающія на дѣло; но эти слова исчезаютъ въ воздухѣ, и произнесшіе ихъ сами бываютъ довольны тѣмъ, что ихъ сказали, а потомъ принимаются за обычное жеванье грубой и неудобова-

римой пищи, которую кладутъ имъ въ ротъ преданія и собственная ихъ пошлая, хилая натура.

— 18. Суббота. Лице цивилизованнаго, благовоспитаннаго человѣка никогда не выражаетъ того, что происходитъ въ его душѣ. Въ этомъ состоитъ настоящая благовоспитанность. Надобно, чтобы оно улыбалось и обнаруживало полнѣйшее ко всѣмъ благорасположеніе, котораго въ сущности нѣтъ и тѣни. Да никто этого не требуетъ, всѣ довольствуются тѣмъ, чтобы казаться, а не быть.

— 20. Понедѣльникъ. Мужикъ русскій почти совершенный дикарь. Онъ грубъ, невѣжественъ, лишенъ понятія о правѣ и законѣ, религія у него состоитъ въ киваніи головою и отмахиваніи направо и налѣво руками; онъ пьяница и воръ, но онъ не въ примѣръ лучше, такъ называемаго образованнаго, интеллигентнаго русскаго человѣка. Мужикъ искрененъ, онъ не старается казаться тѣмъ, что онъ не есть; онъ не лжетъ ни на себя, ни на другихъ, ни на вещи. Но человѣкъ образованнаго круга фальшивъ съ головы до ногъ, онъ плутъ по убѣжденію—„что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ", суетенъ, либераленъ на словахъ и низокъ, раболѣпенъ на дѣлѣ, готовъ на всякія низости за чинъ или крестикъ, воръ по вкусу къ широкому житью. Но главное и хуже всего, что онъ лжецъ во всемъ, что ни думаетъ, что ни говоритъ и что ни дѣлаетъ. Онъ учится легко и скоро, выучивается всему, чему угодно, усвоиваетъ себѣ всякую новую идею быстро; поэтому внѣшность его становится мягкою, благовидною, лоснящеюся. Онъ европеецъ, человѣкъ цивилизованный; но въ дѣйствительности изъ всего этого выходитъ существо слабодушное, безхарактерное.

— 21. Вторникъ. Если вся жизнь моя прошла въ преслѣдованіи нравственныхъ идеаловъ и если я для нихъ мыслилъ, говорилъ, писалъ и дѣйствовалъ, сколько позволяли мои силы, то это касается меня одного и это ни для кого не важно. Въ этомъ нѣтъ никакой заслуги. Тѣмъ, чѣмъ я есть, какой ни есть, я обязанъ самому себѣ, и мнѣ, въ свою очередь, никто ничѣмъ не обязанъ. Правда, были люди, которые много сдѣлали мнѣ хорошаго, но ихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Только одна память ихъ свѣтится въ моемъ сердцѣ. Что я не былъ эгоистомъ, плутомъ,

и проч. и кое что дѣлалъ для другихъ—это ничего не значитъ: развѣ я могъ быть не такимъ, вопреки моей природѣ?

Я когда то любилъ славу, питалъ кое какіе честолюбивые замыслы—но это давно уже прошло. Теперь я люблю только свой идеалъ нравственнаго величія, побуждающій меня уважать человѣчество и глубоко сожалѣть о людяхъ.

Великое всегда было въ моихъ идеяхъ, но идеи эти, паря по безконечному пространству, не останавливались долго на одномъ пунктѣ, не могли сосредоточиться.

Всегда ставьте себя на нѣкоторомъ разстояніи съ людьми, если хотите удержать за собой надолго ихъ благорасположеніе.

— 27. Понедѣльникъ. Хорошо имѣть мягкое и доброе сердце, но то нехорошо, что видя человѣка честнаго въ бѣдѣ, страдаешь самъ почти столько же, сколько и онъ.

— 31. Пятница. Костомаровъ въ своей статьѣ, напечатанной въ „Древней и Новой Россіи" отзывается неблагосклонно о Петрѣ Великомъ и старается доказать, что гораздо лучше было бы, если бы Россія постепенно выходила изъ своей вѣковой закоснѣлости, и что въ ней были ужъ и прежде задатки просвѣщенія и того умственнаго развитія, которому стоило бы только помогать, ничего не насилуя, для того, чтобы мы вошли въ общую сферу человѣческой исторіи. Постепенно, задатки— почтенный историкъ ужасно насилуетъ здѣсь самыя вещи и перестаетъ быть безпристрастнымъ историкомъ. Гдѣ сидятъ всѣ эти задатки? Въ кіевской наукѣ!!

Костомаровъ многихъ изъ нашихъ историческихъ знаменитостей лишилъ славы, которую приписывалъ имъ народъ. Оставался нетронутымъ еще Петръ; но вотъ онъ добрался и до него. И все это во имя науки, во имя исторической истины!

Февраль.—1. Суббота. Нѣтъ на свѣтѣ животнаго опаснѣе и вреднѣе, какъ человѣкъ съ умомъ, безъ сердца.

— 2. Воскресенье. Каждый день происходитъ по нѣскольку самоубійствъ. Надняхъ Ковалевскій, сынъ бывшаго министра, человѣкъ уже не молодой, застрѣлился, а другой, Порфирій Ламанскій, распоролъ себѣ животъ кинжаломъ. А тамъ какая то дѣвочка, восьми лѣтъ, повѣсилась...

— 3. Понедѣльникъ. Былъ у меня разговоръ съ однимъ умнымъ и занимающимъ значительную должность лицомъ о

томъ, что у насъ въ настоящее время нѣтъ настоящихъ государственныхъ людей, а есть только чиновники высшихъ разрядовъ. „Вы ошибаетесь", сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, „я знаю по крайней мѣрѣ одного умнаго и истинно государственнаго человѣка".—Кто же этотъ фениксъ? спросилъ я. „А вотъ * Неужели?„ возразилъ я не безъ крайняго удивленія, потому что знаю хорошо, *. — Чѣмъ же онъ ознаменовалъ свою государственность, свой умъ? „Тѣмъ", отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ, „что онъ ничего не дѣлаетъ". Пожалуй, можно было бы съ этимъ согласиться, если бы такое ничего недѣланіе было плодомъ какой нибудь мысли, а не плодомъ рѣшительной неспособности и лѣности, прикидывающихся чѣмъ то безъ ничего.

— 7. Пятница. Обѣдъ съ нѣсколькими изъ моихъ товарищей академиковъ въ новомъ великолѣпномъ отелѣ „Европа". Веселовскій, Чебышевъ, Гротъ, Безобразовъ, Сомовъ и я.

Чего намъ не достаетъ? Опредѣленности стремленій и вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдовательности. Мы все чего то ищемъ, чего то хотимъ; но съ точностью никакъ не можемъ сказать самимъ себѣ: чего? Одни не хотятъ быть, повидимому, ретроградными, на манеръ прошлаго времени. Однако имъ не хочется допустить и тѣхъ послѣдствій, какія должны произойти изъ либеральныхъ реформъ. А общество? Оно мечется туда и сюда, желая какъ будто поддерживать дарованныя ему льготы, а между тѣмъ его мутитъ жажда денегъ и оно все вертится около матеріальныхъ интересовъ. Молодое поколѣніе рвется къ радикальнымъ переворотамъ, а между тѣмъ оно худо учится, ничему не вѣритъ и не признаетъ нравственныхъ принциповъ. Оно безсильно именно отсутствіемъ нравственныхъ идеаловъ, и горячность молодой крови считаетъ за нравственную силу. Изъ всего этого выходитъ что то очень похожее на хаосъ.

Мы не лишены общей всѣмъ людямъ способности говорить, но мы не умѣемъ разговаривать.

— 8. Суббота. На актѣ въ университетѣ. Отчетъ отмѣнно дурно составленъ и также дурно прочитанъ. Ничего не сказано о внутренней жизни университета и длиннѣйшее изложеніе, будто бы ученыхъ трудовъ профессоровъ—трудовъ, состоящихъ въ разныхъ статьяхъ и статейкахъ, раскиданныхъ по разнымъ газетамъ и журналамъ. Это голое исчисленіе именъ и названій

этихъ трудовъ, надоѣвшее слушателямъ, и болѣе ничего. Тутъ же о разныхъ командировкахъ профессоровъ. Все это безтактно, скучно и ничтожно. За три дня до акта ходили слухи о приготовляющемся скандалѣ, т. е. намѣреніи освистать профессора Григорьева, занявшаго нынѣ мѣсто Лонгинова... Скандалъ дѣйствительно начинался: раздалось нѣсколько свистковъ послѣ рѣчи Григорьева, которую читалъ Срезневскій. Но громадная масса студентовъ дружными рукоплесканіями, совершенно подавила свистки, которые, однако, долетѣли до слуха публики. Студенческое благоразуміе восторжествовало надъ немногими покушеніями немногихъ шалуновъ — студентовъ. Я ушелъ тотчасъ послѣ отчета.

— 9. Воскресенье. Большой вечеръ у М. И. Семевскаго. Праздновали пятилѣтіе „Старины". Горбуновъ занималъ цѣлый вечеръ своими мастерскими разсказами изъ народной и общественной жизни.

— 13. Четвергъ. Письмо къ князю Вяземскому въ Гомбургъ.

. . . .

. . . .

— 20. Четвергъ. Съ добродѣтелью обращаются какъ со свѣтскою дамой: ее осыпаютъ учтивостями и любезностями, въ присутствіи ея не употребляютъ скверныхъ словъ и проч. Но всѣ очень хорошо понимаютъ, что это только исполненіе свѣтскаго этикета, и никто не считаетъ себя обязаннымъ жертвовать ей существенными своими интересами и угождать ей серьезно.

— 23. Воскресенье. Познакомился съ архіепископомъ Василіемъ, бывшимъ въ Витебскѣ во время возсоединенія уніатовъ. Онъ разсказывалъ много любопытнаго изъ времени управленія своего витебскою епархіею и объ участіи въ возстаніи уніатовъ, объ обращеніи своемъ съ католиками. Системою его было вообще кроткое христіанское обращеніе со всѣми. Самые католики его любили. Я засталъ его у Чистовича, Илларіона Алексѣевича, къ которому заѣзжалъ отдать визитъ.

За что „Голосу" воспрещена розничная продажа?—покрыто мракомъ неизвѣстности. Вечеромъ мы съ Любощинскимъ заѣзжали къ Краевскому, но не застали его дома.

— 24. Понедѣльникъ. Розничная продажа „Голоса" воспрещена за фельетонную статью въ № 47. По духу нашей цен-

зурной администраціи, она, конечно, должна была вызвать ея неудовольствіе. Въ статьѣ довольно рѣзко говорится о томъ, что у насъ невозможно разсуждать о дѣйствіяхъ нашей администраціи.

Весьма важное дѣло найти способъ сказать правду тому, кто требуетъ ее отъ васъ, не оскорбляя его.

Мартъ.—2. Воскресенье. Нынѣшняя зима будетъ памятна. Она отличалась рѣдкимъ въ Петербургѣ постоянствомъ и умѣренностью; но въ то же время въ ней сильно свирѣпствовала эпидемія тифозовъ и возвратныхъ горячекъ. Больныхъ было больше 15-ти тысячъ, умершихъ великое множество. Разумѣется, какъ всегда, доставалось больше всего низшимъ классамъ населенія.

— 5. Среда. Милое, умное письмо отъ князя П. А. Вяземскаго изъ Гомбурга.

— 8. Суббота. Надъ нами господствуютъ всевозможные произволы такъ, что изъ этого выходитъ какая-то анархія административная, нравственная и умственная и однако намъ живется не хуже, какъ жилось въ предшествовавшее время ..... Изъ этого я вывожу заключеніе, что можно жить и при извѣстныхъ принципахъ, или вовсе безъ нихъ.

— 9. Воскресенье. Обычный годовой обѣдъ въ Римско-Католической академіи. Нынѣшній разъ студенты особенно выразили свою преданность мнѣ при тостѣ за меня шумными и продолжительными криками и дружнымъ „многая лѣта" на латинскомъ языкѣ.

— 10. Понедѣльникъ. Продолжается серьезная, глубокая зима. Холодно, снѣжно, отличная санная дорога.

— 16. Воскресенье. Содѣйствіе общественному благу! Но вѣдь только одни сумасшедшіе или Донъ-Кихоты могутъ мечтать объ этомъ, не имѣя въ наличности никакихъ для того силъ—ни политическихъ, ни общественныхъ, ни нравственныхъ.

Въ свое время и я донкихотствовалъ и истратилъ на это довольно таки изъ отпущеннаго мнѣ природою запаса способностей. Мнѣ, видите, хотѣлось пробуждать въ людяхъ уваженіе къ человѣческому достоинству, къ нравственнымъ идеаламъ! Но только особенному счастью обязанъ я тѣмъ, что мнѣ прямо не наплевали въ глаза тѣ, на которыхъ я хотѣлъ дѣйствовать такимъ образомъ, хотя стороною вѣроятно, въ тихомолку и ве-

личали меня осломъ. На базарѣ житейской суеты требуются и оплачиваются только вещи цѣнныя. А какую цѣну могутъ имѣть мысли о человѣческомъ достоинствѣ, нравственные или эстетическіе идеалы и тому подобный мыслительный вздоръ?

Но въ сущности я всегда былъ слишкомъ недовѣрчивъ къ самому себѣ, чтобы считать себя дѣятелемъ, какъ теперь въ модѣ называть всякаго фельетониста или кропателя стиховъ и повѣстей, хотя въ молодости моей я не былъ чуждъ честолюбія.

Вообще же надобно правду сказать: я ничего не умѣлъ сдѣлать изъ довольно порядочнаго капитала способностей, отпущенныхъ мнѣ природою.

— 22. Суббота. Если общество потребуетъ отъ тебя, для своего удовольствія, чтобы ты на значительномъ разстояніи попадалъ горошиной въ крошечное отверстіе стѣны, считалъ сколько будетъ капель въ ковшѣ съ водою—ты долженъ все это дѣлать, если хочешь, чтобы оно считало тебя своимъ членомъ, на что-нибудь годнымъ. Дѣлать что-нибудь не по заказу, значитъ все равно, что вколачивать гвозди въ воздухъ. Только то хорошо, что требуется по времени.

— 23. Воскресенье. Сегодня обѣдалъ у дяди Марка (Любощинскаго). Тутъ обѣдали также Зарудный, Брунъ, оба сенаторы, а второй, сверхъ того, товарищъ управляющаго II Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи. Много наслышался толковъ, разсужденій и споровъ о разныхъ предметахъ законодательства и управленія. Это тріумвиратъ лучшихъ знатоковъ и дѣятелей по этой части. Всѣ они участвовали въ важнѣйшихъ реформахъ по устройству судовъ и судопроизводства, а Любощинскій, кромѣ того, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Люди умные, даровитые, просвѣщенные и благородные. Они не были первостепенными государственными сановниками, а между тѣмъ вынесли на плечахъ своихъ всѣ важнѣйшіе новые уставы и порядки. Имъ много Россія обязана. Что передъ ними значатъ всѣ эти Т., П. и проч. Всѣ они съ университетскимъ образованіемъ. Брунъ и Любощинскій получили его въ Петербургѣ и были студентами моего времени, о чемъ они съ благодарностью вспоминаютъ и теперь. Зарудный кончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ. Брунъ справедливо замѣтилъ, что университетъ не могъ передать имъ всего, что нужно знать въ наукѣ и практической жизни. Но онъ

возбудилъ въ нихъ идеи и стремленія ко всему прекрасному и высокому и далъ имъ начала къ умственному дальнѣйшему развитію и усовершенствованію.

Честные, умные, просвѣщенные люди, зданія новыхъ, лучшихъ законныхъ порядковъ вы строите на пескѣ. Вашимъ зданіямъ не достаетъ фундамента, подстилки народныхъ нравовъ, которые выработываются только исторіей. Подъ основы того, что вы строите, уже усердно подкапываются и многое искажаютъ, многое стараются обрушить—и навѣрное обрушатъ. Вы выбьетесь изъ силъ, интрига и проч. васъ одолѣютъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что вы должны усѣсться и сидѣть на вашихъ мѣстахъ сложа руки? Боже сохрани! И вы, и всѣ немногіе, вѣрные истинѣ и великому долгу во имя человѣчества, должны дѣйствовать и трудиться до конца. Мораль всего этого: мы вносимъ въ жизнь общества и народа принципы, которые одни преобразуютъ нравы и общество, если они способны преобразоваться, а съ ними и все прочее.

Катковъ и Леонтьевъ хотятъ связать разумъ, науку и университеты наши узами административныхъ порядковъ и распоряженій, какъ будто эти порядки и распоряженія составляютъ высшую задачу умственнаго движенія и ручательство за его благонадежность—и какъ будто это возможно.

Вмѣсто того, чтобы самому разуму и наукѣ предоставлять исправленіе ихъ ошибокъ и недостатковъ, они хотятъ возложить это на канцелярію. Въ ихъ глазахъ чиновникъ выше разума и науки, а канцелярская бумага за какимъ либо № выше всякаго творенія ума человѣческаго.

— 30. Воскресенье. Люди безъ принциповъ похожи на угорѣлыхъ, которые мечутся то туда, то сюда, гдѣ только лежитъ или подозрѣвается какая-нибудь выгода.

Очень умную вещь сказалъ одинъ умный человѣкъ: „тотъ не заслуживаетъ свободы, кто не умѣетъ уживаться съ нѣкоторыми ея неудобствами.

Общество наше и нравы до того испорчены, что никто не вѣритъ, если скажутъ о комъ нибудь, особенно изъ административныхъ лицъ: „онъ честный человѣкъ".

Всеобщіе толки объ опасности, грозящей нашей судебной части, едва успѣвшей явиться на свѣтъ . . . .

Апрѣль.—2. Среда. Въ окружномъ судѣ производилось и рѣшено дѣло нѣкоей Сѣдовой, которая судилась за составленіе фальшиваго духовнаго завѣщанія отъ имени умершаго своего мужа. Съ ней судилась цѣлая толпа негодяевъ за участіе въ этомъ дѣлѣ и разные другіе подлоги. Между ними первое мѣсто занималъ нѣкій Лисенковъ, нотаріусъ. Сѣдова хорошенькая, молодая женщина, умная, образованная. Она очень свободно объяснила все дѣло, признаваясь, что фальшивое завѣщаніе составлено ею съ участіемъ такихъ и такихъ лицъ. Присяжные оправдали ее, что всѣхъ крайне удивило. Осужденъ Лисенковъ и еще человѣка два, и то со смягчающими обстоятельствами. Враги присяжныхъ и новыхъ судовъ этому очень радуются.

А тутъ другое скверное дѣло въ ходу—о поджогѣ мукомольной мельницы Овсянниковымъ, который содержалъ ее на арендѣ у Кокорева. Уликъ противъ него много. Онъ содержится подъ арестомъ. Это владѣлецъ десятка милліоновъ и, какъ говорятъ, грубый, необразованный человѣкъ.

Поддѣлки бумагъ, подлоги всякаго рода, кражи казенныхъ и общественныхъ денегъ, огромнѣйшія плутовства по желѣзнымъ дорогамъ, которыми пріобрѣтаются изъ ничего громадные капиталы—все это сдѣлалось самыми обыкновенными явленіями нашихъ дней. А между тѣмъ капиталы только и пользуются уваженіемъ общества, почетомъ, и владѣльцы ихъ занимаютъ высокія мѣста.

Міръ сотворенъ всемогуществомъ божественнымъ, но существуетъ и управляется компромиссами. Вотъ почему нужна сдержанность разныхъ сторонъ, дѣйствующихъ въ мірѣ—соглашеніе. Нужно знать предѣлы, на которыхъ мы должны останавливаться. Многимъ недостаетъ характера, чтобы сдерживаться, ни ума, чтобы видѣть ясно предѣлы, далѣе которыхъ простираться не слѣдуетъ.

— 3. Четвергъ. Нѣтъ сомнѣнія, что между административными лицами есть люди добросовѣстные, но, къ сожалѣнію, ограниченные. Эти добросовѣстные люди всѣ силы своего невеликаго ума напрягаютъ на одно—на поддержаніе того порядка вещей, въ который они введены и въ которомъ имъ самимъ жить не дурно. Между тѣмъ жизнь общественная проходитъ разные фазисы, развивается, одно состояніе вещей мѣняется

на другое, родятся новыя потребности, высшаго свойства и очень сложныя—вотъ тутъ то и оказывается вся несостоятельность этихъ лицъ, лишенныхъ способностей понимать все это, анализировать вещи и событія, вести дѣла по высшимъ соображеніямъ къ рѣшенію тѣхъ задачъ, которыхъ прежде вовсе не было въ виду, но которыя теперь упорно требуютъ рѣшенія. Тутъ они держатся за прежніе обычаи, правила и формы, становятся противниками всего новаго, всего лучшаго. „Это все теоріи", говорятъ они . . . .

— 8. Вторникъ. Земля усѣяна бѣлыми розами, т. е. снѣгомъ въ ознаменованіе весны. Все это время погода была гнусная; иногда свѣтило солнце, но также лгало, какъ русская образованность, т. е. отъ него не исходило ни капли теплоты. Холодно, холодно и холодно!

У насъ мало уваженія къ возвышеннымъ личностямъ, которыя не занимали значительныхъ мѣстъ въ адресъ-календарѣ. Поэтому надо всячески стараться возстановлять эти личности, хотя бы онѣ и не успѣли или не могли ознаменовать себя громкими дѣлами въ тѣхъ кругахъ, гдѣ обыкновенно у насъ ищутъ этихъ дѣлъ. Иначе земля русская будетъ казаться пустынею. Пусть же въ ней кое гдѣ, какъ бы случайно мелькаютъ оазисы умственнаго и нравственнаго цвѣта—оазисы, которые надо тщательно оберегать отъ морозовъ общественнаго равнодушія.

— 10. Четвергъ. Можетъ ли въ Россіи выработаться прочный политическій и гражданскій порядокъ вещей? Это зависитъ отъ рабочихъ силъ ея. Ихъ двѣ—администрація и народъ съ его нравами и общественнымъ духомъ. Администрація, развращенная и бездарная, народъ, лишенный общественнаго духа: какъ они могутъ работать надъ дѣломъ, требующимъ отъ людей великихъ силъ и великихъ идей?

— 13. Свѣтлое Христово Воскресенье. Въ самомъ дѣлѣ свѣтлое: солнце такъ и заливаетъ свѣтомъ, но тепла все еще немного, хотя, кажется, нѣсколько теплѣе предъидущихъ дней.

У графини Блудовой просидѣлъ довольно долго. Явился Стремоуховъ, и рѣчь зашла о славянахъ—о нынѣшнемъ состояніи сербовъ, о князѣ Миланѣ, котораго Стремоуховъ назвалъ н . . . . ъ. Стремоуховъ говорилъ очень много о славянахъ вообще, и нельзя сказать, чтобы очень любовно къ нимъ относился.

Находясь долгое время въ сношеніяхъ съ разными славянами по служебнымъ обстоятельствамъ, онъ наконецъ рѣшительно убѣдился въ совершенномъ ихъ разъединеніи, въ неспособности достигнуть какихъ нибудь общеполезныхъ цѣлей.

Я тутъ же познакомился съ сыномъ моего стараго друга, М. В. Юзефовича.

— 14. Понедѣльникъ. Дружескія отношенія, слагающіяся наскоро при первыхъ благопріятныхъ впечатлѣніяхъ съ обѣихъ сторонъ, никогда не бываютъ прочны, хотя, повидимому, они искренни и чужды всякихъ своекорыстныхъ видовъ. Они похожи на веселое расположеніе духа, вызванное нѣсколькими бокалами шампанскаго, которое исчезаетъ, какъ скоро проходитъ хмѣль. Обыкновенно, послѣ дружескихъ изліяній наступаетъ скорая реакція, и это безъ малѣйшаго повода съ чьей бы то ни было стороны. Видно по всему, что сердечныя связи между людьми скрѣпляются единственно взаимными интересами, чувство же здѣсь играетъ роль сверкнувшей молніи, которая блеснетъ только для того, чтобы освѣтить бездну человѣческаго эгоизма.

У насъ есть чиновники, даже сановники, есть царедворцы, но нѣтъ государственныхъ людей.

— 19. Суббота. Въ началѣ нынѣшняго мѣсяца въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась статья профессора Вагнера, которая возбудила большое недоумѣніе во многихъ. Онъ разсказываетъ странныя вещи о вертящихся столахъ, чему былъ самъ свидѣтелемъ. Извѣстныя слова Шекспира въ Гамлетѣ: есть многое, другъ Горацiо, въ природѣ и проч. переходятъ изъ устъ въ уста. Вагнеръ уже второй серьезный ученый, который придаетъ спиритизму особенное какое то значеніе. Первый—нашъ академикъ Бутлеровъ, который уже вполнѣ въ него увѣровалъ. Оба естественники. Отъ нихъ менѣе всего, кажется, можно бы ожидать вѣры въ сверхестественное.

(Онъ) сдѣлался врагомъ университетовъ, хотя самъ учился въ университетѣ. Извѣстно, что онъ не пользуется уваженіемъ въ обществѣ и между людьми лучшей категоріи, какъ человѣкъ безхарактерный и безъ всякихъ убѣжденій. Вѣроятно онъ мститъ университетамъ за то, что они не могли сдѣлать изъ него человѣка, котораго бы можно было уважать не за чинъ его и богатство. Да развѣ они могли это сдѣлать? Странная вещь! у людей,

обладающихъ благами міра сего, иногда является претензія на личное значеніе въ обществѣ, и когда они его не получаютъ, то уже готовы учинить всякую пакость и мерзость только для того, чтобы какъ нибудь да ихъ замѣтили.

— 21. Понедѣльникъ. Прошла Нева. Два дня уже, какъ немного потеплѣло и солнце свѣтитъ великолѣпно. Впрочемъ, вообще на солнце пожаловаться нельзя: оно свѣтитъ часто и блистательно, только мало грѣетъ.

„Залгалася, заворовалася, запилася, голубушка"!

— 22. Вторникъ.. Единственный оплотъ противъ внутреннихъ колебаній и разныхъ страховъ, противъ всяческихъ мелочей и дрязгъ ежедневныхъ—это внутренняя свобода.

Важная перемѣна въ одѣяніи: совлекъ съ ногъ зимнія калоши и облекъ ихъ въ лѣтнія; шляпа на мѣсто зимней шапки. Но шубка еще не отмѣнена. Тепла градусовъ пять. Вещи эти не такъ ничтожны, какъ кажутся, для человѣка, не желающаго подвергнуться сквернымъ послѣдствіямъ того, что посылается на насъ здѣшнею природою.

Изображайте людей какими угодно темными красками, если они стоятъ ихъ—и безъ сомнѣнія большая часть ихъ стоитъ. Но щадите принципы! Выдвигайте ихъ и выставляйте на видъ. Отъ этого, положимъ, не будетъ больше хорошихъ людей, но хорошіе люди, какіе еще есть, по крайней мѣрѣ, авось не захотятъ сдѣлаться дурными. . . . .

Князь Д. А. Оболенскій, разсматривавшій въ Государственномъ совѣтѣ, вмѣстѣ съ другими членами, отчетъ министра (народнаго просвѣщенія) за прошедшій годъ, представилъ цѣлую записку, гдѣ, между прочимъ, выразилъ такую мысль, что министръ служитъ только орудіемъ извѣстной партіи во вредъ Россіи. Вообще записка не отличается благоразуміемъ. Государю, говорятъ, она очень не понравилась, и это увеличиваетъ только торжество графа Толстаго.

— 24. Четвергъ. Мы сами не знаемъ куда идемъ. Мы безпрестанно колеблемся между желаніемъ удержаться въ прежней позиціи и между необходимостью дѣлать нѣкоторыя уступки духу времени и требованіямъ европейской образованности, которую внутренно проклинаемъ, какъ виновницу и оплотъ всѣхъ либеральныхъ тенденцій, но которой не можемъ не признавать

уже по одному тому, что многое изъ нея заимствуемъ для собственныхъ практическихъ и житейскихъ цѣлей. Мы въ какой то лихорадкѣ, безпрестанно противопоставляемъ одну мѣру другой. Не успѣешь оглянуться, какъ мы сегодня уже не тамъ, гдѣ были вчера. Еще на какомъ нибудь постановленіи не высохли и чернила, какъ на смѣну ему уже готово другое, разрушающее или подрывающее то, что узаконивалось въ первомъ. Теперь завелись какіе то спасители отечества, усматривающіе революцію во всѣхъ новыхъ реформахъ и стремленіяхъ охранить Россію отъ всѣхъ золъ, въ ней скрывающихся. Они толкаютъ носъ безпрестанно въ реакцію и мутятъ умы, которые не знаютъ, что имъ думать обо всемъ, что предпринимается и творится вокругъ нихъ—не знаютъ, что имъ дѣлать.

Вечеръ провелъ у соакадемика моего В. П. Безобразова, вмѣстѣ съ Градовскимъ (профессоромъ). Разговоръ преимущественно вращался около комиссіи для пересмотра университетскихъ уставовъ и около печальныхъ предзнаменованій для науки.

Князь Горчаковъ недавно сказалъ слѣдующее: „Россія похожа теперь на невѣсту, за которою ухаживаютъ разные женихи. Я забочусь только объ одномъ—чтобы она ни одному не отдáвала своей руки".

Сжалилась наконецъ надъ нами природа, настали чудесные дни—свѣтло и тепло.

— 26. Суббота. А сегодня и отлично свѣтло и тепло. Между тѣмъ меня мучитъ несноснѣйшій кашель; онъ продолжается уже недѣли двѣ, но сегодняшнюю ночь, особенно утромъ, онъ достигъ такой силы, что приходится посовѣтываться съ докторомъ.

Иные, ничего не дѣлая прикидываются, что они остаются въ этомъ бездѣйствіи вслѣдствіе глубокомыслія, тогда какъ это просто происходитъ отъ недостатка ума, знанія, и отъ малодушія.

Гораздо легче предпринять важное дѣло, чѣмъ его исполнить.

— 27. Воскресенье. Съ понятіемъ о Богѣ мы соединяемъ атрибуты всего высочайшаго, совершеннѣйшаго. Мы приписываемъ Ему высочайшій и совершеннѣйшій разумъ, совершеннѣйшую доброту, милосердіе и проч., и качества эти представляемъ себѣ въ своемъ человѣческомъ видѣ. Но наше представленіе этихъ качествъ соотвѣтствуетъ ли Его существу? Сообразно ли

съ этимъ милосердіемъ напримѣръ зло и безчисленныя страданія, на которыя обреченъ человѣкъ? Не должны ли мы признать, что Его милосердіе совсѣмъ другого свойства, чѣмъ наши понятія о немъ? Его всемогущество, казалось бы, должно было предотвратить то или другое ради Его же милосердія: не слѣдуетъ ли допустить, что милосердіе, какъ мы его понимаемъ, не согласуется съ Его существомъ, что оно совсѣмъ другого свойства, чѣмъ наше? Оставимъ всѣ толки и сомнѣнія и преклонимся съ благоговѣніемъ передъ непостижимостью Его существа. Вотъ все, что мы можемъ сдѣлать разумно.

Правда состоитъ не въ одномъ изображеніи дурнаго, но и въ изображеніи противоположнаго ему:—еслибы общество было совершенно лишено этого послѣдняго, то не стоило бы ни о чемъ и говорить.

Во всякой ложной системѣ или ученіи между кучами всякаго сору и лжи, всегда есть зерна правды. И вотъ откуда проистекаютъ всѣ нелѣпости, которыми подобная система и ученіе наводняютъ міръ.

Каковы бы ни были жизнь и судьба общества, но то вѣрно, что не ради удовольствія нашего онѣ бываютъ такія, а не другія. Потому и литература, ихъ изображающая, хорошо дѣлаетъ, не думая, что мрачными своими картинами она огорчитъ чувствительныя сердца. Дѣло не въ удовлетвореніи нашимъ эгоистическимъ пожеланіямъ, а въ правдѣ. Но самая эта правда не допускаетъ односторонности, и такъ какъ въ жизни человѣческой все перемѣшано: добро и зло, добродѣтель и порокъ, то мы изобличили бы себя во лжи, если бы собирали въ одинъ фокусъ всѣ позорящія человѣчество обстоятельства, упуская изъ виду хоть немногія, но существующія черты добра.

Не бывъ одаренъ слишкомъ могучими силами духа, онъ свалилъ съ Россіи камень, котораго десять силачей не могли бы поднять.

На пути общаго умственнаго и нравственнаго движенія есть разныя степени. Почему не постараться взойти на ту изъ нихъ, откуда открывается обширный горизонтъ жизни, и вещи, казавшіяся такими важными и крупными, являются совершенно мелкими и ничтожными до того, что они становятся не стоющими уже ни нашихъ привязанностей, ни ненавистей.

Университеты хотятъ подчинить такой регламентаціи, чтобы университетскаго у нихъ было только названіе.

Май. — 1. Четвергъ. Третій день уже мы вкушаемъ прелести какъ бы весенняго тепла. Екатерингофское обычное гулянье сдѣлалось, однако, невозможнымъ: дождь, но хорошій, теплый.

— 2. Пятница. Недѣли три уже, какъ меня угнетаетъ несносный кашель.

Освобожденіе будетъ не добромъ, а зломъ и великимъ зломъ, при такомъ поворотѣ назадъ во всемъ. Лучше было бы не начинать, чѣмъ продолжать такъ.

— 4. Воскресенье. . . . .

. . . . Несчастіе общества въ томъ, что въ немъ господствуетъ повальная страсть къ матеріальнымъ интересамъ и наслажденіямъ, что въ немъ не существуетъ никакихъ идеаловъ нравственныхъ, что въ конецъ подорваны религіозныя вѣрованія и принципы. Думаютъ классицизмомъ воспитать лучшее поколѣніе, какъ будто въ этомъ классицизмѣ заключаются тѣ идеалы, вѣрованія и принципы. Какое заблужденіе! . . . .

. . . .

О разныхъ затрудненіяхъ, противопоставляемыхъ разумнымъ требованіямъ, часто говорятъ: „что вы безпокоитесь? все перемелется, будетъ мука“. Хорошо, если мука, а не пыль, изъ которой никакого хлѣба нельзя испечь.

Надобно лишиться того, что мы любимъ, чтобы восчувствовать всю его цѣну.

— 5. Понедѣльникъ. Въ дѣлахъ нравственныхъ и житейскихъ не должно предъявлять другому правилъ, которыхъ самъ не въ состояніи исполнить.

— 8. Четвергъ. Хлопоты собиранія на дачу, а между тѣмъ переѣхать нельзя — все холода, хотя солнце свѣтитъ ярко. Но лучше бы оно менѣе свѣтило, да болѣе грѣло.

Многое есть въ природѣ, что и не снилось нашимъ мудрецамъ, а много есть такого, что они одни только и видятъ — во снѣ.

— 17. Суббота. Переѣздъ на дачу въ Павловскъ (на углу Правленской улицы и Бульварной, домъ Седерберга), вмѣстѣ съ дядею Маркомъ. Мои уже тамъ, я остался еще здѣсь до вторника.

Кончилъ рѣчь для пятидесятилѣтняго юбилея В. Я. Буняков-

скаго, которую Академія поручила мнѣ произнести. Это будетъ въ слѣдующій понедѣльникъ, 19 мая. Бѣда писать эти рѣчи: въ нихъ нужно соблюдать особенныя тонкости приличія и проч. Но Буняковскій стоитъ труда, особенно по своему характеру.

Задуманъ міръ превосходно, но исполняется, какъ нельзя хуже.

— 19. Понедѣльникъ. Юбилей академику и вице-президенту В. Я. Буняковскому въ честь пятидесятилѣтія съ того времени, какъ онъ получилъ степень доктора. Торжество было великое. Адресамъ отъ разныхъ учебныхъ мѣстъ, университетовъ, рѣчамъ и всякимъ другимъ изъявленіямъ не было конца. Государь пожаловалъ Буняковскому Александровскую ленту и прибавку къ полученной имъ прежде арендѣ въ 1500 рублей. Выбита медаль въ честь его, установлена премія за лучшее сочиненіе по части математики. Что Буняковскій дѣйствительно почтенный, прекрасный человѣкъ и замѣчательный ученый—это совершенно справедливо и, слѣдовательно, справедливо и воздать ему подобающій почетъ. Но у насъ ни въ чемъ нѣтъ ни чувства правды, ни чувства мѣры. Все становится какою то фальшью оттого, что преувеличивается непомѣрно. Бѣдный Буняковскій не зналъ куда дѣться отъ добродѣтелей и всѣхъ похвальныхъ и высокихъ качествъ, которыми его вѣнчали. Ему оставалась только одна еще добродѣтель — снести свое величіе. Моя рѣчь была всѣхъ сдержаннѣе, хотя, конечно, выставляла на видъ все, чѣмъ онъ заслуживаетъ уваженіе и любовь. Она произвела благопріятное впечатлѣніе, и меня удостоили похвалъ за нее. Да тутъ же кстати, или вѣрнѣе некстати, многіе заговорили и о моемъ юбилеѣ. Противлюсь этому сколько возможно, въ глубокомъ убѣжденіи, что мнѣ вовсе не подобаютъ подобныя оваціи. По этому поводу у меня сложилась сказочка. Одинъ добрый человѣкъ, пріѣхавшій откуда-то изъ далека, вздумалъ между прочимъ осмотрѣть здѣсь сады, парки и огороды. „Вотъ, братцы“, сказалъ онъ занимающимся этими дѣлами, „я видѣлъ, какъ усердно вы работаете надъ капустою, картофелемъ, рѣпою, огурцами и другими такими полезными вещами: они выходятъ у васъ прекрасные. Все это хорошо, потому именно, что полезно. Но зачѣмъ у всѣхъ занимающихся этимъ родомъ культуры такая односторонность. Знаете-ли вы зачѣмъ я прибылъ сюда? Я хочу развести здѣсь

ананасы, померанцевыя и лимонныя деревья". Слушавшіе улыбнулись и ничего не отвѣчали. А между тѣмъ новый дѣятель купилъ землю, началъ ее всячески взрывать, удобрять и насаждать свои прекрасныя растенія. Но вышло то, чему надлежало быть. Всѣ его насажденія пропали отъ мороза и жестокихъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Земля оказалась также вовсе неспособною принять то, что ей навязывали. Трудъ и издержки пропали даромъ и, конечно, жалкій предприниматель остался не причемъ.—Скажите же, друзья мои, слѣдуетъ ли ему воздвигать за его, впрочемъ, добрыя намѣренія памятникъ? И самъ онъ, развѣ повѣритъ, что заслужилъ его? Примѣните это прямо ко мнѣ, и выйдетъ, что я совершенно правъ, не соглашаясь на мой юбилей. Вѣдь я то же дѣлалъ, что этотъ добрый, но нелѣпый садовникъ, проведя всю жизнь свою въ насажденіи въ умахъ возвышенныхъ нравственныхъ идеаловъ, понятій о человѣческомъ достоинствѣ тамъ, гдѣ въ нихъ вовсе не видятъ надобности. Вмѣсто картофеля и капусты, я хотѣлъ разводить лимоны и померанцы. Хорошо еще, что меня совсѣмъ не прогнали, а относились ко мнѣ великодушно, давали мнѣ хлѣбъ, безъ сомнѣнія видя во мнѣ забавнаго чудака.

* болѣе всѣхъ расточалъ мнѣ любезностей, и за мою рѣчь, и за біографію Муравьева, напечатанную въ министерскомъ журналѣ.

Обѣдъ былъ, какъ обыкновенно, шумный и со множествомъ спичей, которые, разумѣется, подъ вліяніемъ шампанскаго были еще великолѣпнѣе. Гротъ, впрочемъ, сказалъ очень милую вещь, выкопавъ гдѣ то стихи, которые нѣкогда писалъ Буняковскій. Они и послужили ему темою для искуснаго оборота, что Викторъ Яковлевичъ не былъ одностороннимъ ученымъ.

— 20. Вторникъ. Вотъ и я на дачѣ. Она мнѣ очень понравилась. Мой кабинетъ прелесть. Мои домашніе приняли всѣ мѣры къ его выбору и устройству. Право, они меня балуютъ.

— 22. Четвергъ. О жизнь, пучина недоумѣній, сомнѣній и тревогъ! Тщетно бѣдный умъ силится понять тебя! Что ты такое для миріады миріадъ существъ? Что такое ты для человѣка, на долю котораго выпали нескончаемыя страданія и нестерпимая жажда истины и внутренняго успокоенія? Вѣра, вѣра и вѣра! Но какъ заглушить въ себѣ голосъ сочувствія къ этимъ безконечнымъ бѣдствіямъ, удручающимъ человѣчество, для котораго

одинъ конецъ, одно утѣшеніе—смерть? А надежда будущей жизни? да! она тоже истекаетъ изъ вѣры.

— 24. Суббота. Кстати подвести теперь итогъ моего здоровья за весь годъ, отъ дачи до дачи. Во все это время оно было хорошо, кромѣ изрѣдка посѣщавшихъ меня головныхъ болей, отъ которыхъ я по вечерамъ избавлялся стаканами двумя крѣпкаго чая. Въ послѣдній мѣсяцъ меня преслѣдовалъ кашель, да разъ, ни съ того, ни съ сего, поднялись было колоти въ груди. Толчки, вслѣдствіе выдуманной мною системы спанья, являлись рѣже. Зато глаза меня озабочивали. . . . . . .

— 25. Воскресенье. Великолѣпная гроза, проливной дождь, теплота: деревья облеклись въ радостныя зеленыя одежды, благоуханіе въ воздухѣ. Настоящая весна.

Не отгоняй немногихъ свѣтлыхъ минутъ, когда онѣ какъ нибудь случайно забѣгутъ въ твою душу, опасеніями возможности грядущаго зла или обычною мрачною мыслью о ничтожествѣ и непрочности всего радостнаго на землѣ. Пусть это будетъ хоть не болѣе, какъ станціями на тернистомъ пути жизни. Надобно же иногда отдохнуть и перемѣнить лошадей.

Въ сердцѣ человѣческомъ столько накопляется нечистотъ всякаго рода, что никакой Ф. Ф. Треповъ не въ состояніи ихъ очистить.

— 27. Вторникъ. Въ городѣ, въ засѣданіи комитета правленія. Выручилъ у Веселовскаго мою рѣчь (привѣтствіе Буняковскому) и отдалъ Безобразову для напечатанія въ „Новомъ Времени“. Этого желалъ и Викторъ Яковлевичъ.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенія. Таковое случилось съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“. Вотъ уже нѣсколько дней онѣ не выходятъ, такъ сами по себѣ, а не по цензурному воспрещенію. Забавнѣе всего, что вы получаете листъ за заглавіемъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости, газета политическая и литературная“, а подъ нимъ красуются объявленія о продажахъ, покупкахъ и проч. и только. Что-же это значитъ? Редактора не имѣется: С. удалился въ Москву и остался одинъ издатель Баймаковъ. Этотъ злополучный издатель шесть разъ избиралъ и представлялъ редактора: ни одного изъ нихъ не утверждали—то министръ народнаго просвѣщенія, то министръ внутреннихъ дѣлъ. Эти высокопоставленные господа, очевидно, забавляются

недоумѣніемъ публики и отчаяніемъ издателя, быстрыми шагами идущаго къ раззоренію. А кто-же виноватъ въ этомъ? Конечно, самъ Баймаковъ. Всякій человѣкъ, встрѣтивъ на пути своемъ лужу, обходитъ ее, а этотъ прямо влѣзъ въ нее. Да это и не лужа, а цѣлое болото. Мудрено-ли, что онъ завязъ въ немъ по шею, карабкается и не можетъ никакъ изъ него выбиться.

— 28. Среда. Холодновато. Цѣлую ночь шелъ дождь. А всетаки похоже на весну. Сирень готова совсѣмъ разцвѣсти. Нашъ садикъ прелестенъ. Тутъ, между прочимъ, есть огромная яблоня съ безчисленнымъ множествомъ вѣтвей. Она до того покрыта цвѣтами, что листьевъ совсѣмъ не видно.

— 29. Четвергъ. Можно-ли имѣть какое-нибудь довѣріе къ наукѣ, проповѣдуемой нѣмецкими устами послѣ того, какъ нѣмецкіе ученые: Блюнчли, Гнейстъ—первоклассныя знаменитости стараются оправдать и возвести въ принципы покушеніе Пруссіи напасть на Францію безъ малѣйшаго, со стороны послѣдней, повода? Франція, видите, занимается устройствомъ своихъ военныхъ силъ, ergo она хочетъ мстить Германіи, за недавно нанесенныя ей пораженія, а поэтому Германія должна ее предупредить и до тла разорить ее, чтобы она уже не имѣла ни войска и никакихъ средствъ къ отмщенію или къ защитѣ. Слыхана-ли была когда-нибудь такая логика? Тщетно Франція доказываетъ, что заботясь о своихъ внутреннихъ дѣлахъ и возводя войско свое на степень, соотвѣтствующей великой державѣ, она вовсе и не помышляетъ о войнѣ. Значитъ, ни одно государство въ Европѣ не можетъ заниматься своими внутренними дѣлами, не спрося на то согласіе г. Бисмарка. Вѣдь въ такомъ смыслѣ отнесся онъ и къ Бельгіи и къ Италіи. И вотъ ученые и высокомыслящіе люди нѣмецкіе пустились научнымъ образомъ доказывать справедливость такой разбойничьей политики. И война во Франціи была-бы неизбѣжна, и потоки крови полились бы снова, и открытый грабежъ германскихъ рыцарей пронесся бы губительнымъ ураганомъ по лучшей части Европы единственно потому, что такъ угодно Бисмарку. Могутъ-ли далѣе простираться политическое высокомѣріе и алчность націи, которая такъ много толковала о прогрессѣ науки и цивилизаціи! Облагородила-ли сколько нибудь и очеловѣчила-ли ихъ наука? Къ счастью, на этотъ разъ у Россіи нашлось столько здраваго

смысла, что обожаніе Пруссіи не помѣшало ей, какъ говорится, нѣсколько окрыситься на ея замыслы, и Англія тоже вошла въ свою роль великой державы и рѣшительно подняла и свой голосъ противъ предпринимаемаго разбоя въ Европѣ.

У всякаго найдется довольно способности, чтобы повредить полезному дѣлу или начинанію—помочь ему, другое дѣло.

Іюнь.—1. Воскресенье. Дурно прощается съ нами май. Послѣдніе его дни холодны и дождливы. Вотъ тѣмъ-же привѣтствуетъ насъ и іюнь.

Когда человѣкъ приближается къ концу, онъ чувствуетъ тоже, что зритель въ театрѣ по окончаніи пьесы. Все, что казалось ему такимъ дѣйствительнымъ на сценѣ жизни, что возбуждало его участіе, представляется ему сущимъ вздоромъ. Все это комедія, обманъ, выдумка, пустая игра. Въ заключеніе серьезною оказывается одна вещь—опущеніе занавѣси, смерть. Умирая, Августъ, императоръ, сказалъ окружавшимъ его: „друзья! пьеса съиграна—рукоплещите". Тоже одинъ знаменитый человѣкъ, кажется, Морицъ Саксонскій, передъ смертью произнесъ: „друзья! какой прекрасный сонъ видѣлъ я!"

Рѣчь моя напечатана въ 129 номерѣ „Новаго Времени". Я отвсюду слышу о ней самые лестные отзывы.

— 5. Четвергъ. Говорятъ, въ губерніяхъ найдено множество разныхъ воззваній къ народу, революціоннаго свойства. А между тѣмъ всеобщая деморализація ростетъ болѣе и болѣе во всѣхъ слояхъ общества. Если это правда, то положеніе наше очень печально. Что должна дѣлать тутъ интеллигентная часть общества? Она должна дружно противодѣйствовать этому разрушительному, разлагающему направленію . . . .
Вотъ почему, напримѣръ, проектъ о лишеніи университетовъ ихъ правъ чрезвычайно несвоевременъ.

Я имѣлъ длинный разговоръ съ ***. Онъ описывалъ мнѣ подробно печальное состояніе нашихъ университетовъ, ихъ полнѣйшую деморализацію, будто бы въ сословіи самыхъ профессоровъ. Это то, по его словамъ, вынуждаетъ министерство ограничить автономію ихъ. Но время ли къ этому? Никакъ не слѣдуетъ принимать крутыхъ мѣръ.

Мы, книжные люди, думаемъ, что нужна истина для того, чтобы общества жили добропорядочно и благополучно по воз-

можности. А вотъ Китай болѣе 4000 лѣтъ живетъ ложно... Дѣло не въ истинѣ, а въ убѣжденіи и въ вѣрѣ. Если вы вѣрите во что нибудь, что это истина, то вѣрованіе ваше обезпечиваетъ извѣстный порядокъ вещей и это все, что нужно.

Природа въ отношеніи къ человѣку страшный деспотъ.— Если онъ преслѣдуетъ тебя—удирай отъ нея по возможности: настигнетъ—бѣда! Приспособляйся къ ея велѣніямъ и законамъ, какъ умѣешь.

— 11. Среда. Одна изъ остроумнѣйшихъ пословицъ, выражающихъ здравый смыслъ народа, это „до Бога высоко, а до Царя далеко“.

Человѣкъ долго можетъ слѣдовать одному направленію, вслѣдствіе какой-нибудь укоренившейся въ немъ идеи. Всѣ другія стремленія, не подходящія подъ нее, онъ заглушаетъ въ себѣ. И чѣмъ овладѣвшая имъ идея кажется ему возвышеннѣе, тѣмъ становится онъ недоступнѣе другимъ внушеніямъ, хотя бы это были внушенія сердца или разума. Она увлекаетъ его все далѣе и далѣе, пока не натолкнетъ его на роковой кризисъ. И тутъ только обнаруживается, что онъ остается всетаки человѣкомъ съ многосторонними требованіями своей природы: они вступаютъ въ свои права.

— 15. Воскресенье. Тревога: недалеко отъ насъ въ 2 часа ночи произошелъ пожаръ, возлѣ такъ называемаго Монмартра. Сгорѣло пять домовъ и лютеранская церковь. Я не спалъ до 2-хъ часовъ, но не слыхалъ ни малѣйшихъ признаковъ начавшейся бѣды, также и мои домашніе. Только поутру въ 8 часовъ узнали о случившемся. Слѣдовало бы, кажется, какъ нибудь давать знать публикѣ о пожарѣ; иначе могутъ люди сгорѣть у себя на постели. Прежде звонили въ набатъ, но это почему-то отмѣнено. Въ небольшомъ деревянномъ городкѣ нужно спящихъ пробуждать, это не то, что въ Петербургѣ. Да и тамъ Треповъ завелъ колокольчики у пожарныхъ, когда они ѣдутъ тушить пожаръ.

— 18. Среда. Въ сегодняшнемъ 166 № „Голоса“ напечатанъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія . . . .

. . . .

Тонъ всего циркуляра отличается какимъ то презрѣніемъ къ обществу, которое, по мнѣнію его автора, ничего не смыслитъ и вполнѣ невѣжественно. Положимъ, что такъ; но развѣ можно

просвѣщать его и руководить имъ такими мѣрами?... Развѣ можно насиліемъ просвѣщать умы и созидать убѣжденія? Такъ поступалъ Петръ Великій. Но то былъ Петръ Великій. Да и не тѣ условія были, среди которыхъ дѣйствовалъ онъ. Не тѣ задачи, не тѣ цѣли, не то время.

— 21. Суббота. . . . .

Дѣло о Медицинской академіи окончательно рѣшено. Она остается за военнымъ министромъ. Принято со всеобщимъ удовольствіемъ.

Не надо изображать людей только съ худой стороны: они сдѣлаются еще хуже чѣмъ есть.

— 26. Четвергъ. Изъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ, имъ же нѣсть числа, самые непонятные по ихъ глупости: скупость и высокомѣріе.

Іюль.—1. Вторникъ. Силою воли многое можно превозмочь—даже страхъ смерти.

Способъ, не обѣщающій желаемаго успѣха въ дѣлѣ, есть самый дурной способъ. Это особенно важно въ отношеніи къ дѣламъ (общественнымъ).

Хорошее чье-то выраженіе относительно невозможности человѣку познать первоначальную основу жизни: Поднять самого себя за поясъ.

Есть люди, которые сомнѣваются во всемъ, кромѣ того, что сами выдумаютъ или скажутъ.

— 8. Вторникъ . . . .

. . . .

Природа дѣлаетъ людей существами разумными, а дураками они дѣлаютъ сами себя.

— 10. Четвергъ. Кризисъ есть мечъ обоюдоострый: онъ разсѣкаетъ узлы, но часто и ранитъ тѣхъ, которые его вызываютъ, а чаще всего портитъ самыя нити, изъ которыхъ связался узелъ. Таковы всегда бываютъ преднамѣренные кризисы. . . . .

— 12. Суббота. Рѣшено, говорятъ, созвать нотаблей для принятія мѣръ противъ нашихъ пропагандистовъ. Будетъ созвано по три депутата изъ дворянъ или выборныхъ. Чего можно ожидать отъ этой мѣры? . . . .
Вѣрнѣе всего можетъ случиться то, что большею частью у насъ случается: сойдутся, потолкуютъ и разойдутся, а вещи останутся

такъ, какъ были. Говорятъ, что созваніе депутатовъ отъ дворянства предложено Валуевымъ.

— 13. Воскресенье. Извѣстіе о созваніи депутатовъ отъ дворянства оказывается ложнымъ. Велѣно только по губерніямъ дворянамъ заняться изысканіемъ мѣръ противъ пропагандистовъ . . . .

— 19. Суббота. Правда состоитъ не только въ томъ, чтобы не прибавлять къ вещамъ того, чего въ нихъ нѣтъ, но и въ томъ, чтобы не умалчивать о томъ, что въ нихъ есть.

— 25. Пятница. . . . .

. . . .

Брошюра князя Васильчикова—письмо къ графу Толстому, министру народнаго просвѣщенія—тѣмъ хороша, что ничего новаго въ себѣ не содержитъ. Все, что въ ней говорится, думается и говорится всею Россіеи.

При самомъ началѣ пресловутой классической системы, я утверждалъ, что она скоро лопнетъ вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности и насилія, съ которымъ она проводится вопреки здравому смыслу и общественному мнѣнію. Сила самыхъ вещей сломитъ это нарожденіе индивидуальныхъ мнѣній и произвола. Но то всетаки худо, что при этой сломкѣ могутъ разлетаться осколки, которые, чего добраго, многихъ могутъ ранить и изувѣчить . . . .

Августъ.—6. Среда. До сегодняшняго дня августъ былъ похожъ на іюнь и іюль. Были по временамъ дожди и очень крупные, но са ними тотчасъ становилось свѣтло и тепло. И сегодняшній день еще не дуренъ.

— 10. Воскресенье. Древнія классическія литература и языкъ дѣйствительно составляютъ нѣчто законченное. Но законченъ ли духъ человѣческій съ его стремленіями такъ, чтобы далѣе этихъ классическихъ литературъ ему никуда и не слѣдовало бы идти? Вотъ о чемъ слѣдовало бы подумать когда установили мысль, что классицизмъ есть самое лучшее цивилизующее начало.

— 13. Среда. . . . .

. . . .

Россія не была государствомъ до Петра Великаго. Это было скопище людей, безъ всякихъ связующихъ идей, безъ всякаго по-

нятія о правѣ и обязанностяхъ, которое одно существенно отличаетъ государство отъ толпы. Во главѣ стоялъ царь, не государь, а господинъ; подвластные ему люди не были подданные, а рабы. Явился безпримѣрный плотникъ, который изъ этого матеріала срубилъ топоромъ государство.

— 16. Суббота. Августъ, какъ говорится, ни то, ни се: выпадаютъ дни ясные, иногда дождь ливнякъ, вообще довольно холодно, особенно по вечерамъ.

„Это все теоріи", сказалъ одинъ практическій господинъ своему пріятелю, разсуждавшему съ нимъ о важныхъ предметахъ. „А что такое теорія?" спросилъ онъ въ заключеніе презрительнымъ доктринернымъ тономъ. „Теорія", отвѣчалъ его пріятель, „это такая вещь, которой глупцы не понимаютъ". . . . .

— 26. Вторникъ. Настоящая новая исторія Россіи начинается съ отмѣной крѣпостнаго состоянія . . . .

Всѣ говорятъ о Богѣ, а живутъ такъ, какъ будто его совсѣмъ не было.

— 30. Суббота. Суматошный день. Поздравленій было множество—я усталъ, принимая ихъ и отвѣчая. Пріѣзжали изъ Царскаго Села. Прекрасные букеты. Никогда въ этотъ день у меня не было такого привала людей.

Сентябрь.—10. Среда. Я люблю читать біографіи великихъ людей, особенно прославившихся на поприщѣ умственной дѣятельности, и размышлять о нихъ. Знакомство съ ними укрѣпляетъ и возвышаетъ душу. Оно производитъ на нее то же дѣйствіе, какое мы испытываемъ физически, когда дышемъ воздухомъ на вершинѣ высокихъ горъ. Мы чувствуемъ себя нравственно здоровѣе, бодрѣе, разумнѣе въ ихъ присутствіи.

Я не вѣрю въ такъ называемыя переходныя состоянія. Всякій вѣкъ есть переходъ къ другому, и каждый хлопочетъ за себя и установляется по своему, какъ умѣетъ и какъ велитъ судьба. Онъ колеблется, значитъ живетъ. Это главное.

Болѣе всего позналъ я человѣческое ничтожество изъ обращенія съ людьми, такъ называемыми интеллигентными, литераторами и учеными. Тутъ только вполнѣ узнаешь, до какой степени человѣкъ лживъ, мелоченъ, самолюбивъ, высокомѣренъ и проч. И все это отъ того, что каждый изъ этихъ людей считаетъ себя умнѣе всѣхъ остальныхъ.

— 18. Четвергъ. Въ „Голосѣ“ мой бѣдный Миллеръ обруганъ за то, что осмѣлился (въ „Старинѣ“) сказать о Гоголѣ, что какъ человѣкъ, онъ былъ дрянной человѣкъ. По статьѣ „Голоса“ выходитъ, что Гоголь былъ человѣкъ дрянной, да отличный писатель, а до нравственности его никому нѣтъ дѣла. Вотъ видите, человѣку даровитому все позволено—онъ можетъ быть гадокъ, сколько душѣ его угодно. Это его право. Нравственный характеръ у этихъ господъ, современныхъ русскихъ передовыхъ людей, нипочемъ—будь только ихъ прихода. Мой сапожникъ очень хорошо шьетъ сапоги, но онъ воръ и мошенникъ. Объ этомъ надобно молчать. Этого они требуютъ и отъ исторіи знаменитыхъ людей. Нѣтъ нужды, что эти знаменитые люди поступками своими опровергаютъ все это, что проповѣдуютъ словами.

— 20. Суббота. Власть есть самая привлекательная игрушка для людей. Рѣдкій изъ получившихъ ее употребляетъ ее не для своей забавы. Она такая красивая, что изъ за нея легко забыть, что на свѣтѣ есть еще что нибудь, кромѣ игры въ нее.

— 26. Пятница. Сегодня былъ у меня Ламанскій (В. И.) съ предложеніемъ отъ литераторовъ взять на себя предсѣдательство въ комитетѣ, который намѣренъ что то издать въ пользу несчастныхъ герцеговинцевъ. Я, разумѣется, согласился, хотя и сомнѣваюсь, чтобы изъ этого что нибудь вышло.

Вечеръ прошелъ пріятно въ бесѣдѣ съ Невѣровымъ.

Исправленіе и очищеніе нравовъ возможно только тогда, когда заботящіеся объ этомъ заимствуютъ нравственные идеалы изъ внутреннихъ основаній общественнаго духа и передаютъ ихъ другимъ, какъ образцы, воодушевляющіе сердца и служащіе имъ примѣромъ.

— 30. Вторникъ. Собраніе Славянскаго комитета и комиссіи для изданія литературнаго сборника въ пользу герцеговинцевъ. По моему убѣжденію изъ этого ничего не выйдетъ. Прежде всего нужны матеріалы, статьи, а ихъ нѣтъ. „Будутъ“ говорятъ.— Увидимъ.

— Октябрь.—12. Воскресенье. Въ толкахъ о сборникѣ въ пользу герцеговинцевъ никакого толку нѣтъ. Однако, собираютъ статьи.

— 22. Среда. Засѣданіе комиссіи для составленія сборника въ помощь герцеговинцамъ.....

Добраться кое какъ до могилы безъ большихъ дорожныхъ непріятностей, сохраняя по возможности бодрый видъ, вотъ все, что мнѣ теперь предстоитъ.

Чувствовать свое ничтожество и не склониться подъ его бременемъ—неправда-ли, что это своего рода достоинство?

Если платье вамъ не впору, его можно еще носить, по крайней мѣрѣ, безъ большаго огорченія. Но если сапоги жмутъ вамъ ноги, да еще съ мозолями, то приходится плохо. Поневолѣ иногда вскрикнешь и пошлешь къ чорту сапожника, сшившаго вамъ обувь не по ногѣ. Однако, и съ этимъ надобно кое какъ ладить: не въ лапти же обуться!

— 23. Четвергъ. Засѣданіе въ Обществѣ христіанскаго просвѣщенія. Ф. прочелъ очеркъ о жизни и трудахъ Горскаго. Онъ буквально осыпалъ цвѣтами его могилу. Потомъ Осининъ прочиталъ тоже родъ похвальнаго слова Попову, бывшему священнику при нашей миссіи въ Лондонѣ, человѣку, впрочемъ, вполнѣ заслужившему уваженіе и любовь всѣхъ его знавшихъ, въ томъ числѣ и мою, своими нравственными качествами. Онъ же, Осининъ, прочиталъ въ отчетѣ о Бонской конференціи старокатоликовъ, гдѣ онъ былъ въ числѣ нашихъ делегатовъ. Дѣло шло о соединеніи нашей церкви съ старо-католическою. Главный вопросъ, затруднявшій это соединеніе, касался Св. Духа. Пренія, происходившія по этому предмету, чрезвычайно любопытны. . . . .

Впрочемъ, если существуетъ общество, т. е. церковь, то надобно же чтобы она утверждалась на чемъ нибудь. А что такое это что нибудь, это совершенно все равно. Лишь бы вѣрили и твердо стояли. Безъ истины можно жить, но нельзя жить безъ убѣжденія.

— 28. Вторникъ. Всякимъ новѣйшимъ непрошеннымъ учителямъ я сказалъ бы: господа! вѣдь вы ничего не знаете относительно высшихъ вопросовъ, въ рѣшеньи которыхъ стараетесь меня убѣдить. Оставьте же мнѣ право думать самому за себя въ этихъ случаяхъ. Вѣдь и я ничего не знаю. Но по крайней мѣрѣ я не играю роли невѣжды, который отвергаетъ все то, чего не знаетъ и чего узнать не можетъ.

На дняхъ, въ пятницу, заѣзжалъ ко мнѣ князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, съ просьбю пересмотрѣть издаваемыя имъ

записки изъ его семейнаго архива, гдѣ, между прочимъ, очень много содержится любопытныхъ подробностей о Нелединскомъ-Мелецкомъ. При этомъ князь прочиталъ статью князя П. А. Вяземскаго, которая будетъ приложена къ книгѣ. Эта статья прелестна по остроумію, изяществу и свѣжести изложенія, несмотря на 83 года автора. Ее выслушали вмѣстѣ со мною Любощинскій (дядя Маркъ), Небольсинъ (Григорій Павловичъ) и Вороновъ.

Ноябрь.—5. Среда. Самое скверное изъ современныхъ нравовъ, при полномъ отсутствіи вѣры во что-нибудь высшее и нравственное—это своего рода презрѣніе къ жизни. Не понравилось то или другое, или слишкомъ что-нибудь понравилось, да не дается въ руки—трахъ! Застрѣлился, повѣсился или утопился.

Обѣдалъ у князя Д. А. Оболенскаго вмѣстѣ съ академикомъ, моимъ сотоварищемъ, Гротомъ. Мы вмѣстѣ разсматривали приготовленныя княземъ записки о Нелединскомъ-Мелецкомъ.

— 6. Четвергъ. Заупокойная обѣдня и панихида по графѣ А. К. Толстомъ. Я пришелъ рано, когда обѣдня еще не начиналась. Тутъ было нѣсколько литераторовъ: Гончаровъ, Краевскій, Стасюлевичъ, Миллеръ (Орестъ), Костомаровъ. А. К. Толстой былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ поэтовъ и моимъ хорошимъ знакомымъ.

— 17. Понедѣльникъ. Пошлы общія мѣста, что все на свѣтѣ превратно, особенно человѣкъ, но съ ними приходится на каждомъ шагу вѣдаться. Въ пятницу прошедшую у меня было человѣкъ 15 гостей и между ними мой дорогой, старый другъ А. С. Вороновъ, не подававшій никакого признака или предзнаменованія того, что случилось съ нимъ вечеромъ въ субботу на Педагогическомъ собраніи. Случившееся съ нимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ ударъ, отнявшій у него половину тѣла съ лѣвой стороны. Сегодня я заѣзжалъ къ нему, но онъ до сихъ поръ остается въ гимназіи (во 2-й): его нельзя трогать, чтобы перевезти домой. Отъ служанокъ я узналъ, что ему не лучше, а главное, что онъ не говоритъ. Вся семья, разумѣется, тамъ около него. Попозже поѣду въ гимназію.

Былъ у Воронова, но не могъ его видѣть. Онъ не пришелъ еще въ сознаніе и не владѣетъ языкомъ. Бѣдное семейство въ отчаяніи. Я просидѣлъ съ нимъ долго, стараясь, разумѣется,

сколько можно, умягчить его тревоги и скорбь. Положеніе Андрея Степановича гораздо опаснѣе, чѣмъ я думалъ. Болѣе всего боятся за мозгъ. Онъ все еще лежитъ въ гимназіи. Состояніе его таково, что его нельзя тронуть съ мѣста. Все это тяжело легло на мое сердце. Кромѣ многолѣтней дружбы, меня съ нимъ связывавшей, я всегда находилъ въ немъ лучшаго изъ людей. Онъ соединяетъ въ себѣ здравый и просвѣщенный умъ, съ рѣдкою добротою и кротостью сердца.

— 19. Среда. Трудно рѣшить, чего болѣе люди достойны—презрѣнія или сожалѣнія. Дѣло въ томъ, какимъ окомъ мы на нихъ будемъ смотрѣть. Если окомъ холоднаго ума—ихъ нельзя не презирать; если окомъ сердца,—станешь глубоко сожалѣть о нихъ. Человѣку мыслящему и великодушному чаще всего приходится колебатьси между тѣмъ и другимъ.

Мы Богъ знаетъ чего ожидаемъ и требуемъ отъ жизни, а она въ состояніи дать намъ только страданья, нѣсколько мимолетныхъ радостей и смерть.

— 22. Суббота. Умеръ Андрей Степановичъ Вороновъ. Общество лишилось въ немъ одного изъ благороднѣйшихъ своихъ членовъ, а я лучшаго и въ настоящее время единственнаго человѣка, котораго могъ безопасно и довѣрчиво назвать своимъ другомъ. Говорили, что ему нѣсколько стало лучше, и сегодня я отправился къ нему поутру съ этою доброю надеждою. Въ швейцарской я встрѣтилъ зятя его, Новикова, и онъ объявилъ мнѣ, что Андрей Степановичъ уже не существуетъ. Я вошелъ въ залу. Тамъ вокругъ его смертнаго одра сидѣло его семейство—жена и дочери, погруженныя въ невыразимую скорбь. Лицо его было открыто — тихое, спокойное, только какая то грустная улыбка, какъ-бы застыла на его губахъ. Она какъ будто говорила: вы видите, что все это вздоръ, мечты. Слезы хлынули изъ моихъ глазъ, я поцѣловалъ его въ голову. Какое честное сердце было у этого человѣка, какой свѣтлый, здравый умъ! Всякому, кому онъ могъ сдѣлать одолженіе, добро, онъ дѣлалъ ихъ, самъ того не подозрѣвая. О немъ можно вполнѣ сказать: „человѣкъ безъ упрека“. И это истина безъ малѣйшаго преувеличенія. Вся жизнь его была посвящена образованію его согражданъ, и онъ палъ въ честномъ бою за это святое дѣло. Противъ него поднялась цѣлая буря по поводу его проекта объ обязательномъ ученіи. Нашлись

люди, которые сочли себя обиженными, что нашелся человѣкъ который возбудилъ къ себѣ общее и вниманіе и сочувствіе дѣломъ, которое не они затѣяли. На каждомъ шагу бѣдный Вороновъ отъ своихъ же интеллигентныхъ собратій встрѣчалъ возраженія, совершенно нелѣпыя и недоброжелательныя: да что? да какъ? да почему же? и проч. Я просилъ его не придавать этому цѣны—за него всѣ честные и умные люди. Къ сожалѣнію онъ слишкомъ горячо принималъ все это къ сердцу, и когда въ субботу въ этомъ безтолковомъ Педагогическомъ собраніи начали дѣлать ему грубо возраженія, на которыя у него и были самые удовлетворительные отвѣты, съ нимъ произошелъ ударъ, кончившійся вотъ чѣмъ. Можетъ быть люди и не произвели этого, но нѣтъ сомнѣнія, что они ускорили катастрофу.

— 24. Понедѣльникъ. На похоронахъ Воронова. Безчисленное множество каретъ, людей на выносѣ. Многіе сопровождали гробъ до могилы на Митрофаньевскомъ кладбищѣ. Общее участіе. У людей бываетъ почти всегда такъ: не оцѣнить и, если можно, повредить ближнему живому, но мертвому воздаютъ должное его заслугамъ и нравственнымъ качествамъ. Я говорилъ съ министромъ. Онъ очень сожалѣлъ. Впрочемъ, надобно отдать справедливость графу Толстому, хотя еще живому, что онъ умѣлъ цѣнить и уважать Воронова, хотя этотъ изъявлялъ и печатно и письменно свои реальныя идеи противъ крайняго классицизма. Я проводилъ моего покойнаго друга до кладбища, гдѣ выслушалъ и заупокойную обѣдню.

Не заглядывай слишкомъ въ будущее—тамъ ничего для тебя нѣтъ, кромѣ уничтоженія.

— 29. Суббота. Дня три, какъ къ сильному кашлю присоединилось у меня еще нѣчто небывалое въ груди—какое то стѣсненіе въ дыханіи по временамъ, между тѣмъ, какъ грудь совершенно въ порядкѣ и нѣтъ никакой боли.

— 30. Воскресенье. Ночь провелъ дурно. Впрочемъ я вообще сплю мало. Въ груди не только не лучше, а кажется хуже.

Декабрь. — 1. Понедѣльникъ. Мало улучшенія въ груди. Слабость въ тѣлѣ.

— 6. Суббота. Кажется лучше въ груди, только кашель по временамъ. Однако докторъ Бессеръ запретилъ выходить еще

дней пять. По нынѣшнему холодному времени онъ боится воспаленія.

— 9. Вторникъ. Въ первый разъ вышелъ на воздухъ. Погода теплая — одинъ градусъ холода. Проходилъ 40 минутъ; чувствовалъ все время усталость.

— 11. Четвергъ. Средина хорошая вещь, только не въ нравственномъ самообладаніи. Тутъ невозможны компромиссы: тутъ безусловно надобно все покорить, или, увлекшись однимъ чѣмъ нибудь, сдѣлаться покореннымъ во многомъ — а затѣмъ всякая гадость внутренняго самонедовольства. Я давно и постоянно надъ этимъ работаю и глубоко убѣжденъ, что это единственная опора для меня въ нынѣшнемъ моемъ положеніи, и внутреннемъ и внѣшнемъ.

Дневникъ мой, право, единственный у меня другъ.

— 12. Пятница. Газеты, гостиныя, улицы наполнены толками объ овсянниковскомъ дѣлѣ. 5-го декабря произнесенъ надъ Овсянниковымъ приговоръ—Сибирь въ отдаленныя мѣста ему, и каторга на 9 или 8 лѣтъ его сподвижникамъ.

Публика довольна рѣшеніемъ суда и присяжныхъ, которые много выиграли этимъ въ ея глазахъ. Вотъ, дескать, и милліоны не помогли. Это правда. О немъ говорятъ, что вообще онъ скверный человѣкъ и поджогъ мельницы не есть единственное его преступленіе. Въ сущности, онъ одинъ изъ многихъ у насъ нажившихъ милліоны разными неправдами. Этотъ, несмотря на свой умъ, попался, тогда какъ другіе выходили чисты, чуть не святы съ помощью купли разныхъ чиновниковъ, мелкихъ и большихъ.

Наукѣ принадлежитъ дѣйствительность съ ея законами, искусству—идеалы съ ихъ олицетвореніемъ.

— 22. Понедѣльникъ. Кашель усилился ночью.

Мы точно какой-то азіатскій кочующій народъ: едва успѣемъ раскинуть гдѣ нибудь наши учрежденія, какъ намъ велятъ опять сниматься съ нашего мѣста, снова собираться въ дорогу. Приходится опять прятать въ чемоданы все, что намъ дали или что мы успѣли пріобрѣсти, и вотъ мы снова странствуемъ по пустынѣ, словно въ поискахъ обѣтованной земли. Въ сущности мы номады и бродяги среди цивилизованнаго міра...

1876 годъ.

За границей.

Продолжительная и тяжкая болѣзнь привела меня за границу. Говорили медики и не медики, что тамъ найду я и утраченную мною энергію въ тѣлѣ и аппетитъ, котораго я лишенъ вотъ уже мѣсяца два. Привыкнувъ не довѣрять ничему вполнѣ, я не знаю, будетъ ли это такъ, да и кто въ состояніи сказать, что что либо будетъ такъ, какъ онъ желаетъ или предполагаетъ? Однако, какъ въ Петербургѣ, суровомъ и мрачномъ, ничего лучшаго тоже не предвидѣлось, то я рѣшился ѣхать, хотя и вовсе не охотно.

Лица, болѣе всего способствовавшія къ дарованію мнѣ отпуска и средствъ къ поѣздкѣ за границу, были президентъ Академіи наукъ, графъ Ѳ. П. Литке и министръ народнаго просвѣщенія графъ, Д. А. Толстой. Къ нимъ присоединился и министръ финансовъ, Рейтернъ, который подносилъ о томъ докладъ Государю, и мои товарищи по Академіи.

Вообще во все время моей болѣзни, я былъ предметомъ постояннаго и живаго сочувствія многихъ, даже такихъ лицъ, о которыхъ у меня были только смутныя понятія, да и они, я думаю, не имѣли обо мнѣ другихъ. Образовалась какая то нравственная связь между мною и ими. Тутъ были и мужчины и женщины. Неужели же это правда, скажетъ пессимистъ, что людей могутъ соединять, кромѣ взаимныхъ выгодъ, и другія болѣе возвышенныя убѣжденія и идеи? Выходитъ, что это правда. Радуюсь отъ глубины души и за себя, и за человѣческое сердце. Впрочемъ, и ранѣе этого, многіе опыты собственной моей жизни доказали, что, какъ говорится по просту, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, и хотя эти люди попадаются не часто, однако, они существуютъ и будутъ всегда существовать, какъ утѣшительный протестъ противъ общаго хода человѣческихъ вещей.

30 марта, во вторникъ, я съ дочерью былъ уже въ вагонѣ Варшавской желѣзной дороги. Отъ Петербурга до Пскова и даже за Псковъ мы ѣхали еще между полями, покрытыми снѣгомъ съ небольшими проталинами пожелтѣвшей прошлогодней травы. Около Вильны начали кое гдѣ показываться первые признаки

травы, предвѣщающіе весну, и на деревьяхъ почки, и подвигаясь къ Варшавѣ, онѣ становились явственнѣе.

Въ Варшаву мы прибыли 31 марта, въ среду, въ 9 часовъ вечера. Здѣсь встрѣтилъ насъ А. К. Шенебееръ съ женою и сестра его С. К. Они оказали намъ столько доброжелательства и услугъ, что мое сердце никогда ихъ не забудетъ. Все: удобная квартира въ отелѣ, экипажи для переѣзда со станціи, доставленіе багажа, все было устроено ими, какъ нельзя лучше. Эти наши друзья не оставляли намъ услуживать во все время пребыванія въ Варшавѣ и точно также, при отправленіи изъ нея въ дальнѣйшій путь, приняли на себя всѣ заботы, какъ и при въѣздѣ въ нее.

Четвергъ и пятницу 1-го и 2-го апрѣля пробыли въ Варшавѣ. Въ эти дни насъ, кромѣ Шенебееръ, нѣсколько разъ навѣщалъ Благовѣщенскій. Дружескія бесѣды съ нимъ были для меня очень пріятны.

Съ сердечнымъ привѣтомъ была у насъ также А. С. Балицкая, а за нею старый мой слушатель и пріятель Петръ Карловичъ Щебальскій, директоръ училищъ Варшавской губерніи.

Я выѣхалъ изъ Варшавы въ 7 часовъ утра въ субботу, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья, и въ пять часовъ, въ этотъ праздникъ я былъ уже въ Вѣнѣ. Верстъ за 200 отъ Варшавы насъ началъ сопровождать снѣгъ, покрывшій поля бѣлою пеленою. Но ближе къ Вѣнѣ природа принимала уже болѣе весенній видъ. На деревьяхъ и поляхъ показывалось болѣе и болѣе зелени.

Строки эти я пишу уже въ Вѣнѣ въ „Грандъ-Отелѣ“.

Вчера, т. е. во второй день праздника, я въ коляскѣ ѣздилъ по городу и съ полчаса гулялъ пѣшкомъ въ городскомъ саду въ первый разъ въ тепломъ пальто. День былъ ясный и довольно теплый, хотя и съ вѣтромъ.

Праздничные дни мы, разумѣется, проводимъ въ скукѣ и въ воспоминаніяхъ о нашихъ дорогихъ родныхъ. Днемъ я читаю вещи серьезныя, взятыя мною изъ дому: Миля, исторію философіи Фишера и проч.

5-го, въ понедѣльникъ, былъ у меня священникъ нашего посольства, Раевскій, очень не надолго. Онъ обѣщалъ еще зайти ко мнѣ. Отъ него надѣюсь я узнать, что дѣлается въ мірѣ политическомъ.

Быть нравственно великимъ значитъ сносить мужественно

всякую скорбь, посылаетъ ли ее намъ природа или судьба. Это нравственное величіе было идеаломъ всей моей жизни, и теперь постыдно было бы, неблагородно и глупо не ожидать отъ него подкрѣпленій въ моихъ физическихъ страданіяхъ. Итакъ, къ нему, къ нему!

Апрѣль.—8. Четвергъ. Гулялъ по Пратеру въ коляскѣ, а потомъ пѣшкомъ въ общественномъ саду. День прекрасный, лѣтній, хотя и съ вѣтромъ, но южнымъ, теплымъ. Деревья почти всѣ распустились, кромѣ очень старыхъ каштановъ и тополей.

— 9. Пятница. Приготовляемся къ отъѣзду въ Венецію. Чтобы не подвергаться усталости, намѣрены останавливаться, проѣзжая не болѣе семи часовъ. Сперва остановимся въ Грацѣ, а потомъ, гдѣ признаемъ за лучшее.

Въ среду вечеромъ посѣтилъ меня Раевскій и долго у меня просидѣлъ. Это очень умный, любезный и многознающій священникъ. Много любопытнаго услышалъ я отъ него о современныхъ политическихъ событіяхъ. Онъ во многомъ винитъ черногорскаго князя, который изъ своекорыстныхъ видовъ содѣйствовалъ возстанію герцеговинцевъ. Мнѣ, однако, кажется, что и безъ возбужденія съ его стороны возстаніе всетаки произошло бы, вслѣдствіе нестерпимаго гнета турокъ. Любопытно, между прочимъ, то, что турецкіе солдаты до того нищи и голодны, что принуждены продавать оружіе и порохъ герцеговинцамъ.

— 10. Грацъ. Переѣздъ отъ Вѣны до Граца черезъ Земмерингъ сопровождался великолѣпными красотами природы. Вскорѣ за Вѣной съ правой стороны начали подниматься небольшіе холмы, а потомъ мало по малу они начали превращаться въ величественныя скалы и горы, мѣстами покрытыя еще зимнимъ снѣгомъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, извивающейся самыми прихотливыми изгибами. Здѣсь по долинѣ разсыпаны то тамъ, то сямъ большія деревни и маленькія деревеньки, тонущія въ молодой, только что распустившейся зелени. На половинѣ пути, или около того, раскидывается городокъ Баденъ, одинъ изъ нѣскольких нѣмецкихъ бадеортовъ этого имени. Какъ милы, опрятны деревенскіе домики, на которые, увы! такъ мало похожи наши сельскія избы. Кажется въ этихъ домикахъ настоящее жилище мира, простоты и семейнаго счастія. Конечно, это только

въ моемъ воображеніи: и здѣсь люди страдаютъ также отъ нуждъ, раздоровъ и терпятъ скорби, какъ и вездѣ.

Повсюду страсти роковыя
И отъ судьбы защиты нѣтъ!

Какъ бы то ни было, а по крайней мѣрѣ, по виду въ Австріи люди являются въ болѣе очеловѣченномъ образѣ, чѣмъ думать можно, судя по ея политическому неустройству.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ долина окаймлена чудовищными громадами горъ и скалъ. Какая сила и когда выдвинула ихъ изъ нѣдръ земли? Геологи говорятъ, что все это дѣлалось постепенно: кусокъ на кускѣ, пластъ на пластѣ, наростали въ теченіе вѣковъ медленно и непримѣтно. Между тѣмъ тутъ столько разнообразныхъ, прихотливыхъ, уродливыхъ формъ, что такъ и кажется, что всѣ онѣ изъ своихъ сокровенныхъ логовищъ выброшены были на высоту какою то роковою силою мгновенно и легли гдѣ попало въ ужасающемъ безпорядкѣ.

Грацъ значительный городъ и, по всему видно, богатый. Онъ лежитъ тоже въ живописномъ мѣстѣ, но самая замѣчательная часть его—гора Глосбергъ, врѣзывающаяся одною половиною въ самый городъ. Ея величественная, грозная вершина, плоская совершенно, покрытая лѣсомъ, увѣнчана развалинами древняго замка или крѣпости. Мнѣ очень хотѣлось взобраться на эту великолѣпную вершину, но моимъ слабымъ силамъ это было совершенно недоступно.

— 11. Воскресенье. Изъ Граца въ Тріестъ.

— 12. Понедѣльникъ. Тріестъ, великолѣпный, богатый и обширный городъ, расположенъ амфитеатромъ на самомъ берегу моря. Кругомъ высокія горы, нѣкоторыя изъ нихъ врѣзываются въ самый городъ.

Изъ Тріеста 45 минутъ до Набрезины. Дорога почти вся по карнизу горъ. Прекрасные, грозно-величавые виды. Замокъ несчастнаго мексиканскаго императора Максимиліана на выдающемся въ море мысу—Мирамаръ.

— 13. Вторникъ. Въ 7 часовъ утра изъ Тріеста въ Венецію. Отель „Даніэли“ возлѣ дворца Дожей и площяди Св. Марка.

Вечеромъ вышли на площадь Св. Марка. Она усѣяна была народомъ: это былъ праздникъ дня Св. Марка.

Первое ощущеніе, возбуждаемое Венеціей—это изумленіе.

Венеція кажется огромнымъ великолѣпнымъ городомъ, какъ бы рожденнымъ на днѣ моря и вышедшемъ оттуда во всеоружіи богатства, красоты и величія. По улицамъ его, большимъ и малымъ, широкимъ и узкимъ, подобнымъ небольшимъ трещинамъ, какъ по жиламъ исполинскаго тѣла, вмѣсто крови протекаютъ волны того же моря, подступая къ каждому зданію и дѣлая возможнымъ доступъ къ нему только посредствомъ лодки. Это городъ безъ зелени и цвѣтовъ—городъ камней, гранита и мраморовъ. Въ немъ нѣтъ и экипажей для ѣзды. Во всемъ городѣ только четыре лошади, да и тѣ бронзовыя, стоящія неподвижно уже нѣсколько столѣтій на одномъ изъ фронтоновъ церкви Св. Марка. Право, кажется, городъ этотъ не строился, а выдвинулся изъ нѣдръ моря, такимъ какъ онъ есть, прямо и мгновенно, съ помощью какой то чудодѣйственной силы. Да и гдѣ, на чемъ и какъ ему строиться? Для напоминанія о сушѣ у него есть только набережная у моря, площадь Св. Марка и какая то насыпь, на которой разведено нѣчто похожее на садъ.

Въ среду, 14-го, прелестнѣйшій день, настоящее дитя весны и юга. Мы въ гондолѣ проѣхали по морю до такъ называемаго сада, выдающагося въ море мысомъ. Пріятная прогулка.

— Четвергъ и пятница, 15 и 16-го. Скверная погода—дождь и холодъ съ рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, какъ въ Петербургѣ. Въ промежутки между этими прелестями мы выходили, однако, и даже по нѣскольку разъ, на площадь Марка и прохаживались подъ арками окружающихъ его зданій. Заходили въ церковь Св. Марка. Внутренность ея величественнѣе внѣшности, которая напоминаетъ Византійскую архитектуру.

— 17. Суббота. Презрѣніе къ людямъ, столь явно оказываемое многими вознесенными лицами—Наполеонами, Бисмарками и проч. и несправедливо, и жестокосердно, и безразсудно. Не люди заслуживаютъ презрѣнія, а дѣла ихъ и судьба.

Въ эпоху упадка могущества Венеціи, дожъ долженъ былъ почтительно преклониться передъ Людовикомъ XIV, тогда всемогущимъ, и для этого прибылъ въ Парижъ. Во время аудіенціи король спросилъ у него, между прочимъ, что показалось ему всего замѣчательнѣе и любопытнѣе въ Парижѣ? „Любопытнѣе всего показалось мнѣ“, отвѣчалъ дожъ, „то, что я здѣсь“.

Еслибы у меня спросили, что всего замѣчательнѣе и любопытнѣе нахожу я въ Венеціи, я сказалъ бы: „самую Венецію“.

— Воскресенье и понедѣльникъ, 17 и 18. Почти весь день на площади Св. Марка.

Венеція не есть городъ настоящаго, а городъ прошедшаго. Это великолѣпнѣйшій монументъ нѣкогда процвѣтавшаго могущества, величія, богатства. Его дворцы носятъ громкія историческія имена; но они пусты. У нихъ нѣтъ даже наслѣдственныхъ обладателей. Говорятъ, большая часть ихъ принадлежитъ правительству, которое не знаетъ, что съ ними дѣлать.

Мраморы этихъ палатъ почернѣли отъ времени и прибоя морскихъ волнъ, которыя, однако не въ состояніи смыть съ нихъ слѣдовъ исторіи—можетъ быть потому, что они были нѣкогда окрашены кровью. Всѣ эти мраморные палаты и дворцы мертвенны, пусты и мрачны. Невыразимо грустно смотрѣть на царствующее въ нихъ молчаніе — трагедія съиграна, актеры съ пышными именами тлѣютъ въ своихъ гробницахъ. Такъ гибнетъ все человѣческое! Только море живетъ въ своихъ лагунахъ и камни, возвышающіеся надъ ихъ волнами. Прощай, Венеція!

Во вторникъ, 20-го, изъ Венеціи въ Верону.

— 22. Четвергъ. Въ Миланѣ, куда пріѣхали въ 4 часа дня. Остановились въ отелѣ „Римъ“.

Отъ Виченцы до Вероны насъ сопровождали съ правой стороны величественныя Тирольскія Альпы, которыя только не доѣзжая нѣсколько до Милана, начали уходить въ глубь страны. Удивительныя, прелестныя долины раскидывались повсюду вдоль желѣзной дороги. Безпрерывно мелькали то уютные домики крестьянъ, то деревеньки и города—Падуа, Пескіера и проч. Тутъ же разлилось на далекое пространство великолѣпное озеро Гардо, въ концѣ котораго у самой дороги очаровательный ландшафтъ. Глазъ нельзя было отвести отъ всѣхъ этихъ дивныхъ картинъ природы. И какъ тщательно обработаны поля, окаймленныя шелковичными деревьями и засѣянныя кукурузою, которая теперь только что всходила.

— 23. Пятница. Миланъ. Знаменитая готическая церковь. Древній монастырь Св. Амвросія. Фреска „Тайной Вечери“ Леонардо да Винчи въ церкви Св. Маріи. Садъ. Галлерея Виктора-Эммануила. Монументъ Леонардо да Винчи. Тріумфальная арка

Наполеона I-го. Изъ всего этого наибольшее впечатлѣніе на меня произвели: древній готическій соборъ; „Тайная Вечеря;“ Леонардо да Винчи, хотя съ поблекшими красками, но довольно сохранившаяся еще; монументъ да Винчи и галлерея Виктора Эммануила—значитъ, почти все, видѣнное мною сегодня. А самъ Миланъ? Конечно я не успѣлъ еще его обозрѣть; однако, главныя улицы, по которымъ мы ѣхали, показываютъ уже, что это прекрасный, многолюдный и богатый городъ.

— 24. Суббота. Съ самаго утра дождь. Теперь половина 11-го, а онъ все продолжается. Значитъ мои калоши, обращавшія на себя вниманіе прохожихъ еще въ Венеціи, оказываются вовсе не лишними.

Въ Венеціи чрезвычайно много бѣдныхъ. Вамъ безпрестанно встрѣчаются женщины и дѣвушки скромной и красивой наружности, одѣтыя въ ветхія, заплатанныя тряпки. Гондольеры тоже не отличаются своимъ убранствомъ, кромѣ немногихъ. Каждый вечеръ у нашего отеля раздавались до поздней ночи веселыя пѣсни хоромъ, въ которомъ слышались пріятные голоса. Странно, но гондольеръ, который преимущественно насъ возилъ, утверждалъ, что при австрійцахъ они гораздо меньше терпѣли отъ бѣдности.

— 25. Воскресенье. Опять съ утра дождь.—Свѣжо и сыро, и, кажется, на цѣлый день. Здѣсь говорятъ, что подобнаго ненастья никто въ это время года не запомнитъ. Поѣздку на Комо въ Белладжіо приходится отложить до болѣе благопріятной погоды.

Если предметы, разсѣянные по Европѣ въ сферѣ исторіи и природы, не внушаютъ путешественнику серьезныхъ, возвышенныхъ мыслей, если они безразличны для его нравственнаго образованія, то онъ напрасно издерживаетъ и время свое и деньги: онъ просто пустой человѣкъ, туристъ въ смыслѣ ротозѣя и шатателя.

Если въ человѣчествѣ можно назвать что нибудь великимъ, несмотря на суету и неразрѣшимость вопросовъ его существованія, на бѣдствія и превратности его судебъ, то это безъ сомнѣнія памятники, созданные его исторіей, вѣками и его образованіемъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что они оспариваютъ у природы ея величіе, красоты, могущество. Наука, искусство,

гражданское устройство Европы—вотъ права человѣка на почетъ въ системѣ мірозданія, права, которыя долженъ уважать разумъ, если только онъ самъ не есть летучій, преходящій во вселенной, феноменъ.

Если отсюда я брошу взглядъ на мое отечество, то для меня становится въ высшей степени поразительнымъ, какъ мало мы дѣлали для успѣховъ всеобщаго развитія и образованія. На это могутъ сказать, что мы такъ еще недавно начали существовать умственно, что мы еще народъ юный. Однако и надъ нами пролетѣли вѣка, и у этого юноши выросла порядочная таки борода, мѣстами даже съ просѣдью. Исторія была мачихой русскаго народа и воспитывала его очень дурно; но народъ развѣ такъ таки ничего своего не вноситъ въ исторію? Силы, способности расы развѣ ничего не значатъ, не сообщаютъ внѣшнему ходу вещей и событій отъ себя нѣкоторыхъ свойствъ, нѣкотораго колорита? Но можетъ быть эти силы и способности еще не успѣли сосредоточиться и это придетъ въ свое время? Будемъ надѣяться и не отчаяваться.

Одинъ изъ опаснѣйшихъ враговъ человѣка есть успѣхъ.

Въ нынѣшнее мое путешествіе, я видѣлъ два чуда въ Европѣ: Венецію, которую море, какъ будто родило въ своихъ волнахъ, и подняло на свои плечи, чтобы показать свѣту лучшіе изъ свохъ перловъ; другое чудо то, гдѣ глубочайшая мысль человѣчества нашла достойное себя воплощеніе на кускѣ жалкой поверхности стѣны, запрятанной въ старомъ зданіи—въ трапезной стараго монастыря Св. Маріи, нынѣ примыкающаго къ казармамъ. Чудо это — картина „Тайная Вечеря“ Леонардо да Винчи.

Погода, достойная Петербурга, продолжалась цѣлый день. Мы вышли было подышать хоть немного свѣжимъ воздухомъ въ галлереѣ Эммануила, но сырость и холодъ скоро прогнали насъ въ отель.

Русскаго человѣка надобно поднимать изъ грязи, въ которой онъ такъ давно и такъ часто барахтается, а не топтать его въ ней.

Какъ могутъ содѣйствовать преуспѣянію общества во всемъ благомъ тѣ, которые не имѣютъ вѣры ни въ какіе идеалы, которыхъ умственный горизонтъ ограничивается одною матеріаль-

ною реальностью, какъ будто не существуетъ никакой другой реальности?

Есть два способа дѣйствовать на людей: изъясненіе и возбужденіе или представленіе того, что есть и устремленіе къ тому, что должно быть—одинъ пассивный, другой активный.

— 26. Понедѣльникъ. Цѣлый день нельзя было сдѣлать шагу изъ комнатъ—дождь, холодъ, гнусность, которой итальянцы не запомнятъ. И, говорятъ, во всей Италіи такъ. Какъ тутъ думать о пользованіи тепломъ и воздухомъ, для чего, собственно, и предпринято мое путешествіе за границу?

— 27. Вторникъ. Наша народность находится нынѣ въ періодѣ самопознанія. Поэтому мы открываемъ и должны открывать въ себѣ всѣ тѣ пошлости, несообразности, умственное безсиліе и нравственную испорченность, которыя до сего были нашимъ удѣломъ, по крайней мѣрѣ большею частью. И въ этомъ отношеніи правы наши нравоописательныя романисты. Но этотъ процессъ самопознанія есть только первый актъ. За нимъ необходимо долженъ слѣдовать другой, т. е. выходъ изъ такого состоянія къ лучшему—и это лучшее представляется не иначе, какъ въ идеалахъ, къ которымъ мы должны стремиться. Безъ этого мы останемся навсегда въ томъ же самомъ періодѣ дурныхъ свойствъ, которыхъ мы не можемъ не признать. Вотъ къ этимъ то идеаламъ слѣдуетъ литературѣ направлять умы и для этого нужно и изображать ихъ. Дѣлаетъ ли это наша литература? Если для такого изображенія намъ не достаетъ въ настоящее время талантовъ, то не пора ли думать, по крайней мѣрѣ, объ этомъ? Особенно не пора ли научной, серьезной философской критикѣ возбуждать стремленіе къ необходимости иного настроенія въ литературѣ, чѣмъ то, какое господствуетъ въ ней нынѣ?

Къ сожалѣнію, мы ужасно боимся труда мысли. Отвлеченный ея характеръ пугаетъ насъ, какъ дѣтей пугаетъ азбука, не украшенная картинками, или не приправленная игрою. Но если мы думаемъ, что уже выросли изъ дѣтства и по крайней мѣрѣ приблизились къ періоду юности, то намъ стыдно пугаться труда мысли, какъ стыдно молодому человѣку, поступившему въ университетъ, избѣгать, научныхъ пріемовъ науки. Мы люди очень

остроумные, глумливые. Во всякой мысли мы желали бы видѣть игру остроумія и, вмѣсто того, чтобы думать и вдумываться въ нее, намъ хочется поиграть въ нее, позабавить читателей нашихъ, или слушателей.

— 28. Среда. Почти шесть дней продолжались дождь и холодъ. Сегодня проглянуло солнце, и мы поспѣшили воспользоваться хорошею погодою, чтобы выдти изъ нашего заточенія, и отправились въ садъ и къ памятнику Кавура. Въ саду походили около часу, потомъ я сосредоточилъ все мое вниманіе на памятникѣ Кавуру. Кавуръ бронзовый, изображенъ въ обыкновенномъ сюртукѣ и съ лентою по камзолу. Вся фигура его, говорятъ, настоящій портретъ. Онъ стоитъ на простомъ, гладкомъ, кругломъ пьедесталѣ и въ рукѣ держитъ свитокъ. Передъ нимъ внизу, у самаго пьедестала, муза исторіи пишетъ его имя. никакихъу крашеній болѣе, никакихъ скульптурныхъ вымысловъ. И что за прелесть эта муза исторіи! Какая легкость, грація и простота въ ея фигурѣ! Какое спокойное величіе и увѣренность въ ея лицѣ, что она воздаетъ только должное, предъявляя безсмертію имя великаго человѣка! Она изваяна изъ бронзы и, между тѣмъ, сидитъ, какъ живая. Она не сводитъ глазъ уже съ написаннаго ею: Кавуръ.

Несмотря на солнце, всетаки настоящей итальянской теплоты нѣтъ. Повѣваетъ холодненькій вѣтеръ.

— 30. Пятница. Погода не улучшилась—также сумрачно и холодно. Часовъ въ 11 вечера разразилась сильная гроза съ проливнымъ дождемъ. Не обѣщаетъ-ли это благопріятнаго кризиса въ погодѣ.

Май.—1. Суббота. Кризиса нѣтъ. Утро 10-ть часовъ, дождь и такъ холодно. Мы въ страшномъ недоумѣніи, на Комо ѣхать уже нечего и думать. Тамъ на озерѣ не можетъ быть ничего лучшаго. Не ѣхать-ли въ какое другое мѣсто Италіи? Но гдѣ ручательство, что тамъ не такъ, какъ здѣсь? И для чего ѣхать? Чтобы тамъ прожить недѣли три до поѣздки въ Швейцарію при благопріятныхъ условіяхъ тепла и свѣта, которые такъ нужны для моего здоровья. Увидимъ. Но оставаться долѣе въ Миланѣ безполезно и скучно.

— 2. Воскресенье. Долженъ-ли человѣкъ, приближающійся къ закату дней своихъ, думать непрерывно о своемъ концѣ? Это

было-бы сущимъ малодушіемъ, даже и тогда, когда физическое состояніе его оказывается не совсѣмъ надежнымъ. Не долженъ-ли человѣкъ во всеоружіи своего духа встрѣтить во всякій часъ все, что пошлетъ ему судьба?

Знакомство съ итальянскимъ литераторомъ Фарина, который сегодня просидѣлъ у насъ довольно долго. Онъ авторъ нѣсколькихъ хорошихъ повѣстей и романовъ и весьма пріятный человѣкъ. Разговоръ мой съ нимъ происходилъ съ помощью дочери, которая познакомилась съ нимъ, во время перваго своего путешествія въ Италію, черезъ Де-Губернатиса. Фарина говорилъ, что и у нихъ нѣтъ литературной, серьезной и разумной критики.

Забавно, что одинъ профессоръ литературы, говоря съ каѳедры о ея современномъ состояніи, осуждалъ писателей за то, что они не пишутъ эпическихъ поэмъ, а занимаются пустяшными сочиненіями въ другихъ и, притомъ прозаическихъ, формахъ.

— 3. Понедѣльникъ. Сумрачно и холодно. Проектъ ѣхать на Лаго-Маджіоре, вмѣсто озера Комо.

Жизнь раскидывается во всѣ стороны, какъ попало. Наука и мысль ищутъ здѣсь законовъ и находятъ ихъ въ системѣ и идеѣ развитія. Но гдѣ цѣль этого? Наука и мысль ничего не могутъ сказать объ этомъ.

— 4. Вторникъ. Изъ Милана въ Арону. Оттуда мы ѣхали уже на пароходѣ по великолѣпнѣйшему озеру Лаго-Маджіоре, между Альпами, и прибыли въ Паланцу въ 5 часовъ. Останавливались семь разъ для высадки пассажировъ и пріема новыхъ въ разныхъ городахъ, раскинутыхъ у подножія горъ на берегу. Въ Паланцѣ „Грандъ-Отель“.

Погода здѣсь теплѣе, хотя всетаки довольно сильный вѣтеръ.

Лаго-Маджіоре блистаетъ такими красотами природы, которыя не поддаются никакому описанію. Остается только смотрѣть и восхищаться. Нездоровье мое, впрочемъ, дѣлаетъ восхищеніе мое довольно умѣреннымъ.

— 7. Пятница. Сегодня утро, въ половинѣ 9-го, какъ и вчера, началось въ отелѣ пѣніемъ англичанъ—хоромъ молитвы. У нихъ тутъ есть и молитвенная особенная комната, такъ какъ эти мѣста много ими посѣщаются. Пѣніе было умилительное, особенно прелестныхъ женскихъ голосовъ. Я слушалъ его съ

большимъ удовольствіемъ и сочувствіемъ къ этому прекрасному обычаю цѣлаго общества начинать день молитвою.

Поутру небольшой, но теплый дождикъ, который скоро и прошелъ. Пользуясь нѣсколько сумрачною, слѣдовательно менѣе жаркою погодою, мы отправились на прогулку вправо отъ отеля по берегу озера между прелестнѣйшими виллами. Дорога гладкая и чистая, какъ вылощенная. Чудные виды открываются отсюда на озеро, на окружающія его грозныя горы, на домики и селенія по скатамъ ихъ, въ тѣни лавровъ, магнолій и проч. Всѣ виллы однако заперты. Кажется, никто изъ владѣтелей ихъ не понимаетъ, какими красотами онъ обладаетъ. Стало жарко; я началъ чувствовать усталость, и мы послѣ часовой прогулки, возвратились домой.

А вотъ передъ глазами у насъ Симплонъ съ своими снѣжными вершинами. Отъ него и отъ другихъ снѣжныхъ великановъ вы отводите усталые взоры на Боромейскіе острова, точно выходящіе изъ зеркальной поверхности озера — Изола Белла, Пескаторе, Мадре. На послѣдній рукою подать изъ нашего отельнаго сада.

— 8. Суббота. Солнце сіяетъ на безоблачномъ небѣ, а между тѣмъ холодно такъ, что сегодня я опять долженъ былъ надѣть теплое пальто. Озеро волнуется, горные великаны угрюмо смотрятъ. А вчера утро было такое прекрасное!

Не легко бороться съ физическою немощностью, а должно бороться съ нею мужественно и стараться одолѣвать ее.

Еще островокъ въ двухъ шагахъ отъ отеля нашего—Изолино Санъ Джіовани, куда нельзя однако иначе попасть, какъ на лодкѣ.

— 9. Воскресенье. Прекрасное утро. Безоблачное итальянское небо. Горы очерчены рѣзкими контурами, покрыты блестящими снѣгами, и между ними высится Симплонъ со своимъ выдающимся отрогомъ, Львиною горою (Монте Леоне). Мы долго гуляли по дорогѣ въ городокъ Интра.

— 11. Вторникъ. Вчера вечеромъ толпа молодыхъ людей изъ Паланцы каталась на лодкѣ мимо нашего отельнаго сада. Они стройнымъ хоромъ пѣли патріотическій гимнъ, главный смыслъ котораго состоялъ въ слѣдующемъ: „Прочь черное съ желтымъ знамя! Съ нами Гарибальди, нашъ вождь—и съ нимъ

Италія не побѣдима". Имя Гарибальди повторялось безпрестанно въ видѣ припѣва.

— 12. Среда. Въ мѣстностяхъ, которыя я проѣзжалъ и въ которыхъ останавливался, я почти пресытился красотами природы. Но въ ощущеніяхъ, которыя наполняютъ мое сердце, есть что-то отвлеченное, сухое и холодное. Они не растворяются, не одушевляются другими ощущеніями, возникающими изъ воспоминаній о людяхъ и сердечныхъ отношеній, которыя сопровождаютъ наше воззрѣніе на окружающій насъ міръ и съ которымъ связываются наше прошедшее и настоящее.

— 13. Четвергъ. Въ отелѣ есть небольшая англиканская церковь. Каждое утро въ нее сходятся пребывающіе здѣсь англичане и особенно англичанки и начинаютъ свой день молитвеннымъ гимномъ. Церковь эта возлѣ моего номера, и потому каждое утро я могу наслаждаться прекраснымъ пѣніемъ, которое отличается возвышеннымъ религіознымъ одушевленіемъ. Сегодня праздникъ Вознесенія, который нынче совпадаетъ съ празднованімъ его у насъ.

— 14. Пятница. Прогулка въ городкѣ Интра по берегу озера. При этомъ проѣхали два мѣстечка, лѣпящіяся у подошвы горъ на берегу озера: Гиффа и Оджеббіо. Все это прекрасно, но прекраснѣе всего вилла Французини, въ которую мы, съ позволенія садовника, вошли. Это чудо красотъ природы и искусства—особенно красотъ природы. Тутъ громадныя магноліи, камеліи въ цвѣту, лавры, кипарисы и проч.

— 15. Суббота. Картина Леонардо да Винчи „Тайная Вечеря" есть перенесенная на полотно страница Евангелія.

Намъ очень аккуратно посылаютъ изъ Петербурга „Голосъ", и мы такимъ образомъ постоянно находимся въ общеніи съ отечествомъ.

— 16. Воскресенье. Въ 2 часа изъ Паланцы въ Арону на пароходѣ. День прекрасный, очень жаркій. Мы простились съ хозяиномъ и со всѣми служителями очень дружелюбно: намъ было здѣсь вообще хорошо.

Въ Арону прибыли мы въ 5 часовъ и здѣсь переночевали. Въ половинѣ 11-го отправились въ Туринъ, куда пріѣхали около 5-ти часовъ. Остановились въ гостиницѣ „Европа".

Путь отъ Ароны до Турина представляетъ мало привлека-

тельнаго. Поля обработываются для риса, и потому залиты водою. Говорятъ, что эта мѣстность и не очень здорова, потому что слишкомъ пропитана влагою.

Недалеко отъ Турина начинаютъ опять показываться Альпы. У самаго Турина скаты горъ испещрены виллами, и это придаетъ имъ весьма пріятный, оживленный видъ. На высокой горѣ, господствующей надъ окрестностями, церковь, гдѣ погребаются короли и принцы Савойскаго дома: они, какъ будто, хотѣли быть ближе къ небу.

Мы уѣхали изъ Паланцы въ самую пору. Тамъ начинаются жары, которыя всѣхъ пріѣзжающихъ оттуда выгоняютъ, и нашъ почтенный „Грандъ-Отель" начинаетъ пустѣть. Милыя англійскія леди и миссы перестаютъ пѣть свои утренніе гимны, которые слушалъ я съ такимъ умиленіемъ.

— 18. Вторникъ. Въ экипажѣ ѣздили по городу: аллея на берегу По; памятникъ королю Альберту на королевской площади; плохой памятникъ Кавуру. Домъ графа Кавура запертъ, и мы видѣли его только снаружи, не могли проникнуть внутрь. Въ Туринѣ много памятниковъ, но безъ общечеловѣческаго или европейскаго интереса. Всѣ они имѣютъ мѣстное историческое значеніе.

— 19. Среда. Изъ Турина дальше.

Отъ Турина начинаютъ возвышаться горы и достигаютъ снѣжныхъ высотъ. До Моданы мы проѣхали 29 тунелей и изъ нихъ послѣдній прорѣзывалъ Монъ-Сени недалеко отъ Моданы. Здѣсь перемѣна вагоновъ, итальянскіе смѣняются французскими. Тутъ же и таможня французская, которая, впрочемъ, обошлась съ нами такъ благосклонно, что ничего не осматривала. Итакъ, прощай Италія въ Моданѣ. Отсюда опять почти до самаго Шамбери насъ сопровождали горы, снѣга коихъ доходили почти до долины, которая, тѣмъ не менѣе, блистаетъ роскошною зеленью. На одномъ однако-жъ пространствѣ мы поднялись на высоты, гдѣ холодъ дѣлается ощутителенъ и въ растительности произошла значительная перемѣна: лавровыя деревья, каштаны и проч. смѣнились нашею родною сосною и елью. Снѣга, казалось, готовы были скатиться съ вершинъ горъ и покрыть все представляющееся имъ на пути. Это было особенно ощутительно при входѣ въ Монсенисскій тунель. Въ одномъ мѣстѣ горы и

скалы принимали ужасающій видъ: это была настоящая мертвая пустыня.

Шамбери занимаетъ между горами чрезвычайно живописное положеніе. И городъ самъ по себѣ, несмотря на нѣсколько мрачную наружность своихъ домовъ съ аспидными крышами, очень милъ. Я жалѣлъ, что недолго въ немъ пробылъ. Послѣ обѣда мы пошли погулять въ публичный садъ, богатый тѣнистыми и роскошными деревьями, въ числѣ которыхъ и лавры и магноліи. Въ половинѣ 12-го на другой день мы отправились далѣе въ Женеву.

— 20. Четвергъ. Въ Женевѣ.

— 22. Суббота. Сегодня мы проѣхали въ Ферней, куда давно влекло меня желаніе поклониться тѣни человѣка, у котораго было хорошее сердце, скверный характеръ и возвышенный умъ съ геніемъ писателя. Что бы о немъ ни думали и ни говорили, а Европа обязана ему значительною частью своихъ успѣховъ умственныхъ и гражданскихъ. Мы осмотрѣли въ домѣ Вольтера двѣ комнаты, остающіяся въ томъ видѣ, какъ были при немъ. Здѣсь знаменитая урна съ извѣстною надписью: „сердце мое здѣсь, а духъ вездѣ". Портретъ Екатерины II во весь ростъ, портретъ Фридриха Великаго, портретъ маркизы дю-Шатле и его собственный въ молодыхъ лѣтахъ, его кровать. Изъ этихъ двухъ небольшихъ комнатъ выходъ прямо на террасу, съ которой открывается великолѣпный видъ на Альпы. Внизу цвѣтникъ и крытая аллея, по которой мы прошли. Все тутъ напоминаетъ о своемъ великомъ хозяинѣ. Къ сожалѣнію, пошелъ дождикъ и помѣшалъ намъ осмотрѣть паркъ. Мы поспѣшили воротиться въ городъ. Проѣзжая мѣстечко Ферней, обязанное своимъ существованіемъ Вольтеру, мы думали было, въ память Вольтера, напиться въ гостиницѣ хоть кофе, но готоваго не оказалось, и намъ не хотѣлось дожидаться. Я возвратился къ обѣду въ свой отель, чрезвычайно довольный посѣщеніемъ Фернея.

Странно, что смотритель Вольтерова дома счелъ насъ за испанцевъ, и когда ему объявили, что мы не испанцы, а русскіе, онъ очень удивился. Впрочемъ онъ прибавилъ, что русскихъ посѣтителей Фернея бываетъ очень много.

Я съ большимъ удовольствіемъ совершилъ свою поѣздку въ

Ферней. Она взяла у насъ около часа времени. Мы ѣхали между красивыми дачами, по великолѣпной вѣтвистой аллеѣ до самаго мѣстечка Ферней, невдалекѣ отъ котораго на концѣ возвышается домъ Вольтера, довольно большой, но простой архитектуры.

Послѣ обѣда въ Женевѣ мы пошли на прогулку въ такъ называемый Англійскій паркъ. На островѣ, среди тополей, памятникъ Руссо. Тамъ горѣли огни и приготовлялась музыка.

— 23. Воскресенье. Чѣмъ кончится суматоха въ Европѣ по случаю этого несчастнаго восточнаго вопроса? Безумный султанъ свергнутъ съ престола, и мѣсто его заступилъ другой. Въ Константинополѣ настоящая революція. Требуютъ конституціи. Но главнымъ возмутителемъ Европы теперь оказывается не Турція, которую послѣ берлинской конференціи легко было бы смирить усиліями трехъ великихъ державъ—а Англія, всегдашняя политика которой состояла въ томъ, чтобы сѣять раздоръ въ Европѣ и, какъ говорится, въ мутной водѣ ловить рыбу. Она оказываетъ явно покровительство этому трупу, Турціи, и можетъ легко зажечь европейскую войну. Турки конечно будутъ сопротивляться требованіямъ Европы въ надеждѣ на покровительство Англіи. Дизраэли не даромъ объявилъ въ парламентѣ, что роль Англіи, а не трехъ союзныхъ державъ быть главнымъ дѣйствующимъ и руководящимъ лицомъ въ настоящихъ событіяхъ. Что за гордыня! Болѣе всего ненавистна Англіи Россія.

Ѣздилъ въ нашу церковь; но службы въ ней не было: священникъ уѣхалъ въ Петербургъ. Церковь византійской, изящной архитектуры; стоитъ на высотѣ и имѣетъ привлекательный видъ. Внутри церковныя принадлежности очень богаты, и вообще церковь прекрасная, хотя и небольшая.

— 24. Понедѣльникъ. Изъ Женевы въ Монтрё на пароходѣ по Женевскому озеру. Изъ Монтрё въ Невшатель пріѣхали въ половинѣ 4-го.

Послѣ обѣда прогулка въ ущельѣ Альпъ. Это дѣйствительно ущелье. Съ правой стороны скаты горъ покрыты лѣсомъ, съ лѣвой дикія гранитныя скалы самыхъ разнообразныхъ и чудовищныхъ видовъ; однѣ—какъ-бы подпирающія небо, другія—какъ бы готовыя обрушиться на васъ. Посрединѣ, въ глубинѣ, шумный потокъ съ водопадомъ. Зрѣлище очаровательное, хотя суровое. Мы

ѣхали такимъ образомъ болѣе часа подъ тѣнью гранитныхъ гигантовъ. Потомъ въ обратный путь, другой стороной горъ, черезъ густой лѣсъ, почти до самаго Невшателя. Дорога гладкая, какъ по паркету.

Невшатель очень красивый городокъ на берегу озера того же имени, тонущій въ богатой растительности.

На другой день, въ среду 26-го, мы оставили его и прибыли на постоянную квартиру нашу—въ Шинцнахъ.

— 26. Среда. Шинцнахъ. Здѣсь большое зданіе, предназначенное для пользованія сѣрными ваннами. Для меня ни этихъ и никакихъ ваннъ не нужно. Мнѣ предписанъ только чистый воздухъ въ умѣренномъ климатѣ, нѣкоторое отдохновеніе отъ заботъ всяческихъ и страданій, претерпѣваемыхъ мною во все время моей послѣдней болѣзни. Вмѣсто всякихъ лекарствъ, мнѣ исключительно нужны прогулки на чистомъ воздухѣ. Мѣсто, въ которомъ я теперь нахожусь, вполнѣ соотвѣтствуетъ этой цѣли. Оно лежитъ въ долинѣ, окруженной съ обѣихъ сторонъ невысокими альпами, покрытыми густымъ лѣсомъ. Въ мѣстечкѣ этомъ особенная привлекательность, что то простое, миловидное и граціозное. Вблизи лѣсъ съ проложенными дорожками, въ которомъ чрезвычайно пріятны прогулки, особенно въ жаркіе дни. Вблизи рѣка Аара. Разстояніе отъ Цюриха всего часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Зданіе, въ которомъ мы поселились, похоже на древнее аббатство: оно обширно и весьма серьезнаго вида. Въ немъ все приспособлено къ нуждамъ и спокойствію пользующихся здѣшними водами. Посѣтителей, впрочемъ, не бываетъ здѣсь слишкомъ много, такъ какъ воды здѣшнія имѣютъ спеціальный характеръ. У насъ двѣ премиленькія, свѣтленькія и чистыя комнатки, изъ которыхъ открывается пріятный видъ на часть горъ и на прилежащія къ нимъ поля. Внизу—мы живемъ во 2-мъ этажѣ—садикъ, а за нимъ желѣзная дорога въ Цюрихъ, и я изъ окна моего часто вижу пролетающіе мимо вагоны въ Цюрихъ и изъ Цюриха. Станція отъ насъ менѣе версты.

— 30. Воскресенье. Слова, слова и слова! Словами правится міръ. Національная честь, національное достоинство: подъ этими словами англійскій торійскій министръ прячетъ свое грубое чванство, свое притязаніе на важную роль въ европейской политикѣ. Онъ готовъ зажечь въ Европѣ войну, защи-

щая гніющій трупъ державы, уже давно издыхающей, но все еще вредной для Европы. Англія хочетъ войны—и война можетъ запылать подъ раздутыми словами, „національная честь"—война кровавая, тѣмъ болѣе, что она будетъ несправедливою. Всѣ несправедливыя войны особенно страшны. Англію можно всегда увлечь, говоря о чести національной и показывая ей деньги. Но пусть-же весь ужасъ войны, вся пролитая кровь падутъ на ея голову, потому что никто, кромѣ нея или ея перваго министра, не хочетъ войны.

Іюнь. — 1. Вторникъ. Дождь всю ночь, какъ и вчера. Сегодня такъ-же.

Англичане называютъ насъ варварами за то, что мы многого не знаемъ и многого не дѣлаемъ изъ того, что свойственно міру образованному. Однако, они не могутъ-же отрицать, что мы далеко уже не тѣ, какими были даже четверть столѣтія тому назадъ. Любопытно было-бы спросить, нашелъ ли Вильгельмъ Завоеватель у англичанъ паровыя машины, огромный флотъ, Королевское Общество наукъ, Ньютона, Шекспира и проч.? Варварскій народъ тотъ, который является врагомъ христіанства, не допускаетъ въ другихъ націяхъ никакихъ гражданскихъ улучшеній и склоненъ нарушить всякое чужое право, посягая на союзъ народовъ изъ страсти къ деньгамъ и своимъ торговымъ выгодамъ. Если у Англіи есть множество всякихъ машинъ, есть Королевское Общество наукъ и проч., зато у ней много варварскихъ замашекъ и нравственно она совсѣмъ не выше того народа, который хочетъ идти по пути прогресса, хотя и не успѣлъ еще дойти до важнѣйшихъ его результатовъ.

Пусть такъ: многого Россіи не достаетъ изъ того, что создано общею образованностью—умомъ, наукою, искусствомъ и много надо ей дѣлать, чтобы сравняться съ другими народами въ этомъ! Но вотъ это то самое и налагаетъ обязанность на каждаго честнаго русскаго служить ей горячѣе и вѣрнѣе, несмотря на препятствія, противупоставляемыя то ея учрежденіями, то нравами, то отдѣльными лицами, чѣмъ-бы то ни было и кѣмъ-бы то ни было. Все это налагаетъ на людей мыслящихъ и честныхъ обязанность служить ей ревностнѣе во всемъ, что касается ея благосостоянія, ея нравственныхъ и умственныхъ успѣховъ.

И ничего въ этомъ нѣтъ ни необычайнаго, ни могущаго привести въ уныніе людей мысли. Логика исторіи неумолима и неотразима, она требуетъ честныхъ усилій и въ то же время послѣдовательности и постепенности.

Или мы преклонимся передъ Англіей, или, не испугавшись ея угрозъ, сохранимъ свое достоинство. Есть предѣлъ, до котораго можно идти въ желаніи мира. Иное дѣло не желать, не вызывать войны и иное дѣло желать мира во что бы то ни стало. Готовность сдѣлать твердый отпоръ наглости—этого требуютъ и честь и политика. Противъ закона необходимости нельзя спорить; но никакой законъ необходимости не требуетъ покорности угрозамъ, которая можетъ унизить духъ народный и лишить народъ уваженія въ средѣ другихъ народовъ. Сдѣлаетъ ли Пруссія для Россіи то, что Россія сдѣлала для Пруссіи въ послѣднее время? На это полагаться конечно не слѣдуетъ. Но еще менѣе можно будетъ полагаться на Пруссію, когда покажемъ ей, что отъ нея зависитъ поощрить или остановить насъ въ извѣстныхъ случаяхъ.

Весь вопросъ въ томъ: должна ли Россія удержать за собою значеніе великой державы или отказаться отъ него въ угоду Англіи, или кому-бы то ни было? Вѣдь враги наши хотятъ только этого.

— 2. Среда. Въ Индіи, подвластной англичанамъ, находится до 50 м. мусульманъ. Итакъ, вотъ, разумѣется, причина почему англичане не хотятъ заявить себя врагами турокъ въ Европѣ: они опасаются возстанія мусульманъ въ Индіи. Изъ этого, однако, выходитъ, что королева англійская не есть государыня христіанская, а мусульманская. Титулъ императрицы Индійской, которымъ ее пожаловалъ Дизраэли, окончательно дѣлаетъ ее мусульманскою государыней. Да, этотъ Дизраэли долженъ быть большой шутникъ, если не шутъ: разомъ превратить христіанскаго государя въ мусульманскаго. Владѣй королева Индіей просто, какъ прежде, въ силу завоеванія—это было-бы въ порядкѣ вещей, но титулъ императрицы обязываетъ ее покровительствовать своимъ подданнымъ. Понятно, что при такомъ условіи христіане не должны уже думать о первенствѣ, если мусульманскому фанатизму вздумается поднять голову, и королевѣ англійской ничего не останется болѣе, какъ примкнуть къ зеленому знаме-

ни. Понятно, что она не можетъ не быть другомъ турецкаго султана.

— 4. Пятница. Намѣренія Англіи очевидны: подчинить совершенно своей власти Турцію посредствомъ оказываемаго ей теперь покровительства и сдѣлать изъ нея вассальное для себя государство. Тогда она въ Босфорѣ будетъ постоянно угрожать Россіи. Эта послѣдняя, непримиримый, вѣчный врагъ Англіи, которая никакъ не можетъ спокойно спать на своемъ островѣ, пока Россія сильна и могущественна.

— 7. Понедѣльникъ. Бываютъ дни прекрасные, напримѣръ вчера, въ воскресенье и сегодня, и эти дни обыкновенно посвящаются прогулкамъ, которыя въ этой прелестной мѣстности были бы весьма пріятны, если бы меня постоянно не сопровождала мысль, что я даромъ трачу время. Здоровье мое нѣсколько лучше прежняго, но все еще не возстановляется вполнѣ.

Къ пріѣзду въ Петербургъ надо подготовить нѣкоторыя работы, и эта подготовка не идетъ, какъ слѣдуетъ.

Что касается до моего здоровья, то я долженъ примириться съ его неполнотою. Мои лѣта не позволяютъ полнаго возстановленія силъ. Я переступилъ въ тотъ фазисъ или періодъ жизни, гдѣ человѣкъ становится слабѣе.

— 9. Вторникъ. Прогулка въ городокъ Брунъ и обратно. Этотъ обратный путь лежалъ черезъ прелестную долину, воздѣланную съ большой тщательностью и съ чистенькими, весьма зажиточными деревнями.

Иной никакъ не въ состояніи залѣзть въ чужой карманъ и вытащить оттуда платокъ или часы. Но запустить руку въ казенный сундукъ, своровать общественныя деньги, или въ качествѣ директора какого нибудь общества, завладѣть воровски и грабительски акціонерными деньгами, словомъ—сдѣлаться государственнымъ или общественнымъ воромъ, онъ не считаетъ за стыдъ.

— 12. Суббота. Существуютъ ли для человѣка какія нибудь нравственныя обязательства, какъ для существа нравственнаго. Или, будучи только тварью болѣе смышленою, чѣмъ другія животныя, онъ можетъ слѣдовать инстинктамъ болѣе или менѣе грубымъ или утонченнымъ, признавая вмѣстѣ съ Бисмаркомъ, что сила есть право? Это вопросъ нашего времени.

Россія въ восточномъ вопросѣ очевидно проиграла. Англія заняла въ немъ первенствующее мѣсто послѣ того, какъ произвела въ Турціи революцію, погубившую прежняго султана. Такъ въ наше время торжествуетъ политика мошенниковъ, которую исторія не преминетъ назвать плодомъ глубокой мудрости. А всетаки я съ упорствомъ Галилея не перестану повторять: для человѣчества должны существовать нравственные законы.

— 15. Вторникъ. Поѣздка въ Цюрихъ. Я ѣздилъ по городу. Весь онъ тонетъ въ зелени. Прогулка по такъ называемой Променадѣ на высокомъ берегу. Внизу кладбище. Мы остановились въ отелѣ „дю-Лакъ", откуда прекрасный видъ на озеро и горы.

— 19. Суббота. Вчера одна дама М. А. С. прочитала мнѣ нѣсколько строкъ изъ письма князя Горчакова къ одному изъ его родственниковъ. Онъ ѣдетъ, или уже пріѣхалъ въ Югенгеймъ на свиданіе съ Государемъ. Войны, по его мнѣнію, не будетъ. Союзъ трехъ императоровъ продолжаетъ быть прочнымъ. Россія не осуждена на одиночество, и англійскій министръ нанесъ ударъ въ воду. Дай то Богъ!

— 20. Воскресенье. Проходя подъ колоннадой кургауза, я часто встрѣчаю человѣка, наружность котораго меня постоянно поражаетъ своей крайней непривлекательностью. Во всей фигурѣ его что-то наглое и высокомѣрное. Надняхъ, когда мы гуляли съ нашей милой знакомой М. А. С., и этотъ человѣкъ намъ снова встрѣтился, она сказала:

— Знаете кто это? Мнѣ вчера его представили, и онъ самъ мнѣ слѣдующимъ образомъ отрекомендовался: „баронъ Гекернъ (Дантесъ), который убилъ вашего поэта Пушкина". И если бы вы видѣли съ какимъ самодовольствомъ онъ это сказалъ, прибавила М. А. С.,—не могу вамъ передать до чего онъ мнѣ противенъ!

И дѣйствительно, трудно себѣ вообразить что либо противнѣе этого, нѣкогда красиваго, но теперь сильно помятаго лица, съ оттѣнкомъ грубыхъ страстей. Гекернъ ярый бонапартистъ. Благодаря этому и его вообще дурной репутаціи, всѣ здѣшніе французы—а они составляютъ большинство шинцнахскихъ посѣтителей—его явно избѣгаютъ и отъ него сторонятся. При Наполеонѣ III онъ былъ сенаторомъ, но теперь лишенъ всякаго значенія. О его семейныхъ обстоятельствахъ говорятъ очень дурно: подѣломъ коту мука.

Если допустить со Спинозою или съ другимъ, подобнымъ ему философомъ, что міръ существуетъ только въ силу одной необходимости, безъ всякой разумной цѣли, что Богъ не принимаетъ никакого участія въ управленіи и въ судьбахъ міра, то жизнь будетъ не иное что, какъ пустая, грубая, даже не остроумная шутка. Ибо какое остроуміе тамъ, гдѣ безпрестанно льется кровь живыхъ существъ, между которыми человѣкъ есть самое злосчастное, потому что онъ одаренъ способностью мыслить и сознавать свой жребій. Неужели нѣтъ лучшаго плана мірозданія? Безъ сомнѣнія онъ есть и есть разумный, вѣчный его Основатель и Блюститель. Только планъ устроенъ и охраняется по Его, а не по нашимъ воззрѣніямъ и цѣлямъ.

— 20. Воскресенье. Лица, которымъ ввѣрены значительныя части по управленію, часто говорятъ своимъ уполномоченнымъ агентамъ въ случаѣ затрудненій, встрѣчаемыхъ при исполненіи порученія: „да сдѣлайте ужъ это какъ нибудь“. Это, конечно не значитъ: сдѣлайте дурно, а сдѣлайте, не слишкомъ утруждая себя изобрѣтеніемъ способовъ и особенно не заботясь о законахъ и условіяхъ дѣла, чтобы только наружность казалась соблюденною. Это несчастное какъ нибудь есть камень преткновенія, брошенный нашимъ національнымъ характеромъ на пути ко всякому прогрессу. Когда же это и не говорится открыто, то подразумѣвается. И завѣдующій важною отраслью управленія правитъ тоже въ духѣ какъ нибудь. Это бываетъ источникомъ того, что много серьезныхъ дѣлъ дѣлаются у насъ и поверхностно и даже недобросовѣстно. Руководящая нами сила должна быть моральная, и ее должна выработать литература и именно литература изящная.

— 21. Понедѣльникъ. Ѣздилъ въ Цюрихъ и видѣлся тамъ съ Павломъ Васильевичемъ Анненковымъ, который уже съ мѣсяцъ, какъ живетъ въ одномъ изъ предмѣстій этого города. А прежде онъ жилъ постоянно въ Баденъ-Баденѣ.

„Ни одинъ волосъ не падетъ съ головы вашей безъ воли Божіей“. Конечно это справедливо. Паденіе волосъ съ головы совершиться можетъ не иначе, какъ по закону, а законы вещей и составляютъ волю всемогущаго и премудраго ихъ виновника.

— 23. Среда. Анненковъ пріѣзжалъ изъ Цюриха меня навѣстить.

— 26. Суббота. Ночью такой сильный дождь, какого еще не было во все время нашего путешествія, хотя дождя было таки довольно вездѣ—и въ Италіи и здѣсь. И сегодня сначала сильнѣйшій вѣтеръ, а теперь вотъ дождь льетъ, какъ изъ ведра (12 часовъ).

М. А. С. очень мила. Я люблю съ нею разговаривать. Она часто у насъ бываетъ. Иногда она снабжала меня прелестными розами и сегодня я получилъ отъ нея прекрасный букетъ цвѣтовъ.

Мы вмѣстѣ съ ней сегодня отправили къ князю П. А. Вяземскому поздравительную телеграмму со днемъ его ангела.

Оресту Ѳедоровичу Миллеру послалъ вчера письмо съ замѣчаніемъ на его выходку противъ Краевскаго. Присвоивая себѣ чрезмѣрный контроль надъ мнѣніями другихъ, онъ, какъ истый Донъ-Кихотъ, сражается съ вѣтряными мельницами.

Могутъ ли Англія и Дизраэли гордиться тѣмъ, что они затруднили такъ политику Европы? Стоитъ какому нибудь негодяю или полуумному бросить на рельсы подъ вагоны бревно, чтобы надѣлать чепухи. Извѣстна пословица, что одинъ дуракъ броситъ камень, а десять умныхъ его не вытащатъ.

Россія потому одному уже необходима для Европы, что она составляетъ сильнѣйшій оплотъ противъ англійскаго варварства, принявшаго на себя миссію защищать азіатское мусульманское варварство противъ цивилизаціи и просвѣщенія Европы.

Іюль.—1. Четвергъ. Конечно нельзя оправдать просвѣщенную, цивилизованную Европу, что она допускаетъ передъ своими глазами совершаться такимъ варварствамъ, такому звѣрству и посмѣянію надъ всѣмъ человѣческимъ, какія совершаются турками въ Болгаріи. На все, говорятъ, есть политическія причины—у Англіи, напримѣръ, хлопокъ и фунты стерлинговъ.

Вмѣшаться въ дѣла турецкія, говорятъ, значитъ возжечь еще европейскую войну, что, безъ сомнѣнія, гораздо хуже всякой рѣзни въ Болгаріи, Герцеговинѣ и проч. Что же значатъ послѣ этого всѣ прославленные успѣхи европейскихъ народовъ, если они не въ состояніи придти къ соглашенію во имя человѣчества и справедливости, не заводя ссоръ между собою, не возбуждая другъ въ другѣ дикихъ страстей, честолюбія, корысти, страсти

къ пріобрѣтеніямъ? Но таково человѣчество—да, таково оно во всѣхъ фазисахъ своего развитія.

— 2. Пятница. Что же такое жизнь? Драма безъ развязки? И какая тутъ возможна развязка? Неужели все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы вотъ этой птичкѣ явиться и пропѣть лѣто, а затѣмъ уступить мѣсто другой, ею рожденной. Та тоже пропоетъ лѣто и исчезнетъ . . . . А человѣкъ? Но лучше ни о чемъ подобномъ не думать. Не лучше ли просто явиться, пропѣть и пропасть? Это было бы недурно, еслибъ человѣку суждено было только пѣть, но онъ мыслитъ. Мысль не можетъ быть безъ вопросовъ: зачѣмъ или почему и для чего?

А вѣдь все, что здѣсь написано сейчасъ, глупо и малодушно.

— 3. Суббота. Человѣкъ есть x—вотъ что слѣдовало бы понять современной матеріалистической наукѣ, которая полагаетъ, что онъ есть вполнѣ дознанное животное особаго рода или вида. „Все", говоритъ она, „подлежитъ непреложнымъ законамъ". Можетъ быть. Но есть законы, которые установляетъ природа и есть другіе, которые установляетъ для себя самъ человѣкъ.

— 12. Понедѣльникъ. Гораздо легче имѣть дѣло съ людьми, которые поддерживаютъ свое мнѣніе, чѣмъ съ тѣми, отъ которыхъ ничего другого не услышишь, кромѣ да и нѣтъ.

— 17. Суббота. Въ политикѣ существуетъ аксіома, что всякій народъ дѣйствуетъ и не можетъ дѣйствовать иначе, какъ по побужденію и въ духѣ своихъ личныхъ интересовъ. Но бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что эти интересы могутъ простираться въ безконечность равно и превратное истолкованіе ихъ. Такъ напримѣръ—Англія считаетъ право въ своихъ интересахъ отравлять милліоны людей опіумомъ, потому что сбытъ опіума доставляетъ ей милліоны фунтовъ стерлинговъ. Такъ она поддерживаетъ варварство и фанатизмъ турокъ и смотритъ одобрительно на совершаемыя ими звѣрства надъ христіанами, потому что этимъ, по ея мнѣнію, она устраняетъ вліяніе Россіи. Такъ она готова возжечь всеобщую войну въ Европѣ, потому что ей война по ея территоріальному положенію ничѣмъ не угрожаетъ, а можетъ ослабить воюющія стороны для выгодъ ея и для ея англійскаго могущества. Всего этого требуютъ національные интересы Англіи.

— 18. Воскресенье и 19. Понедѣльникъ. Настоящаго здоровья нѣтъ, какъ нѣтъ. А между тѣмъ „мнѣ скучно здѣсь, домой хочу"—пора думать объ этомъ.

— 20. Вторникъ. Тоска все болѣе и болѣе овладѣваетъ мною. Сегодня особенно она меня преслѣдуетъ. Вмѣстѣ съ этимъ вялость, усталость. Что же? Такъ ли этому и быть? Дать ли волю этому дурному расположенію? Конечно, нѣтъ. Надобно бороться съ нимъ.

Бодрый духъ, бодрый духъ!

— 23. Пятница. Пріѣзжалъ изъ Цюриха Анненковъ проститься со мною: онъ ѣдетъ въ другую часть Швейцаріи къ озеру Туну.

Гротъ писалъ мнѣ дня три тому назадъ, что онъ изъ Люцерна переѣзжаетъ въ Интерлакенъ и Беатенбергъ. Такъ какъ я тоже собираюсь оставить Шинцнахъ, то не направиться ли туда же и кстати повидаться съ Гротомъ? Если получу отъ него отвѣтъ на мое письмо, посланное третьяго дня, то и рѣшу.

Когда хочешь дѣлать дѣло прочное, то надобно обнажать его отъ всякихъ иллюзій, такъ, какъ мы отсѣкаемъ отъ дерева вѣтви, когда намѣрены употребить его на постройку.

— 24. Суббота. Пора, наконецъ, отдѣлаться отъ малодушія, служащаго основаніемъ скукѣ и тоскѣ.

Съ недугомъ также надобно бороться, какъ со всякимъ житейскимъ зломъ.

— 25. Воскресенье. Можно ли основать нравственность на одномъ знаніи, какъ думаетъ Бокль? Нравственность безъ участія другихъ дѣятелей—религіи, искусства!

— 26. Понедѣльникъ. И самые сильные духомъ люди могутъ подвергаться тревогамъ въ раздумьѣ о своей судьбѣ, будущности—особенно, когда судьба имъ не благопріятствуетъ. Но оставаться въ этой тревогѣ долго или постоянно они не могутъ: это означало бы малодушіе, почти подлость. Притомъ безпрестанное обращеніе къ злу, насъ угнетающему, только растравляетъ и ожесточаетъ его, а потому это было бы и крайне неблагоразумно.

Мысль укрѣпляетъ духъ, просвѣтляя его.

— 27. Вторникъ. Сегодня въ Бернъ, а оттуда въ Интерлакенъ.

Возможность безконечнаго развитія присуща человѣческой природѣ и въ этомъ всѣ люди одарены одинаковымъ свойствомъ, Но степени этого развитія, въ свою очередь, также безконечны. Поэтому то, что составляетъ потребность и законъ для однихъ, то вовсе непонятно для другихъ.

Еще въ дѣтскомъ возрастѣ (лѣтъ 13-ти—14-ти) внутреннее стремленіе влекло меня ко всему идеальному, къ подражанію великимъ мужамъ древности. По ихъ характерамъ я старался образовать свой характеръ. Никто не руководилъ мною, все дѣлалось безъ помощи науки, хотя успѣхами моими въ школѣ были довольны и даже, не знаю уже почему, считали меня первымъ. Мое внѣшнее положеніе было совершенно противоположно внутреннимъ побужденіямъ.

— 28. Среда. Въ Люцернѣ.

Не раскаяваться въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ значитъ пребывать всегда въ дѣтствѣ. Но приходить въ отчаяніе отъ нихъ значитъ малодушіе.

Что составляетъ здѣсь предметъ всеобщаго восхищенія — это Альпы. Дѣйствительно, удивительное зрѣлище для человѣка эти громадныя массы, подъемъ земной поверхности. Но онѣ свидѣтельствуютъ единственно о могуществѣ природы, которая слѣпо громоздила здѣсь граниты на граниты, массы на массы. Настоящая красота—въ этихъ скатахъ и долинахъ, покрытыхъ богатою растительностью, въ ихъ разнообразныхъ очертаніяхъ, выражающихъ жизнь и безконечное движеніе, игру силъ, драму, а не косную, оцѣпенѣлую, застывшую и уснувшую на вѣки матерію.

— 29. Четвергъ. Довольно хорошо себя чувствовалъ.—Прогулка вечеромъ къ подошвѣ Риги.

Европѣ не достаетъ того, что есть у Россіи—сердца.

— 31. Суббота. Политическая нравственность состоитъ въ соблюденіи того же самаго элементарнаго, простого и общепризнаннаго правила, которое существуетъ и для частныхъ людей: чего себѣ не желаешь, того другому не дѣлай. Дальнѣйшее развитіе этого правила состоитъ въ противодѣйствіи обществъ и государствъ всякому личному честолюбію, или національному самолюбію, попирающимъ справедливость и человѣческое достоинство у другихъ народовъ, посредствомъ тайныхъ

интригъ, или подстрекательствъ къ дѣяніямъ, несогласнымъ съ правиломъ: „чего себѣ не желаешь, того другому не дѣлай.

Политическая нравственность состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать ничего противнаго человѣческому достоинству и ничего несправедливаго.

а) Противно человѣческому достоинству, напримѣръ, поддерживать варварскіе обычаи народовъ, мало цивилизованныхъ.

б) Противно справедливости—свои интересы дѣлать преобладающими надъ интересами всѣхъ другихъ народовъ.

Противно также всякой справедливости—съ народами слабѣйшими поступать, какъ съ себѣ подвластными, посягая на ихъ самостоятельность, на свободу дѣйствій и права.

Почему Англія присвоила себѣ опеку надъ Турціей и покровительствуетъ всѣмъ ея звѣрствамъ надъ возставшими и не возставшими христіанами, почему она не воздерживаетъ Турцію въ этихъ злодѣйствахъ? Потому, что она хочетъ торжества Турціи и истребленія христіанъ? Но она очень хорошо понимаетъ, что послѣдняго она не въ состояніи достигнуть—до этого не допуститъ Россія. Когда же послѣдняя вступится въ дѣло уже существеннымъ образомъ—тогда война. Англія этого и домогается, предполагая, что это будетъ новая крымская война, которая довершитъ упадокъ Россіи. Въ этомъ главное правило политической нравственности Англіи. А что же Европа? Да ничего. На униженіе Россіи она посмотритъ съ большимъ удовольствіемъ. Это тоже правило высшей цивилизаціи. Пусть другіе народы хоть погибаютъ, лишь бы до насъ не дошло.

Тутъ нигдѣ нѣтъ и рѣчи о равновѣсіи интересовъ. Не напрасно Бисмаркъ произнесъ свой знаменитый афоризмъ: сила есть право.

Въ пять часовъ вечера прогулка за городомъ. Сперва мѣста довольно пустынныя; потомъ мы углубились въ ущелье посреди дикаго лѣса и обогнули Пилатъ по деревнѣ, раскинутой въ долинѣ почти у подошвы его. Все это составляетъ прелестную картину природы. Но мнѣ больше понравилась дорога къ Риги и гостиница противъ самаго Риги, гдѣ я съ удовольствіемъ посидѣлъ на балконѣ и выпилъ стаканъ краснаго вина.

Августъ.—2. Понедѣльникъ. Памятникъ въ честь швейцарцевъ, павшихъ при защитѣ Людовика XVI въ первую фран-

цузскую революцію: умирающій левъ. Изящное-художественное произведеніе. Левъ изсѣченъ изъ мрамора и помѣщенъ въ скалѣ, какъ въ нишѣ.

— 3. Вторникъ. Отъ жару не знали куда дѣваться. Къ вечеру носились тучи и даже гдѣ-то прозвучалъ громъ, упало нѣсколько капель дождя—и только. Стало немножко прохладнѣе, и мы до поздняго вечера сидѣли и ходили на берегу озера.

— 6. Пятница. Послѣдняя прогулка въ Люцернѣ къ гостиницѣ противъ Риги.

По первому впечатлѣнію вещи всегда кажутся или лучше, или хуже, чѣмъ онѣ есть.

— 7. Суббота. Едва-ли можно представить себѣ что нибудь прекраснѣе и величественнѣе этого амфитеатра горъ вокругъ озера передъ самымъ Люцерномъ. Я постоянно любовался этимъ зрѣлищемъ изъ оконъ моего отеля, или проѣздомъ къ подножію Риги, или съ балкона гостиницы, гдѣ подавали мнѣ чашку кофе, или стаканъ краснаго вина. Такъ было и вчера, когда въ послѣдній разъ мы ѣздили къ этой гостиницѣ.

Съ бодрымъ духомъ, съ бодрымъ духомъ—въ Интерлакенъ.

Въ 11 часовъ утра изъ Люцерна въ Тунъ.

Дорога между горъ отъ Люцерна до самаго Туна по прелестнѣйшей долинѣ, испещренной чистенькими и красивыми швейцарскими шале. Огромное село, славящееся выдѣлкою швейцарскихъ сыровъ.

— 8. Воскресенье. Утро въ Тунѣ. Великолѣпный отель „Тунъ“ съ такимъ же садомъ. Справились о Я. К. Гротѣ. Онъ еще здѣсь, т. е. въ Интерлакенѣ. Итакъ, я увижусь съ нимъ.

Главныя страсти людей самолюбіе и корыстолюбіе: я умнѣе всѣхъ и я хочу быть богаче всѣхъ. Отсюда всѣ прочіе пороки берутъ свое начало.

Италія и Швейцарія прекраснѣйшія страны. А что такое Англія? Пузатый ожирѣвшій торгашъ, измѣряющій достоинства людей суммою добываемыхъ ими барышей.

Есть люди, не совершающіе великихъ подвиговъ и потому не попадающіе на страницы исторіи, но которые однако такъ рѣзко отличаются отъ окружающей ихъ толпы, что было бы очень жаль и было бы потерею для хроники благородныхъ человѣческихъ инстинктовъ, еслибы о нихъ не сохранилось воспо-

минанія. Вотъ эти-то люди и должны бы служить матеріаломъ для записокъ, т. е. для того рода историческихъ произведеній, которыя, обозрѣвая поле жизни, не вяжутъ изъ человѣческихъ дѣяній тучныхъ сноповъ, а подбираютъ ихъ въ одиночку, какъ забытые на нивѣ послѣ жатвы колосья —забытые, одинокіе, но всетаки свидѣтельствующіе объ обиліи минувшей жатвы.

— 9. Понедѣльникъ. Въ Беатенбергъ къ Я. К. Гроту, гдѣ нашли и все его семейство. Чудная дорога по окраинамъ гигантскихъ горъ, откуда, между прочимъ, была видна во всемъ своемъ неприступномъ величіи Юнгфрау. Мы ѣхали болѣе двухъ часовъ.

Только мы успѣли возвратиться изъ дальней поѣздки, какъ пошелъ сильнѣйшій дождь съ грозою и градомъ и лилъ чуть не цѣлую ночь. Въ небольшой промежутокъ между дождемъ, вечеромъ навѣстилъ меня Гротъ съ женою. Они остановились у брата и съ нимъ собираются на экскурсію куда-то въ горы.

— 12. Четвергъ. Какъ часто приходится мнѣ сражаться за границей со скукой. Останемся гдѣ нибудь на нѣсколько дней, начинается и продолжается прескверная погода. Прогулки дѣлаются невозможны. Надобно сидѣть въ отелѣ. Дѣла существеннаго никакого нѣтъ. Я то записываю кое что въ своей записной книжкѣ, то обдумываю планъ какой-нибудь статьи и бросаю его на бумагу. Проходятъ день за днемъ. Вотъ, напримѣръ, я въ Интерлакенѣ уже три дня, выдти никуда нельзя, или если можно, такъ только на самое короткое время: безпрерывный дождь.

Современная восточная политика очень проста: турки желаютъ или избить христіанъ, которые находятся въ соприкосновеніи съ ними, или сдѣлать ихъ совершенными и безотвѣтными рабами. Англія говоритъ: „Конечно, конечно—я тебѣ помогу, если ты желаешь быть моимъ вассаломъ и предоставишь мнѣ полное господство надъ Дарданеллами и Константинополемъ, чтобы я могла завести тамъ такой рынокъ, на которомъ бы сбыть моихъ хлопчатыхъ, шерстяныхъ и прочихъ товаровъ не имѣлъ предѣловъ, и фунты стерлинговъ со всѣхъ странъ свѣта лились въ мои карманы. А Европа что? Европа находитъ эту политику очень ловкою, глубокомысленною и не лишенною величія, хотя и не совсѣмъ для себя пріятною. Она безмолвствуетъ или пишетъ дипломатическія ноты, надъ которыми Дизраэли смѣется.

Одна Россія ворчитъ и на что-то покушается, но никто не слушаетъ и не боится ея.

Да вѣдь все это гнусно, безчеловѣчно, противно всѣмъ требованіямъ цивилизаціи!—Вѣдь всякій знаетъ, что это ложь, вездѣ ложь, прикрытая пышными фразами: вотъ вамъ и цивилизація Европы!

— 14. Суббота. Переѣзжаемъ въ Тунъ. Въ Тунѣ въ 3 часа, а изъ Интерлакена выѣхали въ часъ и двадцать минутъ, сперва по желѣзной дорогѣ, а потомъ пересѣли на пароходъ.

— 16. Понедѣльникъ. Для меня ненавистна всякая глухая вражда. Если ужъ необходимо имѣть враговъ, то борись съ ними грудь съ грудью, прямо. Наносить тайные удары есть величайшая подлость, а остерегаться ихъ безпрестанно—великое горе.

Имя англичанина въ настоящее время до того сливается съ именемъ турка въ одномъ и томъ же понятіи, что когда видишь многихъ англичанъ вмѣстѣ, что безпрестанно здѣсь случается, то мнѣ становится страшно. Такъ и думаешь: вотъ, вотъ выскочитъ и накинется на тебя баши-бузукъ или черкесъ.

Цивилизація довела внѣшность до высокой степени совершенства.

— 17. Вторникъ. Пріятное извѣстіе. Кельнеръ отеля сообщилъ мнѣ, что сербы подъ начальствомъ Черняева жестоко разбили турокъ послѣ шестидневнаго ожесточеннаго боя. Кельнеръ выразилъ при этомъ свое полное удовольствіе и нелюбовь къ англичанамъ. О Россіи онъ говоритъ съ любовью и удивляется только тому, почему она не возьметъ вполнѣ въ свои руки восточныя дѣла.

Хорошая прогулка въ экипажѣ вокругъ озера по направленію къ Интерлакену. На правой сторонѣ великолѣпная картина снѣжныхъ Альпъ, а за ними—Юнгфрау во всемъ блескѣ своей снѣжной одежды. Мы проѣзжали очень красивыми мѣстами по берегу и мимо деревенекъ, съ очень хорошенькими коттеджами.

День, хотя не очень теплый, но довольно пріятный, а главное безъ дождя.

„Въ русской политикѣ, конечно, есть много благородства, но я не вѣрю ей“, говоритъ Европа,—„именно по причинѣ этого благородства. Оно гораздо менѣе понятно, чѣмъ политика Англіи, заботящаяся о хлопкѣ, фунтахъ стерлинговъ и т. п., и потому мы

вѣримъ болѣе Англіи, которая относится практичнѣе къ вопросамъ общечеловѣческимъ". Какое дѣло Европѣ до этихъ вопросовъ? У ней есть свои фабрики, свои торговыя дѣла и для нихъ она не станетъ предаваться отвлеченнымъ идеямъ о правахъ народовъ и проч. Пусть льется кровь на Балканскомъ полуостровѣ!

— 20. Пятница. Сегодня кельнеръ принесъ намъ англійскую газету Daily News, № 30, въ которой помѣщена превосходная статья изъ Бухареста о неистовствахъ турокъ въ Болгаріи. Она прямо говоритъ о гнусной и недостойной политикѣ Дизраэли и его креатуры, посланника Эллiота. О туркахъ, какъ самовидецъ, авторъ говоритъ только то, что мы уже знаемъ и чего не знаетъ или не хочетъ знать Англія.

— 21. Суббота. Если что рѣшительно предпринято, то надобно смѣло исполнять, не обращаясь ни вспять, ни по сторонамъ и уже не думать, что въ предпринятомъ не все обдумано съ настоящимъ тщаніемъ, то и то упущено, или могло бы быть соображено иначе. Всѣ эти колебанія изобличаютъ малодушіе. Главное—въ цѣлости и цѣли предпринятаго, а соглашенію подробностей и умозаключеніямъ о томъ, что было бы и могло быть, еслибы и проч.—этому нѣтъ конца.

— 22. Воскресенье. Если у русскихъ находятся средства посылать значительныя пособія воюющимъ славянамъ, то какъ не найтись у насъ такимъ же средствамъ, когда настанетъ нужда помогать самимъ себѣ противъ враговъ?

Надобно, однако, отдать справедливость англичанамъ: и они тоже посылаютъ на театръ войны санитарныя пособія—туркамъ.

Въ Цюрихъ въ половинѣ 6-го, отель „Бельвю".

— 23. Понедѣльникъ. Цюрихъ. Поутру Ботаническій садъ, довольно плохенькій. Оттуда на террасу, откуда Цюрихъ и его окрестности видны очень хорошо.

Богъ, происхожденіе міра, происхожденіе человѣка и его судьба—все это неразрѣшимыя тайны. Философіи и вообще наукѣ никогда не удастся въ нихъ проникнуть.

Можетъ ли самый возвышенный умъ устранить отъ себя религіозное чувство?

Одно религіозное чувство можетъ ручаться за серьезное значеніе жизни. Иначе все прахъ и суета.

Что ты мятешься и волнуешься, какъ пылинка, несомая вѣтромъ?

Хорошій хозяинъ старается издерживать менѣе, чтобы пріобрѣтать больше. Не расточай своихъ мыслей на пустяки, на роскошь праздныхъ умозрѣній и старайся такъ ихъ направить и употребить, чтобы онѣ что нибудь могли прибавить къ капиталу твоего внутренняго довольства.

Крайне безразсудно и малодушно не сносить небольшихъ, постоянно насъ осаждающихъ заботъ жизни единственно потому, что онѣ не ведутъ къ крупнымъ послѣдствіямъ. Въ жизни все или очень мелко, или очень крупно.

Швейцарія поражаетъ несоразмѣрностью состояній, не смотря на свой демократизмъ. Въ городахъ воздвигаютъ дворцы, есть селенія богатыя, гдѣ въ каждомъ почти шале видны изобиліе и довольство. Но рабочіе, не имѣющіе ни земли, ни своихъ шале, страдаютъ тяжкою нищетою. Стоитъ взглянуть на ихъ изможденныя лица, на лохмотья, покрывающія ихъ тѣло, на ихъ безпрерывныя работы подъ сильнѣйшимъ зноемъ, чтобы убѣдиться, что швейцарцы далеко не всѣ благоденствуютъ. Вообще слышны жалобы, что достаточные люди обращаются жестокосердно съ неимущимъ горькимъ бѣднякомъ—дѣтищемъ поденнаго труда.

Сила, которою злоупотребляютъ, никогда не бываетъ на долго сильною.

— 24. Вторникъ. Есть умы вѣчно колеблющіеся между вѣрою и невѣріемъ.

Современная наука отвергаетъ вѣру, вполнѣ довѣряя одному знанію. Но знаніе способно ли разрѣшить всѣ наши недоумѣнія относительно нашей судьбы и назначенія?

— Вѣра есть не иное что, какъ убѣжденіе, что въ общемъ ходѣ и планѣ міроустройства все разрѣшается такъ, какъ должно быть—и не болѣе и не менѣе, какъ должно быть, значитъ разрѣшается удовлетворительно.

Какъ было бы утѣшительно и сладостно пріобщиться божественной любви, если бы не эти безчисленныя страданія, которыя осуждено терпѣть все живущее и особенно человѣкъ. Страданія возмущаютъ любящую душу, душу готовую излиться въ страстной любви къ виновнику всякой жизни. А между тѣмъ,

высшая мудрость въ томъ и состоитъ, чтобы ничѣмъ не возмущаться. О, какъ это невыразимо тяжело!

Какъ согласить вѣчную благость со зломъ, господствующимъ въ мірѣ? Надъ этимъ тупѣютъ самые могучіе умы.

Самое глубокое чувство скорби, когда сознаешь свое безсиліе облегчить страданіе подобныхъ себѣ существъ. Каждое удовольствіе, которое ты вкушаешь, кажется тебѣ воровствомъ у нищеты и горя ихъ.

Турки также неповинны въ своихъ злодѣйствахъ, какъ неповиненъ тигръ въ своей кровожадности. Но вотъ что непонятно: какимъ образомъ нація, народившая Ньютона, Шекспира, можетъ встать на путь такого мелкаго самолюбія!

— 25. Среда. Изъ Цюриха въ Шафгаузенъ, а потомъ въ Констансъ.

Цивилизація, усилившая до высокой степени наслажденіе и удобства жизни, не сдѣлала ли людей до того къ нимъ чувствительными, что погасила или ослабила въ ихъ сердцахъ высшія чувства добра, правды и красоты? Отсутствіе вѣры во все святое и великое слишкомъ даетъ себя чувствовать посреди современной цивилизаціи.

— Въ русскомъ народѣ есть одно замѣчательное свойство—чувствительность. Оно вовлекаетъ его въ разныя безразсудства, но оно же служитъ и источникомъ многихъ прекрасныхъ и благородныхъ поступковъ, доходящихъ до самоотверженія, чего въ Европѣ нѣтъ.

„Русскій Міръ“ запрещенъ—за что? Въ рѣшеніи министра, какъ обыкновенно, не говорится ничего о причинахъ.

Трудная задача выпала на долю нынѣшняго Государя нашего: сохранить европейскій миръ, не уронивъ достоинства своего народа.

Самое трудное въ этой задачѣ укротить Англію, которая, какъ бѣшеная собака, рвется на Россію. Ей хочется во что бы то ни стало втянуть въ войну Россію, тѣмъ болѣе, что отъ нея самой, т. е. отъ Англіи, война эта не требуетъ никакихъ жертвъ—ничего кромѣ тайныхъ подстрекательствъ и интригъ. Англія хочетъ быть въ сторонѣ.

Шафгаузенъ. Водопадъ. Мы близко, но быстро промчались мимо него, однако я довольно хорошо его видѣлъ.

— 26. Четвергъ. Въ Констансѣ.

То, что кажется для насъ невозможнымъ, возможно для высшаго разума и всемогущества. Напримѣръ, соглашеніе разныхъ противорѣчій, обуревающихъ нашъ умъ и сердце.

Изъ Констанса въ 11½ ч. по Констанскому озеру на пароходѣ въ Фридрихсгавенъ. Оттуда по желѣзной дорогѣ въ Ульмъ. Во все мое путешествіе не было скучнѣе переѣзда, какъ этотъ, отъ Констанса до Мюнхена.

Ульмъ. Безконечныя равнины, кое гдѣ пересѣкаемыя холмами, и чѣмъ ближе къ Ульму, тѣмъ все становится однообразнѣе и скучнѣе.

— 27. Пятница. Ульмъ дрянной, хотя и довольно большой городъ. Дрянная гостиница. Дряннѣйшая погода съ сильнѣйшимъ вѣтромъ. Приходится просидѣть въ дрянной комнатѣ до 4 часовъ, чтобы ѣхать въ Мюнхенъ.

Напрасно Европу считаютъ политическимъ союзомъ великихъ государствъ и народовъ: это не иное что, какъ огромная мануфактура для производства разныхъ издѣлій. Всѣ умы заняты этимъ производствомъ: капиталисты и рабочіе—и между ними вѣчная борьба. Политика запада занята единственно тѣмъ, чтобы побольше выработывать товаровъ и поболѣе сбывать ихъ—и поэтому Англія и занимаетъ первое мѣсто въ политикѣ.

До 4-хъ часовъ пополудни надобно было пробыть въ этомъ гадкомъ Ульмѣ и его довольно гадкомъ отелѣ. Въ половинѣ 5-го съ курьерскимъ поѣздомъ отправились въ Мюнхенъ. Только этотъ курьерскій поѣздъ оказался весьма не быстрымъ.

Выпалъ непріятнѣйшій эпизодъ изъ всего нашего странствованія. Уже отъ самаго Констанса насъ начала сопровождать скука. Почти непрерывное однообразіе страны особенно утомило насъ, избалованныхъ Италіей и Швейцаріей, торфяныя пространства, очень, конечно, полезныя, но и очень безобразныя. Скуку нашу довершилъ престарѣлый Ульмъ. Затѣмъ наступила пятница—гадчайшая изъ всѣхъ, проведенныхъ нами за границей дней. Дождь, вѣтеръ, чуть не до бури доходящій, холодъ—все это родные братья нашей петербургской природы. Мы до половины 4 просидѣли въ нашемъ отелѣ, не высовывая, какъ говорится, носа изъ комнаты, вовсе непривлекательной. Одну справедливость, однако, надобно отдать нашему пристанищу—въ

немъ оказались обѣдъ и услуги недурны. Наконецъ, въ дождь мы перебрались на желѣзную дорогу и, хотя сказано было, что курьерскій поѣздъ отправляется въ половинѣ 4-го, однако мы прождали его болѣе часа. Наконецъ поѣздъ тронулся, и мы, нельзя сказать, помчались, но по крайней мѣрѣ поѣхали. Дождь съ холодомъ ливмя лилъ, но мы уже были отъ него въ безопасности. Вотъ, наконецъ, мы добрались и до Мюнхена, потонувшаго передъ нами во мракѣ. Былъ уже 9-й часъ вечера или ночи. Здѣсь-то и произошла настоящая суть нашихъ бѣдствій. Выйдя изъ вагона, мы, разумѣется, тотчасъ бросились къ омнибусамъ, которыхъ у дебаркадера стояло безчисленное множество—чтобы скорѣе добраться до отеля. Не тутъ то было. Насъ ни одинъ изъ омнибусовъ не принялъ: всѣ мѣста въ отеляхъ разобраны по телеграммамъ, и омнибусы принимали только взявшихъ эти мѣста заранѣе. Пришлось при шумѣ вѣтра и дождя блуждать по дебаркадеру, пока отыскали извозчика съ помощью услужливаго полицейскаго. Но вотъ мы въ коляскѣ, а дождь дѣлаетъ свое дѣло, холодъ также. Не разъ благословлялъ я мои безцѣнныя калоши, неуязвимыя никакою мокротою. Наша одиссея въ полумракѣ была очень интересна. Куда ни подъѣдемъ къ отелю, вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ: нѣтъ мѣстъ. Такъ объѣхали мы пять или шесть отелей. Наконецъ намъ указали такъ называемую приватную квартиру, гдѣ даютъ комнату и больше ничего. Мы рады были и этому, чтобы не ночевать на улицѣ. Комната, намъ отведенная чуть не на высотѣ мансарды, оказалась недурною. Тутъ мы кое-какъ и угнѣздились на ночь. Но тутъ же, вѣроятно для того, чтобы напомнить намъ наше дорогое отечество и хотѣли насъ надуть. Мы спросили чаю. По уговору, хозяйка должна была послать за нимъ въ ближайшій отель, чего мы и ожидали. Но ей хотѣлось взять съ насъ для себя за чай и она подала намъ своего чаю, т. е. какой-то гнуснѣйшей травы, настоянной въ холодной водѣ. Мы потребовали, наконецъ, настоящаго чаю и намъ принесли его уже изъ отеля, хотя тоже не Богъ знаетъ какого достоинства, но всетаки похожаго хоть нѣсколько на настоящій чай. Слава Богу, никакихъ послѣдствій отъ вчерашняго шатанія для моего здоровья не произошло. Я немного только усталъ.

— 28. Суббота. И сегодня ни одного мѣста въ отеляхъ не оказалось. Завтра ѣдемъ въ Зальцбургъ.

Что намъ всего нужнѣе?

О, многое, скажутъ намъ: улучшеніе финансовъ, усиленіе промышленности и торговли, администрація, въ которой, какъ можно менѣе было бы изъятій изъ закона и злоупотребленій.

— 29. Воскресенье. Уѣзжаемъ въ Зальцбургъ. Вчера и сегодня погода гнусная.

О Мюнхенъ, о Мюнхенъ! какъ ты противенъ мнѣ, и твоя выставка съ лицемѣрнымъ чествованіемъ искусства! А главное, что въ тебѣ не нашлось мѣста для скромнаго путешественника!

Дипломатія есть не иное что, какъ совѣсть политики—совѣсть, которую безпрестанно оскорбляютъ, хотя на нее и ссылаются, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь очень крупномъ злѣ.

Половина дороги отъ Мюнхена къ Зальцбургѣ скучная и однообразная равнина. Но, подвигаясь ближе къ Зальцбургу, встрѣчаешь снова старыхъ знакомыхъ—горы. Это Тирольскія Альпы.

Прибыли въ Зальцбургъ. Гостиница „Европа". Дождь съ вѣтромъ и холодомъ.

Я все стараюсь отыскать въ русскомъ народѣ элементъ, который бы послужилъ стимуломъ къ образованію его характера и способенъ бы былъ возвысить его нравственно и политически.

— 30. Понедѣльникъ. Пріятная прогулка по городу и по чрезвычайно живописной долинѣ въ замокъ и паркъ Шварценберга.

Вершины снѣжныхъ тирольскихъ Альпъ.

На скалѣ замокъ Мирабель. Немного пониже женскій монастырь.

Напротивъ, по другой сторонѣ рѣки Зальцахъ, тоже на высокой скалѣ, монастырь капуциновъ.

Отсюда вдоль горъ по ихъ крутымъ скатамъ тянутся стѣны крѣпости.

Изъ оконъ моей комнаты видна на далекое пространство прекрасная долина.

— 31. Вторникъ. Инстинктивное непреодолимое чувство влечетъ насъ къ родинѣ, несмотря на всѣ ея неурядицы.

Что бы ни говорилъ опытъ и разсудокъ, а мы часто любимъ то, что, по ихъ внушенію, не заслуживаетъ любви.

Финансы, промышленность, торговля, словомъ все, что составляетъ богатство народовъ, достигается медленно.

Школы могутъ совершенствоваться тоже не иначе, какъ постепенно. Но надобно, чтобы онѣ составляли главный предметъ народныхъ усилій. Онѣ не только важны для насъ въ отношеніи къ развитію и общей образованности—въ нихъ должно созрѣть и вырости наше національное, нравственное и умственное могущество въ тѣхъ своеобразиыхъ чертахъ, какія свойственны нашему духу и положенію.

Наши школы не должны приготовлять ни матеріалистовъ, ни идеалоговъ: онѣ должны приготовлять людей, вѣрныхъ закону и долгу, людей, которые были бы способны стоять крѣпко подъ знаменемъ своего отечества.

Главное, что отличаетъ современную цивилизацію—это до крайности доведенное усиленіе принципа индивидуальности.

Линцъ. Дорога сюда изъ Зальцбурга довольно скучная—почти вся въ лѣсахъ.

Отель „Эрцгерцога Карла". Передъ окнами Дунай, здѣсь уже довольно широкій.

Сентябрь.—1. Среда. Погода нехорошая. Сильный вѣтеръ и холодно.

Можетъ быть и потому еще не любитъ насъ Европа, что она считаетъ насъ отсталыми въ образованности и какъ бы незаконно, насильственно вторгнувшимися въ среду ея народовъ. Что касается до отсталости нашей, то мы этого вовсе не скрываемъ, а къ тому и многое уже заимствовали у народовъ, насъ опередившихъ на этомъ пути. Что же тутъ достойнаго непріязни? Мы, напротивъ, думаемъ, что Европѣ не совсѣмъ пріятны успѣхи, которые въ короткое время доказали, что мы въ состояніи многое сдѣлать и что эти успѣхи ручаются за высокую будущность. Можетъ быть Европѣ и было бы лучше, еслибы мы оставались въ прежней неподвижности и закоснѣлости. Вѣдь съ варварами можно дѣлать все, что угодно, можно производить у нихъ революціи, когда это кому нужно, навязывать смѣшныя конституціи, свергать съ престоловъ однихъ государей и возводить другихъ—словомъ распоряжаться въ варварской странѣ для своихъ выгодъ.

1-го, въ среду, изъ Линца утромъ. Прелестныя мѣста, особенно при поворотѣ Дуная. Не задолго до Вѣны прекрасныя дачи по извилистой прекрасной долинѣ. Съ одной стороны лѣсъ, называемый Вѣнскимъ.

— 3. Пятница. Вѣна.

У русскихъ здравый природный смыслъ, дѣлающій ихъ способными ко всему человѣческому. Въ нихъ большая доля жизненности и теплоты сердца. Въ разумѣ Россіи много еще неразвитаго. Но онъ разовьется, ибо Россія уже идетъ путемъ развитія. Теплота сердца при извѣстныхъ обстоятельствахъ способна въ ней дойти до самоотверженія. Кажется, это хорошіе залоги будущаго.

Петербургъ.

— 10. Пятница. Послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, я, по совѣту врачей, 30 марта отправился за границу, чтобы тамъ, на свободѣ, чистымъ, южнымъ и здоровымъ воздухомъ поправить свое здоровье. Всего провелъ я за границей пять мѣсяцевъ и возвратился въ Петербургѣ 8-го сентября, въ среду, по Варшавской желѣзной дорогѣ.

Что же мое здоровье? Оно не возстановилось вполнѣ, но замѣтно улучшилось. Меня пугаютъ вліяніемъ здѣшняго климата—да вѣдь всю жизнь ладить надо было съ нимъ.

Дорогой я велъ краткія замѣтки. Но теперь возобновляю мой обычный Дневникъ. И такъ:

— 11. Суббота. Англія до такой степени завистлива и корыстолюбива, что она готова была бы, если бы могла, весь земной шаръ превратить въ рынокъ, гдѣ никто не могъ бы ничего продавать кромѣ нея и гдѣ бы даже не существовало другого рода людей, кромѣ торгашей и покупщиковъ.

— 12. Воскресенье. Поѣздка моя за границу не привела меня къ полному возстановленію моего здоровья, она только нѣсколько содѣйствовала его улучшенію. Впрочемъ, въ послѣднее время я меньше чувствовалъ слабости и меньше усталости, а дыханіе мое было совершенно свободно. Но вотъ дня два, какъ начался у меня кашель, а сегодня съ утра часовъ до 3-хъ я претерпѣвалъ большую слабость.

Въ концѣ концовъ, мнѣ, кажется, предстоитъ борьба физическая, похожая на ту, какую вынесъ я до поѣздки за границу. Что же тутъ дѣлать? Будемъ бороться. Надобно опять взывать къ мужеству и бодрости духа.

Хуже всего, что я, по всей вѣроятности, не въ состояніи буду продолжать моей службы въ Римско-Католической академіи.

Нельзя не признать въ человѣкѣ нѣкоторой естественной наклонности къ добру, къ уваженію нравственныхъ началъ. Это доказывается,между прочимъ, и на мнѣ. Не имѣя ни малѣйшей возможности быть полезнымъ людямъ въ томъ, что они считаютъ своею пользою и благомъ, будучи совершенно безвластнымъ, да даже безгласнымъ въ обществѣ, живя, такъ сказать, единственно по милости нашихъ служебныхъ и административныхъ предразсудковъ, я, тѣмъ не менѣе, встрѣчаю много сочувствія къ себѣ и расположенія отъ людей, которые рѣшительно ничѣмъ отъ меня пользоваться не могутъ, и встрѣчаю это единственно потому, что я честный человѣкъ и всегда былъ готовъ и словомъ и дѣломъ споспѣшествовать нравственному возвышенію человѣка, хотя въ томъ чрезвычайно мало успѣвалъ, отчасти по неспособности моей, а отчасти и по недостатку къ тому средствъ.

— 16. Четвергъ. Если вы въ искусствѣ даете мнѣ ту же грязь, какую топчемъ мы въ дѣйствительности и въ жизни, то на что оно мнѣ?

Искусство, говорятъ, украшаетъ жизнь, смягчаетъ нравы, развиваетъ вкусъ къ наслажденіямъ благороднымъ, чуждымъ всего грубаго и безобразнаго—оно отличаетъ человѣка цивилизованнаго отъ дикаря. Все это правда. Но все это касается болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго состоянія человѣка, если искусство не хочетъ имѣть никакого дѣла съ идеаломъ. Идеалъ служитъ удостовѣреніемъ, что человѣкъ можетъ быть лучше чѣмъ онъ есть, или бываетъ. Стремленіе къ идеалу есть путь къ нравственному прогрессу.

— 17. Пятница. Слышенъ запахъ войны въ воздухѣ. У насъ дѣлаются и приготовленія къ ней. Англія умѣрила нѣсколько свой энтузіазмъ къ туркамъ и ихъ звѣрству. Но она всетаки боится за Константинополь, чтобы онъ не достался Россіи. Константинополь ей нуженъ, какъ рынокъ: хлопокъ и фунты стер-

линговъ составляютъ высшій идеалъ ея въ политикѣ. Австрія допускаетъ на Балканскомъ полуостровѣ одно statu quo съ небольшими измѣненіями въ пользу славянъ. Она притворяется, что вѣритъ, будто Турція это сдѣлаетъ безъ понужденій съ чьей бы то ни было стороны, и потому явно покровительствуетъ туркамъ и враждебно смотритъ на Россію. Россія не можетъ отступиться отъ своихъ требованій, сто разъ всячески заявленныхъ Европѣ, не желая воспользоваться ни пядью земли отъ разлагающейся Турціи. Но ея усилія ни къ чему не привели, кромѣ оскорбленій со стороны Англіи и Австріи. Итакъ честь народа, который теперь находится въ сильнѣйшемъ возбужденіи, требуетъ защиты отъ оружія. Упрекаютъ наше правительство, что оно и такъ слишкомъ долго было уступчивымъ передъ наглостью своихъ недоброжелателей.

Не все веселое бываетъ умно и не все умное весело.

— 19. Воскресенье. Что же это такое? Или я дѣлаюсь уже совсѣмъ неспособнымъ для жизни?

Какія нравственныя основанія поступковъ вы придумаете для людей, которые хлопокъ и фунты стерлинговъ считаютъ высочайшею задачею жизни и цивилизаціи, а прогрессъ полагаютъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе сбывать другимъ, разумѣется съ барышемъ, фабричные продукты хлопка? Итакъ, хлопокъ и фунты стерлинговъ — вотъ въ чемъ вся мораль Англіи. И это впрочемъ ничего бы. Но зачѣмъ это отвратительное лицемѣріе, эти митинги въ пользу человѣколюбія, эти религіозныя провозглашенія, весь этотъ вздоръ глубоко развращеннаго народа, который хочетъ казаться цивилизованнымъ и христіанскимъ!

— 22. Среда. Какое то неопредѣленное, но неудовлетворительное расположеніе духа. Причина этого, конечно, въ плохо возстановляющемся здоровьѣ. Это причина физическая, но вліяніе ея простирается, безъ сомнѣнія, и на область нравственную. Какъ же тутъ быть? Надобно стараться въ нравственной области вызвать силы, которыя могли бы бороться и отстаивать себя отъ неопредѣленныхъ физическихъ влеченій. Это необходимо, другого исхода нѣтъ.

— 23. Четвергъ. Лучше оставаться въ сомнѣніи, въ нерѣшимости относительно нѣкоторыхъ вопросовъ высшаго знанія,

нежели ихъ игнорировать, или отрицать ихъ значеніе, важность и необходимость для человѣчества.

— 25. Суббота. Прогулка въ экипажѣ. На кой же чортъ была эта поѣздка за границу, когда надобно продолжать тѣ же церемоніи съ моимъ глупымъ здоровьемъ, какъ и до отъѣзда?

— 27. Понедѣльникъ. Какое то серьезное недовольство на меня налегаетъ.

Надобно призвать въ помощь всѣ свои нравственныя силы.

— 28. Вторникъ. Съ чѣмъ бы ни приходилось вамъ бороться, но главное условіе всякой борьбы есть мужество и твердое намѣреніе не поддаваться тягостнымъ впечатлѣніямъ настоящаго.

Еслибы нужно было особенное доказательство нашей умственной незрѣлости, недостатка въ насъ основательнаго знанія и вообще недостатка нашего образованія, то его нашли бы въ той ребяческой самоувѣренности и заносчивости, съ какими наши, такъ называемые передовые умы, рѣшаютъ самые трудные вопросы человѣчества.

Октябрь. — 3. Воскресенье. Все то же дурное состояніе здоровья. Иной день меньше, другой больше слабости въ тѣлѣ, а она то и составляетъ главную мою бѣду.

— 5. Вторникъ. Въ наше время доброкачественность и достоинство каждаго человѣка измѣряются не тѣмъ, уменъ ли онъ или нѣтъ—умны всѣ, а тѣмъ, въ какой мѣрѣ каждый изъ насъ способенъ отказаться отъ мысли, что онъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ.

Я врагъ всего моднаго въ наукѣ, въ искусствѣ, въ мышленіи, но это не значитъ, что я врагъ всего новаго. Новое — это дѣйствительный шагъ впередъ, шагъ прогресса. Модное—это мнимый шагъ впередъ, измѣненіе существующаго, не потому, чтобы это измѣненіе было нѣчто лучшее, но напротивъ, безъ всякой гарантіи улучшенія.

— 6. Среда . . . .

. . . .

Къ чему привела насъ внѣшняя наша политика? Россія оказывается ущемленною между крайнимъ униженіемъ и войною. Кажется, ни къ чему не повели насъ всѣ нѣжности, расточенныя нами въ такомъ обиліи передъ Пруссіей и Славянами.

И Франція становится нашимъ врагомъ.

Человѣкъ довольно гадокъ и несчастливъ, а матеріалисты стараются сдѣлать его еще гаже и еще несчастнѣе.

— 7. Четвергъ. Знанія не разъясняютъ и не въ состояніи разъяснить всего, что нужно для нашего человѣческаго существованія. Нужно прибѣгнуть къ идеямъ.

Вечеромъ, часовъ въ 11, приключилось нѣчто такое, чего я не ожидалъ. Днемъ я чувствовалъ себя довольно порядочно, гулялъ въ экипажѣ и даже съ четверть часа прошелся по Лѣтнему саду, заѣхавъ предварительно къ президенту (Ададеміи наукъ) и записавшись тамъ. Но вечеромъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ и жаръ и ознобъ вмѣстѣ съ слабостью и вдобавокъ боль въ груди. Пріѣхавшій Бессеръ (докторъ) нашелъ во мнѣ лихорадочное состояніе.

Но этотъ внезапный шквалъ въ груди, съ непріятнымъ состояніемъ въ тѣлѣ меня огорчилъ. Неужели невозможно для меня прочное облегченіе, если меня постигаютъ такъ внезапно и такъ неожиданно пароксизмы? А еще хотѣлъ завтра ѣхать въ засѣданіе Академіи. Какъ же я на будущее время могу устроить мои дѣла въ обѣихъ академіяхъ? Это крайне меня безпокоитъ.

— 9. Пятница. Вечеромъ былъ Краевскій. Онъ разсказалъ мнѣ о своемъ печальномъ положеніи, вслѣдствіе воздвигнутыхъ на него нападеній со стороны всѣхъ журналистовъ нашихъ. Поводомъ къ этому, какъ онъ самъ сознается, была ошибка его собственная. Въ одномъ изъ номеровъ „Голоса“ было сказано, при началѣ еще войны, что Сербія не приготовлена къ ней и что едва-ли благоразумно, что вассальное государство возстаетъ противъ своего сюзерена. При томъ возбужденіи умовъ, которое охватило все наше общество и народъ, это, конечно, была ошибка. Но всетаки вѣдь это было одно мнѣніе, не болѣе—и мнѣніе, притомъ, такого органа, который постоянно стоялъ за славянъ и еще важнѣе, всегда былъ на сторонѣ лучшихъ общественныхъ интересовъ, несмотря на взысканія, которымъ онъ подвергался со стороны администраціи. Какъ бы то ни было, а всѣ въ этомъ противъ „Голоса“ и его редактора, а газета „Новое Время“ наповалъ начала ругать „Голосъ“. Дошло, какъ это у насъ часто бываетъ, до самыхъ нелѣпыхъ толковъ и слуховъ—что „Голосъ“ подкупленъ англичанами и даже турками. Но вотъ, что уже изъ рукъ вонъ, какъ говорится: Орестъ Миллеръ на лекціи въ университетѣ такъ раздулъ въ студентахъ ненависть противъ „Го-

лоса“, что, говорятъ, они хотятъ послать ему ругательный протестъ.

Я ни за кого не стою, тѣмъ болѣе, что невозможно добиться, гдѣ правда. Но мнѣ жаль Краевскаго. Онъ своею газетою много содѣйствовалъ къ разъясненію нашихъ нуждъ, а ему приписываютъ уже чортъ знаетъ какія гадости. Но главная вина его въ глазахъ его собратьевъ по ремеслу, не въ его газетной ошибкѣ, а въ томъ, что постояннымъ трудомъ и трудомъ полезнымъ для общества, въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ пріобрѣлъ порядочное состояніе и газета его въ послѣднее время достигла до 17000 подписчиковъ.

Война, кажется, рѣшена окончательно.

Кто въ настоящее время хотѣлъ бы у насъ разсуждать, тотъ сдѣлалъ бы непростительную ошибку: вездѣ только гвалтъ, крики, шумъ. Всякое разумное слово будетъ заушено и пришиблено. Это родъ всеподавляющаго террора.

— 10. Воскресенье. Когда опытъ и лѣта разоблачаютъ предъ вами жизнь, вы чувствуете ея пустоту и ничтожество. Только въ неопытности и незнаніи ея заключаются настоящія основы дѣятельности. Поэтому понятно, что молодость дѣйствуетъ сильно и живо, и упрекать ее въ этомъ было бы и несправедливо и глупо. Это значило бы упрекать ее въ томъ, что она дѣятельна и жизненна.

— 11. Понедѣльникъ. Существуетъ ли какое нибудь ограниченіе для человѣческихъ поступковъ, кромѣ внѣшнихъ условій природы и наличнаго порядка вещей? Другими словами: существуетъ ли законъ внутренній, законъ совѣсти, нравственный законъ, который бы ограничивалъ наши поползновенія къ такимъ или другимъ дѣяніямъ?

Были ошибки противъ правилъ благоразумія въ моей жизни, были проступки, но преступленія или дурныхъ дѣлъ не было. А всетаки приходится теперь отвѣчать за все сдѣланное, даже въ давно прошедшемъ. Надобно же, по крайней мѣрѣ теперь, избѣгнуть малодушнаго и тщетнаго сѣтованія, зачѣмъ то было сдѣлано такъ, а не иначе или это не сдѣлано. Хуже всего былъ бы упадокъ духа.

— 13. Среда. Каждый день начинается мыслью: борись и крѣпись!

— 14. Четвергъ. Едва ли настоящая минута не самая благопріятная для Россіи, чтобы съ честью выйти изъ своего затруднительнаго политическаго положенія. Она можетъ начать войну, не опасаясь навязать себѣ европейскую коалицію.

— 23. Суббота. Нѣсколько предыдущихъ дней было недурно, а сегодня опять неудовлетворительно.

Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе!

Цивилизація, служащая источникомъ всякаго прогресса, въ самомъ дѣлѣ производитъ великія вещи. Она дѣлаетъ человѣка умнѣе, знающѣе, увеличиваетъ его внѣшнее благосостояніе и проч. и проч., но взамѣнъ она дѣлаетъ его коварнѣе и безнравственнѣе. Онъ меньше дѣлаетъ открытаго, грубаго зла своему ближнему, но втайнѣ подкапываетъ его благо, его честь. Строить ему всевозможныя козни онъ считаетъ для себя за ничто: это значитъ искусство жить. Главное, онъ убиваетъ въ себѣ вѣру во все высшее. Человѣкъ по количеству, а не по качеству способностей своихъ выше животнаго. Вотъ и все, чего добилась современная наука. Вѣроятно, она измѣнитъ современемъ эту гипотезу, которая, однако, теперь составляетъ краеугольный камень всѣхъ дѣлъ и системы человѣческихъ поступковъ. Цивилизація только усовершенствовала и, правду сказать, довела до высокой степени совершенства наши способности. Но далѣе, куда же мы пойдемъ?

Когда нахалъ безъ всякаго серьезнаго образованія и знаній, съ одними фразами фельетоннаго глумленія, можетъ завладѣть общественнымъ мнѣніемъ нашимъ, такъ чего же стоитъ это мнѣніе.

— 30. Суббота. Былъ одинъ чрезвычайно благопріятный моментъ для нашихъ нынѣшнихъ дѣлъ относительно Славянъ и въ Турціи. Это когда Европа предоставила Россіи начать въ Турціи военное экзекуціонное движеніе. Мы могли предложить Турціи свой ультиматумъ. Мы и предложили его съ требованіемъ отвѣта въ 18 часовъ. Дѣло шло о перемиріи и объ условіяхъ будущаго мира, между которыми главное было—гарантія въ исполненіи условій договора со стороны турокъ при содѣйствіи нашей оккупаціи. Что же вышло? На перемиріе турки согласились, сокративъ шестимѣсячный срокъ на двухмѣсячный. О прочемъ ни слова. Мы это и приняли. И вотъ опять открыты въ теченіе двухъ

мѣсяцевъ двери для всевозможныхъ дипломатическихъ увертокъ и интригъ. Между тѣмъ приготовленія къ войнѣ дѣлаются самыя значительныя. Почему же такая медленность и отсрочка? Общее неудовольствіе по поводу нашихъ колебаній и нерѣшимости.

Ноябрь.—2. Вторникъ. Скверно, гнусно. Если ужъ умирать, такъ зачѣмъ такія церемоніи? То хуже, то лучше. Въ тѣлѣ слабость.... хоть не столь большая, чтобы мѣшала мнѣ ходить по комнатѣ. И все такое неладное, и въ груди сидитъ врагъ, который, хотя теперь (2 часа) молчитъ, но къ ночи, вѣроятно, запуститъ въ меня свои когти.

О, природа умѣетъ мстить намъ за наши ошибки.

Но не будемъ же малодушны и станемъ по возможности отстаивать свою жизнь, а когда природа насъ захочетъ совсѣмъ прибрать къ своимъ рукамъ, будемъ повиноваться ей безъ малодушія и ропота.

— 7. Воскресенье. Все гадко попрежнему. Что такое турки? Стая бѣшенныхъ собакъ, ошалѣвшихъ отъ сознанія своего безсилія. А что такое англичане? Цивилизованный народъ, извлекшій изъ прогресса основаніе рыночной политики.

— 9. Вторникъ. „Голосъ“ находится въ страшной враждѣ съ „Новымъ Временемъ“ съ самаго дня существованія послѣдняго. Въ сегодняшнемъ № 310 „Голоса“ помѣщена большая статья по поводу воинственнаго азарта „Новаго Времени“, которое всячески клеймитъ его, „Голосъ“, за наклонность, будто бы, къ миру во что бы то ни стало.

Нѣтъ хуже деспотизма, какъ деспотизмъ толпы, особенно величающей себя либеральною.

„Вотъ я собирался къ вамъ все навѣстить васъ, да страшно былъ занятъ“, сказалъ одинъ господинъ другому хорошему своему знакомому. „Э, полноте“, отвѣчалъ этотъ: „довольно и того между пріятелями, если они не подкапываются другъ подъ друга“.

— 10. Среда. Содѣйствуя злодѣйствамъ турокъ, Англія ставитъ себя у позорнаго столба исторіи.

— 24. Среда. Пока живъ, будь мужемъ!

— 26. Пятница. Произошло нѣчто, подобное избіенію младенцевъ. Разомъ запрещены или пріостановлены четыре газеты:.

„Новое Время“, „Русскій Міръ“, Биржевыя Вѣдомости“ и „Биржевая Газета“. За что? Говорятъ, что-то болтали о водкѣ и финансахъ нашихъ. . . . .

Природа и жизнь не иное что, какъ неустающая, безконечная игра силъ, ни значенія, ни цѣли которой мы не знаемъ. Разумъ вноситъ въ эту игру нѣчто похожее на цѣль и порядокъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается человѣчества. Кое что дѣлаетъ въ этомъ отношеніи и такъ называемая цивилизація. Но это кое что подвергается безпрерывнымъ колебаніямъ и извращенію. И вотъ такъ-то человѣчество живетъ, и иначе оно и жить не можетъ. А игра продолжается и будетъ продолжаться безконечно.

— 30. Вторникъ. Императорскій титулъ считается выше королевскаго, слѣдовательно, англійская королева, принявшая титулъ индійской императрицы, тѣмъ самымъ объявила себя мусульманской государыней и поставила Англію, какъ королевство, ниже новой имперіи. Великая честь для Англіи!

Декабрь.—1. Среда. Крѣпче и крѣпче держись за духъ!

Я серьезно начинаю думать, что лучше умереть, чѣмъ жить такъ, какъ я живу вотъ уже годъ.

— 2. Четвергъ. Часто я борюсь съ воспоминаніями о моемъ прошедшемъ. Сколько ошибокъ! Сколько нелѣпостей и заблужденій! Какія я самъ своею глупостью воздвигалъ помѣхи и внѣшнему своему благосостоянію и духовному усовершенствованію. Эти воспоминанія часто грызутъ меня, какъ какія-то злыя насѣкомыя, вылѣзающія изъ своихъ темныхъ логовищъ. И вотъ здѣсь-то нужно мужество, чтобы не поддаваться безплодному горю. Зло неисправимо въ прошедшемъ, но надобно, чтобы его не было въ настоящемъ и будущемъ. Великое малодушіе предаваться сѣтованію о томъ, чего исправить нельзя. Раскаяніе ведетъ къ смиренію, но смиреніе не есть малодушіе.

Терпѣніе въ настоящемъ, а въ будущемъ рѣшимость на все, даже на гибель.

Я теперь ничто для общественной дѣятельности и должно быть погруженъ исключительно въ себя самого и для себя—пока и для себя и для другихъ буду уже полное и совершенное ничто.

— 3. Пятница. Еще одинъ банкъ опрокинулся—банкъ Бай-

макова, издателя „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Потерпѣвшихъ, говорятъ, тысячъ до 3-хъ неповинныхъ людей—нѣтъ, виноватыхъ въ томъ, что они довѣрились кредиту, не существующему въ Россіи. Въ Москвѣ, говорятъ, страшное число банкротствъ. Благо есть на что ссылаться—на войну.

Невольно вспомнишь стихи покойнаго графа Толстаго:

Зашаталася, голубушка моя,
Заворовалася, запилася.

— 6. Понедѣльникъ. Произошла какая-то свалка у Казанскаго собора. Какіе-то неизвѣстные революціонеры задумали произвести демонстрацію. Разумѣется, полиція ихъ остановила и, говорятъ, публика была за одно съ ней. Что это такое—неизвѣстно. Только ходятъ по городу одни слухи, въ которыхъ, разумѣется, никакого толку нельзя добиться. Остается ждать разъясненія.

— 11. Суббота. Съ 15-го ноября морозы отъ 10° до 15°, а пять или шесть дней тому назадъ постоянно доходили до 24 и 25. На Невѣ, говорятъ, до 30 и даже выше.

Вчера въ газетахъ, (сперва въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", а потомъ въ „Голосѣ") о происшествіи на площади у Казанскаго собора . . . .
. . . . (Было) знамя съ надписью „Воля и земля" и рѣчь—впрочемъ, не конченная—въ такомъ же вкусѣ одного изъ коноводовъ. Предполагалось идти къ Зимнему дворцу и чего-то требовать. Полиція начала арестовывать виновниковъ. Народъ помогалъ полиціи. Успѣли забрать болѣе 30 человѣкъ, между которыми 11 женщинъ. Народу было множество. Словомъ, это была какая-то безумная попытка . . . .
Все это въ высшей степени безсмысленно, конечно, а теперь особенно, и вредно передъ готовностью нашею къ войнѣ.

— 23. Четвергъ. О, русская земля! . . . .
Трудную и плачевную эпоху переживаетъ Россія! Неужто придется смириться передъ Англіей? . . . .

А какая неурядица внутри! Европа все это знаетъ и, какъ она насъ ненавидитъ, то естественно и радуется, думая, что войны мы поднять на свои плечи не въ состояніи—а миръ и позоръ для насъ синонимъ.

О Данилевскомъ, историкѣ XII года, говорится, что онъ, ко-

нечно, неизмѣримо уступаетъ, какъ баснописецъ, Крылову, но превосходитъ его вымыслами.

Князь Чернышевъ былъ тогда министромъ военнымъ, и этотъ историкъ представилъ его чуть не первымъ полководцемъ Европы и спасителемъ Россіи.

Что человѣкъ? отчасти животное, отчасти жертва.

— 27. Понедѣльникъ. Нѣсколько дней занимался составленіемъ обычнаго отчета по II Отдѣленію Академіи наукъ за сей годъ, диктуя. Сегодня отправилъ совсѣмъ готовый къ Гроту.

Вчера извѣстилъ на повѣсткѣ, что не могу быть на сегодняшнемъ молебнѣ по болѣзни.

Мы до сихъ поръ составляемъ какую-то странную посредственность. Мы держава не слабая, но и не сильная. Мы грозимъ и постоянно уступаемъ. Мы играемъ въ образованность и цивилизацію и не прогрессируемъ ни въ чемъ, что касается благоустройства и улучшенія быта общественнаго и нравовъ.

Говорятъ, что нашъ народъ одаренъ хорошими умственными способностями и добродушіемъ, и въ то же время, однако, онъ и образомъ жизни и нравами недалеко отходитъ отъ дикарей. Мы надѣлали у себя и свободу, и суды, а между тѣмъ улепетываемъ отъ нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Чортъ знаетъ, что это такое. Мы не европейская и не азіатская держава: у насъ пороки европейцевъ и азіатцевъ, а своихъ добродѣтелей мы выработать не успѣли. Однимъ словомъ, повторяю, это чортъ знаетъ, что такое!

Говорятъ, что многія молодыя женщины, приставшія къ выходкѣ у Казанскаго собора—иныя только изъ любопытства замѣшавшіяся между другими—избиты толпою чуть не до полусмерти. Въ этомъ видятъ патріотическое настроеніе массы! На знамени было написано: „Земля и воля". Въ толпѣ это разтолковали, что, вотъ, бунтовщики хотятъ у народа отнять землю и волю, которыя уже даны имъ царемъ.

Бодрость духа! бодрость духа!

— 29. Среда. Сегодня торжество юбилея въ Академіи. До меня, собственно, ничего нѣтъ касающагося. Я дома сражаюсь съ моимъ недугомъ.

Что значитъ умереть? Умереть значитъ перестать существовать и большею частью перестать терпѣть зло, которымъ исполнено существованіе.

1877 годъ.

Январь.—1. Суббота. Боленъ, боленъ и все боленъ. То я укрѣпляюсь въ мысли, что пусть будетъ, что будетъ, но не надобно ни въ какомъ случаѣ терять бодрости и присутствія духа хотя бы пришлось погибнуть; то я унываю и падаю духомъ. Такъ идетъ день за днемъ.

Какъ бы то ни было, а я каждый день начинаю воззваніемъ къ бодрости духа, хотя дѣйствіе этого воззванія не всегда продолжается цѣлый день.

— 8. Суббота. Война или миръ? Вотъ вопросъ, съ которымъ всѣ обращаются другъ къ другу, и никто ничего не понимаетъ. Константинопольскія дѣянія совершенный хаосъ. Одно только очевидно, что Европа гніетъ въ своихъ матеріальныхъ міросозерцаніяхъ и ей никакого дѣла нѣтъ до общечеловѣческихъ вопросовъ. И другое также очевидно—что она ненавидитъ Россію и ей хочется втянуть ее въ войну, для нея не желанную и тяжелую, и взвалить на ея плечи всѣ пагубныя послѣдствія этой войны. Какъ мы поступили покрыто непроницаемымъ мракомъ.

Европа обращается съ нами то съ насмѣшливымъ снисхожденіемъ, то съ прямымъ невниманіемъ, видя въ насъ только ребяческую заносчивость и дѣтское легкомысліе.

Самая скверная черта характера—слабосиліе, соединенное съ заносчивостью.

Мы смѣемся надъ турецкой конституціей, а между тѣмъ, это мастерское созданіе лукаваго Альбіона, прямо направленное противъ Россіи. И что вы скажете на это?

Запрещена новая газета: „Собесѣдникъ"— которой вышло всего 7 номеровъ. . . . .
Я прочелъ мѣсто, подавшее къ этому поводъ въ 1-мъ номерѣ. Конечно въ немъ нѣтъ ничего ужаснаго въ цензурномъ смыслѣ: можно упрекнуть издателей только въ неловкости и въ нѣ-

сколько неприличномъ шутливомъ тонѣ (нѣкоторыхъ подробностей......). Статья заимствована изъ Revue des deux Mondes. Редактору „Собесѣдника“ велѣно подать въ отставку.... Жаль мнѣ его несказанно: это одинъ изъ достойныхъ людей и вовсе не либералъ въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову...... Напротивъ, онъ консервативнаго образа мыслей.

Въ Турціи конституція. Конечно Турція немного смѣшна съ этой конституціей........................

Ты не умѣлъ по закону житейской мудрости создать своего благосостоянія, такъ не сѣтуй же ни на кого, кромѣ самого себя.

— 15. Суббота..........................

Что было сперва мнѣніемъ, то не должно превращаться въ предразсудокъ.

— 16. Воскресенье. Успѣхъ часто зависитъ единственно отъ того, въ какой мѣрѣ мы угождаемъ современному вѣку, какъ бы онъ ни былъ нелѣпъ, и требованіямъ извѣстнаго круга людей.

Наши славянофилы болѣе славяне, чѣмъ самые славяне. Славянамъ въ Турціи дѣйствительно невыносимо дурно, и что, наконецъ, они возстали это совершенно естественно. Но славянамъ австрійскимъ живется недурно: вѣдь у нихъ есть гражданская безопасность...... Что же касается до національнаго единства, то его у славянъ никогда не будетъ—у нихъ вѣчная рознь. Если бы не мадьяры, то имъ ничего лучшаго не нужно было бы у Габсбурга. Мадьяры одна больная сторона у австрійскихъ славянъ; съ этимъ, конечно, надобно бороться, но не въ смыслѣ отторженія отъ Австріи.

— 27. Четвергъ. Въ 24-омъ номерѣ газеты „Голосъ“ обнародованъ юмористическій циркуляръ нашего канцлера о знаменитой Константинопольской конференціи. Я называю его юмористическимъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ заключаетъ въ себѣ скрытую, но ядовитую насмѣшку надъ европейскими кабинетами. Смыслъ циркуляра таковъ: „вѣдь вы плуты — это всѣмъ извѣстно. Сознайтесь же въ этомъ“.

Между тѣмъ вотъ и визирь, провозгласившій въ Турціи конституцію, смѣненъ султаномъ и сосланъ. Комедія, сущая комедія! Что то скажетъ на это Джонъ-Буль, сочинившій турецкую конституцію.

— 30. Воскресенье. Прекращена розничная продажа „Го-

лоса“ за статью Маркова въ фельетонѣ о недовѣрчивости по земскимъ училищамъ, да за статью въ томъ же номерѣ о судебныхъ слѣдователяхъ.

Февраль. — 2. Среда. Сегодня весь день такъ дурно я себя чувствовалъ, такое истощеніе силъ, что мысль о смерти показалась мнѣ утѣшительною.

— 3. Четвергъ. И что тутъ необыкновеннаго или страшнаго? Особенно, когда привыкнешь къ этой мысли — а привыкнуть къ ней вовсе не такъ трудно, какъ кажется съ перваго раза.

Есть двѣ вещи, съ которыми трудно примириться человѣку—это всероссійская администрація и медицина.

Надняхъ было у меня засѣданіе объ изданіи сочиненій князя Петра Андреевича Вяземскаго. На немъ присутствовали графы С. Д. Шереметевъ, Гротъ, Бычковъ и Барсуковъ.

Вся исторія основана на умышленномъ или неумышленномъ обманѣ людей, стремившихся возвыситься надъ другими, на недостовѣрныхъ преданіяхъ, на недоразумѣніяхъ и на теоріяхъ, или на такъ называемыхъ научныхъ пріемахъ объясненій необъяснимаго.

Можетъ-ли народъ, одаренный блестящими и даже геніальными способностями и снабженный всѣми дарами цивилизаціи, сдѣлаться грабителемъ? Можетъ, безъ сомнѣнія — доказательствомъ тому служитъ народъ англійскій.

Другой цивилизованный, въ высшей степени даровитый народъ, можетъ-ли пасть до того, чтобы повиноваться битому солдату и шайкѣ интригановъ? Можетъ—примѣромъ служатъ французы.

Іюнь.—19. Воскресенье. Скука, тоска, дождь и холодъ, холодъ и дождь, особенно послѣдній. Лѣта въ Петербургѣ нѣтъ. Медицина предполагала, что прогулки на дачѣ помогутъ мнѣ— и хорошій воздухъ тоже; а вотъ я сижу въ комнатѣ безвыходно и страдаю, какъ страдалъ въ городѣ.

А все же въ этомъ положеніи надобно опираться на внутреннюю свою силу и мужественно бороться со всякими злами.

Нѣсколько дней, какъ наши перешли Дунай.

26-го мая, въ четвергъ, переѣздъ на дачу въ Павловскъ, въ домъ Громовой. День былъ прелестный, жаркій.

Весь іюнь въ холодахъ. Пять дней только было теплыхъ. Мнѣ воспрещено выходить на воздухъ.

— 27. Понедѣльникъ. Борьба и мужество. Интересы Англіи становятся комическимъ выраженіемъ въ устахъ перваго ея министра. Эти интересы, вотъ видите ли, дѣлаютъ зависимыми отъ Англіи всѣ народы.

Іюль.—19. Вторникъ. Здоровье гнусное, прегнусное; лѣто гнусное, прегнусное; человѣчество гнусное, прегнусное, потому что попускаетъ туркамъ рѣзать и жечь людей, а Европа занимается дипломатіей. Англія своими интересами. Трудно уберечься отъ глубокаго презрѣнія ко всему, что̀ живетъ и мыслитъ. Но надобно, по крайней мѣрѣ, беречься отъ страданія, насколько это возможно твердому и мужественному духу.

Вѣтеръ завываетъ, какъ лютый звѣрь. Дождь, мракъ.

— 20. Среда. Побѣды за побѣдами при вторженіи въ Турцію: это былъ медовый мѣсяцъ для насъ войны. Теперь—неудача въ Малой Азіи, проиграно сраженіе при Плевнѣ и какое то мрачное молчаніе, лишающее насъ свѣдѣній объ арміи . . . . . .

Строки эти, написанныя уже дрожащимъ почеркомъ, были послѣднія. На слѣдующее утро перо выпало навсегда изъ рукъ автора. Исканіе правды, жажда любви, стремленіе къ идеалу нашли наконецъ себѣ удовлетвореніе въ вѣчномъ Источникѣ всякихъ совершенствъ и слились съ Нимъ въ новой неугасаемой жизни, мысль о которой, освѣщая потемки земного существованія, мирила съ нимъ усопшаго.

Болѣзнь, унесшая Александра Васильевича, была грудная жаба. Онъ много и тяжело страдалъ, но кончина его была безмятежна: онъ буквально заснулъ. Наканунѣ, вечеромъ, Александръ Васильевичъ горячо бесѣдовалъ съ окружающими, поражая ихъ бодростью духа и ясностью мысли. Пламеннное участіе къ судьбѣ Россіи, переживавшей въ ту пору тяжелые дни, живою струею звучало въ его рѣчахъ. Образъ его въ этотъ вечеръ глубоко врѣзался въ памяти близкихъ и оставилъ въ ней неизгладимый слѣдъ.

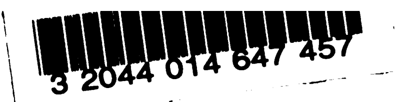
21-го іюля, послѣ ночи, проведенной почти совсѣмъ спо-

койно, Александръ Васильевичъ проснулся усталый, но безъ страданій. Онъ сказалъ, что попробуетъ еще подремать, и дѣйствительно скоро потомъ заснулъ, а спустя полчаса изъ груди его вылетѣлъ глубокій—послѣдній вздохъ.

Александръ Васильевичъ покоится на скромномъ, но поэтическомъ Павловскомъ кладбищѣ, которое, въ видѣ живописной рощи на отлогомъ холмѣ, за рѣкой, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ привлекало къ себѣ его вниманіе съ балкона дачи Мердера, по дорогѣ въ Царскую Славянку. . . . . Могила его среди цвѣтниковъ. Надъ ней простой бѣлый крестъ . . . . . вокругъ глубокая тишина и просторъ.

Ред.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.


3 2044 014 647 457



